БЕССМЕРТНЫЕ

ИЗ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Олдос Хаксли

КОНТРАПУНКТ

Оригинальное Название Poiiit счетчик Po бит

Перевод Ver Verissimo Леонель Валландро

Культурный Апрель

ГЛАВА I

- Ты не вернешься поздно? - В голосе Мейджори Карлинг было беспокойство, все, что казалось мольбой.

- Нет, я не вернусь поздно, - ответил Уолтер с несчастной уверенностью и преступник, который не говорил правду. Ее голос раздражал его. Быть немного невнятный, он имел чрезмерную утонченность даже в боли.

- Не проходи мимо полуночи.

Майджори могла бы напомнить ей о времени, когда она никогда не выходила ночью без она. Я мог бы сделать это; но я не хотел; это было против его принципов; нет он ни в коем случае не хотел навязывать любовь Уолтеру.

- Ну, скажем, час… Ты знаешь, ЧТО ЭТО ЗА встречи…

На самом деле Maijorie не знал, по уважительной причине, что, не будучи женой его не приглашали на такие вечеринки. Она

оставила мужа жить с Уолтером Бидлейком; и Карлинг, который объединил свои христианские сомнения один моль садизм, желая отомстить, отказывал ему в разводе. Тогда было два годы, которые жили вместе. Всего два года; и Уолтер уже перестал любить-Ла, я начинал любить другого. Грех терял свою единственную прости, и неприятности общественного порядка, его единственная паллиативность. И в дополнение к все, Майджори была беременна.

- Через полчаса после полуночи, - умоляла она, хотя и зная, что его назойливая настойчивость могла только расстроить его и заставить его месить еще меньше. Но он не мог не говорить; он очень любил его и ее мучила ревность. Слова ускользали от него, несмотря на его начало.

Для Мейджори и, возможно, для Уолтера было бы лучше, если бы она была Меньше принципов, чтобы дать своим чувствам насильственное выражение, которое они требовали. Но Майджори была воспитана в практике самого строгого самообладание. Я знал, что люди без образования делают “сцены”. Тот попрошайничество “через полчаса после полуночи, Уолтер” было все, что ему удалось преодолеть барьер своих принципов. Слишком слаб для тронуть его, протест большеберцовой кости бы не более чем расстроить его. Она знала это, и

но заткнуться нельзя.

- Если это возможно… - Вот что она сделала. Было раздражение в его голосе. - Но я не могу гарантировать; не ждите меня слишком точно.

Потому что, несомненно, думал Уолтер, преследуемый неумолимый образ Люси Тантамаунт, не вернется через полчаса после полночь.

Он добавил последние штрихи к белому галстуку. Прямо у его лица, внутри из зеркала за ним следило лицо Майджори. Это было бледное лицо и такое худое., что свет, падающий от электрической лампы, подвешенной над ними, сделал тень в дуплах под яблоками. Глаза были окружены темные круги. 0 прямой нос, который у нее всегда был довольно длинным, даже в наибольшей степени своей красоты он теперь сильно выделялся на шелушащемся лице. Мейджори производила впечатление

уродства, усталости и болезни. Внутри через шесть месяцев у него родится ребенок. Что - то, что было одной клеткой, группа клеток, мешочек с тканями, вид червя, рыба в потенции, с жабрами, он бился в утробе матери, и однажды он стал мужчина-взрослый мужчина, который страдает и наслаждается, кто любит и ненавидит, кто думает, кто помнишь, ты представляешь. И что было студенистой ампулой внутри его тело позже изобрело бы Бога и поклонилось бы ему; то, что было виды рыб должны были бы размножаться, и, создав их, они превратились бы в поле битвы между добром и злом; что жил во тьме внутри от нее, как паразитический червь, я бы смотрел на звезды, слушал музыка и чтение стихов. Одна вещь превратилась бы в человека, одну массу. крошечная материя превратится в человеческое тело, в человека. дух.

0 чудесный процесс творения прогрессировал в его недрах, но Майджори знала только о болезни и усталости; тайна для нее ничего не значило, кроме усталости, уродства и хронического беспокойства с отношение к будущему; это была пытка духа в сочетании с недомоганием тела. АО почувствуйте первые симптомы беременности, остались ли они или, по крайней мере, он старался быть веселым, несмотря на свои навязчивые опасения по поводу физические и социальные последствия такого события. Ребенок, судил Мейджори, я бы заставила Уолтера вернуться к ней. (Тогда он уже начинал

я иду.) Родит в нем новые чувства, которые могут восполнить все, чего, казалось, не хватало в ее любви к напарница. Она боялась боли, боялась неизбежных трудностей и смущений. Но боль и трудности были бы хорошо оплачены, если бы в конечном итоге вы они стоили обновления, возрождения любви Уолтера. Несмотря на из всего этого Майджори была довольна. И поначалу его предсказания казались оправдаться. Известие о том, что ребенок родится, стимулировало нежность Уолтер. В течение двух или трех недель она была счастлива, примирилась с боли и неприятности. Вот тогда, с одного дня на другой, все изменилось.; Уолтер нашел другую женщину. В те времена, когда я не преследуя Люси, он все еще делал все возможное, чтобы сохранить внешний вид забота. Но Майджори воспринимала в этой заботе определенную обиду; он понимал, что он опасен и внимателен из-за чувства долга и что он ненавидел своего сына, потому что тот заставлял его быть добрым к своей матери. Е поскольку Уолтер ненавидел существо, которое должно было

родиться, она начинала ненавидеть его также. Их страхи, которые счастье больше не могло стереть., они всплыли на поверхность, наполнили его духом. Боль и дискомфорт-вот что будущее оставляло его за собой. А пока уродство, болезни и усталость. Как может ли она воевать в таком состоянии?

- Ты любишь меня, Уолтер? - вдруг спросила Мейджори.

Уолтер на мгновение отвел карие глаза от изображения галстук, в котором отражалось зеркало, и смотрел на изображение ее глаз, серые и грустные, созерцательно фиксированные. Улыбаться. “Хотелось бы, чтобы она оставит меня в покое!”- подумал он с вами. Сжал губы и открыл их новый, по предложению поцелуя. Но Майджори не ответила ему на улыбку. Ваш лицо оставалось невозмутимо грустным, зацикленным на сильном беспокойстве. Эй глаза обрели дрожащий блеск, и вдруг у него появились слезы на ресницах.

- Ты не мог бы остаться со мной сегодня вечером? - умолял, несмотря на все его героические решения не применять никакого раздражающего принуждения о его любви, о том, чтобы позволить ему делать все, что он хочет.

Вид этих слез, звук этого дрожащего голоса, полный цензура, Уолтер был захвачен эмоцией, которая была в то же время

раскаяние и обида; ненависть, жалость и стыд.

“Но тогда ты не понимаешь” - вот что он хотел сказать, я бы сказал, Если бы у нее не было смелости: “ты не понимаешь, что разве вещи не являются и не могут быть более такими,какими они были? И даже, чтобы говорить о правда, они никогда не становились такими, какими ты их считал — я имею в виду-меня к нашей любви-они никогда не были тем, что я искал, притворяясь, что они были. Давайте будем друзьями, давайте будем товарищами. Ты мне нравишься, я очень тебя люблю. Но ради бога, не окутывай меня любовью, как сейчас; нет ты хочешь навязать мне любовь силой. Если бы ты знал, что такое ужасная любовь, для тех, кто не хочет любить, какое нарушение, какое возмущение…”

Но она плакала. Между их сжатыми веками слезы текли, капля за каплей. Его лицо дрожало от горя. И Вердуго был им. Уолтер ненавидел себя. “Но почему я позволяю себе увлечься шантаж

этих слез?“он спрашивал, и, спрашивая, ненавидел ее также. По длинному носу Марджори скатилась слеза.

“Она не имеет права на это, она не имеет права быть такой маленькой разумный. И почему это не может быть разумным?”

“Потому что любит меня.”

“Но я не хочу ее любви, я не хочу.”

Уолтер чувствовал, что внутри него вспыхивает холера. Майджори не было право любить его таким образом; по крайней мере, сейчас. “И шантаж” повторяю внутренне, это шантаж. Почему я стал жертвой любви о ней и о том, что однажды я уже любил ее… Но я добрался до любить ее по-настоящему?”

Майджори взяла из носового платка и начала вытирать глаза. Уолтер ему было стыдно за свои ненавистные мысли. Но она была причиной его позор; это была ее вина. Майджори должна была остаться с мужем. Они могут поддерживать связь. Дневные интервью в студии. Это было бы романтический.

“Но в конечном итоге я был тем, кто настоял на том, чтобы она пошла со мной.”

“Но у меня должен был быть здравый смысл отказаться. Я должен был знать, что это не так. это может длиться вечно.”

Майджори, однако, сделал то, о чем он ее просил; он имел отказавшись от всего, он принял социальные проблемы из любви к нему. Другой своего рода шантаж. Уолтер возмущался призывом, в котором жертвы это имело значение для его чувства порядочности и чести.

“Но если бы у нее была хоть какая-то порядочность и честь, - подумала она, - нет я бы исследовал свои чувства.”

Но там был ребенок…

“Почему, черт возьми, она позволяет ребенку прийти в мир?”

Ненавидел сына. Он вырастил свою ответственность перед своей матерью, он еще больше виноват в том, что заставил ее страдать. Уолтер посмотрел в лицо де Майджори, мокрый от слез.

Беременность сделала ее такой уродливой, такой старой… Как женщина могла подождать… ? Но нет, нет! Уолтер закрыл глаза, он покачал головой в едва заметном вздрагивании. Мысль неблагородный должен быть отвергнут, окончательно отстранен.

“Как я могу думать о таких вещах?”- спрашивал он от себя к себе.

Слышал, как она повторяла: - Не уходи! - Как этот тонкий, утонченный голос и тащила его нервы! - Пожалуйста, Уолтер, не уходи.

В голосе Майджори чувствовался рыдание. Больше шантажа. Ах, как может ли она быть такой низкой? Однако, несмотря на свой позор, и даже из-за этого стыда Уолтер продолжал чувствовать позорные эмоции с интенсивностью, которая, казалось, усиливалась больше, чем что уменьшить. Его нелюбовь к Майджори росла, потому что он стыдно за это чувство; болезненные ощущения стыда и ненависть к себе, которую она заставила его испытать, была для Уолтера еще один источник недовольства. Обида порождала стыд, а стыд за его вместо этого он создавал больше обид.

“О, почему она не оставляет меня в покое?“Я хотел этого яростно, интенсивно, с раздражением, которое было тем более диким, более сдержанный. (Потому что ему не хватало жестокого мужества, чтобы выразить это желание; жалел ее, желал ей добра, несмотря ни на что; не мог быть открыто и откровенно жестоко - было жестоко только по слабости, против своей воля.) “Почему она не может оставить меня в покое?“Было

она хотела бы ее гораздо больше, если бы она просто оставила его в покое; и Майджори она будет чувствовать себя намного счастливее. Намного, намного счастливее. Это было бы для вашего собственное благо… Но внезапно Уолтер осознал свое лицемерие. “В конце концов — какого черта! - почему она не позволяет мне делать чего я хочу?“Но он хотел Люси Тантамаунт. Хотел то, что он хотел против разума, против всех его идеалов и принципов, безумно, против ваших собственных желаний, даже против ваших собственных чувств потому что он не любил Люси; на самом деле, он ненавидел ее. благородный конец может оправдывать позорные средства. Но когда дело доходит до постыдного конца? Быть из-за Люси он заставлял Марджори страдать-Майджори, что любил, приносил жертвы ради любви к

нему, был несчастен. Но это несчастье превратилось в шантаж.

- Останься со мной сегодня вечером, — умоляла она еще раз.

Была часть духа Уолтера, которая хорошо восприняла мольбы любовник, который хотел, чтобы он бросил вечеринку и остался дома. Но другой часть была сильнее. Уолтер ответил Майджори ложью-носки ложь, которая в силу элемента истины, который они заключили, оправдание, но лицемерие, они были более серьезными, чем откровенная ложь.

Уолтер провел рукой по телу Мейджори. Этот жест был в это ложь.

— Но, моя дорогая, — возразил он тоном лести того, кто просит ребенка вести себя разумно-я действительно мне нужно идти. Как ты знаешь, мой отец присутствует. - Это правда. Старое Бидлейк всегда ходил на вечеринки Тантамунтов. - Мне нужно поговорить с ним. Бизнес-добавил смутно и с важностью, вставив этим волшебным словом некую дымовую завесу мужские интересы между его личностью и Майджори.

Но ложь, подумал он, должна быть прозрачно видна сквозь от дыма.

- Ты не мог бы поговорить с ним в другой раз?

- И важно, - ответил Уолтер, качая головой. — Кроме того - собрался, забыв, что несколько оправданий иногда меньше убедительно, чем один — Леди Эдвард пригласил директора ДУМ

американская газета особенно из-за меня. Человек может быть мной полезно; ты знаешь, что они платят, как навабы. - Что вам Леди Эдвард он сказал, что пригласит журналиста, если он еще не вернулся в Америка, как она и предполагала. - Действительно, платят очень хорошо, - продолжил он Вальтер, сгущая курительную завесу с бесполезными особенностями безличный порядок. - Это единственное место в мире, где писатель может быть переплаченным. - Пытался посмеяться. - И мне действительно нужен этот режим чтобы компенсировать наши; 2 гинеи за тысячу слов. - Сжал Майджори с сильнее, наклонил голову, чтобы поцеловать ее. Но она отвернулась. — Мейджори, — умоляла она, - не плачь. Пожалуйста.

Он чувствовал себя виноватым и несчастным. Но-о! - почему она не оставила его в мир, мир?

- Я не плачу.

Но губы Уолтера коснулись влажного, холодного лица.

- Мейджори, я не пойду, если ты не хочешь, чтобы я уходила.

- Но я хочу, чтобы ты ушел — - возразила она, все еще сохраняя лицо вернуться.

- Ты не хочешь. Я останусь.

- Ты не должен оставаться. - Майджори посмотрела на своего товарища и сделала усилие улыбаться. - И глупость моя. Было бы абсурдно перестать говорить. с твоим отцом и американским журналистом.

Его собственные предлоги, которые были возвращены ему таким образом,, они казались ему особенно тщетными и неубедительными. Уолтер сделал жест, который переводил своего рода отвращение.

- Они могут подождать, - ответил он. Была записка холеры в его

голос.

Гнев по отношению к себе, за то, что он так извинился лжецы (почему я не могу сказать вам грубую, жестокую правду без ребусы? В конце концов, она уже знала); и Уолтер разозлился на Майджори потому что она напомнила ему о его лжи. Хотел бы я, чтобы они упали в колодец. из забвения, и они стояли там, как будто их никогда не произносили.

- Нет, нет; я хочу сказать… Это было глупо. Извинение.

Сначала Вальтер сопротивлялся, отказался уезжать, настоял на том, чтобы остаться. Теперь, когда не было никакой опасности быть вынужденным сделать это, он мог настаивать. Почему Майджори, естественно, я твердо решил отпустить его. Это был возможность, которую он имел, чтобы показать себя благородным и готовы к жертве; это стоило ему немного, это было действительно бесплатно. Какая ненавистная комедия! Но

представлял ваша роль. На мысе он согласился пойти, как будто, не оставаясь, он сделал любовник особая услуга.

Майджори завязала ему на шее шелковый шарф, принесла ему высокую шляпу и перчатки и дал ей легкий поцелуй на прощание, сохраняя храбрый внешний вид удовлетворенности. У него была его гордость и его кодекс чести. в любви; и, несмотря на несчастье, несмотря на ревность, сохранялось верный своим принципам - он должен был быть свободным; он не имел права вмешиваться в жизни Уолтера. В остальном лучшая политика заключалась в том, чтобы не вмешиваться в его дела. По крайней мере, так ему казалось…

Уолтер закрыл за собой дверь и пошел в прохладу. вечерний. Преступник, который бежал с места своего преступления, который бежал в зрелище жертвы, которое бежало от сострадания и раскаяния, не могло чувствовать более глубокое облегчение. На улице он глубоко вздохнул. Я был свободен. Свободный от воспоминаний, свободный от ожиданий. Бесплатно в течение часа или два я мог отказаться признать существование прошлого и будущего. Свободный жить только во времени и в настоящем месте, в том месте, где это произошло. найти свое тело. Свободный-но разорение было тщетным; он продолжал вспомнить. Бежать было не так просто. Ее голос преследовал его. “Я настаиваю на том, что пойти.“Его преступление было одновременно мошенничеством и убийством. “Я делаю точку.” С каким благородством он протестовал! И, наконец, с каким великодушием я сдался! Это был обман, увенчанный жестокостью.

- Боже Мой! - почти вслух сказал Уолтер. - Как я мог это сделать это? - Его преследовали, а также он восстал против себя. - Но если в если бы она не оставила меня в покое! Почему это не может быть разумным?

Слабая и бесполезная холера снова взорвалась внутри него. Думал о времени в что их желания были другими. Все его амбиции заключались в том, чтобы не остаться в мир ей. Это поощряло преданность Майджори.

Он вспомнил виллу, в которой они оба жили, один с

другой, месяц за месяцем, среди одиноких холмов. Вид из

Беркшира! Но 1,5 мили отделяли их от ближайшего села.

О! - вес этого борнала, полного провизии! Грязь, когда шел дождь! И ведро, которое нужно было поднять из колодца с помощью рукоятки. Колодец более 30 метров в глубину. Но из-за тяжелых обязательств, таких как то, что вытаскивает ведро, был ли этот сезон действительно удовлетворительным? Был бы он по-настоящему счастлив с Марджори-по крайней мере, так счастлив, как вы предполагали, что это должно быть, что это должно быть в таких обстоятельствах? Это могло быть похоже на Эпипсихидион; но не снаружи… Может быть, потому что он слишком сознательно хотел, чтобы это было так, потому что он искал обдуманно моделировать свои чувства и жизнь обоих соответственно с поэзией Шелли.

- Мы не должны воспринимать искусство слишком близко к письму. -Помнил Уолтер, чем его зять Филип Куорлз сказал ему однажды ночью, когда они говорили о поэзии. - И особенно в отношении любви.

- Даже когда это правда? - спросил он.

- Поэзия может быть слишком правдивой. Чистый, как вода дистиллированный. Когда истина есть ничто, кроме истины, она неестественна; абстракция, которая ни с чем не похожа на реальный мир. В природе есть всегда так много странных вещей, смешанных с основной истиной! Вот почему искусство трогает нас именно потому, что оно очищено от всех примесей из реальной жизни. Настоящие оргии никогда не бывают такими захватывающими, как книги порнографический. В томе Пьера Луи все девушки молоды и у них идеальные формы; нет ни икоты пьянства, ни неприятного запаха изо рта, ни усталость, ни скука, ни внезапные воспоминания о счетах к оплате или письмах рекламные ролики, чтобы ответить; ничего из этого, чтобы остановить восторги. А искусство дает нам абсолютно чистые ощущения, мысли, чувства; это, химически чистые. - И добавил он со смехом: - нет морально.

- Но Эпипсихидион-это не порнография — - возразил Уолтер.

- Нет, но он так же чист с химической точки зрения. Как это этот сонет Шекспира?

My mistress ‘ eyes are nothing like the sun;

Coral isfar more red than her lips ‘ red:

Ifsnow be white, why then her breasts are dun; Ifhairs be wires, black wires grow on her head.

Ihave seen roses damask’d, red and white,

But no such roses see I in her cheeks;

And in some perfumes is there more delight Than in the breath thatfrom my mistress reeksf 1 ˆ

- И так далее. Он взял поэтов много к лирике и был реагировать. Пусть это послужит вам предупреждением!

Филипп был прав, это было ясно. Те месяцы в вилле не были абсолютно как Epipsychidion или La Maison du Berger. Был колодец и прогулка до деревни… Но даже если не было ни колодца, ни прогулка, хотя у него была абсолютно чистая Марджори, все это было бы лучше? Может быть, это было даже хуже. Химически чистая Марджори могла было хуже, чем Марджори, закаленная примесями.

Эта утонченность ее, например, эта холодная добродетель, бескровная и духовными были вещи, которыми он восхищался на расстоянии и теоретически. Но в практика и близко? Из-за этой добродетели, из-за этой духовности. утонченный, культивируемый и без пыла, в который он влюбился; за эту добродетель и за несчастье Марджори; потому что Карлинг был квалифицированным субъектом. А благочестие превратило Уолтера в странствующего рыцаря.

Любить, думал он тогда (потому что в то время ему было всего 22 года, это было пылко чисто, этой подростковой чистоты сексуальных желаний вывернувшись наизнанку, он только что покинул Оксфорд, переполненный поэзией и лукубрации философов и мистиков), любовь-это обмен идеями, любовь-это духовное общение и дух товарищества. Это была настоящая любовь. Особый сексуальность была лишь вспомогательной вещью-неизбежной, потому что, к сожалению, у людей были тела; но нечистота, которую нужно было сохранить как можно больше на последнем плане.

Горячо чистый, с пламенем молодых желаний искусственно наученный гореть на ангельском плане, он восхищался этой утонченной чистотой и Серена, которая в Майджори была продуктом естественной прохлады, жизненной силы врожденно бедный.

- Ты такая хорошая,-сказал он ей. - Кажется, все это приходит к тебе так естественно… Я хотел быть таким же хорошим, как ты.

Это было то же самое — и он не осознавал этого-что он хотел быть наполовину мертвым. Под этим видом нерешительной застенчивости Уолтер, очень чувствительный, был горячо жив. На самом деле ему было трудно быть хорошим, как это была Майджори. Но он старался быть им. Тем временем он восхищался доброта и ее чистота. И это стало сенсибилизированным — по крайней мере, на сегодняшний день в котором началось раздражение и раздражение-из-за преданности этой существо; он был польщен восхищением, которое вдохновляло его.

Направляясь к станции Chalk Farm, Уолтер он внезапно вспомнил историю, которую рассказывал об этом его отец от итальянского шофера, с которым он однажды говорил о любви. (у старика было настоящий гений, чтобы тянуть за язык людей; все виды людей, даже слуги, даже рабочие. Уолтер завидовал ему этим талантом.) Некоторые женщины, по словам шофера, были похожи на гардеробы. Сон ест кассеттони. С какой грацией старик рассказывал анекдот! Они могут быть красивой, как нам угодно; но какая польза от того, чтобы у нас была прекрасная охрана-одежда на руках? Какая польза от нас? (И Мейджори, размышлял Уолтер, ни она даже была очень красивой.) “Дайте мне, - говорил шофер, - женщины другого вида, даже если они уродливы. Моя маленькая”, он признался: “это другой вид. И un frullino, proprio un frullino — um настоящий взбиватель яиц.“За моноклем Джон Бидлейк мигал глаз, как старый Сатир, злой и веселый. Жесткость гардероба или живость взбивателя яиц? Уолтер должен был признаться, что его предпочтения были идентичны предпочтениям шофера. По крайней мере, я знал по опыту люди, которые (каждый раз, когда “настоящая” любовь сдерживалась сексуальные аксессуары) он не очень ценил женщин охранного типа-одежда.

Расстояние, теоретически, чистота, доброта и духовность

изысканные вещи достойны восхищения. Но близко и на практике меньше привлекательный. И, приходя от человека, которого мы не привлекаем, до тех пор, пока преданность, даже лесть восхищения невыносимы. Сбивает с толку и одновременно Уолтер ненавидел Мейджори из - за ее терпеливой холодности он был мучеником и обвинялся в чудовищной чувственности. Его любовь к Люси была сумасшедшая и постыдная вещь, но у Майджори не было крови, это было существо полумертвый. Он считал себя оправданным и в то же время без оправдания… Но в основном без оправдания, несмотря ни на что; в основном без извинение. Эти чувственные чувства были мерзкими; они были неблагородными. Венчик яйца и гардероб-можно представить себе более низкую и грязную вещь, чем такая классификация? Уолтер в воображении слушал звонкий толстый смех отца.

Ужасно! Вся сознательная жизнь Уолтера была ориентирована на в отличие от отца, в отличие от веселой и небрежной чувственности старика Бидлейк. Сознательно всегда ставил себя на сторону матери, на сторону чистота, утонченность, дух. Но его кровь, по крайней мере, половина он был таким же, как и его отец. И теперь, два года общения с Майджори наполнили его отвращением к холодной добродетели. Вальтер у него был сознательный ужас, хотя в то же время он чувствовал стыд от этого ужаса, позора тому, что он называл своими звериными желаниями., стыдно за свою любовь к Люси. Но если бы только Майджори оставила его в мир! Если бы только он воздержался от претензий на возвращение к нежелательной любви, которая она настаивала на том, чтобы навязать его силой! Если бы только это перестало быть таким ужасно преданный! Он мог дать ей дружбу-потому что она ему нравилась честно говоря; у нее было такое доброе сердце, она была такой доброй, такой преданной и преданной… Уолтер был бы счастлив, если бы взамен подружился с подругой. Но любовь… — это было душно.

И когда, воображая, что он борется с другой женщиной ее собственное оружие, Maijorie насиловал ее собственную добродетельную холодность и я пытался вернуть его пылом его ласк-о! как это было ужасно, действительно ужасно!

А потом, продолжал размышлять Уолтер, Майджори была в глубине души тупое существо, с его тяжелой серьезностью и без чувствительности. Один настоящая глупость, несмотря на вашу культуру — или, может быть, именно из-за этого. Эта культура была подлинной, сомнений не было. Она читала книги и

он их помнил. Но понял бы я их? Может ли она их понять? Наблюдения, которыми он нарушал свое долгое, долгое молчание, — серьезные и культурные наблюдения — как они были тяжелыми, как они были мягкими и ошибки понимания! Было бы хорошо быть таким тихим; тишина полна дух и мудрость в потенции, так же, как неработающий мрамор полный больших скульптур. Молчаливые никогда не дают показания против себя. Майджори умела хорошо и сочувственно слушать. И когда он нарушал тишину, половина того, что он говорил, были цитатами. Потому что у меня была хорошая память и он приобрел привычку учить наизусть великие мысли и яркие проходы. Уолтеру потребовалось некоторое время, чтобы понять глупость толстый и резко лишенный понимания, который скрывался под этой тишиной и этими цитатами. Когда дело дошло до этого, это было слишком поздно.

Он думал о Карлинге. Пьяный и религиозный. Всегда болтаю о ризы святых и Непорочного Зачатия, и в то же время неприличный пьяница. Если бы этот человек не был таким отвратительным, так отвратительно, если бы я не взял Марджори такой опальной — кто бы мог прошлое тогда? Уолтер представлял себя свободным. Не было бы жалости, нет я бы любил. Он вспомнил красные опухшие глаза Майджори после одна из тех неприятных сцен с Карлингом. Какой мерзкий парень!

“А как насчет меня?”- вдруг подумал он.

Он знал, что в тот момент, когда дверь закрылась за его спиной, Майджори она начала плакать. У карлинга, по крайней мере, было оправдание виски. Простить-потому что они не знают, что делают. Он всегда был умеренным. Е в тот момент — Уолтер был уверен — она плакала.

“Я должен вернуться”, - сказал он вам. Но вместо этого он ускорил шаг, пока он не обнаружил, что почти бежит вниз. Это был побег от его осознанность и одновременно ММО-гонка к объекту своего желания.

“Я должен вернуться домой, я должен.“И поспешил, ненавидя только Майджори потому что я воспринимал ее так несчастно.

Человек, который смотрел на витрину табачного магазина, дал внезапно шаг назад, в тот момент, когда Уолтер проходил мимо.

Быть сильное столкновение.

- Простите! - сказал молодой Bidlake автоматически, ускоряя марш, не глядя в сторону.

- Куда ты идешь, чувак? -крикнул ему мужчина за спиной, сердито. - Кто это как вы думаете, вы какой-то счастливчик, который выиграл в дерби?

Два гаята разразились яростным смехом, расширяя свою непочтительная радость.

- Эй, дымоход! - продолжил человек в тоне мофа, охваченный гневом джентльменом, одетым в гала-платье.

Лучше всего было бы развернуться и вернуть вызов субъекту. Старое Бидлейк раздавил бы его одним словом. Но для Уолтера единственное решение это был побег. Он боялся встреч такого рода; низшие классы наполняли его страхом. Шум от порицаний неизвестный затухал у него в ушах.

Это было ненавистно! Уолтер почувствовал холод. Его мысли вернулись к Мейджори.

“Почему она не может быть разумной?“мысленно спросил он. “Просто разумно. Если бы только ей было что-то сделать, что-то, что занимайся…”

Его беда была в том, что у него было слишком много времени, чтобы подумать. Слишком долго думать в нем. Однако виновником этого был сам Уолтер; кроме него, который его он украл свое занятие, заставив существо сосредоточить свой дух исключительно в нем. Майджори работала партнером в художественном магазине в то время, когда он знал ее; это был один из них художественные заведения любителей, которые существуют в Кенсингтоне, очень на вкус дам общества. Огоньки, компания молодые женщины, которые их рисовали и особенно преданность Миссис Коул, партнерше главное, они компенсировали Майджори ее несчастливый брак. Создал ваш маленький мир, кроме мира Карлинга; женский мир, с что-то вроде школы-интерната для девочек, мир, в котором Майджори могла говорить уважение к платьям и магазинам, слушать сплетни и предаваться тому, что девушки школьницы называют “влюбленность” в пожилую женщину, и представить себе, в

интервалы, которые она принимала участие во всеобщей работе и отдавала предпочтение причина искусства.

Уолтер убедил ее отказаться от всего этого — не без однако сложность. Потому что счастье, которое принесло ему его преданность Миссис Коул, ваша сентиментальная “влюбленность” в нее, они были почти компенсацией его несчастьям с Карлингом. Но Карлинг проявил себя таким отвратительным образом, что даже Миссис Коул взяла себя в руки недостаточно как компенсирующий элемент. Уолтер предложил то, что это вероятно, не мог и положительно не хотел давать-убежище, защита и финансовая помощь. Кроме того, Уолтер был человеком и человеком по традиции его следует любить, даже если (вывод, к которому молодой человек Бидлейк пришел к Майджори) женщина, в глубине души, не нравится от мужчин и чувствовать себя естественно лучше в компании других женщина. (Опять эффект литературы! Уолтер вспомнил о комментарии Филиппа Куалеса о катастрофическом влиянии искусства может осуществлять на жизнь.) Да, он был мужчиной; но это было ” отличается от другие”, как не устала ей говорить Майджори.

И тогда он принял это “различие” как лестное различие. Но будет ли это лестно? Он делал предположения. Как бы то ни было, она его нашла “в отличие от других”, повезло, что я мог получить два дохода одновременно время; обладал человеком, который, однако, не был мужчиной. Очарованный по убедительным словам Уолтера, движимым жестокостью Карлинга, Мейджори согласилась покинуть магазин, а вместе с ним и миссис Коул, которая Уолтер ненавидел его как тираническое, авторитарное и вампир женской воли.

- У тебя есть способности быть намного больше, чем дилетантская обойщица.

Сказав ей это, он льстил ей, движимый искренней уверенностью, что тогда он обладал интеллектуальными способностями Майджори. Она могла бы помочь ему, еще неопределенным образом в своих литературных произведениях; сама я тоже мог бы написать. Под влиянием нового спутника он Майори пишет эссе, романы. Но положительно, они не стоили ничего. После того, как он подбодрил ее, Уолтер стал сдержанным; больше не говорил в такой вещи. Вскоре Майджори отказался от этой оккупации неестественно и бесполезно. После этого ему ничего не осталось,

кроме Уолтера. Это если он взял смысл своего существования, фундамент, на котором вся его жизнь

почивать. И это основание теперь провисало под его ногами…

“Если бы только, - думал Уолтер, - она оставила бы меня в покое!”

Он вошел на станцию метрополитен. В подъезде мужчина продавал ночные газеты. СОЦИАЛИСТЫ И ИХ ВОРОВСТВО. Первое чтение слова выделялись, яркие, на плакате. Довольный этим предлогом, чтобы отвлечь дух, Уолтер купил один газета. Законопроект либерально-лейбористского правительства о национализации шахты были приняты в первом чтении по обычаю большинства. Уолтер с удовольствием прочитал эту новость. У него были передовые политические идеи, чего нет это случилось с писателем вечерней газеты. Язык справочной статьи это было жестокое насилие.

“Какие негодяи!“подумал Уолтер, читая его. 0 Статья пробудилась в нем животворящий энтузиазм по поводу всего, на что нападал журналист, восхитительная ненависть капиталистам и реакционерам. Барьеры вашей индивидуальности, если они видели мгновенное свержение, отмену личных осложнений. Одержимый радостью политической борьбы, он преодолел свои ограничения, взял-если как — то больше, чем он сам-больше и проще.

“Какие негодяи!“он повторил, думая о угнетателях, о хранителях монополия.

На станции Камден-Таун, маленький старик с красный платок, привязанный к шее, сел рядом с ним. 0 зловоние труба человека была такой удушающей, что Уолтер прогуливался по глядя в машину, ища свободное место. Он нашел одного, но, размышляя о во-вторых, он решил не двигаться. Убегать от чумного запаха-значит действовать оскорбительный способ, слишком заметный, и может вызвать комментарии со стороны вонючего… Едкий дым раздражал его горло. Уолтер кашлять.

“Мы должны быть верны своим вкусам и инстинктам”, - сказал Филипп Куорлз. “Для чего нужна философия, главная предпосылка которой не является выражением рациональность наших чувств? Если у нас никогда не было доступа к пылу,

религиозный, это безумие верить в Бога. Так же, как быть безумным, верить в превосходство устриц, если мы не можем есть их, не чувствуя тошноты.”

Пришел в ноздри Уолтера, с парами никотина, затяжкой

кислый пот. Уолтер вернулся к чтению газеты: “социалисты называют это национализация; но у нас других есть более короткое и простое имя для того, что они намереваются сделать. Мы называем это кражей”. Но это было по крайней мере ограбление, нанесенное ворам и в пользу их жертв. Старик, если он наклонился вперед и осторожно и вертикально плюнул между двумя ногами. С пяткой ботинка расправила плевок по полу. Уолтер отклонил глаза; он хотел иметь возможность лично любить угнетенных и лично ненавидеть богатые угнетатели. “Мы должны быть верны своим вкусам и инстинктам.” Но наши вкусы и инстинкты-случайности. Есть вечные принципы. Но если оказывается, аксиоматические принципы не являются нашей большой предпосылкой ребята?

И вдруг Уолтер оглянулся в возрасте девяти лет. Гулял с мать через поля, которые были недалеко от Гаттендена. Я забирал каждого из них по одному. весенний букет. Конечно, они пошли в Batt’S есть; это был единственный место, где были весны в окрестностях.

- Давайте остановимся на минутку, чтобы увидеть бедного Уэзерингтона — - сказал он мать. - Он очень болен.

Постучал в дверь хижины.

На самом деле уэтерингтон был его вторым садовником; но нет работал с предыдущего месяца. Уолтер помнил, что он был бледный, худой человек, который кашлял, совсем не общительный человек. Уэзерингтон его не особо интересовал. Женщина открыла дверь.

- Добрый день, миссис Уэзерингтон.

Войти.

Уэтерингтон лежал на кровати, опираясь подушками. Ваш лицо было ужасным. Пара огромных глаз с расширенными зрачками смотрела прямо со дна кавернозных орбит. Натянутый на

выступающие кости, кожа была белой и вязкой от пота. Однако страшнее, чем лицо, это была шея, невероятно тонкая. И из рукавов спальной рубашки появились два узловатых колья, руки, с парой огромных рук скелеты, прикрепленные к концу, как грабли на конце тросов тонкий. А потом запах этой больной комнаты! Окна были найдены плотно закрывшись, в маленьком очаге был огонь. 0 воздух был

горячий и нагруженный ужасным прогорклым болезненным дыханием, смешанным с выдохи больного тела-древний запах, который, казалось, принял вредно сладковатый к силе созревания так долго внутри тепло закрыто. Новый, свежий запах, каким бы сильным и неприятным он ни был если бы это было так, это было бы менее ужасно. Это была старость, сладкое разложение этого запах больной комнаты, который принимал его особенно невыносимо. Уолтер до сих пор чувствовал мурашки по коже, думая об этом. Закурил сигарету для дезинфекции памяти. Был воспитан в привычке ванн и окон открытый. В первый раз, когда они взяли его, еще ребенок, в церковь, душно и запах человечности оставил его в обморожении. Это должно было быть приведено в в спешке. Мать больше никогда не брала его в церковь. “Может быть, мы вежливы слишком гигиенично, слишком асептично”, - подумал он он. “Образование, результатом которого является тошнота в компании наши собратья, наши братья-может ли она быть хорошей?“Вальтер кизера любить их. Но любовь не расцветает в атмосфере, которая наполняет то, что любит бессовестное отвращение.

В комнате, в которой Уэзерингтон лежал больным, даже жалость была трудно цвести. Уолтер, пока мать разговаривала с моримбундо и с женой он позволил себе сидеть, созерцать, злиться на него, но увлеченный очарованием ужаса, страшный скелет, сидящий на кровать, и дышать через ее ветку весны горячий воздух и тошнотворный. Смешивая с свежим и очень вкусным нюхом цветков оно я чувствовал постоянные миазмы в комнате больного. Почти не доходило до чувствовать жалость, но только ужас, страх и отвращение. И даже когда миссис. Уэзерингтон заплакал, отвернувшись от лица, чтобы больной не увидев его слезы, Уолтер почувствовал даже меньше сострадания, чем беспокойства и смущение. Зрелище этой боли заставило его только пожелать побега с большим пыл все еще, выйти из этой ужасной комнаты в бесконечный и чистый воздух, к Солнцу…

Уолтеру было стыдно за эти эмоции, вспоминая их. Однако это было хорошо, что я чувствовал, что я чувствовал еще. “Мы должны быть лояльны к наши инстинкты.“Нет, не для всех, не для плохих, это было я должен противостоять последним. Но они не позволяли себе побеждать легкость.

Старичок, сидевший рядом с ним, взял зажечь трубку.

Уолтер вспомнил, что он сдерживал дыхание как можно дольше, чтобы не приходилось слишком много раз вдыхать вредный воздух из комнаты больная.

Я глубоко дышал через весну, а затем считал до сорок, прежде чем выдохнуть и снова впитать воздух. Старик наклонился еще раз плюнуть.

“Идея о том, что национализация far растет процветание рабочие абсолютно иллюзорны. В последние годы налогоплательщик узнал за свой счет значение бюрократического контроля. Если рабочие воображают…”

Уолтер закрыл глаза и осмотрел комнату Уэзерингтона. Прибыл момент прощания; он сжал в своей скелетной руке больного, рука, которая лежала инертно на покрытии. Уолтер скользнул пальцами под эти мертвые и шелушащиеся пальцы; поднял руку на мгновение и он снова уронил ее. Контакт был холодным и влажным. Уолтер повернулся и потер коварно ладонь в пальто. Выпалил, в взрывной вздох, дыхание долгое время сдерживалось и снова наполняло легкие этого тошнотворного воздуха. Это был последний раз, когда ему приходилось вдыхать его; его мама уже направлялась к двери. Маленький пекинес подпрыгивал в ее томе, лаять.

- Тише, Тан! - сказала она своим прекрасным ясным голосом. Это было без сомнения единственный человек в Англии, подумал Уолтер, который произнес регулярно Апостроф в слове Тан.

Они вернулись домой путем, который прорезал поля. Фантастика и неправдоподобный, как маленький китайский дракон, Тан бежал перед ними, он слегка подпрыгивал, чтобы преодолеть то, что для него было огромными препятствиями. Потеть волосатый хвост плыл на ветру. Иногда, когда трава была очень высокий, он сидел на маленькой плоской заднице, как будто он просил сахар, и, глядя круглыми, выпуклыми глазами на пучки трава, я хотел

сориентироваться.

Под ясным разноцветным небом Уолтер чувствовал себя заключенным освобождать. Бегала, кричала. Мама шла медленно, ничего не говоря. Каждый момент задерживался на мгновение и закрывал глаза. Это была привычка, которая

это было, когда я был задумчив или сбит с толку. И был озадачен слишком большим количеством часто, подумал Теперь Уолтер, нежно улыбаясь внутренне. О бедный Уэзерингтон, несомненно, дал ему много размышлений. Он получает я вспомнил, как видел, как она несколько раз останавливалась по дороге домой.

- Поторопись, мамочка, - нетерпеливо кричала она. - Мы опоздаем. к чаю.

Повар испек пирожные на сковородке, к чаю, а еще был один пирог со сливами предыдущего дня и свежеоткрытая банка вишневого варенья из Типтри.

“Мы должны быть верны своим вкусам и инстинктам.“Но несчастный случай от рождения он определил в нем эти вкусы и инстинкты. Справедливость была вечная; милосердие и братская любовь были прекрасны, злая труба старик и комната Уэзерингтона; красивые именно из-за таких вещь. Поезд переключался на пониженную передачу. Лестер-Сквер. Уолтер спустился в платформа и пошел к подъемникам. “Но, - подумал я, - это сложно отрицание личной высшей предпосылки; и довольно трудно поверить в эту предпосылку больше, не личное, как бы хорошо она ни была.“Честь и верность были хорошими вещь. Но большая личная предпосылка его нынешней философии сводилась к далее: Люси Тантамаунт была самой красивой, самой желанной…

- Все билеты, пожалуйста!

Дебаты грозили возобновиться. Умышленно Уолтер надел ему камень сверху. Подъемник захлопнул двери, лифт поднялся. На улице, Уолтер взял такси.

- Тантамаунт Хаус, Пэлл Мэлл.

ГЛАВА II

Три итальянских призрака незаметно преследуют восточную оконечность Пэлл Мэлл. Богатство новой индустриальной Англии и энтузиазм, архитектурный гений Шарля бария вызвал их, вырвав-те в прошлое и в свете вашего родного Солнца. Под грязью, которая превращается в фасад клуба реформ, глаз веры признает то, что напоминает приятно Дворец Фамезе. Несколько метров дальше, памятные вещи что сэр Чарльз охранял дом, план которого Рафаэль разработал для Пандольфини поднимаются в туманном воздухе Лондона. Это Клуб путешественников. И среди них, строго классический, суровый, как тюрьма, и черный сажа, вырисовывается уменьшенная (но все еще огромная) версия Cancelleria. Это Тантамаунт Хаус.

Барий нарисовал ее в 1839 году. В нем работала сотня рабочих на год или два. И третий маркиз оплатил счета. Были суммы тяжелые, но пригороды Лидса и Шеффилда начали он распространился по региону, который его предки украли у монастыри, триста лет назад. “Католическая Церковь, наставляемая Святым Дух, узнал из Священного Писания и старых традиций отцов что есть чистилище и что душам, содержащимся в нем, помогают избирательные права верующих, но в основном за приятную жертву мессы.” Люди богатые, с не очень спокойной совестью, оставили свои земли монахам, чтобы пусть их души получат помощь в проезде через чистилище, спасибо к Вечному исполнению приятной жертвы мессы. Но Генрих VIII желал молодой девушки и желал сына; и папа Климент VII, находившийся под влиянием двоюродного брата дочери первой жена Генриха, она не хотела давать ему развод. Монастыри, в вследствие этого они были подавлены. Армия нищих, бедных дьяволы и больные с треском умерли от голода. Но Тантамонты они приобрели несколько десятков квадратных миль пахотных земель, лесов и пастбища.

Несколько лет спустя, при Эдуарде VI, они украли у них имущество две школы дезоформизированы; были дети, которые остались без приема

образование, чтобы Тантамунты могли быть богатыми. Они использовали эти земли научными, чтобы извлечь из них максимум пользы. Их современники считали их “людьми, которые живут так, как будто они не был Бог, люди, которые хотят, чтобы все было в их руках, люди, которые они не хотят ничего оставлять другим, мужчинам, которые никогда не удовлетворены”. С высоты кафедры Святого Павла Левер обвинял их: “они оскорбили Бога и они втянули сообщество в всеобщее разорение”. Тантамунты остались невозмутимый. Земля принадлежала им, деньги поступали регулярно. О пшеницу сеяли, выращивали и собирали год за годом. Животные родились, они толстели и шли на бойню. Рабочие, пастухи, ковбои работали с рассвета до заката, без отдых, до смерти. Дети заняли их места. Tantamount он стал преемником Тантамаунта.

Елизавета сделала их баронами; они взяли себя виконты под Карлом II, графы под Вильгельм и Мария, маркизы при Георге II. обручились с наследницами после наследницы-10 квадратных миль Ноттингемшира, 50 000 фунтов, два но из Bloomsbuiy, половина пивоварни, банк, плантация и шестьсот рабов на Ямайке. Тем временем темные люди они придумывали машины, которые производили вещи быстрее, чем что они могут делать свои руки. Деревни превратились в города, города в крупных центрах. За то, что было пастбищами и на полях Тантамунтов строились дома и фабрики. Под травой своих лугов полуголые мужчины пронзили свое черное лицо и яркий от угля. Загруженные вагоны тащили мальчики и женщины. Они привезли их морем из Перу, чтобы обогатить их поля, помет 10 000 поколений чаек. Пшеница росла сильнее; кормили новые рты. И через год после того, как он будет, Tantamounts они становились все богаче, а души благочестивых современников Черный принц, несомненно, продолжал рваться в огне неугасимые из Чистилища, так как они не были спасены приятным жертвоприношение мессы. Деньги, которые когда-то хорошо работали, могли бы чтобы сократить их пребывание среди пламени, он служил, среди прочего вещи, чтобы появиться в Pall Mall уменьшенная модель канцелярии Папский.

0 интерьер Tantamount House столь же благородно римский, как и его фасад. В фолианте Центрального четырехугольника проходят два крыла открытые аркады с чердаком, наверху, освещенные небольшими окнами квадратный. Но вместо того, чтобы открыться небу, четырехугольник покрыт через стеклянную

крышу, которая превращает его в огромный зал, занимающий все высота здания. С его аркадами и галереей он представляет собой зал очень благородный — но чрезмерно обширный, чрезмерно публичный, слишком похоже на бассейн или каток чтобы его можно было заселить.

Однако в тот вечер зал оправдал свое существование. Леди Эдвард Тантамаунт устраивал там одну из своих музыкальных вечеринок. Этаж он был полон сидящих людей, и в пустом архитектурном пространстве, которое было над ними музыка плыла в сложных пульсациях.

- Какая пантомима! - сказал старый Джон Бидлейк хозяйке дома. Мой дорогая Хильда, не переставай замечать…

- Пси! - возразила Леди Эдвард из-за своего веера перьев.

- Не надо прерывать музыку. А в остальном я уже смотрю…

Их шепот был колониальным, и “прерывающие” РР были загружены, они исходили прямо из задней части горла, потому что Леди Эдвард исходила из Монреаль и его мать была француженкой. В 1897 году Британская ассоциация собралась в Канада. Лорд Тантамаунт прочитал очень восхищенную работу в разделе Биология. “Один из наших людей будущего”, - сказали о нем учителя. Но для тех, кто не был учителем, Тантамаунт миллионер мог быть смотрел как человек настоящего времени. Хильда Саттон была решительной сторонницей этого мнения. Во время своего пребывания в Монреале Лорд Эдвард был гость отца Хильды. Девушка воспользовалась возможностью. British Ассоциация вернулась на родину; но Лорд Эдвард остался в Канаде.

- Ты можешь в это поверить — - однажды доверила Хильда подруге, - что никогда меня так интересовал осмос ни до, ни после…

0 интерес к осмосу привлек внимание лорда Эдварда. И сдался. он рассказывает о том факте, который он не заметил раньше, что Хильда была очень красивый. Хильда также знала свою роль женщины. Задача не была для него трудный. В сорок лет лорд Эдвард был во всем, кроме интеллекта,

своего рода ребенок. В лаборатории, за своим рабочим столом, он

это было так же старо, как и сама наука. Но его чувства, его интуиция, его инстинкты были инстинктами мальчика. Мин упражнения, большая часть его духовного существа никогда не развивалась. Это был вид ребенка, но с заядлыми детскими привычками в течение сорока лет жизненный. Хильда бросилась на помощь этой парализующей застенчивости сорока годы, и всякий раз, когда террор мешал ему делать необходимые рывки, она собиралась встретиться с ним на полпути. Его пылы были юношескими-к одному время жестокие и робкие, отчаянные и немые. Хильда говорила за обоих и она была тихо нахальной. Незаметно - потому что понятия, которые у меня были, Лорд Эдвард о том, как девушки должны были вести себя, в основном из Pickwick Papers. Ясная дерзость, без маскировки,- я бы встревожил его, я бы прогнал. Хильда сохранила весь вид Дева Диккенса, но в то же время стремилась сделать все продвинутые, создать все portunits, и вести разговор во всех направления продиктованы любовной стратегией. И получил свою награду. Na весной 1898 года взялась Леди Эдвард Тантамаунт.

— Но я вас уверяю, — сердито сказал однажды Джон Бидлейк, потому что этот издевался над бедным Эдвардом, уверяю тебя, я люблю его. искренне-искренне!

- По - своему, без сомнения… - вы издевались над Бидлейком. - Твоя собственный путь. Но ты должен согласиться, что, к счастью, это не так. путь всех. Посмотри в зеркало!

Хильда посмотрела и увидела изображение своего обнаженного тела, растянутого на диване., наполовину окунут в глубокие подушки.

- Животное! Но это не имеет никакого значения в моей привязанности к он…

- Да, в твоем особом способе иметь привязанность, конечно! - Он рассмеялся. Но, повторяю, это хорошо, что…

Леди Эдвард заставила его замолчать, положив руку ему на рот. Это если прошло четверть века назад. Тогда было пять лет, когда Хильда была замужем, ей было тридцать лет. Люси была четырехлетней девочкой. Джон Бидлейку было 45 лет, и он был во всей полноте своего таланта и своей репутации

художник; был красивым, большим, пышным, беззаботным;

большой друг смеха, великий трудолюбивый, великий едок, пьющий и восхитительный девственниц.

- Живопись-это ветвь чувственности — - повторял он тем, кто ее они подвергали цензуре образ жизни. - Никто не может нарисовать обнаженную, если нет он выучил наизусть человеческое тело своими руками, своими губами и с собственным телом. Я серьезно отношусь к своему искусству. Я неутомим в своих предварительные исследования. - И его кожа складывалась в складки смеха вокруг монокль, его глаза закручивались, как у веселого сатира.

Для Хильды Бидлейк принес откровение своего собственного тела, все ваши физические возможности. Лорд Эдуард был не чем иным, как ребенок, ископаемый мальчик, сохраненный в теле очень высокого человека и зрелый возраст.

Интеллектуально в лаборатории он понимал сексуальные явления. Но на практике и эмоционально это был ребенок, ископаемый ребенок середина викторианской эпохи, сохраненная нетронутой со всеми детскими застенчивостями природные и все табу, приобретенные у двух старых тетушек, очень любимых и очень добродетельные, которые заменили ей мертвую мать, со всеми невероятные принципы и поглощенные потери смешения со странностями Мистер Пиквик и микобер. Он любил свою молодую жену, но любил ее как я мог любить ископаемого ребенка 1860 — х годов-застенчиво, извиняться; извиняться за свои пылы, извиняться из собственного тела и даже из тела Хильды. Не в явном виде, конечно, потому что ископаемое дитя было немым, чтобы быть застенчивым; но для молчаливого решения игнорировать, молчаливого способа притвориться, что тела на самом деле не имеют ничего общего с пылом, и что эти, в остальном их на самом деле нет. Его любовь была долгой и невысказанной просьбой извиняюсь за свое существование, и, будучи не более чем одним прости, это было совершенно непростительно. Любовь он должен оправдываться своими результатами в близости духа и тела, в жару, в Контакте боюсь, в удовольствии. Если это должно быть оправдано внешний разум показывает, что это вещь без оправдания. Джон Бидлейк он не извинялся за ту модальность любви, которую должен был дать. В меру из возможного он полностью оправдывал себя. Энергичный чувственный, он делал свою любовь откровенно, естественно, с хорошим животным удовольствием

дитя природы. “Не жди от меня, что я расскажу тебе о звездах, лилиях Девы и космос”, - говорится в нем. “Это не мой пол. Я им не верю. Я я верю в это…“И тогда его слова превратились в то, что таинственная конвенция постановила, что ее невозможно напечатать.

Это была любовь без претензий, но теплая и естественная, и, будучи естественной, хорошо в меру своих ограничений-приличная чувственность, ну-юмористический и счастливый. Для Хильды, которая в вопросах любви ничего не знала если не робкие испытания ископаемого ребенка, это было откровением. Вещь мертвые внутри нее ожили.

Она обнаружила себя в восхищении. Не с восхищением однако чрезмерно. Никогда не терял рассудка. Если бы я потерял рассудок,, я бы рискнул проиграть вместе с ней. Тантамаунт Хаус, миллионы Тантамаунтов и название Тантамунтов. И Леди Эдвард не имела ни малейшего намерения потерять все это. К счастью, он сохранил свою голову; холодно, он держал ее высоко, в безопасности, над бурные Вознесения, как скала, возвышающаяся над волна. Он развлекался, но никогда не в ущерб своему социальному положению. Быть способен созерцать собственное удовольствие; его твердая голова, его желание сохранить социальное положение держалось отдельно и на вершине вихрь. И Джон Бидлейк восхвалял то, как любовница знала наслаждаться тем, что было лучше всего в двух мирах.

- Я сдаюсь благодаря небесам, Хильда, - говорил он много раз, - за то, что ты одна разумная женщина. Потому что женщины, по мнению которых стоит жертвовать мир ради любви может принять настоящее бедствие-как он хорошо знал по личному опыту.

Он любил женщин; любовь была незаменимым удовольствием. Но никто он заслуживает того, чтобы из-за него мы участвовали в скучных встречах — нет ничего, что могло бы компенсировать жертву расстроенной жизни. С женщины, которые не проявили себя разумными и которые забрали любовь очень серьезно, Джон Бидлейк был безжалостно cmel. Это была борьба “все ради любви “против” несмотря ни на что для спокойного существования”. В этой борьбе за спокойное существование он не отступал ни перед кем ужас.

Хильда Тантамаунт была так же привязана к спокойному существованию, как и сам Джон. Связь обоих длилась довольно приятно через несколько лет; на мысе все потухло плавно. Иметь были хорошими любовниками; они стали хорошими друзьями - до такой степени, что их вызвали заговорщики, коварные заговорщики, которые хотят повеселиться это стоит всего мира. Теперь они смеялись. Или, точнее, старый Джон, который ненавидел музыку, смеялся один. Леди Эдвард занималась поддержанием приличие.

— Тебе надо просто молчать — - прошептала она.

- Но просто ты не понимаешь, как все это невероятно комично! — настоял Бидлейк.

- Пси! Псу!

- Но я шепчу.

Эти постоянные “псиусы” раздражали его.

- Как лев…

- Ничего не могу поделать… - ответил он холерой. Когда он дал работа шепота, он предполагал, что его голос не может быть услышан, кроме как за человека, к которому он обращался. Мне не нравилось слышать, что то, что он признал, правда, это было не так. - Как лев, это хорошо! — роптать, возмущенный. Но его лицо внезапно стало безмятежным. - Смотри! Другой опоздавший. Сколько ты хочешь поспорить, как она будет делать то же самое, что и другие?

- Пси! - повторила Леди Эдвард.

Но Джон Бидлейк больше не обращал на него внимания. Смотрел в сторону от двери, где последний из гостей не определился между желанием незаметно исчезать в безмолвной толпе и социальном долге чтобы сообщить об их прибытии хозяйке дома. Бросил взгляд на Томо, смущенный. Леди Эдвард сделала ей знак над головами толпа, которая стояла между скалами, кивок от веера перьев длинные и улыбка. Опоздавшая улыбнулась в ответ, послала поцелуй в кончики пальцев, пост указательный над ртом, указал на стул пустой в дальнем конце зала, вытянул обе руки в маленькую

жест, который хотел выразить извинения за его поздний приезд и отчаяние от невозможности, ввиду обстоятельств, пойти поговорить с хозяйкой из дома; затем поднимая плечи и пожимая так, что занимая минимум места, направился на цыпочках, с детскими меры предосторожности на коксии, для того места, которое было вакантным.

Бидлейк бредил от радости. Повторил каждый из жестов бедняги. мэм, как она их делала. Он отвечал ему взаимностью с процентами экстравагантный поцелуй взорван издалека, и когда она положила палец на его рот, он покрыл его всей рукой. Повторил жест горя, гротескно преувеличивая его, пока он не выразил отчаяние нелепый. И когда дама опоздала на кончики ноги, Бидлейк положил себя на пальцы, делая жесты, с помощью которых Неаполь, принято избегать сглаза, и бить по лбу. Повернулся триумфально для Леди Эдвард.

— Я тебе хорошо сказал, - зашипел он, все лицо сморщилось от смеха. - Если бы мы были в доме глухонемых. Или говоря о пигмеях Центральная Африка. - Открыл рот и указал в него индикатором растянувшись, он подражал жестам тех, кто пьет в стакане. - Я голоден, я очень жажда.

Леди Эдвард ударила его своим страусиным веером.

Между тем музыка продолжалась-сюита си минор для флейты и Струны Баха. Это был молодой Толли, который руководил оркестром, с его милостью неповторимый и привычный, изгибающий бюст в лебединую рябь и прослеживающий в воздухе, с его руками, яркие арабески, как будто танцевали под звуки музыка. Десяток анонимных скрипачей и виолончелистов царапали инструменты, по вашей команде. И великий Понгилеони вязко целовал его флейта. Он дул в амбушюр, и в него вставлялся цилиндрический столб воздуха вибрировать; медитации Баха заполнили Римский четырехугольник. В Ларго да открытие, Йохан Себастьян, с помощью beços de Pongileoni и da колонна воздуха, сделал заявление: в мире есть великие дела, благородные вещи; есть люди, рожденные, чтобы быть королями; есть завоеватели настоящие, настоящие хозяева земли. Но с земли, ах! столь комплексный и множественный… - он продолжал размышлять о сбежавшем Аллегро. Казаться

что мы находим истину; ясной, точной, неисчерпаемой, она

провозглашается нам скрипки; у нас есть и триумфально сохраняем. Но вот, она ускользает от нас, для того, чтобы снова выступать под новым аспектом, среди виолончелей, и все еще снова в форме вибрирующего столба воздуха Pongileoni. As различные части живут своей отдельной жизнью; они соприкасаются друг с другом, их пути пересекаются, объединяются в мгновение ока, чтобы создать то, что кажется гармонией. окончательный и совершенный, но только для того, чтобы еще раз разойтись. Каждый всегда один, отдельный и индивидуальный. “Я-это я”, - заявляет скрипка; “мир вращается во мне”. “Во мне”, - жалуется виолончель. “В томе меня”, - настаивает флейта. И все одинаково правы и они также ошибаются, и никто из них не хочет слушать других.

В человеческом побеге 1800 миллионов частей. Результирующий шум имеет возможно, какое-то значение для статистика, но не для художника. Е только рассматривая одну или две части одновременно с художником вы можете что-то понять. Ах был, например, изолированной частью; и Йохан Себастьян Бах излагает дело. “Рондо” начинается, странно и просто мелодичная, почти популярная песня. И молодая девушка которая поет про себя, от любви, в одиночестве, страшно меланхолично. Один девушка, которая поет среди холмов, когда облака проходят над его голова. Но одинокий, как одно из плавающих облаков, поэт слушал песню. Мысли, которые она спровоцировала, находятся в “Сарабанда”, которая следует за “Рондо”. И медленная, чудесная медитация о красоте мира (несмотря на скверность и глупость), о его глубокая доброта (несмотря на все зло) о его единстве (в несмотря на такое изумительное разнообразие). И красота, доброта, единство, которое не может обнаружить ни один интеллектуальный запрос, что анализ разрушает, но реальность которого навязывается духу, время от времени времена, резко, неуместно. Молодая девушка, которая поет для себя под облаками достаточно создать эту уверенность. Даже один прекрасного утра достаточно. Иллюзия или откровение глубочайшего из правда? Кто знает? Понгилеони дул, музыканты терли свои пропитанные смолой конские гривы на натянутых веревках кишок овцы; и через длинную “Сарабанду” поэт медленно медитировал о его чудесной и утешительной уверенности.

- Эта песня начинает хорошо выглядеть, - пробормотал Джон Бидлейк хозяйке дома. - Это еще далеко?

У старого Бидлейка не было ни вкуса, ни музыкального таланта, и он прямота сказать это. В остальном можно было бы позволить себе такую откровенность. Кто он умеет рисовать, как Джон Бидлейк, поэтому притворяется, что любит музыку, когда действительно не нравится? Художник взглянул на зрительный зал и улыбнулся.

- Они выглядят как те, кто в церкви.

Леди Эдвард подняла веер в знак протеста.

- Кто эта маленькая женщина в черном, - продолжил художник, - кто закатывает глаза и качает телом, как Святая Тереза в экстазе?

- И Фанни Логан, - тихо ответила Леди Эдвард. - Но остается тихо, тихо.

- Говорят о дани, которую порок платит добродетели, - продолжил Джон Бидлейк, неисправимый. - Но в наше время все разрешено; больше нет потребность в моральном лицемерии. Нет ничего, кроме интеллектуального лицемерия, дань, которую мещанство платит искусству. Что скажешь? Посмотрите на этих людей расплачиваясь сейчас, в благочестивых гримасах и в религиозной тишине!

- Потому что ты должен быть благодарен, что они платят тебе гинеями! — сказать Леди Эдвард. - А теперь я хочу, чтобы ты заткнулся.

У бидлейка был притворный жест ужаса, и он закрыл рот рукой. Толли он сладострастно размахивал руками. Понгилеони дул, скрипачи потирать. А поэт Бах размышлял об истине и красоте. Фанни Логан почувствовал, что на его глазах текли слезы. Было легкое волнение, особенно, когда речь шла о музыке, и когда она была тронута, она не он старался подавить суматоху, но отдавал ей всю душу. Как прекрасна была эта музыка, как грустно и, тем не менее, утешительно! Она он чувствовал ее внутри себя, как поток восхитительных ощущений, процедить себя гладко, но неотразимо по всему лабиринту комплекс его бытия. Его собственное тело фремии и качалось в каденции с пульсацией и пульсацией мелодии. Фанни думала о своем муже, воспоминание о нем пришло к вам в потоке музыки-воспоминание о вашем Эрике очень, очень дорогой, умер почти два года назад; мертвый - такой молодой

еще.

Слезы выросли. Фанни вытерла их. Музыка была бесконечно грустный; и все же утешал… Все признавалось, так сказать, что бедняга Эрик умер преждевременно, он страдал от своей болезни, не хотел уходить из жизни-музыка признавала все. Я выражал всю печаль, от мира, и из глубины этой печали он имел силу утверждать, умышленно, спокойно, без чрезмерных декламаций, что все, от в некотором смысле, это было хорошо и приемлемо. Она включила печаль в какую-то более обширное, более широкое счастье.

Слезы продолжали исходить из глаз Миссис Логан; но они были — как бы то ни было-счастливые слезы, несмотря на их печаль. Она хотела выразите Полли, вашей дочери, что вы чувствуете. Но Полли сидела в другом ряд зрительного зала. Миссис Логан видела ее голову, спину, два ряда в спереди, и маленькая нежная шея, где вы видели жемчуг, который ваш дорогой Эрик подарил ему по случаю его восемнадцатого дня рождения, некоторые за несколько месяцев до смерти. И вдруг, как будто она почувствовала, что мать я смотрел на нее, как будто понимал, что она пережила., Полли повернулась и быстро улыбнулась ему. Грустное и музыкальное счастье Миссис Логан закончила.

Глаза матери Полли были не единственными, кто смотрел в сторону молодой. Выгодно расположился позади нее, с одной стороны, Хьюго Брокл я с восхищением изучал его профиль. Как это было очаровательно! Задавался вопросом мысленно хватит ли смелости сказать ему, что они играли вместе, в детстве в Кенсингтонских садах. Закончив песню, Я бы с Полли и молча сказал бы ему: - мы уже познакомились друг с другом… внутри наших детских колясок…

Или, чтобы показать себя остроумным менее традиционным способом: — Это ты ударил меня по голове ракеткой с рулевым колесом…

Бидлейк, бегая своими беспокойными глазами по салону, Дера с Мэри Беттертон-Мэри Беттертон лично-этот монстр! Положил руку на вниз от кресла и коснулся дерева. Каждый раз, когда я видел неприятная вещь, Джон Бидлейк чувствовал себя спокойнее, если бы мог прикоснуться к деревянный предмет. Не верил в Бога, естественно; любил

рассказывать оскорбительные истории о священниках. Но дерево, дерево… - в ней что-то было… И помнить, что я полюбил безумно эта женщина, было двадцать, двадцать два… я даже не осмеливался думать сколько лет это происходило. Как она была толстой, старая, ужасно! Рука опустилась к подножию стула. Бидлейк отвел глаза, он старался думать о чем угодно, кроме Майи Беттертон.

Но воспоминания о том времени, когда Мэри была молодой, навязывались ей. В то время он все еще ездил. Он пересматривал свою черную лошадь,; Мэри, в бухте. Они часто гуляли вместе. Это было по случаю в который рисовал третью и лучшую из своих групп купальщиков. Что рамка, Боже мой! Но к тому времени Мария уже была в некоторой степени прелюбодеяна для мне нравятся многие. Но не для вашего; никогда не возражал против жира разумный. Эти женщины сегодня, которые хотят создать впечатление столбов уличное освещение… Бидлейк посмотрел, все еще мгновение на Мэй и вздрогнуть. Я ненавидел ее за то, что видел ее такой отвратительной, после того, как она уже была такой очаровательный. И он был почти на двадцать лет старше этой женщины.

ГЛАВА III

Два этажа выше, между пианино nobile и мансардой, которая служила жилье для слуг, Лорд Эдвард Тантамаунт был занят в своем лаборатория.

Самые молодые из Тантамунтов были по своей общности военными. Но поскольку наследник был инвалидом, отец лорда Эдварда был предназначенная для политики, карьера, которую всегда имели старшие дети традиционно начатый в общих чертах и величественно продолженный в Палата Пэров. Когда Лорд Эдвард достиг совершеннолетия, ему дали электорат для выращивания. Он воспитывал его как послушного сына. Но как я ненавидел публичное выступление! И когда вы встречаетесь с возможным избирателем, что, черт возьми, если должен сказать? Отнюдь не волнуясь, Лорд Эдвард даже не он напомнил об основных моментах программы консервативной партии… Нет, а политика явно не была его призванием.

- Что тебя интересует? - спросил его отец. И Лорд Эдвард я не знал; в этом была трудность. Единственное, что я ему дал. по-настоящему приятно было слушать концерты. Но, конечно, мы не можем всю жизнь слушаю концерты. Четвертый маркиз не может скрыть его гнев и его разочарование.

- Этот парень мудак — - говорил он.

И сам Лорд Эдвард был склонен дать ему причину. Это не помогло ни за что; это был провал; миру не было места для него. Быть случаи, когда я думал о самоубийстве.

- Если бы только он делал свои мальчишеские запахи… - мне было жаль, что Отец. Но молодой человек, если это было возможно, интересовался выпивкой еще меньше чем по политике.

- И это даже не спортсмен^l, - продолжалось обвинение.

Это было правдой. Убийство птиц, даже в компании принца Уэльс, это сделало лорда Эдварда совершенно холодным… за исключением случаев, когда вы это вызывало легкое отвращение. Я бы предпочел остаться дома, чем читать, смутно, непостоянно, всего понемногу. Но само чтение было неспособно

удовлетворить его. Лучшее, что можно было сказать о ней, это то, что она отталкивает грустные мысли и убивал время. Но какая польза от этого? Убить время с книгой было не лучше, по сути, чем убийство фазанов, и время сверху, с дробовиком. Он мог бы также продолжать читать так было до конца его дней, но это не привело бы к тому, что он когда-либо был пусть будет так. Во второй половине дня 18 апреля 1887 года лорд Эдвард сидел в библиотека Tantamount House, размышляя о том, стоит ли жизнь и какой из двух способов для него был предпочтительным, утонуть или выстрелить пулей в тело. В тот день, когда “Таймс” опубликовала письмо фальшивомонетчика, приписываемое Памеллу, в котором последний сочувствовал убийцы из Феникс-парка. Четвертый маркиз находился в состоянии апоплексическая агитация с утреннего обеда. В клубе не было разговоров что-то еще. “Это должно быть очень важно”, - не переставал повторять Лорд Эдвард от вас к вам. Но его невозможно было серьезно заинтересовать памеизм или преступление вообще. После слушать во время через некоторое время, как говорили в клубе, он вернулся домой в отчаянии. Дверь из библиотеки он оказался

открытым, вошел и бросился на стул, чувствуя себя совершенно без сил, как если бы я вернулся с 50-го похода. километр.

“Я, должно быть, идиот”, - заявлял он себе, думая об энтузиазме политики других и в их собственном безразличии. Это было слишком скромно для приписывать другим идиотизм. “Я потерянный случай, потерянный случай.”

Громко стонал, и в эрудированной тишине огромной библиотеки этот шум это было ужасно. Смерть; конец всего; река; револьвер… Прошло время. Лорд Эдвард обнаружил, что не может думать ни о чем осознанно и последовательно-даже не в смерти. Сама смерть была привередливой. Последний номер Quarterly Review был на вершине со стола, рядом с вами. Может быть, журнал приставал к нему меньше, чем смерть. Лорд Эдвард поймал ее, открыл ее наугад и удивился, прочитав абзац в середине статьи о ком-то, кто называл себя Клод Бемар. Я никогда не слышал о Клоде Бемаре. Это должно быть французский, предположил он. И что станет гликогенной функцией печени? Какой-то научный предмет, очевидно. Его глаза пробегали быстро страницу. Был отрывок в кавычках; это была цитата

взято из собственных сочинений Клода Бемара:

“Живое существо не является исключением из Великой естественной гармонии что заставляет вещи приспосабливаться друг к другу; он не ломается нет аккорда; не в противоречии и не в борьбе с силами общие космические. Это далеко не элемент универсального концерта das вещи, а жизнь животного, например, не более чем фрагмент жизни всего Вселенной”.

Молодой Тантамаунт читал эти строки, сначала праздно, потом более внимательно, и взял читать их несколько раз, заставляя внимание. “Жизнь животное - это лишь часть всей жизни Вселенной.“И самоубийство, так? Фрагмент Вселенной, который разрушил себя? Нет, уничтожение не было точное слово; этот универсальный фрагмент не может быть уничтожен, даже если хотеть. Это изменило бы только их способ существования. Изменить… Куски животные и растения превратились в людей. Что было днем бедро баранины или листья шпината были позже частью неотъемлемая часть руки, которая написала, мозга, который задумал движение медленная Симфония Юпитера. И настал день, когда годы удовольствий, страдания, аппетиты,

любовь, мысли, музыка, вместе с бесконечными нереализованными возможностями мелодии и гармонии, они пришли компостировать неизвестный уголок на венском кладбище, для превращения в траву и в цветы-траву и цветы, которые в свою очередь, они снова стали овцами, чьи бедра, в свою очередь, взяли превратиться в других музыкантов, чьи тела, в свою очередь… Все это это было очевидно, но для лорда Эдварда это было откровением. Внезапно и через впервые он осознал свою солидарность с миром. Этот пробуждение сознания было необычайно волнующим; маркиз поднявшись со стула, он шагал из стороны в сторону в купе, в состоянии сильного волнения. Его мысли были смятение, но смятение теперь было ярким и жестоким, а не мрачным и бмкак вялый, как обычный.

“Может быть, когда я был в Вене в прошлом году, я потреблял даже кусок вещества Моцарта. Это могло быть в Винере, Шницельф], или в колбасе, или даже в стакане пива. Причастие,

физическое общение. И это идеальное изображение Волшебной флейты-другое своего рода общение, или, может быть, то же самое, в глубине души. Пресуществление, каннибализм, химия. В конечном итоге все сводится к химии, конечно. Бараньи ножки и шпинат по всей химии. Водород, кислород… И отдых, что это? О! Не знать… это из-за гнева, да, из-за гнева! Те годы все прошли в Итоне. Латинские стихи. Какого черта они служили? En, distenta ferunt perpingues ubera vaccae почему меня не научили разумные вещи?… “Элемент универсального концерта вещей…‘Было бы сказано что это музыка; гармонии, контрапункт и модуляции. Но нужно иметь изучено, чтобы понять. Китайская музыка, не понимается патавина… Универсальный концерт - это китайская музыка для меня, благодаря Итон. Гликогенная функция печени, - насколько я понимаю, это как будто язык банту. Какое унижение! Но я могу учиться, я буду учиться, я буду…”

Лорд Эдвард был охвачен необычайной радостью; никогда не он чувствовал себя таким счастливым всю свою жизнь. В тот вечер он объявил отцу, что не он будет выступать в качестве кандидата в парламент. Все еще взволнованный утренние откровения о памеллизме старик пришел в ярость. Лорд Эдвард оставался абсолютно невозмутимым; взял решение. На следующий день он опубликовал объявление, в котором попросил учителя частность. Весной другого года был в Берлине, работая с Дюбуа-Реймон.

Затем прошло сорок лет. Исследования по осмосу, которые они косвенно дали брак, они также дали ему репутация. Его работы по ассимиляции и росту были знаменитыми. Но то, что он считал истинным делом своей жизни-великое теоретический трактат по биофизике - он еще не закончен. “Жизнь животного не это часть всей жизни Вселенной.“Слова Клода Бемар был предметом всего его существования, как его вдохновение оригинальный. Книга, над которой я работал столько лет, была не чем иным, как развитие этого тезиса, математической и количественной иллюзии этого. Сверху, в лаборатории, ежедневная работа была справедливо начата.

Лорд Эдвард предпочитал работать по ночам. Часы дня были для него

неприятно шумные. Обедал в половине десятого, ходил на пешеходную экскурсию с часа или двух во второй половине дня и возвращался, чтобы читать или писать, пока не пришло время закуска, в 8.

В половине 9 или половине 9 он выполнял практическую работу со своим помощником, закончив они оба работали по ночам над великой книгой, или они предавались обсуждению своих проблем. В 1 час ночи, Лорд Эдвард обедал и примерно в 4 или 5 ложился спать.

Рассвет и осколки, си минор свита плыла из большой зал и доходил до ушей обоих мужчин в лаборатории. Он они были слишком заняты, чтобы осознавать, что слушают ее.

- Щипцы, - спросил лорд Эдвард у помощника. Был голос глубокий, нечеткий и каким-то образом без четко очерченного контура. “Нечеткий голос”, - сказала о ней ее дочь Люси, когда она была ребенком.

Иллидж протянул ему красивый блестящий инструмент. Лорд Эдвард издал глубокий шум, который означал “спасибо”, и повернулся с щипцами в сторону анестезированного геккона, который лежал на столе операция. Иллидж наблюдал за ним критическим и одобряющим глазом-стариком он работал замечательно хорошо. Никто бы не подумал, что существо великое и тяжелый, как он был способен на такую деликатную работу.

- Готово! - наконец-то сказал маркиз, стараясь изо всех сил, сколько ему от ревматизма их спина искривилась. - Думаю, все прошло хорошо… Что скажешь?

Иллидж сделал своей головой жест одобрения: - прекрасно - ответил он с интонацией голоса, которого, конечно, не было ни в одном из древних и дорогостоящих храмов знания. Это был ланкаширский акцент. Иллидж был маленьким человеком, у которого были волосы рыжие и детское лицо, окрашенное веснушками.

Геккон начинал просыпаться. Иллидж положит ее в безопасное место. О у животного не было хвоста; он потерял его восемь дней, и в ту ночь небольшой клубнелуковица омоложенной ткани, которая обычно он превратится в новый хвост, будет удален и привит на пень лапы ранее ампутированная передняя часть.

Пересаженный в это новое положение, побег превратится в лапа или она будет продолжать развиваться неконгруэнтно, как хвост? А первый эксперимент был сделан с новым хвостовым побегом-сформировался; и он правильно превратился в лапу. Затем в следующем, они дали побегу время для значительного развития, перед тем, как пересадить его, он оказался слишком продвинутым в своем каудальное развитие для того чтобы мочь приспособиться к новым условиям; два ученых таким образом, они создали монстра, у которого был хвост там, где он должен был быть член. В ту ночь они провели эксперимент с саженцем средний возраст.

Лорд Эдвард достал из кармана трубку и начал наполнять ее, шаг за шагом который смотрел на геккона с медитативным видом.

- Будет интересно посмотреть, что будет на этот раз, - сказал он, со своим глубокий, нечеткий голос. - По-моему, мы как раз на грани между… - Он оставил предложение неполным; ему всегда было трудно найти слова точно выражать свои мысли. - Саженец будет испытывать трудности в выбор.

- “Быть или не быть^J”, - сказал Иллидж, небрежно рассмеявшись.

Однако, видя, что Лорд Эдвард не дал никаких признаков того, что он найдет Грейс, сдержалась. Опять было неудобно… Стало скучно. с самим собой, а также, неразумно, с “стариком”. Лорд Эдвард наполнил трубку.

- Хвост превращается в лапу, - сказал медитативным тоном. — Почему механизм? Химические особенности в окрестностях…? Понятно, что это не может быть кровь. Или ты думаешь, что это как-то связано с напряжением. электрический? Потому что она меняется, конечно, в зависимости от частей тела. Наконец, почему бы нам не согласиться на случайное распространение, как рак…? Расти в соответствии с определенной формой очень маловероятно, если хорошо подумать. Очень загадочно И… - И его голос выродился в глубокий хриплый ропот. Иллидж слушал с видом упрека. Когда старик так бросился на самые большие и фундаментальные проблемы, из биологии никогда не было известно, где она окажется.

Он мог даже говорить о Боге. Честно говоря, это даже заставляло краснеть.

Иллидж был полон решимости предотвратить такое позорное событие той ночью.

- Следующий эксперимент, который мы проведем с этими гекконами, — сказал он. он своим самым живым профессиональным голосом-будет атаковать нервную систему и посмотреть, есть ли какое-либо влияние на трансплантаты. Предположим, например, что мы вырезали фрагмент позвоночника…

Но Лорд Эдвард не слушал волшебника. Я вытащил трубку. изо рта и приподнимаем голову, при этом наклоняя ее в одну сторону. Я нахмурился, как будто я пытался поймать и вспомнить что-нибудь. Он поднял руку в жесте, который повелел молчать; Иллидж остановился на середине предложения и тоже продолжал слушать… Чертеж мелодия слегка перемежалась в тишине.

- Бах? - бормотал Лорд Эдвард.

Дыхание Понгилеони и мазок анонимных скрипачей имели сотрясали воздух в Большом зале, они вибрировали оконные стекла. и они, в свою очередь, сотрясали воздух от квартира лорда Эдварда на дальней стороне. Воздух положенный в вибрация сотрясла мембрану тимпани^] лорда Эдварда; А цепь костей-молоток, наковальня, стремя - была приведена в движение и снаружи встряхнуть мембрану овального окна, создавая шторм бесконечно малая в жидкости лабиринта. Концевые нити нерва

слуховой содрогнулся как водоросли в Храбром море; большое количество темные чудеса произошли в мозгу, и Лорд Эдвард пробормотал экстатически:

- Бах! - Улыбнулся от удовольствия, глаза его мерцали. Девушка пела для себя под плавающими облаками. И тогда одинокий философ, как облако приступило к поэтической медитации.

- Что мы действительно должны сделать, так это спуститься, чтобы послушать, - сказал владелец комната. Встал. - Иди, - пригласил. - Работа может подождать. И ни каждый вечер у нас есть возможность слушать подобные вещи.

— Но… а наша одежда? - спросил Иллидж сомнительным тоном. - Я не могу спуститься, как я. - Осмотрел себя, опустив глаза. 0

его страх, даже когда он был новым, никогда не обходился без дешевого страха. И возраст, видно, я не улучшил его.

- О! Это не имеет значения. - Собака, которая нюхает зайца, не это проявило бы более неприличное нетерпение, чем Лорд Эдвард под звуки флейта Понгилеони. Взял ассистента за руку, толкнул в дверь и повел его по коридору, ММО лестницы.

- И просто вечеринка… - продолжил он. - Я помню, как я слышал, как говорит моя жена… Что-то очень бесцеремонное. И кроме того — он добавил, придумывая новые оправдания, чтобы оправдать насилие его музыкальный аппетит - мы можем проникнуть внутрь без этого… Никто это даст наше присутствие.

У иллиджа были свои сомнения.

- Я подозреваю, что это не маленькая встреча… - получил; я слышал, как подъезжают машины.

- Не важно, не важно, - прервал Лорд Эдвард. неудержимое желание Баха.

Иллидж перестал сопротивляться. Это должно было выглядеть смешно, ужасно. смешно, подумал я, с его сверкающим я боюсь голубой Сайи. Но, возможно,, хорошо размышляя, было бы еще лучше появиться синее и яркое саржевое платье - выход непосредственно из лаборатории, в поток счетов, и под защитой владелец дома (который, в свою очередь, также был одет в

твидовый жакет — - do что со своим старым я боюсь ночью, что, как он заметил от других раз, когда она проникла в блестящий мир Леди Эдвард, это было прискорбно обыкновенный и плохо обрезанный. Лучше было бы отличаться от всех богатые и элегантные-быть посетителем который упал с другой планеты интеллектуал — чем снобистский подражатель пятнадцатого порядка.

Одетый в синее, он, несомненно, подвергнется воздействию взглядов, как любопытство; но в черном костюме плохой резьбы (как слуга), это будет презрительно проигнорировано, это будет презрительно, за попытку казаться, безрезультатно, чего явно не было.

Иллидж наполнился смелостью, чтобы представлять твердо и даже с агрессивностью роль марсианского посетителя. Вход обоих был

еще более смущающе примечательно, чем предполагал Иллидж. Широко лестница Tantamount House спускается с первого этажа на две части ответвления, которые соединяются вместе, как пара равных рек, чтобы они бросились в зал, в одну архитектурную катаракту из Веронского мрамора. Он выходит из-под аркад, в середине одной из сторон крытого четырехугольника, перед вестибюлем и входной дверью.

Тот, кто входит с улицы, доминирует в зале и видит через центральную арку пограничная аркада, широкие ступени и блестящие балюстрады, которые поднимаются до площадка, где Венера Канова-гордость коллекции третьего маркиз-стоит на пьедестале в нише, прячется, или, лучше, пытаясь спрятаться, не добившись этого, с ханжеским жестом, но лицо обеих рук, их мраморные прелести. Снаружи у подножия этого мраморный триумфальный склон, на котором Леди Эдвард установила оркестр; его гости сидели в тесных рядах перед музыкант. Когда Иллидж и Лорд Эдвард согнули угол, перед Венера Канова, идущая на цыпочках, с видом заговорщиков, и приближаясь к музыке и толпе слушателей, они внезапно увидели друг друга. преобразуется в фокус сотни пар глаз. Взрыв любопытство потрясло собравшихся гостей. Появление этого огромного сгорбленный старик, который выходил из мира, столь отличного от их, курил свой трубка и одетая в твидовый жакет, она казалась им странной и полный предзнаменований.

У лорда Эдварда был смутный вид знакомого призрака. свободно; или одного из тех монстров, которые преследуют только дворцы лучших семьи, самые аристократические. Зверь Глэмиса, Минотавр лично, они не вызвали бы большего интереса, чем Лорд Эдвард. Встали люнеты, вытянутые шеи справа и слева, в движениях каждый наблюдатель старался видеть позади себя. препятствие, которое ему препятствовало. Лорд Эдвард, внезапно почувствовав всех эти любопытные взгляды были охвачены страхом. Осознание наличия совершенный социальный грех овладел им; вынул трубку изо рта, он держал его, все еще дымящийся, в кармане пиджака. Остановился, нерешительный. Убежать или двигаться вперед? Он повернулся в одну сторону, затем в другую, в результате чего все его тело, сгорбленное от бедер, качалось в любопытном

маятниковое движение, такое как медленное и тяжелое колебание шеи верблюд. На мгновение у него появилось желание отступить. Но любовь к Бах был сильнее террора. Лорд Эдвард выглядел как медведь, который пахнет меласса вынуждает, злорадствуя своим страхам, посетить лагерь охотников; это было похоже на любовника, который готов сразиться со своим вооруженным мужем и раздраженный, а также в суде по разводам, так провести час в руки возлюбленной. Двинулся вперед, спускаясь по ступенькам на цыпочках, теперь с более острым видом заговорщика-это было похоже на Гая Фокса но он все еще надеется, что против всякой причины сможет убежать от смотрит, ведя себя так, как будто Пороховой заговор продолжает разворачиваться в соответствии с установленным планом. Иллидж шел сзади его. Его лицо стало слишком красным в смущении первого но, несмотря на это смущение или, возможно, из-за него, волшебник следовал за лордом Эдвардом с какой-то бахвальством, одним из руки в кармане, улыбка на губах. Я бы спокойно повернул глаза в сторону. к другому, доминируя над толпой. На его лице было забавное выражение и пренебрежительно.

Слишком занят, чтобы играть роль обитателя Марса, Иллидж не смотрел в сторону. Внезапно он почувствовал, что ему не хватает опоры под ногами. на той монументальной лестнице, с которой я не был знаком, та лестница из невысоко широких и невысоких ступеней. Поскользнулся и остался яростно биться на грани падения, в беспорядочной агитации руки, пока он не смог уравновесить себя, чудесным образом закрепившись на ногах, на

две-три ступени ниже. Возобновил спуск со всеми достоинство, которого можно было достичь в данный момент. Я был в ярости и я ненавидел гостей Леди Эдвард, всех, всех без исключения.

ГЛАВА IV

Понгилеони превзошел себя в fimal “Badinerie”. Аксиома евклидовы, рука об руку с формулами элементарной статики, они объявили праздник. Арифметика праздновала сатумальную варварскую; алгебра сделал кабриолы. Музыка закончилась оргией математиков. Быть аплодисменты. Толли наклонился в приветствии, со всей его милостью обычный; Понгилеони наклонился; даже анонимные музыканты наклонились. О зрительный зал отодвинул стулья и встал. Вся сдержанная болтовня он взорвался потоками.

- Тебе не кажется, что старик был чудесно смешным? - Полли Логан нашел подругу.

— Да. А также маленький человечек с морковными волосами.

Они были похожи на Матта и Джеффа.

- Я думала, что умру от смеха — - сказала Нора.

- Какой колдун! - Полли теперь говорила в ярком шепоте эмоции, наклоняясь вперед и расширяя глаза, как для выражая в драматической пантомиме, в то же время в словах, Тайна старого волшебника. - Ведьмак!

- Что он там делает?

- Разрезать на кусочки лягушек и гекконов и больше, что следует… — ответить Полли.

Крысиный глаз, хвост ската, Утиная нога, морская свинка.

Читала с восторгом, опьяненная словами. И продолжил: - ибо он он ловит морских свинок и скрещивает их со змеями. Ты можешь

себе это представить. Один крест между змеей и морской свинкой?

- Уи! - закричала другая, чувствуя озноб. - Но если старик только интересуются вещами такого порядка, почему именно тогда он женился на Хильде?

Это то, что я всегда хотел знать…

- Почему она вышла за него замуж? - Здесь голос Полли спустился с от девяти до Театрального бормотания. Я хотел бы придать всем вкус сенсационные, захватывающие; такие же захватывающие и сенсационные, как то, что у них было еще для нее. Ему было всего двадцать лет. - Для этого были очень веские причины.

- Да, я так думаю.

- И помни, что она была канадкой, которая принимает причины еще сильнее.

- Ты удивляешься, как Люси…

- Агент се…

- Пси!

Другая повернулась.

- Но разве Понгилеони не был великолепен? - воскликнула она в голос очень громкий и с чрезмерно преувеличенным присутствием духа.

- Восхитительно! - ответила Полли, крича, как будто в сцена на Друри-Лейн. - Ах! А вот и Леди Эдвард. - Оба показали себя очень удивлена и очарована. - Мы были справедливо говоря о чудесном способе игры Понгилеони.

- Были? - сделал Леди Эдвард, улыбаясь, глядя то на то для другого. У него был глубокий, полный голос; он говорил неторопливо, как будто все, что он говорил, было серьезным и важным.

- Вы действительно добры, - продолжил он, неся энергично В РР. - Понгилеони итальянский, - добавил он, в то время как его лицо, где угасла улыбка, приобрело серьезный вид. - И что его

принимает еще более восхитительно.

Это, как говорится, прошло, оставив двух молодых женщин смотреть друг на друга, узловатые и красные.

Леди Эдвард была маленькой стройной женщиной; у него была элегантность линии, которые в платье с низким вырезом стали заметно склоняться к угловатость кости, точно так же, как красивые орлиные черты ее удлиненное и тонкое лицо. Французская мать и, возможно, в последнее время искусство

от парикмахера объясняли угольно-черный цвет его волос. Имел белая тусклая кожа. Ее глаза, под черными бровями и арочные, обладали этим размытостью, этой настойчивостью во взгляде, который является характерно для всех очень мрачных глаз на бледном лице. К этому родовое отключение Леди Эдвард собрала некоторую откровенную наглость пристальный взгляд и выражение наивной живости, которая была очень его. Быть глаза ребенка, ” больше d’un enfant ужасный, как Джон Бидлейк он предупредил французского друга, который взял его на парусный спорт. Этот французский коллега имел возможность сделать открытие самостоятельно.

За обеденным столом он увидел себя сидящим рядом с критиком, который, ссылаясь на на своих картинах он писал, что это работа мудака или гаято. Леди Эдвард, с невинным видом, широко раскрытыми глазами, засунула обсуждение искусства… Джон Бидлейк был в ярости. Он отвел ее в сторону, закончив я жалуюсь, и я откровенно сказал ему, что я думаю,:

- Черт возьми, возьми все это! Этот человек-мой друг. Я приношу его, чтобы увидеть тебя. Е так ты с ним обращаешься! Это слишком сильно!

Никогда еще живые черные глаза Леди Эдвард не сияли сиянием более откровенный, и его голос больше не раскрывал франко-канадский тембр сбивает с толку-потому что она знала, как изменить свой акцент по желанию принимая его более или менее колониальным, в зависимости от того, подходит ли ему быть девушкой американская Степная наивная или английская аристократка.

- Но что слишком сильно? Что я сделал на этот раз?

- Не приходи ко мне со своими комедиями…

- Но дело не в комедии. Я не знаю, о чем ты, у меня нет малейшая идея. Бидлейк объяснил ему случай критика.

- Ты знал так же хорошо, как и я. А теперь, хорошо подумав об этом, я помню, что мы говорили о его статье еще не неделю назад!

Леди Эдвард нахмурилась, словно пытаясь вернуть себе память стерта.

- И правда! - наконец воскликнул он, глядя на друга с выражение ужаса и сожаления. - Какой позор! Но ты знаешь, что моя память-потерянный случай…

- Из всех людей, которых я знаю, у тебя лучшая память.

- Но я всегда забываю. - она возразила.

- Ты забываешь только то, что помнишь. Эти вещи случаются слишком регулярно, чтобы быть случайными. Это то, что ты ты добровольно решаешь забыть.

- Какая глупость!

- Если бы у тебя была плохая память, - продолжил Бидлейк —- ты мог бы время от времени когда забывать, что мужей не следует приглашать на свидания с пресловутыми любовниками своих женщин; ты мог бы забыть несколько раз что анархисты и авторы справочных статей Morning Post не они могут быть там очень хорошими друзьями, а у благочестивых католиков не так много приятно слышать богохульства из уст профессиональных атеистов. Мочь случайно забыть все это, если у тебя плохая память. Но я тебя уверяю вас, требуется память первого порядка, чтобы всегда забывать и всегда. Память первого порядка, а также большое желание делать шалости.

Впервые с начала разговора Леди Эдвард он бросил серьезный и наивный воздух. Он рассмеялся: - действительно, мой дорогой Джон, ты невероятно смешной!

Бидлейк во время разговора обрел хорошее настроение; в свою очередь, он тоже рассмеялся.

- Прими к сведению, - сказал он, - я не возражаю против того, чтобы ты это сделал. шутки с другими людьми. Мне с ними весело. Но что ты делаешь со мной, это не так!

- Я сделаю все возможное, чтобы напомнить себе об этом в следующий раз, - сказала Хильда покорным голосом, с наивностью смотрящим на собеседника настолько непослушный, что Бидлейк не мог удержаться от смеха.

Это происходило много лет назад; она сдержала слово, а не разграбь больше пьес своему любовнику. Но с другими он продолжал показывать себя. так же смущающе невинно и забыто, как и всегда. На колесах, на которых она двигалась, ее подвиги были легендарными. Остальные смеялись. Не было слишком много жертв; ее боялись, но не любили. Однако его вечеринки

они были очень многолюдными; их повар, их дегустатор и их поставщик были первого класса. То, что ему простили, было за причина денег мужа. В остальном общество Tantamount House это было по-разному, а иногда и эксцентрично. Они принимали приглашения Леди Эдвард и они взяли реванш, говоря о ней за ее спиной. Между многие называли его снобом и охотником за знаменитостями. Но один Сноб, - должны были уступить ее защитникам, - чтобы она смеялась над пышностью и величины, в которых он жил. Охотница, которая собирала знаменитостей с целью мучить их. В среде, где англичанка из среднего класса если бы это было сомнительно и рабски, Леди Эдвард показалась бы забавной непочтительный. Он пришел из Нового Света; для нее традиционные иерархии были шутка — но живописная шутка, за которую она того стоила жить.

— Она вполне могла быть героиней того анекдота об американце и из двух английских пар, - сказал однажды старый Бидлейк. - Помните? О американец завязал разговор с двумя англичанами в поезде, нашел их и, желая позже возобновить дух товарищества, спросил-их имена. “Меня зовут, - говорит один из них, - герцог Хэмпширский, а это мой друг, Лорд Баллантрэ.“Очень приятно познакомиться, - говорит американский. Позвольте представить вам моего сына Иисуса Христа.” Быть Хильда, даже не снимая. И даже бывает, что она проводит свою жизнь именно приглашать людей, чьи титулы кажутся ему такими комичными, и заставить себя пригласить за них. Странно. - Бидлейк покачал головой. — Действительно очень странно.

Бросив двух озадаченных девушек, Леди Эдвард была почти опрокинутый очень большим и крепким человеком, который пересекал с опасная скорость зал полон людей.

- Простите! - он сделал это, не опустив взгляда, чтобы увидеть, кто собирался действуйте на землю.

Его глаза следовали за движениями того, кто нашел себя в другом конец зала; человек осознавал только маленького препятствие, предположительно человеческое, рассматривается как все препятствия окрестности были людьми. Замедлил марш и дал

шаг в сторону, таким образом, чтобы обойти препятствие. Но препятствие не это были те, кого можно легко избежать. Леди Эдвард вытянула руку и он поймал человечка за рукав.

- Уэбли! — кричать.

Эверард Уэбли, притворившись, что не чувствовал руки, держащей его за манга и не услышав голос, который произносил его имя, продолжал ходить; у него не было ни удовольствия, ни желания разговаривать с Леди Эдвард. Но она не признавала, что ее присутствие было забыто, она позволила себе затянуться в сторона человека, всегда цепляется за него.

- Уэбли! — повторять. - остановись! Ой!

И я знал, как подражать полевому Колеснику с таким скандалом и таким образом, настолько правдоподобно деревенский, что Уэбли был вынужден слушать ее в страхе привлечь внимание и веселье других гостей. Опустил взгляд на хозяйка дома.

- О, это ты — - резко сказал он. - Прости, я этого не сделал. внимание.

Раздражение, которое он выражал, нахмурив брови и маленькие вежливые слова были наполовину искренними, наполовину притворными. Webley он думал, что многие люди боятся чужой холеры; поэтому он культивировал свою естественная свирепость. И эта свирепость сохраняла других великое расстояние, избегая вам неприятностей.

- Боже Мой! - крикнула Леди Эдвард с выражением ужаса, что это была откровенно карикатура.

- Хочешь чего-нибудь? - спросил он тоном голоса, который бы использовал обратиться к бездомному нищему, который приставал к нему.

- Ты выглядишь очень сварливым.

- Если это все, что ты хотел мне сказать, я думаю, тогда я смогу…

Леди Эдвард, тем временем, проверяла его с критическим духом, воткнув в него свои откровенно непослушные глаза.

- Ты знаешь — - продолжала она, перебивая его на полуслове, как будто он не мог остановить ни минуты больше провозглашения своего великого и

внезапное открытие - что ты должен играть роль Капитана Крюка, в Питер Пэн ? Да, это правда. У тебя идеальное лицо, чтобы стать королем пиратов. Это не действительно, мистер Бэббидж? - Он случайно направился к Иллиджу, который проезжал мимо. момент, безутешно Одинокий в толпе незнакомцев.

- Спокойной ночи, - сказал маленький человечек. Сердечность улыбки Леди Эдвард не мог компенсировать все оскорбления забвения своего имя.

- Уэбли, это мистер Бэббидж, который помогает моему мужу в его занятие.

Уэбли, наклонив голову, дистанционно обратил внимание о существовании Иллиджа.

- Но вы не думаете, мистер Бэббидж, что он похож на короля. пират? - настояла Леди Эдвард. - Внимательно осмотрите его.

Иллидж смеялся, смущенный.

- И что… я не видел много пиратских королей…

- Ясно, - воскликнула Леди Эдвард, - я забыла объяснить; он действительно король пиратов. В реальной жизни. Не так ли, Уэбли?

Эверард Уэбли засмеялся на этот раз.

- Да, потому что этот, - объяснила Леди Эдвард, поворачиваясь

конфиденциально для Иллиджа-это мистер Эверард Уэбли. Глава Свободные Англичане. Вы когда-нибудь видели этих людей, которые носят зеленую форму, как хористы оперетт?

Иллидж лукаво улыбнулся, склонив голову. Тот, подумал он, был Эверард Уэбли. Основатель и глава Братства свободных англичан - A B. B. F., Братство британских Фрименов, или th eBloody Buggering Foolsfyl, как его называли враги. Неизбежное наименование; потому что, как я однажды заметил в статье, посвященной свободным англичанам, чрезвычайно хорошо информированный корреспондентфигар, ” Les initiales B. B. F. ont, pour le public anglais, une signification plutót péjorative ” ˆ 10 \ Уэбли не думал об этом, когда дал своему блоку такое имя. Иллидж с удовольствием размышлял о том, что теперь он должен был помнить

его отвлечение слишком часто.

- Если ты уже закончил свои шутки, - сказал Эверард, - я уйду.

“Муссолини с половиной чаши!“думал Иллидж. “И это было сделано даже для играть эту роль.“У иллиджа была особая личная ненависть к тем, кто хочет чтобы он был высоким и красивым, или тому, кто, казалось, отличался каким-то образом или другой. Что касается него, он был лично маленьким человеком, он выглядел как взрослый уличный мальчик. “Большая задница!”

- Надеюсь, ты не обиделась ни на что из того, что я сказал. Ты остался? - Леди Эдвард сформулировала вопрос с тревогой и сокрушение.

Иллидж вспомнил политическую карикатуру из Daily Herald. “Эй “Свободные англичане”, - сказал Уэбли, - ” существуют, чтобы гарантировать положение разведки в мире. Карикатура изображала Уэбли с половиной дюжина его головорезов в форме, убивающих рабочего ногами и дубинки. Позади стаи капиталист в цилиндре смотрел на сцену с видом одобрение. И на его огромном утробе лежит слово “разум”.

- Ты не обижен, Уэбли? - повторила Леди Эдвард.

- Ни в коем случае. Оказывается, я немного тороплюсь… Ты понимаешь. - ты сказал ему своим самым атласным голосом. - У

меня есть как быть. Я работаю, если ты знаешь, что это значит…

Ильдж пожелал, чтобы укол был дан кем-то другим. Жалкий парень! Иллидж был коммунистом. Уэбли оставил их. Леди Эдвард видел его пробивайтесь сквозь толпу.

Похоже на паровую машину. Какая энергия! Но так восприимчивы… Этот побтики хуже актрис. Какое тщеславие! И мой дорогой Уэбли не у него есть чувство юмора. Хотите, чтобы с вами обращались, как с вашим собственным колоссальная статуя, воздвигнутая народом, полным признанного восхищения. (RR Леди Эдвард ревели, как львы). Посмертно, если это что я понимаю. Как великая историческая фигура. Оказывается, что, когда я вижу его, я никогда не помню, что он в Александровской реабдаде Магно. Я всегда ошибаюсь, принимая это просто за Уэбли.

Ilbdge засмеялся. Теперь я обнаружил, что испытываю настоящую симпатию к Леди

Эдвард. Это существо чувствовало вещи такими,какими они должны быть. Казалось, что в вопросах политики он был на стороне разума. Хозяйка дом продолжается:

- Дело не в том, что эти свободные англичане перестают быть очень хорошими… — В симпатия Иллиджа начала рассеиваться так же быстро, как прорастать. - Вам не кажется, мистер Бэббидж?

Маленький человек поморщился.

- Честно говоря… — начать.

— Кстати, - сказала Леди Эдвард, прерывая то, что было бы превосходно саркастический комментарий к свободным англичанам Уэбли—, сэр, вы должны быть более осмотрительны, когда спускаетесь по этой лестнице. Потому что она ужасно скользкий.

Иллидж покраснел.

- О!… Ни за что… - пробормотал он, краснея еще больше сильный, превращающийся в настоящую свеклу до корней волос цвет когда он осознал глупость того, что он сказал. Ваше сочувствие еще более низкий уровень.

- Да, довольно скользкая, во всяком случае. - вежливо настаивал Леди Эдвард, решительно заряжая rr. - Какие были работы что вы сделали сегодня с Эдвардом? — продолжать. - Вы даже не представляете как это меня интересует.

Иллидж улыбнулся.

- Ну, если вы действительно хотите знать, мы работали в регенерация недостающих частей гекконов. - Среди гекконов он чувствовал себя более комфортно. Немного его симпатии к Леди Эдвард вернуться.

- Гекконы? Эти маленькие животные, которые ходят по стенам? - Иллидж сделал с головой утвердительный знак. - Но как они теряют части о чем вы говорили?

- В лаборатории, - объяснил другой. - И они проигрывают, потому что мы их отрезать.

- И они снова вырастают?

- Да, они снова вырастают.

- Боже мой! - вы сделали Леди Эдвард. - И сказать, что я этого не знал! Как увлекательны эти вещи! Расскажи мне еще кое-что.

В конце концов, она была не такой уж плохой… Иллидж начал объяснять. С энтузиазмом относился и к Леди Эдвард. В этот момент он был совершенно важным и значимый опыт-превращение в лапу румпеля пересаженный хвост - Когда леди Эдвард, чьи глаза получили промахнувшись из стороны в сторону, он положил одну руку на руку собеседника.

- Пойдемте со мной, я хочу познакомить вас с генералом Ноилом. И очень веселый человек… хотя, иногда, невольно!

Разоблачение Иллиджа внезапно умерло у него в горле. Он понял, что хозяйка дома не проявила ни малейшего интереса к то, что он объяснил ему-и что он даже не дал работу уделите ему наименьшее внимание. Ненавидя ее за это, он последовал за ней в тишине обида.

Генерал Нойл разговаривал с другим военным лордом. У него был воинственный, астматический голос.

- “Дорогой мой”, — сказал Я ему, - Леди Эдвард и Иллидж слушали генерала. когда они приблизились—, ” дорогой мой, не заставляй эту лошадь бежать сейчас. Это было бы преступлением”, - сказал я. “Это было бы безумием. Вытащите его из спички, вытащите его”, - сказал я. И он снял.

Леди Эдвард заметила его присутствие. Два военных показали себя они прекрасно провели вечер.

- Именно для Господа я специально выбрал Баха, генерал. — сказала Леди Эдвард, с небольшим количеством очаровательной путаницы девушка, которая исповедует любящий грех.

- О!… да… на самом деле, это было очень мило с вашей стороны. — Путаница генерал Нойл был истинным; не знал, что сделать музыкальный подарок что ей дала хозяйка дома.

- Я колебался — - намеренно продолжила Леди Эдвард тем же тоном

интимный-между Баркаролой Генделя и люксом си минор, с Понгилеони. Именно тогда я подумал о Господе и остановился на Бахе. - Ваши глаза смотрели на смущение, которое отпечаталось на красном лице генерал.

— Это была большая любезность с вашей стороны, — возразил он. - Не то чтобы у меня есть претензия, чтобы понять много музыки. Но я знаю, что мне нравится, я знаю, что мне нравится. - Эта фраза, казалось, дала ему чувство безопасности. Он прочистил горло и возобновил слово. - Я всегда говорю, что…

— А теперь, - вмешалась Леди Эдвард, триумфально завершив, - хочу познакомьте его с мистером Бэббиджем, который помогает Эдварду в его работе и который настоящий эксперт по гекконам. Мистер Бэббидж, это генерал Нойл и полковник Пилчард. - Улыбнулась последней улыбкой и потрясла.

- А этот? - воскликнул генерал. - И горько.

- Если это так… - Иллидж с радостью согласился.

Два военных посмотрели на мгновение и решили, что это замечание, исходящее от того, кто так явно думал внизу, так вне его мира, была дерзость. Хорошие католики с таким же успехом

можно позволить себе небольшие шутки о святых и привычках отцов; но они очень плохо переносят одни и те же лица, когда они прорастают из уст нечестивого. Генерал не сделал никаких словесных замечаний и полковник ограничился выражением своего неодобрения взглядом. Но как они повернулись друг к другу и продолжили свое прерванная дискуссия о скачках, как если бы они были одни, это было так намеренно оскорбительно, что Иллидж захотел дать им пинок.

- Люси, моя малышка!

- Дядя Джон!

Люси Тантамаунт повернулась и улыбнулась приемному дяде. Это было существо худой и среднего роста, как мать; у него были короткие темные волосы

смазанные маслом, которые придавали им полный черноту, и прически для сзади, со лба. Естественно бледная, она не носила румяна. Только те тонкие губы были окрашены, и в глазном фолианте было немного синего. Черное платье подчеркивало белизну рук и лопаток. Быть так что более двух лет Хеми Тантамаунт умер, потому что Люси была женат на троюродной сестре. Но он все еще носил траур — по крайней мере ночью, при искусственном освещении. 0 ниггер выглядел так хорошо!

- Как дела? - спросила она, заметив, произнося эти слова, что дядя начинал становиться с сильным видом старости.

- Я голодаю, - сказал Джон Бидлейк. Взял его из руки знакомо, держа его чуть выше локтя, с его большой рукой полосатый из синих вен. - Я хочу, чтобы ты послужил предлогом, чтобы пойти поужинать. У меня собачий голод.

- Не я…

— Неважно. Моя потребность больше, чем твоя, как справедливо заметил сэр Филип Сидни.

- Но я не хочу есть. - Она не признавала, что старик доминирует над ней, пусть это будет водить, а не водить. Но дядя Джон не сдался.

- Я в одиночку беру на себя ответственность за еду заявил он. - Я буду есть за два.

И, весело смеясь, продолжал тянуть ее в сторону столовой. Люси отказалась от боя. Они пробились сквозь толпу. Орхидея что Джон Бидлейк был в петле, зеленовато-желтый и полный пинты, это было похоже на голову змеи с открытым ртом в зевоте. У него в глазу светился монокль.

- Кто этот старик, который идет туда с Люси? - спросила Полли Логан когда они прошли.

- Это старый Бидлейк.

- Бидлейк? Тот, кто… что вы нарисовали картины? - Полли говорила с нерешительность, в том, кто, зная пробелы в своей собственной интеллект, боится совершать нелепые ошибки. - Ты говоришь, что это Бидлейк? — Партнерша сделала утвердительный знак. Она наконец почувствовала облегчение. —

Это очень хорошо, - продолжил он, брови и широко открыв глаза —, я всегда думал, что это один из тех художников эпохи Возрождения. Но ему должно быть сегодня около ста лет, не так ли?

- Нет, это далеко не так. - Норе тоже было меньше двадцати лет.

- Сила в признании, - элегантно призналась Полли — - что мужчина это не показывает, что вы в этом возрасте. У него даже есть вид льва, пирата или прекрасного Brummei; в любом случае, из тех вещей, которыми раньше были люди в молодости.

- У него было не менее пятнадцати жен, - заявила Нора.

Именно в этот момент Хьюго Брокл нашел в себе смелость представить.

Мисс не помнит меня. Мы были представлены в наших игрушечные машинки. - Как глупо это выглядело! Мальчик чувствовал, что все стало красным.

Третья и самая красивая картина" купальщиц " Джона Бидлейка он висел над дымоходом столовой Тантамаунта Хаус. Это была веселая и эффектная картина очень светлых тонов, окраски очень

чистый и яркий. Восемь любителей обильного перламутрового мяса, если они собрались в воде и на берегу реки, чтобы образовать тела и конечности в движении, своего рода венок (завершается сверху листвой дерева) вокруг центра экран. Через эту перламутровую мясную корону (потому что сами лица купальщики были просто улыбающейся плотью, без следа духовности что бы отвлечь зрителя от созерцания прекрасных форм и что с ними связано), глаз вытянулся в сторону бледного пейзажа яркие дюны, мягкие ряби и облака.

С тарелкой в руке, жуя бутерброды с икрой, старик Бидлейк вместе со своей спутницей размышлял о своей работе. Чувствовал себя полным эмоции, в которых смешались гордость и печаль.

- Хорошо, - сказал он, - прекрасно. Посмотри на путь как это было составлено. Идеальный баланс, и все же нет никаких следов повторение или искусственное расположение. - Оставил невыразимыми других

мысли и ощущения, которые картина вызвала в его духе. Быть настолько многочисленны и сбивают с толку, что их будет нелегко произнести. И особенно много меланхолики; не любил останавливаться на них. Протянул палец и коснулся буфет; это было красное дерево, натуральное дерево. - Посмотри на тело справа, там, с поднятыми руками. - Продолжил свою техническую выставку, чтобы способность подавлять, способность отпугивать нежелательные мысли. - Смотри, Как он находится в равновесии с большим изогнутым обнаженным телом слева. Сказать-это был длинный рычаг, поднимающий тяжелый груз. - Но тело оружия поднятой была Дженни Смит, самая красивая модель, которую он когда-либо имел. Воплощение красоты, воплощения глупости и пошлости. Богиня в то время как она была обнажена и держала рот закрытым; или когда закрывали рот с поцелуями; но-ах! — как только она опустит губы, как только оденься и надень эти жуткие шляпы!… Джон Бидлейк он вспомнил время, когда отвез ее в Париж. Пришлось вернуть ее в восемь дней. “Ты должна была ходить, Дженни”, - сказала она ей. Дженни плакала. “Быть было ошибкой ехать в Париж”, - продолжил он. “В Париже слишком много солнца, искусственное освещение слишком много. В следующий раз мы поедем на Шпицберг… Зимой. Там ночи они длятся полгода.“Это заставило Дженни плакать еще сильнее.

Эта девушка обладала сокровищами чувственности, а также

сокровищами красоты. Потом выпил и распался, пришел попрошайничать деньги, которые он тратил на выпивку. Наконец то, что осталось от нее, было умереть. Но настоящая Дженни осталась Ах, на экране, с руками поднятые и грудные мышцы поднимают крошечную грудь. Что он остался от Джона Бидлейка, от Джона Бидлейка 25 лет назад. также прямо на экране. Еще один Джон Бидлейк существовал, чтобы созерцать его собственный призрак. Скоро этот сам исчезнет. И в в конце концов, он был бы настоящим Бидлейком — когда женщина вышла и балофа, которая умерла, не была настоящей Дженни? Настоящая Дженни жил среди купающихся в перламутре. И настоящий Бидлейк, его создатель, существовал неявно в своих созданиях.

- Да, это хороший холст — - повторил он, закончив выставку; и тон его голос был болезненным; лицо, смотрящее на картину, было грустным. - Но в конце концов из счетов, - добавил он, после небольшого перерыва, с внезапный взрыв добровольного смеха — в конце концов, все, что есть

мой хороший, очень хороший.

Это был вызов глупым критикам, которые видели признаки распад на его недавних экранах; это был вызов его собственному прошлому, времени и старости, истинному Джону Бидлейку, который нарисовал настоящая Дженни, которая заставила ее замолчать под тяжестью своих поцелуев.

— Нет сомнений, что это хороший экран — - сказала Люси, спрашивая себя то же самое, почему картины старика так сильно ухудшились в последние годы времена. Последняя выставка была плачевной. Сам, в конце концов, он оставался таким молодым, условно говоря. “Однако, однако,” девушка подумала, глядя на художника: “он довольно постарел в этих последние месяцы.”

- Нет сомнений, - повторил он. - Это истинная точка зрения.

- Но я должен признаться — - собралась Люси, чтобы сменить тему - что, на мой взгляд, твои купальщицы-это в некотором роде оскорбление.

- Оскорбление?

- Я говорю как женщина, поймите себя. На самом деле ты

думаешь, что мы такие глубоко глупые, как ты рисуешь нас?

- Да, да, - спросил другой голос, - вы действительно думаете о нас так глупо? - Это был настойчивый, решительный голос, и слова выходили в струи, эмоционально, как будто они насильно проходят через узкая открытость, под эмоциональным давлением.

Люси и Джон Бидлейк повернулись и увидели Миссис Беттертон, массивную в ее голубовато-серое платье с руками (подумал старый Бидлейк) , которые были бедра и волосы, которые были пропорциональны щекам и многочисленным челюстям мясистые, смехотворно короткие, кудрявые и коричневые. Его нос, который он так очаровательно рвался в те дни, когда Бидлейк ехал черная лошадь, а она гнедая лошадь, теперь это было абсурдно, вещь гротескно нарочно на этом зрелом женском лице. 0 настоящий Бидлейк ехал верхом в компании с ней, как раз перед тем, как нарисовать этих купальщиц. Миссис Беттертон говорила о искусство с наивной серьезностью школьницы, которую художник нашел очаровательный. Бидлейк исцелил ее-вспомнил об этом — от страсти к

Бум-Джонс, но не смог, увы! избавить ее от предубеждений в пользу добродетели. Это было со всей серьезностью прошлого, и определенная значимая сентиментальность, как у тех, кто помнит прошлое и хотите обменяться не только общими идеями, но и воспоминания, о которых она говорила в тот момент Джону Бидлейку. Он должен был притворись, что ты был рад увидеться с ней после стольких лет.

“И необыкновенно, - подумал я, пожимая ему руку, - как мне удалось этого избежать-Ла полностью.“Он не помнил, чтобы говорил ему больше двух или четырех раз за четверть века он превратил Майи Беттертон в memento rnorf 11 -^.

- Дорогая Миссис Беттертон! - воскликнул старик. - И свидание приятный. - Но Бидлейк очень плохо скрывал свою неприязнь.

Миссис Беттертон назвала его по имени: “пойдем, Джон”, — сказала она. - ты должен ответить на наш вопрос… - Положила руку на руку Люси, тем самым связывая ее со своим требованием.

Старый Бидлейк был буквально возмущен. Это знакомство с часть памятки Мори была невыносима. Я должен был преподать ему урок. Он думал, что вопрос был хорошо выбран для того конца,

который он теперь имел в вид; эта женщина оправдала невежливую реакцию. Мэри Беттертон у нее были интеллектуальные претензии, и она очень ревновала ко всему, что касалось за душу. Вспоминая это, старик Бидлейк заявил, что никогда не знал женщина, обладающая ценностью, кроме тела и пары нога. А некоторые, — добавил он с акцентом, - даже не имели эти незаменимые атрибуты. Многие из них, несомненно, имели интересное лицо; но это ничего не значило. Полицейские собаки-объяснил - у них вид судьи, полный мудрости; волы, когда они размышляют, кажутся размышлять над проблемами метафизики; богомол производит впечатление молиться; но эти явления совершенно обманчивы. Одинаковый это случилось с женщинами. Он предпочитал рисовать своих купальщиц без масок и без одежды; предпочитал давать им лица, которые были просто продолжение их очаровательных тел, а не вводящих в заблуждение символов духовности, которой не было. Это казалось ему более правдивым, более по основополагающим фактам. Джон Бидлейк чувствовал, что к нему возвращается

хорошее настроение, когда он говорил, и, с возвращением хорошего настроения, его неприязнь к Майи Беттертон, казалось, рассеялась. Когда мы духовно хорошо настроенные, memento mori перестают приносить нам воспоминания.

- Джон, ты неисправим — - снисходительно сказала миссис Беттертон. Повернулся к Люси, улыбаясь: - но он не воспринимает всерьез ни слова о том, что вы сказали.

- Он хочет, чтобы мне казалось, наоборот, что он абсолютно убежден во всем, что сказал. Замечу, что мужчины, которые очень любят именно женщины выражают к ним самое большое презрение.

Старый Бидлейк рассмеялся.

- Потому что это те, кто знает их наиболее близко, - ответил он.

- Или, может быть, потому, что им не нравится сила, которую мы имеем над ними…

- Но я вас уверяю, - настаивала Миссис Беттертон, - что Джон не думает так. Я встретил его в то время, когда ты еще не родилась, моя возлюбленная. - Радость исчезла с лица Джона Бидлейка. Памятка Мори широко улыбалась из-за обвисшей маски Мэри

Беттертон.

— В то время, может быть, он был другим, — согласилась Люси. — Надлежать быть зараженным цинизмом самого молодого поколения. Мы плохие компания, дядя Джон. Ты должен быть осторожен.

Я вырастил одного из любимых Зайцев Миссис Беттертон. Это запустило-если в ожесточенной погоне.

- И образование, - объяснила она. - Дети получают образование в наши дни глупо. Неудивительно, что они выходят циничными. - Продолжил говорить красноречиво. -Детям дают много вещей, и очень рано. Они насыщают их отвлечениями, они приучают их ко всем удовольствиям от колыбель. Потому что я никогда не ходил в театр, кроме восемнадцати лет — заявил с гордостью.

- Моя бедная леди!

- Я начала посещать театры в шесть лет, - призналась Люси.

- И балы, тогда! - миссис Беттертон преследовала. - Выпускной бал сезон охоты, какое событие! Это было потому, что была только одна из этих праздники в течение года.

Процитировал Шекспира:

Поэтому праздники бывают, красивые и редкие,

По разреженным и по времени разделенным. Как скромное обжимание дорогих камней…

- В наши дни праздники-это жемчужные четки.

- И фальшивки, в довершение всего… - сказала Люси.

Миссис Беттертон одержала победу.

— Поддельный… видишь? Но для нас они были правдой, потому что редко. Мы не привыкли “тратить тонкий конец нечастого удовольствия” на использование повседневный. В наши дни

молодые люди скучают и устают от мира до того, как они достигли совершеннолетия… Слишком повторяющееся удовольствие он производит нечувствительность; мы больше не чувствуем его как удовольствие.

- И какое у вас лекарство? - спросил Джон Бидлейк. - Если вообще член Конгрегации имеет право задавать вопросы — собрался иронически.

- Непослушный! - крикнула Миссис Беттертон ужасным тоном. шутка. Затем снова становится серьезным: - меньше развлечений.

— Лекарство… — продолжать.

— Но я не хочу меньше отвлекаться, - возразил Джон Бидлейк.

— В этом случае, - сказала Люси, - они должны быть сильнее, п рогрессивно.

- Постепенно? - повторила Миссис Беттертон. - Но куда бы я пошел? закончить этот вид прогресса?

- На бычьих бегах? - предложил Джон Бидлейк. - Или в бою гладиаторов, на публичных казнях? Или в развлечениях

Маркиз де Сад? Где?

Люси пожала плечами: - кто знает?

Хьюго Брокл и Полли уже были в споре.

- Потому что я думаю, что это отвратительно, - говорила Полли с красным от холеры лицом - переместить войну бедным.

- Но свободные англичане не ведут войну с бедными.

- Да, да.

- Не делают. - сказал Хьюго. - Прочитайте выступления Уэбли.

- Я читаю только то, что написано о том, что он делает.

- Но то, что он делает, соответствует его словам.

- Не этот.

— Находиться. Единственное, против чего он выступает, - это классовая диктатура.

- Да, из бедного класса.

- Любого класса, - горячо настаивал Хьюго. - Это фонд его учение. И мне нужно, чтобы классы были одинаково сильными. Класс сильный рабочий, требующий высокой заработной платы, сохраняет активность среднего класса свободные профессии.

- Как блохи на собаке. - предложила Полли, рассмеявшись, в круг к хорошему настроению. Когда ей представилась комическая идея, она не могла не выражать ее, даже если это серьезно, даже если она она, как и в этом случае, уменьшилась.

- Свободные профессии? И мне нужно любой ценой, чтобы они были изобретательными и прогрессивные. - продолжал Гюго, борясь с трудностями ясный дисплей. - Без этого они не могли бы платить работникам то, что они требуют, и несут прибыль для себя. И в то же время класс сильный и умный средний продукт полезен для работников, потому что таким образом, они получают хорошее руководство и хорошую организацию. Что это значит

более высокие зарплаты, мир и счастье.

— Аминь. - Сказала Полли.

- К счастью, классовая диктатура-это абсурд — - продолжил он Хьюго. - Уэбли хочет сохранить все классы и взять их сильными. Хотите, чтобы они живут в напряженном состоянии таким образом, что государство может отнять Ваш баланс от того, что каждый тянет изо всех сил к своему сторона. Ученые говорят, что разные органы тела выглядят так. Жить в состоянии… - колебался, краснел-от враждебного симбиоза.

- Cmzes!

- Прошу прощения, - со смирением сказал Хьюго.

— Тем не менее, он не хочет позволять мужчинам бастовать.

- Потому что забастовки глупы.

- Он против демократии.

- Потому что демократия позволяет отвратительным созданиям побеждать мочь. Уэбли хочет, чтобы правили лучшие.

- Лучшие? Он, например. - Полли, саркастично.

- Ну, а почему бы и нет? Если бы ты знал, какой он замечательный парень! — Хьюго был в восторге. В течение трех месяцев он выступал в качестве одного из адъютанты Уэбли. Я никогда не встречал таких, как он.

Полли слушала эти излияния с улыбкой. Она чувствовала себя старой и верхний. В школе я испытывал такой же энтузиазм, говоря в том же тоне о учителе домашнего хозяйства. Хотя все, что ему нравилось в верности мальчика.

ГЛАВА V

Джунгли бесчисленных деревьев и нависающих виноградных лоз — вот как это выглядит при этом общественные собрания всегда представлялись воображению Уолтер Бидлейк. Джунгли шума, и он оказался теперь потерянным в джунглях,, он стремился пробиться сквозь его пышную запутанность. As люди были корнями деревьев, а их голоса были стволами и ветвями. гибкие и фестоны лиан да, а также попугаи и обезьяны болтливый.

Деревья поднимались к потолку, а с потолка, как мангровые заросли, сгорбились-если снова на землю. Но в этом уникальном зале, думал Уолтер, в этом экстравагантное сочетание римского атриума и парника пальм Ботанический сад Кью, звуковые волны, которые росли, непрерывно, до высоты трех этажей они могли бы обрести, объединившись, живую силу достаточно, чтобы прорваться сквозь слабую стеклянную крышу, которая отделяла их от ночи. наружный. Уолтер мысленно рисовал их, поднимаясь все выше и выше, как волшебный бобовый стебель из истории “убийца гиганта”, поднимающийся в полную силу небо. Поднимаясь все выше и выше, нагруженные орхидеями и какаду красочные поднимаются сквозь затяжной лондонский туман к свету. прозрачный от лунного света, плюс дым. Он представлял,

как они развеваются там высоко., в лунном свете-конечные веточки шума, слабые и воздушные. Смех стрепетый, например, этот взрывной смех толстяка из слева — он будет подниматься и подниматься, уменьшаясь по мере того, как он поднимается, до тех пор, пока пусть наверху будет не что иное, как нежное звон в лунном свете. И все эти голоса (что они говорили? “…он произнес отличную речь…”; “… только после того, как вы попробуете один из этих резиновых ремней, вы можете получить идея о том, насколько они удобны…”; “…какое раздражение…”; “…сбежал с шофер…”), все эти голоса-как бы они были странными и крошечными там в громко! Но все же там, внизу, в зарослях… Ах! Они были пронзительными, глупыми,, вульгарные, полные глупости!

Глядя через головы окружающих его людей, Уолтер увидел Фрэнк Иллидж в одиночестве прислонился к столбу. Его отношение и его улыбка, когда-то уставшие от мира и презрительные, они были байронианами, бросали

у меня есть томный забавный взгляд, как будто я наблюдаю за махинации с обезьянами. К сожалению, размышлял Уолтер, в то время как пробирался сквозь гостей, в сторону Иллиджа, этого бедного мальчик не имел физического права быть байронически превосходящим. Эй сатирические романтики должны быть стройными, медленными, изящными и красивый. Иллидж был маленьким, живым и бодрым. И какой смешной парень! Это было похоже на у мальчишки-курносый нос, широко разорванный рот; лицо сорванец очень умный и разбойник, но лицо, короче говоря, не это разрешало именно этот вид пренебрежительной вялости. В остальном, кто это может быть лучше, когда у вас есть веснушки? Лицо Иллиджа было их красят.

Карие глаза, оранжевые брови и ресницы были защитный оттенок - этот желтовато-красный от песка; визы небольшое расстояние, они исчезали в коже, как лев растворяется в пустыне. Взгляд с другого конца салона, это лицо выглядело раздетым особенности и внешний вид, как лицо статуи, вырезанной из керамогранита. Бедный Иллидж! Байроническое отношение придавало ему раньше нелепый вид.

- Привет! - сделал Бидлейк, как только он достиг расстояния, чтобы быть услышанным другой. Они пожали друг другу руки. - Как дела с наукой? - “Какой вопрос дура!”- подумал Уолтер,

произнося эти слова.

Иллидж пожал плечами.

- Менее модно, чем искусство, судя по этому празднику — - посмотрел в том. - Сегодня я видел здесь половину известностеЙ, которые они появляются в разделе литературы и живописи “кто есть кто”. Окружающая среда воняет искусство.

- И разве это не утешение для науки? - спросил Уолтер. — Искусство не любит ходить в моде.

- Думаешь? Тогда по какой причине вы пришли?

- Правда, почему? - Уолтер усеял вопрос со смехом. Он посмотрел на Томо, спрашивая себя, где будет Люси. Не а видел с тех пор, как музыка прекратилась.

- Вы пришли, чтобы показать свои навыки и получить объятия в

голова… - сказал Иллидж, пытаясь взять небольшую реванш; еще у меня было живое воспоминание о скольжении по лестнице, об отсутствии интереса к Леди Эдвард останавливает гекконов и наглость двух военных. — Посмотри на это, — продолжил он, — на эту кудрявую темноволосую девушку который идет в серебре. Та, которая выглядит как белая негритянка. Что скажи мне о ней, например? Было бы очень приятно, если бы мы почувствовали голову обниматься с таким маленьким увечьем, а?

— Хорошо… кто знает?

Иллидж рассмеялся: - вы занимаетесь превосходным и философским отношением, нет это правда? Но, дорогой мой, признай, что все это самозванец. Я знаю,, потому что я придерживаюсь того же отношения. Чтобы честно сказать ему правду., я завидую успехам тех, кто торгует искусством. Я действительно остаюсь я в ярости, когда вижу некоторых глупых, наполовину идиотских писателей…

- Как я, например.

- Нет, ты на ступеньку выше большинства из них, - признал Иллидж - Но когда я вижу этих проклятых книжников, у которых нет десятой части мой интеллект, зарабатывающий деньги и за

которым ухаживают, в то время как никто, это не придает мне значения, я иногда впадаю в ярость.

- Вы должны воспринимать этот факт как дань уважения. Если они нас ухаживают, потому что они могут более или менее понять, что мы делаем. Но нет они понимают вас; вы выше их. Равнодушие этих людей-это дань его духу.

- Может быть; но это ужасное оскорбление моего тела. - Иллидж имел болезненно осознает свое телосложение. Я знал, что я уродлив и внешний вид абсолютно лишен отличия. И, зная это, я любил напоминать себе об этом неприятном факте было как о человеке, который, имея зуб, который болит, он полторы секунды тыкает пальцем в больное место,, просто чтобы убедиться, что боль продолжается. - Если бы я был брутал, как этот Уэбли, они не будут смотреть на меня свысока, даже если я дух Ньютона. Правда в том, - продолжил он, дав на этот раз храбрый рывок в невралгическом зубе-что у меня есть внешний вид анархист. Вам повезло, и вы это хорошо знаете. Есть воздух джентльмена, или по крайней мере, от художника. Вы даже не представляете, что такое приставание, чтобы иметь вид

интеллектуал низших классов. - Зуб реагировал на исследование мучительный путь. Вытащил его еще сильнее. - Дело не только в от презрения женщин; от этих женщин, по крайней мере. Это само по себе уже довольно неприятно. Но оказывается, что полиция отказывается не делать дела от нас; она проявляет ко мне отвратительно любопытный интерес. Поверьте, меня дважды арестовывали просто потому, что я похож на эти типы, которые делают адские машины.

- История хорошая, - скептически сказал Уолтер.

- Но это правда, клянусь. Первый раз был прямо здесь, в нашем страна. Рядом с Честерфилдом. Была забастовка шахтеров. Оказывается, я я, как простой зритель, смотрел на борьбу между забастовщиками и рабочими что они сломали забастовку. Полиции не понравилось мое лицо и меня уложил ноготь. Мне потребовались часы, чтобы избавиться от нее. В другой раз это было в Италии. Какой-то петардист покушался на жизнь Муссолини, по его словам казаться. Как бы то ни было, кучка злодеев в черной рубашке заставила меня выходил из поезда в Генуе и обыскивал меня с ног до головы. Невыносимо! Е это все

просто из-за моего подрывного лица.

- Что, в конечном счете, соответствует его идеям.

- Да, но лицо-это не доказательство, это не преступление. Ну, без сомнения, - добавил Иллидж в скобках, - возможно, некоторые лица преступление. Вы знаете генерала Нойла? - Уолтер сделал с головой, что да. — Потому что его преступление карается смертной казнью. Такой человек заслуживает не меньше что за виселица. Боже Мой! Какое удовольствие мне было бы убить их всех! - Не было он поскользнулся на лестнице и потерпел крушение мясника мудак мужчины? - Как я ненавижу богатых! Ненавижу их! Вы не думаете, что они ужасные?

- Ужаснее, чем бедняки? - Память о комнате, в которой Уэзерингтон лежал больным, и Уолтеру стало стыдно за вопрос.

- Да, да. Есть ли в нас что-то особенно мерзкое, неблагородное и болезненное богатый. Деньги производят своего рода гангренозную нечувствительность. Е неизбежный. Иисус понял это. Этот отрывок о верблюде и игольчатый глаз-это простое воздействие факта. И помните, что

еще один отрывок о любви к ближнему. Если я продолжу цитировать библейские вы продолжаете думать, что я христианин, - добавил Иллидж в скобки, по - крупному. - Но нужно отдать Цезарю то, что принадлежит Цезарю. О у человека был здравый смысл; он умел понимать вещи. Хорошие отношения между соседи являются пробным камнем, который показывает богатых. Богатые просто не у них есть соседи.

- Но, черт возьми, они не отшельники.

- Но у них нет соседей в том же смысле, что и у бедных. Когда моя мама была вынуждена уйти, это была миссис Крэдок, соседка справа, который смотрел на нас. И моя мама сделала то же самое для миссис. Крэдок, когда настала очередь уходить. И когда кто-то сломал нога, или он потерял работу, мы помогали ему деньгами и едой. Е как я хорошо помню, когда я был мальчиком, мне прислали день бежать в деревню в поисках медсестры, потому что молодая Миссис. Фостер, соседка слева, внезапно подверглась нападению от боли я уезжаю раньше, чем ожидал! Когда мы живем в возрасте до 4 лет фунтов в неделю, есть ужасная потребность вести себя как христианин, любить

ближнего. Чтобы начать, вы не можете убежать от него, следующий, для так сказать, живет у него во дворе. Игнорировать его присутствие таким образом утонченно философски? Это невозможно. И нужно ненавидеть или любить; нет золотая середина; и, короче говоря, вам предпочтительнее стремиться любить соседа, потому что возможно, ему понадобится его помощь так же, как ему может понадобиться ваша-и это так срочно и так повторяется, что нет места отказам. Е пока вы обязаны давать, пока, как человек, вы не можете чтобы не дать, лучше, чтобы он любил человека, которого из любого режим вам нужно будет дать.

Уолтер сделал знак одобрения: - очевидно.

— Но у вас, богатых, - продолжал Иллидж, - нет соседей истинный. Они никогда не совершают добрососедских поступков и никогда не просят соседи, которые делают им доброту в качестве возмездия. Излишне. Вы платите людям за удовлетворение их потребностей. Можно арендовать слуги, которые будут имитировать посвящение 3 фунтов в месяц и больше еды. Не вам нужно, чтобы миссис Крэдок, соседка, пришла посмотреть на своих детей, когда

вы уходите. Есть няни и гувернантки, которые делают это за деньги. Нет, в общий вы даже не осознаете существование соседей. Они живут далеко от них. Каждый остается изолированным в своем тайном доме. Может быть трагедии за калитками; но соседи по соседству не знают о ничего.

- Слава Богу! - воскликнул Уолтер.

- Нет сомнений, вы можете благодарить Бога. Изоляция-это большая роскошь. Очень приятно, согласен. Но роскошь окупается. Никто не он тронут несчастьями, которых не знает. Невежество-это счастье, которое ничего не чувствует… На бедной улице несчастье не может быть скрыто. Жизнь-это слишком публично. Чувства добрососедства в постоянные упражнения. Но у богатых никогда не бывает шансов проявить себя хорошо. соседи по отношению к своим равным. Самое большее, что они могут сделать, это остаться. сентиментальные перед лицом страданий их величайших страданий, чем они они ни в коем случае не могут понять и показать себя снисходительно милостив. Ужасно! И это все еще богатые под его лучший вид.

Что касается худшего аспекта, то он у вас есть… — Указывать в зал, полный людей. - Они как Леди Эдвард, последний круг черт! Они как ее дочь… - Здесь Иллидж поморщился и пожал плечами.

Уолтер слушал его с болезненным и напряженным вниманием.

- Проклятый, потерянный, безнадежно коррумпированный, - продолжил Иллидж, как обвиняющий пророк. Однажды я говорил с Люси Тантамаунт., случайно и на короткое время. И девушка, казалось, плохо себя чувствовала. его присутствие…

Это было правдой, думал Уолтер, Люси была всем, о чем она говорила. зависть или упрек; однако он был также самым странным и замечательным существ. Зная все, он мог слушать все, что ее уважение, если бы они сказали. И чем более жестокими были жертвы, тем больше отчаянно он любил ее. “Credo quia absurdum. Amo quia turpe, quia indungum!- 12]

- Какая гниль! - продолжал Иллидж, великодушный. — Цветок завершенная нашей очаровательной цивилизацией, вот что это такое. Один

изысканная и ароматная имитация дикого или животного. Вот чего хватит логично большинство людей, у которых есть деньги и досуг.

Уолтер слушал его с закрытыми глазами, думая о Люси… “Один ароматная имитация дикого или животного.“Слова были истинные и мучительные; но он любил ее сильнее из-за мучения и из-за ненавистной правды.

- Ну, - сделал Иллидж другим тоном, - мне нужно пойти посмотреть, Старик хочет продолжить работу сегодня вечером. В общем, мы работаем до 1 и половина или 2 часа. И в каком-то смысле приятно жить так с отвращением., спать до перекуса, начинать работу после чая. Na правда, и очень приятно. - Протянул руку. - До скорой встречи.

- Нам нужно поужинать вместе в один из этих вечеров. - вспомнил Уолтер без много убеждений.

Иллидж утвердительно покачал головой: - давайте выберем один из них день. - и потрясла.

Уолтер пробился сквозь толпу в поисках…

Эверард Уэбли загнал лорда Эдварда в угол и был пытаясь убедить его оказать поддержку свободным англичанам.

- Но меня не интересует политика — - возразил старик голосом хриплый. - Меня не интересует политика… - И повторял фразу упрямо, с упрямством мула, все, что сказал Уэбли,, что бы это ни было.

Уэбли был красноречивым. Люди доброй воли, люди, которые у них были интересы в стране, они должны были объединиться, чтобы противостоять силам уничтожение. Это была не просто собственность, которая находилась под угрозой, не так ли только материальные интересы класса; это была английская традиция, это была личная инициатива, это был интеллект, это было все естественное различие любого какой бы пол он ни был. Свободные англичане объединились, чтобы противостоять диктатуре они были вооружены, чтобы защитить свою индивидуальность от

человек масс, против толпы; они боролись за признание естественного превосходства во всех сферах. Врагов было много и активы.

Но один предупрежденный человек стоит за двоих; когда мы видим, что бандиты приближаются, формируются в боевом порядке и раскрывают меч. (У Уэбли была слабость к мечам; он носил один, когда Свободные англичане останавливались; их речи были полны мечей; его дом был покрыт паноплиями.) Организация, дисциплина и сила они были необходимы. Борьба больше не могла вестись на конституционной почве. Парламентские методы были совершенно адекватными, когда оба партии соглашались по основополагающим принципам и не соглашались только в том, что касается незначительных деталей. Но когда они были на кону основополагающие принципы нельзя допустить, чтобы политика к ней по-прежнему относились как к парламентской игре. Нужно было прибегнуть к прямое действие или, по крайней мере, угроза прямого действия.

“Я был в парламенте пять лет, - сказал Уэбли, - достаточно долго чтобы убедиться, что в настоящее время ничего нельзя сделать с помощью парламентаризм. Англия может быть спасена только прямым действием. И только потом то, что она спасена, - это то, что мы можем снова начать думать о парламент. (Это должно быть то что-то очень отличается от текущей коллекции смехотворно богатыри, избранные народом.) Пока мы ждем этого, мы должны подготовиться к бою. И благодаря этой подготовке к бою, мы сможем одержать мирную победу. И единственная надежда. Верь мне, Лорд Эдвард, это единственная надежда.

Утомленный, как медведь, охваченный собаками, Лорд Эдвард качался тяжело из стороны в сторону, заставляя изогнутое тело вращаться от талии. - Но меня не интересует пол… - Я был слишком взволнован. чтобы закончить слово.

- Но даже если вас не интересует политика — - продолжил он Уэбли в убедительном тоне-он должен интересоваться своим имуществом, своим положение, за будущее вашей семьи. Помните, все придет вниз на общее разрушение.

- Да, но. Не… - Лорд Эдвард впадал в отчаяние. — Я… я

меня не интересуют деньги.

Однажды, годы назад, глава прокуратуры, к которой он он передал всю администрацию своего бизнеса пришел искать его несмотря на явные приказы Лорда Эдуарда, которые запрещали они пришли, чтобы раздражать его деловыми делами -, чтобы проконсультироваться с клиентом я уважаю занятость капитала. Это было около 80 000 фунтов, которые были в наличии. Лорд Эдвард был оторван от уравнений основы статики живых организмов. Когда взял знание легкомысленной причины прерывания, старик, который был обычным кроткий, он был до неузнаваемости в ярости. Мистер Фиггис, чей голос был сильным и чья манера была полна уверенности, привыкла, в интервью раньше, чтобы все было по-своему. Ярость лорда Эдварда удивился и испугался. Как будто в гневе старик вернулся по атавизму на фоне феодального прошлого, вспоминая, что он был Tantamount, который говорил с наемным сервером. Дал приказы; они были нарушены, а их одиночество нарушено неоправданно. Это было недопустимо. Если бы подобный факт был принят для воспроизведения, он должен был доверить свои дела другому прокурору. И с этим пожелал Добрый день мистеру Фиггису.

- Меня не интересуют деньги… - теперь повторяю старика. Иллидж, он приближался к собеседникам, оставаясь рядом с ними. подожди, пока кореш обратится к старику, послушай это заявление и разразился внутренним смехом.

“Эти богатые!”, думать. “Эти ублюдки богатых!“Были все тот же.

- Но если это не для вас, - настаивал Уэбли, нападая из другого сектора - пусть это будет ради цивилизации, прогресса.

Лорд Эдвард воспринял это слово. Она коснулась спускового крючка,, он выпустил поток энергии.

- Прогресс! - повторил он. И тон страдания и смущения его голос уступил место ударению твердости. - Прогресс! Господа, политики, они всегда говорят о нем. Как будто это вещь, предназначенная для длиться бесконечно. Больше двигателей, больше детей, больше еды, больше

реклама, больше денег, больше всего… и навсегда. Господа должны были но это было взять несколько уроков из предмета моей специальности. Биофизика. Прогресс, это хорошо! Это, например, то, что вы предлагаете сделать с отношение к

фосфору?

Этот вопрос стоил личного обвинения.

- Но все это совершенно не по теме, - сказал Уэбли, нетерпеливо.

- Наоборот, - возразил Лорд Эдвард, - все дело в этом. - Его голос теперь был сильным и строгим. И он говорил со степенью согласованности намного больше, чем обычный. Спичка превратила его в нового человека.; он чувствовал себя сильным в предмете, который обсуждал сейчас, и, чувствуя себя сильным, оставался действительно сильный. Атакующий медведь превращался в нападающего. - С этим интенсивное земледелие, - продолжил он, - господа просто крадет из почвы свой фосфор. Более половины процентов в год. Он будет полностью исчезает из обращения. Затем просто посмотрите, как господа выбрасывают сотни тысяч тонн ангидрида фосфорные в этих канализациях! Проливая его в море. И к этому господа они называют прогресс. Эти Moderna канализационные системы! - Тон Вашего голоса теперь он был полон молниеносного презрения. - Вы должны были быть верните его в то место, откуда он вышел. На земле. - Лорд Эдвард встряхнул палец вытянут в предупреждающий знак. Нахмурился и повторил: - на земля, вот что я вам говорю.

— Но я не имею к этому никакого отношения, — возразил Уэбли.

- Да, надо было, - строго возразил Лорд Эдвард. - Вот зло господа, политики. Они даже не думают о важных вещах. Они живут, говоря о прогрессе и большевизме, и пусть каждый год миллионы тонн фосфорного ангидрида устремляются в море. И идиот, это преступник, да… то же, что Танжер лира, пока горит Рим. — Лорд Эдвард увидел, как Уэбли открыл рот, чтобы говорить, и поспешил предвидеть ответ на возможное возражение другого.

- Без сомнения, - сказал он, - вы считаете, что эта потеря может быть компенсируется фосфатированными породами. Но что они будут делать когда будут исчерпаны депозиты? - Постучал пальцем по груди рубашки

Эверарда. - Что там написано? Более двухсот лет только, и депозиты если гасить. Господа думают, что мы в прогрессе, потому что мы живем из нашего капитала. Фосфаты, уголь, нефть, селитра; разбазаривайте все! Вот политика господ. А пока они ходят вокруг, я пытаюсь заставить нас мурашки по коже от

этих разговоров о революциях.

- Какого черта! - сказал Уэбли между злым и веселым - 0 его фосфор может подождать. Эта другая опасность неминуема. Господь хочет политическая и социальная революция?

- Будет ли эта революция сокращать население и ограничивать производство?

— Естественно.

- Потому что тогда нет сомнений, я хочу революции. — Эй мысли старика были в пределах геологического масштаба, он не боялся логические выводы. - Нет сомнений!

Иллидж по стоимости содержал смех.

- Ну, если это ваше мнение… - начал Уэбли; но Лорд Эдвард прервал его:

- Единственным результатом этого прогресса Господа будет то, что в через несколько поколений наступит настоящая революция, революция естественный, космический. Господа нарушают равновесие. На мысе, а природа должна восстановить его. И процесс будет очень неприятным для господа. Падение будет таким же быстрым, как и подъем. Быстрее до, потому что господа будут разорены, они растратят весь свой капитал. Богатый человек тратит некоторое время, чтобы реализовать все свои ресурсы. Но, как только это будет сделано, достаточно одного мгновения, чтобы добраться до страданий.

Уэбли пожал плечами.

“Старый мудак и сумасшедший!”,- сказал он вам. И вслух: - линии параллельные линии никогда не встречаются, Лорд Эдвард. Таким образом, я желаю вам спокойной ночи. Он ушел.

Через минуту старик и помощник поднимались по Триумфальной лестнице, направление вашего мира в сторону.

- Какое облегчение! - сказал лорд Эдвард, открывая дверь лаборатории. Сладострастно пылесосил легкий запах абсолютного алкоголя, в котором они находились

сохранились их образцы. - Эти вечеринки! Мы чувствуем себя счастливыми в возможность вернуться к науке. Тем не менее, музыка была на самом деле… — Ему не хватало слов, чтобы выразить свое восхищение.

Иллидж пожал плечами: - вечеринки, музыка, наука, чередующиеся развлечения для праздных. Кто платит, может выбирать. Главное - иметь деньги на платить. - Смеялся неприятно.

Иллидж чувствовал себя гораздо более возмущенным добродетелями богатых, чем за свои пороки. Обжорство, лень, чувственность и все продукты менее элегантный досуг и правильный доход могут быть прощены, именно потому, что они были постыдными. Но незаинтересованность, духовность, неподкупность, утонченная чувствительность, утонченность вкус - все это были качества, которые обычно считались достойными восхищение; вот почему он так особенно ненавидел их. Потому что эти добродетели, по словам Иллиджа, были таким роковым продуктом богатства как хроническая жажда и завтрак ли.

- Эти буржуа, - критиковал маленький человечек, - живут, украшая себя взаимно за то, что они так бескорыстны, то есть за то, что у них достаточно чтобы жить, не будучи вынужденным работать и не беспокоясь о деньги. Затем еще одна награда за то, что они могут позволить себе роскошь отказаться от чаевых. И еще один за то, что у них достаточно денег, чтобы купить все аппарат изысканной культуры. И еще один, чтобы успеть освятить-будь то искусство, чтение, сложная и затяжная галантность. Почему у них нет они откровенность открыто говорить то, что они постоянно дают понять, то есть, что корень всех его добродетелей-это хорошая работа капитал, вполне безопасный, на 5 процентов?

Забавная привязанность, которую Островдж испытывал к лорду Эдварду, была умеренной из-за хронического противоречия, которое пришло из-за того, что он думал, что все интеллектуальные и моральные достоинства старика, все его эксцентричности и очаровательные абсурды были возможны только благодаря пропорциям поистине скандальные со своего банковского счета. И это неодобрение тлеющий становился резким каждый раз, когда он слышал, как другие хвалили лорда Эдварда, восхищаться им или даже смеяться над ним. Смех, похвала и восхищение были позволены он, Ильдж, потому что понимал и мог простить. Другие люди даже не

они даже не понимали, что есть что простить. Иллидж всегда я бы поспешил их прояснить.

- Если бы старик не был потомком грабителей монастырей — раньше я говорил хвалителям и поклонникам-Я был бы сегодня в приюте нищие или в больнице для отчужденных.

И, несмотря ни на что, Иллидж искренне любил старика, адимирал его поистине талант и характер. Что мир не осознает этого, в однако это было простительно.

“Противный” - это слово, которое обычно используется для комментарий помощника лорда Эдварда. Но тот факт, что это неприятно для в глазах Иллиджа они не были богатыми, а также были неприятными. только удовольствие, но и священный долг. Он был обязан своей класс, общество в целом, будущее, дело справедливости. Даже не Старика пощадили. Ей достаточно было выдохнуть слово в пользу души (потому что у лорда Эдварда было то, что его помощник не мог рассмотреть если не как постыдное и прелюбодейное увлечение идеалистической метафизикой) чтобы Иллидж вскоре набросился на него с саркастическими комментариями по этому поводу капиталистической философии и буржуазной религии. Выражение неприязни бизнесменами с твердой головой, сочувствием к бедным, безразличие к материальным интересам провоцировало немедленную ссылку, более или менее завуалированная, но всегда саркастичная, миллионам Тантамунтов. Были дни (и это был один из них, из-за скольжения на лестнице и от невежливости генерала), в котором даже ссылка на чистую науку это вызвало насмешливый комментарий.

Иллидж был энтузиастом биологии; но как гражданин, наделенный классовое сознание, должен был признать, что чистая наука, как хороший вкус - а скука, порочность и платоническая любовь-это продукт богатства и от безделья. Я не боялся быть логичным или высмеивать свое собственное. идол.

- Есть деньги, чтобы заплатить! — повторять. - Вот что важно.

0 старик посмотрел на помощника с видом того, кто чувствует себя виноватым, эти завуалированные упреки вызывали у него определенное недомогание. Пытался изменить тематический.

- А наши головастики? — спросить. - Асимметричные.

У них была кладка головастиков из яиц, которые были при аномально высокой температуре с одной стороны и неестественно холодно от другого. Лорд Эдвард направился к стеклянному резервуару где хранили образцы. Иллидж последовал за ним.

- Асимметричные головастики! - он повторял. - Асимметричные головастики! Что изысканность! Почти так же хорошо, как играть Баха на флейте или быть знатоком вина!

Он думал о своем брате Томе, у которого были слабые легкие и который работал на Расточной машине на каком-то автомобильном заводе Манчестер. Вспомнил дни мытья в своем доме и кожу красный и морщинистый, из рук его матери, смягченный силой оставаться в воде.

- Асимметричные головастики! - повторил еще раз. И рассмеялся.

- Странно, - сказала миссис Беттертон, - странно, что великий художник может быть так цинично.

В компании Бурлапа она предпочитала верить, что Джон Бидлейк взял действительно серьезно все, что я сказал. Бурлап, рассказывая о цинизм, он испускал воодушевляющие мысли, а миссис Беттертон любила быть созидать. Не менее возвышенными были его представления о величии, для не говоря уже об искусстве.

- Потому что нужно признать, - добавила она, - что Бидлейк-это великий художник.

Бурлап медленно кивнул головой в знак одобрения. Не было глядя прямо на Миссис Беттертон, но не сводя глаз с глаз ее и лицом вниз, как будто она разговаривает с какой-то маленькой невидимый персонаж для всех, кроме него, персонаж, который он обнаружил, что находится рядом с собеседником-возможно, его знакомым демоном;

эманация собственного Я, маленький двойникˆ]. Burlap это был мужчина среднего роста, сгорбленный и несколько неуклюжий в этаж. У него были темные волосы, густые и вьющиеся, с

естественным постригом размер медали, вырезанный розовым цветом на макушке головы. Ваши серые глаза были очень глубоко вставлены в глазницы; нос и подбородок, выступающий, но хорошо сформированный; рот с пухлыми губами и так широко. По словам старого Бидлейка, который так хорошо умел делать карикатуры со словами, как с карандашом, директор литературного мира был смесь кинозлодея и Святого Антония Падуанского, сделанная художник в стиле барокко, мошенник-Лотарь и статичный преданный.

— Да, великий художник, — согласился он, - но не из величайших. — Он говорил медленно, размышляя, как будто говорил внутрь. Все это разговор был диалогом с самим собой или с этим двойник, который оказался там невидимо рядом с человеком, с которым если предполагалось, что он разговаривал; у Бурлапа была совесть постоянный и исключительный своей собственной важности.

- Не из самых больших, - неторопливо повторил он. Случайно у него было я пишу статью на тему искусства для следующего номер литературного мира. - Именно из-за этого цинизма. — Стоит ли цитировать себя? он думал.

- Сколько в этом правды! - Аплодисменты Миссис Беттертон взорвались может быть, немного преждевременно; его энтузиазм всегда был в кипение. Она сложила руки. - Сколько правды! - Посмотрел в лицо он вернулся из Бурлапа и нашел его таким духовным, таким красивым в своем жанре…

- Как циник может быть великим художником? - продолжил он, решил уже сбросить статью на собеседника, столкнувшись с хотя риск того, что она узнает его, когда увидит его в печати во вторник следующий. Даже если бы миссис Беттертон узнала его, это бы не стерло личное впечатление, которое он произвел на нее, читая его. ” но зачем ты хочешь произвести на вас впечатление?“вмешался игривый дьявол. “Если это не потому, что она богата и может быть тебе полезна, только Бог знает, почему это так!“Дьявол был яростно толкнул, с ударом вилы, в то место, откуда прийти. “У нас есть свои обязанности”, - поспешно объяснил один

ангел. “Лампу нельзя прятать под бушелем. Нужно пусть она сияет, особенно для людей доброй воли.“Миссис. Беттертон был

на стороне ангелов; его верность должна была быть укреплена. — Великий артист, - вслух продолжил Бурлап — - это человек, который это синтезирует весь опыт. Циник начинает с отрицания половины фактов; факт души, факт идеалов, факт Бога. И все же у нас есть осознание духовных фактов таким прямым и несомненным образом, как мы осознаем физические факты.

- Естественно, естественно! - воскликнула Миссис Беттертон.

- Абсурдно отрицать тот или иной класс фактов. - “Абсурдно отрицать-я”; сказал знакомый демон, сунув голову в сознательную реальность Бурлап.

- Это абсурд!

- 0 циник ограничивается лишь половиной возможного опыта. Меньше чем половина. Потому что духовных переживаний больше, чем телесных.

- Бесконечно больше!

- Циник может хорошо относиться к вашей ограниченной теме. И Бидлейк, я согласен, сделать. Замечательно хорошо. У него есть весь чистый талант художников плюс законченный. Есть, или, по крайней мере, было.

- У меня была, - вздохнула Миссис Беттертон, - когда я с ним познакомилась. — Эта наблюдение подразумевало мысль о том, что его влияние было оказано Bidlake краска так хорошо.

- Но он всегда прикладывал свои силы к мелочам. Что он синтезированный в его искусстве был ограничен, относительно неважен.

— Это то, что я тебе всегда говорил, - сделала Миссис Беттертон., переосмысление аргументов его юности относительно про-рафаэлизм в Новом Свете, благоприятном для его собственной репутации. — “Считай бум-Джонса”,-говорил я ему. - Память о огромный раблезианский смех Джона Бидлейка отразился на его ушах.

- Не то чтобы буме-Джонс был особенно хорошим художником — поспешил добавить. (“Он рисовал”, - сказал Джон Бидлейк, - и как она она была шокирована, глубоко обижена — ” как будто никогда не

видел всю свою жизнь пару ягодиц.")- Но его дела были благородный. "Если бы у тебя были его мечты, - всегда говорил Я Джону Бидлейку, - если бы ты если бы у тебя были его идеалы, ты бы действительно был великим художником."

Бурлап склонил голову, выражая свое согласие в улыбке. "Да, она на стороне ангелов", - подумала она; " ей нужна поддержка. А люди несут свою ответственность."Демон моргнул глазом. Было что-то в улыбка Бурлапа отражала Миссис Беттертон, которая напоминала Леонардо или Содом — нечто таинственное, тонкое, внутреннее.

— Однако обратите внимание, - сказал он, медленно извергая свою статью, предложение за предложением-предмет не делает произведение искусства. Уиттиер и Лонгфелло они были достаточно наполнены великими мыслями. Но что они писали очень маленькие стихи.

- Сколько правды!

- Единственное обобщение, которым мы можем рискнуть, - это то, что величайшие работы у искусства были большие предметы; и какие произведения в томе мелких предметов, как бы хорошо они ни были закончены, они никогда не бывают такими хорошими…

- Слушай, Уолтер, — сказала миссис Беттертон, перебивая его. — Ошибаюсь, как мыслящая душа. Уолтер!

При звуке его имени Уолтер повернулся. Беттертон-Господи! Е Берлап! Заставил улыбнуться. Но миссис Беттертон и ее коллега по литературе Мир были последними людьми в мире, которых он хотел видеть в этом момент.

- Мы как раз спорили о величии в искусстве — вы объяснили Миссис Беттертон. - Мистер Берлап говорил такие вещи. глубоко!

И он начал повторять глубины в пользу Уолтера. Этот, в то же время он спросил себя, Почему способ Burlap для с ним было так холодно,так далеко, так замкнуто, даже враждебно. Люди я никогда не знал, какое отношение я должен принять перед Бурлапом. Это было то, что было плохо в этом человеке. Либо хорошо он любил, либо хорошо ненавидел.

Жизнь с ним была серией сцен-сцен враждебности или, вещи еще

более болезненные, по мнению Уолтера, сцены привязанности. В случае или

в другом случае эмоции текли всегда. Редко бывают перерывы на воду приятно спокойно. Прилив всегда был в движении. Но почему теперь она бежала на сторону враждебности?

Миссис Беттертон продолжила свою выставку глубин. Уолтер обнаружил, что они любопытно аналогичны некоторым параграфам в этой статье из Бурлапа, чьи доказательства в то же утро он исправлял для печать.

Воспроизводится-последовательными восторженными всплесками - на основе словесное воспроизведение Бурлапа, статья казалась несколько нелепой. Свет рассвет. В этом причина? Уолтер посмотрел на Бурлапа. Лицо этого у него была каменная бесстрастность.

- Думаю, я должен уйти, - резко сказал Бурлап, когда Миссис Беттертон сделала перерыв.

- Но нет, - возразила она. - И почему?

Бурлап приложил усилия и улыбнулся своей Содомской улыбке.

- Слишком много с миром, - сказал он в загадочной цитате. Я любил говорить загадочные вещи, позволял им падать с удивлением посреди разговор.

- Но ты никогда не бываешь с нами, - лелеяла Миссис Беттертон.

- И толпа, - объяснил он. - Через некоторое время я застреваю в паника. У меня такое ощущение, что они смертельно сокрушают мою душу. Я я бы крикнул, Если бы остался.

Он ушел.

- Какой замечательный человек! - воскликнула Миссис Беттертон перед тем, как Burlap был вне досягаемости в свою очередь. - Это должно быть что-то замечательно для тебя работать с ним.

- И хороший начальник отдела новостей, - сказал Уолтер.

- Но я думал о его личности. Как мне сказать? В духовном качестве человека.

Уолтер утвердительно кивнул и сказал:” Да”, Дума очень расплывчатый путь. Духовное качество Бурлапа было именно тем, что

это не вызывало у него особого энтузиазма.

- В такие времена, как наша, — продолжала Миссис Беттертон, - Бурлап-это оазис в пустыне глупого легкомыслия и цинизма.

- Некоторые из ваших идей первого порядка, - согласился Уолтер, осторожный. Я спрашивал себя, какое минимальное время будет он должен был бы предпринять приличный побег.

- Вот Уолтер — - сказала Леди Эдвард.

- Уолтер чего? - спросил Бидлейк. Унесенные цепями, мирские, отец и сын встретились.

- Твой Уолтер.

- Ах! Мой…

Старый Бидлейк не проявил особого интереса, но пошел в направлении взгляд собеседницы.

- Сорняк! - сказал он.

Он хотел навредить своим детям за то, что они выросли; вырастая, они они толкают в прошлое, год за годом, назад, к бездне и тьма. Там был Уолтер; он родился только вчера. Однако теперь он должен иметь 25 лет, негодяй!

- Бедный Уолтер; там не очень хорошо выглядит, нет.

Похоже, у него есть педики. - свирепо сказал Бидлейк.

- Как дела у него?

Бидлейк пожал плечами.

- Как обычно, полагаю.

- Я никогда не видел женщину.

- Да, я видел.и ужасно.

- Как? Вульгарно?

- Нет, нет. Я бы хотел, чтобы это было, - возразил Бидлейк. - Это изысканно, ужасно изысканно. И так говорит. - Здесь старик начал говорить о невнятный фальцет, который был имитацией голоса Майджори. - Как мягкий невинная девица. И так серьезно, так превосходно… - Прервал имитацию с его глубоким смехом. - Знаешь, что она мне однажды сказала? Надлежать объясните, что она всегда говорит мне об искусстве. Искусство с большой буквы. Она сказала, - голос старика снова поднялся до детского фальцета: - ” я думаю, что есть место для Фра Анжелико и Рубенса.”- Bidlake взял падение гомеровский смех. - Какой мудак! И имеет нос не менее 10 сантиметры в длину!

Мейджори открыла коробку, в которой хранила свои бумаги частности. Все письма Уолтера. Развязал ленту и осмотрел их. за одну. “Уважаемая Миссис Карлинг, я посылаю вам в отдельной упаковке том из писем Китса, о которых я вам сегодня рассказывал. Не давайте себе работу МО вернуть, прошу. У меня есть еще один экземпляр, который я должен прочитать, чтобы иметь приятно сопровождать ее, даже на расстоянии, в одном духовном приключении.”

Она была первой. Maijorie прочитал его от начала до конца и отбил на память немного приятного сюрприза, что эта фраза о приключении духовное вызвало в ней изначально. В разговоре Уолтер всегда имел казалось, что он уклоняется от прямых и личных приближений, это было болезненно застенчивый. Она не ожидала от парня такого письма. Позже, когда он писал ей много раз, Майджори привык к своим своеобразие. Он полагал, что Уолтер больше обеспокоен жалостью, чем лицом к лицу. Вся любовь молодого человека — по крайней мере, вся любовь, которая была и все то, что в то время, когда он делал ему суд, было более или менее пылкий-это было в его письмах. Это расположение подходит отлично Майджори. Я хотел бы продолжать культивировать бесконечно изысканная и пылкая любовь к почте. Мне нравилась идея любви; нет он любил любовников, кроме расстояния и в воображении. Курс страсть к переписке была для нее идеальной и идеальной формой

отношения между женщиной и мужчиной. Еще лучше было бы иметь личные отношения с женщины; потому что женщины обладают всеми хорошими качествами, чем мужчины они показывают только расстояние, с тем преимуществом, что они эффективно

подарок. Они могут оставаться в комнате с любимым человеком, но не они не требуют от нее ничего, кроме мужчины, который находится в другом конец почтовой системы. С ее застенчивостью и с ее эпистолярная свобода и пыл, Уолтер в глазах Майджори был похож соберите лучшие преимущества обоих полов. А потом мальчик становится проявлял такой глубокий и лестный интерес ко всему сколько она делала, думала и чувствовала… Бедная Майджори не привыкла у нее есть люди, которым она интересна.

“Сфинкс”, - читала она в третьем письме Уолтера. (Он назвал это “сфинкс” из-за его загадочного молчания. Карлинг, по той же причине, он называл его репой или саженцем.) “Сфинкс, почему ты прячешься внутри своего раковина тишины? Можно было бы сказать, что тебе стыдно за твою доброту, за твою сладость и твой интеллект. Но все эти качества ставят голову на из скорлупы, злая твоя.”

Слезы текли на глазах Майджори. Уолтер был так добрый к ней, так боюсь и добрый! А теперь…

“Любовь”, - прочитала она в следующем письме с затуманенным слезами взглядом, - ” о любовь может превратить физическое желание в духовное желание; у него есть сила магия превращения тела в чистую душу…”

Да, у него тоже были эти желания. Он тоже. Все мужчины они были, полагала она. Это было ужасно. Он почувствовал озноб, вспоминая Карлинг, даже вспоминая Уолтера, с тем же ужасом. Да, даже Уолтер, хотя он был таким добрым и внимательным. Уолтер вы поняли, что она чувствует. Это было то, что было еще более необычным ваше нынешнее отношение. Это было похоже на то, и вдруг он преобразился кто-то другой, какой-то дикий зверь, со всеми жестокостями и со всеми животными аппетитами.

- Как он может быть таким жестоким? - спросила сама Майджори. - Как он может быть таким решительным? Он, Уолтер, его Уолтер, настоящий Уолтер, был таким добрым и таким полным

понимания и восторги, это было так чудесно лишено эгоизма, так хорошо! Вне из-за той доброты и той доброты, которую она любила его, несмотря на быть человеком, который питал “эти” желания; его преданность была всей

для этого заботливого, бескорыстного Уолтера, которого она встретила, и восхищались после того, как они начали жить вместе. Майджори пришла в любить даже не достойные восхищения проявления этой мягкости темперамент, когда она скиталась по слабости; любил Уолтера даже когда он позволял себе грабить такси и грузоотправители, когда он давал деньги бродяги, которые рассказывали ему явно ложные истории о работа на другом конце страны и необходимость организовать деньги на транспорт. Его чувствительность была чрезмерно живой в понимание чужой точки зрения. В вашем беспокойстве быть справедливым для по отношению к другим он часто соглашался быть несправедливым по отношению к себе. Он всегда был готов пожертвовать своими правами, предпочтительно наименьший риск ущемления прав Ближнего.

Это было соображение, понимала Майджори, которое превратилось в слабость. Это было на грани принятия порока; рассмотрение, кроме того это произошло из-за его застенчивости, из-за его брезгливого желания убежать от любой конфликт, а также любой неприятный контакт. Несмотря ни на что она любила его за это, она любила его, даже когда эти чувства привели его к относиться к ней менее справедливо. За то, что я пришел посмотреть Майджори как существо, которое не достигло предела, отделяющего его от остальной части мир, Уолтер был несколько раз, в его чрезмерном почтении к права других, приносили в жертву не только свои собственные права, но также и у партнера. Как часто, например, Майджори он возразил, что ему недоплачивают за работу, которую он выполнял в Literary WorJdl Maijorie подумал о последних переговорах, которые они имели уважение к предмету, для него самое ненавистное из всех.

- Бурлап эксплуатирует тебя, Уолтер, — сказала она ей.

- Но Газета очень бедная.

У Уолтера всегда были оправдания за халатность других в отношение к нему.

- Но почему ты позволяешь исследовать?

- Меня не эксплуатируют. - В голосе была нота раздражения от него раздражение человека, который знает, что он ошибается. - И даже

что бы это ни было, я бы предпочел продолжать в том же духе, чем торговать своим фунтом мяса. В конце концов, это дело касается только меня, это мое дело.

- И чувак! - Майджори подняла бухгалтерскую книгу, с которой она столкнулась занята, когда начался разговор. - Если бы ты знал о ценах на зелень…

Уолтер внезапно покраснел и покинул купе, не сказав слово. Разговор и инцидент были типичными-похожими на многих другой. Уолтер никогда не был намеренно жесток по отношению к ней; вне его только по ошибке, из-за чрезмерного внимания к другим, и к даже шаг, который был жестоким по отношению к себе. Maijorie не его я хотел зла за эти несправедливости. Они доказали, насколько близко он это было связано с ней. Но теперь, теперь не было ничего случайного в его жестокость. Добрый и внимательный Уолтер исчез, чтобы дать место для другого — другого, который был безжалостен и полон ненависти — другого, который, преднамеренный способ заставлял ее страдать.

Леди Эдвард рассмеялась.

- Я просто хотел знать, что Уолтер мог найти в ней, если женщина как ни прискорбно, как ты ее описываешь.

- Но что мы можем найти в ком-то другом? Джон Бидлейк он говорил меланхоличным тоном. Внезапно начал чувствовать больная. Угнетение желудка, чувство тошноты, тенденция к икоте. В последнее время это часто случается. Всегда после еды. Бикарбонат, похоже, не очень хорошо ему подходит. — В этих вопросах, - добавил он, - мы все одинаково сумасшедшие.

- Спасибо! - смеялась Леди Эдвард.

И старый Bidlake, делая попытку быть галантным — - кроме присутствующие люди, - сказал он с улыбкой и легкой месурой.

Заглушил новая икота. Как плохо я себя чувствовал! - Ты не заметишь, если я сижу? Стоять все это время на ногах… - Тяжело упал дальше, стул.

Леди Эдвард посмотрела на него с некоторой заботой, но ничего не сказала.

Я знал, как сильно Бидлейк ненавидит любое упоминание о возрасте, болезни или физическая слабость.

“Должно быть, это была икра”, - подумал Бидлейк. “Эта чертова икра.” Быть яростно ненавидел икру. В каждом Черноморском Осетре он имел теперь личный враг.

Бедный Уолтер! - сказала Леди Эдвард, повторяя разговор в в этот момент она была прервана. - А у него такой талант!

Джон Бидлейк презрительно фыркнул. Леди Эдвард поняла, что сказала чего не следовало-по ошибке, чисто по ошибке, на этот раз. Изменился с вопрос.

- А Элинор? Когда твоя Элинор вернется? Элинор и Куорлз?

- Завтра уезжают из Бомбея, - стильно ответил Джон Бидлейк телеграфный. Я был слишком занят, думая о икре и ее интуитивные ощущения, чтобы иметь возможность дать более явный ответ.

ГЛАВА VI

- Индийцы выпили свой либерализм из ваших источников — - сказал г-н сита. Рам, ссылаясь на одно из своих выступлений в Законодательном Собрании. Он указал на Филиппа Куорлза обвинительным пальцем. Капли пота стекали один за другим вдоль его уродливых коричневых щек; можно сказать, что он она оплакивала мать Индию. Одна из капель висела, как переливающийся драгоценный камень в свете лампочек, на кончике ее носа. Фульгия и она дрожала, когда мужчина говорил,

как будто она тоже была взволнована патриотические чувства. Был момент, когда эти чувства они были слишком сильны для нее. Слово “источник” капля кулон был окончательный насильственный захват и упал между битами сломанная рыба из тарелки Мистера Ситы Рам.

- Берк и Бэкон, - продолжал мистер сита Рам, - Мильтон и Маколей…

- О, смотрите! - Голос Элинор Куорлз издал крик высокий сигнал тревоги. Она поднялась так внезапно, что ее стул упал на позади.

- Что там ? - спросил индус тоном раздражения. — Быть неприятно быть прерванным в середине перорации.

Элинор протянула руку, показывая очень большую серую лягушку, которая он пытался пересечь балкон, кропотливо, прыгая. Внутри тишина, его движения были слышны, мягкие удары, как будто кто-то неоднократно роняйте влажную губку на пол. - Лягушка не делает плохо никому, - сказал г-н сита Рам, привыкший к тропической фауне.

Элинор бросила на мужа мольбу. И взгляд, с которым он он ответил неодобрительно.

- Действительно, моя дорогая, — возразил Филип Куорлз. Сам у него была сильная неприязнь к слизистым животным. Но я знал, как это скрыть. чувство со стоицизмом. То же самое было и с кормлением. Был (и истинное, полностью выразительное слово пришло ему в голову) качество “солончака” в рыбе, которую они съели. Несмотря на это, ему удалось

съешь его. Элинор оставила его нетронутым после первого глотка.

- Тебе не помешает вывести его на улицу? - пробормотала она. Ваш лицо выражало внутреннюю агонию. - Ты знаешь, как я ненавижу этих тварей.

Муж рассмеялся. После извинений перед мистером Ситой Рам, он поднялся, очень высокий и стройный, и хромал по крыльцу. С кончик его тяжелого ортопедического ботинка привел животное к краю платформа. Лягушка шумно опрокинулась в саду. Расширение взгляда выйдя наружу, Филипп увидел море, которое

сияло сквозь ножки пальма. Алуа поднялся, и хохлатая листва стала черной на фоне небо. Ни один лист не двигался. Было огромное тепло, тепло, которое казалось, что с наступлением ночи все становилось все больше. Тепло под солнцем терпимо; это было естественно. Но эта удушающая безвестность… Филипп вытер лицо и взял сесть за стол.

- Как вы сказали, Мистер сита Рам…

Но первая замечательная и беззаботная арруба Мистера Ситы Рам уже испарять.

- Я сегодня перечитывал некоторые работы Морли, - объявил он.

- Попугай? - воскликнул Филип Куорлз, который любил, время от времени когда, целенаправленно использовать термины школьного сленга. Это он всегда производил свой эффект в разгар серьезного разговора. Но вряд ли можно было ожидать, что мистер сита Рам поймает значение полный из этого ” попугай!”

- Какой мыслитель! - продолжал индус. - Какой великий мыслитель! И его стиль такой чистый…

— Несомненно…

- Есть несколько хороших фраз, - продолжил мистер сита Рам. - Я их записала. - Покопался в карманах, но не смог найти записную книжку, - не делает зло. Но это были хорошие фразы. Иногда мы читаем целую книгу, не находя простое предложение, которое мы можем запомнить, чтобы сделать цитату. Для того я спрашиваю вас о таких книгах?

- Для чего они вообще нужны?

Четыре или пять неряшливых слуг вышли из дома и

поменяли посуду. Появилось сомнительно выглядящее блюдо из крокетов. Элинор бросила отчаянный взгляд на своего мужа, а затем повернулась к мистеру Дж. Сита рам, чтобы заверить его, что он никогда не ел мяса. Филипп, ест стоически он одобрил мудрость женщины. Выпили сладкое шампанское, что было почти так же жарко, как чай. За фрикадельками последовали конфеты-большие, бледные шары (очень обработанные, было видно, долго и ласково скатываются между ладонями), двусмысленное

вещество, одновременно слизистое и зернистое, вкус которого и жир и баранина сохранялись через сладость.

Под влиянием шампанского Мистер сита Рам вновь обрел красноречие. Его последняя речь была произнесена во второй раз.

— Есть один закон для англичан, — сказал он, - и один для индусов, один для угнетателей и для угнетенных. Слово “Справедливость” или он либо исчез из вашего словаря, либо изменил свое значение.

- Я убежден, что это изменило значение. - сказал Филип.

Мистер сита Рам не обращал на вас внимания. Он был полон возмущения, священный, тем более жестокий, что он был бессилен.

- Рассмотрим дело, - продолжил он (и его голос, который он уже не контролировал, дрожал) - от этого опального начальника станции Бхованипур.

Но Филипп отказался рассматривать это. Я думал о том, как слово “справедливость” меняет свое значение. Справедливость для Индии означала вещь до того, как он посетил страну. Это означало что-то совсем другое теперь, когда он я собирался покинуть его. Начальник станции Бхованипур, по-видимому, у него был лист услуг без пятен и девять детей.

- Но почему бы вам не научить их ограничивать рождаемость, Мистер сита Рам? — - спросила Элинор. Эти описания огромных семей вызывали у него отвращение. Он вспомнил, как сильно он пострадал, когда у него родился маленький Фил. Е, в конце концов, у нее был хлороформ, две медсестры и Сэр Клод Аглет. В то время как жена начальника станции Bhowanipore… Элинор я слышал о методах индийских акушерок. Вздрогнуть. - Это не случайно единственная надежда для Индии?

Однако г-н сита Рам думал, что единственная надежда - это

всеобщее избирательное право и автономия. Это продолжалось с историей босса станция. Человек успешно сдал все экзамены; его названия были лучшими из возможных. И все же четыре раза он переставал продвинуться. Четыре раза, и всегда в пользу европейцев или метис. Кровь Мистера Ситы Рам кипела, когда он

думал о 5000 годы индуистской цивилизации, индуистской духовности, морального превосходства индус, цинично растоптанный, в лице начальника станции Бхованипур, англичане.

- Это справедливость, спрашиваю я? - Постучал по столу.

“Кто знает?”- мечтал Филипп. “Может быть, это так.”

Элинор все еще думала о своих девяти детях. Чтобы получить роды быстро, акушерки, как я слышал — танцуют чечетку над своими пациент. А вместо спорыньи используют суспензию из навоза корова и молотое стекло.

- Вы называете это справедливостью? - повторял Мистер сита Рам.

Понимая, что от него ожидается какой-то ответ, Филипп встряхнул голова и сказал: - Нет.

- Вы должны написать об этом, - предложил г-н сита. Рам. - Я должен разоблачить скандал.

Филипп извинялся; он был просто писателем романов, а не политиком или журналист. И в явном невнимании собрался: — знаком со стариком Даулат Сингх? Тот, кто живет в Аджмере?

- Я уже нашел этого человека — - сказал мистер сита Рам, чей тон голоса было совершенно ясно, что ему не нравится Даулат Сингх или что, возможно, (больше наверное, подумал Филипп) не оставил на нем хорошего впечатления.

- Это показалось мне отличным человеком, - сказал Филипп. Для мужчин, как Даулат Сингх справедливость должна означать нечто совершенно иное, чем это означало для мистера Ситы рам или начальника станции Бхованипур. Он вспомнил это старое черное лицо, яркие глаза и страсть сдержанный из его слов. Если бы только человек мог воздержаться от жевания Бетей…

Пришло время отъезда. Наконец. Они попрощались с

почти чрезмерная сердечность, они забрались к ожидающему их автомобилю и быть. Под пальмами Джуху земля была пронизана серебряными монетами сияющий, забрызганный лужами ртути. Они катились через дрожащее и непрерывное мерцание света и

тени-кино двадцать назад много лет назад - пока, выйдя из-под пальм, они не оказались в полная вспышка огромной луны.

“Ах, триформная Геката!”- подумал Филипп, моргая перед этим круглое зарево. “Но как насчет Ситы Рам, Даулата Сингха и главы станция? И жалкая старая Индия, справедливость, свобода, прогресс и будущее? Правда в том, что все это меня не волнует. Ни тика. Е позорный. Но мне все равно. И форм Гекаты не три. Быть тысячи, это миллионы. Море. Неморская богиня Тифатина. Изменение в прямое отношение произведения масс и обратное отношение квадрата расстояние. Маленький, как 1 гульден, на кончике руки, но такой же большой, как Российская империя. Больше, чем Индия. Какой комфорт вернуться в Европу снова! И думать, что было время, когда я читал книги о я занималась йогой, делала дыхательные упражнения и пыталась убедить себя, что я на самом деле не существовало! Какая ерунда! Это был результат лекций с этим идиот Бурлап. Но, к счастью, другие не оставляют на мне очень длительное впечатление. Они впечатляют меня легко, как лодка, оставь свой след в воде. Но вода принимает закрыть. Я просто хотел знать как будет выглядеть эта итальянская лодка, которую мы возьмем завтра. Все лодки Ллойд Триестино имеют репутацию хороших. “К счастью”, - сказал я; но разве нам не должно быть стыдно за собственное безразличие? Эта притча о сеятель. Семя, упавшее на злую землю. И все же положительно, не стоит притворяться тем, кем мы не являемся. Результат этого можно увидеть в Бурлап. Какой комик! Но он ускользает от части людей. Включая вас даже, полагаю. Я не думаю, что есть сознательные лицемеры, кроме особые случаи. Невозможно продолжать играть одну и ту же роль всегда и всегда. В любом случае, было бы неплохо узнать, кто мы верить во что-то до такой степени, что вы готовы убить или умереть. Это был бы большой опыт…”

Элинор подняла лицо на тот же блестящий диск. Луна, Луна паводок… И она мгновенно переместилась во времени и пространстве. Опустить

и повернулся к мужу, и взял его из руки и крепко оперся против него.

- Помнишь те ночи? В саду, в Гаттендене. Ты помнишь, Фил?

Слова Элинор дошли до ушей писателя, как будто приходя на

большом расстоянии и в мире, за который в этот момент не мне было интересно. Филипп неохотно проснулся.

- Какие ночи? - спросил он, говоря, как будто из глубины бездны, и с этим бесцветным голосом без интонации человека, который отвечает на назойливый телефонный звонок.

При звуке этого телефонного голоса Элинор живо отдалилась от мужа. Угнаться за кем-то, чьи мысли далеки, - это не только разочарование; это также унижение. На самом деле, какие ночи?

- Почему бы тебе не любить меня больше? - с отчаянием спросила Элинор. Как если бы можно было говорить о ночах, отличных от тех, прекрасные летние ночи, которые они оба провели сразу после свадьба в доме ее матери. - Ты даже не принимаешь ни малейшего интереса к я, сейчас; это как если бы я был предметом мебели, гораздо меньше, чем книга.

- Но, Элинор, о чем ты говоришь? - спросил Филипп, поставив в голосе преувеличенное изумление. После первого момента, когда уже успела выйти на поверхность, так сказать, выйдя из глубин из своей задумчивости он мог понять, что имела в виду женщина, связал Луну Индии с той Луной, которая сияла восемь лет назад над садом из Хартфордшира. Я мог бы сказать это, естественно. Это облегчило бы примирение. Но я был раздражен тем, что меня прервали, я не любил что они упрекали его, и было сильное искушение почувствовать себя победителем в турнире. ораторское искусство с женой. - Я формулирую простой вопрос, - продолжил он - просто хочу знать, что ты хотел сказать. И ты отвечаешь мне жалоба, что я тебя не люблю. Я не могу понять логическую связь между одно и другое…

- Но ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, — сказал он. Элинор. - И в остальном это правда. Ты больше не любишь меня.

- Но бывает, что у меня есть, есть, да, - вернулся Филипп, и, все же перестрелка (если, ну, зря, как он знал) в области диалектика, он продолжал, как маленький Сократ, со своей викториной. — Но что я действительно хочу знать, так это то, как мы дошли до этого момента, уходя с того места, с которого мы начали. Мы начали с вечеров и сейчас…

Но Элинор больше интересовалась любовью, чем логикой.

- О, я знаю, ты не имеешь в виду, что не любишь меня — - прервал его. — По крайней мере, на словах. Ты не хочешь задеть мои чувства. Но ты меня тебе было бы меньше больно, если бы ты сказал мне все округло, а не то, как ты это делаешь теперь. Потому что это уклонение стоит как признание. И это ранит больше, потому что это длится больше времени, потому что есть надежда, неуверенность и повторение боли. В то время как слова не произносятся окончательно, всегда есть возможно, они на самом деле не означают того, что подразумевалось. Всегда есть пространство для надежды, даже когда ты знаешь, что было подразумеваемый. А там, где есть надежда, есть разочарование… Ты больше не добр к избежать вопроса, Филип, ты жестче. Почему я должен уклоняться, раз ты меня любишь?

- Но я не уклонялся. - возразил он, - почему ты должен, учитывая, что ты люблю?

- Да, но как? Как ты меня любишь? Не так, как раньше, в начало, или, может быть, ты забыл. Ты даже не помнишь время когда мы поженились.

- Но моя дорогая, - возразил Филипп, - будь, пожалуйста, больше нуждайся, я просто сказал “те ночи”, и ты остался ждать, пока я узнаю, что ты упомянуть.

- Конечно, я остался. - сказала Элинор-ты должен знать. Ты бы знал, если бы это он его немного заинтересовал. Вот, я жалуюсь. Ты любишь меня так мало сейчас, что времена, когда ты действительно любил меня, ничего не значили. Считать что я могу забыть о тех ночах?

Она помнила сад с его невидимыми и ароматными цветами, великий черная веллингтония на лужайке, восходящая Луна, два каменных грифона в каждая сторона низкой стены террасы, где они сидели вместе. Вспомнил, что он сказал ей, его поцелуи, прикосновение его рук. Вспомнил все с

тщательная точность деталей тех, кто любит исследовать и реконструировать прошлое, от того, кто вечно ворочается и ласково проверяет каждая драгоценная деталь вспомненного счастья.

- Ты просто забыл. - добавил он с печальной цензурой. Для нее, эти ночи были еще более реальными, более правдивыми, чем

моменты его нынешняя жизнь.

— Но, конечно, помню, - нетерпеливо возразил Филипп. — Только что мы не можем мгновенно перенастроить мысль. Оказывается, что в первый момент я думал о чем-то другом, вот правда.

Элинор вздохнула: “хотел бы я подумать о других вещах. Вот моя проблема, у меня ничего нет. Почему я так тебя люблю? Почему? Это не справедливый. Ты защищен интеллектом и талантом. У тебя есть работа, чтобы занять себя, ваши идеи, которые служат вам щитом. Но у меня ничего нет.; никакой защиты от моих чувств, никакой альтернативы, кроме тебя. И мне нужна защита и альтернатива. Потому что это я люблю настоящий. Нет ничего, против чего ты должен быть защищен. Ты не любишь. Нет, это несправедливо, это несправедливо.

В конце концов, она думала, что так было всегда. Он никогда я полюбил ее по-настоящему, даже не в начале. Я никогда не хотел ее благочестиво, полностью, с полным отказом. Ведь даже в начале было сбежав от его требований, он отказался полностью сдаться ей. Элинор, в свою очередь, предложила ему все, все. Филипп принял то, что она ему давал, но не отвечал взаимностью. Его душа, интимность его существа-он вам я всегда отказывался. Всегда, даже в начале, даже когда больше любить. Тогда Элинор была счастлива — но только потому, что она была достаточно наивна, чтобы быть счастливой, потому что она не понимала, в его неопытность, что любовь может быть другой и лучше. Теперь она чувствовала извращенное удовольствие от ретроспективного унижения своего счастья, в опустошить ваши воспоминания. Луна, мрачный и ароматный сад, великий черное дерево и его бархатистая тень на траве… Элинор отрицала их, он отвергал счастье, которое они символизировали в его памяти.

Филип Куорлз, между тем, ничего не говорил. На самом деле ничего не было. сказать. Опоясал рукой тело жены и притянул ее к себе; поцеловал ее

лоб и дрожащие веки, которые были мокрыми от слез.

Грязные предгорья Бомбея скользили рядом с ними — фабрики и маленькие хижины и огромные дома-призраки одного белизна костей под лунным светом. Коричневые и худоногие пешеходы

они появлялись на мгновение в свете фар, как выученные истины. интуитивно и с немедленной уверенностью, только чтобы исчезнуть другой почти мгновенно, в пустоте внешней тьмы. Здесь и там, на обочине дороги, огонь костра таинственным образом намекал на существование темных конечностей и лиц, обитателей ментального мира так далеко от мира Филиппа и Элинор, как звезды, выглядывали из в своих речных тележках с волами пара, которая быстро проходила в молния.

- Моя дорогая, — постоянно повторял он, - моя дорогая…

Элинор позволила себе утешиться: - ты меня немного любишь?

-Я очень тебя люблю.

Она даже рассмеялась; смех, прерывистый от рыданий, это правда, но в конце концов из счетов все еще был смех…

Ты стараешься быть доброй ко мне. - И в конце концов, я думал, она, те дни Гаттендена были действительно полны счастье. Они принадлежали ей, она владела ими; им нельзя было отказать. — Сделать такие большие усилия… Вы очень добры.

- И глупо так говорить, - возразил он. - Ты знаешь, что я люблю тебя.

- Да, я знаю. - Она улыбнулась и погладила его по щеке. — Когда у тебя есть время, и как по телеграмме через Атлантику.

- Нет, это неправда. - Но втайне ты знал, что это так. Всю свою жизнь он ходил в уединении, в частной пустоте, в которой никто, ни мать, ни друзья, ни любовники, не были разрешили войти. Даже когда я держал ее вот так, прижал ее близко. он был как по телеграмме, как я сказал, и через океан, который общался с ней.

- Это неправда, - повторила она с насмешливой нежностью. - Но, чувак бедный старый Фил, ты не можешь обмануть ребенка. Ты не знаешь, как лгать.

убедительно. Ты очень честен. Вот одна из причин, почему вы любить. Если бы ты знал, насколько это прозрачно!

Филипп молчал. Эти обсуждения личных отношений всегда им было неудобно. Они угрожали его одиночеству; одиночество,

которое с часть его разума сожалела (потому что он чувствовал себя отрезанным от того, что я хотел бы попробовать), но только тогда, когда один, однако, его дух мог жить в комфорте; только одинокий чувствовал себя свободным. Иногда он воспринимал одиночество как должное, как человек принимает атмосферу, в которой он живет. Но когда ей угрожали, она мучительно осознавала свою важность, боролся за нее, как человек, задыхающийся, борется за воздух. Но это было бой без насилия, битва за отступление и защиту. Укрепляясь в тишине, в этой тихой, отдаленной, ледяной тишине, которая была уверена, что Элинор не стала бы пытаться, зная о безнадежности предприятия, пронзить. Это было правильно, Элинор посмотрела на него на мгновение, а затем, обернувшись, он посмотрел на пейзаж в лунном свете. Их параллельное молчание текло через время, не встречаясь.

Они продвигались среди индийской тьмы. Ледяной на их лицах, воздух в один момент пахло тропическими цветами, в другой-канализацией, или карри, или сгоревший коровий навоз.

— И все же, - вдруг сказала Элинор, больше не в силах сдерживать свои обиженные мысли, ты не сможешь жить без меня. Где ты был бы, если бы я оставил тебя, если бы я убежал к кому-то, кто готов ответить взаимностью что я предлагаю? Что бы ты сделал?

Вопрос погрузился в тишину. Филипп не ответил. Но где бы это было? Интересно тоже. Ибо в мире ежедневных человеческих контактов нормали были с любопытством похожи на иностранца, беспокойного среди своих товарищи, которым трудно или невозможно попасть в любой тип общение помимо тех, кто говорил на своем родном языке идей интеллигенция. Эмоционально это был иностранец. Элинор была его переводчиком, ты Драгоман. Как и ее отец, Элинор Бидлейк родилась с даром интуитивное понимание и социальная трахея. Легко чувствовал себя комфортно с кем угодно. Она знала, инстинктивно, как и сам старик Джон, что сказать всем типам людей, каждому типу, кроме, может быть,

ее муж. Трудно понять, что сказать тому, кто ничего не говорит взамен, который отвечает на личную беседу с безличным, на слова чувство с интеллектуальным обобщением. Тем не менее, это было влюбленная в него, она упорствовала в своих попытках

привлечь его к контакту человек, и хотя процесс был довольно обескураживающим, как пение для глухонемые или декламировать стихи в пустой зал, она продолжала поделиться с вами ваши мысли и чувства интимности. Быть случаи, когда прилагая большие усилия, он сделал все возможное взамен принять ее в свою личную крепость. Но если это была привычка к секретности который взял невозможно для него, чтобы выразить свои внутренние чувства, или, если сама способность чувствовать постоянно была атрофирована из-за молчания и репрессий Элинор находила редкие моменты разочаровывающими интимности. Самое священное место его души, в котором он так болезненно впустил ее, это было почти так же стерео и пусто и как то, что он удивил римских захватчиков, когда они нарушили Иерусалимский храм. Тем не менее, она была благодарна Филиппу за его добрые намерения, по крайней мере пытаться признать ее в своей эмоциональной близости, даже если она этого не сделала большая часть эмоциональной жизни, с которой можно быть близким. Род пирронического безразличия, смягченного добротой и добротой последовательные, а также Самые жестокие перемежения физической страсти, это было состояние бытия, которое природа и вторая природа сделали нормальным для него. Причина Элинор говорила ей, что это так, но ее чувства-нет они принимали на практике то, в чем она была уверена в теории. Что было живым и чувствительный и иррациональный в ней был поражен ее безразличием, как если бы она была личная холодность направлена только против нее. И все же Элинор знала, что нет это было личное безразличие к ней, что так было со всеми, что он любил ее так сильно, как он мог любить, что его любовь к ней он не уменьшился, так как никогда не был больше, - может быть, больше страстный - но никогда не более эмоционально богатый интимностью, даже в расцвете сил, чем сейчас. Но даже тогда его чувства ранили-если, он не должен быть таким. Ты не должен был, но так оно и было. После одного ссорясь, она успокаивалась и старалась любить его как могла, наслаждаясь лучшим его доброты, его изолированной страсти, его случайных и драгоценных попыток достижение эмоциональной близости и, наконец, вашего интеллекта —

тот быстрый интеллект, полный понимания, вездесущий, который мог понять все, включая эмоции, которые он не мог чувствовать, и инстинкты, которыми он старался не увлекаться.

Однажды, когда Филипп рассказал ему о книге Келера об

обезьянах, Элинор сказала ему: “Ты как обезьяна на стороне Супермена”. человечество. Ты почти человек, как бедные шимпанзе. Единственный разница заключается в том, что они стремятся подняться до мысли с их ощущения и ваши инстинкты, в то время как вы стремитесь спуститься со своим интеллект. Почти человек. Ты в неустойчивом равновесии, прямо на грани, чувак. бедный Фил.

Он все понимал так прекрасно! Вот почему это было так весело служить ему драгоманом и играть для него других людей. (Было менее весело, когда ей приходилось играть сама.) Все насколько интеллект мог поймать, он поймал. Элинор сделала ему отчет о его общении с естествами в области эмоций; и Филипп сразу понимал, обобщал Элинор то, что она чувствовала, он связывал его с другими переживаниями, классифицировал, находил аналогии и параллели. Простое и индивидуальное были в его руках частью системы. Элинор восхищалась тем, что она сама и ее друзья, неосознанно подтверждается теория или служит примером для какого-либо интересное обобщение. Его функции драгомана не ограничивались только к признаниям и отчетам. Элинор также действовала прямо и лично как переводчик между Филиппом и третьими лицами, с которыми он возможно, он хотел бы войти в контакт, создав единственную атмосферу, способствующую обмен личностями и сохранение разговора против интеллектуальное высыхание. Сдался себе, Филипп не смог бы установить личный контакт или сохранить его после установления. Но когда Элинор Али должна была установить и сохранить этот контакт, он он понимал и сочувствовал с помощью интеллекта, таким образом, что Элинор утверждала, что она совсем не человек. В обобщениях, к которым он он доставил после экспериментов, которые его жена взяла на себя, Филипп он снова стал нескрываемым Суперменом.

Да, было весело служить драгоманом, в области чувств, турист такого исключительного интеллекта. Но это было нечто большее, чем

весело; это было также, в глазах Элинор, долг. Были его книги а рассмотреть.

- Ах! Фил, - говорила она, - если бы ты был немного менее Суперменом, какие прекрасные романы ты должен написать!

Филипп согласился с Элинор, несколько сожалея. Было достаточно интеллект, чтобы знать свои недостатки. Элинор сделала все возможное, чтобы компенсация им-это давало ему информацию из первых рук о привычки туземцев, она действовала как посредник, когда ее муж хотел личный контакт с любым из них. Не только для нее, но и для романиста что он может стать, Элинор хотела, чтобы Фил оставил эту привычку безличность и научиться жить через ощущения, инстинкты, то же самое то, как он жил за счет интеллекта. Героически она подбадривала его даже в его рассказах о влюбленности в других женщин. Это могло бы делать хорошо-сентиментальные Приключения. Таково было его желание преуспеть в качество романиста, который не раз видел, как он смотрит на женщину девушка с восхищением пыталась установить личный контакт, которого у него не было бы был в состоянии установить для вас. Это было рискованно, без сомнения. Человек мог влюбиться, забыть о своей интеллигенции и поправиться., тем временем для какой-то другой женщины. Элинор приняла риск, потому что я думал, что роль писателя должна быть поставлена выше всего остального, даже выше собственного счастья, а также потому, что убежден, в его внутренний форум, что на самом деле не было никакого риска, что он никогда он полностью потеряет рассудок до такой степени, что сбежит с другой женщиной. А исцеление от сентиментальных приключений, если бы это было возможно, если бы оно действовало послушно; и в этом случае Элинор была уверена, что знает, как наслаждаться счастливыми эффекты, которые она произвела на Филиппа. Как бы то ни было, пока нет он не показал никакой эффективности. Неверности Филиппа были связаны с очень мало и не оказали заметного влияния на него. Продолжал то же самое, сводящее с ума то же самое-умное до такой степени, что почти человек, нежный, но далекий, страстный и чувственный я безлично боюсь. Я должен был сойти с ума. Почему будет ли она продолжать любить его?- спрашивала сама Элинор. Это было почти то же самое что продолжать любить библиотеку. Однажды ей пришлось оставить его у Веры. Дальше было невозможно отнести отсутствие ревности и самоотверженности. Иногда и

мне нужно, чтобы мы думали о собственном счастье. Быть любимой, хотя бы одной раз в жизни, вместо того, чтобы делать себя просто любить; получать, а не быть постоянно давать… Да, однажды она действительно оставит его. Пришлось думать о себе, а потом будет наказанием для Фила. Наказание, да-и Элинор

была права, что если она оставит его, он будет искренне, ее как можно больше быть несчастным. И, возможно, он мог бы управлять чудо, которого она страстно желала и ради которого она пришла работая так много лет; возможно, несчастье сделало бы его чувствительным, личный. Возможно, я смогу сделать его лучшим писателем. Может быть, это было твое долг принять его несчастным — самый суровый из его обязанностей…

Вид собаки, которая бежала по дороге, прямо впереди, он разбудил ее от задумчивости. Как удивительно быстро он бросился в узкую вселенную маяков. Существовал во время фракции во-вторых, отчаянно бегал-потом снова исчез в тьма, на другой стороне светящегося мира. Внезапно появилась другая собака на месте первого, преследуя его.

- О! - крикнула Элинор. - Он будет… - Свет отклонился, потом вернулись в нормальное положение, была пушистая шишка, как будто одно из колес если бы он прошел через камень; но камень лаял. — …задавить — она закончила. - Его раздавили.

0 индийский шофер повернулся к ним головой, расширяя зубы, которые Филипп и Элинор видели, как он светился в темноте. - Собака\, - сказал он. Гордился ваш английский.

- Бедное животное! - у Элинор мурашки по коже.

- Это его вина, - сказал Филипп. - Не смотрел. И что происходит когда животное бежит за самкой своего вида.

Была тишина. Это Филипп сломал его.

- Мораль была бы очень любопытной, - сказал он, подумав вслух, - если бы мы мы любим времена года, а не круглый год, что морально или аморально это будет меняться от месяца к месяцу. Первобытные общества имеют большую тенденцию для периодической любви, чем культивируемые. Даже на Сицилии дважды больше рождений в январе, чем в августе — что доказывает бесспорно, что весной воображение молодых людей… Но

нигде не бывает только весной. В человеке нет ничего полностью аналог течки кобыл или сук. Кроме-добавил - в моральной сфере. Плохая репутация у женщины оказывает такое же влечение что признаки течки у суки. Плохая репутация объявляет, что она

доступна. А отсутствие течки у животных эквивалентно привычкам и принципам целомудренная женщина…

Элинор слушала с интересом и в то же время с чем-то вроде ужас. Таким образом, тривиальное сокрушение несчастного животного вне достаточно, чтобы этот быстрый и неутомимый интеллект двигался. Бедный пес-изгой, почти голодный, ломал позвоночник под колесами из машины, и этот инцидент вызвал у Филиппа подборку статистики рождаемость в Sicüia, предположение об относительности морали, блестящее психологическое обобщение. Это было удивительно, это было неожиданно, это было интересно, но-о! - я чуть не накричал.

ГЛАВА VII

Уолтер избавился от Миссис Беттертори; он помахал издалека отцу и Леди Эдвард, уклоняясь от них, могла бы продолжить поиски. И он искать. Люси Тантамаунт по праву вышла из столовой и он стоял неподвижно под аркадами и нерешительно смотрел из стороны в сторону. О контраст с трауром платья взял его светящуюся белую кожу. На лифе был букет гардении. Поднял одну руку, чтобы коснуться черные прямые волосы и изумруд кольца послали Уолтеру сигнал зеленый через комнату. С критическим глазом, с какой-то холодной ненавистью, интеллектуал, Уолтер смотрел на нее и спрашивал себя, почему любить. Почему? Не было причины, не было оправдания. Все причины они были против этой любви.

Вдруг Люси двинулась, исчезла из поля зрения. Уолтер последовал за ней. Проходя перед входом в столовую, он пошел с Бурлапом, который больше не был больше отшельником, теперь пил шампанское и слушал разговор Графиня Д'Эксергиллод. "Яйца", - подумал Уолтер, вспоминая свои собственные приключения с Молли д'Эксергиллод. "Но Бурлап, вероятно, поклоняться. И способен на это… Он…"Но вот она снова говорила-черт возьми!

- с генералом Ноилом. Уолтер был внимателен, не отходя от них, с нетерпением жду возможности обратиться к Люси.

- Наконец-то поймали! - сказал генерал, ударив девушку по руке.

Я искал тебя всю ночь.

Наполовину Сатир, наполовину дядя, генерал был откровенен по отношению к Люси.

- Какая очаровательная малышка! - он говорил всем, кто хотел послушай его. - Какая очаровательная фигурка - какие глаза! - Вообще говоря он предпочитал молодых девушек. - Нет ничего лучше юности! — я хотел бы сказать. Предрассудки, которые старый военный питал всю свою жизнь против Америки и американцев превратилась в восторженное восхищение с тех пор, как в возрасте 65 лет он посетил Калифорния и поворачивает голливудские flapperJ-1 ˆ и великолепные купальщицы тихоокеанские пляжи. Люси было около тридцати, но генерал знал ее в течение многих лет он продолжал обращаться с ней, как с девочкой

первые времена. Для него Люси была еще семнадцать. Ударил его в снова протянул руку и сказал: - Давайте хорошо поговорим.

- Будет весело, - с саркастической вежливостью заявила Люси.

Со своего наблюдательного пункта Уолтер созерцал сцену. Генерал снаружи красивый мужчина в былые времена. Корсет, ее тело высоко он все еще сохранял военную позицию. И он улыбнулся, галантный офицер гвардии; у него были белые усы. На мгновение он уже превратился в старое. игривый, защитный и конфиденциальный титио. Слегка улыбаясь, Люси фитава в нем глаза бледно-серого, с видом веселья, оторванные и беспощадный… Уолтер изучал ее. Она даже не была красивой. Так почему, почему что? Он хотел причин, он хотел оправдания. Почему? Вопрос, если повторял настойчиво. Ответа не было. Он просто влюблен в нее-безумно первый раз, когда я положил ее глаза на вершина.

Повернув голову, Люси увидела его присутствие. Помахал ей и позвал-о по имени. Уолтер был в восторге и в восторге от встречи.

- Надеюсь, ты не забыл о нашей встрече — - сказал он.

- Но когда я забуду? Спасено иногда, нарочно… — он нуждался в ней с хихиканьем. Повернулся к генералу. - Уолтер и я увидимся сегодня вечером с твоим пасынком — - объявил он, тоном голоса и улыбка, которую мы используем, когда говорим людям о тех,

кто им они дорогие. Но между Спандреллом и отчимом произошла ссора, которая молодой человек хорошо знал смертного. Люси унаследовала от матери всю свою любовь к целенаправленные социальные неосмотрительности, и к этому смешалось прикосновение научное любопытство, исходившее от его отца. Я хотел бы сделать эксперименты не с лягушками и морскими свинками, а с людьми. Можно получить неожиданные эффекты с людьми; поставить их в любопытные ситуации и подождите, чтобы увидеть, что произойдет дальше. Это был метод Дарвина и Пастера. На этот раз произошло то, что лицо генерала Нойла осталось чрезвычайно красный.

- Я давно его не вижу, - резко ответил он.

“Хорошо, - сказала она о себе, - мужчина реагирует.“И вслух: — Но Спандрелл такой хороший компаньон!

0 генерал еще покраснел и нахмурился. Сколько было сделано этим мальчиком! И как он оказался неблагодарным, что отвратительный путь, если он всегда был перенесен! Был уволен из всех работа, которую генерал устроил ему. Блудный, праздный; пьяный и билонтра. Делал мать несчастной, жил на то, что мог вымогать у нее, опозорил фамилия. И наглость парня, то, что у него было в хохолке, сказать, когда вы в последний раз встречались со своим отчимом, по случаю сцены обычный! Генерал Нойл мог забыть, что его звали “бессильный и неуклюжий старик”?

- И такой умный! - продолжила Люси. С внутренней улыбкой, она он вспомнил резюме, которое Спандрелл сделал о карьере своего отчима. “Принудительно реформирован в Харроу, - начиналось резюме, - вышел из Сандхерст на заднице в списке, сделал выдающуюся карьеру в армии, достижение во время войны высокого ранга в военной разведке Department.“То, как Спандрелл разыграл эту новость ранняя некрология была действительно великолепна. Это была сама команда, которая это было слышно. А затем его замечания о военной разведке в генерал! “Если мы будем искать слово “интеллект” в новом издании “Британская энциклопедия”, - говорил мальчик, - ” мы найдем ее засекреченной под три рубрики, а именно: интеллект-человек; интеллект-животное; Военная Разведка. Мой отчим-непревзойденный образец Военная Разведка.”

- Такой умный… - повторяла Люси.

- Есть те, кто так думает, Я знаю — - много взял генерал Нойл шершавость. - Но лично… - Откашлялась от насилия. Это была твоя личное мнение.

Мгновение спустя, все еще жесткий, все еще желчно достойный, он отошел от Люси и Уолтера. Я чувствовал, что девушка оскорбила его. Даже не его юность, даже эти голые плечи не компенсировали его хвалебные ссылки на Мориса Спандрелла. Этот наглый Куско! Потеть существование было постоянной причиной негодования генерала по отношению к жена. Женщина не имела права иметь такого ребенка, не так ли я имел право. Бедная Миссис Нойл много раз искупалась перед лицом

муж пропускает сына. Она присутствовала, ее можно было наказать, это было легко. слишком много, чтобы сопротивляться. И генерал, раздраженный, наказывал в матери грехи сыновья.

Люси бросила быстрый взгляд на уходящую вульву и вернулась-в далее-Уолтер.

- Я не могу рискнуть увидеть, как снова воспроизводится такой цвет, как эта… Сам случай уже был бы довольно неприятным, даже если бы не пахло так плохо. Пойдем?

Уолтер не желал ничего лучшего.

— Но… А как насчет твоей матери, а как насчет социальных обязанностей? — спросить.

Люси пожала плечами: - в конце концов, мама может позаботиться сама из своей медвежьей клетки…

- Вот слово, медвежья клетка — - сказал Уолтер, внезапно почувствовав себя полный надежды. - Мы украдкой уйдем куда-нибудь, где есть покой.

- Бедный Уолтер! - Ее глаза были полны насмешек. — Я никогда не видел никого, у кого было бы такое увлечение тишиной, как ты. Но бывает что я не хочу тишины.

Надежда мальчика испарилась, оставив небольшую горечь слабая, бессильная ярость.

- Тогда почему бы не остаться дома? - спросил он, пытаясь сарказм. - Здесь недостаточно шумно?

- Ах! Но это не тот шум, который мне нравится, — объяснила она. - Нет ничего, что я ненавижу больше, чем шум именитых, респектабельных людей и ты поклоняешься, как существа, которые здесь. - Он пожал руку жестом, который он охватывал всю комнату. Слова вызвали у Уолтера воспоминания о ужасные ночи, проведенные с Люси в компании маленьких людей вежливая, с дурной репутацией, в довершение всего пьяная. В convivas де Леди Эдвард были довольно злыми. Но остальные были уверены, худший. Как она могла их терпеть?

Люси, казалось,догадывалась о мыслях своего спутника. Улыбаться, он держал ее за руку в успокаивающем жесте.

- Привет! - она сделала. — На этот раз я не возьму тебя в плохую компанию., там у нас будет Спандрелл…

- Спэндрелл… - повторил Уолтер, морщась.

- И, если Спандрелл не совсем для тебя, мы найдем вероятно, Марк Рэмпион и его жена, если мы не опоздаем.

Услышав имя художника и писателя, Уолтер сделал жест одобрения.

- Нет, я не возражаю слушать шум Рэмпиона, - сказал он. Е, затем, прилагая усилия, чтобы победить застенчивость, которая всегда подавляла его когда пришло время выразить свои чувства: - но я предпочитал раньше, - радостно собрался, как умерить суматоху его слова-я бы предпочел, чтобы я слушал, в частности, шум, который ты сделать…

Люси улыбнулась, но ничего не сказала. Уолтер убежал от ее взгляда, с своего рода ужас. Эти глаза смотрели на него спокойно, холодно, как будто они уже все видели и больше не интересуются. Были просто слегка иронично, очень легко и холодно иронично.

- Хорошо, - сказал он, - мы уезжаем. Тон его голоса был покорным и несчастный.

- Пойдем в глухую, - предложила Люси. - Давайте будем

скрытными. Плохо бы если они удивят нас и заставят остаться…

Но они не смогли уйти совершенно незамеченными. Уже они подошли к двери, когда за ними раздался шепот и звук. поспешных шагов. Голос произнес имя Люси. Оба, если они вернулись и увидели Миссис Найл, жену генерала. Она приземлилась одна из руки на руку Люси.

— Я только что узнал, что ты увидишься с Морисом сегодня вечером — - сказал он, однако объясните, что генерал сказал вам это только потому, что он хотел развеять гнев, сказав что-то неприятное тому, кто не мог отплатить за грубость. - Дай ему мое сообщение, Хочешь? - Наклонился к фронт, умоляющий. - Хочешь? - Было что-то жалкое. молодой и беспомощный в этом способе говорить, что-то очень молодое и мягкие в этих чертах зрелой женщины. Перед Люси, которая могла быть

ее дочь, она умоляла, как будто обращалась к пожилому человеку и больше сильный. - Пожалуйста!

- Но ясно, что это так. - ответила Люси.

Миссис Нойл улыбнулась, полная благодарности.

- Скажи ему, что я приду к нему завтра днем.

- Завтра днем.

- От 4 до 4 с половиной. И никому об этом не говори… — он добавил, после момента смущающего колебания.

Видно, я не скажу.

- Я так тебя узнаю… - сказала миссис Нойл. И внезапно застенчивая импульсивность, наклонилась вперед и поцеловала Люси Тантамаунт. - Спокойной ночи, моя дорогая.

И исчез в толпе.

-Можно было бы сказать,-заметила Люси, проходя через вестибюль в компания Уолтера-что она устраивала встречу с любовник, а не сын…

Два миньона открыли им дверь, подобострастно автоматические. АО закрыть его, один подмигнул глаз, а другой, значительно. В

пространстве в одно мгновение две машины оказались под тревожным аспектом люди.

Уолтер дал адрес ресторана Sbisa кондуктору и проник в закрытой темноте такси. Люси уже поселилась в своем углу.

Между тем, в столовой Молли д'Эксергиуод все еще говорила. Она гордилась своей лекцией. Разговор был семейным даром. Его мать была одной из знаменитых Сит. Геогеганы из Дублина. Отец был этот Брабантский судья, так известный своим разговором за столом и своими аттические фразы в суде. Более того, она сделала свадьбу разговор. Д'Эксергийод был учеником Роберта де Монтескью и он заслужил звание упомянутого в Sodome et Gomorre de Marcei Пруст. Молли должна была бы быть разговорчивой для брака, если бы она уже

не от рождения. Природа и среда сговорились сделать ее профессиональный спортсмен языка. Как и все профессионалы в сознании она не довольствовалась только талантом. Был трудолюбивым, он усердно работал над развитием природного дара. Злые друзья они говорили, что Молли слышала, как она изучает свои парадоксы в постели, утром, перед тем, как встать. Сама она не отрицала, что у нее есть дневники, в которых записывал, со сложной историей собственных чувств и ощущений, все фигуры риторики, все анекдоты и все остроумные высказывания что они впали в благодать. Освежит ее память, проведя глазами за эти заметки каждый раз, когда вы одевались, чтобы пойти на ужин? Те же самые друзья, которые слышали, как она выращивала парадоксы в постели, тоже имели ее обнаруженный, как студент в канун экзамена, украшающий кропотливо эпиграммы Жана Кокто об искусстве, рассказы о десерт Мистера Биррелла и анекдоты У. Б. Йейтса о Джордже Мур и то, что Чарли Чаплин сказал ей и ей по случаю его последняя поездка в Голливуд. Как и все профессиональные собеседники, Молли это было очень экономно с его духом и его мудростью. Не существует хорошие МО Тл " 7 в достаточном количестве, чтобы обеспечить собеседника трудолюбивый из нового ассортимента к каждому мирскому случаю. Хотя, что обширный репертуар Молли был, как и у других собеседников, более знаменитые, ограниченные. Как хорошая домохозяйка, она умела использовать крошки остатки лекции с ужина прошлой ночью, чтобы

обеспечить закуску утро. Похороны в понедельник служили для свадьбы третья часть.

Для Денниса Берлапа Молли подавала разговор, который уже был подается и наслаждается обедом, предложенным Леди Бенгер, гостями с выходных в Гобли, Томми Фиттон, который был одним из его молодых людей сердцееды, Владимир Павлофф, который был другим, американским послом и Барон Бенито Коэн. Разговор вращался по фолианту любимой темы Молли.

Знаешь, что Джин сказала обо мне? - спросила она (Джин была муж). - Знаешь? - настойчиво повторял, потому что имел любопытную привычку требовать ответов на чисто риторические вопросы. Наклонился к Бурлап, предлагая свои черные глаза, свои зубы, свое расщепление.

Бурлап должным образом ответил, что не знает.

- Потому что он сказал, что я не совсем человек. Что я выглядел скорее дух стихий, чем женщина. Что-то вроде феи. Думаешь, это комплимент или оскорбление?

- Это зависит от вкуса каждого. - сказал Бурлап, отдавая себе лицо злонамеренный и бесполезный вид, как будто он сказал что-то несколько смелая, полная духа и в то же время глубокая.

— Но я даже не думаю, что это правда, — продолжила Молли. — У меня совсем нет впечатления, что я дух стихий или фея. Я всегда считал себя дочерью природы, совершенно просто и откровенно. Что-то вроде крестьянки. - В этот момент изображение Молли все остальные слушатели прорвались в хор. протесты, полные смеха. Барон Бенито Коэн заявил с ярость, что она была “одна из Romanass императрицы природы”.

Реакция Бурлапа неожиданно отличалась от реакции других. Стряхнуть голова улыбнулась с каким-то далеким и экстравагантным выражением лица.

- Да, - сказал он, - я думаю, это правда. Дочь природы, мальгре туд 1 ^^. Ты носишь маскировку, но искреннее и простое существо это показывает через эти маскировки.

Молли была в восторге от того, что она считала самым высоким комплиментом, который она получила я мог бы сделать это. Она

была в восторге от отрицаний другие о его качестве кампона. Эти отрицания и протесты они также были лучшим комплиментом. Лестное намерение, интерес к его личность была то, что имело значение. Ее мало беспокоили реальные мнения от своих поклонников.

Бурлап, однако, развивал антитезу Руссо между человек и гражданин. Молли резко отрезала ему слово и принесла разговор обратно к исходной теме.

- Люди и феи, вот очень хороший рейтинг, не так ли? — Он наклонился вперед, предлагая свое лицо и грудь, интимность. - Не думаешь? - настаивала она, повторяя риторический вопрос.

— Возможно. - Бурлап был расстроен тем, что его прервали.

- Вульгарный человек (да, мы признали это) что слишком много человек, с одной стороны. И дух элементов другого. Один, так связан, погруженный в бесконечное количество сентиментальных вещей, я ужасно сентиментальный, скажем мимоходом. (- Maiss или менеess так ssentimental как ass ssereiass в Одиссее, - согласно классическому комментарию барона Бенито.) Другой, элемент природы, абсолютно свободный и отключенный из вещей, как кошка; Кошка, которая приходит и уходит - которая идет так весело как это произошло; очаровательный, но никогда не очарованный; заставляя других чувствовать, но никогда не чувствую себя самим собой. Ах! Я завидую им этой свободе воздух!

- Ты мог бы так же позавидовать воздушному шару, - серьезно сказал Бурлап. Писатель “литературного мира” всегда разбивал сердце.

- Но им так весело…

- У них недостаточно чувств, чтобы повеселиться. Волос меньше- это то, на что вы хотите меня смотреть…

- Чтобы вы могли повеселиться, у вас есть… - она нужна, но, возможно, нет — имейте достаточно чувств, чтобы быть счастливыми. И, конечно, у них его нет также достаточно, чтобы быть несчастными. Вот почему они так завидный. Особенно, когда они умны. Возьмем, к примеру, Филипа Куорлза. Вот человек-фея, Если есть такие люди. - Молли бросилась в его классическое

описание Филиппа.

“Зоолог фантастики”, “эльф-образованный”, “научный шайба” - были некоторые из его предложений. Но лучшие из них ускользнули от его памяти. В отчаянии Молли устроила ему охоту; но эта фраза высмеивала ваши попытки. Этот портрет в манере Теофраста должен был появиться на свет на этот раз лишенный самого яркого эффекта и несколько изуродованный, в общем, из-за того, что я осознал забытую особенность и отчаянные усилия, которые она предприняла, чтобы исправить недостаток во время свалки выступление.

- Тогда как женщина, - заключила она, мучительно чувствуя, что Берлап не улыбался так часто, как следовало бы — это абсолютно противоположно фея. Ни Эльф, ни образованный, ни особенно умный. — Молли улыбнулась с немного превосходным видом. - Такой человек, как Филипп, должен

найти ее иногда несколько недостаточно… и это меньше, чем можно сказать.

- Улыбка сохранялась, теперь превратилась в улыбку того, кто доволен про себя. У Филиппа была слабость к ней; и он все еще был. Она писала письма, которые были такими же забавными, почти такими же забавными, как ее. (“Quand je veux briller dans le monde”, - Молли любила повторять комплименты мужа - , “je cite desphrases de TES lettresA 1 ^)

Бедная Элинор! Иногда она немного дергается, — продолжила Молли.

- Но, заметьте, вне этого это чрезвычайно очаровательное существо. Я знаю ее с тех пор, как мы были девочками. Очаровательно, но не похоже совсем с Гипатией. - Элинор была слишком глупа, чтобы понять что Филиппу придется чувствовать Смертельное влечение к женщине, которая такой же умственный рост, как и он, женщина, с которой он мог бы поговорить. на равных. Слишком глупо, чтобы понять, когда он их собрал, насколько он я был впечатлен. Слишком глупо, чтобы ревновать. Молли почувствовала отсутствие ревности со стороны жены Филиппа, как своего рода оскорбление. Не то чтобы она дала реальную причину ревности. Не спал с мужья других; он просто говорил с ними. Однако Палестра много, в этом не было никаких

сомнений.

И некоторые жены оказались ревнивыми. Манеры, полные наивная уверенность Элинор ужалила ее до такой степени, что заставила ее он показал себя более добрым, чем обычный по отношению к Филиппу. Но писатель, если он уехал, чтобы совершить кругосветное путешествие, и это до того, как их дух товарищества, если бы он мог развиваться. Лекция-предвосхитила Молли

- это будет приятно обновлено, когда он вернется. “Бедная Элинор!”, подумала она с жалостью. Его чувства могли быть немного меньше христиан, если бы она знала, что бедная Элинор поняла выражение лица от удивления в глазах мужа, еще до того, как Молли отдала за нее, и что, осознавая это, он сознательно поставил себя на роль драгомано и посредник. Не то чтобы у меня было много надежды или страха чтобы Молли осуществила чудо-трансформер. Никто не влюбляется с отчаянием из-за громкоговорителя, каким бы красивым, каким бы смехотворным он ни был мясистый (потому что вкусы Филиппа были несколько немодными) и более привлекательно cahpigio, чем это… Единственная надежда Элинор была пусть страсти пробуждаются этими качествами красоты и мясистости

они были бы настолько неадекватно удовлетворены разговором (потому что, согласно по слухам, разговор был всем, что Молли уступила…) что бедный Филипп был бы доведен до состояния гнева и отчаяния, очень способствующего литературная работа.

— Но ясно, - продолжила Молли, - что интеллект никогда не должен жениться на интеллекте. Вот почему Джин всегда угрожает мне развод. Говорит, что я слишком возбуждаю. “Tu ne m’ennuies pas assez”^], говорит он; и он нуждается в “unefemme sedative” т^]. И я осуждаю что мой муж действительно прав. Филип Куорлз был мудрым. Представьте себе умный мужчина-фея, как Филипп женился на женщине одинаково умный, из того же царства. Люси Тантамаунт, например. Было бы катастрофа, не правда ли?

- Но разве Люси не станет катастрофой для любого мужчины, феи или нет?

- Нет, должен признаться, мне нравится Люси. - Молли

повернулась к своему внутренний склад теофрастических фраз. - Мне нравится, как она проходит по жизни он плывет, а не ползет. Мне нравится, как она возвращается из цветка. в цветке, что, возможно, является слишком ботаническим и поэтическим описанием Бентли, Джим Конклин, этот бедный Реджи Тантамаунт, Морис Спандрелл, том Тривет, Понятовский, тот молодой француз, который пишет пьесы (как он вообще себя называет?) и несколько другие, о которых мы забыли или о которых никогда не слышали.

Бурлап улыбнулся; все улыбались в этот момент.

Молли продолжила: “как бы то ни было, она плывет, нанося большой ущерб в цветах я должен признать… - Бурлап снова улыбнулся, - но не снимая для себя ничего, кроме удовольствия. Признаюсь, я ей завидую. Я хотел бы быть плавающей феей…

- У нее больше причин завидовать тебе — - снова заметил Бурлап с глубокий, тонкий, христианский воздух, ломающий голову.

- Завидовать мне за то, что я несчастна?

- Кто несчастен? - спросила Леди Эдвард, врываясь посреди группа в тот момент. - Спокойной ночи, мистер Бурлап, - продолжила она без ждать ответа. Бурлап сказал ему, как сильно он наслаждался музыкой.

— Мы как раз говорили о Люси, - сказала Молли д’Эксергюлод, перебивая его. - мы договорились, что она как фея. Столь легкий и такой свободный…

- Фея! - повторила Леди Эдвард. - Она как leprechau.nl -20]’. Вы не представляете, Мистер Бурлап, как трудно воспитывать Лепрекон. - Леди Эдвард покачала головой. - Были моменты в что малышка даже пугала меня.

- Да? - спросила Молли. - Но ты хочешь, чтобы я выглядела как леди. в нем тоже есть что-то сказочное, Леди Эдвард.

— Немного, - согласилась Леди Эдвард. - Но не до такой степени, что Лепрекон.

- Тогда? - сказала Люси, когда Уолтер сел рядом с ней в такси. Казалось, это бросало ему вызов. - Тогда?

Машина завелась. Уолтер взял ее за руку и поднес к губам. Эра а ответ на вызов.

- Я люблю тебя. Вот и все.

- Ты любишь меня, Уолтер? - Люси повернулась к мальчику и, взяв его лицо между обеими руками, пристально смотрело на него в полу-темнота. И повторил: - Ты меня любишь? - И пока я говорил, я встряхивал медленно голову и улыбнись. Затем, наклонившись вперед, поцеловал его в рот. Уолтер обнял ее; но Люси избавилась от объятий. — Не, она не возражала, уходя в свой угол. — Не.

Уолтер подчинился и оставил ее. наступила тишина. Духи Люси были из гардении; сладкий и тропический, ароматный символ этой женщины обернуть.

“Я должен был настоять”, - думал Уолтер. “Жестоко. Я должен был ее получить. желательно много и много. Я должен был заставить ее любить меня. Почему я этого не сделал? Почему?“Я даже не знал, почему она поцеловала его,

если бы это было не для того, чтобы спровоцировать его, чтобы он захотел этого с еще больше насилия, чтобы принять его еще более безнадежно своего раба. В что, зная это, он все еще любил ее? “Почему? Почему?”, продолжил мысленно повторить. И, как звуковое эхо его мыслей, голос о ней вдруг стало известно.

- Почему ты любишь меня? - спросила Люси из своего угла.

Уолтер открыл глаза. В тот момент они проходили через камеру сгорания миллиампер. Через окно движущегося транспортного средства свет фокуса упал на лицо Люси, которое на мгновение порезалось, белое на фоне тьма, возвращающаяся позже в невидимость-бледная маска, которая у меня уже была видел все, и это несло выражение иронического безразличия, томления тяжело, немного устал.

- Я как раз спрашивал себя об этом, — ответил он. Уолтер. - А также думая, что было бы лучше не любить тебя…

- Я мог бы сказать то же самое, ты знаешь. Ты не очень особенно весело, когда ты ведешь себя так…

“Как скучно, - размышляла она, - мужчины, которые воображают, что никто никогда не любил их до того, как увидел их!“Несмотря ни на что, мне нравился Уолтер. Он был привлекательным. Нет,” привлекательный ” не был точным термином. Привлекательный, как возможно, любовник, вот чем он не был. “Приглашение” было словом что подходит лучше. Приглашающий любовник. Это был не совсем ваш жанр. Но Люси нравился Уолтер. В нем было что-то очень приятное. Более того, мальчик был умным, умел быть приятным компаньоном. Как бы скучно это ни было, его любовная болезнь принимала его за менее очень верный. Для Люси это было важно. Она боялась одиночества и он должен был постоянно иметь своих кавалеров/ - 21 - ˆ на своей стороне, чтобы обслужи ее. Уолтер служил ей с верностью собаки. Но по какой причине был ли он иногда похож на хлыстовую собаку? Это было ужасно. Что мудак! Люси внезапно почувствовала себя скучной перед лицом его унижения.

- Ну, Уолтер — - сказала она, шутя, положив руку на руку мальчика —, почему бы тебе не поговорить со мной?

Уолтер не ответил.

- Заткнись, а? - Его пальцы потер в сухую ласку о тыльной стороной его руки, и они закрыли его на запястье. - Где твой пульс? - он тут же спросил капрала. - Я не чувствую его в никуда. - Люси нащупывала нежную кожу в поисках пульсаций артерия. Уолтер чувствовал ласку кончиков этих пальцев, легкую и трепещущую, немного холодно, против вашего запястья. - Я не думаю, что у тебя даже есть пульс… Я считаю, что твоя кровь застаивается. - Тон ее голоса был пренебрежительным. “Что дурак!“думала Люси. “Какой презренный болван!” — Вполне застой, - повторил он. И вдруг, с внезапной злобой, он пронзил-ему в кулачке заостренные ногти и заостренная пилка. Уолтер издал крик удивление и боль. - Ты заслуживаешь этого, - сказала девушка. И засмеялся ему в лицо.

Уолтер держал ее за плечи и начал дико целовать. А ярость усугубила его желание, его поцелуи были местью. Люси он закрыл глаза и без сопротивления отказался от себя. Чувствовал ростки-он во всем эпидермисе, в маленьких ожиданиях

наслаждения, хорошее покалывание, которое было похоже на прилипание моли, принятой от паники. И вдруг заостренные пальцы, казалось, бренчали, в пиццикато, струны ваши нервы. Уолтер почувствовал, как все ее тело невольно вздрогнуло в его руках вздрогнуть, как будто он был внезапно ранен. Целуя ее, он продолжал думать, ожидала Ли Люси, что он отреагирует таким образом, к его провокации. Обеими руками взял его из хрупкая шея. Его большие пальцы касались его трахеи. Уолтер сделал мягкое давление.

- Однажды, - сказал он сквозь стиснутые зубы, - я тебе приду задушить.

Люси ограничилась смехом. Уолтер наклонился и поцеловал ее в рот, который смеялся. О соприкосновение губ мальчика с его создало у него прекрасное чувство, острая, почти невыносимо пронизывающая боль. Мотылек они трепетали по всему телу. Люси не ожидала от Уолтер эти жестокие и дикие пылы. Это было приятно удивить.

Такси прибыло на площадь Сохо; замедлился, остановился. Иметь прибывший. Уолтер уронил руки и отошел от Люси. Девушка открыла

глаза и посмотрел на него.

- Тогда? - спросил он во втором испытании той ночи. Был один минута молчания.

— Люси, - сказал он, - пойдем куда-нибудь еще… не останавливайся здесь, в это ужасное место. Еще одна часть, где мы можем побыть наедине. - Ваш голос он дрожал, его глаза умоляли. Жестокость исчезла из его желание; он снова стал жалким, как собака. - Мы расскажем шофер пусть продолжит, - умолял он.

Люси улыбнулась и покачала головой. Почему он так умолял? Почему это было так жалко? Придурок, пес взбитый!

- Пожалуйста, пожалуйста! - я умолял его.

Но я должен был приказать. Я должен был просто приказать шоферу, что продолжай, Я должен был снова взять Люси на руки.

— Невозможный. - сказала она, выходя из такси. Если мальчик вел себя как собака, как таковая, должна быть обработана.

Уолтер последовал за ней, покорный и несчастный.

Сбиса лично приветствовал их у двери. Поклонился, взмахнул толстыми руками, белые и ее экспансивная улыбка породила череду волн на кулачке ее огромные щеки. Когда пришла Люси, пить шампанское это имело тенденцию к увеличению. Она была выдающимся клиентом.

- Мистер Спэндрелл здесь? - спросила она. - А как же пара Рэмпионов?

- Ох! Си, Си… - повторял старый Сбиса с неаполитанской настойчивостью, почти восточный. Было замечено, что там были не только те люди, но также, если бы это было в его силах, Сбиса обеспечил бы до двух образцы каждого из них, чтобы служить приходу. - А асиньора? Молто Бене, надеюсь. У нас есть лобстер questa noche, но какой лобстер! — Говорить он всегда вел их в ресторан.

ГЛАВА VIII

— О чем я сожалею, — сказал Марк Рэмпион, - это ужасная кротость и нездоровый наш мир.

Мэй Рэмпион вкусно рассмеялась, со смехом, исходящим от нее снизу из легких. Это был смех, который мы не могли слышать, не желая смеяться также.

- Ты бы этого не сказала, - прокомментировала она, - если бы ты была твоей женой вместо будь собой. Мир кроткий? Я мог бы тебе кое-что сказать уважение к кротости…

И уверен, что в внешности не было ничего особенно ручного Марк Рэмпион. Его профиль был резким, у него был крючковатый нос, свирепый, как режущий инструмент и заостренный подбородок. Глаза были голубыми и проникающие, и очень тонкие волосы, золото которых немного тянуло к красный, они порхали при малейшем движении, при малейшем дыхании, как языки пламени, которые трепещет ветер.

- Да ведь ты тоже не ягненок, - сказал Рэмпион. — Но два человека-это не один мир. Я говорил о мир, а не о нас. Я утверждаю, что мир послушен. Как один из них ужасные кастрированные Гаты.

- Ты тоже считаешь войну кроткой? - спросил Спандрелл, говоря о фон полумрака, который простирался за пределы маленького мир розового света, внутри которого стоял стол пары. Был он сидя, откинувшись назад, балансируя стул на задних ногах и поддерживая поддержка стены.

- Даже война, - сказал Рэмпион. - Это было бедствие приручать. Мы не собирались драться, потому что у меня кипела кровь. ИА, потому что ему было приказано идти; он шел, потому что был хорошим гражданином. “Человек-животное бой ” как любит говорить твой отчим в своих речах. И я я упрекаю его в том, что он домашний питомец.

— И что с каждым днем становится все более домашним, - собралась Мэй Рэмпион, кто разделял мнение мужа, или, если говорить более точно,

он разделял большую часть своих чувств, и, сознательный или я неосознанно заимствовал у него мнение, когда хотел выразить их.

- Это фабрики, это христианство, это наука, это респектабельность, это наше образование, - объяснила она. - Все это давит на moderna Soul; это он высасывает из него всю жизнь; это…

- О, ради бога, заткнись! - сказал Рэмпион.

- Но это не то, что ты говоришь?

- То, что я говорю, это то, что я говорю. Все становится по-другому, когда ты тот, кто сказать.

Сердитое выражение лица, появившееся на лице Мэри Рэмпион, рассеивать. Он рассмеялся.

- Ах! Почему рассуждения никогда не были моей сильной стороной, - сказала она хорошо-с юмором. - Но ты мог бы показать себя немного более отполированным в общественный.

- Я не могу терпеть дураков с хорошим лицом.

- Потому что, если ты не будешь осторожен, тебе придется терпеть глупость, которая дает тебе урок. - угрожал женщине, улыбаясь.

- Если тебе хочется бросить в него тарелку, - сказал Спандрелл, догоняя его, пока он говорил, - пусть я не буду служить тебе препятствием.

Мэй поблагодарила его.

- Я должен был сделать это хорошо, - сказал он. - Он такой самонадеянный!

— И я бы не причинил тебе вреда, - возразил Рэмпион, - если бы я взамен дал тебе один черный глаз.

- Тогда попробуй. Я принимаю вызов, привязав руку к спина.

Все расстались от смеха.

- Я ставлю свои деньги на Мэри — - сказал Спандрелл, который взял задвиньте стул назад. Улыбаясь с удовольствием, которое он нашел бы трудно объяснить, смотрел от одного к другому, от маленького худого и свирепого человечка для золотой женщины. Каждый из них, по отдельности, был великолепен; но

вместе, как дуэт, они были еще лучше. Не осознавая этого, Спандрелл он внезапно начал чувствовать себя счастливым.

— В любой день у нас будет хорошее объяснение, - сказал Рэмпион, положив руку на мгновение на руку женщины. Это была тонкая рука, чувствительный и выразительный. “Рука аристократа, если она когда-либо существовала рука аристократа”, - подумал Спандрелл. И ее, круглая, сильная и честная, это была рука крестьянки. И все же это был Рэмпион, который родился крестьянка, а она аристократ. Что просто доказало, что специалисты по генеалогии могут говорить глупости…

- Десять раундов, - продолжил Рэмпион. - Никаких перчаток. - Повернулся Спандреллу: - ты должен жениться, - сказал он.

Счастье Спандрелла внезапно исчезло. Как будто он если бы он вернулся к вам из-за резкого толчка. Почти почувствовал гнев себя. Что хорошего в том, чтобы он остался, делая сентиментальные соображения в томе счастливой пары?

- Я не умею боксировать, - ответил он; и Рэмпион мелькнул горечью в радость от него, своего рода внутреннее закаливание.

- Нет, серьезно, - настаивал он, пытаясь расшифровать выражение лица лицо другого. Но голова Спандрелла была в тени, и свет лампочка, вставленная между ними, затмила его.

- Да, серьезно, - сделала Мэри, как эхо. — Надлежать. Свадьба я бы сделал тебя другим мужчиной.

Спандрелл издал короткий фыркающий смех и, позволив своему стулу упасть на четырех ножках он наклонился вперед, на стол.

Толкнул в одну сторону чашку кофе, его стакан ликера, наполненный наполовину прижал локти к столу, а подбородок - к рукам. Его лицо вошло в зоне розоватого света. “Как горгулья, - подумала Мэри, - горгулья в розовом будуаре.”

Был один в Нотр-Даме, именно в этом отношении, склонный вперед, с его демоническим лицом между когтями. Но горгулья была комический демон, настолько экстравагантно дьявольский, что его нельзя было серьезно относиться к качеству дьявола. Спандрелл был настоящим существом, а не

карикатура; вот почему его лицо выглядело так зловеще и трагично. Один изможденное лицо. Яблоки и челюсти оказались на жесткой линии под растянутая кожа. Серые глаза были глубоко вкопаны в орбита. В этой трупной маске только рот был мясистым-рот широкий, с губами, которые сильно торчали на коже, как два рубца толстый.

— Когда он улыбается, - однажды сказала Спандрелл Люси Тантамаунт - можно было бы сделать операцию по поводу аппендицита с ироническими спайками.

Красный шрам был чувственным, но в то же время твердым и выражал решимость; точно так же подбородок. Были морщины в фолианте глаз и в уголках губ. Густые каштановые волосы начали отступать со лба.

“Тот, кто смотрит на него, дает ему пятьдесят лет”, - думала Мэри Рэмпион. “И все же, какого возраста быть ?“Он начал делать расчеты и пришел к выводу что Спандрелл не мог быть больше 32 или 33. Именно возраст подходит для сидения суда.

- Еще один мужчина, - повторила она.

- Но у меня нет большого желания взять себе другого мужчину.

Марк Рэмпион покачал головой.

- Да, в этом твоя беда, Спэндрелл. Ты с удовольствием готовишь в своем собственный коррумпированный и отталкивающий соус. Ты не хочешь, чтобы они исцелили тебя. Ты наслаждаешься с твоим немощным состоянием. Может, ты и правда гордишься им.

- Брак будет лекарством, - настаивала Мэри, восторженная пропагандистка и неутомимым таинством, которому он обязан всю свою жизнь и всю свою счастье.

- Если, конечно, он не станет несчастьем женщины — сказал Рэмпион. - Спэндрелл мог бы осквернить ее своей собственной. гангрена.

Спандрелл запрокинул голову и глубоко засмеялся, но, как это было обычно почти неслышным образом-немой взрыв.

- Замечательно! - воскликнул он. - Замечательно! Первый аргумент действительно хорошо, что я слышал в пользу брака. Почти

ты даже убедишь меня, Рэмпион. Я никогда не брал вещь до свадьба…

- Что ты взял? - спросил Рэмпион, слегка нахмурившись бровь. Мне не нравился такой циничный и несколько мелодраматический. И как другой, казалось, был в восторге от своих собственных извращения! Какой глупый ребенок, короче.

- Процесс заражения. Я всегда останавливался рядом с регистрацией актов гражданского состояния. Но в следующий раз я передам ему косяки. - Выпил еще немного бренди. - Я как Сократ, - продолжил он. - Я был избран богами чтобы развратить молодежь, особенно женскую молодежь. У меня есть миссия,

чтобы обучить ее и привести ее на путь, который она не должна взять. - Откинул голову назад и издал этот очень свой афонический смех. Рэмпион смотрел на него с отвращением.

Как спандрелл был театральным! Можно было бы сказать, что он преувеличивал свою роль, чтобы если вы можете убедить себя в своем присутствии.

- Но если бы ты только знал, что может означать брак… — Мэри всерьез вмешалась. Если бы ты только знал…

- Но, моя дорогая, он, естественно, знает — -перебил ее Рэмпион с нетерпением.

- Прошло уже более пятнадцати лет с тех пор, как мы поженились, - продолжил он Мэри. Миссионерский дух в ней был силен. - И я тебя уверяю…

- На твоем месте я бы не стал тратить латынь…

Мэй с интересом посмотрела на своего мужа. Во всем, что он сказал, уважение к человеческим отношениям, абсолютная уверенность в суждении из Рэмпиона.

Через эти лабиринты он нашел свой путь с тактом я уверен, что она могла только завидовать, но не подражать. “Он нюхает душу люди”, - говорила Мэй о компаньоне. Что касается нее, у нее было мало я сделаю это для душ. Вот почему он благоразумно позволял себе руководствоваться муж. Вы наблюдали за ним. Рэмпион пристально смотрел в свою чашку кофейный. Его лоб нахмурился в морщинах недовольства. Быть очевидно, я серьезно.

- Хорошо! - сказала Мэри, закуривая еще одну сигарету.

Шпандреу смотрел от одного к другому с почти триумфальным видом.

— Я использую единую технику с молодыми женщинами — - сказал он в том же циничный тон.

Мэй закрыла глаза и подумала о времени, когда они с Рэмпионом были молодежь.

ГЛАВА IX

- Какое пятно! - сказала юная Мэри, как только группа добралась до гребня холм и бросил взгляд на долину, внизу Стентон-Ин-Тисдейл лежал на ноги их, черные с их шиферными крышами, их дымоходы полны сажа и ее дым. Пустоши возвышались за городом, обнаженные, теряю из виду. Солнце светило, облака тянули огромные тени, за вами. - Наш бедный пейзаж! Она должна быть запрещена. Действительно, она должна быть запрещена.

- Каждый пейзаж радует, только человек мерзок. - сказал ваш брат Джордж, создание цитаты.

У другого молодого человека был самый практичный дух: - если бы мы могли поставить батарея здесь, - предложил он — - и послать туда сотню выстрелов, чтобы низкий…

- Было бы здорово, - решительно сказала Мэри. - Было бы здорово.

Одобрение девушки наполнило молодого военного счастьем. Находиться безумно влюблен.

- Тяжелые минометы, - добавил он, пытаясь улучшить свое предложение.

Но Джордж прервал его: - что это, черт возьми?

Остальные повернулись в ту сторону, которую он указал. Незнакомец я поднимался на холм к ним.

— Я понятия не имею — - сказала Мэй, глядя на вульту указанный.

Мужчина приближался. Это был молодой человек чуть более двадцати лет, нос на крючке, голубые глаза и бледные шелковые волосы, которые плавали на ветер - потому что у него не было шляпы. Был одет в норфолкскую куртку, плохо обрезанную. и из дешевой фермы, и из больших серых фланелевых штанов. Красный галстук. Ходил без трости.

- Создается впечатление, что вы хотите поговорить с нами… - сказал Джордж.

И действительно, молодой человек приходил прямо к ним. Шел быстро и с воздух решимости, как будто он принес очень важную миссию. “Что

необыкновенное лицо!”- подумала Мэй, когда незнакомец подошел. “Но какой нездоровый вид! Такой худой, такой бледный…“Но его глаза они мешали вам чувствовать сострадание. Они были блестящими энергией. Незнакомец он остановился перед группой, жестко сжимая тонкое тело, как будто на остановке. В его отношении была атмосфера неповиновения, выражение горящего неповиновения на вашем лице. Он смотрел на группу тупо с их сверкающие глаза, исследующие их один за другим.

- Добрый день! — сказать. Я прилагал огромные усилия, чтобы говорить. Но говорить было точно, именно из-за наглого допроса, который был эти выразительные лица богатых.

Мэй ответила за остальных: - Добрый день!

— Я ворвался в собственность без лицензии, - сказал неизвестный. - Это это беспокоит? - Пыл его неповиновения усилился. Посмотрел на троих мрачно. Двое молодых людей осматривали его по другую сторону решетки, из далеко от вершины превосходства своей касты. Они заметили одежду вновь прибывший. В его глазах была враждебность и презрение. Были также своего рода страх. - Я злоумышленник, - повторил он. Его голос был и острый, но музыкальный. У него был акцент деревенских людей. “И один из футрики места”, - подумал Джордж. “Инструктаж.“Это было бы очень легче, намного приятнее пройти широкий, неуловимый, не давая им ради него. Это причина, по которой он хотел встретиться с ними лицом к лицу.

Была тишина. 0 военный повернулся спиной. Не интересовался вообще это неприятное дело. В конце концов, это не имело ничего общего с неизвестный. Парк принадлежал отцу Майи. Он был просто гость.

Он напевал: “Я выучил свой припев, всегда веселый и веселый” - и он смотрел на Черный город, который простирался в долине.

Именно Джордж нарушил молчание: - если это нас беспокоит? - сказал он, повторяя слова незнакомца. Его лицо было очень

красным.

“Какой у него нелепый вид”, - подумала Мэй, глядя на захватчика. “Казаться Тельца, Тельца, который краснеет.”

- Вас это беспокоит? - Проклятый претенциозный и наглый парень! Джордж

это вызывало его добродетельное возмущение. - Потому что я думаю, что это нас беспокоит, и много! Я попрошу вас об одолжении…

Мэри рассмеялась.

- Это нас совершенно не беспокоит! Ни на йоту.

Лицо брата стало еще краснее.

- Что ты имеешь в виду, Мэри? - с яростью спросил. (“Всегда веселый и веселый”, - напевал военный, более астрально не обращая внимания на сцену что никогда.)- Это частная собственность, эта.

- Но это нас совсем не беспокоит. - настояла Мэй. — Ни немного, когда у людей есть откровенность, чтобы прийти и пообщаться с нами., как и вы. - Улыбнулся ему; но лицо неизвестного молодого человека осталось так же гордо серьезно, как и раньше. Глядя прямо в эти глаза, сверкающие, девушка тоже внезапно стала серьезной. Не было шутки во всем этом, сразу поняла она, не было. Начало на карту были поставлены важные принципы высочайшей гравитации. Mas Maiy я не знал, почему они серьезны и как они важны. Только я чувствовал, мрачно и глубоко, что нет причин для смеха.

- Хорошо проходите! - сказала она измененным голосом; и протянул руку. О незнакомец колебался секунду, затем взял руку молодой женщины в свою.

- Увидимся! - я тоже сказал. - Я как можно скорее выйду из парка. возможный.

И, сделав пол-оборота, он быстро отошел в сторону.

- Но ты… какого черта! - начал Джордж, сердито поворачиваясь к

сестра.

- Заткнись! - нетерпеливо ответила она.

- Пожать руку этому парню… - продолжал Джордж протестовать.

- Простолюдин, ты его не нашел? - он сделал военного друга.

Девушка не разговаривая смотрела друг на друга и уходила. Как глупо!

Двое молодых людей последовали за ней.

- Боже мой, когда Мэри научится вести себя удобно? - воскликнул Джордж, все еще сжимаясь.

Молодой военный издавал удручающие звуки. Был влюблен в Майю; но я должен был согласиться, что она была иногда несколько без линии. Это был его единственный недостаток.

- Пожимаю руку той пелинтре! - продолжал Джордж, ворчать.

Это было первое свидание Мэри и Марка Рэмпионов. Она была тогда 22 года, а Марк Рэмпион был на год моложе. Закончил его второй год в Университете Шеффилда и вернулся в Стэнтон для летние каникулы. Его мать жила в домике, который находился в коридоре. из одинаковых резиденций, недалеко от вокзала. У него была небольшая пенсия - муж был почтальоном — и сделал несколько дополнительных шиллингов со швами. Марк снаружи предусмотрена стипендия. Его младшие братья и сестры талантливые уже работали.

- Очень замечательный молодой человек, - не раз настаивал ректор во время его быстрое разоблачение карьеры Марка Рэмпиона несколько дней спустя.

Это было по случаю церковного праздника, с садом-partif 22 ˆ де благотворительность в ректорате. У некоторых детей воскресной школы были изображен небольшой кусок на открытом воздухе. Драматургом был Марк Рэмпион.

- Абсолютно без посторонней помощи. - сказал директор людям общества там собралась. - И, более того, мальчик умеет рисовать. Его рисунки может быть, немного эксцентрично, немного… ах…

— Колебаться.

- Фантастика, - предложила дочь, улыбаясь с высоты своей буржуазии, горжусь его непониманием.

- Но полные таланта, - продолжил декан; - настоящий лебедь от тройников-собрался с хихиканьем личного тщеславия, хихиканьем почти от вина. У него была слабость к литературным аллюзиям. Люди общества улыбались перфункционально. Вундеркинд был представлен. Майи узнала в нем захватчик.

- Я видела его раньше, - сказала она.

- Нарушение вашей смотровой площадки.

- Он к вашим услугам. - Эти слова заставили Рэмпиона улыбнуться.

немного ироничная улыбка, как показалось девушке. Мэри покраснела, боясь сказать что-то, что могло бы иметь защитный вид.

- Но я полагаю, что вы продолжаете нарушать его, будь то хорошо принят или нет, - добавил он с нервным хихиканьем.

Марк не сказал ни слова, но утвердительно покачал головой, улыбаясь еще.

0 отец Марии пришел поздравить. Его похвалы упали, сокрушительный, на нежном черешке, как тропель банды слон. Мэри огорчилась. Все это звучало фальшиво, безнадежно поддельный. Она это чувствовала. Но самое худшее, понимала она, было то, что даже она сама я мог бы сказать ничего лучше. У Марка всегда была одна и та же ироничная улыбка уста. “Как он найдет нас всех дураками!“он говорил с вами. Затем настала очередь его матери. “Грозный” был заменен на ” один любовь”. Поправка не оказала, это было безнадежно из цели.

Когда миссис Фелфэм пригласила его на чай, Рэмпион захотел отказаться от приглашение - но отказаться, не показав себя грубым или оскорбительным. В конце концов, намерения этой бедной женщины были превосходны. Оказалось только, что она это было немного смешно. Был покровителем деревенских юбок, и, чтобы защитить искусство, доходило до того, что предлагало

две чашки чая и кусочек plumcake ˆ 2 ˆроль была комедийной. Пока Рэмпион колебался, Мэри это связано с приглашением.

- Прошу вас прийти, - настаивала она. И его глаза, его улыбка они выражали своего рода забавное раскаяние, а также просьбу извинение. Видел абсурдность ситуации. “Но что я могу сделать?”, казаться она говорит. “Абсолютно ничего. За исключением извинений…”

- Я с удовольствием поеду, - сказал Марк, поворачиваясь к госпоже. Фелфам.

Наступил согласованный день. С галстуком, таким же красным, как всегда., Рэмпион выступил. Мужчины были на улице, ловили рыбу; посетитель пошел приветствовали Мэй и ее мать. Миссис Фелфам воспользовалась случаем, чтобы попытаться показать себя на высоте. Шекспир из деревни, естественно, должен интересоваться драмой.

- Тебе не нравятся пьесы Барри? Я без ума от них.

Он продолжал говорить в этом тоне. Рэмпион не дал комментариев. Только позже, когда миссис Фелфэм бросила его, как ” Крепкий орешек грызть ” и поручил Майи показать ему сад, это то, что Рэмпион открыл губа.

- Боюсь, твоя мать сочла меня очень невежливым. - сказал он, когда они оба шли по гладким выложенным плиткой аллеям между розовый куст.

- О! Понятно, что нет. - с сердечностью возразила Мэри чрезмерный.

Рэмпион рассмеялся.

— Обязанный. Но, естественно, она нашла. Потому что я действительно был невежливый. Я был невежлив, чтобы еще больше не быть невежливым. Лучше остаться. заткнись, чем скажи, что я думаю о Барри.

- Вам не нравятся его пьесы?

- Нравится? Я? - Марк Рэмпион остановился и посмотрел на собеседник. Кровь поднялась на лица майи; что бы она сказала?

Вы можете задать этот вопрос здесь. - И сделал жест, который он показал цветы, танк с рывком, высокую террасу с перцем-из-за стен и обриев, которые выходили из камней, дом Грис и строгий, грузинский стиль, на заднем плане. - Но пойдем со мной в Стэнтон и задайте мне тот же вопрос. Там мы попадаем в суровую реальность… без хорошего воздушная подушка между нами и фактами. И мне нужно, чтобы у нас было хотя бы около пяти фунтов в неделю, гарантировано, чтобы начать ценить Барри. Когда мы сидим на обнаженных фактах, Барри оскорбляет. Была тишина. Они шли ниже и выше среди роз, эти розы ей казалось, что Мэри должна отказаться от цветов, о которых она должна просить извинение. Но отрицание и извинения были бы оскорблением.

К ним пришел пердеж, новый, но уже огромный подпрыгивая, неловко ретушируя. Мэй крикнула ему имя; животное он поднялся на задние лапы и приземлился на нее передними.

- Мне кажется, я люблю животных больше, чем людей. - сказала Мэри

защищаясь от тяжелых собачьих вечеринок.

- Ну, по крайней мере, они искренни, не живут на воздушных подушках как класс людей, с которыми вы общаетесь. - сказал Рэмпион, подчеркивая неясную связь между ее наблюдением и тем, что он говорил раньше.

Мэй была потрясена и восхищена этим быстрым пониманием.

- Я бы хотела лучше узнать людей из вашей среды, - заявила она - искренние люди, люди, которые не используют воздушные подушки.

- Да, но не думайте, что я буду служить вам Цицероном — - ответил он с иронией. - Мы не зоопарк, смотри!; мы не коренные жители которые используют странные обычаи или что-то стоящее. Если вы хотите увидеть окрестности пролетарии, обращайтесь к ректору.

Мэри сильно покраснела.

- Вы знаете, что я не это имел в виду…

- Вы уверены, что это не так? Когда ты богат, трудно думать о другой способ. Такой человек, как дама, абсолютно не может иметь идея о том, что значит не быть богатым. И дело с рыбой. Как рыба может представить как выглядит жизнь вне воды?

- Но мы не сможем узнать, если попробуем.

- Там огромная пропасть.

- Его можно пересечь.

- Да, полагаю, можно. - Но тон его голоса был сомнительным. Они оба поболтали между розами еще несколько минут, а затем Рэмпион посмотрел на часы и сказал, что пора уходить.

- Но он должен вернуться, да?

- Есть ли какая-нибудь польза от моего возвращения? Это выглядит немного с межпланетным визитом, не так ли?

- Потому что у меня такого впечатления не было, — ответила она. И собрал, после короткая пауза: - полагаю, Господь считает нас всех очень глупыми, не так ли действительно? - Он смотрел на мальчика. Марк выгнул брови, был точка протеста. Мэри не хотела позволять ему быть просто

полированный. - Потому что в глубине души мы дураки. Ужасно глупые. — Смеяться, с некоторой меланхолией. В людях своего класса глупость была раньше добродетель, чем дефект. Быть слишком умным - значит рисковать, чтобы не быть джентльменом. Интеллект не был абсолютно безопасной вещью. Рэмпион побудил Мэй спросить, не существует ли лучших вещей, чем это социальное обеспечение, которое берет свое начало в том, что он джентльмен. Na его присутствие девушка не гордилась своей глупостью.

Рэмпион улыбнулся ей. Мне нравилась его прямолинейность. Было что-то искренняя в этой девушке. Мэри не была испорчена — по крайней мере, еще не находиться.

- Дама выглядит как агент провокатор", - пошутил он он-который пытается заставить меня говорить невежливые и подрывные вещи с отношение к моему социальному начальству. Но на самом деле мое мнение не у них нет абсолютно никаких невежливостей.

Люди в вашей среде не больше детей, чем других. Они больше не являются néscias по своей природе. Но они жертвы своего рода жизни. Он завернул их в корку и положил на них с завязанными глазами. По своей природе черепаха не может быть больше какая птица. Но мы должны признать, что ваш пол жизни не именно стимулирует интеллект.

В течение того лета Мэй и Марк встречались несколько раз. В генерал вместе гуляли по болотам. “Она выглядит как сила природа”, - подумал Марк, глядя на ту, которую он с опущенной головой вложил против влажного ветра. Большая физическая сила. Какая энергия, какая сила и что здоровье. Это было великолепно.

Что касается Рэмпиона, то он был нежным мальчиком, который всегда жил больным. Он восхищался физическими качествами, которых лично не обладал. Майи была вид Дианы-воина из пустошей. Я сказал ему это однажды. Ей понравилось похвалы.

- “Wass fur ein Atavismus /” t 2 5] это то, что он всегда говорил обо мне мой старый немецкий правитель. Думаю, она была права, я виды d и Atavismus.

Рэмпион засмеялся.

- По-немецки это звучит абсурдно. Но само по себе это совсем не так абсурдный. Атавизм; это то, кем мы все должны быть. Атавизмы, с весь Moderna комфорт. Умные примитивы. Большие одаренные животные души.

Это было дождливое и холодное лето. Утром в день, установленный для одного из тех, туры Майи получила письмо от Марка: “уважаемая Мисс Дж. Фелфам”, - прочитала она; и при виде лирики Марк почувствовал странное удовольствие. “Поймать глупо простуда. Хочет леди показать себя больше снисходительно, чем я — потому что у меня нет слов, чтобы сказать тебе, как я расстроен и возмущен собой — и простить себя, если я просить отложить тур на неделю?”

В следующий раз, когда Мэри увидела Рэмпиона, мальчик был бледен и худой; кашель все еще мучил его. Когда она спросила его о своем здоровье он прервал ее, почти холерик:

- Я в полном порядке, - резко сказал он. И изменился с вопрос.

- Я перечитывал Блейка, - продолжил он потом. И начал говорить об этом. брак Рая и Ада.

— Блейк был цивилизованным, — настаивал он, - цивилизованным. Цивилизация-это гармония и полнота. Разум, чувство, инстинкт, жизнь тела. Блейк ему удалось охватить и согласовать все. Варварство состоит в том, чтобы повиснуть больше в одну сторону, чем в другую. Можно быть варваром интеллекта, а как варвар тела. Варвар души и чувств, ну как от чувственности. Христианство сделало нас варварами души, а теперь наука делает нас варварами интеллекта. Блейк был последним человеком цивилизованный.

Он говорил о греках и тех обнаженных, поджаренных солнцем этрусках картин фрески гробниц.

- Вы видели оригиналы? - спросил он. - Слово, которое я ей завидую.

Майи было ужасно стыдно. Видел могилы цесарки Тарквинии; но как мало он помнил эти вещи! Для нее они были не чем иным, как старыми и любопытными произведениями искусства, как и все остальные

бесчисленные старые произведения искусства, которые она регулярно посещала, в компания матери по случаю ее поездки в Италию годом ранее. В короче, как будто я их не видел. В то время как Марк, если бы у него были ресурсы поехать в Италию…

- Они были цивилизованными, - говорил Рэмпион, - умели жить гармонично, полностью, со всем своим существом. - Говорил с одной своего рода страсть, как будто она сжимается против мира, против себя даже, может быть. - Мы все варвары, - начал он; но это было прерванный сильным приступом кашля.

Мэй ждала, пока пароксизм пройдет. Она была беспокойной и в то же время он испытывал чувство смущения и стыда, как то, что мы чувствуем, когда видим себя перед человеком, который невнимательность, он обнаруживает слабость, которую обычный человек мучительно отдает работа по сокрытию. Вы должны сказать несколько слов сочувствия о кашлять или притворяться, что не заметил ее? Rampion решил проблему лично ссылаясь на эту тему.

- Кстати о варварстве… - сказал он, когда доступ прошел. Говорил в тон раздражения, его улыбка была горькой и предала холеру. - Вы слышали что-то более варварское, чем кашель? Такой кашель не должен быть допускается в цивилизованном обществе.

Мэй предложила реконфор своей заботы и хорошего совета. Он встал смеется, нетерпелив.

- Те же слова, что и моя мама! Слово в слово. Женщина они все одинаковые. Кудахтанье, как куры за цыплятами…

- Но подумайте о том, как бы люди были несчастны, если бы мы этого не сделали мы кудахтали!

Несколько дней спустя — с небольшим трепетом-Марк взял Мэри, чтобы увидеть свою мать. Изъятия были необоснованными; Мэй и г-жа Дж. Рампиону, похоже, не было трудно установить контакт духовный. Миссис Рэмпион была женщиной около пятидесяти лет, все еще красивая, и которая имела физиономическое выражение спокойного достоинства и покорность. Его манера речи была неторопливой и спокойной. Только один раз Мэри видел, как он изменил свой образ жизни, именно тогда, когда Марк вышел из комнаты

заваривая чай, она начала говорить о своем сыне.

- Что вы о нем думаете? - спросила миссис Рэмпион, наклоняясь к фронт над посетительницей, с внезапным блеском в глазах.

- Что я думаю? - Мэй засмеялась. - Я не достаточно непослушный, чтобы я буду судьей начальства. Но видно, что мальчик кто-то, кто-то важный.

Миссис Рэмпион покачала головой в знак одобрения, улыбаясь удовольствие.

- Он кто — то, - повторила она. - Так я всегда говорил. - Твое лицо если вы серьезно. - Если бы только Марк был сильнее! Если бы только у меня было у вас есть ресурсы, чтобы лучше обучать вас! Он всегда был деликатным. Должно было быть воспитанный с большей заботой, чем то, что я мог ему дать. Не, я не говорю более осторожно… Я отдал ему всю возможную привязанность. Но с большим комфортом, в более гигиеничных условиях. Но какой! У меня не было средства для этого. - Покачал головой. -

Вот история… - Отпустил маленький вздохнул и, откинувшись назад в своем кресле, позволил себе сидеть ах молча, скрестив руки, положив глаза на землю.

Мэй не комментировала; не знала, что сказать. Еще раз почувствовал полный стыда, ужасно полный стыда.

- Что вы думаете о моей матери? - спросил его Рэмпион позже, когда он сопровождал ее к себе домой.

- Она мне понравилась. Мне очень, очень понравилось. Хотя она сделала меня чувствовать себя крошечным, подлым, злым…! Это также еще один способ сказать что я восхищался твоей матерью и что она мне понравилась из-за этого восхищения.

Рэмпион сделал своей головой жест согласия.

- Она действительно замечательная. Смелый, сильный и настойчивый. Но это слишком смирилась.

- Но это показалось мне по праву одним из его качеств, достойных восхищение!

- Она не имеет права на отставку — - ответил Марк, нахмурившись тест, - вы не имеете права. Когда у нас такая жизнь, как у нее, нет он должен уйти в отставку. Это должно быть скорее бунт. И эта чертова религия. Я тебе

вы сказали, что она религиозна?

- Нет; но я догадался, когда увидел ее…

- Это Варвара души, - продолжил Рэмпион. - Думает только о душе и в будущем. Для нее нет ни настоящего, ни прошлого, ни тела, ни интеллект. Только душа и будущее, а пока смирение. Там что-то более варварский, чем это? Она должна бунтовать.

- Пусть твоя мама останется такой, какая она есть. Так будет счастливее. Бог он может восстать из-за вас обоих…

Рэмпион засмеялся.

- Я буду бунтовать за миллионы людей.

В конце лета Рэмпион вернулся в Шеффилд и вскоре после этого Фелфамы отправились на юг, в свою лондонскую резиденцию. Это Была Мэри кто написал первое письмо. Я надеялся получить известие от друга; но Марк не писал. Не было никаких веских причин писать. Но даже если без причины Мэй ждала от него письма; она была разочарована тем, что не получила его-шерсть. Прошли недели. Через некоторое время девушка написала ему спросить название книги, о которой он говорил в одном из его лекции. Предлог был довольно хрупким; но он служил. Марк ответил, Она он поблагодарил его; таким образом была установлена переписка.

По случаю Рождества Рампион отправился в Лондон; у него было несколько работ принятые газетами и был богат, как никогда, имел 10 фунтов, чтобы сделать с они все, что вы хотели. Он не дал Майи знать о своем присутствии, кроме как накануне от

отъезда.

- Но почему вы не сказали мне раньше? - спросила она тоном цензура, когда я узнал, что друг был в Лондоне несколько дней.

- Я не хотел навязывать ему свое присутствие, - ответил он.

- Но вы знали, что я буду счастлив.

- У вас есть друзья.

И ироничная улыбка подразумевала прилагательное богатые.

- Но разве вы не один из моих друзей? - спросила она, делая который не понимал подчувствия.

- Я благодарю вас за это.

- И я благодарю тебя за то, что ты такой, - ответила она, не затрагивая ни faceirice.

Марк Рэмпион был тронут откровенностью признания, с искренность и простота чувства Ситы. Фелфам. Я знал, конечно, что она любила его, которая восхищалась им; но знать истину и слышать ее правда-это разные вещи.

- Прости меня, что я не написал ему раньше — - сказал он, - и он сразу же пожалел об этих словах. Потому что они были лицемерами. Истинная причина, по которой он держался подальше от Марии, не была страх быть плохо принятым; вне гордости. У меня не было ресурсов, чтобы тусоваться с девушка; я не хотел ничего от нее принимать. Они провели день вместе, чрезмерно счастливы, абсурдно счастливы.

- Если бы вы только предупредили меня… - повторила она, когда пришло время. разлуки. - Я бы не принял это скучное обязательство для ночь.

- Тебе будет весело,-сказал ему Марк, возвращаясь к тому тону иронично, с которым он делал все свои намеки на жизнь, которую вел Мэй как член богатого класса. Выражение счастья скрылось от лица Рэмпиона, внезапно наполненный горем из-за того, что он чувствовал себя счастливым в ее компании. Было глупо иметь такие чувства. Какой интерес был в этом счастье два существа,

которые оказались разделенными бездной? — Вы должны веселиться, - повторил он, с еще большей горечью. - Хороший ужин, хорошее вино, люди отличительный, остроумный разговор, а затем и театр. Разве это не идеальная ночь? - Его голос был пропитан диким презрением.

Мэй посмотрела на него, глаза были полны печали и боли. Почему он внезапно начал ретроспективно разрушать день, который у них был. прошло вместе?

- Я не знаю, почему ты так говоришь, - сказала она. - Вы сами знаете?

Вопрос оставался резонирующим в мозгу Рэмпиона еще долгое время после того, как они оба расстались. 'Вы сами знаете?"Было ясно, что я знаю. Но он также знал о существовании бездны…

Они снова встретились в Стэнтоне на пасхальной неделе. Узел перерыв они обменялись многими письмами, и Мэри получила предложение свадьба военного друга, который говорил о том, чтобы привести тяжелую артиллерию в уничтожь Стэнтона. С удивлением и такой-то печалью родителей девушка отказал жениху.

- Но он отличный мальчик, - настаивала мама.

- Я знаю. Но бывает просто так, что его нельзя привести к серьезный.

- А почему бы и нет?

— И кроме того, - продолжала Мэри, - его на самом деле не существует. Это не полностью. Это не что иное, как бесформенная масса. Мы не можем выйти замуж за человека, которого не существует. - Подумал о жестоко живом лице Марка Рэмпиона; она, казалось, горела, казалось, пульсировала и излучала свет. — В люди не могут жениться на призраке, даже если этот призрак осязаемый и последовательный, особенно когда он последовательный.

Разразился смехом.

- Я не знаю, о чем ты говоришь. - вы взяли Миссис Фелфэм с достоинство.

- Да, я знаю — - заверила Мэй. - Я очень хорошо знаю. И в конце концов, это то, что имеет значение в случае.

Прогуливаясь с Рампионом по болотам, Мэри рассказала ему о предложении о твоем твердом, о твоем солидном военном призраке. Марк не сделал никаких комментариев. Было долгое молчание. Мэй разочаровалась и в то же время стыдно за свое разочарование.

“Я думаю, - сказала она о себе, - Я думаю, что хотела сделать пусть он сделает мне предложение.”

Прошли Дни; Рампион шел тихо и мрачно. Когда Мэри он спросил его, почему это так, он с грустью рассказал о своих проектах будущее. В конце лета он закончит учебу в университете; это будет время думать о карьере. Единственный, кто сразу представился ему-потому что у него не было ресурсов, чтобы ждать — это был Магистериум.

- Учить, - говорил Мальчик с решительным ужасом, - учить! Изумлять-

если я чувствую себя подавленным? - Но у его акабрун были другие причины, выходящие за рамки перспективы посвящения себя обучению.

“Будет ли она смеяться надо мной,если я попрошу ее?”- спрашивал он внутренне.

Ему казалось, что нет. Но как только у нее не было намерения отказаться, правильно ли с вашей стороны просить его? Было бы правильно ввести ее в той жизни, которая должна была бы быть жизнью обоих, когда они поженились? Возможно, даже у нее были свои деньги; и в этом случае его честь была поставлена на карту.

- Можете представить меня в роли педагога? - спросил Марк голосом

высокий.

Педагог был его козлом отпущения.

- Но зачем быть педагогом, когда умеешь писать и рисовать? Он может жить своим талантом…

- Но могу ли я? По крайней мере, педагогика гарантирована…

- Почему это стремление к уверенности? - спросила Мэй, почти с презрение.

Рэмпион рассмеялся.

— Вы бы не задали этот вопрос, если бы вам пришлось жить на зарплату еженедельно, подлежит увольнению с предварительным уведомлением за одну неделю. Нет ничего лучше денег, чтобы придать смелости и уверенности в себе.

- Так что в рамках этой меры деньги-это товар. Мужество и уверенность в себе-это добродетели.

Они долго шли в тишине.

- Ну, ну, - наконец сказал Рэмпион, глядя на спутницу, вы виноваты… - Пытался посмеяться. - Мужество и уверенность в себе это добродетели; вы говорите это сами. Я просто пытаюсь заставить себя в соответствии со своими моральными правилами. Мужество и уверенность в себе! Ибо я скажу тебе, что люблю ее.

Было еще одно долгое молчание. Он ждал; его сердце билось, как будто боялись.

- Тогда? - наконец-то спросил.

Мэй повернулась к нему и, взяв его из руки, поднесла к губам.

До и после свадьбы у Рэмпиона было много поводов восхищаться те добродетели, которыми питается богатство. Это Мэри сделала, что он отказаться от всех проектов обучения и полагаться исключительно на свои талант к карьере. Она была уверена в обоих.

- Я не выйду замуж за школьного учителя, - настаивала она.

И даже не женился. Она вышла замуж за драматурга, у которого никогда не было спектакль представлен, за исключением благотворительной вечеринки Стэнтона; женился на художник, который никогда не продавал картины.

- Мы умрем с голоду. - он пророчествовал. Призрак голода он преследовал его; Рэмпион видел его слишком часто, чтобы

презирать его.

- Глупости! - говорила Мэри, твердо уверенная, что никто не умирает от истощение. Из тех, кого я знал, никто еще не голодал. Глупости!

И победил, в конце концов. Что, прежде всего, сделал Рэмпион не решаясь выбрать случайную карьеру, я мог сделать это только в это стоит Мэри.

- Я не могу жить за твой счет, - говорил он. - Я не могу принять твой деньги.

- Но ты не лишаешь меня моих денег — - настаивала она — - речь идет о просто от капитальной занятости. Я использую капитал в уверенность в получении хорошей прибыли. Ты будешь жить на мои деньги год или два, и тогда я буду жить за твой счет до конца своей жизни. И сделка; это даже хитрость.

Марку Рэмпиону пришлось посмеяться.

— И в любом случае, — продолжила она, - долго не проживешь за мой счет. Восемьсот фунтов не длятся вечно.

В конце концов он согласился одолжить ему 800 фунтов стерлингов по ставке ток. Он сделал это неохотно, чувствуя, что каким-то образом предавая своих людей. Начать жизнь с 800 фунтов - это было легко слишком много, это было воровство от трудностей, это было преобладание преимущества несправедливый. Если бы не определенное чувство ответственности, которое у меня было что касается собственного таланта, Рэмпион отказался бы от этих денег и

он бы безрассудно бросил, опустив голову и пустив карманы, в карьере литературный, или пошел бы по верному пути педагогики. Когда в конце концов он согласился принять деньги, и он сделал это при условии, что никогда я бы ничего не принял от родственников женщины. Мэри согласилась.

- Не то чтобы они там очень хотели мне что-то дать… — она собралась со смехом.

Я был прав. Ужас отца перед лицом плохого брака был таким глубоким сколько она ожидала. Мэри, что бы ни зависело от него,

не бегала ни малейшего опасность разбогатеть.

Они поженились в августе и сразу же уехали за границу. Они сели на поезд до Дижона, а оттуда пошли пешком на юго-запад, в направлении Италия. Рэмпион никогда не покидал Англию. Что было странного в Франция была для него символом новой жизни, которую он только начал, новой Убердство, которое он приобрел. И сама Мэри была не меньше символически Новый, чем страна, которую они оба пересекли. У нее не было только эта уверенность в себе, но она также была госпожой Думой. смелость, которая в глазах Рэмпиона казалась совершенно странной и экстраординарный. Минимальные инциденты произвели на него впечатление. Этот случай, например, в котором она оставила забытую пару обуви на ферме в что они провели ночь. Только слишком поздно, что он виноват. Рампион он предложил им вернуться за туфлями. Мэй не хотела его слушать.

- Они потеряны, - сказал он. - Не стоит беспокоиться. Что обувь закопайте обувь, - добавила она, пародируя Лонгфелло.

Марк очень разозлился на женщину.

- Помни, что ты больше не богат, - настаивал он. - Наши ресурсы они не позволяют нам выбросить хорошую пару обуви. Мы не сможем купить новый, прежде чем мы вернемся домой.

- Знаю, знаю, - нетерпеливо ответила она. - Я должен учиться ходит босиком.

И он действительно научился.

- Я рождена быть шлюхой — - заявила она однажды ночью, когда они спали на сене, в сарае. - Я не могу сказать тебе о счастье, которое я чувствую в нет

быть “прекрасными людьми”. Это атавизм, который раскрывает себя. Ты слишком мучаешь себя, Марк. Рассмотрим полевые лилии…

— И все же, - размышлял Рампион, - Иисус был бедным. В вашем семья хлеб и обувь завтрашнего дня должны были иметь большое значение. Как может ли он тогда говорить о будущем как миллионер?

- Потому что Иисус был одним из князей, созданных природой — - ответил он она. - Вот почему. Он родился с титулом; обладатель божественного права, как король. Миллионеры, которые делают свое состояние, всегда думая о деньгах; они живут ужасно озабоченными завтрашним днем. У Иисуса было поистине герцогское чувство, что он никогда не падал со своего условие. У меня не было ни этих производителей мыла, ни этих финансовые, которые делают себя благородными. Он был настоящим аристократом. И, кроме того, он был художником, он был гением. У него были более важные проблемы, чем хлеб, чем обувь и чем завтра.

Мэй на мгновение замолчала, а затем добавила — - и, кроме того, более того, Иисус не был “тонким”. Он не заботился о внешности. У них есть свои вознаграждение. Но что касается меня, то мне мало что дают, есть ли у нас или нет вид чучел.

— Ты мимозировал себя прекрасной порцией комплиментов, - сказал Рэмпион. Но он размышлял о словах своей жены и о ее образе жизни спонтанный, естественный и невозмутимый. И завидовал ему атавизм.

Майи нравилась не только шлюха. Не понравилось меньше с более прозаичной и сидячей жизнью, которую они вели позже, когда они вернулись в Англию. “Мария-Антуанетта в Трианоне — - так он назвал ее Рэмпион, когда увидел, как она работает на кухне; и Мэри сделала эта работа с таким детским энтузиазмом!

- Подумай, - предупредил он перед свадьбой. - Мы будем бедными. Поистине бедные; не бедные с 1000 фунтами в год, как твои бедные друзья. Слуг не будет. Ты должен пойти на кухню, которая ты поправляешь белье, заботишься о доме.

Мэй ограничилась смехом.

Потому что тот, кому это будет неприятно, будет ты. - ответила она. —

По крайней мере, пока я не учусь готовить…

Мэй даже не знала, как жарить яйцо, когда вышла замуж за Марка Рэмпиона.

Довольно странная вещь, этот детский энтузиазм в манере Марии

Антуанетта, чтобы сделать вещи-готовить на настоящей плите, используя настоящую машину для подметания ковров, аутентичная строчка-пережила первые месяцы новизны и волнения. Мэри продолжала веселиться.

- Я никогда не смогу снова стать идеальной женщиной общества — раньше она говорила. Это должно было убить меня от раздражения. Бог уже знает, как это может быть чертовски и раздражающим, чтобы управлять домом, делать работу домочадцы, забота о детях. Но жить полностью без контакта с обычные факты существования, жизни на планете, далекой от мира. повседневная физическая реальность намного хуже.

Рэмпион был того же мнения. Он был против преобразования искусства и мысль о оправданиях, чтобы жить жизнью абстракции. В перерывах среди своих работ художника и писателя он помогал Мэри в работе домашний.

- Нельзя ожидать, что цветы прорастут в очень чистом вакууме. — Это был его аргумент. - Им нужен гумус, глина и навоз. Так как искусство.

Для Рампиона было также своего рода моральное обязательство жить жизнь бедных. Даже когда у него уже был доход вполне разумно, что пара держала только одну служанку и продолжала делать в одиночку большую часть работы по дому. Это было для него делом de noblesse oblige-или, скорее, de roture oblige^ 2^]. Жить как богатый, в комфортная абстракция материальной заботы, была бы-чувствовал он - вид предательства своему классу, своему народу. Если бы я позволил себе остаться, сидя в своем кресле и платя слугам за обслуживание, я бы каким-то образом оскорбляя память своей матери, я бы сказал ей посмертно, что он, Марк Рэмпион, был слишком худым, чтобы жить что она взяла.

Были случаи, когда Марк ненавидел это моральное обязательство, потому что

он чувствовал, что она заставляет его делать глупости и нелепости; и, ненавидя ее, он пытался восстать против нее. Как это было абсурдно к примеру, она столкнулась с привычкой Мэри оставаться в постель утром! Когда ей было лень, она не встала, и все кончено. В первый раз, когда это произошло, Рампион действительно получил печалить.

- Но ты не можешь оставаться в постели все утро — - возразил он.

- Почему бы и нет?

- Почему бы и нет? Потому что ты не можешь.

- Но я могу, - спокойно сказала Мэри. - Могу и останусь.

Вы нашли это шокирующим. Без причины, как он сам понял попытаться проанализировать собственные чувства. Но, несмотря ни на что, он остался оскорблять. Это было шокировано, потому что он всегда вставал рано, потому что все его люди были вынуждены всегда рано вставать с постели. Он был шокирован, потому что не следует оставаться в постели, пока другие они стояли на работе. Поздно вставать было в некотором смысле оскорблением. И все же тот факт, что человек встает рано без необходимости, не он ни в чем не помогал другим, которые рано встали из-за обязательств. Поднять когда ничто не заставляет нас к этому, это просто дань уважения, как обнаружить себя в церкви. И в то же время это умилостивительная жертва чтобы успокоить собственную совесть.

“Не следует так думать”, - размышлял Марк Рэмпион. “Представьте себя грек с этими чувствами!”

Это было невообразимо. И все же факт остался неизменным; для более что он не одобряет это чувство, правда в том, что чувство он продолжал существовать в нем.

“Мэри более здравомыслящая, чем я”, - думал Марк. И вспомнил этот стих из Уолт Уитмен о животных: “они не болеют и не жалеют причина его состояния. Они не проводят ночи в ясном свете, плачут грех”. Мэй была такой; было хорошо быть такой. Быть идеальным животным и в то же время совершенное человеческое существо, вот идеал… Несмотря ни на что, Марк был шокирован, когда Мэй не встала утром.

Я старался не остаться, но остался. Бунтуя, он оставался несколько раз. в постели тоже до полудня; по принципу. Его долгом было не быть одним варвар совести. Но потребовалось много времени, чтобы он мог по-настоящему наслаждаться своей ленью.

Спящие привычки были не единственным, что мучило его в Мэри.

В первые месяцы брака он часто шокирован, тайно и вопреки своим принципам, женой. Мэри рано научился распознавать признаки невозмутимого неодобрения как правило, каждый раз, когда я понимал, что у меня есть скандализовать, скандализовать его еще глубже. Эта система, она думала, что может сделать ей только добро.

Ты нелепый ханжеский старик. - однажды сказала мужу.

Шутка расстроила его, потому что он знал, что это хорошо обосновано. До определенного точка колыбели, и тем более по образованию, Марк был немного пуританином. Его отец умер, когда он был еще ребенком; Марк был образован исключительно добродетельной и религиозной матерью, которая сделала все возможное, чтобы уничтожить в нем все инстинктивные и физические компоненты его бытия, чтобы сын отрицал их существование.

Повзрослев, мальчик восстал против учения матемоса, но только в духе, а не на практике. Концепция жизни, против которой восставший был неотъемлемой частью его собственного я; он был в состоянии войны против самого себя.

Теоретически Марк одобрял широкую аристократическую терпимость Майи к гендерному поведению, которое, как научила его мать, - это было ужасно греховно; восхищался ее откровенной манерой наслаждался едой, вином, поцелуями, танцами, пением, ярмарками, театром, удовольствия всех видов.

И все же, когда Мэри, в первые дни брака, я начинал говорить в своем спокойном, приземленном образе вещей, о которых он слышал только долго и удручающе, под имя блуда и прелюбодеяния - он чувствовал себя шокированным; не в своем разуме (потому что ее разум, поразмыслив мгновение, одобрил Мэри), но в более глубокий слой вашего существа. И та же самая часть его я страдала

тем не менее, из-за той большой и неограниченной способности, которая женщина раскрыла для удовольствия и для удовольствия, из-за ее смех легко, от его превосходного аппетита, от его откровенной чувственности. Rampion привело много времени, чтобы отучиться от пуританства своей девочки. Быть моменты, когда его любовь к матери почти превратилась в ненависть.

- Она не имела права так меня воспитывать. - говорил он. — Это было похоже на японского садовника, который намеренно сдерживает рост из дерева. Она не имела права!

И тем временем он был счастлив, что не родился благородным дикарем, как Мэри. Он был рад, что обстоятельства его заставили учиться. мучительно его благородная дикость. Спустя несколько лет после брак, когда они уже достигли степени взаимной близости невозможно в первые месяцы новизны, потрясений и сюрпризов, Рэмпион может поговорить с Мэри по этим вопросам.

- Жизнь приходит к тебе слишком легко,-попытался он ей объяснить. — Ты ты живешь инстинктом. Ты знаешь, что нужно делать таким образом, совершенно естественно, как насекомое, когда оно выходит из кокона. Е слишком просто, слишком просто. - Покачал головой. - Ты не победил. мудрость твоя; ты никогда не понимал других способов жизни, альтернатива.

— Другими словами, - сказала Мэри, - я придурок.

- Нет, женщина.

- Это отточенный способ сказать то же самое. Но я бы хотел знать, - продолжила она с отсутствием связи, которая была просто очевидно, где бы ты был сегодня без меня. - Переходил от шага к шагу, в последовательной аргументации с эмоциональной точки зрения.

- Я был бы там, где я есть, и делал бы именно то, что я делаю. теперь. - Было ясно, что Марк не имел в виду это. Потому что я знал, лучше, чем никто, сколько он должен своей партнерше, сколько он узнал от своего пример и его заповеди. Но ему было весело расстраивать ее.

- Ты же знаешь, что это неправда. - Мэй была возмущена.

- И правда, да.

- Это ложь. И чтобы доказать это, - добавила она, - я почти решила уйти с детьми и оставить тебя на несколько месяцев готовим в собственном соусе. Я просто хотел посмотреть, как ты устроиться без меня.

- Потому что я бы прекрасно себя устроил — - заверил он

раздражающее спокойствие.

Мэй покраснела, она начала злиться.

- Хорошо, - огрызнулась она, - тогда я и правда уйду. На сей раз я пойду по-настоящему.

Раньше они делали такую же угрозу, пара часто ссорилась, ибо оба были вспыльчивы.

- Иди, - сказал Рэмпион. - Но ты помнишь, что в этой истории, и то, и другое может идти. Если ты оставишь меня, я оставлю тебя.

- Посмотрим, как ты справишься без меня — - продолжила она грозно.

- Это?

- Что со мной?

Ты представляешь, что можешь жить лучше без меня, чем без тебя?

Они смотрели друг на друга некоторое время, молча, а затем, одновременно они рассмеялись.

ГЛАВА X

- Равномерная техника! - повторил Спэндрелл. - Они выбирают себя несчастными, или недовольные или те, кто хочет пойти в театр, или те, кто ищет писать для журналов и, поскольку они отклонены, они, следовательно, переходят к если судить по imes incomprised 2 ˆ. - Он хвастливо обобщил дело бедная Харриет Уоткинс. Если бы он сказал, хотя и плохо, его роман с девушка, это не произвело бы впечатление слишком большого подвига. Харриет была таким сентиментальным маленьким существом, таким брошенным… Любой а мог бы победить. Но, обобщенный таким образом, он ест, если если бы она была только одной из сотен, рассказанной на языке кулинарная поваренная книга (“выбираются несчастные”, была-как одна из рецепты Миссис Битонт 2 ˆ), история, по мнению Спандрелла, будет выглядеть так цинично впечатляет.

- Он начинает быть очень, очень добрым — - продолжил он, - очень благоразумный и совершенно чистый, своего рода старший брат, в высший. И они находят нас действительно достойными восхищения, потому что, конечно,, они никогда не находили никого, кто не был бы горожанином, с идеями и городские амбиции. Они считают нас просто замечательными, потому что мы знаем все вещи искусства, мы познакомились со всеми знаменитости и мы не думаем исключительно о деньгах или о них условия утренней газеты. И они также голосуют за нас определенный страх уважительно, - собрался Спандрелл, вспоминая выражение восхищения испуганный, что он видит в лице маленькой Харриет. - Мы такие ” без-церемония ” и в то же время такой “высший класс”… так распутано и так хорошо знакомы с великими делами и великими людьми… Такие злые но в то же время такие необыкновенно хорошие… Такие образованные, такие путешествовал, так блестяще космополитичен и Вест-Энд (когда-либо слышал житель пригорода говорит о Вест-Энде 2 9]?) Мы такие же, как тот джентльмен, украшенный золотым руном, который можно увидеть в рекламе сигареты Решке. Да, они немного боятся нас; но в то же время они любят нас. Мы так хорошо их понимаем, мы так хорошо знаем жизнь в в целом и их души в частности… И мы ни капли не

кокетливые друзья, ни дерзкие, как вульгарные мужчины, ни один малость… Они чувствуют, что могут доверять нам абсолютно; и эффект, могут… в первые недели. Мы должны приучить их к ловушке; это мне нужно, чтобы они были такими ручными и уверенными, что они не напугайте невинных похлопываний, которые мы даем им по спине, проходя мимо, или целомудренные поцелуи титио, которые мы даем им в лоб, тоже иногда. Е между тем, с помощью лести мы лишаем их доверия мы заставляем их говорить о любви, мы говорим о себе. точно так же, как если бы мы говорили от мужчины к мужчине, как будто они были того же возраста, что и мы, и были так печально разочарованные и столь же горько знающие, как и мы сами; и они находят это ужасно шокирует (хотя они не признаются), но ах! как они остаются польщены, трепещут и грозно польщены! И проходят просто любить нас за это. Ну, в конце концов, когда момент нас это выглядит зрелым, когда они уже полностью одомашнены, а не если они еще больше испугаются, мы поставим развязку на сцену.

— Мы так приучили их приходить с абсолютной безнаказанностью к нашему дому… а потом они поужинают с нами, так что нет спешка. Сумерки усиливаются, мы говорим разочарованным тоном, но все же сентиментальные по отношению к тайнам любви, мы приносим коктейли, а также сильны, и мы продолжаем говорить так, чтобы они пожирали нам слова,, абстрактно, без размышлений. И, сидя на полу у его ног, мы начинаем с много нежности ласкать их лодыжки полностью платонический, все еще говорящий о любовной философии, как будто совсем не мы осознавали, что делаем. Если они не злятся и коктейль сделал свое дело, остальное не составит труда. Так, по крайней мере, всегда я нашел…

Спандрелл наполнил свою чашу бренди и выпил…

— Но тогда, - продолжил он — - когда они берут себя в руки любовники, которые действительно начинают шутить. И когда мы должны приведение в действие всех наших сократовских талантов. Мы развиваем их маленькие темпераменты, мы приручаем их, и мы начинаем их, всегда мудро, мягко, терпеливо, во всех излишествах чувственность. Это можно сделать, уверяю вас, и тем более невинным

чем они, тем легче будет задача. Эти маленькие существа могут быть принесены, в совершенная наивность, до самой поразительной степени разврата.

— Я не сомневаюсь в этом, - возмущенно сказала Мэри. — Но какая польза от всего этого?

- Это весело, - взял Спандрелл с театральным цинизмом. — Это проходит время и дает нам небольшое облегчение от скуки.

— И прежде всего, - вмешался Марк Рэмпион, не отрывая глаз от чашка кофе — это, прежде всего, месть. И способ нас мы освобождаем женщин, это способ наказать их за то, что они женщины. и поскольку они так привлекательны, это способ выразить нашу ненависть к они и то, что они представляют, это способ выразить ненависть против нас самих. Твое зло, Спандрелл, - продолжал Марк, поднимаясь из внезапно, обвинительно, ясные и яркие глаза на лицо другого —, в глубине души ты ненавидишь себя. Ты ненавидишь тот же источник, что и твой жизнь, ваша конечная основа, потому что, нельзя отрицать,

секс-это вещь фундаментальный. И ты ненавидишь его, ты ненавидишь его.

- Я?

Это было неслыханное обвинение. Спандрелл привык слушать упреки из-за его чрезмерной любви к женщинам и удовольствиям чувственный.

- Не только ты. Все это… - С резким жестом головой Рампион указал на других собратьев. - И все эти люди, которые говорят себя респектабельные тоже. Почти все. И болезнь Moderna Man. Я называю его “зло Иисуса” по аналогии со злом Брайта. Вернее, зло Иисуса и Ньютона; потому что ученые столь же респектабельны, как и христиане. Точно так же бизнесмены хорошо думают. И зло Иисуса, Ньютона и Хеми Форда. Все трое вместе ликвидировали нас вполне. Они вырвали жизнь из наших тел и загромождали нас ненависть.

Рэмпион был пропитан предметом. Весь день был занят. с рисунком, который символически иллюстрировал его Иисус, с набедренной повязкой утро казни, и хирург в халате были представлены держите скальпели на одной и другой стороне операционного стола, на котором,

в ракете, подошвы ног обращены к зрителю, я лежал распят наполовину расчлененный человек. Ужасная мясная лавка в утробе, если она они сбежали в клубок внутренностей, которые падали на землю, где они смешивались с женщинами, которые лежали истекающими кровью в первом они превратились в аллегорическую метаморфозу во всем народ живых змей. На заднем плане дымился пейзаж холмы, усеянные черными угольными шахтами и сооружениями печная труба. На одной стороне рисунка, за телом Иисуса, два ангела — духовный продукт увечий вивисекционистов-пытались встать, расправив крылья. Напрасно, потому что его ноги были найдены застрял в клубке змей. Несмотря на все усилия, не вы можете покинуть Землю.

- Иисус и ученые вивисекционируют нас, - продолжил Марк Рэмпион, который думал о своем рисунке-колоть наши тела в кусок.

— Но в конце концов, почему бы и нет? - возразил Спэндрелл. —

Возможно они были созданы для этого. Факт нашего стыда значительный. Мы спонтанно стыдимся своего тела и его деятельность. Это признак абсолютной и естественной неполноценности организма.

- Абсолютная и естественная чушь! - возмущенно сказал Рэмпион. — Для во-первых, стыд не имеет ничего спонтанного. Мы можем сделать человека стыдиться всего, мучительно стыдиться носить желтые туфли в черном пальто или говорить с ошибочным произношением, или иметь подагру висит на кончике носа. Стыдиться всего без исключения, в том числе тела и его функций. Но этот вид стыда настолько искусственен как и любой другой. Христиане изобрели его, как и портные Сэвил Роу изобрел позор носить туфли, желтые с пальто черный. Она была очень мало известна до христианской эры. Посмотреть греки, этруски.

Древние имена перенесли Мэри в болота Стэнтона. Марк всегда был таким же. Сильнее сейчас. Какой у меня был больной воздух в этом день! Мэри было стыдно быть богатой и здоровой. Я бы любил его больше в этом время, чем сейчас?

Шпандреу поднял одну из своих длинных костлявых рук.

- Я знаю, я знаю. Благородные, обнаженные и древние. Но я думаю, что они совершенно moderna изобретение, эти языческие шведской гимнастики. Мы мы приносим на бал каждый раз, когда желаем агастировать христиан. Но это действительно будет что они существовали? У меня есть сомнения.

- Но посмотрите, есть ли у них искусство, - сказала Мэри, в свою очередь, думая о картины Тарквинии. Она взяла их посмотреть в компании Марка — и на этот раз он действительно переворачивает их.

- Да, и мы тоже видим, - возразил Шпандреу. - Когда скульптурный зал Королевской академии будет обнаружен через тысячелетия. сказать, что лондонцы двадцатого века использовали чертов лист, они дали от сосания до младенцев на публике, и они обнимали друг друга полностью голые в садах.

- Я хотел, чтобы все было так! - сказал Рэмпион.

- Но это не так. А потом, оставив на мгновение часть этого вопроса от стыда, что ты говоришь мне об аскетизме как

предварительном условии мистический опыт?

Рэмпион хлопнул руками друг против друга и, наклоняясь к откинувшись на спинку стула, он поднял глаза высоко.

- Ой, моя крестная! Итак, мы уже дошли до этого, а? Опыт мистика и аскетизм. Ненависть, которую блудник питает к жизни, под новым форма.

- Нет, но серьезно… - другой начал.

- Да, серьезно, ты уже читал тайцы Анатоля Франса?

Шпандреу покачал головой.

- Да, читай, - посоветовал Рэмпион. — Читать. И элементарно, понятно. Один книга для мальчиков. Но никто не должен расти, не прочитав сначала все книги для мальчиков. Да, читай. Затем он приходит, чтобы поговорить со мной об аскетизме и мистических переживаний.

- Я его прочту — - сказал Шпандреу. - На данный момент все, что я хочу сказать, это что есть определенные состояния сознания, известные аскетам, которые

неизвестные тем, кто не аскет.

- Без сомнения. И если ты относишься к своему телу так, как природа хотела, чтобы ты относился к нему с равенством, ты добьешься наследства совесть неизвестна вивисекционистским подвижникам.

- Но состояние сознания вивисекционистов лучше, чем от любителей.

- Другими словами, сумасшедшие превосходят разумных людей. О что я отрицаю. Здравомыслящий и гармоничный грек берет все, что может, из обоих этих состояние. Это не совсем идиот, чтобы хотеть убить часть своего собственного я. Сохрани равновесие. Это не легко, конечно, это даже трудно, как дьявол. Силы, которые нужно примирить, по своей сути враждебны. Сознательная душа это вредно для деятельности бессознательной, физической и инстинктивной части всего существа. А жизнь одного есть смерть другого, и наоборот. Но

человек в духе по крайней мере, он стремится сохранить равновесие. Христиане, которые не были в здравом уме дух, они сказали людям, что они должны бросить половину себя. то же самое в мусорном баке. И теперь пришли ученые и бизнесмены чтобы сказать нам, что мы должны выбросить половину, что христиане нас оставлять. Я предпочитаю остаться в живых, полностью живым. Пришло время поднять восстание в пользу жизни и полноты.

- Но, судя по твоей точке зрения, - сказал Спандрелл, - похоже что наша эпоха не нуждается в каких-либо реформах. И золотой век невоздержанность, спорт и любовь на публике.

- Но если бы ты знал, какой Марк пуританин, в глубине души! - смеялась Мэри Рэмпион. - Классический старый пуританин!

- Никакого пуританина, - сказал муж. - Они просто по духу. Ты такой же, как все, — продолжил он, обращаясь к Спандреллу. — Кажется, ты представляешь, что холодная, moderna, civilized похоть это одно и то же что тот здоровый, как я скажу?, этот здоровый фализм (это слово он хорошо выражает религиозное качество старого способа существования; Акарнанос ?), это фальсификация древних.

Спандрелл застонал и покачал головой: - избавь нас от упражнений шведская гимнастика.

— Но это не то же самое, — продолжил другой. - Это точно христианство наизнанку. Презрение аскета к телу, выраженное в другой способ. Презрение и ненависть. Это то, что я говорил недавно. Вы ненавидите себя, вы ненавидите жизнь. Ваши единственные альтернативы это распущенность или аскетизм, две формы смерти. Да ведь сами христиане понимали фализм гораздо лучше, чем это поколение без Бог. Как выглядит эта фраза из свадебного ритуала? “С моим телом я обожаю.“Поклоняться своим телом - вот подлинный фализм. И если ты представляешь, что это как-то связано с бесстрастной, цивилизованной распущенностью наших более продвинутые молодые люди, ты на самом деле очень ошибаешься.

- О! я готов признать смертельный характер наших развлечений цивилизованные, - ответил Спандрелл. - Есть определенный запах — - продолжил он говорить синкопно, между сосание в сигаре

наполовину потребляется, что я хотел возродиться-от дешевых духов… и нечистоты прогорклый… Я часто думаю… что атмосфера ада… должно быть состоит из этого. - Выбросил спичку. - Но другая альтернатива ничего не имеет смертный. Например, в Иисусе или святом Франциске нет ничего смертного.

— В определенные моменты, - сказал Рэмпион. — Они были мертвы в определенных точка. Очень живы в других, я абсолютно согласен. Но они просто оставили половину своего существования вне игры. Нет, нет, это что нет! Пора перестать говорить о них. Я устал от Иисуса и из Сан-Франциско, ужасно устал от них.

А как же поэты? - спросил Спандрелл. - Ты не можешь сказать, что Шелли будь трупом!

- Шелли? - воскликнул Рэмпион. - Не говори мне о Шелли. Встряхнул голова с убеждением. - Нет, нет. У Шелли есть что-то действительно страшно. Это не человек, это не человек. И смешанный фея и белая Лемма.

- Пожалуйста… - запротестовал Спэндрелл.

- О! Странно, нет никаких сомнений, и все, что ты хочешь… Но полный слизистая, бескровная слизь! Ни крови, ни настоящих костей., или внутренностей. Только мякоть и белый сок. А потом эта ложь огромная душа. Тот способ, которым он всегда лгал,

притворяться, ради собственной выгоды и ради других, что мир не был действительно мир, а скорее рай или ад. И что спать с женщинами не это действительно было спать с ними, ты бы просто пошел двумя ангелами, которые ладили друг с другом рука. Ах! Помни, как он относился к женщинам, это скандально., поистине скандально. Женщинам это понравилось, конечно, какое-то время. Это давало им такое чувство духовности… Это продолжалось, по крайней мере, до того дня, когда к ним пришло желание покончить жизнь самоубийством. Так духовно… И всю свою жизнь он не проходил мимо молодой школьницы. что у него были такие же чувственные желания, как у всех остальных, но что он убедил себя и других, что он Данте и Беатрис стали единым целым быть уникальным, и даже больше. Дрожит, дрожит! Единственное оправдание, полагаю, он не мог не быть таким. Он не родился человеком; он был просто какая-то волшебная слизняк с сексуальными аппетитами мальчика из школа. А потом подумай

о том огромном неумении позвать кота кот. Ему всегда нужно было притворяться, что это домашний гений. или платонической идеи. Помнишь “оду жаворонку”? “Здравствуйте, дух хукундо! Ты никогда не был птицей!”- Rampion читал, делая нелепая пародия на” выражение ” декламатора. - Притворяясь, просто притворяться и лгать себе, как всегда. Он не мог позволить жаворонок был простой птицей с кровью и перьями, гнездом и аппетит к поеданию гусениц. О, нет! Это было бы не совсем поэтично, не так ли слишком грубо. Жаворонок должен был быть беспомощным духом… Лишен крови и костей. Что-то вроде эфирного Лиз и маховика. Не будь я мог бы ожидать чего-то другого. Сам Шелли был чем-то вроде Лиз маховик; и, в конце концов, никто не может по-настоящему писать ни о чем, кроме самого себя… Когда мы слизни, это мне нужно, чтобы мы написали о слизнях, хотя наша тема, кажется, жаворонок. Но, клянусь Богом, я хотел, - добавил Рэмпион с внезапный взрыв Feria Fancy — я хотел, чтобы этот жаворонок имел и дух, и воробьи из книги Товия и пусть он упадет в глаз Шелли довольно большая припарка! Это было бы хорошо сделано для поэта, чтобы не ходить говоря, что жаворонок не был птицей. Дух хукундо, это хорошо! Дух хукундо!

ГЛАВА XI

В окрестностях Люси жизнь всегда имела тенденцию принимать себя чрезмерно общественный. “Чем больше нас, тем веселее мы становимся” был его принцип; или по крайней мере, если бы” веселее ” не было подходящим термином, больше громкие, более бурно тревожные.

В течение пяти минут после его прибытия, угол, в котором Спандрелл и Рэмпионс сидели всю ночь, в интимность спокойного разговора, он был захвачен и в мгновение ока опустошенный кричащей, сногсшибательной бандой, вышедшей из зала частность. Катберт Аркрайт был самым громким и самым пьяным — по принцип и из любви к искусству, не меньше, чем из любви к алкоголю. Была идея за то, что он кричал и вел себя отвратительно, он защищал искусство против филистимлян. Эбрио, он чувствовал себя выровненным рядом с ангелами Бодлера, Эдгара Ауана по де Куинси против аморфной и бездуховной массы возраст. И если он хвастался своими

развратами, то это потому, что люди респектабельные относились к Блейку как к сумасшедшему, потому что Боудлер пересмотрел его Шекспир, потому что автор Мадам Бовари был привлечен к ответственности и почему, когда мы заказываем Содом у графа Рочестера в библиотеке Бодлиана, библиотекари не сдают его, кроме как перед свидетельством о что мы занимаемся серьезными литературными исследованиями. Аркрайт выиграл его жизнь — и при этом он убеждал себя, что служит искусству — печать ограниченных и дорогих выпусков самых мрачных образцов отечественная и зарубежная литература. Блонд, кроваво-красный бифштекс,, с зелеными, прыгающими глазами, большим сверкающим лицом, он подошел, громкие приветствия. Вилли Уивер радостно следовал за ним, маленький человечек вечная улыбка, очки, оседланные на длинном носу, пузырящиеся от хорошее настроение и неисчерпаемая многословность. Позади него, его пол на высоте и также вооружен очками, но седой, затемненный, сморщенный и молчаливый, пришел Питер Слайп.

- Похоже, жалуется на фармацевтическую специальность, — сказал он. Спандрелл, увидев приближающуюся группу. - Слайп-это больной раньше., Уивер такой же после первого флакона, и Катберт Аркрайт иллюстрирует

ужасающие результаты полного лечения.

Люси все еще смеялась над шуткой, когда Катберт взял ее за руку.

- Люси! - воскликнул он. - Мой ангел! Но почему во имя Небес, ты всегда пишешь карандашом? Я просто не могу читать то, что ты пишешь. Это для просто случайность, что я здесь сегодня вечером.

Значит, она написала, чтобы сказать ему, чтобы он ждал ее там? Думать Уолтер. Этот вульгарный, глупый парень, этот аларв… Вилли Уивер сжал руки Майи Рэмпион и Марка.

- Я понятия не имел, что найду здесь великих — он сказал.

- Не говоря уже о прекрасном… - Сделал поклон Майи, которая взорвалась в резком мужском смехе. Вилли Уивер был более доволен, чем как обидно. - Положительно, это русалка Тавемˆ 0]’

- Всегда занят Брик-а-Брач? - спросил Спандрелл, наклоняясь над столом, чтобы интерполировать Питера Слайпа, который сидел

вместе с Уолтером. Петр был ассириологом и работал в Британском музее.

- Но почему карандашом, почему карандашом? - ревел Катберт.

- У меня такие грязные пальцы, когда я ношу перо…

- Потому что я должен был заставить чернила исчезнуть при поцелуях. — протестовать Катберт, и, опираясь на руку, которую он держал прикрепленной к своей, начал целовать ее тонкие пальцы.

Люси рассмеялась.

- Лучше сначала купить стилус. — сказать.

Уолтер наблюдал за сценой, удрученный. Возможно ли это? Глупый клоун и ненавистный, как этот?

- Неблагодарная! - сказал Катберт. - Но мне нужно поговорить с Рэмпионом.

И, отойдя от нее, хлопнул Марка по плечу и одновременно махнул Майей другой рукой.

- Агапе! - продолжал Вилли Уивер в своем шипении, как чайник. Клюв был обращен к Люси. - Какой праздник! Что… —

Он колебался на мгновение в поисках справедливого выражения, выражения действительно тупой. - Какие афинские излияния! Какая оргия больше чем платонический!

- Что такое “афинские излияния”? - спросила Люси. Вилли сел и начал объяснять.

- С “излияниями” я хочу сослаться на контраст с нашим узким буржуазная респектабельность и презумпции Пексниффа…

- Почему бы тебе не дать мне свою работу для публикации? — спросить Катберт убедительным тоном.

Рэмпион смотрел на него с враждебностью.

- Ты думаешь, что у меня есть амбиции увидеть мои книги для продажи в магазинах что продают резиновые статьи?

- Они были бы в хорошей компании, - сказал Спандрелл. - Работы Аристотель…

Катберт взревел протест.

- Сравните выдающегося викторианца с великим человеком того времени о Перикле, - сказал Вилли Уивер. Он улыбнулся; он был счастлив и красноречив. О Бургундия произвела на Питера Слайпа удручающий эффект, а не стимулятор. Вино только логарифмирует, чтобы подчеркнуть его тусклость и его меланхолия.

- А что ты скажешь о Беатрис? - спросил он Уолтера-Беатрис Гилрей? - Он всхлипнул и попытался сделать вид, что кашляет. - Ты видишь ее. часто, я думаю, теперь, когда она работает в литературном мире…

Уолтер видел ее три раза в неделю и всегда находил ее в добром здравии.

- Подари ей воспоминания, когда увидишь ее — - попросил Слайп.

- Хриплые пузыри Карлайла диспептика! — декламировать Вилли Уивер. И его глаза сияли от радости сквозь призму очки. То, льстило ему, вряд ли могло быть более странным Жюст. Уивер откашлял этот маленький кашель, который был его неизменным комментарием к лучшие из ваших предложений. - Я хотел смеяться, я хотел аплодировать-так, если я мог бы разыграть кашель, но скромность сдерживает его.

- Хриплый что? - спросила Люси. - Хорошо помни, что нет. я получил какое-то наставление…

- Ты, естественно, чирикаешь свои суровые родные песни. — сказать Вилли. - Можно мне немного этого благородного самогона? Рубра Гипокрен.

- Беатрис плохо со мной обращалась, крайне плохо. - Питер Слайп был скулить. - Но я не хочу, чтобы она думала, что я держу обиду…

Вилли Уивер щелкнул языком после того, как попробовал глоток бренди.

- Твердые радости и жидкие удовольствия известны только дети Сиона. - неправильно процитировал он, повторяя довольный кашель.

- Зло Катберта, - говорил Спандрелл, - в том, что он никогда не он хорошо научился отличать искусство от порнографии.

— Ясно, - продолжил Питер Слайп, - что у нее отлично право делать то, что вы хотите в своем собственном доме. Но бросить меня так, час за часом…

В любое другое время Уолтер с восторгом слушал бы версию что бедный Слайп дал эту любопытную историю. Но, с Люси в ее кроме того, ему было трудно проявить интерес к повествованию.

— Но иногда я спрашиваю себя, не викторианцы ли они веселились больше, чем мы, - говорила она. - Чем больше ограничений, тем больше удовольствие. Если мы хотим видеть, как люди пьют с настоящей радостью, это мне нужно поехать в Америку. Англия викторианской эпохи знала сухой закон в все отрасли. Например, существовала девятнадцатая поправкаˆ 1] а уважение любви. Должно быть, они бросились на него с таким же энтузиазмом, как и американцы бросают виски. Я не знаю, что в глубине души я сторонница афинские излияния, то есть, если мы представляем…

- Ты предпочитаешь Пекснифф Алкивиаду, - заключил Вилли Уивер. Люси пожал плечами.

- У меня нет опыта работы с Пекснифф. — исповедоваться.

— Я не знаю, - сказал Питер Слайп, - был ли ты когда-нибудь клюнул

гусь.

- Если я был кем? - спросил Уолтер, прилагая усилия, чтобы исправить внимание.

- Клюнул гусь.

- Никогда, что я помню…

- Это суровое, сухое чувство. - Слип зацепил воздух с индикатором желтоватый от дыма. - Беатрис такая. Она клюет; любит клевать… Но вы знаете также показать себя очень хорошо. Он делает упор на то, чтобы показать себя хорошо для его и клевать, если нам это не нравится. Клевание является частью его доброты; по крайней мере, так я всегда думал. Я никогда не делал этого. возражение… Но зачем выгонять меня из дома, как будто я один преступник? И сейчас так сложно найти квартиру… Мне пришлось остаться в пансионат на три недели. Пища… - Простудился.

Уолтер не мог не улыбнуться.

- Беатрис, конечно, очень спешила установить Бурлап на твое место…

- Но зачем такая спешка?

- Когда дело доходит до избавления от старой любви, чтобы приветствовать новую…

- Но какое отношение к этому имеет любовь в случае с Беатрис?

- Слишком много, - перебил Вилли Уивер. - У вас есть все. Этот Девы, которые впадают в принуждение, всегда самые страстные.

- Но у нее никогда в жизни не было любовных отношений.

- Отсюда и насилие, - торжествующе заключил Вилли. - Беатрис имеет камень на предохранительном клапане. И моя жена утверждает, что ее нижнее белье действительно frineans. Это не так зловещий…

- Может, ей нравится хорошо ходить, - предложила Люси.

Вилли Уивер покачал головой. Гипотеза была слишком простой.

- 0 без сознания этой женщины-черная дыра. - Вилли колебался на мгновение. - Полный батрахиальных объятий в темноте, - заключил он. Е он скромно кашлял, чтобы отпраздновать свой подвиг.

Беатрис Гилрей ремонтировала Нижний лиф из цветного шелка-de- розовый. Ему было 35 лет, но он выглядел моложе или,

скорее, не выглядел так возраст. Свежая и чистая кожа. Сверкающие глаза загибались в глазницы, маленькие стропы и без морщин. На лице было что-то живое и он не был лишен красоты; но форма и наклон носы были комическими, были абсурдными в блеске бисер для глаз, на аинуированном рту, на подбородке круглый и полный испытаний. Но мы смеялись с ней не меньше, чем с ней; потому что поза ее губ она была юмористической, а выражение ее круглых и изумленных глаз-шутливой и злонамеренно любопытна.

Беатрис косия. Часы тикали. Момент в движении, который, по словам сэра Исаака Ньютона, он отделяет бесконечное прошлое от бесконечного будущего он неумолимо продвигался сквозь измерение времени. Или верить в Аристотель, немного больше, чем возможно, в каждый момент становилось реальным; настоящее было обездвижено и воплощало в себе будущее, как человек пусть он будет вечно глотать бесконечную ленту лапши. В когда в то время Беатрис действительно зевала в потенции. В корзине рядом с огнем лежала черная кошка из ильхарги и кормила грудью четыре слепых пятнистых котята. Стены в комнате были желтые весенние лепестки. На верхней полке библиотеки а пыль сгущалась над руководствами по ассириологии, которые Мисс Марвел собирала. Гилрей имел куплено, когда Питер Слайп был арендатором своего нижнего этажа. Один том мыслей Паскаля с карандашными заметками, сделанными Бурлапом, лежал открытым на столе. Часы продолжали тикать. Внезапно входная дверь захлопнулась. Беатрис сбросила свой розовый шелковый лиф и он поднялся на каблуках.

- Не забывай, что ты должен пить все свое горячее молоко, Денис — - сказала она, глядя в зал. Его голос был ясным, высоким и императивным.

Бурлап повесил пальто и подошел к двери: - ты не должен вставать из-за меня, - заметил он в выговоре тема, улыбаясь ей от его серьезных и тонких содомских улыбок.

— У меня была работа, которую я хотел закончить — - солгал он Беатрис.

- Вы действительно были очень товарищем… - Эти маленькие Знакомые выражения, которыми Бурлап любил приправлять свои

для чувствительных ушей у них был самый любопытный из резонанс. “Он говорит на сленге, - однажды сказала Мэри Рэмпион, - как иностранец, который в совершенстве владел английским — но владел как иностранный. Я не знаю, слышали ли вы когда-нибудь, чтобы индус говорил “бездельник”. А сленг Бурлапа напоминает мне об этом.”

Однако Беатрис этот” очень товарищ ” казался совершенно естественно и ничего иностранного. Она покраснела с удовольствием застенчивая девица. Но: - заходи и закрывай дверь, - сказал он сухим тоном команда. Над этой молодой и нежной застенчивостью была роговица кора снаружи; была часть его существа, которая клюла и была по сути, практика. - Сядь там, - повелел он, - и когда он пришел к живо обращайтесь с горшком с молоком, запеканкой и газовым краном, она спросила Бурлапа, понравилась ли ей вечеринка.

Бурлап покачал головой: - Fascinatio nugacitati, - сказал он. — Fascinatio nugacitati. - Я размышлял над очарованием тщетности. весь путь от площади Пикадилли.

Беатрис не понимала латыни; но по лицу Бурлапа она могла видеть, что эти слова выражали неодобрение.

- Общественные собрания в глубине души-пустая трата времени, не так ли? - сказала она.

Бурлап пошевелил головой в утвердительном сигнале.

- Пустая трата времени — - повторил он в Эхо, своим медленным голосом жвачный, смутно и обеспокоенный взгляд на знакомого демона невидимый, который оказался немного слева от Беатрис.

- Мы достигли сорока, мы оставили позади более половины жизни, мир прекрасен и загадочен. И все же мы все еще прошли четыре несколько часов читал лекции ни о чем в Тантамаунт Хаус. Как объясняет ли это, что пустяки так привлекательны? Или есть что-то еще

за пустяками, что-нибудь еще, что нас привлекает? Это будет какая-то расплывчатая и фантастическая надежда на то, что можно найти мессианское существо, которое всегда мы искали, или услышать откровенное слово?

Бурлап менял голову, когда говорил, с любопытным движением разъединенный, как будто мышцы его шеи теряют упругость. Беатрис была так знакома с этим движение, которое я больше не видел в нем ничего странного. Ожидая, что молоко кипела, она слушала с восхищением, созерцала Бурлап с лицом серьезно относится к тем, кто в церкви. Человек, чьи экскурсии по залам лирики они были похожи на простые эпизоды всей жизни, посвященные исследованиям. духовные можно разумно рассматривать как эквивалент должности божественное воскресное утро.

- Несмотря ни на что, - добавил Бурлап, внезапно подняв глаза на собеседницу, с веселым и очень широко раскрытым смехом, удивительно отличается от Содомской улыбки предыдущего момента —, шампанское и икра были действительно замечательными. - Это был демон. знакомый, который резко прервал философские размышления о ангел. Бурлап позволил ему говорить вслух. Почему бы и нет? Думал, что это весело быть сбивающим с толку. Посмотрел на Беатрис. Беатрис была должным образом озадаченный.

— Я не сомневаюсь в этом, - сказала она, изменяя выражение его верного лица в церкви, чтобы гармонизировать его с ребенком смех из Бурлапа. Немного нервно рассмеялся и отошел, чтобы налить молоко в одной чашке. - Вот ваше молоко, - предложила она сухим тоном, укрывшись в властности, полной заботы, чтобы убежать от своего смущение. - И сделай это, выпив его, пока он горячий.

Было долгое молчание. Бурлап медленно потягивал дымящееся молоко и Беатрис, сидящая на табурете перед неосвещенным камином, ждала, слегка задыхаясь, ожидала даже сама не знала, что…

- Ты выглядишь как Маленькая Мисс. Muffettˆ 2] сидя на стуле - наконец сказал Бурлап, намекая на старую детскую поэзию.

Беатрис улыбнулась.

- К счастью, большого паука здесь нет…

- Спасибо за комплимент, если это вообще комплимент…

— Да, это так, - заявила Беатрис.

Вот, подумала она, что было по-настоящему очаровательным в Денис, был таким достойным доверия человеком! С другими мужчинами были опасность схватывания, нащупывания, поцелуев… И это было ужасно., невероятно ужасно. Беатрис никогда полностью не восстанавливается после шока что он получил, когда, будучи еще девочкой, зять своей тети Мэгги, человек, которого она всегда считала дядей, день давал ему задницы в такси. 0 инцидент таким образом, чтобы она испугалась и возмутилась, что когда том Филд, от которого она действительно ему понравилось, он сделал ей предложение, Беатрис оттолкнула его просто потому, что он она была человеком, как этот ужасный дядя Бен, потому что она была в ужасе. простая идея, что они могут ухаживать за ней, потому что у них был ужас паники любой контакт. Беатрис была старше тридцати лет и никогда не позволяла кто бы ее не трогал. Мягкая, дрожащая маленькая девочка, которая была в ней, под оболочкой практичной женщины он много раз влюблялся. Но страх быть нащупанным, быть действительно тронутым, всегда был сильнее что любовь. При первых признаках опасности Беатрис встала отчаянно клев, сковывал скорлупу, убегал… Когда все-таки в безопасности, заземленная маленькая девочка издавала долгий вздох. Благодаря Боже! Но маленький вздох разочарования всегда был включен в большом вздохе облегчения. Беатрис хотела не бояться, хотела, чтобы счастливый дух товарищества, существовавший до того, как нащупали, мог продолжать вечно, бесконечно.

Иногда она наполнялась ненавистью к себе; с большим количеством часто думал, что в любви есть что-то принципиально плохое, и что-то принципиально пугающее в мужчинах. Вот замечательная сторона Денис Бурлап, это было такое успокаивающее существо… Не думал принимать фамильярность, нащупывание. Беатрис могла поклоняться ему без малейшей тени опасение.

- Сьюзен тоже сидела на табуретах, как маленькая Мисс. Маффетт - продолжил Бурлап после перерыва.

Его голос был меланхоличным. Я провел последние несколько минут, размышляя о тема его мертвой женщины. Почти два года назад Сьюзен была захвачена эпидемия гриппа. Около двух лет; но его боль-Бурлап заверение себя - не уменьшилось, чувство его потери он оставался таким же подавляющим, как и всегда.

- Сьюзен, Сьюзен, Сьюзен, - повторяла ее имя много-много раз. Я больше никогда ее не увижу, даже если проживу миллион лет. Миллион лет, миллион лет. В этих словах открылись пропасти. — Или на земле, - вслух продолжал Бурлап, восстанавливая образ женщина как можно живее. - Я думаю, она предпочла бы сидеть на пол. Как ребенок. - Ребенок, ребенок, оттолкнул его внутренне. Такой молодой!

Беатрис продолжала молча сидеть, созерцая пустой камин. Было бы нескромно, чувствовала она, почти неприлично, смотреть на Бурлапа. Бедный существо!

Когда он наконец повернулся к нему, он заметил, что у него на щеках слезы. А вид этих слез Беатрис почувствовала себя захваченной суб-короткой волной материнское благочестие. “Как ребенок”, - сказал он. Но он, Денис, он сам был как ребенок! Как бедный несчастный ребенок.

Наклонившись вперед, Беатрис погладила пальцами спину рука, которую Бурлап позволял слабо свисать…

- Батрахиальные объятия! - повторила Люси. И рассмеялся. - Это была искра гениально, Вилли.

- Все мои искры-искры гения, - сказал Вилли скромно. Это было представление; Это был Вилли Уивер в знаменитой роли Вилли Уивер.

Он искусно исследовал эту любовь красноречия, эту страсть довольно круглая и громкая фраза, с которой он родился — с опозданием на три век. Во времена юности Шекспира он был бы

литературная знаменитость. Среди его современников эвфуизмы Вилли вызывал только смех. Но он ценил аплодисменты, даже если их было мало. Более того, смех никогда не переводил злобу; потому что Вилли Уивер был таким хорошим мальчиком и таким подобострастным, что все он мне нравился. Перед зрительным залом, в шутку одобренным, он теперь он представляет свою роль; и, чувствуя одобрение через веселость, представляла его всей душой.

- Все мои искры гениальны, - повторил он. Примечание это

превосходно гармонировало с ролью. И это было правдой, кто знаешь?! Вилли шутил, но с тайным убеждением. - Обратите внимание на мои слова, - сказал он, — в один из этих дней батрахийцы восстают и выпрыгивают.

- Но почему батрахийцы? - спросил Слайп. - Не меньше, чем с батрахием, чем Беатрис.

- И почему они выпрыгивают? - спэндрелл спросил. — Лягушка они не клюют.

Но тонкий голос Слайпа был заглушен голосом Мэри Рэмпион.

- Потому что вещи закрыты, в конечном счете, всегда выпрыгивают — кричала она. - Они действительно прыгают.

- Мораль, - заключил Катберт, - никогда ничего не закрывай. Я я никогда этого не делаю.

- Но, может быть, благодать в прыжке батрахийцев, - философствовала Люси.

- Какой злой и парадоксальный запретитель!

- Но логично, - говорил Рампион, - что революции будут производиться внутренние не меньше, чем внешние. В государстве бедные против богатых. У человека это тело и инстинкты, подавленные против интеллекта. О интеллект был возвышен, как и высшие классы, в области духа; низшие классы в той же области восстают.

- Поддержали! Молодец! - крикнул Катберт, стуча по столу. Рампион нахмурился. Одобрение Катберта было для него личным оскорблением.

- Я здесь контрреволюционер, - сказал Спандрелл. -Ставьте духовные низшие классы на своих местах.

- Меньше в твоем деле, а? - сказал Катберт, усеивая зуб. - Разве нельзя разоблачить теорию?

- Веками мы видели, как они подавляли, насильно, - сказал Рэмпион —, и посмотрите на результат. Ты, среди прочего. - Посмотрел на Спандрелла, который он запрокинул голову и

афанически засмеялся. - Посмотрите на результат, - повторил он.

- Внутренняя личная революция и, как следствие, внешняя революция и социальные.

- Давай, давай! - сказал Вилли Уивер. - Ты говоришь, как будто тележки Термидор уже грохотал по улице. Англия продолжает больше или меньше в том же месте.

- Но что ты знаешь об Англии и англичанах? - реторвил Рампион,

- Ты никогда не покидала Лондон и не покидала свой социальный класс. Иди на север…

- Не дай бог! - горячо воскликнул Вилли.

- Пойдем посмотрим на угольную и железную страну. Немного пообщаться с рабочие-металлисты. Это не революция по какой-то причине. Это революция как самоцель. Снос ради любви к сносу.

- Мне это кажется довольно милым, - сказала Люси.

— Удивительно. Это просто бесчеловечно! Они извлекли все человечество под давлением цивилизованной жизни, под тяжестью угля и железа. Это не будет бунт мужчин. Это будет революция элементарных существ, от монстров, от дочеловеческих монстров… И ты довольствуешься закрытием глаза и притворяться, что все это абсолютно идеально.

- Подумайте только о диспропорции, - говорил Лорд Эдвард, когда курил его трубка. - И положительно… - Ему не хватало голоса. - Возьмите уголь, для пример. Человек потребляет его сегодня в разы больше, чем потреблял в 1800. Но нынешнее население всего в два с половиной раза больше, чем в этом время. С другими животными… Это, безусловно, довольно разнообразно. Потребление пропорционально количеству особей.

юидж выдвинул несколько возражений.

- Но когда животные имеют избыток над тем, что для них необходимо, чтобы существовать, они не отвергают вас, не так ли? Когда есть битва или чума, гиены и стервятники пользуются

изобилием есть больше, чем требует ваш голод, перекармливать себя. Не будь то же самое происходит с нами? Вымерли леса в больших количествах, есть несколько миллионов лет. Мужчина эксгумировал их трупы, обнаружил, что я мог бы использовать их, если вы дарите роскошь сытного банкета, пока он длится мертвечина. Когда запас исчерпан, он возвращается к уменьшенным рационам, таким как делают гиены в промежутках между войнами и эпидемиями. - Иллидж говорил сладострастно. Говорить о людях, как будто это невозможно отличать их от обезьян доставляло ему особое удовлетворение. — Обнаружить-если угольное месторождение, нефтяная скважина. Прорастают города, строят-если железные дороги, корабли приходят и уходят. Для опытного наблюдателя что он живет на Луне, этот рой, этот шаттл должен выглядеть как скопление муравьев и мух в фолианте мертвой собаки. Селитра Чили, нефть Мексики, спички Туниса; с каждым открытием новый покалывание насекомых. Можно ли представить комментарии астрономов лунные существа: “эти существа обладают замечательным и, возможно, уникальным тропизмом для окаменелые падальщики”.

- Как страусы, - сказала Мэй Рэмпион. - Вы живете как страусы.

- И дело не только в революциях — - добавил он Спандрелл, в то же время слыша, как Вилли Уивер говорит что-то о ” as философия estmciocamellin”. - Но что касается всех; вещи важно, чтобы они были неприятными. Было время, когда никто не делал вид, что смерти и греха не существует. “Au ditour d’un sentier une charogne позорно “33]” процитировал его. - Бодлер был последний поэт Средневековья, одновременно с первым поэтом современный. “Et pourtant”, - продолжил он, глядя на Люси с улыбка и поднятие стекла:

Et pourtant uousserez semblable á cette ordure.

Cette horrible infection,

Etoile le mesyeux, soleil de ma nature,

Ты, МОН Анж и Ма страсть!

Alors, ó ma beauté, dites à la vermine Qui vous mangera de baisers.. 1 - 34]

- Мой дорогой Спандрелл! - Люси подняла руку в знак протеста.

- Действительно, и слишком некрофилен! - возразил Вилли Уивер.

“Всегда одна и та же ненависть к жизни”, - думал Рэмпион. “Разные жанры смерть - единственные альтернативы.“Посмотрел на лицо Спандрелла тщательно.

- И, если подумать, - говорил Иллидж, - время, которое потребовалось, чтобы сформировать угольные месторождения, деленные на продолжительность жизни человека, не отличаются так чрезвычайно из жизни красного дерева, разделенного поколением гнилостные ферментационные бактерии.

Катберт посмотрел на часы:

- Но Господи! - воскликнул он, - осталось 25 до 1 часа. -встал в прыжке. - Я обещал, что мы придем на вечеринку Уиддикомб. Питер, Вилли! Быстро, марш!

- Но вы не можете идти, - возразила Люси. - Они не могут так идти. абсурдно рано…

- Это зов долга, - объяснил Вилли Уивер. - Строгий сын Божественное Слово. - Отпустил свой кашель самоутверждения.

- Но это смешно, это недопустимо.

Люси смотрела от одного к другому с холерической тревогой. 0 страх одиночества был в ней хроническим чувством. Это всегда было возможно, если они посидеть еще пять минут, если что-то случится. действительно весело. В остальном было невыносимо, что люди поступали против его воли.

- И мы тоже, мне кажется… - сказала Мэй Рэмпион, поднимаясь из стул.

“Слава богу!”- подумал Уолтер. Я надеялся, что Спандрелл последует за общий пример.

- Но это невозможно! - крикнула Люси. - Рэмпион, я не могу этого допустить

это!

Марк Рэмпион ограничился улыбкой. “Эти профессиональные русалки!”, думать. Люси делала его совершенно холодным, вызывала ужас. Отчаявшись, девушка обратилась к другой женщине, которая была в группе.

Миссис Рэмпион, вы должны остаться. Еще пять минут. Всего пять минута. - спросил он голосом, полным лести.

Все в порядке. Слуга открыл боковую дверь. Украдкой они они скользнули во тьму.

- Но почему они настаивают на том, чтобы уйти? - спросила Люси, в ропот.

- Почему мы настаиваем на том, чтобы остаться? - спросил Спандрелл. Уолтер это означало, что человек не собирался уходить с остальные. - Потому что это гораздо более непонятно…

Совершенно непонятно! Тепло и алкоголь производили в Уолтере обычный эффект. Он чувствовал себя больным и в то же время несчастным. Для что остаться в этом отравленном воздухе без всякой надежды? Почему бы и нет скоро вернуться домой? Марджори была бы рада.

- Ты хоть верен, Уолтер.

Люси улыбнулась ему. Уолтер решил отложить матч. Сделал себя молчание.

Катберт и его товарищи взяли такси. Отказ от всех приглашения, Rampions предпочли идти пешком.

- Слава Богу! - сказала Мэй, когда такси вырвалось. — Этот ужасный Аркрайт!

- Да, но женщина еще более зверская, - противопоставил Рэмпион. — Она это дает мне мурашки по коже. Этот бедный мальчик, глупый Бидлейк! Это там, как кролик перед лаской.

- Это мужской профсоюз. Мне она нравится, потому что Люси делает пусть вы, мужчины, немного пошевелитесь. И это хорошо сделано.

- Это правда, что мне нравится змея-Капело. - Зоология Рампиона это было полностью символично.

- А Спэндрелл, раз уж мы имеем дело с ужасами? Похоже на горгулья, демон…

- Похоже на глупого старшеклассника, - с акцентом заявил Рэмпион. — Этот никогда не рос, никогда не становился взрослым. Ты еще не понял? И вечный подросток. Мучая мозг всеми этими вещами, которые волнуют подростков. И не в состоянии жить, потому что он слишком много ходит занят мыслью о смерти и Боге, истине, мистицизме и все остальное, что следует; слишком занят мыслью о грехах и в попытке совершить их, чтобы в конце концов разочароваться, потому что это не удаться. И прискорбно. Спандрелл - своего рода Питер Пэн, даже намного хуже, чем этот отвратительный маленький аборт Барри, потому что он прикован к более ранней эпохе. И Питер Пэн плюс Достоевский, больше Мюссе, больше 1890-х, больше Буньяна, больше Байрона и больше Маркиз де Сад. Поистине прискорбно. Тем более прискорбно сколько в нем, по потенции, очень порядочного человека.

Мэри рассмеялась: - думаю, мне придется поверить на твое слово…

— Кстати — - сказала Люси, поворачиваясь к Спандреллу. — У меня есть сообщение от твоей матери. Отдал. Спандрелл утвердительно покачал головой, но комментариев не делал.

- А генерал? - он спросил, Как только Люси закончила говорить. Не я хочу, чтобы о маме больше говорили.

- О, генерал! - Люси поморщилась. - У меня было как минимум полчаса военной разведки сегодня вечером. Чтобы сказать правду, я не должен был ей разрешить это. Как насчет общества против генералов?

- Я подписываюсь как один из основателей и почетный член.

- Или почему не общество для отмены старых, поскольку мы в

теме? - продолжила Люси. - Старики действительно невозможный. Кроме твоего отца, Уолтера. Он идеален. Действительно идеально. Единственный возможно старое.

- И как раз один из редких, которые совершенно невозможны, ты что ты не знаешь. - Среди Бидлейков поколения Уолтера невозможность старый Джон был почти аксиоматическим. - Ты бы не нашел его таким идеальным, если бы ты была его женой или дочерью. - При произнесении этих слов Уолтер он вдруг вспомнил Майджори. Кровь поднялась по его щекам.

- О! Естественно, выберем ли мы его мужем или отцом, — Люси возразила-чего нам ждать? Ибо он возможен как старик именно потому, что это невозможно как муж и как отец. Самый большой часть стариков осталась с жизнью раздавленной под тяжестью своих ответственность. Твой отец никогда не давил на себя. Были женщины и дети и все остальное… Но он всегда жил как мальчик в гандайе. То, что это не очень приятно для женщин и детей, согласен… Но как это радует нас других!

— Впустить… - сказал Уолтер. Он всегда судил себя во всем, кроме отца. Но он действовал так же, как и отец.

- Думает о нем, делая абстракцию сыновнего чувства.

- Я попробую…

Что он должен думать о себе?

- Попробуй, и ты увидишь, что я прав. Твой отец один из немногих возможно старые. Сравнивает его с другими. - Люси покачала головой. Бесполезный; с ними нельзя обращаться.

Спандрелл засмеялся: - вы говорите о стариках, как о кафрах или эскимос.

- Ну, а они не более или менее такие? Золотые сердца и все такое который следует… И удивительно умные, по-своему, и взятые в рассказывает обстоятельства. Но оказывается, что старики не принадлежат нашей цивилизация. Они странные. Я всегда буду помнить то время, когда я был пить чай у арабских дам в Тунисе. Были такими милыми., такие гостеприимные… Но они позаботились о том, чтобы я съел пирожные. несъедобный… Они плохо говорили по-французски… И у меня не было абсолютно

ничего сказать им… И они были в ужасе от моих коротких юбок и с тем, что у меня нет детей… Старые люди всегда заставляют меня помнить этот арабский чай. Вы думаете, что мы будем арабским чаем, когда стареть?

- Да, и, наверное, memento mori, в довершение всего — - сказал он Спэндрелл. - И дело в атеросклерозе.

- Но то, что принимает стариков, так похожих на арабский чай, - это их идея. Я просто не могу представить, что артериосклероз делает меня однажды верить в Бога, в мораль и в то, что следует… Я вышел из своего кокона, во время войны, когда все было не в порядке. Я не вижу, как наши внуки могут сделать более полное свержение, чем то, что было сделано в то время. Так почему же возникнет несогласие?

- Может, они все положили на свои места… — подсказывать Спэндрелл.

Люси на мгновение замолчала.

- Я никогда не думал об этом…

- Или ты сама могла бы это сделать. Снова положить вещи в

места - одно из традиционных занятий стариков…

Часы пробили час, и, как кукушка, освобожденная от шума,, Симмонс появился в библиотеке с подносом. Симмонс был зрелый мужчина и обладал таким министерским достоинством позиции, что нужно обуздать язык и сохранять спокойствие, никогда не говорить, что истинно мыслить и хранить явления всегда стремится к производить в дипломатах, в реальных персонажах, в высших должностных лицах публика и дворецкие. Без малейшего шума накрыл стол на двоих и, объявив, что милордский ужин подан, он удалился. Был в в среду на свет выявились две запеченные на гриле бараньи отбивные когда Лорд Эдвард поднял серебряную крышку. Понедельник, среда и пятницы были днями отбивных. По вторникам и четвергам был стейк из ребро с картофелем фри, нарезанным тонкой стружкой. По субботам, в на банкете Симмонс готовил смешанный гриль^5J . Aos по воскресеньям выходил; Лорду Эдуарду пришлось

довольствоваться холодной ветчиной и язык с салатом.

- Любопытно, - сказал лорд Эдвард, подавая Иллиджу котлету, — любопытно, что количество баранов не увеличивается. Не так быстро что человеческое население. Следует ожидать, что симбиоз так интимный.

Он молча жевал.

- И что баран, должно быть, выходит из моды, — сказал Иллидж. — Как Бог, - добавил он, провокатор, - и как бессмертие души. — Лорд Эдвард не попадал в петлю. — Не говоря уже о романистах того времени викторианский, - продолжил Иллидж. Он поскользнулся на лестнице; и единственный литература, которую Лорд Эдвард читал всю свою жизнь, кроме Диккенса и Теккерей. Но старик спокойно жевал. - И невинных девушек. - Лорд Эдвард проявлял научный интерес к сексуальной активности аксолотлей и кур, морских свинок и лягушек; но любая ссылка на

соответствующие действия людей это вызывало у него болезненное недомогание. — И чистота, - продолжал Иллидж, пристально глядя на лицо старика—, и девственница, И… - Помощник был остановлен, и Лорд Эдвард спасен от остальная часть этой погони, звон телефонного звонка.

- Я отвечу — - сказал Иллидж, поднимаясь в прыжке со своего места. Он положил наушник в ухо. - Привет!

Эдвард, это ты? - спросил глубокий голос, ничем не отличающийся от голоса сам Лорд Эдвард. - Это я. Эдвард, я только что узнал математическое доказательство самого необычного существования Бога или, лучше, да…

- Но я не Лорд Эдвард, - крикнул Иллидж. — Ожидать. Я позвоню-Ло. Повернулся к старику: - и Лорд Гаттенден. Только что обнаружил новое доказательство существования Бога. - Не улыбнулся, когда сказал Это, тон его голос был серьезным. Серьезность в таких обстоятельствах была самой жестокой насмешкой. А участие в себе было насмешкой. Любой комментарий сопровождаемый смехом, он должен был принимать ее меньше и больше не смешно. Что храбрый старик глупости! Иллидж чувствовал себя отомстившим за все унижение.

И более серьезно, чем когда — либо, он собрал: - математическое

доказательство.

- Боже мой! - воскликнул Лорд Эдуард, как будто что-то плачевное если бы это случилось. Разговор по телефону всегда заставлял его нервничать. Побежал в прибор. - Чарльз, да…

- О, Эдвард! - крикнул бестелесный голос главы семьи, голос, который он отправлялся из Гаттендена, в 40 милях отсюда. — Открытие поистине замечательный. Я хотел узнать твое мнение по этому поводу. Речь идет о Бог. Ты знаешь формулу: m над нулем равно бесконечности, будучи единицей положительное число. Что ж, почему бы не свести уравнение к более сложной форме просто умножив два члена на ноль? В этом случае у нас будет m равно бесконечности, умноженной на ноль. Что стоит сказать, что число положительный-это произведение нуля на бесконечность. Разве это не демонстрирует создание Вселенной бесконечной силой из ничего? Не так ли? — 0 диафрагма приемника была загрязнена перевозбуждением Лорда Гаттенден, который шел с 40 миль. Человек говорил

быстро, не задыхаясь; его вопросы были горячими и настойчивыми. - Не покажешь, Эдвард? Пятый маркиз провел всю свою жизнь в поиск абсолюта. Это была единственная охота, которая позволяла себе инвалиду. В течение пятидесяти лет он катался в своем инвалидном кресле за клык вздыхает. Было бы возможно, что я поймал ее сейчас, так легко, и в таком маловероятном месте, как элементарное руководство по классу теория пределов? Это было то, что оправдывало волнение. - Какая у тебя мнение, Эдвард?

— То… - начал Лорд Эдвард.

И с другого конца электрического провода, 40 миль друг от друга, самый старый из Tantamounts стало известно, по тону, с которым это простое слово было сказано, что его доказательства не дают. Хвост Абсолюта все еще она была девственницей соли.

- Что касается старших, - сказала Люси, - я уже рассказывала кому-нибудь из вас эта поистине замечательная история о моем отце?

- Какая история?

- Та, что в зимнем саду. - Простое воспоминание о деле сделало его улыбаться.

- Я не помню, чтобы когда-либо слышал что-либо о зимнем саду — сказал Спандрелл. Уолтер также отрицательно покачал головой.

- Это было во время войны, - начала Люси. - Я был на грани восемнадцать, кажется. Недавно спущен в море… И, попутно, кто-то чуть не разбил мне буквально бутылку шампанского на теле… В то время мы веселились несколько лихорадочно, вы должны быть помнят.

Спандрелл дал положительный знак, хотя во время войны он это был не что иное, как школьник. Уолтер также менеу голова, полная опыта.

— Однажды, - продолжила Люси, - мне дали записку, Я хотел бы иметь доброта подняться и увидеть Милорда? Это была беспрецедентная просьба. Я остался один так встревожена. Вы знаете, как старики воображают, что мы живем. Е как они сбиты с толку, когда обнаруживают, что ошибаются. И то же самое чай дело с арабскими дамами. - После смеха, и для Уолтера этот смех это опустошало все годы, которые Люси жила до того, как он встретил ее. Урдир истории его юношеской и невинной любви были одной из постоянные утешения Уолтера. Люси рассмеялась; с того момента в даже воображение не могло найти удовольствия в этом романе. утешитель.

Спандрелл качал головой, соглашаясь.

- Тогда ты подошел к старику с ощущением того, кто поднимается к эшафот…

И я нашел своего отца в его библиотеке, притворяясь, что читаю. Мой прибытие действительно напугало его. Бедняга! Я никогда никого так не видел. ужасно смущенный и изможденный. Вы можете себе представить, как его ужасы заставили меня расти. Такие сильные чувства должны были иметь сильную причину тоже. Что бы это было? Между тем старик страдал от агонии. Если бы его чувство долга не было сильным, я думаю, он бы сказал мне, что возьмите обратно вниз, и немедленно. Вы, ребята, должны были видеть лицо его! - Комические воспоминания были для нее неотразимы. Он рассмеялся.

С локтями на столе, головой в руках, Уолтер пристально смотрел в свою чашу. Маленькие блестящие пузыри поднимались опрометчиво на поверхность, один за другим, с определенной целью, как будто они решили быть свободными и счастливыми любой ценой. Уолтер не осмелился поднять глаза. Заметив лицо Люси, искривленное смехом, он боялся, это может заставить вас сделать что — то смешное-кричать изо всех сил или распадаться в слезах.

- Бедняга! - повторяла Люси. И его слова исходили в глотке взрывное ликование. - Ужас едва позволял ему говорить. - Внезапно, изменение тона по голосу она подражала глубокой глухой речи лорда Эдварда, которая послала ее сидеть, заявляя ему (заикающийся и полный болезненных колебаний), что мне было что сказать. Пантомима была замечательной. Смущенный призрак

Лорд Эдвард сидел за столом Уолтера и Спандрелла.

- Замечательно! - аплодировал последнему. И даже Уолтеру пришлось смеяться; но глубины его несчастья остались неизменными.

- Старик занял, возможно, добрых пять минут — - продолжил он Люси — реанимировать себя и оставаться в состоянии говорить. Я был в агонии, как вы можете себе представить. Но угадайте, что он имел в виду…

- Что это было?

— Догадаться. - И вдруг Люси снова рассмеялась, Не успев вместить. Прикрыл лицо руками. Все его тело дергалось, как если бы она безумно рыдала. - Это слишком хорошо… — она продолжала, задыхаясь, опуская руки и откидываясь назад в стул. Его лицо все еще было взволновано смехом; на его лицах были слезы. - Слишком хорошо. - Люси открыла маленькую сумочку из бисера, которая лежала на столе в его фронт и, вытащив изнутри платок, начал вытирать глаза. Один всплеск духов вышел с шарфом, усиливая обмороки воспоминаний из гардений, которые окружали Люси, которые двигались с ней куда угодно пусть она будет, как вторая центральная личность. Вальтер поднял глаза; сильный аромат гардении наполнил его ноздри; и мальчик остался дышать тем, что для него было самой сущностью этого

любимого существа, символом твоя сила и его безумные желания, Уолтер. Посмотрел на Люси с своего рода ужас. - Сказал мне старик, - подхватила она, все еще смеясь спазматически, все еще вытирая глаза — сказал мне, что слышал сказать, что я иногда позволял парням целовать меня на балах, нас зимние сады. В зимних садах! — повторять. - Какой разрыв восхитительно! Так в соответствии с эпохой! 1880. Старый принц Уэльский. As романы Золя. Зимние сады. Мой бедный дорогой папа! Сказал ждать что я не позволю этому повториться. Моя мама должна остаться ужасно расстроилась, если бы узнала об этой истории. О Боже, О Боже! — Люси сделала глубокий вдох. Смех наконец-то закончился.

Уолтер посмотрел на нее и вдохнул в нее духи, вдохнул свои собственные желания и ужасная сила притяжения этого существа. И ему показалось, что я видел ее впервые. Теперь впервые-с чашей наполовину пустой перед тобой, бутылка, грязная пепельница; теперь, когда она наклонилась

назад в своем кресле, измученный смехом, вытирая глаза, полные слезы смеха.

- Зимние сады, - повторял Спандрелл. - Зимние сады. Да, это очень хорошо. Это действительно здорово!

- Чудесно! - сказала Люси. - Старики действительно замечательные. Но зло и зло становятся возможными, вы должны признать… За исключением, это конечно, отец Уолтера.

Джон Бидлейк медленно поднимался по лестнице. Я очень устал. “Что ужасные вечеринки!”- думал он. Он включил свет в своей комнате. На вершине утешение камина одна из женщин маленького соблазнительного реализма Дега он был в своей круглой оловянной ванне, пытаясь потереть спину. Na пограничная стена девушка Ренуара играла на пианино среди пейзажа от самого Бидлейка и одного из видений Дьеппа Уолтера Сикерта. Над на кровати висели две карикатуры, которые сделал из него Макс Бирбом, и еще один из Рувейра. На столе лежала бутылка бренди с сифон и стакан. Две карты были прижаты друг к другу на видном месте. против краев лотка. Джон Бидлейк открыл их. Первый содержал вырезки из газет, в которых говорилось о его последней выставке. Daily Mail он назвал его

“ветераном английского искусства” и заверил своих читателей, что “его рука ничего не потеряла из-за его ловкости”. Джон помял вырез и он сердито бросил его в камин.

Другой вырез был от одного из высших хебдомадариев. 0 тон да Хроника была почти презрительной. Они судили его последний показ, осуждая-А. ” и трудно поверить, что работа такая дешевая и поверхностная — и поверхностная не производя эффекта, следует отметить-как те, что собраны в настоящем выставка была произведена художником сенокосов, из Галерея Тейт и самые великолепные Купальщицы, которые в настоящее время в Tantamount House. В этих пустых, пустых картинах мы напрасно ищем эти качества гармоничного баланса, каллиграфии ритмическая, трехмерная пластичность, которая…“Какая алгаравия! Что

словоблудие! Бидлейк бросил всю пачку вырезов туда, куда он бросил первенец. Но его презрение к летописцам было бессильно нейтрализовать последствия этой критики. “Ветеран английского искусства — - эквивалент “этот бедный старый Бидлейк”. И когда они приветствовали его, потому что его рука не потеряла ничего из прежней ловкости, они должны были дать ему в тоне защитник уверен, что для умирающего старика, который оказался во втором детство, он все еще превосходно рисовал. Единственная разница между враждебный критик и благоприятный критик было что одно сказало жестоко и в ясно выражая то, что другой дал понять в защитной похвале. Бидлейк он почти хотел, чтобы он никогда не рисовал купальщиц…

Открыл другой конверт. В нем было письмо от его дочери Элинор. Находиться датируется Лахором.

“Базары - это настоящая Статья, полная тварей. С их пуля и их запахи создают впечатление, что, пересекая их, мы боремся с сыром. С художественной точки зрения, что огорчает во всей этой восточной атмосфере то, что она выглядит в абсолют с теми картинами сцен с Востока, которые были сделаны во Франции в середине прошлого века. Ты знаешь их пол, полированные и яркие, как изображения, которые раньше печатались на коробках чай. Когда мы здесь, мы видим, что стиль необходим. Коричневый цвет лица он принимает ровные стороны и пот дает лак к коже. Нужно ли рисовать с поверхностью, по крайней мере, такой же гладкой, как Энгр.”

Бидлейк продолжал читать с восторгом. У дочери всегда было что-то весело сказать в ваших письмах. Я видел вещи глазами, которыми они вы должны это увидеть. Но вдруг нахмурился.

“Вчера представь, кто пришел к нам… Это был Джон Бидлейк-младший. Мы делали это в Вазиристане; но он был здесь, в отпуске. Я не видел его с тех пор, как я была маленькой девочкой. Ты можешь представить мое удивление, когда пришел огромный джентльмен в военной позе и седых усах и он назвал меня по имени. Он, конечно, никогда не видел Фила. Мы сожгли толстых телят, которыми располагал отель, в честь брата щедрый.”

Джон Бидлейк откинулся на спинку стула и закрыл глаза. О

огромный джентльмен военной осанки и седых усов был его сыном. Джон Сыну бидлейку было пятьдесят лет. Пятьдесят. Было время, когда пятьдесят лет казались возрастом Мафусаила. “Если бы у Мане не было умер преждевременно…“Вспомнил слова своего старого хозяина в парижской художественной школе. “Но Мане умер таким молодым”. Старое мастер покачал головой. (Старый? - размышлял Джон Бидлейк. Он казался ей очень старый для того времени. Но, вероятно, было не более шестидесяти лета.) “Мане было всего 50”, - ответил профессор, и Бидлейк стоил подавил смех. И теперь его собственный сын был в том возрасте, в котором Мане умер. Огромный джентльмен военной осанки и седых усов. И его брат был мертв и похоронен на другом конце света, в Калифорния. Рак кишечника. Элинор нашла своего сына в Санта Барбара-молодой человек, женатый на молодой и богатой женщине, который обманывает закон сухость в пропорции к бутылке Джина, потребляемой ежедневно между оба…

Джон Бидлейк подумал о первой женщине, матери джентльмена военный и халифомский аспект, который умер от рака кишечника. Иметь всего 22 года, когда она впервые вышла замуж. Роза еще не закончила двадцать. Они любили друг друга неистово, с тигровой страстью. 0 пара тоже поссорилась, поначалу довольно забавно, когда споры можно было примирить с помощью излияний чувственности такие же жестокие, как и те самые фурии, которые они умиротворяли. Но очарование он начал исчезать, когда пришли дети, первые двое в течение 25 лет месяц. Не было достаточно денег, чтобы держать Федоров на расстоянии и платить профессионалам, чтобы сделать тяжелую и

менее чистую работу… А отцовство Джона Бидлейка ничего не было в синекуре.

Его студия превратилась в nursen / 3^]. Очень быстро результаты страсти ревуны и мокрые подгузники, соносы, прерванный, запахи приняли его отвращение страсти. Более того, объект этой страсти уже не был прежним.

После рождения детей Роуз начала толстеть. Ваше лицо стал балофо; тело утолщалось, а кулачки становились вялыми. As споры уже не разрешались так легко. Одновременно

они были более частыми; отцовство раздражало нервы Джона Бидлейк. Его искусство давало ему повод поехать в Париж. Однажды ушел две недели и четыре месяца отсутствовали. Споры возобновились в его возвращение. Роуз прямо сейчас ему не нравилась. Модели предлагали ему легкие утешения; у Джона был чрезвычайно серьезный роман с замужняя женщина, которая пришла к нему домой, чтобы художник ее сделайте портрет. Жизнь дома была постоянным раздражением, закаленные скандальными сценами. После особенно трения жестоко, Роуз собрала вещи и переехала жить в дом своих родителей. Взял с собой дети; Джон Бидлейк не мог не радоваться тому, что видит себя свободным из стаи. Старейший из реветов и смачивателей Куэйрос теперь был огромный джентльмен военного воздуха и седые усы. А другой умер от рак кишечника. Джон Бидлейк больше не видел их, пока мальчики им было 25 лет. Дети остались верны своей матери. Она тоже он умер, уже пятнадцать лет находился в могиле.

Ошпаренный кот… После развода Джон Бидлейк пообещал себе что я больше никогда не выйду замуж. Но когда мы отчаянно влюбляется в молодое добродетельное и доброе существо семья, что вы можете сделать? Джон снова женился, и эти два кратких годы, проведенные с Изабеллой, были самыми необычными, самыми красивыми, самые счастливые за всю свою жизнь. Потом она умерла от родов, тупо. Джон изо всех сил старался никогда не думать о ней. Сувенир это было слишком болезненно для него. Между запоминающимся изображением и момент воспоминания, пропасти времени и разделения были более огромные, чем любой другой пропасть между настоящим и прошлым. И в по сравнению с прошлым, которое он разделил с Изабеллой, все присутствующий, каким бы он ни был, казался бледным; кроме

того, эта смерть была ужасное предупреждение из будущего. Бидлейк никогда не говорил о ней, и все сколько я мог бы принести ей памятных вещей от умершей-ее письма, ее книги, мебель в вашей комнате - все, что он уничтожил или продал. Джон Бидлейк хотел игнорировать все, кроме настоящего места и момента, я хотел создать впечатление, что я только что пришел в мир, и я был суждено быть вечным. Но память сохранилась, хотя он никогда он сознательно пытался оживить ее; и хотя предметы, которые были

принадлежал Изабелле были уничтожены, Бидлейк не мог остерегаться против случайных воспоминаний. Случай обнаружил много лазеек в твоя защита, в ту ночь. Самый широкий был открыт письмом Элинор.

Погрузившись в свое кресло, Джон Бидлейк позволил себе сидеть долго, неподвижно.

Полли Логан сидела перед зеркалом. Я провел гребнем по волосы, производящие крошечные мелкие потрескивания электрических искр: — Крошечные искры, как крошечные битвы, крошечные, крошечные дрожащие спектры. Крошечная битва, крошечный призрак картечи битвы. - Полли произносила эти слова со звуковой монотонностью, как будто он читал их перед зрительным залом. Она с любовью продлевала их, загрузка в rr, шипение в тузах, жужжание, как пчела в мм, запихивая долгие гласные и делая их круглыми и чистыми. “Обстрел спектральная метель, спектральная канонада, in-fi-ni-te-si-mal.” Красивые слова! Она испытывала особое удовлетворение, заставляя их катиться таким образом, слушая с благодарным ухом, положительно обжора, ретроар слогов, поглощенных тишиной. Полли всегда я хотела поговорить сама с собой. Это была детская привычка, от которой не хотелось разметать. “Но если это меня забавляет — - протестовала она, когда другие смеялись, высмеивая его привычку - почему бы мне не сделать это? Это не повредит никто.“И он отказывался позволить им забрать свой раз, чтобы они смеялись. его.

- Электрический, электрический — - продолжал он, понижая голос и шепотом говоря драматический. - Электрическая стрельба, метрическое печенье. Уи! - Гребень, если вы он

запутался в пучке запутанных волос. Полли наклонилась к чтобы лучше видеть в зеркале то, что он делал. Отраженное лицо подошел. - Ma chérie, — воскликнула она в томе, - tu as Vair fatigue. Ты vieilleterf. Ты должна знать о себе. Tsc, tsc! - Сделал щелчок язык в зубах в воздухе неодобрения и покачал головой. - Так нет подойдет, так не подойдет! В любом случае, ты был не в порядке сегодня вечером! “Моя дорогая,

как вкусно ты выглядишь в Белом!”- Подражал выразительный голос миссис Беттертон. - То же самое желаю тебе и даже больше. Думаешь, я буду похожа на слон, когда ему шестьдесят? В любом случае, я полагаю, мы должны быть благодарным даже за комплименты слона. “Считай свои благословения, считай их с любовью”, - сладко напевала Полли. - “И увидишь с удивляет, как много для тебя сделал Господь.“О, боже! - Отпустил гребень, он сильно вздрогнул и закрыл лицо руками. - Боже! - Полли он чувствовал, что кровь поднимается по его щекам. - Оплошность! Какая огромная “киска” и фантастика! Я вдруг подумал о Леди Эдвард. Было ясно что она все слышала. - Но как я рискнул сделать это? ссылка на то, что она канадка? - Полли скулила, утонула от рестроспективный стыд и смущение. - И что происходит с тем, кто хочет сказать любой ценой блестящие вещи… И когда я думаю, что это было для Норы, что я потратил впустую свою латынь… Нора! О, Сэр! - Он поднялся из прыгнул и, надев халат во время прогулки, бросился в бегун вниз к комнате матери. Миссис Логан уже лежала и имела выключил свет. Полли открыла дверь и вошла в темноту.

- Мамочка! - она позвонила. - Мамочка! - Тон его голоса выражал срочность и тоска.

- Что там? - ответила миссис Логан, беспокойная, из глубины тень. Полли села в cairia и искала нащупывание коммутатора da изголовье. - Что там? - Свет пророс одним щелчком. - Что это, мой милая?

Полли бросилась на кровать и спрятала лицо на коленях матери.

- О, мамочка, если бы ты знала, какую ужасную оплошность я совершил с Леди Эдвард! Если бы ты знал! Я забыл тебе сказать.

Миссис Логан почти разозлилась из-за того, что чувствовала беспокойство в чистом виде. потеря. Когда мы ставим на карту

все наши силы, чтобы поднять то, что нас кажется, это огромный вес, неприятно осознавать, что это всего лишь картонная гантель, которую можно было бы поднять двумя пальцами…

- Это было необходимо, чтобы ты пришел, чтобы проснуться от моего первого сна, чтобы рассказать эту историю? - с раздражением спросила она.

Полли подняла глаза на свою мать.

- Я прошу прощения, мамочка, - сказала она, раскаявшись. - Но если ты ты знал, какую удивительную киску я дал!

Миссис Логан не могла удержаться от смеха.

- Я бы не смог заснуть, не сказав тебе сначала все. — продолжать Полли.

- И я не смогу спать, пока ты не расскажешь мне историю. — В Миссис Логан пыталась показать себя суровой и саркастичной. Но глаза и улыбка предать.

Полли взяла ее за руку и поцеловала.

- Я знала, что ты не будешь злиться.

— Находиться. И много.

- Нет смысла пытаться подшучивать надо мной, - сказала Полли. - Но теперь это мне нужно, чтобы я рассказал тебе свою киску.

Миссис Логан издала симулякр смиренного вздоха и, притворившись полная сна, она закрыла глаза. Полли говорила. Прошло более 2 с половиной часов, и она я еще не вернулся в свою комнату. Они обсуждали не только оплошность и Леди Эдвард, но также и вся вечеринка, и все, кто в ней был принимаю участие. Или, скорее, Полли спорила, а миссис Логан подслушала, я смеялся и протестовал, смеясь, когда комментарии дочери принимали друг друга слишком богато кусающим изобилием.

- Но, Полли, Полли, — упрекнула она, - Ты не должен говорить, что люди похожи на слонов.

- Но миссис Беттертон действительно похожа на слона, - ответила

Полли. — Быть истина. - И своим драматическим театральным шепотом добавил он, поднимаясь из одной фантазии в другую, еще более удивительно: - до ее Нарис выглядит как хобот…

Но у миссис Беттертон короткий нос.

Бормотание Полли стало еще более драматичным: - и хобот ампутация! Они отрезали ей конец, когда она была ребенком, как это делается с хвост щенков.

ГЛАВА XII

Для привилегированных клиентов Sbisa никогда не закрывал свой ресторан. Он они могут оставаться там, несмотря на закон, и употреблять опьяняющие средства до нескольких часов рано утром, по желанию. Официант дополнительный доход приходил в полночь, чтобы обслуживать этих ценных клиентов, которые они хотели нарушить закон. Старый Sbisa позаботился о том, чтобы сделать их ценность, для дома он был слишком высоким. Алкоголь был дешевле в Ritz, чем в создание Sbisa. Это было примерно 1 полтора часа - ” всего 1 и носок”, - стонет Люси, когда это, Уолтер и Спандрелл покинули ресторан.

- И еще молодой. - Так Спрандрелл прокомментировал вечер. — Молодой и немного безвкусный. Ночи похожи на людей, они только начинаются. интересуюсь после того, как они станут взрослыми. Там к полуночи они достигают половая зрелость. Через 1 час они достигают совершеннолетия. Его полнота составляет от 2 до 2 с половиной. Через час они будут получать каждый и все более отчаянные, как эти женщины, пожирающие мужчин, и эти спад зрелых мужчин, которые ходят вокруг, прыгая на одной ноге, еще больше яростно, чем когда-либо, в надежде убедить себя что они не старые. После 4 часов ночи вступают в полную силу разложение. И его смерть ужасна. Действительно ужасно, при рождении от солнца, когда бутылки пусты, люди выглядят трупы и желание рушится в горе. У меня есть слабость к сценам на смертном одре, признаюсь — - собрал Спэндрелл.

- Я в этом убеждена. - сказала Люси.

- И только в свете целей можно судить о принципах и средства. Ночь только что достигла совершеннолетия. Еще неизвестно, как

он умрет. До этого мы не можем судить ее.

Уолтер знал, как ночь умрет для него-среди слез Maijorie и ее собственных мучений, осложненных раздражением, в взрыв ненависти к себе и ненависти к женщине, к которой он относится это было жестоко. Уолтер знал это, но отказался признать это; как и я отказывался признать, что это было уже 1/2, и что Майджори не спала,

спрашивая себя, почему ее партнер не вернулся.

Когда до 1 часа оставалось пять минут, Уолтер посмотрел на часы и он заявил, что пора уходить. Остаться для чего? Спандрелл не двигался. Нет надежды остаться на мгновение наедине с Люси. Не его не оставалось и этого оправдания, чтобы заставить Майджори страдать. Он пытал ее, нет чтобы я мог быть счастлив, а просто позволить себе скучать, больной, раздраженный, нетерпеливо несчастный.

- Мне действительно нужно идти — - сказал он, поднимаясь.

Но Люси запротестовала, попросила льстивым тоном, приказала. В конце бусы Уолтер сел. Это произошло более получаса назад, и теперь все трое оказались на площади Сохо и ночью, веря в Люси и Спандрелл, это только началось.

- Думаю, пришло время посмотреть, как выглядит коммунист революционер, - сказал Спандрелл Люси.

Люси не хотела ничего другого.

- Я принадлежу к какому — то клубу, - объяснил Спандрелл. Предложил чтобы отвезти их туда. - Будут видны еще некоторые враги общества, надеюсь — - продолжил он, как только они погрузились в безвестность освежающий. - В большинстве случаев хорошие парни. Но смехотворно ребяческий. Несколько кажется, они искренне верят, что революция может взять самые счастливые люди. И очаровательно, это действительно трогательно. - Издал свой смех бесшумный. - Но я эстет в этих вопросах. Динамит из любви к динамит.

- Но какая польза от динамита, если ты не веришь в утопию? — - спросила Люси.

- Полезность? Но у тебя нет глаз?

Люси посмотрела на Томо.

- Я не вижу ничего особенно ужасного…

- У них есть глаза, и они не видят… - Спэндрелл сделал это громко, взял ее за руку одной рукой, а другой указал на квадрат. - Консервный завод заброшенный, превращенный в бальный зал; родильное отделение; дом Сбисы; Редакторы Who's Who. И когда — то, - собрал он, - Дворец герцога

Монмут. Ты можешь представить себе призраков.:

Он был вдохновлен самым божественным желанием Отец порождает с гораздо большей изысканностью…

- И так далее. Ты знаешь его портрет после казни., лежа на кровати, с простыней, натянутой до подбородка, таким образом, что разве нельзя увидеть место, где была отрезана шея? Это от Кнеллера. Или из Лели? Монмут и консервы, роженицы и кто есть кто, танец и шампанское Sbisa; подумай немного обо всем этом, подумай немного…

- Я думаю — - ответила Люси. - Интенсивно.

- И все же ты спрашиваешь, какая польза от динамита?

Они продолжали идти. Перед дверью дома в Санкт-Петербурге. Джайлз, Спандрелл остановил их.

- Подождите минутку — - сказал он, подав другим знак, чтобы окунитесь в тень. Звонил в дверь. Дверь открылась немедленно.

Был короткий коллоквиум в безвестности; затем Спандрелл повернулся и позвал товарищей. Они последовали за ним в тенистый вестибюль, они поднялись по лестнице позади него и блестяще вошли в комнату освещена с первого этажа. Двое мужчин стояли рядом с камин, индус в тюрбане и рыжеволосый человечек. Под звуки от шагов они повернулись. Рыжеволосым мужчиной был Иллидж.

- Спэндрелл? Бидлейк? - Поднял невидимые брови песочного цвета в знак удивления. “И что здесь делает эта женщина?”, думать он. Люси двинулась вперед с протянутыми руками.

- Мы старые знакомые, - сказала она с сердечной улыбкой, от кого Узнай друга.

Иллидж, который готовился придать своему лицу выражение прохлады враждебно настроенный, он удивился, чтобы ответить на улыбку девушки.

Такси выскочило на улицу, нарушив тишину в резком испуге.

Майджори села на кровать и стала слушать. Храп машины іа становится все сильнее и сильнее. Это было такси Уолтера; на этот раз у нее было конечно, она знала. 0 автомобиль приближался все ближе и ближе. У подножия маленькой возвышение, которое находилось справа от дома, кондуктор зацепился вторым; двигатель грохотал острее, как оса. Все больше и больше и ближе. Марджори была одержима тревогой, которая была такой же время тела и духа. Он бился, сердце билось., нерегулярно-бил, бил, бил, а потом, казалось, ставил, бил ожидаемый не был услышан; как будто под ее ногами он открыл люк над вакуумом; он чувствовал ужас пустоты, спуска, падения — и следующий удар, замедленный, был бы ударом его тела против твердой земли. Ближе, ближе.. Мэйджори почти боялась возвращения Уолтера — хотя я так мучительно тосковал по ней. Боялся эмоций, которые я должен был чувствовать в его глазах, слезы, которые я должен был пролить, упреки, она не переставала делать это, несмотря на себя. И что бы я сказал и сделал Уолтер? Каковы были бы ваши мысли? Майджори боялась представить… Еще ближе; звук проходил именно под его окно и там уходило, уходило, уменьшалось. И она была так уверена, что это было такси Уолтера!

Он снова лег. Если бы только я мог спать! Но это физическое беспокойство тела не позволяло этого. Кровь забивала его в нас, слышать.

У него была теплая и сухая кожа. У него болели глаза. Она позволила себе остаться совершенно неподвижно, лежа на спине, скрестив руки на грудь, как мертвая, готовая к ингумации. “Спи, спи”, она шептала себе; она представляла себя расширенной, в

расслаблении мышцы, без криспаций, спят. Но внезапно злая рука казалось, он перебирал ее нервы. Жестокий ТИК подхватил его мышцы конечностей; она торчала, словно под шоком террор. И физическая реакция страха вызывала у него в духе эмоцию

страх, оживление и усиление болезненного беспокойства, которое не прекратилось сопровождать его сознательные усилия для достижения спокойствия. “Спи, спи, покои тело” - было бесполезно продолжать попытки восстановить спокойствие, забыть, спать. Maijorie позволил ее тоска вышла на первый план. “Почему он хочет сделать меня таким несчастным?“Вернулся в голова. Светящиеся стрелки часов на маленьком столике, который был рядом с кровати указывали 3 часа минус одна комната. Три минус четверть. Уолтер знал, что она никогда не сможет спать до его возвращения.

- Уолтер знает, что я болен — - громко проговорила Мейджори, - он не будет ли дело? - Внезапно ему пришла в голову новая мысль. “Может быть, он хочет пусть я умру.“Умереть, не быть, никогда больше не видеть его лица, оставить его с другой женщиной. На его глазах текли слезы. Может быть, Уолтер был намеренно пытается убить ее. Это не было, несмотря на его состояние здоровье, что он относился к ней так; это было, прежде, потому что она очень и очень страдала, это было именно потому, что она была больна. Уолтер был жесток нарочно. Он надеялся, он хотел, чтобы она умерла; чтобы она умерла и оставила его в покое с другой женщиной. Мейджори спрятала лицо в подушку и рыдала. Не я бы никогда, никогда больше не увидел его.

Мрак, одиночество, смерть, навсегда. Навсегда и навсегда. И все же все это было так несправедливо… Будет ли она виновата в том, что у нее нет ресурсов чтобы хорошо одеться? “Если бы у меня были деньги, чтобы купить платья, которые она купля… Chanel, Lanvin - страницы Vogue плавали перед ним глаз. - Молинье, Гроулт… В одном из этих домов, где продавалась элегантность, дешево, где были одеты кокоты, в ма, которая обнажалась в Проспект шафтесбуй, там была модель 16 гиней. “Она ему нравится, потому что она привлекательна, но если бы у меня были необходимые деньги…“Это было несправедливо. Уолтер не был богат, и последствиями этого страдала она — Майджори. Я должен был страдать, потому что он не зарабатывал достаточно, чтобы купить ему хорошие. платье.

А потом был ребенок. Уолтер заставлял ее страдать и за него… Его сын. И Уолтеру было скучно; потому что она всегда была уставшей и больной, он уже я больше не любил ее. Это была величайшая из всех несправедливостей. Ячейка, если он умножился и стал червем, червь стал рыбой, и рыба была превращение в плод млекопитающего. Майджори чувствовала тошноту и сытость

от усталости. Через пятнадцать лет мальчик должен был получить подтверждение.

Епископ сказал бы, что огромный в своих одеждах, как корабль, вооруженный галерой: “Обновляйте здесь, в присутствии Бога и этого собрания, обетования торжественные обеты, которые были даны от вашего имени при крещении?“И бывший-рыба отвечала со страстным убеждением:“да”.

В тысячный раз Майджори оплакивала свою беременность. Уолтер не мог убить ее сейчас. Но это должно было произойти в любом случае когда родился сын. Доктор сказал, что ей будет трудно иметь пить. Таз был узким. Смерть вновь появилась перед Майджори, как огромный колодец, открывающийся у его ног.

Шум заставил ее сильно вздрогнуть. Входная дверь квартира была открыта для глухих. Гонзо визжали. Слышались приглушенные шаги. Еще один визг, едва заметный щелчок пружинная защелка, которая была аккуратно сброшена на место; затем новый шум шагов. Еще один маленький сухой шум, и одновременно свет он появился на желтой полосе под дверью, которая отделяла комнату от Мейджори Уолтера. Я хотел бы, чтобы он лег спать, не придя, чтобы дать ему хороший ночь? Она позволила себе стоять неподвижно, бодрствовать и трепетать глазами они широко открыты, слушая шумы, исходящие из другого отсека, и быстрые, ужасные удары собственного сердца.

Уолтер сел на кровать, чтобы развязать шнурки обуви. Я был спросите себя, почему вы не пришли на три часа раньше — и почему, он даже ушел. Он ненавидел толпу; он не мог терпеть алкоголь, и воздух дважды дышал, запахи, дым ресторанов действовали на он как удручающий яд. Уолтер страдал без каких-либо цель; кроме тех болезненных и раздражающих моментов в такси, нет в ту ночь он смог побыть наедине с Люси. Часы, которые я провел с ней это были часы раздражения и нетерпения-

бесконечно долго, минута пыток за минутой пыток. И пытка желания и ревность была усилена пытками собственной совести виновность. Каждая минута задержки в ресторане Sbisa, каждый минутой, проведенной среди революционеров, была минута, которая замедляла завершение его желания и что, что делает несчастье Maijorie растет,

в то же время у него росло собственное раскаяние и собственное раскаяние. стыд. Прошло более 3 часов, когда они наконец покинули клуб. Люси отправит Спэндрелла и позволит ему, Уолтеру, отвезти ее в домой? Посмотрел на нее, глаза ее были красноречивы. Он хотел, он приказывал.

- У нас дома будут бутерброды и напитки, - сказала Люси, когда все трое виделись на улице.

- Вот радостная новость — - взял Спандрелл.

Пойдем со мной, Уолтер.

Люси взяла его из руки, нежно пожала.

Уолтер покачал головой: - Мне пора домой.

Если бы горе убило, он бы умер там, в ма.

- Но ты не можешь оставить нас сейчас — - возразила Люси. - С тех пор, как ты пришел. до этого момента ты должен идти до конца. Пойти.

Вытащил его за руку.

- Нет, нет.

Но то, что она сказала, было правдой. Вряд ли Уолтер мог это сделать Майджори более опозорена, чем когда-либо на самом деле. Если бы она не существовала больше, подумал он, если бы она умерла — выкидыш, отравление кровь…

Спандрелл посмотрел на часы.

- Три с половиной. Агония почти началась. - Уолтер слушал с ужас; будет ли человек читать его мысли? - Munie des conforts notre sainte religion^^J. твое место у постели больного, Уолтер. Ты не можешь пусть ночь умрет одна, как собака в сточной канаве.

Как собака в сточной канаве. Слова были ужасны, осуждали его.

- Мне пора.

Это было непреклонно-с трехчасовой задержкой. Отошел пешком. В Оксфорде Улица нашла такси. Ожидая — он знал, что это напрасно-добраться до дома незаметно остановил такси на станции Chalk Farm и проехал стояли последние сотни метров, которые отделяли его от двери дома, чьи

два верхних этажа он занимал с Майджори. Я поднялся по лестнице кошечки открывали дверь, соблюдая меры предосторожности убийцы. Отсутствие шума он шел из комнаты любовницы. Уолтер разделся, умылся, как будто проведение опасной операции. Выключил свет и лег спать. А тьма, абсолютная тишина. Я был спасен.

- Уолтер!

Это было с ощущением преступника, приговоренного к смертной казни. разбуженный охранниками на рассвете казни, на которую он ответил, ставлю в голос неожиданный бросок:

- Ты проснулась, Мейджори?

Встал и пошел, как из камеры на эшафот, в комнату ее.

- Ты хочешь заставить меня умереть, Уолтер?

Как собака в сточной канаве, одна. Он упомянул о том, чтобы взять его в руки. Майджори отразил его. его страдания превратились на мгновение в гневе, и его любовь в какой-то ненависти и обида.

- Не будь все еще лицемером, - сказала она. - Почему бы и нет ты можешь прямо сказать, что ненавидишь меня, что ты хотел бы видеть себя свободным от я, что ты будешь рад, если я умру? Почему ты не можешь быть честным и рассказать мне все это?

- Но в обмен на то, что я должен сказать, что это неправда? - протестовал он.

- Тогда ты скажешь, что все еще любишь меня? - спросила Майджори ехидно.

Уолтер, произнеся последние слова, почти поверил в них; в некотором смысле это было правдой.

- Но я люблю тебя, я люблю тебя. Эта другая вещь-своего рода безумие. Независимо от моей воли… Я ничего не могу с ней поделать… Если бы ты знал, как я чувствую себя ублюдком, какой я безымянный зверь! - И все, что он он страдал от противоположного желания, раскаяния, стыда и ненависти к себе даже казалось, что через эти слова он кристаллизуется в уникальной агонии. Он страдал и сочувствовал своим собственным страданиям. - Если бы ты знал,,

Мейджори. - И вдруг что-то в его теле, казалось, сломалось. Один невидимая рука держала его за горло, его глаза были ослеплены слезы, и внутренняя сила, которой он больше не был, стряхнула его с ног до головы. и вырвал у него, несмотря на его волю, приглушенный крик, который едва он стал человеком.

При звуке этого удивительного рыдания, исходящего из тьмы, гнев Майджори он внезапно исчез. Теперь она знала только, что Уолтер несчастен, и что она любила его. Он даже испытывал угрызения совести от своего гнева, от слов горькие слова, которые он произнес.

- Уолтер. Мой дорогой.

Он протянул руки и прижал его к своему телу. Мальчик позволил себе оставаться как ребенок, в утешении от этого объятия.

- Тебе приятно мучить его? - спросил Спандрелла, пока они оба они шли по Чаринг-Кросс-Роуд.

- Кого мучить? - спросила Люси. - Уолтер? Но я не мучить.

- Но не позволяй ему спать с тобой! - парировал Спэндрелл. — Также ты утверждаешь, что не мучишь его! Бедный ублюдок!

- Но зачем мне это принимать, если мне не хочется?

- Правда, почему? Однако оставить мальчика таким в неопределенности-это просто пытать его.

- Но он мне нравится, - сказала Люси. - И такой хороший компаньон! Новый конечно, слишком много; но на самом деле почти идеально… И я гарантирую тебе, что не мучить. Он сам себя мучает.

Спандрелл сдерживал свой смех достаточно долго, чтобы свистеть, вызов такси, которое он видел в конце улицы. Шофер обошел и он остановился перед ними. Спандрелл все еще молча смеялся, когда они поднялись для автомобиля.

- В любом случае, он ничего не делает, кроме как получает то, что заслуживает, - продолжил Спандрелл из своего темного угла. - И настоящий парень убитого.

Убитого?

Для убийства нужны двое. Есть прирожденные жертвы, рожденные чтобы они отрезали Гойю, в то же время, что и резаки для сонных артерий они рождены, чтобы быть повешенными. Это можно прочесть на лицах. Есть тип как жертва, так и преступник. Уолтер, очевидно, жертва; он, так сказать, призывает других к жестокому обращению с ним.

Бедный Уолтер!

- И наш долг, - продолжил Спандрелл — - заставить его получить жестокое обращение с тем, что соответствует действительности…

- Почему бы не сделать так, чтобы он их не получил? Бедный ягненок!

- Мы всегда должны быть на стороне судьбы. Уолтер родился очевидно, чтобы поймать… И наш долг сотрудничать с его удачей. Е что я с удовлетворением вижу, что ты делаешь…

- Но я уверяю тебя, что нет. У тебя есть огонь? Спэндрелл поцарапал спичку. С сигаретой, прикрепленной к ее тонким губам, Люси наклонилась, чтобы выпить пламя. Спандрелл видел, как она наклонялась таким же образом, с тем же движение живое, грациозное и жадное; наклониться над ним, чтобы выпить его поцелуи. И лицо, которое подошло к нему, теперь было сосредоточено и неподвижно внимательный в пламени, так же, как он видел его сосредоточенным и неподвижно внимательный в внутреннем освещении близкого удовольствия. Мысль и чувства

многочисленны и разнообразны, но есть только одни немногие жесты; тушь имеет только полдюжины гримас для выразить тысячу вещей. Люси встала; Спандрелл выбросил спичку из окна. Красный кончик сигареты оживлялся и исчезал в темноте.

- Помнишь наш любопытный сезон в Париже? — спросить он, все еще думая о ее сосредоточенном и тревожном лице. Когда-то было три в течение нескольких лет он был ее любовником в течение месяца.

Люси сделала с головой, что да.

- Я помню,что это было почти идеальное приключение, пока оно длилось. Но ты был ужасно непостоянен.

- Другими словами, Я не сделал того, что ты ожидал, когда я ты оставил это тому Тривету.

- Это ложь! - с негодованием сказала Люси. - Ты уже начал оттолкнуть тебя задолго до того, как я мечтал о Томе.

- Ну, как хочешь… По правде говоря, ты не был жанром жертвы, которую требовал мой вкус. - В Люси не было ничего жертвы; и очень мало, как он часто думал, обычной женщины. Люси умел искать удовольствия, как мужчина ищет свое, без угрызений совести, с вся сила духа, не позволяя своим мыслям и чувствам они были бы минимально поражены. Спандрелл не любил, когда его использовали, и эксплуатируется для удовольствия другого. Я хотел быть исследователем. Но с Люси возможности рабства не было. - Я такой же, как ты, — собрал он. — Мне нужны жертвы.

- Значит, я один из преступников?

- Я думал, что мы давно согласны в этом отношении, моя дорогая Люси.

- Я никогда в жизни ни на что не соглашалась — - возразила она —, и я никогда не соглашусь. По крайней мере, в течение более получаса каждого раз.

- Это было в Париже, помнишь? В Шомьере. Был молодой человек, который красила губы на соседнем столе.

И у него был бриллиантовый и платиновый браслет. - Люси

потрясла голова в утвердительный знак, улыбаясь. - И ты назвал меня ангелом, или вещью. пусть это будет стоить.

- Злой ангел, - нуждался он, - злой ангел от рождения.

- Для умного человека, Морис, ты говоришь всю чушь. Ты искренне веришь, что есть правильные вещи и кривые вещи?

Спандрелл взял ее из руки и поцеловал.

Дорогая Люси, ты великолепна. И ты никогда не должен скрывать свои данные. Храбрые, О добрый и верный суккуб! - Он снова поцеловал ее руку. — Продолжай выполнять свой долг так же, как и до сих пор. И все, что небеса требуй от тебя.

- Я просто хочу повеселиться. - Такси остановилось перед домик Люси на Брутон-стрит. - И без особого успеха — - собрала она выйти из машины-Бог знает… Слушай, у меня есть деньги. - Продлен до дирижер банкнота в 10 шиллингов. Люси настаивала, когда встречалась с мужчины, чтобы платить как можно больше. Платя, она была независимой, могла действуй так, как ты понимаешь. - И мне никто особо не помогает, - продолжал он, нащупывая с ключом, чтобы найти замок. - Вы все преследуете безвкусный.

В столовой их ждал красивый натюрморт из бутылок, фрукты и бутерброды. На изгибах полированных флангов термоса изображения обоих, отраженные, фантастически бродили по вселенной неевклидова. Профессор Дьюар сжижил водород, чтобы суп Люси может сохранить себя горячим для нее до первых часов рассвет. Над буфетом висела одна из картин Джон Бидлейк, который играл театральные сцены. Кривая галереи, ряд наклонных лиц, угол сияющего авансцены.

- Как это нормально! - сказал Спандрелл, положив руку на палку над глаза, чтобы увидеть картину более четко.

Люси не комментировала. Я целился в старое стеклянное зеркало. запотевший.

- Что мне делать, когда я состарюсь? - вдруг спросила она.

- Почему бы не умереть? - предложил Спандрелл с полным ртом хлеба и из Страсбургской гусиной печени.

- Думаю, я буду заниматься наукой, как старик. Нет такого понятия, как что можно назвать “человеческой зоологией”? Я бы устал слишком быстро от лягушки, — продолжила она. - Кстати о лягушках — - добавил тот человечек волосы морковного цвета меня немного порадовали… как насчет его имени?… юидж. Как он ненавидит нас за то, что мы богаты!

- Не бросай меня в число богатых. Если бы ты знал… - Спандрелл покачал головой. “Будем надеяться, что она принесет немного денег, когда придет завтра”, - подумал он, вспоминая сообщение, которое Люси принесла ему из мать. Я написал ему, что дело срочное…

- Мне нравятся люди, которые умеют ненавидеть, - продолжила Люси.

- юидж умеет ненавидеть. Все это наполнено теориями, желчью и завистью. Он жаждет, чтобы вы все прыгнули динамитом.

- А почему бы и нет? Почему ты этого не делаешь? Это не то, для чего твой клуб создан?

- Есть небольшая разница между теорией и практикой, ты знаешь. И когда если он воинственный коммунист и научный материалист, и поклонник революции Русская, теория самая странная. Ты должен услышать, как говорит наш молодой друг. убийство! Его особенно интересует, конечно, убийство политический; но он не делает большого различия между различными ветвями профессия. По словам Иллиджа, вид настолько безобиден и морально равнодушный, как другой. Наше тщеславие заставляет нас преувеличивать важность человеческая жизнь; человек-ничто; природа имеет значение только для вида. Е так далее… И странно, - прокомментировал Спандрелл в скобках — как последние проявления искусства и политики, как правило, из мода и даже примитивы! Молодой Иллидж говорит как смесь Теннисона в In Memoriam еще один мексиканский индеец или малайец, который ищет решив войти в am.oqu.et 39] ” он больше оправдывает безразличие первобытный, более дикий, более

животный по отношению к жизни через устаревшие научные аргументы. И действительно очень странно…

- Но почему наука должна быть устаревшей? - Люси спросила. — Потому что, в конце концов, Иллидж сам ученый…

- Но он тоже коммунист. Это означает, что он насыщен материализм XIX века. никто не может быть истинным коммунистом без быть также механистом. И нужно верить, что единственные реалии фундаментальными являются пространство, время и масса, а все остальное глупость, просто иллюзия и, в довершение всего, буржуазная иллюзия. Бедный Иллидж! Эйнштейн и Эдингтон наполняют его огромным недугом. И как он ненавидит Анри Пуанкаре! И как он злится на старого Маха! Все эти люди подрывая вашу простую веру. Они говорят ему, что законы природы полезные условности, созданные исключительно человеком, и что пространство и время и масса-это вся Вселенная Ньютона и его преемники, это просто наше изобретение, очень наше. Эта идея вам так

невыразимо шокирующим и болезненным, как это было бы для христианина идея небытие Иисуса. Иллидж-человек науки, но его принципы они ведут борьбу против любой научной теории, которая имеет менее пятидесяти лет. Это восхитительно комичная вещь.

- Нет сомнений… - сказала Люси, зевая. - То есть в случае мы интересуемся теориями, чего со мной не бывает…

— Но со мной такое случается, - реторкнул Спандрелл; - таким образом, я не прошу тебя извинение. Но если хочешь, я могу привести тебе примеры непоследовательности. практики маленького человека. Я узнал, не так давно, и таким образом совершенно случайно, что Иллидж имеет самое трогательное чувство семейная верность. Он поддерживает мать, оплачивает образование младшего брата и дал сестре 50 фунтов, когда она вышла замуж…

- Что в этом плохого?

- Плохо? Но это неприятно буржуазно! В теории Иллидж не видит различие между его матерью и любой другой пожилой женщиной. Вы знаете, что в рационально организованное общество, оно будет доставлено в палату удушье из-за артрита. Несмотря на это,

отправь старухе, я не знаю, сколько в неделю для того, чтобы взять его можно тащить бесполезное существование. Я я воспринял это на днях. Иллидж покраснел и ужасно расстроился, как будто его поймали на мошенничестве в карточной игре. Так, чтобы восстановить свой престиж, ему пришлось сменить тему и начать говорить о политическом убийстве и его преимуществах с самой свирепостью превосходно спокойная, отстраненная и научная в этом мире. Я я ограничился смехом. “В один из этих дней, - угрожал я ему, - я поймаю тебя за слово, и ты приглашу в экспедицию по охоте.“И самое главное что я приглашаю вас на самом деле!

- Если только ты не будешь вести светскую беседу, как все остальные…

- Да, - согласился Спандрелл — - если я не буду продолжать говорить прясть…

- Если однажды ты перестанешь болтать и сделаешь что-то позитивное, сделай так, чтобы я знать. Такие вещи получат больше жизни…

Или больше смерти, может быть…

- Но смертельная жизненная сила действительно самая живая из всех. - Люси нахмурился. - Я так скучаю по этим обычным видам и обычные жизненные силы! Молодость на носу и удовольствие у руля. Ты знать. Это глупо, это однообразно. Энергии, кажется, в наши дни так мало способы проявить себя… Думаю, в прошлом все было иначе…

- Было насилие и одновременно любовь. Это то, что ты имеешь в виду?

- Вот и все. - Люси сделала своей головой утвердительный знак. — Жизнеспособность это было не так однозначно бордель, чтобы использовать сырой терм.

- Они умели нарушать и шестую заповедь. В настоящее время есть много полицейских.

- Слишком много, слишком много… Они даже не позволяют нам моргнуть. Агент Дева попробовать все…

- Но какая польза от этого, поскольку, как ты, кажется, думаешь, нет правильные вещи, неправильные вещи, нет ли ни добра, ни зла? От чего подойдет?

- Какая польза? Но могут быть забавные эксперименты, захватывающие впечатления.

- Но эти переживания никогда не могли бы быть там очень захватывающими, если бы не мы чувствовали, что это зло, ошибка. - Время и привычка забрали зло почти всех деяний, которые он когда-то считал греховными. Спандрелл исполнял их с таким же небольшим энтузиазмом, как он бы исполнил акт от того, чтобы сесть на утренний поезд до города. - Есть люди, - продолжил он с медитативным видом, пытаясь нуждаться в том, что было неясным и расплывчатым в собственные ощущения-есть люди, которые не могут постичь добра, кроме как грешить против него. Но когда старые грехи перестают быть учитывая это, что происходит? - Обсуждение продолжалось внутри мозг Спандрелла. Единственное решение, казалось, было совершить новые грехи и все более серьезно, чтобы испытать все, как сказала Люси на его жаргоне. - Один из способов познать Бога — - сказал он медленно, к завершению-это отрицать его.

- Мой добрый Морис! - возразила Люси.

- Я остановлюсь. — Смеяться. — Но на самом деле, если это так, чтобы сказать “мой хороший

Морис ” - (здесь Шпандреу подражал тону ее голоса) - если ты такой же нечувствителен к добру и греху против добра, так что тогда ты хочешь практиковать те действия, которые провоцируют вмешательство полиции?

Люси пожала плечами.

- Из любопытства. Агент скучает…

- Ой! Нам скучно… - Спандрелл рассмеялся. - Несмотря ни на что я думаю, что сапожник не должен идти дальше шинели…

- А какая у меня тапочка?

Спандрелл широко улыбнулся:

- Скромность, - начал он, - останавливает меня…

ГЛАВА XIII

Уолтер направился на Флит-стрит. Он не чувствовал себя счастливым, но это было, по крайней мере, спокойно-спокойно к мысли, что теперь все было упорядоченный. Да, все было устроено; все-потому что в ходе эмоциональный взрыв прошлой ночи, все вышло на поверхность. Для начать, он не будет принимать, чтобы увидеть Люси когда-либо снова; это было определенно решено и обещано, как для вашего блага, так и для Мейджори. Затем я собирался проводить каждую ночь с Майджори. И, наконец, я попросить Берлапа о повышении. Все было рассажено. Само время казалось, он это знал. Это был день цепкого белого bmma, так внутренне спокойно, что все лондонские шумы казались нелогичным. Движение он ревел и спешил, но, не касаясь, тем временем тишины и тишины основы дня.

Все было настроено; мир снова начинался - может быть, нет в очень Триумфальной манере, не совсем блестящей, но с отставкой, с абсолютным спокойствием, которое ничто не могло запутать. Вспоминая о инцидент прошлой ночью, Уолтер ожидал, что его встретят холодно в редакция. Но, наоборот, Бурлап был в один из самых больших дней сердечность. Он также помнил прошлую ночь и беспокоился о том, почему Уолтер забыл ее. Назвал его “мой старик”, ласково сжал его рука; сидя в своем кресле, поднял глаза на мальчика, эти глаза что они ничего не выражали, что они были всего лишь двумя дырками в внутренняя темнота черепа. Однако ее рот очаровательно улыбнулся и тонко. Уолтер ответил ей “мой старик” и улыбкой, но с болезненное осознание неискренности.

Бурлап всегда производил на него такой эффект; в его присутствии Уолтер он никогда не чувствовал себя абсолютно честным или искренним. Это было ощущение неприятно в крайности. С Бурлапом он всегда был определенным образом тенистый, лжец и комик. И в то же время все, что было сказано, даже когда он выражал свои самые сокровенные убеждения, он становился в какой-то лжи.

- Мне понравилась твоя статья о Рембо — - заявил Бурлап.

сжимая руку Уолтера, все еще улыбаясь ему, сидя на его вращающееся кресло брошено назад.

- Это меня радует, - ответил Уолтер, чувствуя с некоторым недомоганием то, что это замечание на самом деле было направлено не на него, а на какое-то часть собственного духа Бурлапа, который прошептал: “Ты должен сказать что-то приятное в его статье”, и мы видели его требование удовлетворен другой частью духа того же Бурлапа.

- Какой человек! - воскликнул Бурлап. - Это было существо, которое верило в жизни, не так ли?

Поскольку Бурлап выполнял обязанности начальника отдела новостей, статьи редакционные статьи литературного мира почти каждую неделю провозглашали нужно верить в жизнь. Вера Бурлапа в жизнь была одной из вещей что больше всего беспокоило Уолтера. Какое значение они бы закрыли слова? У Уолтера никогда не было даже малейшей идеи. Бурлап никогда объяснить… Нужно было понять это интуицией; кто не мог этого сделать я был бы обречен на ад.

Уолтер считал себя одним из проклятых. Маловероятно, что однажды я забуду свое первое интервью с будущим боссом.. “Я слышал, вам нужен помощник редактора”, - сказал он. робко. Бурлап сделал своей головой утвердительный знак: “Да, мне нужно”, и, после огромного ужасного молчания мужчина внезапно посмотрел на Уолтер с пустыми глазами спросил: “верите ли вы в жизнь?” Уолтер покраснел до корней волос и ответил: “Да”. Это был единственный ответ возможный. Была еще одна пустыня тишины, а затем Берлап взял, чтобы возвести глаза: “Господь девственник?”, запросить. Уолтер покраснел еще больше он сильно колебался и, наконец, покачал головой. Это было только позже в одной из статей самого Бурлапа он обнаружил, что режиссер литературный мир смоделировал свое отношение по образцу Тоистоя - “право на великие простые и фундаментальные вещи”, согласно описание, которое сам Бурлап делал из духовных дерзостей старика апостол-Спаситель.

- Да, Рембо определенно верил в жизнь — - согласился Уолтер мягким голосом, чувствуя при произнесении слов такое же

что я чувствовал, когда мне пришлось написать письмо с соболезнованиями. Говорить об этом вера в жизнь была неискренностью того же порядка, что и разговор о “соболезнования” и “ваша непоправимая потеря”…

- Рембо так верил в жизнь — - продолжал Бурлап, опуская глаза (с большим облегчением со стороны Уолтера) и покачивание головой, шаг который произносил слова, как будто размышлял над ними-таким образом, глубоко, что был готов даже отказаться от нее. Вот как я я интерпретирую его отказ от литературы-сознательную жертву. — “Он он слишком легко использует великие слова”, - подумал Уолтер.

- Все, что вы хотите спасти свою жизнь, должно потерять ее. - “О! О!”- Быть лучший поэт своего поколения и, зная это, отказаться от поэзии-значит проиграть сама жизнь, чтобы спасти ее. Это действительно вера в жизнь. Его вера он был настолько силен, что был готов потерять свою жизнь в уверенности получить новую, лучшую жизнь. - “Да, слишком легко!“Уолтер он чувствовал себя полным смущения. - Жизнь мистического созерцания и интуиция. О, если бы только было известно, что он сделал и думал об Африке! Если в меньше, если бы знал!

У Уолтера хватило смелости повторить:

- Он переправлял огнестрельное оружие императору Менелику. И, судя по всему судя по своим картам, Рембо, похоже, думал, прежде всего, о том, чтобы заработать много деньги, чтобы поселиться. В поясе было 40 000 франков. Десять килограммов золото в почечном фолианте. - “Говоря о золоте, - подумал Уолтер, - мне нужно рассказать ему о моем ордене.“Но, услышав о винтовках Менелик и в 40 000 франков Бурлап улыбнулся с выражением лица христианская индульгенция.

— Но ты действительно думаешь, — спросил он, - что контрабанда оружие и деньги были вещами, которые занимали его дух в пустыне его? От автора Les Illuminations?

Уолтер покраснел, как будто совершил серьезное неудобство.

— Это единственные факты, которые я знаю — - ответил он, извиняясь-если.

- Но есть интуиция, которая видит глубже, чем простые факты. —

“Глубокая интуиция” - это имя, которое Бурлап любил давать своему собственному мнение. - Он ловил смысл новой жизни, он выигрывал Царство Небесное.

“Это гипотеза”, - поддельно сказал Уолтер, желая, чтобы Burlap никогда не читал Новый Завет.

— Для меня — - возразил Бурлап, - это определенность. Абсолютная уверенность.

- Говорил с большим акцентом, яростно качая головой. - А полная и абсолютная уверенность, - повторил он, загипнотизировав себя повторением фраза до такой степени, что вы входите в вымышленное состояние страстной убежденности. — Полный и абсолютный. - Замолчал; но внутренне продолжал бичевать себя пока не впал в мистический фурор. Он думал о Рембо до такой степени, что trarsformar - сам в Рембо. А потом вдруг его маленький дьявол он высунул сногсшибательный карантин и прошептал: “десять килограммов золото до пояса”. Бурлап изгнал демона, сменив тему. - Ты видел новые книги для обзора? - спросил он, указывая на двойную стопку от томов, которые можно было найти в углу стола. - Метры и метры современная литература. - Она застряла в юмористическом раздражении. — Почему авторы не останавливаются? И болезнь. Поток крови, как тот, от которого страдала бедная леди из Библии, помнишь?

Уолтер в основном помнил, что это сравнение было Филип Куорлз.

Бурлап встал и начал просматривать книги: - жалость к бедный критик! - сказал он со вздохом.

“Бедный критик — - не было бы ожидаемым сигналом, чтобы начать свой разговор о ордене? Уолтер поднял настроение, сосредоточил свою волю.

- Я как раз думал… — начать.

Но Бурлап, примерно в то же время, начал говорить по очереди:

- Я позову Беатрис, - сказала она, трижды нажимая на звонок. — Прощение. Что ты скажешь?

— Ничего.

Просьба должна была быть передана. Это не могло быть сделано на публике, особенно, когда публикой была Беатрис. “Черт Побери, Беатрис!”, думать

Уолтер, с несправедливой ненавистью. Почему она пришла, чтобы сделать бесплатный обзор доказательства и написание коротких новостей? Просто потому, что у него было собственный доход и потому что я любил Бурлап. Уолтер пожаловался ей правильно вместо, по шутке, его жалких 6 фунтов в неделю.

— Но мир заслуживает того, чтобы мы приносили жертвы ради него, - ответил он. Мисс. Гилрей в сухом тоне. — Более того, у нас есть обязанности по с другими; мы должны что-то сделать для них. - Повторяется так для этого чистый, забитый голос, христианские чувства Бурлапа имели аромат особенно странно. - Мир что-то делает; нужно, чтобы помочь.

Естественная реплика была бы такой: его личные доходы, Уолтер, они были очень маленькими, и он не был влюблен в Бурлапа… Однако Уолтер так не ответил и позволил себе клюнуть. Как бы то ни было, дьявол, который возьми эту чертову женщину!

Беатрис вошла, хорошо сделанная фигура, очень прямая и с очень напряженный вид.

- Доброе утро, Уолтер — - поздоровался он. Каждое из его слов было как короткий, энергичный удар, нанесенный молотком из слоновой кости. пальцев. - Ты устал, - продолжила она. — Расход. Как будто у тебя есть Фариа ходил прошлой ночью. - Клев шел за клевом. — Не ты был?

Уолтер покраснел: - я плохо спал, - ворчал он; и впитался в экзамен из книги.

Они оценили тома для различных критиков. Небольшая куча для понятых в науке, другой для метафизического верили, много огромный для эксперта по художественной литературе. Большая куча была названа в честь “Снадобье”. Это были книги, которые не заслуживали хроник, а просто записку быстрый.

- Вот тебе книга о Полинезии, Уолтер — - сказал Бурлап щедро. - И новая антология французских стихов. Нет, думая лучше, я

думаю, это я напишу об этом. - Если подумать, он обычно он держал при себе самые интересные книги.

- Жизнь Сан-Франциско, рассказанная детям Беллой Джукс. Теология или наркотик? - спросила Беатрис.

- Черт, - ответил Уолтер, оглядываясь через ее плечо.

- Но я бы хотел, чтобы у меня был предлог, чтобы сделать что-нибудь уважение Сан-Франциско, - сказал Бурлап. В перерывах, которые оставляли его в качестве копирайтера он провел исследование дыхания, которое это должно вызвать Сан-Франциско и Moderna Psyche. Бурлап взял книжку из рук Беатрис и сделал парад страниц под ее большим пальцем. — Казаться черт возьми, - признался он. - Какой необыкновенный человек! Необыкновенно! - Начал гипнотизировать себя, бичевать себя, чтобы достичь душевного состояния. францисканский.

- Необыкновенно! - забила Беатрис, пристально глядя в Бурлап.

Уолтер с любопытством посмотрел на нее. Идеи Беатрис и те гусиные клевы, казалось, принадлежали двум разным людям, среди единственным заметным звеном был Бурлап. Также будет какая-то связь внутренний, органический?

- Какая разрушительная целостность! - продолжил Бурлап, в авто-отравление.

Он покачал головой и, вздохнув, обрел достаточно спокойствия. к власти продолжить утреннюю работу.

Когда, наконец, Уолтер начал говорить (с какой застенчивостью, с какой скрупулезное нежелание!) что касается его рукоположения, Бурлап показал себя превосходно полон сочувствия.

- Я знаю, старик, - сказал он, положив руку на плечо другого жестом, который тревожно напомнил Уолтеру время, когда, школьник, он играл роль Антонио в купец Венеция, и отвратительный Портер (старший), признакам Бассанио, он репетировал жест, который переводил дружбу. - Я знаю, что значит плохо ходить. деньги. - Его хихиканье давало понять, что он, Бурлап, был настоящий францисканец, знаток бедности, но скромный слишком много, чтобы настаивать на этом. - Я знаю, старик. - И это действительно пришло почти поверить, что он не

был совладельцем и директором редакции World,

что у него не было никеля, работающего в газете, что он жил на 2 фунта за штуку. неделю было много лет. - Я хотел, чтобы мы были в состоянии платить тебе в три раза больше, чем мы платим тебе. Ты заслуживаешь этого, старик. — Он похлопал Уолтера по плечу.

Этот пробормотал несколько расплывчатых слов скромности. Тот палинадинья, подумал он, был сигналом для него, чтобы начать:

Я пятнистая овца стада Который больше всего заслуживает того, чтобы его отвезли на бойню…

— Я просто хотел, - продолжал Бурлап, - ради тебя и ради меня также, - добавил он с грустным хихиканьем, вставая, с отношением к финансам, в той же кастрюле, что и Уолтер, я так хотел, чтобы газета из этой большей прибыли. Если бы ты писал хуже, он бы это сделал. - Комплимент был очаровательный. Бурлап подкрепил его еще одной милой палинадиной и новая улыбка. Но глаза ничего не выражали. Найти их для одного мгновенно у Уолтера сложилось странное впечатление, что эти глаза не были абсолютно глядя на него, мы не смотрели на вещи никакой. - Газета слишком хороша. И это во многом по твоей вине. Нельзя одновременно служить Богу и маммоне…

- Естественно, - согласился Уолтер, но вновь почувствовал, что слова пришли слишком легко.

- Я хотел, чтобы это было возможно — - заговорил Бурлап, как здравомыслящий Игривый Франциско, который притворялся, что издевается над своими принципами.

Уолтер присоединился к смеху, но без радости. Я бы предпочел тысячу раз, чем нет. если бы вы упомянули слово “рукоположенный”.

- Я поговорю с мистером Чиверсом — - сказал Бурлап. Мистер Чиверс был главным коммерческий. Берлап служил ему, как государственные служащие оракулы и предзнаменования в пользу

своей собственной политики. Их плохо принятые решения всегда могли быть приняты на счет г-на Чиверса; и когда у него был какой-то хороший жест, он неизменно ” заочно деспотизм коммерческого директора”. Мистер Чиверс был самым

удобно из вымыслов. - Я поговорю с вами сегодня утром.

- Не беспокойся. - сказал Уолтер.

- Если по-человечески можно вытащить что-то еще для тебя…

- Нет, я прошу тебя… - Уолтер положительно умолял не они увеличивали его размер. - Я хорошо знаю трудности. Не думай что я хочу…

- Но мы эксплуатируем тебя, Уолтер, мы позитивно платить тебе зарплату за голод. - Чем больше Уолтер протестовал, тем больше щедрый остался Burlap. - Не думай, что я не понимаю. Есть много, что это меня беспокоит.

Его великодушие было заразительным. Уолтер решил не делать этого не соглашаясь на повышение, твердо решенный, хотя у него была убежденность. что газета была в состоянии платить ему лучше.

- Действительно, Бурлап, - сказал он почти в мольбе, - я бы предпочел прежде чем ты оставишь все как есть. - И вдруг, Уолтер он думал о Майджори. Как несправедливо с ней обращался! Пожертвовал ее благополучие вашему. Потому что ему было неприятно вести переговоры, потому что он было бы противно бороться, с одной стороны, а с другой-принимать благосклонность, бедную Майджори пришлось бы продолжать без новых платьев и без еще одной служанки.

Но Бурлап отталкивал его от возражений. Он настаивал на том, чтобы быть щедрым.

- Я немедленно поговорю с Чиверсом. Я думаю, что могу убедить его дать-это еще 25 в год.

Двадцать пять. Это равнялось 10 шиллингам в неделю, то есть ничего. Maijorie сказал, что он должен требовать, по крайней мере, еще 100 фунтов.

- Спасибо — - поблагодарил Уолтер. И за то, что он сказал это слово, он презирал-если себя.

“И смехотворно мало, я думаю. Смехотворно, вот термин.“Это было то, что я должен был сказать, - подумал Уолтер.

- Тебе даже стыдно это предлагать. Но что ты собираешься делать?

“Если” явно ничего не мог сделать, по той уважительной причине, что “если” это было безлично и не существовало. Уолтер что-то ворчал о том, чтобы “остаться

благодарный”. Он чувствовал себя униженным и обвинял Майджори в том, что произошло.

Когда я работал в редакции, это происходило всего три дня на неделе Уолтер оставался в одной комнате с Беатрис. Бурлап, в изоляции директор, он был один. Это был “разнообразный” день. Они смотрели на стол стопки наркотиков. Уолтер и Беатрис служили друг другу. Это был литературный праздник — праздник собехо, плохих романов и бесполезных стихов, глупых систем философия и скучные морализаторы, незначительные биографии и скучные книги путешествия, книги такого тошнотворного пиетизма и детские рассказы, такие вульгарные и глупо, что читать их было стыдно за весь человеческий род; куча была высокой, и с каждой неделей она становилась все взрослее. Настойчивость Беатрис, он был похож на муравьев, быстро разбирается и легко Уолтер были совершенно не в состоянии подавить растущий поток. Оба они ставили работу “как стервятники”, - говорил Уолтер, - “в башни тишины”. 0 то, что он написал тем утром, было особенно резким.

В роли Уолтера было все, чем он не мог быть в жизни. Его критика они были богаты эпиграммами и безжалостны. Бедные старые девы компенсируются, когда они читали, что он писал о своих стихах, о которых они думали. Бог и страсть, и о красотах природы, чувствовали жало вживую за жестокое презрение летописца. Охотники на крупную дичь, которые имели сделанный, полный удовольствия, экскурсия в Африку они задавались вопросом о себе как повествование о таком интересном приключении можно квалифицировать из дубина. Молодые романисты, которые моделировали свои стили и свои

эпические концепции по мнению лучших авторов, которые имели смело раскрываю секреты своей интимной и сексуальной жизни, они были ранены, они были потрясены, они были возмущены, когда читали, что их писания были напыщенными, их конструкция отсутствовала, их психология была ложной и его драма, Театральная и мелодраматическая. Написать плохую книгу так дорого как хороший; выходит с той же искренностью, что и душа автора. Но, будучи душа плохого автора, по крайней мере художественно, низкого качества, его искренность, если не всегда по своей природе неинтересна, менее неинтересно выражается, и работа освобождается, в этом выражение быть недоброжелательным. Природа чудовищно несправедлива. Нет заменитель таланта. Промышленность и все добродетели нет польза. Погруженный в свой “наркотик”, Уолтер начал яростно писать

о недостатке таланта. Сознавая свою индустрию, свою искренность и от своих добрых художественных намерений авторы “наркотиков” чувствовали, что к ним относятся несправедливо и возмутительно.

Методы критики Беатрис были просты; во всех случаях она он пытался сказать то, что, по его мнению, скажет Бурлап. На практике, что это было так, что она восхваляла все книги, в которых жизнь и ее проблемы, по ее мнению, воспринимались всерьез; и осуждал всех остальных в пусть этого не произойдет. Беатрис оценила бы Фест Бейли выше D Candide, если, конечно, Burlap или какой-либо другой человек власти ранее сказали ему, что его долг-предпочесть Кандид. Поскольку они никогда не позволяли ему критиковать что-либо, кроме того, что было “наркотиком”, его абсолютное отсутствие критического смысла не имело большого значения.

Уолтер и Беатрис работали, ушли перекусить, вернулись и они возобновили работу. В перерыве появилось одиннадцать новых книг.

— Я чувствую, - сказал Уолтер, - что должны чувствовать Бомбейские стервятники когда среди парсов эпидемия.

Бомбей и парсы напомнили ему сестру. Элинор и Филипп должны быть посадка в тот день. Уолтер радовался, что узнал их еще на родине. Они были почти единственными людьми, с которыми он

мог разговаривать с близостью. уважение к своим делам. Я мог бы обсудить с ними их проблемы. Быть комфорт, облегчение ответственности. И вдруг молодой человек Бидлейк вспомнил, что все было настроено, что больше не было проблема. Больше нет… Именно в этот момент колокол телефон звенел. Уолтер поднял приемник и сказал: - Привет!

- Это ты, Уолтер, милый? - Это был голос Люси.

Сердце Уолтера упало; он знал, что должно было случиться.

- Я только что проснулась, - объяснила она. - Я совершенно одинок.

Я хотел, чтобы он пошел на чай. Уолтер отказался. Пусть будет потом, потом чай.

- Я не могу. - он упорствовал.

- Ерунда! Конечно, можешь.

— Невозможный.

- Но почему?

— Работа.

- Но после 6. Я хочу сказать…

В конце концов, подумал он, может быть, лучше пойти к ней и объяснить ей то, что я решил.

- Я никогда не прощу тебя, если ты не придешь.

— Прекрасно. Я приложу усилия. Я пойду, если смогу…

- Какой он плохой. - издевался над Беатрис, когда Уолтер повесил новый приемник. - Сказать не только для удовольствия чувствовать себя востребованным.

И когда через несколько минут после 5 парень покинул редакцию под предлог, что мне нужно было пойти в Лондонскую библиотеку до закрытия, Беатрис обратилась к нему с ироническими пожеланиями счастья. И его последние слова были: — “Bon amusement /” t4°]

В кабинете директора Берлап диктовал письма своему секретарю: — В. С. и т. д., коммуникации. - он закончил. Взял из другой пачки бумаг. — Лицо Мисс. Сэвилл, - начал он, взглянув на них. — Не — все исправлено. - Дорогая Мисс. Ромола Сэвилл. Спасибо за ваше письмо и за прилагаемые рукописи. - Сделал паузу и, откинувшись назад на стул, он закрыл глаза в кратком размышлении. - Это не мой обычай — - продолжил он наконец, мягким, далеким голосом— это не мой обычай писать личные письма неизвестным сотрудникам. - Опущенные веки чтобы дать с темным и ярким взглядом секретаря, который думал о другом сторона стола. Выражение глаз Мисс. Коббетт был саркастичным; самый бледный от улыбок завивал его почти незаметно спайки с губ. Бурлап был против, но скрывал свои чувства и он продолжал смотреть прямо вперед, как будто Мисс. Коббетт не и как будто он рассеянно смотрит на любой предмет мебели. Мисс. Коббетт снова опустил взгляд на

записная книжка.

“Как это презренно”, воскликнула она в глубине души. “Как это невыразимо вульгарно!”

Сита. Коббетт была маленькой черноволосой женщиной, у которой были углы верхней губы заштрихованы темным пухом. Глаз непропорционально большие коричневые для тонкого лица и несколько нездоровый. Угрюмые и страстные глаза с почти выражением лица постоянная цензура, которая иногда вспыхивала внезапной холерой, или, как в тот момент, в насмешку.

Этель Коббетт имела право бросить на мир взгляд обвинение. Судьба жестоко обращалась с ней. С большой твердостью, даже. Рожденная и воспитанная в условиях разумного процветания, смерть отца с одного дня на другой он оставался безнадежно бедным. Обручилась с Гарри Маркхэм. Жизнь обещала начать все сначала. Потом началась война. Гарри записался и был убит. Эта смерть обречена на гибель. Коббетт стенография и машинопись до конца существования. Гарри был единственным человек, который любил ее, единственный человек, который хотел рискнуть любить ее. Другие мужчины находили ее тревожно жестокой, бесстрастный и серьезный. Этель относилась ко всему

ужасно серьезно. Юношество они чувствовали себя плохо и считали себя смешными в ее компании. И они отомстили смеясь над бедным существом, обвиняя его в “отсутствии чувства юмора”, в том, что он педантичный, и с течением времени, чтобы взять себя в Деву которая жила, вздыхая из-за человека. Они говорили, что Мисс. Коббетт выглядел как колдунья. Он влюблялся много раз, горячо, с насилием, безнадежно. Мужчины либо не осознавали этого, либо, если осознавали, убегали опрометчиво; в других случаях они издевались над ней или, что было намного хуже, они проявляли снисходительную доброту, как будто относились с бедным заблудшим существом, которое, хотя и было скучным, должно было, нет тем не менее, к ним относятся с благотворительностью. Этель Коббетт имела полное право носить это выражение цензуры.

Она познакомилась с Бурлапом, потому что, будучи девочкой, в дни процветания, он учился в той же средней школе, что и Сьюзан Пейли, которая впоследствии его жена. Когда Сьюзен умерла, и Бурлап исследовал боль

что он чувствовал или, по крайней мере, заявлял, что чувствовал в серии больше, чем обычно болезненные из тех всегда болезненно личных статей, которые они были секретом его успеха как журналиста (потому что у широкой публики есть хронический и каннибалистический аппетит к личной неосторожности), Этель написала ему письмо с соболезнованиями, которое сопровождало длинный мемориал уважение Сьюзен с девичьих времен. По почте пришел к нему трогательный и трогательный ответ: “Спасибо за воспоминания, которые я они представляют настоящую Сьюзен такой, какой я ее всегда чувствовал — девушку, которая он выжил так великолепно и так чисто в женщине, вплоть до последнего момент; очаровательный ребенок, который, несмотря на хронологию, не она перестала быть при физической Сьюзен, которая жила во времени и параллельно с она. В самых сокровенных глубинах ее сердца, я прав, она никогда он поверил в свое взрослое и хронологическое “я”, никогда не мог избавиться от идея, что я все еще был ребенком, который играл, чтобы быть большим”.

И так далее — страницы несколько истеричного лиризма о погибшая женщина-ребенок. В него вошла значительная часть вещества этого письмо в его статье на следующей неделе. “Из них будет Царство Небесное” — это было название. Через день или

два он отправился в Бирмингем, чтобы иметь личное интервью с той женщиной, которая встретила настоящую Сьюзен в то время, когда она была ребенком, как хронологически, так и духовно. Впечатление, которое каждый из них произвел на другого, было благоприятный. Для Этель, чья жизнь была горечью и обвинениями против судьба, для Этель, которая жила между своей мрачной квартирой и ненавистной офис страховой компании, где она работала, прибытие письмо, во-первых, и письмо самого Бурлапа, во-вторых, были события большие и замечательные. Это был настоящий писатель, человек у него был мозг и душа. В психическом состоянии, которое вы создали для себя. даже Берлапу понравилась бы любая женщина, которая могла бы рассказать ему о meninice Сьюзен и предложить ей тепло материнского сострадания в что, ребенок тоже, он может нырнуть с наслаждением, как в постели ручка.

Этель Коббетт не просто свидетельствовала о его симпатии и была подруга Сьюзен; у нее также был интеллект, серьезная культура, и она знала полюбоваться. Первые впечатления были хорошими.

Бурлап ужасно плакал. Мучил себя мыслью о том, что я никогда, никогда больше не смогу просить у Сьюзен прощения. он сделал ему зло из всех жестоких слов, которые он произнес. Е в муках раскаяния он признался, что однажды был ему неверен. Рассказал внутренние раздоры. И теперь Сьюзен была мертва; я никогда не мог просить ее прощение. Никогда, никогда-Этель была тронута. “Никто, - подумала она, - не проявите этот интерес ко мне, когда я умру.“Но свидетельства любовь и интерес после того, как мы умрем, менее приятны, чем пусть свидетельства любви и интереса, когда мы живы. Тот пароксизмы боли, которые Бурлап, в процессе интенсивной концентрации о идее его потери и его печали, он сумел довести до кипения внутри себя они ни в коем случае не были пропорциональны чувства, которые он испытывал по отношению к живой Сьюзен. Для каждого послушник-иезуит Лойола предписал уединенное медитационное отступление на Страсти Христовы; несколько дней этого упражнения, сопровождаемые постом, обычно этого было достаточно, чтобы произвести в духе новичка живую реальность, мистика и личностность существования и реальных страданий Спасителя. Burlap он использовал тот же процесс; но вместо того, чтобы думать об Иисусе, или иначе в Сьюзен он думал о себе, о своих муках, о своем одиночестве, о ваши собственные раскаяния. И, по

сути, после нескольких дней мастурбации непрекращающийся духовный, он получил в награду мистическую реальность своего собственное горе, уникальное и несравненное. В апокалиптическом видении, как жезл боли. (Язык Нового Завета пришел на уста Бурлапа и она постоянно росла от пера. “Каждому из нас, - писал он, - это учитывая пропорциональное испытание… - индивидуальная выносливость и способность к возможности самосовершенствования.“Бурлап знакомо говорил о агонии в горто и чашах. Это видение пронзило его сердце; человек был наводнен жалостью к себе. Но бедная Сьюзен была, на самом деле, очень мало общего с страданиями этого Бурлапа с воздух Христа. Его любовь к живой Сьюзен была для него самого. вынужденный, столь же востребованный, столь же стремительно усиленный, как и его скорбь по мертвой Сьюзен. Бурлап любил не Сьюзен, а образ психика Сьюзен и идея любви — вещи, на которых она сосредоточилась иезуитским путем, пока они не овладеют

умопомрачительно реальны. Его пыл по отношению к этому призраку, по отношению к любовь к любви, страсть к страсти, которую он смог извлечь из более отдаленные глубины его сознания покорили Сьюзен, она думала, что эти чувства имеют какое-то отношение к ней. О что больше всего нравилось Сьюзен в чувствах ее мужа, так это ее качество чистоты, в котором не было ничего мужского. Пыл Бурлапа это были дети по отношению к своей матери (ребенок немного инцестуозный, это правда; но как он тактично и деликатно представлял роль маленького Эдипа!), его любовь была одновременно детской и материнский; его страсть была чем-то вроде пассивной Нины-Наны. Хрупкий, брезгливость, не достигнув полноты жизни и продолжая тем самым будучи менее взрослой, вечной несовершеннолетней, Сьюзен обожала своего мужа как высшему и почти святому любовнику. И Бурлап, в свою очередь, любил его частный призрак, обожал свою прекрасную христианскую концепцию бракосочетание, мне нравился твой прекрасный способ быть супругом. Ваши статьи периодические издания, восхваляющие брак, были лирическими. Это не помешало ему совершение частых неверностей; но у него был такой чистый путь, такой по-детски, так платонически ложиться спать с другими женщинами, что даже они даже не могли думать, что это действительно ” сон совместно”. Жизнь Берлапа со Сьюзен была чередой сцен во всех разновидности эмоционального диапазона. Он жевал и ремастировал, не переставая. я усугубляю все, пока не отравлюсь

в приступе холеры или ревность. Или же он настаивал на своих слабостях и показывал себя рабски раскаялся или скатился к ногам Сьюзен в экстазе ее кровосмесительное поклонение воображаемой мамочке, которая была его женой, и с что было бы приятно опознать Сьюзен по кулачку и кости. И многие затем, с большим беспокойством Сьюзен, он внезапно прерывал поток его эмоций со странным циничным хихиканьем, и он трансформировался на мгновение в совершенно разнообразном существе, в существе, которое напоминало Веселый мельник песни: “Я никому не занимаюсь, О, нет! И никто и я тоже.“Дьявол каждого” - вот как он он безлично описывал такие состояния ума после того, как вновь обретает эмоциональную духовность; и цитирует слова старика Матрос, Кольридж, по поводу шепота демона, который ему

он оставил сердце сухим, как пыль. Это был бы демон каждого один ” - или это был, возможно, настоящий Бурлап, фундаментальный Бурлап, утомленный наконец, попытка выдать себя за другого и заставить брожение эмоции, которые он не испытывал спонтанно. Настоящий Бурлап, который даровал себе короткий отпуск?

Сьюзен умерла; но длительная и страстная боль, которую он опыт в этом случае мог быть спровоцирован почти с даже если бы Бурлап решил представить себе мертвую жену и себя брошенный и одинокий, при ее жизни. Этель стала сенсибилизированной интенсивность этих чувств, или, скорее, насилие и он настаивал на том, чтобы Бурлап выражал их. Мужчина выглядел абсолютно уничтожен как телом, так и духом своими взвешивать. Мисс. Коббетт почувствовал, как его сердце истекло кровью из-за него. Воодушевленный симпатия девушки, Бурлап погрузился в оргию причитаний, чья тщеславие принимало их раздражающе резкими, сожалениями тем более распятия, сколько было опозданий, ненужных признаний и унижений. As ощущения не являются отдельными сущностями, которые могут быть стимулированы независимо от остального духа. Когда человек остается эмоционально возвышенный в одном направлении, он также может оставаться в другой. Боль Бурлапа принимала его благородным и щедрым; благочестие к себе ему было легко испытывать христианские чувства к другим людям.

- Вы тоже несчастны. - сказал он Этель. - Я вижу его.

Она согласилась; она сказала ему, как сильно он ненавидит свою работу, свою работу, люди, с которыми он работал, рассказали ему свою несчастную историю. Бурлап довел свою симпатию до кипения.

- Но это имеет значение для моих маленьких страданий по сравнению с его? - возразила Этель, вспомнив о насилии причитаний другой.

Бурлап говорил о масонстве страданий, а затем, омраченный видение доброты своего собственного ” я ” даже предложило Мисс Марвел. Коббетт один место секретаря-стенографистки в литературном мире. Хотя Лондон и Литературный мир, казалось бы, бесконечно предпочтительнее Бирмингема и страховая компания, Этель колебалась. Занятость в эту последнюю эпоху

однообразный, но он был прочным, постоянным и давал право на пенсию. В очередном всплеске щедрых чувств, еще более оскорбленных, чем во-первых, Бурлап гарантировал ей все пребывание, которого она желала. И почувствовал ваше существо все согрето добротой.

Мисс. Коббетт позволил себе уговорить. Он уехал в Лондон. Если Burlap я ожидал скользить шаг за шагом и почти незаметно до кровать Этель была разочарована. Ребенок, подавленный болью и нуждающийся от утешения, он хотел бы, чтобы побудить его утешитель-о! но как духовно и платонически! - к нежному и восхитительному инцесту. Одна такая идея, но это было немыслимо для Этель Коббетт; я бы никогда не вошел в нее. голова. Она была принципиальной женщиной, такой страстной и жестокой в своих моральная лояльность, как в вашей любви. Я серьезно воспринял боль Бурлапа и буквально. Когда они оба договорились, между слезами, основать вид частный культ для бедной Сьюзен, чтобы поднять и сохранить постоянно освещенный и украшенный внутренний алтарь в его память, Этель полагала, что слова Бурлапа должны быть приняты к письму.

Как бы то ни было, она была искренней. Ему никогда не приходило в голову, что Денис не был. Скрытое поведение этого поразило ее и оскорблять. Это был тогда тот мужчина, - спрашивала себя Этель, видя, как Бурлап живет своей жизнью замаскированных, платонических распущенностей и вязко

духовный-это был тот человек, который дал обет сохранить навсегда зажженные свечи перед алтарем бедняжки Сьюзан? Она выражала свое неодобрение взглядами и словами. Бурлап проклинал себя из-за своего безумия от того, что забрал ее из компании страховки, из-за его безупречной глупости обещать ему пребывание на работе. Если бы только она ушла в отставку за свою свободу воля! Он пытался принять его невыносимое существование, обращаясь с ним ледниковая безличность, высшая, как будто она всего лишь машина ловить письма и копировать статьи. Но Этель Коббетт яростно держалась за себя на работу; тогда было восемнадцать месяцев, когда она была привязана к нему, а не он подал в отставку. Это было невыносимо;это не могло продолжаться. Но как он мог изменить историю? Было ясно, он не был по закону я обязана хранить ее на неопределенный срок. Ничего не написал, preto на белила… В худшем случае…

Выявление бесчувственного презрения к выражению глаз Этель Коббетт и его едва заметной улыбкой иронии Бурлап продолжил с диктовкой. Не стоит обращать внимание на машины, использовать их, просто. Даже таким образом, то, что было, просто не могло продолжаться.

- Это не мой обычай писать личные письма сотрудникам неизвестные, - повторил Бурлап твердым и решительным тоном. — Но я не могу не сказать вам… нет, нет, чтобы поблагодарить вас за большое удовольствие что его стихи подарили мне. Лирическая свежесть его произведения, его искренность страстная, ее свободное и почти дикое великолепие пришло ко мне, как сюрприз и холодильник. Директор газеты обязан поглощать так большое количество плохой литературы, которая становится почти жалкой признано тем, кто не пишет… для редких и драгоценных духи, которые предлагают ему золото вместо обычного шлака. Я благодарю вас за отгрузка… - Бурлап снова посмотрел на роли-рифмы ” любовь в Зеленый лес ” и “пассифлоры”. Спасибо за ваши стихи, чьи слова похожи на сверкающую и бурную поверхность озера. Обязанный также для чувствительности… нет, за яркую чувствительность, за опыт страданий, по горящей духовности, что видение больше глубоко обнаруживает под этой поверхностью. Я отправлю его на страницу сразу же оба стихотворения pubbcá их в следующем месяце.

“До тех пор, если случится, что мисс пройдет рядом с Флит-стрит, для меня было бы честью иметь возможность лично услышать некоторые номинации на его поэтические проекты. Начинающий литератор, даже когда у него есть талант, его часто смущают трудности материалы, которые профессиональный писатель знает, как обойти. Всегда я считал это одной из моих величайших привилегий и обязанностей критика и журналист сглаживает путь к литературному таланту. Это будет моя скука. за то, что так долго писал. Вы действительно верите мне очень Ваш…” Бурлап взял посмотреть на машинописные стихи и прочитал строку или две. “Настоящий талант, - сказал он себе несколько раз, - талант истинный.“Но” дьявол каждого ” думал, что эта девушка была особенно откровенная, которая, должно быть, была вспыльчивой и казалась хозяйкой из определенного опыта…

Он положил бумаги в корзину, которая была справа от него, и взял еще одну карту

из левой корзины.

- Преподобному Джеймсу Хичкоку — - продиктовал он. - Пресвитерия Туттлфорда, Уилтс. Уважаемый сэр. Я очень сожалею, что не могу использовать его длинная и очень интересная статья о взаимоотношениях между языками агглютинативы и агглютинативные формы химер в символическом искусстве. Требования к космосу…

Розовая внутри ее халата, как тюльпаны в вазах, Люси была лежа, опираясь на локти, читая. Диван был веселого цвета, стены они были покрыты серым шелком, ковер был розового цвета. В своей клетке из золота даже сам какаду был розово-серым. Апорта открылась.

Уолтер, милый! В любом случае! - Люси уронила книгу.

— Наконец. Если бы ты знал все, что я должен делать, теперь вместо того, чтобы быть здесь! - Обещаешь?”- спросила Майджори. И он он ответил: “обещаю”. Но этот последний визит объяснения не пришел во внимание…

Диван был широким. Люси отодвинула ноги к стене, делая место для Уолтер присядет. Одна из ее красных турецких тапочек

перевернулась.

- Этот скучный маникюр… - сказала она, поднимая голую ногу сантиметры, таким образом, чтобы поместить его в поле зрения. — Хотеть чтобы заставить эту ужасную красную штуку на ногтях моих ног. Казаться даже Шагас…

Уолтер не говорил. Его сердце бурно билось. Как жара тело перенесено в другой сенсорный диапазон, Олор гардении Люси вовлекала его. Есть горячие и холодные духи, душные и свежие. As гардении Люси, казалось, наполняли ее горло и легкие. тропическая и сильно угнетающая сладость. О сером шелке дивана, бледная нога девушки выглядела как цветок, это было похоже на бледные бутоны и мясистые цветы лотоса. Ноги индуистских богинь, прогуливающихся по среди его лотосов также как цветы. Время просачивалось в тишину,,

но не бесполезно, как в обычные моменты. Можно было бы сказать, что он был всасывается, с каждым выстрелом из беспокойного сердца Уолтера, в какой-то замкнутый резервуар пережитых ощущений, которые поднимались позади от плотины, пока, наконец, внезапно… Внезапно Уолтер расширил рука и взял голую ногу в руку. Под давлением всех этих минут тихо накапливаясь, плотина рухнула. Это была удлиненная нога, удлиненный и узкий. Пальцы Уолтера сжались в его томе. Наклонившись, парень поцеловал подъем этой ноги.

- Но мой дорогой Уолтер! Люси рассмеялась. - Ты принимаешь себя поистине восточный.

Уолтер не сказал ни слова, но, опустившись на колени на полу рядом с диваном, он склонился над Люси. Лицо, которое наклонилось, чтобы поцеловать ее, было зафиксировано на своего рода отчаянное безумие. Руки, которые касались ее тела, дрожали. Люси покачала головой, защитила лицо рукой.

- Нет, нет.

- Но почему бы и нет?

- Не получается…

- Почему бы и нет?

- С самого начала все было бы намного сложнее. тебя.

- Какой! Они не останутся, — заявил Уолтер. Осложнений не было. Майджори перестала существовать.

— Кроме того, - продолжила Люси, - ты, кажется, забываешь мою личность. И я не хочу…

Но его губы были мягкими, его руки слегка касались. Избиение крылья мотыльков, предвещающих удовольствие, трепетно вернулись к жизнь под этими поцелуями и этими ласками. Люси закрыла глаза. Ласки Вальтер были как наркотик который был одновременно возбуждающ и opiated. Достаточно было ослабить волю; наркотик должен был полностью овладеть им. Люси перестанет быть собой. Это будет не что иное, как эпидермис от пульсирующего удовольствия до вовлечения вакуума, горячей, ужасной тьмы.

- Люси! - Ее веки трепетали и дрожали под губами

юноша. Его руки касались его груди. - Моя дорогая! - Она лежала совершенно неподвижно, с закрытыми глазами.

Внезапный пронзительный визг заставил их обоих проснуться, полностью проснувшись от забвения того времени, в которое они погрузились. Быть как будто убийство было совершено в нескольких футах от места, где они оба нашли друг друга — но убийство, жертва которого нашла немного забавное, но в то же время болезненное чувство убийства. Люси он рассмеялся.

- Это Полли.

Оба повернулись к клетке. С головой, слегка наклоненной к с одной стороны птица осматривала их черным круговым глазом. Е когда Люси и Уолтер смотрели, завеса из пергаментной кожи прошел, как мгновенная катаракта над ярким глазом и невозмутимо, чтобы вскоре встать на ноги. Снова повторился крик агония шутливого мученика.

- Тебе придется прикрыть клетку тканью — - предложила Люси.

Уолтер повернулся к ней и сердито поцеловал ее. Какаду кричал снова. Арисада Люси удвоилась.

- И бесполезно… - сказал, лучник. - Она остановится только после того, как покрыть. - Птица подтвердила то, что сказала Люси, еще одним воплем агонии радостный.

И Уолтер, разъяренный, раздраженный и осознающий свою нелепость, отказался от положение коленопреклоняет и пересекает отсек. Его приближение к птице он начал оживленно танцевать на своем насесте; он поднялся на гребень, оперение головы и шеи щетинилось, как чешуя сосновой шишки зрелый.

- Доброе утро, - говорил какаду гортанным чревовещательным голосом. — Хороший день, тетя, Доброе утро, тетя, Доброе утро, тетя…

Уолтер развернул розовую парчу, которая лежала на столе рядом с клеткой и потушил животное. Последнее “доброе утро, тетя” вышло из-под из укрытия. А потом стало тихо.

- Ей нравится эта шутка, - сказала Люси, как только животное

исчезать. Я закурил сигарету.

Уолтер прошел через комнату и, не говоря ни слова, выхватил сигарету из ее пальцев и бросил его в камин. Люси подняла брови, но Уолтер не дал ей времени поговорить. Снова становясь на колени у ее ноги., он начал целовать ее с яростью.

- Уолтер — - возразила Люси. - Нет! Что у тебя? — Пытаться расстаться, но он был на удивление силен. - Ты выглядишь как зверь-зверь. - Его желание было немым и диким. - Уолтер! Я настаиваю! — Люси пришла в голову абсурдная идея и внезапно рассмеялась. - Если бы ты знал, как ты был кинематографичен! Большой, огромный крупным планом, полный сногсшибательные зубы.

Но насмешки были столь же бесполезны, как и протесты. И хотел бы Люси действительно ли он был эффективным? Почему бы не бросить себя? Просто потому, что это было немного унизительно, когда меня так воспринимали, быть вынужденным, а не выбирать. Его гордость, его воля сопротивлялись Уолтеру они сопротивлялись собственному желанию. Но в конце концов, зачем сопротивляться? А наркотик был активным и вкусным. Зачем сопротивляться? Люси закрыла глаза. Но, пока она колебалась, случай внезапно принял решение за нее. Они постучали в дверь.

Люси взяла, чтобы открыть глаза.

- Я скажу, заходите, - прошептал он.

Уолтер поспешно встал на ноги, в то же самое время, когда его услышали второй удар.

- Заходите!

Апорта открылась.

- Мистер Иллидж хочет вас видеть, мэм — - сказала горничная.

Уолтер стоял у окна, делая вид, что глубоко заинтересованы в грузовике доставки, прислонившемся к тротуару перед домом.

- Отправь его наверх. - заказал Люси.

Уолтер повернулся, как только дверь закрылась за служанкой. Его лицо он был очень бледен, его губы дрожали.

— Я совсем забыла — - объяснила Люси. - Я попросил Иллиджа что он пришел прошлой ночью; или, скорее, этим утром.

Мальчик повернулся лицом и, не говоря ни слова, пересек комнату, открыл дверь и ушла.

- Уолтер! - крикнула она позади него. - Уолтер! Но Уолтер не вернулся.

На лестнице он нашел поднимающегося Иллиджа, которому предшествовала служанка. Уолтер ответил ему на слова приветствия расплывчатым приветствием и прошел он поспешил. Я не был достаточно спокоен, чтобы рискнуть поговорить.

- Наш друг Бидлейк выглядит так, будто собирался в большой спешке. - сказал Иллидж, после предварительного приветствия. Он был в восторге от того, что что он вывел другого на улицу.

Люси наблюдала за его триумфальным видом. “Это похоже на цыпленка оперения красный”, - подумала она.

Уолтер что-то забыл… - смутно объяснил.

Надеюсь, это был не он сам. - он сделал человечка, мелочь. И

когда Люси засмеялась, больше от глупой мужественности его выражения, чем как раз в шутку Иллидж почувствовал себя раздутым от удовлетворения и уверенность в себе. Это мирское приключение уходило ему так легко. как играть в боулинг… Чувствуя себя совершенно непринужденно, он расширил ноги, посмотрел в томе. Богато трезвая элегантность комнаты он сразу же произвел на него впечатление совершенного хорошего тона. Всасывал воздух ароматный с удовлетворением.

- Что там под этой таинственной красной тканью? — спросил, указывая на закрытую клетку.

- И попугай, - ответила Люси. - КУМИ-Пако-папако! — она поправилась, разразившись внезапным тревожным и необъяснимым смехом.

Есть признанные боли, страдания, которые мы можем положительно гордиться. Потеря того, что нам дорого, уход, чувство грех, страх смерти-обо всем этом поэты уже говорили с красноречие. Такие боли навязываются симпатии мира. Но есть также постыдные страдания, не менее жестокие, чем другие, и из которых,

однако пациент не осмеливается и не может говорить. Тоска желания противодействие, например. Это то, что Уолтер нес с собой по улице. Это были боль, гнев, разочарование, стыд и отчаяние вместе взятые. У него сложилось впечатление, что его душа пребывает в смертельной агонии.

И все же причина была неконфессиональной, низкой и даже нелепой. Предположим, что друг нашел вас и спросил, почему у него был такой несчастный вид. - Я был на любящем коллоквиуме с женщина, когда меня прервали, сначала криками попугая и после прибытия визита. - Комментарий к этому признанию был бы огромный смех насмешек. И его признание превратится в анекдот из курительной комнаты. И все же Уолтер больше не будет страдать, если потерял мать…

Час бродил по улицам в Риджентс-парке. Свет исчез постепенно с Туманного и белого дня Уолтер стал спокойнее. То он думал, что это был урок, наказание, он нарушил обещание. Для ее собственное благо и ради Майджори-больше никогда. Посмотрел

на часы и, увидев, что ему уже за 7, он вернулся домой. Пришел уставший и решительно раскаялся. Майджори шила; свет лампы он сиял на его худом, утомленном лице. Она также была одета в халат. Быть лиловый и ужасный; Уолтер всегда думал, что у нее плохой вкус. 0 квартира была захвачена запахом кухни. Уолтер ненавидел запах кухни, но в этом была еще одна причина быть верным. Это был дело чести и долга. Просто потому, что я предпочел гардению капусте, это не было причина, по которой Майджори страдает.

- Ты пришел поздно. - сказала она.

- Было много дел. - объяснил Уолтер. - И я пошел пешком. — Это по крайней мере, это было правдой…

- Как ты себя чувствуешь? - положил руку ей на плечо и наклонился.

Оставив шов, Майджори протянула ему руки на шее. Какое счастье, думала она, снова иметь его! Владей им еще раз! Что реконференция!

Но в тот самый момент, когда он прижал его к телу, Майджори она поняла, что ее снова предали. Резко отошел от

спутник.

Уолтер, ты набрался смелости?

Кровь текла по лицу мальчика; но он пытался продолжить комедию.

- Мужество чего?

- Ты искал эту женщину…

- О чем ты говоришь? - Я знал, что это бесполезно, но так даже продолжал притворяться.

- Не стоит лгать. - Майджори поднялась с таким насилием, что корзина для шитья перевернулась, выливая содержимое по полу. Пересек комната, не желая ничего слышать. - Уходи! - кричала она, когда Уолтер он упомянул, что следил за ней. Другой пожал плечами и повиновался. — Иметь мужество! - продолжила она. -

Приходи домой, возвращаясь к ее аромату. Тогда это были гардении… Я был дураком, что не предвидел этого… — После всего, что ты сказал прошлой ночью. Как ты мог это сделать?

- Но если ты позволишь мне объяснить… - протестовал он тоном жертвы, от раздраженной жертвы.

- Объясни, почему ты солгала, - с горечью сказала она. - Объясняет почему что ты не выполнил свое обещание.

Его гнев, наполненный презрением, вызвал соответствующий гнев в Уолтер: - я просто хочу объяснить, - сказал он с жесткой вежливостью и опасный.

Как она была раздражительна своими сценами и своей ревностью. Что за хуй невыносимо, раздражает.

- Ты просто хочешь продолжать лгать — - насмехалась Мейджори. В другой раз Уолтер пожал плечами.

- Если ты предпочитаешь так смотреть на этот вопрос… - он сделал это вежливо.

- Ты не жалкий лжец! И кто ты. - И, возвращаясь к спина, закрыла лицо руками и заплакала.

Уолтер не был тронут. Вид на те плечи, которые ничего не задыхались. он сделал больше, чем раздражать и раздражать его. Посмотрел на женщину с холодная, усталая холера.

- Уходи! - крикнула Мейджори среди слез-иди хотя! - Я не хотел, чтобы Уолтер стоял там с триумфом, пока она плакать. - Уходи!

- Хочешь, чтобы я по-настоящему ушел? - спросил он с тем же холодная, раздражающая вежливость.

- Да, иди, иди.

- Молодец! - сказал Уолтер и, открыв дверь, пошатнулся.

В Камден-Тауне взяли такси и добрались до Брутон-Стрит точно как раз вовремя, чтобы найти Люси, которая вот-вот уйдет. Я собирался поужинать.

- Ты пойдешь со мной. - очень спокойно объявил Уолтер.

- Ой! Ой!

- Да, пойдешь.

Люси с любопытством посмотрела на Уолтера. Он твердо отплатил ему глядя, улыбаясь, со странным выражением веселого триумфа, власти непобедимый и упрямый-выражение, которое она никогда раньше не видела на его лице.

- Да — - сказала девушка. И, звоня в колокол, чтобы позвонив служанке, она приказала: - позвони Леди Стерлетт, хорошо? Скажи ему, что извините, но у меня огромная головная боль, и я не могу добраться до ее дом Сегодня вечером. - Горничная ушла. - Ну, и ты покажешься признано сейчас?

- Я начинаю… - ответил он.

- Начинаешь? - Люси симулировала возмущение. - Мне нравится этот твой ад дерзость.

- Я знаю, тебе это нравится, - возразил он, смеясь. И ей это действительно нравилось. Что ночь Люси взяла себя любовницей Уолтера.

Было между 3 и 4 часами дня. Спандрелл едва встал с постели. Не будь еще побрился; поверх пижамы надел халат из коричневой ткани

и грубый, как монашеская привычка. (Монашеская записка была изучена; он любил напоминать себе о подвижниках. Хотелось бы, немного по-детски, играть роль дьявольского отшельника.) Наполнил чайник и я ждал, пока вода закипит над газовым пламенем. Казалось, что это заняло слишком много времени. Спандрелл чувствовал сухость во рту и преследование из-за вкуса, напоминающего пары меди нагретый. Бренди производил свои обычные эффекты.

- Как олень, вздыхающий от ясных ручьев — - сказал он о себе я могу-так жаждет моя душа… Да, и с похмельной жаждой… Если в меньше благодати можно было разлить в бутылки, как воду Perrier…

Он подошел к окну. Кроме радиуса 50 метров, все вещи имели были отменены белым туманом. Но с какой настойчивостью этот пост люминация возвышалась перед смежным домом справа, с которым важность! Мир был разрушен, и только столб, как Ной,, он сохранился от всеобщего катаклизма. И он никогда раньше не ступал на ноги. существование этой вещи там; до этого момента она просто не существовать. Спандрелл смотрел на столб с фиксированным вниманием, не дыша. Этот одинокий столб в тумане… Не видел его, Спандрелл, раньше что-то подобное? Это странное чувство, что ты находишься в компании, от единственного выжившего после потопа он казался ему знакомым. Глядя на что касается шеста, Морис стремился вспомнить. Или, скорее, приложил усилия он старался не помнить; он держался на расстоянии своей воли и своих сознательные мысли, как полицейский держит в страхе толпа в фолианте женщины, которая упала в обморок на улице; расстояние до вашего сознания, чтобы дать ошеломленной памяти пространство необходимо, чтобы пописать, дышать, вернуться к жизни. Посмотреть твердо стоящий на шесте, Спандрелл ждал, мучительный и терпеливый, какой человек, который, чувствуя себя на грани чихания, трепетно ожидает предсказанный пароксизм; он надеялся, что это оживит воспоминание о том, что было много он умер. И вдруг она взошла, ярко проснувшись, поднялась из своего каталепсия, и с чувством огромного облегчения Спандрелл обнаружил, что поднимается дорожка, покрытая суровым избитым снегом, которая вела от занавеса к горло Фальзарего. Над долиной спустилось холодное белое облако. Не там было больше гор. Фантастические коралловые вершины Доломитов

они были подавлены. Больше не было ни высот, ни глубин. Белый свет это было всего 50 шагов в ширину - белый снег на земле, белое облако в Томе и высоко. И время от времени, против белизны, появлялся темный дом или телеграфный столб, дерево, человек или сани; потрясающие в своей изоляции и в своем уникальном характере, каждый они были как одинокий выживший после всеобщего разрушения. Ощущение было сверхъестественное, таинственное; но как это было сенсационно новым, как это было странно красиво! Поездка была приключением; Спандрелл чувствовал взволнованный и своего рода беспокойство усилило его счастье он едва выдержит.

- Посмотри на тот домик слева, - крикнул он маме. — Когда я в

последний раз поднимался, меня там не было. Клянусь, я не был. - Я знал путь совершенен; он поднимался и опускался сто раз и он никогда не переворачивает домик. И теперь дом стоял почти угрожающе, как единственная темная и определенная вещь в смутном мире белизны.

- Да, я его раньше не видела, - сказала мама. — Что показывает только — он собрал ее с ноткой нежности, которая всегда приходила к нему в голос, когда он говорил о покойном муже, как был прав твой отец. “С подозрением относитесь к все свидетельства, - говорил он, - даже ваши собственные.”

Спандрелл взял его из руки, и они оба пошли вместе в тишина, дергая сани.

Морис отошел от окна. Чайник кипел. Пролил вода в чайнике, заварила чай, наполнила чашку и выпила. Жажда, довольно символически она осталась неудовлетворенной. Спандрелл продолжал пить в маленькие глотки, вдумчивый, вспоминая и анализируя эти ура совершенно невероятно от вашей девочки. Зимы среди Доломитов, весна в Тоскане, Провансе или Баварии; лето на краю Средиземноморье или Савойя. После смерти отца и перед тем, как отправиться в школа, они жили почти непрерывно за границей-это было больше дешевый. И почти все его школьные каникулы проводились вне Англия. С семи до пятнадцати лет он передвигается из одной точки в другую. живописная Европа, наслаждаясь красотой-и, честно говоря, хорошо заметьте —, как не по годам развитый Чайльд Гарольд. После этого Англия казалась ему

немного скучно. Шпандреу вспомнил еще один зимний день. В тот раз не было тумана, был яркий день; солнце горело в безоблачном небе; сияли коралловые обрывы Доломитов-оранжевые, розовые и белые — над лесами и заснеженными склонами. Он и его мать спустились с катание на лыжах через лиственничные рощи. Полоса теней деревьев, снег под ногами они были похожи на огромного бело-голубого тигра. Солнечный свет fulgia оранжевый среди безлистных ветвей; был морской зеленый среди бород моховые подвески. Разбрызганный снег шипел под лыжами, воздух был на в то же время Момо и жив. И когда Спандрелл вышел из леса, перед ним тянулись большие склоны, похожие на очертания чудесное тело, и девственный снег был гладким, как эпидермис, dehcamente зернистый под низким

полуденным солнцем и весь сверкающий от бриллианты и блестки. Он вышел на фронт. Абейра-ду-Боске сделал Альто ждать маму. Оглядываясь назад, он видел, как она приближается через дерево. Высокий и сильный силуэт, еще молодой и подвижный, молодое лицо плиссированная в улыбке. Миссис Спандреу спустилась к сыну… Это был самый красивый и в то же время самый простой, самый утешительный и семейный существ.

- Тогда?- сказала она, смеясь, останавливаясь перед мальчиком.

- Тогда? - Он посмотрел на маму, а потом на снег, на тень от деревьев, до больших голых скал и до голубого неба; наконец он снова взглянул на свою мать. И вдруг он почувствовал себя захваченным сильная и невыразимая феодальность.

“Я никогда не буду так счастлив, как сейчас”, - сказал он вам даже, когда оба снова встали на путь. “Нуника больше, даже если я проживу сто лет.”—в то время ему было всего пятнадцать лет; но это именно то, что я думал и чувствовал. И его слова были пророческий. Кроме того, это его последняя вражда. После… Нет, нет. Предпочитать не думать о потом. Даже в настоящее время. Снова наполнил чашку чая.

Звон колокольчика поразил его. Спандреу шел к дверь в квартиру и открыл ее. это была мама.

- Ты? -Тогда он вдруг вспомнил, что Люси ему что-то сказала. что-то в этом отношении.

- Ты не получил мое сообщение? - с тревогой спросила миссис Нойл.

— Да. Но я его совсем забыл.

- Я думал, тебе нужно… - она начала. Боялась быть назойливой, лицо Мориса было не очень приветливое выражение. Комиссуры ее губы иронично сморщились.

- Да, нужно. - Я жил в хроническом состоянии нехватки денег. Они перешли в другую комнату. Миссис Нойл заметила, что окна они были залиты грязью. На верхней полке и дымоходе были толстый слой порошка. Черные паутины сажи свисали с потолок. Она пыталась заставить Мориса позволить ей отправить женщина делает уборку три раза в неделю. Но он ответил: “Никаких твоих

визитов в туалет! Я предпочитаю валяться… Грязь моя природный элемент. Кроме того, у меня нет военной позиции выделите, за которым вы должны следить…“Смеялся тихо, показывая большие крепкие зубы. Это было для нее. Миссис Нойл никогда не осмеливалась повторить подношение. Но комната действительно нуждалась в чистоте.

- Чай хочешь? - спросил он. - Все готово. Я только что сделал первый утренний прием пищи, - добавил он, целенаправленно призывая внимание матери к нарушениям ее образа жизни. Она отказалась, не рискуя никакими комментариями по поводу ненастного часа коллажа. Спандрелл был немного разочарован тем, что не получил то, что требовать. Было долгое молчание.

Когда-то Миссис Нойл бросала на своего сына почти взгляд. скрытый. Спандрелл пристально смотрел на пустой камин. Юноша она думала, что воздух состарился, и ужасный аспект болезни и оставление. Пытался узнать в нем ребенка, школьницу, которую он был в те далекие времена, когда оба были счастливы вместе и одни… Он вспомнил печаль, которую испытывал Морис, когда она одевалась не так, как он я думал, что должен одеться, когда я не был элегантен, когда я не сиял. со всем своим блеском. Морис испытывал к своей матери такую же ревнивую привязанность что она была для него. Но ответственность за его образование была бременем тяжело для нее. Будущее всегда пугало ее; Миссис Спандрелл он всегда боялся принимать решение; он не был уверен в своих

факультет. После смерти мужа у нее остались только средства скромные; у нее не было головы для бизнеса, не было таланта к вождению комната. Как можно было найти средства, чтобы отправить сына в университет, как начать его в жизни? Эти вопросы мучили ее. Она проводила ночи в ясном свете, спрашивая себя, что ей делать. Жизнь это пугало ее. У миссис Спэндрелл была детская способность к счастье, но она была также страшной и неумелой, как ребенок. Когда существование показало себя как праздник, никто не мог быть больше более счастлива, чем она; но когда были проекты, чтобы сделать, решения, которые нужно принять, бедное существо было абсолютно потеряно и полно страх. И, к верху зла, после того, как Морис пошел в школу, она он чувствовал себя одиноким. Мальчик оставался с мамой только на каникулах. Девять месяцы из двенадцати она провела их одна, и никто не мог дать твоя

любовь, никто, кроме твоего старого поденго. Наконец, даже это его не хватало-он заболел, бедное животное, и ему пришлось положить конец мучение. Вскоре после смерти Старого Фрица она встретила Итак, майор Нойл.

- Ты говоришь, что принес деньги? - спросил Морис, ломая долгое молчание.

Миссис Нойл покраснела: - да, она здесь. - Он открыл сумку. Прибыл время поговорить. Его долгом было увещевать его, и пачка клеток давала ему это право, эта власть. Но долг был ненавистным, и у нее не было желания использовать эту силу. Он поднял глаза и посмотрел на сына с видом попрошайничество. — Морис, - умоляла она, - почему ты не можешь быть разумным? Какая глупость, какая глупость!

Спандрелл поднял брови.

- Что за безумие? - спросил он, делая вид, что не знает, что если обрабатывать.

Смущенный тем, что он так вынужден указать свои смутные упреки, Миссис Нойл покраснела.

- Ты понимаешь, о чем я. Твой образ жизни. И плохо, это глупый. Какая диссипация, какое самоубийство! Кроме того, ты не счастлив; я хорошо увидеть.

— Тогда я даже не имею права быть несчастным, если это меня радует? - иронично спросил он.

- Но ты тоже хочешь сделать меня несчастной? - спросила она. - Потому что, если ты хочешь, ты можешь, Морис, ты можешь. Ты делаешь меня ужасно несчастный. -На его глазах раздались слезы. Искал в сумочке платок.

Спандрелл поднялся со стула и начал ходить по комнате туда-сюда.

- Ты не особо задумывался о моем счастье в прошлом…

Мать не ответила ему, но продолжала молча плакать.

- Когда ты вышла за этого мужчину, - продолжал он, - подумал ты

неужели в моем счастье?

- Ты же знаешь, что я думала, что это будет для твоего блага — - ответила она с прерывистым голосом. Я объяснял это много раз; я не мог начать все сначала. - Ты знаешь — - повторил он.

— Я просто знал, что я чувствовал и сказал в то время, - ответил Морис. - Ты меня не слушал, а теперь говоришь, что хочешь сделать меня счастливой…

- Но ты был так неразумен! - протестовала Миссис Нойл. Если я ты придумал причины…

- Причины, — неторопливо повторил Спандрелл. — Ожидать честно говоря, пятнадцатилетний мальчик рассказал своей матери причины почему вы не хотели, чтобы она делила свою кровать с незнакомцем?

Спандрелл подумал об этой книге, которая тайно распространялась среди мальчиков в его общежитии, в старшей школе. Отвращение и полный стыда, но неотразимо очарованный, он читал его ночью, в свете карманная электрическая лампа, под одеялом. Он назывался школой-интернатом девушки в Париже - довольно невинное название; но содержание было чистое порно. Сексуальное мастерство военных было возвышено в стиле пиндарик. Чуть позже мать пишет ему, говоря, что собирается выйти замуж с майором Ноилом…

- И бесполезно, мамочка, - произнес он вслух. - Не было бы лучше, чем поговорим о других вещах?

Миссис Нойл глубоко вздохнула и, наконец, с решительным воздухом она вытерла глаза и взяла платок в сумочку.

- Прости, - сказала она. - Это была моя глупость. Может быть, это лучше, чем я ухожу.

Втайне она надеялась, что парень протестует, попросит ее находиться. Но Спандрелл не сказал ни слова.

- Вот деньги… - добавила она.

Спандрелл взял сложенные банкноты и сунул их в карман халата.

- Мне жаль, что я был вынужден попросить вас об этом, - сказал он. - Я был в дыра… Я сделаю все возможное, чтобы не попасть в него.

Он смотрел на свою мать в мгновение ока, улыбаясь, и внезапно, через изношенная маска, она решила увидеть его таким, каким он был в детстве. Нежность, как нежная теплота, она растянулась по всему ее телу-нежная, но непреодолимый. Невозможно сдержать… Миссис Нойл положила руки на плечи сына.

- Пока, мой дорогой мальчик. — сказать.

Спандрелл узнал в голосе своей матери ту записку, которую она оставила когда я рассказывал ему о мертвом отце. Миссис Нойл наклонилась к поцелуй Мориса. Повернувшись лицом, он пассивно перенес, что губы ее лицо коснулось.

ГЛАВА XIV

Мисс. Фулькс вращал земной шар до тех пор, пока малиновый треугольник Индия стояла у них прямо перед глазами.

- Это Бомбей, - сказала она, указывая карандашом. - Пошел сюда и папа и мама взяли корабль. Бомбей-крупный город Индии — это продолжалось дидактически. - Все это Индия.

- Почему Индия воплощена? - спросил маленький Фил.

- Я же говорил. Посмотри, помнишь ли ты…

- Почему вы англичанка? - Фил, естественно, помнил; но-объяснение показалось ему недостаточным. Я надеялся на лучшее в тот раз.

- Вот оно… Ты хорошо видишь, что можешь помнить, когда ты прилагаешь усилия. — сказала Мисс. Фулькс, записывая этот маленький триумф.

- Но почему английские вещи воплощаются?

- Потому что воплощение-это цвет Англии. Смотри, вот маленькая Англия. - Он повернул земной шар. - Воплощенная тоже.

- Агент живет в Англии, да? - Фил выглянул в окно.

Газон с его веллингтонией, обрезанные вязы, казалось, смотрели на он тоже в возмездии.

- Да, мы более или менее живем здесь… - И Мисс. Fulkes текла подсказка карандаш в утробе Красного острова.

- Но там, где мы живем, он зеленый; он не воплощен.

Мисс. Фулкс пытался объяснить, как он это делал много раз, что это было точно карта.

В саду Миссис Бидлейк ходила среди своих цветов, срывая сорняки и медитация. Его трость была на одном конце. маленький зубчатый шельф; таким образом, она могла выполнять свою работу без нужно наклониться.

Злые травы на клумбах были молоды и хрупки; они уступали без борьба под давлением инструмента. Но одуванчики и подорожник

они были более грозными врагами. Корни первых были похожи на длинные стройные белые змеи. Когда миссис Бидлейк пыталась вырвав ее, она отчаянно держалась за землю.

Это был сезон тюльпанов. Герцог ван Толь и Кайзерс Крун “Прозерпина” и “Томас Мур” находились в значительном положении в все клумбы, глянцевые под светом. Они вибрировали томос на солнце, и их дрожь он заполнил все пространство. Глаза чувствовали эти пульсации в виде света.; фолианты тюльпанов поглощали или отражали гармоничные движения, создание красок ради любви к которым буржуа Харлема XVII века они с удовольствием избавлялись от своих накопленных гульденов. Тюльпан красные и желтые, белые и пятнистые, гладкие или пушистые-Миссис. Бидлейк счастливо смотрел на них. Они были похожи на этих веселых и ярких молодых людей., она подумала о фресках Пинтуриккьо в Сиене. Остановилась на мгновение. чтобы иметь возможность закрыть глаза и лучше сосредоточить свои мысли на Пинтуриккио. Миссис Бидлейк могла думать только по-настоящему серьезно, когда глаза были закрыты. Голова немного откинута назад., лицо к небу, веки белизны, закрытые от света, ах он продолжал вспоминать, смущенно думая. Pinturicchio, Сиена, огромный

торжественный собор. Вся Тоскана Средневековья шествовала перед ней, в запутанная и помпезная процессия… Она питалась Раскином. Ватт она написала ей портрет в детстве. Восстание против пре-рафаэлиты, г-жа Бидлейк была в восторге от импрессионистов в поначалу восхищение пробуждалось чувством кощунства.

За любовь к искусству она вышла замуж за Джона Бидлейка. Как мне нравились его картины, как он предполагал, когда автор сенокосов сделал его корте, который обожал этого человека. Художник был на двадцать лет старше ее; его репутация мужа была плохой; ее семья решительно выступала против на свадьбу. Это не заботило его. Джон Бидлейк был олицетворением искусства.

Его функция была священной, и благодаря этой функции он соответствовал расплывчатый, но пылкий идеализм девушки. Причины желания Джона Бидлейка вступать в брак еще раз было прозаично. Путешествуя по Провансу, он имел заболел брюшным тифом. (“Вот что происходит с теми, кто пьет воду”, раньше он говорил потом. “Хотел бы я остаться верным Бургундии и

коньяк!”) После месяца пребывания в больнице в Авиньоне он вернулся в Англия, выздоравливающая, худая и шатающаяся. Три недели спустя грипп, за которым последовала пневмония, снова привел его к воротам смерти. Бидлейк медленно восстановился. Доктор поздравил его с исцелением полный.

- Вы называете это исцелением? - проворчал Джон Бидлейк. - У меня есть впечатление, что три четверти моего существа мертвы и похоронены.

Привыкший чувствовать себя хорошо, он был в ужасе от болезни. Вообразил себя жить жалко, как одинокий инвалид. Брак будет для него облегчение. Решил жениться. Девушка должна была быть красивой — в этом даже не было необходимости сказать… Но это также не было бы непостоянным, преданным и домашним.

В Джанет Пастон он нашел все, что искал. У молодой женщины был лицо святого; это было серьезно почти в избытке - его поклонение Бидлейку было лестный. Если бы Джон Бидлейк остался в состоянии инвалидности, что он думал, что он обречен, брак мог бы быть счастливым. Преданность Джанет

компенсировала свою некомпетентность в качестве медсестры; слабость Бидлейка сделала бы ее незаменимой для его счастья. Но здоровье возобновилось. Через шесть месяцев после свадьбы Джон Бидлейк снова стал полностью то, что было раньше. И старое “Я” начало вести себя старый способ… Миссис Бидлейк нашла убежище от несчастья в бесконечная творческая медитация, которую даже ваши дети они вряд ли могли прервать это.

Это длилось четверть века. Она оказалась там посреди тюльпаны-высокая и внушительная леди пятидесяти лет, одетая в белый, с завесой, также белой, падающей с его шляпы, его глаза закрытые, думая о Пинтуриккьо и Средневековье, о прошедшем времени и проходит, и в Аллаха, который неподвижен к Вечному потоку.

Резкий лай высадил ее с высот ее вечности. Взял открыв глаза, неохотно, и посмотрел в фолиант. Крошечная пародия и шелковистый Дальневосточный монстр, его маленький пекинес лает для кухонного кота. Прыгая из стороны в сторону в томе да окружность окружности, радиус которой был пропорционален ужасу, это вдохновляло пятнистого кота, который злился и пыхтел-он лаял

истерически. Его хвост был как шлейф на ветру, его глаза они выпрыгивали из черной морды.

- Тан! - крикнула Миссис Бидлейк. - Тан! - Все ваши пекинесы, в течение последних тридцати лет они носили династические имена. Сначала Тан он процветал до рождения его детей. Снаружи с T’ang Во-вторых, она и Уолтер посетили умирающего Уэзерингтона. О кухонный кот фыркнул теперь к Тану третьему. В перерывах, маленькие Минги и сунги жили и впали в дряхлость и, следуя по пути из всех маленьких домашних животных они закончили свои дни в камере от удушья. - Здесь, Тан! Даже в той чрезвычайной ситуации Миссис Бидлейк имела осторожно произносить Апостроф. Или раньше я не ставил ни одного. будьте осторожны, когда произносите это; он произносил это из инстинкта культуры, потому что, то, что природа и образование сделали из этого, не могло просто не произносить слово без апострофа, даже перед угроза неприятностей.

Щенок все-таки подчинился. Кошка перестала фыркать, шерсть разглаживалась-его на спине и киска ушла, величественно.

Миссис Бидлейк продолжала его работа по садоводству и его расплывчатая и бесконечная медитация между цветок. Бог, Pinturicchio, одуванчики, вечность, небо, облака, венецианские примитивы, одуванчики…

Наверху, в учебном зале, урок закончился. По крайней мере это закончилось, когда дело дошло до маленького Фила, потому что теперь он был занимаясь тем, что мне больше всего нравилось в мире, рисуя. Мисс. Фулкс, это это дало процессу название “Искусство” или “образование”. Воображение”, и посвящал ему полчаса каждое утро с 12 до 12 с половиной. Но для маленького Фила это было просто забавой. Находиться сидя, сгорбившись над своей бумагой, с кончиком языка между зубы, лицо сконцентрировано и серьезно; рисование, рисование с своего рода вдохновенное насилие. Владея карандашом, который выглядел непропорционально большая ее маленькая брюнетка работала неутомимо. Линии детской композиции, в то же время жесткие и покачиваясь, они тянулись по бумаге.

Мисс. Фулкс сидел у подножия окна, глядя на

сад, полный солнца, но не видя его сознательно. Что она видела, Если думала за его глазами, в фантастической вселенной. Она видела себя-видела себя сама в этом очаровательном платье Lanvin, которое было воспроизведено в прошлом месяце в Vogue, с жемчугом, танцующим в Ciro’S — как это выглядело интересно (потому что она никогда не посещала Сиро) с Хаммерсмитом Palais de Danse, где вы когда-то были: “какая она красивая!“все говорили. Она я шел с шаткой походкой, как та актриса, которую я видел. в лондонском павильоне — как на самом деле ее звали? Сита. Fulkes протянул белую руку; это был молодой человек, Лорд Вонерш, который поцеловал ее. Лорд Вонерш, который был похож на Шелли, который жил, как Байрон, который владел половина Оксфорд-стрит, которая прибыла в Гаттенден в феврале прошлого года, со старым Мистером Бидлейком, который обращался к нему, возможно, дважды. А потом внезапно Мисс. Фулкс оказался верхом на лошади в Хайде Парк. А через две секунды он оказался на яхте в Средиземном море. Е потом в машине. Лорд Вонерш только что сел на его сторона, когда шум высокого лая Тан привел ее в я поражаюсь сознательной реальности газона, ярких тюльпанов, веллингтония и, с другой стороны, кабинет. Мисс. Фулкс чувствовал преступница, она пренебрегла мальчиком, который находился на ее попечении.

- Так, Фил, - спросила она, живо обращаясь к ученику, который это ты рисуешь?

- Мисс. Стоукс и Альберт тянут газон для стрижки.

- Машинка для стрижки травы поправила Мисс. Фулкс.

— Послушно повторил Фил машинка для стрижки травы.

- Ты никогда не можешь правильно сказать сложные слова. Газонокосилка стричь, Рара-пайос, порта-капель; это своего рода психический дефект, такой как мне кажется, что писать наизнанку. - Мисс. Фулкс прошел курс педагогическая психология. - Ты должен, ты действительно должен попытаться исправить это, Фил. — добавила она серьезно. После такого долгого отказа и вопиющий о своих обязанностях (в Ciro's, верхом на лошади, в лимузине с Лордом Мисс вонерш), Мисс вонерш (миссис вонерш). Fulkes чувствовал, что он выполнил его, чтобы показать себя особенно заботливая, заботливая с научной точки зрения; она была очень добросовестной девушкой. — Пойти попробовать? — настаивать.

- Пойду, Сита. Фулькс, - ответил малыш. У него не было ни малейшей деи что учительница попросила его сделать. Но если бы она ответила "Да", она бы тихий. Фил был поглощен в особенно трудном месте его чертеж.

Сита. Фулкс вздохнул и снова выглянул в окно. На этот раз она осознанно заметила, что видели ее глаза. Миссис. Бидлейк прогуливался среди тюльпанов, испепеленно одетый в белое, с белая вуаль свисала с его шляпы-это было похоже на призрак. прерафаэлитов. Время от времени он останавливался и смотрел на небо. Старое Мистер Стоукс, садовник, прошел мимо, неся грабли; фалрипы его белая борода сладко плыла на ветру. Деревенские часы бьют носок час. Сад, деревья, поля, холмы, покрытые лесом в расстояние всегда было одинаковым. Мисс. Фулкс внезапно почувствовал себя таким безнадежно грустно, что он мог почти разрыдаться.

- У машинок для стрижки газонов, я имею в виду, у машинок для стрижки газонов есть колеса? - спросил маленький Фил, поднимая глаза с морщинкой усилие и недоумение, чтобы согнуть его лоб. - Не помню…

— Иметь. Не… дай посмотреть… - Мисс. Фулкс тоже нахмурился.
— Не. У них есть ролики.

- Роллы! - крикнул Фил. - Это верно! - И снова напал на рисунок., яростно. Всегда одно и то же. Казалось, выхода нет, нет проспект Свободы. “Если бы у меня была тысяча фунтов”, - подумала Мисс Марвел. Фулкс, ” тысяча фунт. Тысяча фунтов.“Слова были волшебными. “Тысяча фунтов.”

- Готово! - воскликнул Фил. - Приходите посмотреть! - Протянул бумагу. Мисс. Фулкс поднялся и прошел через комнату, направляясь к столу.

- Какой красивый рисунок! - сказала она.

- Вот маленькие кусочки травы, которые летят, - объяснил Фил, указывая на облако точек и маленьких штрихов, которые появлялись в середине его рисунка. Он был особенно Уфан от своей травы.

- Я вижу… - сказала Мисс. Фулкс.

- И посмотрите, как сильно тянет Альберт! - Это было правдой; Альберт он отчаянно тянул. И старый Мистер Стоукс, узнаваемый по

четыре параллельных штриха карандаша, которые торчали из его подбородка, тянули так энергично, как Альберт, на другом конце машины.

Для ребенка его возраста у маленького Фила был глаз наблюдатель и странный талант воспроизводить на бумаге то, что он видел — конечно, не реалистично, а скорее с помощью выразительных символов. Альберт и Мистер Стоукс, несмотря на неуверенность в его скудных силуэтах, был жестоко живы.

- Левая нога Альберта выглядит смешно, не так ли? - сказала Мисс. Фулкс. - Довольно длинная, тонкая и… - Сдержался, вспоминая, что сказал старый Мистер Бидлейк. “Под предлогом нельзя учить маленького рисовать, в том смысле, что это слово есть в художественных школах. Под предлогом никакой. Я не хочу, чтобы они его испортили.”

Фил вырвал бумагу из руки Мисс Фил. Фулкс.

- Это неправда! - гневно воскликнул он. Его гордость была ранена. Он ненавидел критику, отказывался даже признавать себя в заблуждении.

- Может, и нет… - поспешила девушка замедлить его. — Может, я ошибся. - Фил снова улыбнулся. “Почему, черт возьми”, она подумала: “нельзя говорить ребенку, что она нарисовала ногу невероятно длинный, тонкий и шаткий? Я не понимаю…”

Но старый Мистер Бидлейк должен был знать. Человек с его позиции, с такой репутацией великого художника-она слышала, как его называют часто великий художник читал его в газетных статьях, даже в книгах. Мисс. Фулкс глубоко уважал Великих. Шекспир, Милтон, Микеланджело… Да, мистер Бидлейк, великий Джон Бидлейк, должен знать что он сказал. Она плохо говорила о левой ноге.

- Прошло уже полчаса после полудня, - продолжила Мисс. Fulkes живым и решительным голосом. - И пора ложиться спать. - Маленький Фил всегда лежал полчаса до перекуса.

- Нет! - Фил покачал головой, яростно нахмурился и сделал яростный жест со сжатыми кулаками.

- Да — - сказала Мисс. Фулькс спокойно. - И не делай этих лиц дурак. - По опыту знал, что малыш на самом деле не зол;

я просто делал демонстрацию, чтобы подтвердить свою личность. и в смутной надежде, возможно, запугать противника, таким же образом что китайские солдаты, говорят, надевают демонические маски и испускают ужасный рев, когда они приближаются к врагу, в надежде вдохновить-ужас их.

- Но почему? - 0 тон голоса Фила был уже намного спокойнее.

- Потому что должен.

Малыш послушно встал. Когда маска и крики они не могут произвести эффект, китайский солдат, если он здравомыслящий человек и если у него нет желания уходить раненым, он сдается…

- Я отодвину для тебя шторы — - сказала Мисс. Фулкс.

Они вместе шли по коридору, ведущему в комнату Фила. О

маленький снял обувь и лег. Мисс. Фулкс вытащил складки из cretone оранжевого цвета вдоль окон.

- Слишком темно, нет! - спросил Фил, следя за его движениями в богато окрашенная середина сумерек.

- Ты лучше отдыхаешь, когда темно.

- Но я боюсь.

- Какой! Ты совсем не боишься. Кроме того, это не совершенно темно. - Мисс. Фулкс подошел к двери.

- Мисс. Фулкс! - Она не ответила. - Мисс. Фулкс!

На пороге двери Мисс. Фулкс повернулся.

- Если ты продолжишь кричать, - сурово сказала она, - я буду очень сердитый. Ты понимаешь? - Он развернулся и ушел, закрыв за собой дверь. о вас.

- Мисс. Фулкс! - продолжал мальчик звать, но тихо, в ропот. - Мисс. Фулкс! Мисс. Фулкс! - Было ясно, что она ему не должна. слушать; потому что тогда я бы действительно рассердилась. В то же время Фил не я хотел подчиниться кротко, без протеста. Шепчущее имя гувернантка, бунтовала, утверждала свою личность, но не бегала никакой опасности.

Сидя в своей собственной комнате, Мисс бьютиен. Fulkes lia-чтобы вырастить дух. Книга была богатством народов. Адам Смит, Она знала, был Большой. Его книга была одной из тех, которые нужно было прочитать. Он содержал то, что было думал или говорил лучше. Семья Мисс. Фулкс был беден, но выращивать. Мы должны любить то, что выше, когда оно становится для нас встречать. Но когда то, что выше, принимает форму главы, которая он начинается: “как способность обмена уступает место разделению труда, таким образом, степень этого деления обязательно должна быть ограничена расширение этого колледжа или, другими словами, расширение рынок ” - так что трудно, на самом деле, любить его так же горячо, как надлежать.

“Когда рынок слишком мал, никто не может получить выгоду от того, полностью посвятить себя одному занятию из-за отсутствия возможности обменять весь избыток продукта вашей работы, на

само потребление такими-то частями продукта труда других мужчины, которые вам подходят для приобретения.”

Мисс. Fulkes прочитал предложение полностью; но прежде, чем он пришел к концу я уже забыл, о чем идет речь. Это началось снова. Из-за из-за отсутствия возможностей обменять все лишнее… “Я мог бы снять рукава моего коричневого платья, - подумала она, - потому что это было только под руки, которые он начал рвать; я могу носить его только как юбку, с пуловер.”)… продукт его работы на самом потреблении такими и такие части… (“Может быть, оранжевый пуловер.”) Сделал третью попытку, читая слова вслух. - “Когда рынок слишком мал…”- А взгляд на рынок крупного рогатого скота Оксфорда плыл перед его внутренними глазами,; это был очень большой рынок. — “…никто не находит пользы в том, решить…”- О чем это было? Мисс. Фулкс внезапно восстал против собственного избытка совести. Ненавидел “что было больше “высокий”, когда он встречался с ним. Поднявшись, положил на полку а Богатство народов. Это был ряд очень “возвышенных” книг; она их он назывался “мои сокровища”. Вордсворт, Лонгфелло и Теннисон, в кожаном переплете; с закругленными углами и с вашими названия готическими символами напоминали многие другие Библии. Сартор Resartus, а также эссе Эмерсона. Марко Ау ре Лио, в одном из таких

небольшие художественные издания из гибкой кожи, которые предлагаются на Рождество, и в отчаянии по причине, людям, для которых нет ничего более подходящего чтобы дать. История Маколея, Томаса Кемписа, Миссис Браунинг.

Сита. Фулкс не выбрал ни одного из них. Положил руку за этими тома, которые содержали то, что думали или говорили лучше всего, и удалили из его укрытия-копия “тайны изумрудов” Каслмейн. Лента отмечала место, где заканчивалось последнее чтение. А Мисс. Фулкс открыл книгу и прочитал: “Леди Китти включила свет и вошла внутрь. Крик от ужаса исходило из ее уст, внезапная слабость чуть не одолела ее. Узел в середине комнаты лежало тело человека, безупречно одетого в вечерний костюм. Лицо было почти неузнаваемо изуродовано; был один красный мясник на груди белой рубашки. Богатый восточный ковер был мрачно мокрый от крови…“Мисс. Фулкс продолжал читать, с жадность. Чудовищный гонг заставил ее испугаться из мира изумруды и убийства. Он поднялся на Пинчо.

“Я должен быть осторожен со временем”, - подумал он с чувством виновность. “Мы опоздаем.“Принимая поставить тайну Изумруды Каслмейна на своем месте, далеко позади того, что было подумав и сказав, что лучше, он поспешно направился из комнаты сон мальчика. Нужно было все еще мыть и расчесывать маленького Фила.

Не было никакого ветра, кроме ветра, создаваемого самой скоростью с корабля; и это было похоже на дыхание, выходящее из машинного отделения. Простирать на своих стульях Филипп и Элинор наблюдали за постепенным уменьшением роста, на фоне неба, с зазубренного острова голой скалы. С верхней палубы виноградник кольцо людей, которые играли в шаффлборд^ 1 ^. Прогулка по принцип или чтобы получить аппетит, попутчики проходили мимо и они проходили с предсказуемой регулярностью комет.

- Как эти люди делают упражнения! - жаловался Элинор в тон, который положительно предал обиду; глядя на это, он давал-

тепло ему. Даже в Красном море…

- Это объясняет Британскую империю, - сказал муж.

Была тишина. Загорелые до такой степени, что выглядят смуглыми или Алые, мальчики, которые наслаждались отпуском, смеялись, в пропорции по четыре на каждую девушку. Ветераны Востока, высушенные солнцем и как которые хранились в карри, они бродили с одной стороны на другую, имея на губах резкие слова, касающиеся реформ и стоимости жизни в Индии. Две миссионерки проходили мимо, в тишине, редко прерывистый. Французские глобус-рысаки, чтобы отреагировать на атмосферу угнетающе имперские, они говорили очень громко. Индийские студенты они шлепали друг друга по спине, как это делали дружки театральные пьесы времен тети Карлитоса; сленг, на котором они говорили, выглядел бы так не в моде даже в начальной школе. Время шло; остров он исчез; воздух стал, если возможно, теплее.

- Я расстроена из-за Уолтера, - сказала Элинор, которая была размышляя о содержании последней партии писем, которые он получил мало перед отъездом из Бомбея.

- Он идиот, - ответил Филипп. - После того, как вы совершили ошибку с этой женщиной Карлинг, у меня должен был быть здравый смысл, чтобы не начинать. еще один с Люси.

- Понятно, что надо, - раздраженно сказала Элинор. - Но дело в том, что у мальчика не было такого здравого смысла. Теперь речь идет о лекарстве.

— То… не стоит думать об этом за 5000 миль.

- Боюсь, он бросится и оставит бедную Майджори брошенной. Е с ребенком в пути, в довершение всего… Она скучная женщина. Но не следует позволять Уолтеру обращаться с ней таким образом.

- Да — - согласился Филипп. Была пауза. Редкое шествие любители упражнений продолжали проходить. - Я думал — он продолжал медитативно-что этот случай даст отличный предмет для мыльной оперы…

- Какое дело?

- Уолтера.

- Ты собираешься использовать бедного парня в качестве модели? - Элинор я была возмущена. - Нет, правда, я бы этого не признала. Было бы то же самое что сажать деревья над могилой своей; или, по крайней мере, над своей сердце.

- Но ясно, что я этого не сделаю! - возразил Филипп.

- Maisje vous assure — - кричала одна из француженок таким громким голосом, что Филиппу пришлось отказаться от попытки продолжить-aux Galeries Lafayette les camisoles enflanelle pour enfant ne coutent que..[4 2 J

- Camisoles en flanelle, - повторил Филипп. - Черт!

- А если серьезно, Фил…

- Но, моя дорогая, я никогда не собирался использовать что-либо еще, кроме ситуация. Мальчик, который пытается заставить свою жизнь рифмоваться со своими книгами идеалисты, которые считают, что чувствуют великую духовную любовь, чтобы обнаружить в в конце концов, кто был привязан к скучному

человеку, которого он не любит абсолютно.

Бедный Майджори! Но почему она не приносит лицо лучше пыльный? И те такие художественные ожерелья и серьги, которые она носит всегда…

— И что он опрокидывается, как палка для боулинга, - продолжил Филипп, - просто вид русалки. И ситуация, которая соблазняет меня. Не люди. В конце бусы, есть много других очаровательных парней, кроме Уолтера. И Майджори это не единственное скучное существо. И Люси не единственная пожиратель люди.

- Ну, если это только ситуация… - неохотно согласилась Элинор.

— Кроме того, — продолжил он, - история не была написана и вероятно, никогда не будет. Поэтому нет причин для тревоги, я могу заверить тебя.

— Прекрасно. Я больше ничего не скажу, пока не увижу книгу.

Была еще одна пауза.

— …чудесный сезон в Гулмерге прошлым летом-был рассказывая юную леди своим четырем заботливым джентльменам. - Был гольф и ТАНЦЫ каждую ночь, И…

— В любом случае, - снова начал Филип в медитативном тоне — ситуация будет своего рода…

- Maisje lui ai dit, les hommes sont comme ca. Une jeune filie bien elevee doit..J-43]

— …своего рода предлог, — сказал Филипп изо всех сил. - Это даже если они пытаются говорить внутри клетки попугаев, в зоопарке — добавил, в скобках раздражения. - Своего рода предлог, как я говорил, для нового взгляда на вещи, с которыми я хочу попробовать эксперимент.

- Я хотел, прежде чем ты начал смотреть на меня с новой путь, - сказала Элинор с коротким смехом. - Новая и более человечная.

- А если серьезно, Элинор…

- Серьезно, - подшучивала она. - Быть человеком несерьезно. Это просто серьезно быть умный.

- Ну, - сказал Филипп, пожимая плечами, - если не хочешь Слушай, я молчу.

- Нет, нет, Фил. Пожалуйста. - Элинор положила руки на руки мужа. - Пожалуйста!

- Я не хочу тебя бить… - Он был раздражен и полон достоинства.

- Прости, Фил. Но ты становишься таким смешным, когда грустишь больше, чем как сердито… Помнишь этих верблюдов в Биканере? Какое выражение необычайно превосходно! Но… продолжай!

- В этом году, - говорила одна из миссионерок другой, проходя обе мимо рядом с парой-епископ Куала-Лумпура рукоположил шесть китайских Дьяконов и два малайца. И епископ британского Северного Бомео… - Спокойные голоса они улетучились в незаметном.

Филипп забыл о своем достоинстве и рассмеялся.

- Я уверен, что заказал несколько орангутанов…

- Но разве ты не помнишь жену епископа с острова четверг? — - спросила Элинор. - Женщина, которую мы нашли на этом ужасном корабле. австралиец полон тараканов…

- Та, которая com соленые огурцы на завтрак?

- И соленья из лука, в довершение всего, - нуждалась она с одним содрогание. - А как же твой новый взгляд на вещи? Мне кажется, что мы уже отошли от хорошей части темы.

- Ну, по правде говоря, - сказал Филипп, - мы не уходим… Все эти камзолы en flanelle и маринованные Луки и епископы островов каннибалисты даже очень пригодятся. Потому что суть нового способа смотреть на вещи-это множественность. Множественность глаз и множество видимых аспектов. Например, человек интерпретирует события в зависимости от епископов; другие - в зависимости от цены Фланелевые свитера; другой, как эта молодая леди из Гулмерга-в этом точка Филипп указал головой на исчезающую группу — в зависимости от потеха. А еще есть биолог, химик, физик, историк. Каждый профессионально видит разные аспекты происходящего, другой слой реальности. То, что я

хочу сделать, это посмотреть со всеми эти глаза одновременно. С религиозными глазами, научными глазами, глазами экономические, глаза homme moyen sensuel.Sˆ

- Любящие глаза тоже…

Филипп улыбнулся женщине и погладил ее по руке.

- 0 результат… — колебаться.

- Да, каков будет результат?

— Странный. На самом деле очень странная картина.

- Немного странно, на мой взгляд…

- Но это не может быть слишком странно, - сказал Филипп. - Для большего странно, что эта картина никогда не сможет быть такой уникальной, как оригинальная реальность. Мы принимаем все вещи как естественные; но в в тот момент, когда мы начинаем думать, они становятся странными. И сколько чем больше мы думаем, тем страннее они становятся. И то, что я хочу положить в свой книга, удивительное, потрясающее качество самых очевидных вещей. Чтобы говорить правда, любое действие, любая ситуация подойдет. Потому что все подразумевается во всем. Вся книга могла быть написана о прогулке Площадь Пикадилли-Чаринг-Кросс. Или ты и я сидим здесь, на

огромный корабль, плывущий по водам Красного моря. На самом деле, ничто не могло быть более уникальным, чем это. Когда мы размышляем о процессах эволюция, о терпении и о человеческом гении, об организации соцсети, обо всем, что было возможно для нас, чтобы быть здесь, и кочегары которые подвергаются атаке апоплексии в нашу пользу, и турбины пара, которые делают 5000 оборотов в минуту, и море, которое синее, и светящиеся лучи, которые не обходят препятствия, чтобы была тень, и солнце, которое дает нам все время энергия, чтобы жить и думать; когда мы думаем обо всем этом и миллионе других вещей, мы приходим к вывод, что ничто не может быть более странным и что нет описания, как бы странно это ни было, быть в состоянии отдать должное фактам.

— Несмотря ни на что, - сказала Элинор после долгого молчания, - я я хотел бы, чтобы однажды ты написал простую и откровенную

историю о мальчик и девушка, которые любили друг друга, женились, нашли трудности, но они преодолели их и, наконец, стали жить спокойно.

- А почему не криминальная мыльная опера? - Филип засмеялся. Но если бы я не писал эта литература, подумал он, может быть, потому, что он не мог. В искусстве есть более сложные упрощения, чем более сжатые осложнения. Он он мог управлять осложнениями так же хорошо, как и любой другой. Но когда он пришел к простоте, ему не хватало таланта; тот талант, который принадлежит сердце, не меньше, чем мозг, чувства, симпатии, интуиция, не меньше, чем аналитическое понимание. Сердце, сердце, он сказал о вас самому себе. “Неужели вы не понимаете ни понимаешь? У тебя все еще ожесточенное сердце?“Без сердца нет понимание.

— …ужасный флирт! - крикнул один из четырех джентльменов, когда группа повернула за угол, оставаясь на расстоянии слышимости.

- Нет! — с негодованием возразила молодая женщина.

- Да! - кричали все вместе. Это был двор, сделанный в хоре и под форма детенышей для аммофина.

- И ложь! - Но в его голосе было очень хорошо видно, что лестное обвинение радовало ее.

“Как собаки”, - подумал Филипп. Но сердце, сердце… 0 сердце было а

специальность Бурлапа. “Ты никогда не напишешь хорошую книгу, - сказал он . он оракулярно, ” если только эта книга не исходит от его сердца.”

Это было правдой, Филипп знал это. Но будет ли Бурлап человеком, назначенным на сказать это? - Бурлап, чьи книги исходили так от всего сердца, что похоже, они вышли из желудка, после рвоты. Если бы он посвятил себя большие простоты, результаты были бы не менее отталкивающими. Лучше он будет выращивать свой собственный сад во всей его полноте. Лучше было бы оставаться строгим и преданным самому себе. Сам? Но это вопрос идентичности был именно одной из хронических проблем Филип. Теоретически, с его умом ему было так легко

быть почти любой! Филипп обладал такой способностью к ассимиляции, что часто опасность больше не отличать ассимилятора от ассимилированного, не знать, среди множества его ролей, какой был актер. Амеба, когда вы думаете добыча, охватывает ее своей субстанцией, включает ее и продолжает скользить. В духе Филиппа Куорлза было что-то амебное. Это было похоже на море духовная протоплазма, способная течь во всех направлениях, поглощать все предметы, которые попадаются ему на пути, проникают во всех отверстия, заполнение всех форм и, после поглощения, заполнение — продолжать течь к другим препятствиям, другим сосудам, оставляя первые пустые и сухие. В разных случаях своей жизни, и даже одновременно он заполнил самые разнообразные формы. Филипп имел был циничным, а также мистическим, гуманитарным, а также полным мизантропом из презрения; он стремился жить жизнью отстраненного и стоического разума, и в другой раз он стремился к отсутствию разума естественного существования и нецивилизованно. Выбор формы зависел от времени, от книг, которые ха, от людей, с которыми у меня были отношения. Бурлап, например, взял направьте поток своего духа в те мистические каналы, которые он не энчера с тех пор, как он открыл Беме, во времена его студент. После того, как Фил ясно понял Burlap и его дух был он ушел, будучи всегда готовым, но в любой момент вернуться назад, пока обстоятельства, казалось, требовали этого. В этот момент он снова напрягался в форме сердца. Где это было я, которому он мог быть предан?

Миссионерки прошли в тишине. Глядя через плечо

Элинор, Фил увидел, что она читает тысячу и одну ночь, в переводе Мардрус. Метафизические основы Moderna Science, Бертт, они были на коленях; Фил взял книгу и начал искать страница, где вы остановились. “Или не было ли я?“подумал он. Не, нет, это было несостоятельно, это противоречило непосредственному опыту. Он посмотрел через верхний край книги на огромную синюю вспышку море. Существенный характер ” я ” заключался именно в этой повсеместности жидкие и недеформируемые; в этой способности вступать во все контуры и не быть, однако, фиксированным в какой-либо форме; получать впечатления и так же легко удалить их. Ко всем тем формам, которые ваш дух я мог бы время от времени занимать все эти тяжелые препятствия и они горят, что их дух может обойти, погрузить, проникая в них. сердце пылает и остается холодным-ко

всем этим слепкам Филипп не был обязан постоянной верности. Просто они были опустошены. так же легко, как они были заполнены; препятствия были обойти. Но необходимая жидкость, которая стекала туда, куда я хотел, холодный поток и равнодушный к интеллектуальному любопытству-тот упорствовал, и Ему Филипп был обязан лояльность. Если бы существовал простой образ жизни, в который он мог бы верить. прочный способ, это была бы смесь пирронизма и стоицизма, это произвело на него впечатление, просто любопытная школьница в середине философы, быть вершиной человеческой мудрости; и внутри этой формы скептическое безразличие он пролил свою юность без страсти. Филипп Куорлз много раз восстал против пирронского отстранения суда и против стоической невозмутимости. Но было ли это когда-нибудь действительно серьезный такой бунт? Паскаль сделал его католиком, но только во время время, когда объем мыслей оставался открытым перед лицом его глаза. Были времена, когда в компании Карлайла Уитмена или от энергичного Браунинга он верил в пыл любви к пылу. Затем пришел Марк Рэмпион. После нескольких часов, проведенных в компания Марка Рэмпиона, Филипп действительно верил в дикость благородный; убежден, что гордо сознательный интеллект должен немного смириться и признаться в претензиях сердца-да и от кишечник, почки, косточки — кожа и мышцы-одна часть разумной жизни. Сердце снова! Бурлап был прав, хотя и не

это был шарлатан, что-то вроде мошенника. эмоция. Сердце! Но какой бы ни была его процедура, Фил знал прекрасно, в тайных глубинах своего существа, которое не было католик, ни сторонник пылкой жизни, ни мистик, ни благородный дикарь. Е хотя иногда с ностальгией хотелось бы быть тем или иным, или все они в свое время, я всегда чувствовал себя втайне радостным, что я не ни то, ни другое, и потому, что он свободен, даже если бы эта свобода была, так странно и парадоксально, препятствие и предел вашему духу.

- Твоя простая история не подойдет. - сказал он вслух. Элинор он поднял глаза на тысячу и одну ночь.

- Какая простая история?

- Та, которую ты хотел, чтобы я написал.

- Ах! Тот… - Элинор засмеялась. - Ты долго медитировал на нее.

- Она не дала бы мне возможности, которую я ищу, - объяснил Фил. — Он должен быть твердым и глубоким. В то время как я широкий; широкий и жидкость. Это не было бы моим полом.

— Я мог бы сказать тебе это в первый день, когда я встретил тебя, сказал Элинор. - И вернулся в Шахерезаду.

“Несмотря на это, - думал Филип, - Марк Рэмпион прав. На деле также; что занимает гораздо более впечатляющую вещь. В своем искусстве и в его жизнь, а также его теории. Это не похоже на Бурлап.“Думал с разбитое сердце в рвотных справочных статьях литературного мира. Они выглядели как духовное пересечение Ла-Манша… И вскоре одна из этих грязных жизней, вязкий. Но Рэмпион был доказательством его собственных теорий. “Если бы я мог захватить что-то из вашего секрета!- Внутренне вздохнул Фил. “Я скоро увижу тебя чтобы добраться до дома.”

ГЛАВА XV

В течение нескольких недель после их финальной сцены Уолтер и Мейджори они жили в состоянии исключительных и неприятно ложных отношений. Они были очень полны внимания друг к другу, очень и каждый раз, когда они встречались наедине, они долго отточенные разговоры и отсутствие близости. Имя Люси Тантамаунт он никогда не произносился и не упоминался об отсутствии Уолтер, которые повторялись почти каждую ночь. Был молчаливое соглашение для притворяться, что ничего не произошло, и что все идет наилучшим образом. в лучшем из всех возможных миров.

При первом приступе холеры Maijorie действительно началось собираю вещи. Я бы ушел без промедления в ту же ночь, прежде чем он вернется. Я должен показать ему, что есть предел безобразиям и оскорблениям. что она всегда делала. Приходя домой, возвращаясь к аромату этого женщина! Это было позорно. Уолтер, казалось, воображал, что она ужасно влюблена в него и так сильно зависела от него с материальной точки зрения, что можно было бы продолжать оскорблять ее, не опасаясь ее спровоцировать откровенный бунт.

Я сделал плохо, если не сказал раньше. Я не должен был уходить. тронут своей тоской в предыдущую ночь. Но лучше поздно, чем

никогда. Этот раз будет окончательным. Я должен был подумать о своей любви к себе. Вынул складские сумки и начал наполнять их своими вещами.

Но куда это пойдет? Что бы вы сделали? На чем он будет жить? Эти вопросы, если они сформулировали это с настойчивостью, которая росла с минуты на минуту. О единственным родственником, который у него был, была замужняя сестра, бедная женщина, муж которой он не одобрял поведение Майджори. Мисс. У Коула была ссора с ней. Не было других подруг, которые хотели бы или могли бы ей помочь. Майджори не училась ни ремеслу, ни особым дарам. Сверх из этого я должен был родить ребенка; я бы никогда не нашел работу. И в конце бусы, несмотря ни на что, я очень любила Уолтера, любила его, нет. я знал, как я могу жить без него. И Уолтер любил ее, все еще любил ее. немного, я была уверена в этом. И, возможно, это безумие рассеялось само собой.

или, может быть, ей удалось вернуть его к себе, постепенно. Е в любом случае лучше не действовать опрометчиво. В конце концов он опустел сумки снова и тащить их обратно в хранилище. Назавтра он начал разыгрывать свою комедию притворства и невежества. намеренно ложно.

Со своей стороны, Уолтер не хотел играть роль, которая ему подходила в комедия. Ничего не сказать, вести себя так, как будто ничего особенного не произошло — это это ему идеально подходило. Испарение его холеры, умиротворение от желания они уменьшили его, от мгновенного состояния силы и жестокость, к ее нормальному состоянию мягкой и замученной застенчивости угрызения совести. Усталость тела оказала успокаивающее действие на волокна дух. Уолтер вернулся из дома Люси, чувствуя себя преступником, чувствуя, что сделал большую травму Майджори и в страхе ждал сцены, которая это, конечно, нужно было сделать. Но Майджори спала, когда он он пробрался в свою комнату. Спал или, по крайней мере, притворялся спать; не позвал его. И на следующий день не было ничего, кроме приветствий более чем обычно вежливы и полны формальностей, которые Уолтер с подозрением относился к ее раздражению. Полный огромного облегчения, он ответил взаимностью эта тишина предчувствует тишину, и эта вежливо тривиальная вежливость с вежливостью, которая в вашем случае была более чем просто формальной, потому что это исходило от

его сердца, потому что это была искренняя попытка (так это была его совесть) о том, чтобы оказать ему услугу, сделать заботливые и нежные возмещения за прошлые проступки, попрошайничество заранее прощение за преступления, которые он не имел намерения не совершать в будущем.

Для него было большим облегчением тот факт, что взрывов не было, reproches, только отполированное молчание тех, кто притворяется, что игнорирует… Но дни они проходили мимо, и Уолтер каждый раз находил эти отношения ложными более мучительно. Комедия поражала его нервы. Тишина была обвинение. Он становился все более отполированным, заботливым, ласковым; но, хотя она искренне любила Майджори, хотя искренне желала сделать ее счастливой, каждый вечер она навещала Люси. искренняя привязанность к Майджори аспект лжи и заботы правда по отношению к ней вид лицемерия, даже по отношению к себе-это

пока он упорствовал в том, чтобы делать, в промежутках между его добротой, именно те вещи, которые он знал, должны были сделать ее несчастной.

“Но если бы только”, - говорил он о себе, с его гневом беспомощный и полный жалоб, ” если бы только она согласилась на то, что я я могу дать ему и перестать мучить себя тем, чего не могу”. Потому что это было несмотря на комедию молчания и вежливости, очевидно, что она была мучить. Его худого и болезненного лица было достаточно, чтобы опровергнуть изученное безразличие своего отношения. “То, что я могу вам дать, уже столько… И то, что я не могу, так неважно. По крайней мере, для нее”, добавил; Потому что он не собирался отменять обязательство без это было важно для Люси той ночью.

Едва окончание удовольствия, вскоре презираемое; С ищущей душой, только одержимой., С той же ненавистной душой.

Литература, как обычно, вела его по плохому пути. Далекий от того, чтобы заставить его ненавидеть и презирать, владение и наслаждение заставляли его только жаждать возобновление этого владения и этого наслаждения. Правда, он всегда чувствовал

немного стыдно за это беспокойство. Я хотел, чтобы она оправдалась. для чего — то более высокого-для любви. “В конце концов”, - утверждал он он: “нет ничего невозможного или неестественного в том, чтобы любить двоих женщины одновременно. Искренне любить.“Уолтер сопровождал его пылы со всей нежной и очаровательной нежностью его природы немного слабая и еще подростковая.

Он относился к Люси не как к суровому и безжалостному охотнику за удовольствиями, который так он ясно узнал в ней, прежде чем взять ее любовника — Но да как чувствительное и в идеале милостивое существо, которому следует поклоняться одновременно время, которое желательно, своего рода сочетание ребенка, матери и любовника; существо, которое мы должны защитить математически и от которого мы должны получить материнская защита; существо, которое в то же время мы должны любить с мужеством и-почему бы и нет? - фаунеско.

Чувственность и чувство, желание и нежность так часто друзья как враги. Есть люди, которые, едва они просто кончают, презирают то, чем наслаждались. Но есть и другие, в которых я наслаждаюсь это связано с добротой и привязанностью. У Уолтера желание оправдать его тревоги о любви, это было просто, в конечном счете, выражение строго мораль его естественной склонности ассоциировать акт наслаждения сексуальный с чувством нежности в то же время рыцарски защитный и по-детски униженный. В нем чувственность производила нежность; и наоборот, там, где не было чувственности, нежность не развивалась.. Его отношения с Майджори были чрезмерно бесполыми и платоническими для быть полностью тематическими. Нежность может жить только в атмосфере нежность. Как жесткий и яростно циничный сенсуалист, который Уолтер она победила Люси. Но как только он вступает в действие, его чувственность сентиментально. Уолтер, у которого на руках была голая Люси, был другим Уолтера, который просто хотел это сделать; и этот Новый Уолтер имел нужно, в простом инстинкте сохранения, верить, что Люси, под влиянием ее ласк она чувствовала себя не менее проникнутой нежностью чем он. Продолжать верить, как верил старый Уолтер., что она была жесткой, эгоистичной, неспособной к ласковому чувству — это имело бы убила нежную нежность нового Уолтера. Для него было важно поверить в это тема. Он сделал все, что мог, чтобы обмануть себя. Каждый момент вялости и отказ был истолкован

им как симптом интимное смягчение, доверие, капитуляция. Каждое слово любви - а Люси, следуя моде, была блудной со своими “дорогими” и “ангелами” и “любимый”, очень либеральный в выражениях восхищения или похвалы-эра получено и сохранено, как слово, которое пришло прямо из глубин. сердечный. Эти намеки на воображаемое смягчение и тепло сентиментальный он отвечал взаимностью с удвоением, полным благодарности от его его собственная нежность; и эта удвоенная нежность стала вдвойне желанной найти в Люси соответствующую нежность. Любовь породила желание быть любимым. Желание быть любимым породило ненадежную веру и тревожно, что его любят. Вера в то, что его бросили, укрепила его любовь. И вот как весь круговой процесс усилился сам по себе, и это начиналось заново. Люси была тронута обожающей нежностью Уолтера,

тронут и удивлен. Она приняла его как любовника, потому что была скучно, потому что его губы были мягкими, потому что его руки знали, ласкать и потому что в последний момент она чувствовала себя веселой и восхитительной его внезапное обращение из смирения в завоевательную дерзость. Что странная ночь прошла! Уолтер сидит перед ней во время ужин с таким резким выражением лица, как будто он ужасно уменьшился и имел желание размолоть собственные зубы; но показывая-если очень весело, рассказывая самые озорные истории этой жизни уважение всех, порождая историческую информацию больше фантастические и самые гротескные, самые удивительные цитаты стариков книга…

Когда обед закончился, Уолтер сказал: “Давай вернемся к тебе домой.” — Но Люси хотела пойти посмотреть номер Нелли Уоллес в Victoria Palace, а затем войти в посольство, чтобы перекусить и немного потанцевать; далее будет искать, возможно, Катберт Аркрайт, в надежде, что… Не то чтобы она было ли у него какое-то истинное и активное желание пойти в мюзик-холл или потанцевать, или слушая разговор Катберта. Я просто хотел настроить свою волю. против Уолтера.

Я просто хотел доминировать, быть командиром и заставлять его делать то, что она я хотел, а не то, что он хотел. Но Уолтер не позволил себе поколебаться. Не сказал слово, просто улыбнулся. И когда такси остановилось у двери ресторана,, он дал адрес Брутон-стрит.

- Но это насилие! - она возразила.

Уолтер рассмеялся.

- Пока нет. Но так и будет.

И это было почти так же, в сером и розовом салоне. Люси дразнили, для подчиняться им — все насилие чувственности. Но чего она не делает я надеялся спровоцировать это была страстная и полная обожания нежность, которая за этим последовало первое насилие. Жесткое выражение холеры исчезло с лица Уолтера, и это было похоже на защитную кирасу, которая была для него вырывается, оставляя его голым, в беззаботной и уязвимой наготе любви и поклонение. Его ласки были как средство от боли или ужаса, как умиротворение холеры, как нежное умилостивление. Потеть

слова иногда были похожи на фрагменты прошептанных молитв Богу, в других случаях слова утешения пробормотали больному ребенку. Люси она была удивлена, тронута, почти смущена этой страстью, сделанной нежности.

- Нет, я не такая, я не такая, — возразила она в ответ на бормотание поклонения Уолтера. Не мог принять такую любовь с притворство.

Но его мягкие губы, скользящие по его коже, концы его пальцы, которые слегка касались ее, успокаивали, и гладили ее, пока не привели к чувство нежности, они волшебным образом превращали ее в объект. я боюсь, любящий и теплый ее поклонение, они заряжали ее электрически все те качества, которые ему приписывали его ропоты и чьи владение она отрицала.

Люси прижала голову любовника к груди, провела пальцами между его волосами:

- Мой дорогой Уолтер, — прошептал он, - дорогой Уолтер. - Был один долгая тишина, МоМА и тихое счастье. А потом внезапно, вместе с тем, почему это безмолвное счастье было таким глубоким, таким и, следовательно, в глазах Люси было что-то по своей сути абсурдный и даже опасный в своей безличности идеально, немного угрожающе для вашей сознательной воли-она спросить:

- Ты Спал, Уолтер? - И вывихнул ему ухо.

В последующие дни Уолтер отчаянно делал все возможное, чтобы приписывать ему эмоции, которые он испытывал сам. Но Люси не это облегчало задачу. Я не хотел чувствовать эту глубокую нежность, которая капитуляция воли, разрушение личных барьеров. Люси хотела быть ею то же самое, Люси Тантамаунт, абсолютное доминирование в ситуации, которой было весело сознательно до крайности, наслаждаясь своим наслаждением без никакого созерцания, свободного, не только финансово и юридически, но также эмоционально-эмоционально свободен от принятия Уолтера или нет возьмите его. От того, чтобы бросить его, как я взял его, в любое время., когда это лучше всего показалось вам. У меня не было желания капитулировать. И это

нежность его-ора! это было трогательно, не было сомнений, лестно и довольно очаровательная сама по себе, но несколько абсурдная и в своем требовании беспокойная переписка с вашей стороны, по-настоящему привередливая. Люси позволяла себе немного уйти на путь оставления под ласками мальчик, он позволил себе пропитать немного своей нежности, только на потом увернуться внезапно, в жгучем и провокационном отрыве. Е Уолтер просыпался от своей мечты о любви и падал в реальность того, что Люси называла это “удовольствием” в холодном свете сознательно острой чувственности и явно преднамеренно. Она оставляла его без оправдания, без паллиатива для ваше чувство вины.

- Ты любишь меня? -Уолтер спросил его однажды ночью. Я знал, что она не любить. Но я извращенно хотел получить это подтвержденное знание о явный способ.

- Я думаю, ты милый, - сказала Люси. Улыбнулся ему. Но глаза Уолтера оставались мрачными и отчаянными.

- Но ты любишь меня? — настаивать. Опираясь на локти, он склонился над она почти угрожающе. Люси лежала на спине, с руками сплетенные за головой, плоские груди, поднятые тягой растянутые мышцы.

Уолтер опустил на нее взгляд; под его пальцами была упругая теплота и изгиб тела, которым он обладал таким абсолютным образом и дополнять. Но хозяйка этого тела улыбалась ему сквозь

веки полукруглый, далекий и недостижимый.

- Ты любишь меня?

- Ты очаровательна. - Между ее темными ресницами что-то сверкало это было похоже на издевательство.

- Но это не ответ на мой вопрос. Ты любишь меня?

Люси пожала плечами и поморщилась.

- Любить? - повторила она. - И довольно торжественное слово, не правда ли? — Освободив одну руку от затылка, Люси немного приподняла ее, чтобы стучать в прядь каштановых волос, которые упали на лоб Уолтер. - У тебя слишком длинные волосы.

- Тогда почему ты взял меня? - настоял Уолтер.

- Если бы ты знал, как смешно ты выглядишь с этим торжественным лицом и этими волосами, глаза! - Люси засмеялась. Ты похож на овчарку с запором. Уолтер подтянул упавшую прядь.

- Я хочу получить ответ — - упорно продолжал он. - Почему я ты согласилась?

- Почему? Потому что это весело. Потому что я хотел. Это не мотивы достаточно очевидны?

- Не любя меня?

- Почему ты всегда приходишь с любовью? - нетерпеливо спросила она.

- Почему? - повторил Уолтер. - Но как ты можешь оставить его в стороне?

- Но если я смогу получить то, что хочу, без него, в обмен на то, что я его запихну. в бизнесе? И, более того, мы его не вставляем. Любовь случается с нами. Как редко! Или, может быть, этого никогда не произойдет; я не знаю. В любом случае, что делать в перерывах? - Он снова держал Уолтера за прядь волос и прижал его лицо к твоему. - В перерывах, Уолтер, дорогой, я тебя у меня есть ты…

Aboca мальчика был в нескольких дюймах от Люси. Он ожесточился шея и не подвинулась ближе.

- Не говоря уже о других… - намекнул Уолтер.

Люси сильнее дернула его за волосы.

- Идиот! - сказал, нахмурив брови. - Ты должен быть благодарен за то, что ты получил.

- Но что я получил? - Ее тело сгорбилось, шелковистое и тепло, под его рукой; но Уолтер смотрел в глаза издевательства над любовницей. - Что я получил?

Люси продолжала с морщинистым лбом.

- Почему бы тебе не поцеловать меня? - спросила она, как будто поставив ультиматум. Уолтер не ответил, не двинулся с места. — Ибо очень хорошо. - Люси толкнула его. - если ты можешь принять такое отношение, я я тоже могу. - Оттолкнувшись, Уолтер нетерпеливо наклонился, чтобы поцеловать ее. А

голос Люси сильно пострадал от угрозы; он бился в ужасе от того, что-Лос-Анджелес Пердидо. - Я идиот!

- Да. - Люси повернулась к нему лицом.

— Простить.

Но она не хотела мириться.

- Нет, нет, - сказал он. И когда, с одной рукой под ее лицом,, Уолтер стремился вернуть ей лицо для ее поцелуев, Люси сделала резкое, свирепое движение и укусило его за кончик большого пальца. Полный ненависти и от желания он овладел ею силой.

- Все еще беспокоитесь о любви? - спросила Люси, в конце концов, ломая тишина того томного выздоровления, которое следует за лихорадкой желаний удовлетворенный.

Неохотно, почти от боли Уолтер собрал силы, чтобы ответить. А вопрос Люси, в этой глубокой тишине, был похож на воспаление спичкой в темноте ночи. Ночь безгранична, огромна, усеяна. звезд.

Царапается фосфор, и все звезды мгновенно отменяются; нет больше расстояний и глубин. Вселенная сводится к одному маленькая светящаяся пещера, вырытая в твердом негруме, населенном карасем ярко освещенные, от рук и тел, от близких предметов и семьи из обычной жизни.

В ту глубокую ночь тишины Уолтер был счастлив. Выздоравливающий, после лихорадки он держал ее на руках, кстати, без ненависти, но да, полный сонной нежности. Его дух, казалось, плавал в прохладное спокойствие между бытием и уничтожением. Она фремиа в его объятиях, он говорил, и эта чудесная внеземная безмятежность волновалась и он сломался, как гладкая зеркальная поверхность воды, внезапно смущенный.

— Я ни о чем не беспокоюсь. - Уолтер открыл глаза и увидел, что она наблюдает за ним, весело и любопытно. Нахмурился. — В что ты так на меня смотришь?

- Я не знал, что это запрещено…

Ты все это время смотрела на меня так? — В идея была для него странно неприятной.

- Уже несколько часов… Но с восхищением уверяю вас. Я думал, ты поистине очаровательно. Законная Спящая красавица. - Люси улыбайтесь, насмешливо; но он говорил правду. Эстетически, с удовлетворением понимающий, она действительно восхищалась им, пока он был там. он позволил ему лежать, лежать, бледный, с закрытыми глазами, как будто он мертв, ваша сторона. Уолтер не позволил себе замедлиться из-за лести.

- Мне не нравится, что ты злорадствуешь по мне — - сказал он, все еще нагло сомкнутый.

- Злорадствовать?

- Как будто ты убил меня.

- Какой неисправимый романтик! - Люси засмеялась. Но, тем не менее, это было правдой. Он произвел впечатление мертвеца, и смерть при тех обстоятельствах имела что-то слегка смешное и унизительное. Живи, бодрствуй и сознательно жива, она изучила великолепное погребальное отношение Уолтер. С удивлением, но с забавным отрывом, Люси он увидел то странное, бледное

существо, которое она использовала для своего сам Гозо и что теперь она мертва. “Как глупо!”- подумала она. “И почему люди считают себя несчастными вместо того, чтобы принимать удовольствие что им предлагают?“Она выразила свои мысли в вопросе насмешка, которая разбудила Уолтера из глубины его вечности. А беспокоиться о любви - какой идиот!

— Несмотря ни на что, — настаивал Уолтер, - ты был в приподнятом настроении.

- Романтично, романтично! - вы издевались над ней. - У тебя такой способ. абсурдно старомодно думать о вещах. Убивать и злорадствовать над трупы и любовь и то, что следует. Смешно. Почему бы тебе не пойти прямо из фрак и пластрон стремятся быть немного более Moderna.

Я предпочитаю быть человеком.

- Жить модно-значит жить быстро, - продолжила она. — Не вы можете нести с собой вагон, полный идей и романтики в этих времена. Когда мы путешествуем на самолете, мы должны оставить багаж позади

тяжелый. Старая душа антанхо очень хорошо сидела, когда жила медленно. Но это слишком тяжело для наших дней. Нет места для она в самолете…

- Даже не для сердца? - спросил Уолтер. - Не меня это очень беспокоит душу. - Однажды он беспокоился о ней. Но теперь, когда его жизнь больше не состояла из чтения философов, он был немного меньше заинтересован в ней. - Но сердце, - собрался он, - сердце…

Люси покачала головой.

- Может быть, это позор, - уступила она.

- Но все имеет свою цену. Если нам нравится скорость, если мы хотим получить землю, мы не можем взять багаж. Речь идет о знании того, что мы хотим и готовы заплатить причитающуюся цену. Я точно знаю что я хочу; таким образом, я жертвую багажом. Если вам нравится путешествовать на грузовике изменения, путешествия. Но не жди, чтобы я сопровождал тебя, О мой мягкий Уолтер. Не жди, что я возьму твой рояль на своем

моноплане. из двух мест.

Было долгое молчание. Уолтер закрыл глаза. Я хотел быть мертвым. 0 соприкосновение руки Люси с его лицом заставило его вздрогнуть. Чувствовал, что она его он взял нижнюю губу между большим и указательным пальцами. Мягко ущипнул его. И сказал: - У тебя самый вкусный рот…

ГЛАВА XVI

Рэмпионы жили в Челси. Их дом состоял из большого студия с тремя или четырьмя пристроенными комнатами. Красивый уголок, в его немного деревенский путь, размышлял Бурлап, когда звонил в дверь дверь в субботу днем. И Рампион купил его узко больше ничего, как раз перед войной. Больше не платил арендную плату после войны. Подарок в размере 150 фунтов нетто в год. “Дьявол удача!”- подумал Бурлап, забыв в тот момент, что сам жил не платя арендную плату в доме Беатрис и помня только, что у нее было только что потратил 24 шиллинга и 9 пенсов на ужин с Молли д’Эксергиллод.

Мэй Рэмпион открыла дверь.

- Марк ждет его в студии, - сказала она после обмена приветствиями.

“Но какого черта, - внутренне говорила себе Мэй, - почему дьявол продолжает поддерживать дружеские отношения с этим человеком? Это то, что это вне всякого понимания.“Ненавидел Бурлап.

- Это что-то вроде стервятника — - сказала она мужу после последнего визита от журналиста. - Нет, это не стервятник, потому что стервятники едят только падаль. Это паразит, который питается своими живыми гостями, и всегда тем, чем может найти лучшее. И у него есть Фаро, чтобы узнать лучшее; это я ему признать. Духовная пиявка; вот что он есть. Почему ты позволяешь этому он сосет твою кровь?

- А почему нет? - ответь Марку. - Он не причиняет мне никакого вреда и мне весело.

- Думаю, он льстит твоему тщеславию, - сказала Мэй. - И лестно иметь паразит. И похвала за качество твоей крови.

— И, кроме того, - продолжил Рэмпион, - у него есть какое-то достоинство.

- Понятно, что есть, - ответила Мэри. - Есть твоя кровь, входи другие вещи. И кровь всех остальных людей, которыми он питается.

- Давай, не переусердствуй, не будь романтиком — - возражал Рампион всем гиперболы, которые не были его собственными.

Все, что я могу сказать, это то, что я не люблю паразитов. - Мэри говорил решительным тоном. - И в следующий раз, когда он появится, я его я добавлю немного инсектицидного порошка, просто чтобы посмотреть, что произойдет. Тогда находиться…

Однако в следующий раз она пришла, и вот она открыла дверь. для Бурлапа и сказать ему, чтобы он направился в студию, как будто речь идет о добро пожаловать посетитель. Даже в атавистике Maiy сила привычки вежливости это было сильнее, чем его желание бросить инсектицидный порошок.

Мысли Бурлапа, когда он направлялся в студию, они все еще были сосредоточены на финансовых вопросах. Напоминание о цене то, что он заплатил за ужин, все еще раздражало его.

“Рэмпион не только не платит арендную плату, - думал он, - но и почти не хватает расходов. Живя так, как они живут, только с одним сам делает большую часть работы по дому, а не имея автомобиль, они должны даже тратить смехотворно мало. Это правда, что у них двое детей, которых нужно воспитывать.“Но Бурлап мог, для своего рода умственная ловкость рук, в которой он был опытным, чтобы сделать двое детей исчезли из поля своей сознательной чувствительности. “Быть в то же время Rampion должен сделать хорошие деньги. Очень хорошо продает свои картины и рисунки. И у него есть регулярный рынок для всего, что он хочет писать. Что делает все эти деньги?”- спрашивал он себя даже с кончиком обиды, когда я стучал в дверь студия. “Охраняет ли он его? Или что вы будете делать тогда?”

- Заходите! - крикнул голос Рэмпиона через дверь.

Бурлап сочинил лицо в улыбке и раскрылся.

- Ах! Эс ту, - сказал Рэмпион. - Я не могу сейчас пожать тебе руку. — Я чистил кисти. - Как дела?

Бурлап покачал головой и сказал, что ему нужен отпуск Дюма, но что его ресурсы не позволяли ему иметь их. Ходил в фолиант студии, глядя с благоговением на картины. Большинство из них вряд ли это заслужило бы одобрение Сан-Франциско. Но какая жизнь, какая энергия, какая воображение! Жизнь, в конце концов, была тем, что имело значение… “Я верю в жизнь.“Это была первая статья кредо.

- Как это название? - спросил Бурлап, останавливаясь впереди экран, который был на мольберте.

Вытирая руки по мере приближения, Рампион пересек номер и остановился рядом с Бурлапом.

- Этот? Ну, Любовь, я полагаю, это имя, которое ты ей дал… - Он рассмеялся.; я хорошо поработал в тот день и был в отличном настроении. - Но менее духовные, менее утонченные люди могут предпочесть что-то более сырое…

- Улыбаясь широко раскрытая улыбка, предложил некоторые из самых вариантов сырой. Улыбка Бурлапа была несколько желтой. - Я не знаю, сможешь ли ты найти других… - злонамеренно заключил Рэмпион. В присутствии Burlap, Марк думал, что это было весело, и в то же время чувствовал, что это было положительно обязанность быть шокирующим.

Они говорили о небольшой картине, написанной маслом. Внизу, под углом слева от экрана, в какой-то нише среди переднего плана скал темные и стволы деревьев и дно Скалистых скал, принимая сверху свод, образованный массой листвы, две фигуры, одна мужчина и женщина лежали, обнимались. Два обнаженных тела, белый женщина и мужчина красновато-коричневого цвета. Эти два тела они были источником всего освещения картины. Скалы и бревна деревья на переднем плане вырисовывались на фоне света, исходящего от рисунок. Пропасть на заднем плане была позолочена тем же светом, который касался нижняя сторона

листвы сверху, отбрасывающая тени на густую массу из зелени. Из углубления, в котором мужчина и женщина они нашли, пересекая по диагонали всю картину, освещенную и создающую

по его сиянию он чувствовал удивительную флору роз, циннии и гигантские тюльпаны с лошадьми, леопардами и маленькими антилопами которые приходили и уходили среди огромных цветов; и, кроме того, пейзаж зеленый, который углублялся, плоский за плоским, до синего, с вид на море среди холмов; сверху огромные облака и героические против голубого неба.

- И красиво, - неторопливо произнес Бурлап, качая головой перед лицом кадр.

- Но я вижу, что ты ненавидишь его. - Марк Рэмпион развернул

зубы в каком-то триумфе.

- Но почему ты так говоришь? - протестовал другой с нежной грустью мученика.

- Потому что это правда. Вещь недостаточно “мягкая-Иисус”, чтобы тебя. Любовь, физическая любовь, как источник света, жизни и красоты, о! не, нет, нет! Это слишком грубо и плотски; это ужасно откровенно…

- Но возьмешь ли ты меня за пальму первенства мира?

- Не из-за того, что мир пальма. - Хорошее настроение Рэмпиона это переполнилось насмешкой. - Скажем, через Сан-Франциско. Кстати об этом, как проходит его жизнь, которую ты пишешь? Я надеюсь, ты наденешь на нее очень сочное описание того эпизода, в котором святой облизывает прокаженных. - Бурлап сделал жест протеста. Рэмпион широко рассмеялся. — Для честно говоря, сам Сан-Франциско немного повзрослел для тебя. As дети не облизывают прокаженных. Только сексуально извращенные подростки они делают это. Святой Хьюго из Линкольна, вот кто ты, Берлап. Он был ребенок, ты знаешь, чистый, мягкий маленький ребенок. Маленькая детская любовь, которая любит нанар в колене своей мамочки. Он расширил глаза и он проявил благоговение перед женщинами, как и все они были мадонна. Пришел, чтобы позволить себе ласкать и целоваться, чтобы исчезнут их Додолы и услышат историю о бедном Иисусе, или даже для того, чтобы выпить несколько глотков молока, если оно

есть.

- Да! - протестовал Бурлап.

- Да, действительно, - пародировал Рэмпион. Я хотел бы мучить другого, чтобы он выглядел как прощающий христианский мученик… Это было хорошо сделано, кто велел ему войти туда с таким отношением любимого ученика, кто ты велел показать такое отвратительное благоговение и восхищение?

- Святой Хьюго с широко раскрытыми глазами и нерешительной ходьбой. Ходить как ребенок, весь благоговейный, в сторону женщин, как будто они все мадонна. Но, несмотря на это, засунув свою маленькую руку мимозы под убирайся из них… Приходил молиться, но оставался делить постель. Мадоннина. - Рэмпион знал целый мир вещей о делах любящий Бурлап и догадался о многих других. - Мой дорогой Святой Юноша! Как он идет мило ходить в спальню и

какой у него изящный образ ребенка, когда он прижимается к простыням! Эти вещи слишком грубые и слишком духовные для нашего Хью. - Откинул голову назад и рассмеялся.

- Продолжай, продолжай, - сказал Бурлап. - Что я не буду тебе мешать. — И при виде этой духовной мученической улыбки Рампион еще больше рассмеялся пронзительно.

- Так, так, так! - воскликнул он, задыхаясь. - В следующий раз приеду. чтобы иметь для тебя копию святой Моники и Святого Августина, Ари Шеффер. Это сделает тебя по-настоящему счастливым. Хочешь увидеть некоторые из мои рисунки? - спросил Рэмпион другим тоном. Burlap meneou a голова утвердительно. - Они по большей части гротескны. Карикатура. Один так свободно, я тебя не допущу. Но если ты хочешь посмотреть мои работы, ты уже знаешь что ждет тебя…

Открыл папку, которая лежала на столе.

- Почему ты думаешь, что мне не нравятся твои работы? — спросить Бурлап. — В конце концов, ты верующий в жизнь, и я тоже. Иметь наши разногласия; но по большинству вопросов наша точка зрения вид такой же.

Рэмпион поднял на него глаза.

- О! Я уверен, что это то же самое, я знаю, что это так. - И взял его на себя зуб. - Ну, если ты знаешь, ЧТО ЭТО то же самое, - сказал Бурлап, чьи глаза, повернувшись в сторону, они не видели открытой улыбки на лице другого. —, почему ты думаешь, что я не одобряю твои рисунки?

- Почему, не так ли? - мотеджу Рэмпион.

- Поскольку точка зрения такая же…

- И очевидно, что люди, которые смотрят на пейзаж с той же точки они должны быть идентичными. - Новые зубы. - Q. E. D.^45 — - Взял поворачиваюсь, чтобы вытащить один из рисунков из папки. - Вот что я называю окаменелостями из прошлого и окаменелостей будущего. - Расширил рисунок до Бурлапа. Быть работа тушью, сыгранная красочной акварелью, необычайно яркий и яркий. Сгорбленный nums великолепно огромный, гротеск процессия монстров шла по диагонали, пересекая роль

вверх вниз. Динозавры, птеродактили, титанотерии, дипоки и ихтиозавры ходили, плавали или летали к хвосту процессии; Авангард состоял из человеческих монстров, головастых существ огромные, без конечностей и тел, ползают, как читают на смутно слизистые продолжения его подбородков и шей. Самый большой часть имела лица выдающихся современников, в толпе Томсона, лорда Эдварда Тантамаунта, Бемарда шоу при содействии евнухов и старых дев. Сэр Оливер Лодж, обслуживаемый призрак головы репы, завернутый в простыню и катодную трубку, ходячий; сэр Альфред Монд и голова Джона Д. Рокфеллера, заряженная о огромном блюде баптистского священника; доктор Фрэнк Крейн и Миссис Эдди с ореолами и многие другие.

- Ящерицы умерли, потому что у них было слишком много тела и головы слишком мало, - сказал Рампион, объясняя. - Это по крайней мере что ученые никогда не устают говорить нам. Физический размер-это недостаток, после определенного момента. Но как насчет умственного размера? Этот придурки, кажется, забывают, что они точно такие же неуравновешенные, и непропорционально, как любой диплодок. Жертвуют жизнью физическая и аффективная и психическая жизнь. Что, по их мнению, произойдет?

Бурлап выразил свое согласие кивком.

- Это то, о чем я всегда спрашивал. Человек не может жить без сердца.

- Не говоря уже о кишках, коже, костях и плоти. Они просто идет к вымиранию. И с тысячей черт!, это счастье. Но что плохого в этом случае, так это то, что они тянут за собой все остальное мира с вами. Черт побери! Должен признаться, что мне не нравится быть обречены на вымирание только потому, что эти придурки и ученые, моралисты, спиритуалисты, техники, эти литературные и политические деятели и всем остальным в группе не хватает здравого смысла видеть, что человек должен жить как человек, а не как монстр мозга или души. Брр! Я хотел убить их всех. - Сбросил рисунок в папку и снял другой. - Вот две истории, одна слева по Х. Г. Уэллс, тот, что справа от меня.

Бурлап посмотрел, улыбнулся и в итоге откровенно рассмеялся.

- Отлично!

Рисунок слева был составлен в виде простого расти. За крошечной обезьяной следовал питекантроп и, в свою очередь, за ним следовал человек Неандертальец намного больше его. Палеолитический человек, неолитический человек, египтянин бронзового века и вавилонский человек, греческий железный век и римский человек-фигуры росли неторопливо по размеру. Время, когда Галилей и Ньютон появились в Сина, человечество достигло довольно респектабельных размеров. 0 крещендо продолжалось непрерывно через ватта и Стивенсона, Фарадея и Дарвин, Бессемер и Эдисон, Рокфеллер и Ванамейкер, чтобы добраться до современное совершенство в фигурах самого мистера Герберта Уэллса и Сэра Альфред Монд. И будущее тоже не обошлось без внимания. Через туман сияющий от пророчества, силуэты Уэллса и Монда, которые всегда оставались с каждым повторением они становились все больше и больше в триумфальной спирали из бумаги, к утопической бесконечности.

Рисунок справа имел менее оптимистичный состав пиков и упадок. Крошечная обезьяна очень быстро расцвела в человеке Бронзовый век, который уступил место очень великому Греку и этрусску редко меньше. Римляне снова становились меньше. Монах из Фиваиды они почти не отличались от примитивных маленьких обезьян. Следовал один определенное количество флорентийцев, англичан и французов хорошего размера. Прийти

после этих отвратительных монстров по имени Кальвин и Нокс, Бакстер и Уэсли. Рост представительных мужчин снизился. Викторианцы они стали гномами и бесформенными. Его преемники двадцатого века это были аборты. Сквозь туманы будущего можно было увидеть компанию. уменьшение мелких горгулий и плодов, головы которых были большими слишком много для их желеобразных тел, и их хвосты сходны, и их лица наши самые выдающиеся современники все кусаются, царапаются и потрошить друг друга этой методической и систематической энергией, которая удел исключительно высокоцивилизованным существам.

- Я хотел бы иметь один или два из этих рисунков для мира, — сказал он. Burlap, когда они только что просмотрели все содержимое папки. — В общие мы не воспроизводим рисунки. Мы откровенно миссионеры и не

арт-компания ради искусства. Но эти твои вещи-притчи в то же самое. время, которое картины. Должен сказать, - добавил он, - я завидую тебе этой силой что ты должен говорить так быстро и экономно. Я бы потратил сотни и тысячи слов, чтобы сказать то же самое, меньше энергично, на репетиции.

Рэмпион согласился с головой.

- Вот почему я отказался от пера на данный момент. Слова не там очень подходит, чтобы сказать, что я думаю, что qupo сказать сейчас. И что комфорт убегать от слов! Слова, слова! Они поднимают стену между нами и Вселенной. Три четверти времени мы не в Контакте с вещами, но только с проклятыми словами, которые их представляют. Е часто даже не с ними, а с этой адской алгаравией метафоричность поэтов. “В каждом полустихии вибрирует брачная Песнь”, по пример. Или ” и в лоне, питающей грубую природу, хранила непристойность твою зеленое сердце!“Или же:” холодная черная птица в бюсте над порталами”. - Посмотрел на Бурлапа с обнаженными зубами. — Даже “черная птица” превратилась в метафорическую абстракцию. “Холодно положено”, по сути! О, эти слова! Как я счастлив, что сбежал от них. Е как выйти из тюрьмы, о! очень элегантная тюрьма и фантастический, полный фресок и гобеленов и многое другое. Но мы предпочитает настоящий луг на открытом воздухе. Картина, я думаю, заставляет нас по-настоящему контакт с ней. Я могу сказать, что хочу.

- Ну, все, что я могу сделать, - сказал Бурлап — - это предоставить слушай, что ты говоришь.

- Бедняги! - воскликнул Рампион, смеясь.

- Но я думаю, что они должны слушать. Есть большой ответственность. Вот почему я хотел бы опубликовать некоторые из ваших рисунки в литературном мире. Я чувствую, что это действительно долг.

- О! Если это вопрос категорического императива, - сказал Рампион, снова смеясь-тогда ясно, что ты должен это сделать. Бери то, что тебе нравится. Чем более шокирующими будут рисунки, которые вы публикуете, тем больше удовольствия я получу чувствовать.

Бурлап покачал головой.

- Надо начинать осторожно, - редаргуйу. Не верил в жизнь риск снижения тиража газеты…

- Нежно, нежно… - повторил другой, с плесневым тоном. — Вы, журналисты, все те же. Никаких ударов. Безопасность прежде всего. Литература без боли. Никаких холодных предубеждений или от идей, прибитых к молотку, требуется анестетик. Читатели должны быть постоянно находится в состоянии сумеречного сна. Вы все это безнадежное дело.

- Потерянное дело, - повторил Бурлап тоном покаяния, - я знаю. Но, увы! нужно немного пойти на компромисс с миром, плотью и дьяволом.

- Мне мало что нужно делать или нет, - ответил Рэмпион. — О что меня негодует, так это отвратительный способ, которым ты переходишь с небес., с респектабельностью и с Иеговой. Во всяком случае, я полагаю, что в таких обстоятельства ты ничего не можешь сделать… Бери все, что хочешь.

Бурлап сделал свой выбор.

- Я возьму эти, - сказал он, наконец, подняв три рисунка меньше спорные и скандальные. - С тобой все в порядке?

Рэмпион положил ему глаза.

- Если бы ты подождал еще неделю, — ворчал он — - у меня была бы одна копия Ари Шеффера готова для тебя.

- Боюсь — - сказал Бурлап с таким выражением духовности задумчивый, который всегда приходил ему в лицо, когда он начинал говорить уважение к деньгам-боюсь, я не смогу заплатить тебе много за эти занятие…

- Ах! То… Я к этому привык. - Рэмпион пожал плечами.

Бурлап был рад видеть, что другой смотрел на эту вещь способ. И в конце концов, размышлял он, это было правдой. Рэмпион не был привык много зарабатывать. А потом, с тем, что его образ жизни не мне действительно нужно было много… У меня не было машины, у меня не было слуг…

Я бы хотел, чтобы Вы были в хорошем состоянии… - сказал вслух, укрывшись в безличном. - Но газета… - Покачал головой. — Пытаться

убедить аудиторию любить возвышенные вещи, когда они видят, что это не так компенсировать… Можно получить 4 гинеи за рисунок.

Рэмпион рассмеялся.

- Это не совсем княжеское предложение… Но Забери их. Возьми их из благодарим, если хочешь.

- Нет, нет, - возразил Бурлап. - Я бы этого не сделал. 0 мир не живет благотворительность. Оплачивает то, что публикует. Не плати много, бедняга! Но всегда платит немного; платит немного. Это принципиальный вопрос, - продолжил он, трясет головой-даже если мне придется брать деньги из своего собственный карман. Это вопрос принципа. Абсолютно принципиально — он настаивал, созерцая с легитимным удовлетворением честное и бескорыстный Денис Бурлап, который платил сотрудникам из собственного кармана и в существование которого он, говоря, начинал верить. Он продолжал говорить, и с каждым его словом контуры этого Великолепно бедный, но честный Burlap они были более ясны перед из его внутреннего видения; и в то же время мир тянулся, приближаясь-если все больше и больше граней

несостоятельности, счет за обед вырос из момент за моментом, и их частные доходы уменьшились соответственно…

Рэмпион с любопытством созерцал его. “Почему, черт возьми, он сейчас засунуть в тело, кнут, всю эту ярость?”- спрашивал он себя. Ему внезапно пришло в голову возможное объяснение. Когда Бурлап остановился чтобы дышать, Рампион сочувственно покачал головой:

- Тебе нужен капиталист. Если бы у меня было несколько сотни или несколько тысяч фунтов, доступных, использовали их в мире. Но горе мне! У меня нет. Даже не думай — - заключил он, почти триумфально. И выражение сочувствия внезапно превратилось в широкая улыбка с широко раскрытыми зубами.

Той ночью Бурлап бросился к проблеме францисканской бедности. “Ноги

босиком по холмам Умбрии она ходит, Леди бедность.” Быть как только вы начали свою главу. Его проза, в моменты возвышений, он имел тенденцию превращаться в белые стихи. “Они приземляются ногами в альвах пыльные дороги, которые напоминают, кто смотрит на них со стен маленькие города, белые ленты, нарисованные внизу на плоскостности.”

Далее следовали ссылки на узловатые оливковые деревья, виноградники, поля земляные работы, “большие белые волы с их изогнутыми рогами”, ослы, которые терпеливо несли свои грузы, поднимаясь по дорогам, каменистые, к голубым горам, к городам, покоящимся на холмах., на расстоянии-каждый из них, как маленький Новый Иерусалим в книга гравюр-к классическим водам Клитумно и еще более классическим воды Тразимено. “Вот земля, - продолжал Бурлап, - и время в бедность была допустимым, практически осуществимым идеалом. Земля обеспечивала всех нужды тех, кто жил на ней, было мало профессиональной специализации; каждый крестьянин был в значительной степени своим мануфактором, так что это был его собственный мясник, пекарь, овощевод и Виноградарь. Общество, в котором деньги были еще относительно неважны. Большинство уволили его почти полностью. Он вел переговоры напрямую с вещи-предметы домашнего обихода собственного производства и

нежные плоды земля—, и таким образом не имел никакую потребность драгоценных металлов которые они покупают вещи. Идеал бедности Сан-Франциско тогда был осуществим, потому что он предлагал всеобщему восхищению образ жизни, который не отличался чрезвычайно эффективный образ жизни его самых скромных современный. Он приглашал праздных членов общества и тех, кто которые имели профессиональную специализацию - те, кто жил в основном в зависимости от денег-жить так, как жили их подчиненные., в зависимости от вещей. Как отличается сегодняшняя ситуация!“Бурлап упал еще раз в Белом стихе, увлеченный на этот раз негодованием, а не лирическая нежность. “Мы все являемся экспертами, которые живут только на основе деньги, а не реальные вещи, и мы живем в отдаленных абстракциях, а не истинный мир, который производит и производит.“Что-то случилось с уважение к ” великим машинам, которые, будучи рабами человека, теперь его тираны”, О стандартизации, промышленной жизни и коммерческое и его стерилизующее воздействие на человеческую душу (и для этого

последний пункт Бурлап позаимствовал некоторые из любимых фраз Рампион).

Деньги, заключил Бурлап, были корнем всего зла; роковой потребность, под которой сейчас работает человек, жить в соответствии с деньги, а не реальные вещи. “В Moderna eyes идеалы Франциск выглядит фантастически, совершенно безумно. Леди бедность была по Moderna обстоятельства, до подобия jomaleira из обуви с дырками, которая носит фартук из мешковины… Нет разумного человека я бы мечтал следовать за ней. Идеализировать Дульсинею, столь отвратительную, было бы показать себя безумнее, чем сам Дон Кихот. В нашем обществе moderna францисканский идеал непрактичен. Мы берем отвратительную бедность. Но это не значит, что мы можем просто презирать Сан-Франциско как будто он провидец безумных снов. Не. Напротив, безумие наше, а не его. Он врач в психушке. Для сумасшедших доктор, кажется, единственный сумасшедший. Когда мы обретем разум, мы будем понять, что он единственный здравомыслящий человек. В нынешних условиях францисканский идеал не имеет исковой силы. Мораль этого заключается в том, что условия должны быть изменены, радикально. Наша цель-создать новое общество в бедность - это не грязная бедность, а способ великолепная света, благодати и красоты. О, бедность, бедность, прекрасная леди, Бедность…”

Беатрис вошла, чтобы сказать, что ужин был на столе.

- Два яйца, - повелела она, выражая свою заботу живым тоном и резкий голос. - Два, я хочу сказать. Они были сделаны специально для вас.

- Ты относишься ко мне как к блудному сыну, — сказал Бурлап. - Или как в толстый теленок, когда его откармливали. - Покачал головой, улыбнулся он улыбнулся Содому и налил себе второе яйцо.

- Я хочу спросить Ваше мнение о некоторых действиях у меня есть граммофонная компания, - сказала Беатрис. - Они поднимаются с таким насилием…

- Граммофоны! - сказал Бурлап. — Ах…

И высказал свое мнение.

ГЛАВА XVII

Несколько дней шел дождь. Спандреллу казалось, что грибы и ложная мучнистая роса прорастала даже в его душе. Позволял себе оставаться в постели или сидя в своей тенистой комнате или все еще прислонившись к прилавку в кафе., чувствуя, как внутри него растет липкость, и наблюдая за ней своими глазами интерьер.

- Но если бы только ты что — то сделал,-умолял я его так много раз. мать. - Что угодно…

И все его друзья сказали то же самое, они продолжали говорить,- это в течение многих лет…

Но он предпочел бы попасть в ад, чем что-то делать. Работать

- Евангелие труда, святость труда,labor are est orarefaõ]

- все это было глупостью и светской беседой.

- Работа! - сказал он однажды, в одном из немногих случаев перед лицом сердечные упреки Филиппа Куорлза. - Работа больше не является респектабельной, чем что алкоголь, и служит точно

такой же цели, просто отвлекает дух заставляет человека забыть о себе. Работа-это не что иное, как наркотик, как и другие. И унизительно, что мужчины не могут жить без наркотиков, трезво; унизительно, что у них нет смелости видеть, что мир и они сами такие, какие они есть на самом деле. Есть необходимость наркотизацию работой. И мудак. Евангелие труда-это просто Евангелие глупости и трусости. Работать можно молиться; но это также спрятать голову в песке, это также сделать так много шума и так много пыли, что мы не можем ни услышать свой собственный голос, ни увидеть свой собственный рука перед лицом. И спрятаться от самих себя. Неудивительно, что Сэмюэл Смайлс и великие бизнесмены так увлечены работа. Работа дает им утешительную иллюзию, что они существуют и даже что они важны. Если бы они перестали работать, они бы поняли, что большинство из них просто не существует. Это просто дыры в воздухе, ничего более. Возможно, несколько вонючие дыры. Большинство смуэйских душ наверное, у него какой-то неприятный запах… Неудивительно, что они не осмеливаются перестать работать. Они могли бы узнать, кто они на самом деле, или, скорее, что

это действительно не так. Это риск, с которым у них нет смелости столкнуться.

- И что твоя смелость позволила тебе обнаружить в себе? — спроси Филипа Куорлза.

Спандрелл раздвинул зубы в мелодраматической манере.

- Потребовалось некоторое мужество, чтобы продолжать смотреть на то, что у меня было обнаруженный. Если бы я не был так зол, было бы так много сдайте на работу или морфин.

Спандрелл немного драматизировал себя, сделал свое отношение похожим на немного более рациональным и романтичным, чем это было на самом деле. Если он ничего не делал, это было в силу привычной лени, а также морального принципа софистический и подрывной. Преклонение предшествовало началу и было корень этого.

Спандрелл никогда бы не узнал, что работа была опиатом если бы мне не пришлось искать причину и оправдание для своего непобедимая лень. Но это правда, что нужно было что-то

мужество с его стороны ничего не делать; потому что он был ленив несмотря на опустошение хронической скуки, которая могла бы принять, в такие моменты, почти невыносимо острые.

Но привычка безделья была в нем так глубоко заядлой что для того, чтобы сломать его, господин был более храбрым, чем для того, чтобы вынести агонии скуки, которой она уступила место. Гордость усилила это естественная лень-гордость человека его слегка способный путь который не способен эффективно, поклонник великих достижений, которые он понимает, что ему не хватает таланта для создания оригинальной работы, которая не он хочет смириться с тем, что, как он знает, должно быть бесплодной попыткой создавать или не желать опускаться, хотя и успешно, до работы проще.

- Тебе приятно говорить о работе — - сказал он Филиппу, - но ты ты можешь что-то сделать, а я не могу. Что ты хочешь, чтобы я сделал? Что я работать в банке? Пусть меня возьмет коммивояжер?

- Есть и другие профессии, - ответил Филипп. - И, поскольку у вас есть деньги, у тебя есть все поле эмиссии, вся естественная история…

- О! Ты хочешь, чтобы я был собирателем муравьев, не так ли? Или один автор тех, кто пишет тезисы о применении мыла среди анжуйцы. Добрый старый дядя Тобиас со своими манией. Но, говорю вам, нет я не хочу быть дядей Тобиасом. Если я на самом деле ничего не отдаю, я предпочитаю продолжать быть просто никчемным. Я не хочу маскироваться под образованный человек. Я не хочу быть представителем какой-то мании. Я хочу быть тем, что природа сделала из меня, бесполезным.

После второго брака его матери Спандрелл всегда делал нечестиво худшие вещи, избранный путь худший, культивируемый намеренно их худшие тенденции. Это было с развратом, что он он отвлекал их от бесконечных забот. Он мстил ей и себе кроме того, за то, что я был так глупо счастлив и хорош. Так поступал из злости его, из-за его злости, из-за желания Бога. Я надеялся, что был ад, куда можно было пойти, и я сожалел о своей неспособности верить в его существование. В любом случае, был ли ад или нет, это было удовлетворительно, в те ранние времена было очень интересно знать, что ты делаешь что-то

плохое и неправильное. Но в разврате есть что-то такое по своей сути однообразно, что-то настолько абсолютное и отчаянно грустное, что только редкие существа, наделенные гораздо меньшей дозой интеллекта, чем обычно и с гораздо большим аппетитом, чем обычный, они могут продолжать наслаждаться активно порок и верить в свою злобу. Большинство развратников разврат не потому, что ему нравится разврат, а потому, что он чувствует себя плохо когда его лишают. Привычка превращает странные камшоты в монотонные и повседневные потребности. Человек, который приобрел привычку женщины или джин, курить опиум или терпеть бичевание, ты так думаешь трудно жить без своих пороков, как жить без хлеба и воды, даже когда практика наркомании, если бы она могла взять себя в себя так без чувства, например, съесть кусок хлеба или выпить стакан воды из раковины. 0 привычка так же фатально для чувства практики зла, как и для активного наслаждения. После через несколько лет обращенный или скептически настроенный еврей и прозападный индуист они могут есть свинину и говядину с безмятежностью, которая его все еще верующие братья кажутся жестоко циничными. Происходит то же самое с обычным развратником. Действия, которые поначалу кажутся захватывающими, возбуждая свою внутреннюю злобу, они берут себя после определенного

количество повторений, морально нейтральных. Немного отвращения, может быть, потому что практика большинства зависимостей и сопровождаются физиологическими реакциями но они уже не “злые”, потому что стали привычными. Быть трудно рутина создать впечатление подлости.

Постепенно лишается, по привычке, его активного наслаждения, а также его активное чувство зла (чувство, которое всегда было часть его удовольствия), Спандрелл превратился в своего рода отчаяние для уточнений зависимости. Но уточнения зависимости не они производят соответствующие уточнения ощущений. Это справедливо наоборот; насколько более утонченным является пристрастие к его изученной экстравагантности, чем более ненормальным и редким он является, тем более однообразным и отчаянно пустота эмоций, если вы берете свою практику. Воображение может стремиться в придумывать самые невероятные вариации на нормальную сексуальную тему; но эмоциональный продукт всех разновидностей оргии всегда один и тот же-один мрачное чувство унижения и подлости. Есть много людей, это правда (и они, как правило, самые интеллектуально

цивилизованные, утонченные и изощренные), которые имеют непреодолимую склонность к тому, что низко и что они ищут жадно ее собственная низость в середине нескольких оргий, проституций мазохисты, случайные и почти звериные союзы с незнакомцами, отношения секс с грубыми и необразованными существами из низшего сословия. О чрезмерная эстетическая и интеллектуальная утонченность рискует быть купленной несколько дорого, за счет какого-то странного эмоционального вырождения, а китайский совершенно цивилизованный, с его любовью к искусству и его любовью к жестокости, в другой форме он страдает от того же недуга, что и современный эстет Moderna Estet совершенно цивилизованный вкус к солдатам гвардии и апачам, за умопомрачительные распущенности и насилие.

“Высокая интеллектуальность, низкая животность” - как только Рампион однажды подытожил дело до ушей Спандрелла. - Чем выше это один ниже-другой. - Спандрелл, со своей стороны, не имел ни одного мне нравится унижение. Эмоциональные результаты всех уточнений возможные пороки казались ему однообразно однородными. Разведенные каждая значимая эмоция, будь то одобрение или раскаяние, простые ощущения физического возбуждения и удовольствия были для него безвкусными. А коррупция молодежи была единственной формой разврата, которая теперь

это давало некоторые активные эмоции. Вдохновленный, как догадался Рэмпион, эта любопытная мстительная ненависть к сексу, продукт шока, вызванного второй брак его матери, потрясение, наложенное на деликатный момент его юности, к нормальному буржуазному воспитанию утонченность и рыцарская сдержанность-Спандрелл все еще мог чувствовать особое удовлетворение в нанесении того, что он считал унижение чувственного удовольствия невинных сестер этих женщин они были очень любимы и, следовательно, ненавидимы, которые были для него воплощение ненавистного инстинкта. Ненависть в средневековом стиле, Спандрелл отомстил, - не (как аскеты и пуритане) унижая он ненавидел женщин, но учил их снисходительности, что он сам считал себя злым, заманивая их своими ласками в все более полное и торжествующее восстание против сознательной души. И конечная стадия его мести заключалась в постепенном проникновении в дух от жертвы чувство ошибки и основополагающей низости наслаждений, от он сам научил ее чувствовать.

Гарриет, бедное маленькое существо, была единственной невинной, с которой до этого момента, Спандрелл смог полностью выполнить свою программу. С их предшественники никогда не заходили так далеко; и у Харриет не было преемников. Соблазненная так, как Морис описал Рэмпионам, Харриет заставила его поклонялись и воображали себя обожаемыми. И он был почти прав, потому что Спандрелл искренне испытывал к ней привязанность, даже когда был сознательно стремясь превратить ее в свою жертву. Нарушение ее собственные чувства, а также ее собственные, придали делу остроту дополнение к извращенности. Терпеливо, с тактом и деликатностью и понимание самого тонкого, самого странно понимающего из любовники, он успокоил ее девственные страхи и постепенно слился с хладнокровие его юности привело к падению барьеров, которые подняло его образование — все это для того, чтобы навязать неопытности наивное принятие самых фантастическая смазка. Видеть их принятыми Харриет как обычные признаки любовь была уже для развратного подвижника, который был внутри Спандрелла, замечательная месть, которую он взял за то, что она была женщиной. Но это не этого было достаточно; он начал симулировать брезгливость, сжимаясь с видом если он принял их, он сделал вид, что делает их

пассивно, как будто его возмущают и насилуют. Гарриет осталась внезапно встревоженный и огорченный, он почувствовал стыд, как это всегда бывает чувствительные люди, чьи жжения не находят отголоска; и внезапно, в то же время девушка оказалась немного гротескной, как актер, который, когда он выступает с группой товарищей, он брошен и внезапно понимает, что он только на сцене-он чувствовал себя гротескным и даже немного отвратительный. Может быть, он больше не любил ее? Очень любил ее, ответил Спэндрелл. Так почему? Именно из-за глубины его любовь; и он начал говорить о душе. Тело было как зверь. свирепый, который пожирал душу, сводил на нет совесть, отменял я и тебя. истинный. И как будто случайно кто-то в ту же ночь если бы он послал Спандреллу таинственный пакет-он был открыт и оказалось, что в нем была папка с французскими гравюрами порнографические фильмы, в которых бедная Харриет видела, с растущим чувством ужас и отвращение, все действия, которые она так невинно и так горячо принял как любовь, изображенную в холодных очертаниях и ясные и фигурные так ненавистно, так низко, так глубоко. вульгарно, что было бы достаточно, чтобы смотреть на них сверху, чтобы ненавидеть и

презирать всю человеческий род.

В течение нескольких дней Спандрелл умело насытил ее ужасом; а потом, когда она уже была полностью пропитана чувством виновность и мурашки по коже от отвращения к себе, циничный Морис и жестоко возобновил свое теперь непристойное любовное преследование. Она закончила оставить его, ненавидя его, ненавидя себя. Это произошло три месяца назад. Спандрелл не предпринимал никаких попыток вернуть ее или повторить опыт с другой жертвой. Это не стоило усилий. Он был удовлетворен тем, что говорил о стимулах дьявольства, тогда как на практике он оставался апатично погруженным в печальную рутину бренди и корыстная любовь. Этот разговор возбудил его на мгновение; но, мимо того, что было, Спандрелл взял, чтобы упасть еще глубже в скуку и уныние. Были случаи, когда он чувствовал своего рода внутренний паралич, как будто душа, сама душа мало что теряет мало осознания существования. Это был паралич, который можно вылечить усилием воли, но он не мог и даже не хотел этого делать.

усилие.

— Но если тебе скучно, если ты ненавидишь это-Филип Куорлз спросил, локация о Спандрелле его живое и умное любопытство —, какого черта ты продолжаешь в этой жизни? - Тогда был год, когда вопрос это было сформулировано; паралич в то время был не таким глубоко проникли в душу Спандрелла. Но уже тогда Филипп был я считаю его дело очень загадочным.

И так как человек был готов говорить о себе без требовать никакой личной уверенности взамен, так как он, казалось, не ставил возражения быть объектом научного любопытства и проявили себя более хвастливыми чем сдержанный о своих слабостях, Филипп воспользовался возможность допросить его.

- Я не могу понять почему… - настоял Спандрелл сократил плечо. - Потому что я обречен на нее. Потому что в некотором смысле это мое назначение. Потому что, наконец, жизнь-это правильно, отвратительно и чертовски; вот которые являются людьми, когда они преданы себе; ненавистны и скучные тоже. Потому что, как только мы опозорены, мы должны опозорить нас вдвойне. Потому что… Да, потому что мне очень нравится ненавидеть и жить скучно…

Мне это нравилось. Дождь падал, падал; грибы прорастали внутри его сердце, и он целенаправленно культивировал их. Я мог бы пойти к друзьям,; но я бы предпочел остаться один и скучать. Концертный сезон был в расцвет, в Ковент-Гардене была опера, все театры были открыты; но Спандрелл просто читал рекламу-героический в Королевском зале, Шнабель игра ор. 106 в Вигморе, Дон Жуан в Ковент-Гардене, маленький Тич в Альгамбре, Отелло, в Олд Вик, Чарли Чаплин в арке Марби-читал их очень осторожно и остался дома. Сверху была куча песен с пианино его полки были заполнены книгами, вся лондонская библиотека он находил это в своем распоряжении; Спандрелл ничего не читал, кроме журналов, иллюстрированные еженедельники и утренние и вечерние газеты. Дождь скользил непрестанно грязными стеклами окон; Спандрелл поворачивал огромные потрескивающие страницы Times. “Герцог Йоркский” - прочитал он после того, как съел свой путь, как личинка скарабея-Бостона в его

родной элемент, через рождения, смерти, личные объявления, через нужно и недвижимость, через судебно-медицинские заметки, новости империи и из-за границы, через парламент, через прогноз погоды, через пять редакционных статей, через письма директору, пока не достигнете к небольшому церковному эссе на тему” Библия в непогоду ” — ” о Герцог Йоркский получит в следующий понедельник звание Почетного партнера от компании по производству золотой и серебряной проволоки. Его Королевское Высочество ужин с президент и директора компании после церемонии”. Паскаль и Блейк они были в пределах досягаемости, на полке. Но ” Леди Августа Криппен он покинул Англию в “Беренгарии”, пересек Америку, чтобы посетить его зять и его сестра, генерал-губернатор Южной Меланезии и Леди Этельберта Тодхантер”. Спандрелл рассмеялся, и его смех был освобождение, это был источник энергии. Встал; надел свой плащ и выйти. Генерал-губернатор Южной Меланезии и Леди Этельберта Тодхантер.“Все еще улыбаясь, он вошел в угловое кафе. Было рано; были просто еще один посетитель в баре.

- В обмен на то, что два человека должны быть вместе, чтобы быть несчастными? — я спрашивал клерка. - В обмен на что? когда они могут получить это развод и жить счастливо…

Одинокий посетитель ответил:

- Потому что брак-это таинство.

- Да пребудет с вашим таинством! - возразила девушка, презрительно.

Давая присутствие Спандрелла, он кивнул и улыбнулся. Морис был постоянным клиентом.

- Двойной бренди, - попросил он. Склонившись над прилавком, осмотрел неизвестный. У него было это лицо, похожее на хора, но мальчик хора, который внезапно был свистел в зрелом возрасте; пухленькая, симпатичная маленькая кукла, но жирная. Рот был ужасно маленькая, как крошечная щель в бутоне розы. As щеки херувима начали падать и были серыми, как подбородок, на котором была борода Евы.

- Потому что, - продолжил неизвестное, и Спандрелл понял, что он

я никогда не молчал, но я постоянно улыбался, хмурился, поднимая брови, бросая голову в ту или иную сторону., искривление тела в вечном экстазе личного тщеславия-потому что мужчина должен объединиться со своей женой и взять с собой одну камеру. Только один - повторил он, заставляя следовать словам скручивания тела. более энергичный, чем другие, и от сжатого хихиканья. Его взгляд нашел Спандрелла. Человек покраснел и, чтобы сохранить видимость, опустошил быстро ваш стакан.

- Что вы думаете, Мистер Спэндрелл? - спросила барменша повернувшись, чтобы забрать бутылку бренди.

- О чем? Быть одной камерой? - Девушка сделала с головой утвердительный знак. - Хм! Я только что завидовал govemador-генерал Южной Меланезии и Леди Этельберта Тодхантер быть обеими таким однозначным образом двумя отдельными мясами. Если вы если бы он назвал себя говемадором-генералом Южной Меланезии — - продолжил он, обращаясь к мирному хоровому мальчику - и его жена была леди Этельберта Тодхантер, вы предполагаете, что оба будут одной камерой? — О неизвестный запутался весь, как червь на крючке. — Очевидно что нет. Было бы шокирующе, если бы они были.

Неизвестный заказал еще один виски.

- Но, шутка в сторону, — сказал он, - таинство брака…

- Но в обмен на то, что два человека будут несчастны — - настаивала она. клерк-когда это не нужно?

- И почему бы им не быть несчастными? - спэндрелл спросил. — Возможно именно для этого они и есть в мире. Ты знаешь, если случайно земля разве это не ад какой-то другой планеты?

Девушка, очень позитивистская, рассмеялась.

- Какая ерунда!

- Но англиканцы не считают брак таинством — продолжил Спандрелл.

Хоровод исказился от негодования.

- Вы принимаете меня за англиканца?

0 рабочий день закончился; бар начал заполняться людьми, которые они искали духовного покоя. Выплеснул пиво, алкоголь был измерен в маленькие чашки, драгоценно. В sfouf^z7, в Горьком, в виски, они они покупали заменители путешествий за границу и мистический экстаз; преемник поэзии, из выходных в компании Клеопатры, из масштабные и музыкальные охоты. Мальчик-хор попросил еще одного виски.

- В каком возрасте мы живем! - сказал он, качая головой. — Варвар. Какое ужасное невежество самых элементарных религиозных истин!

— Не говоря уже о гигиенических истинах, - сказал Спандрелл. — Этот мокрая одежда! И ни одного окна… - Снял платок и забрал к носу.

Хоровод вздрогнул и поднял руки: - а какой платок! — воскликнул-Какой ужас!

Спандрелл отодвинул его от лица, чтобы осмотреть.

- Похоже на красивый шарф. - Это была шелковая бандана. красный, с живыми рисунками черного и розового цветов. - Очень дорого, должен добавлять…

- Но цвет, мой дорогой сэр. Цвет!

— Вкус.

- Но не в это время года. Между Пасхой и Пятидесятницей? Невозможно! Литургический цвет-белый. - Вытащил свой платок. Была мишенью как снег. - И мои носки… - Он поднял одну ногу.

- Я спрашивал себя, Почему ты ходишь с этот вид того, кто будет играть в теннис…

- Белый, белый, - сказал хоровод. - Прописано. Между Пасха и Пятидесятница Риза должна иметь белый цвет в качестве преобладающего цвета. Не принимая во внимание, что сегодня праздник Святой Наталии Богородицы. И белый это цвет для всех Дев, кроме мучеников.

- Потому что я бы сказал, что все они были мучениками, - сказал Спандрелл. — Это да, если вы долго оставались девственницами…

Распашная дверь открывалась и закрывалась, открывалась и закрывалась. Снаружи была одиночество и влажные сумерки; внутри, счастье быть многими, быть в тесном контакте. Хорист начал говорить о маленький Святой Хью из Линкольна и Святого Пирана из Перранзабулоэ, покровитель шахтеров Комуальи. Выпил еще один виски и доверил Спандреллу, что он писал в стихах жития английских святых.

- Еще одно дерби под водой — - предсказала группа пессимисты, за прилавком; и были счастливы, что могли пророчествовать так в группы, с хорошей погодой внутри чрева и шипящим солнцем в душах. As мокрая одежда испускала более удушающий пар, чем когда-либо; пар счастья; звук разговоров и смеха был оглушительным. 0 мирный мальчик хора взорвал лицо Спандрелла своим алкогольным дыханием и его стихи…

Касситерида в середине По морю святой пришел

Напевал он. Четыре виски уже почти вылечили его от

скручивания и гримасы. Маленький человек потерял смущение. Зритель сознавая себя, он пошел спать. Пусть придут другие виски, а не было бы еще одно “я”, о котором можно было бы знать:

- “Очень легкий…” — продолжать.

Mui свет на волнах ходил Святой Пиран из Перранзабулоэ.

- Это было главное чудо Пирана, — объяснил он, - ходить от Land’s End до островов Силли.

- За ТРИЗ, который не побьет мировой рекорд, а? — наблюдать Спэндрелл.

Другой покачал головой.

- Был ирландский святой, который пошел пешком в Уэльс. Но я не могу запомнить его имя. Девушка! — называть. - Сюда! Еще один виски, пожалуйста.

- Сила в том, чтобы признать, - сказал Спандрелл, - что вы знаете, как наслаждаться этим мир и небо тоже. Шесть виски…

- Всего пять, - возразил хоровод. - Это только пятый.

- Тогда пять виски и литургические цвета. Не говоря уже о Святом Пиране Перранзабулоэ… Вы действительно верите в этот поход на острова Силли?

— Абсолютно.

- Вот оно, для причастника, - сказала клерк, толкая стакан на прилавке.

Мальчик-хор покачал головой, расплачиваясь.

- Богохульство со всех сторон. Каждое слово-это еще одна язва в Святое Сердце. — Пить. - Еще одна кровавая и болезненная чага!

- Как ты наслаждаешься этим своим святым сердцем!

- Кончить? - повторил хоровод, возмущенный.

- Шатаясь от стойки к ступеням алтаря. И исповеди в бордель. И идеальная жизнь. Даже не однообразие. Я завидовать.

- Продолжай издеваться, продолжай! - Другой говорил тоном одного мученик мученик. - Если бы вы знали, какая это была моя трагедия жизнь, я бы не сказал, что завидую мне.

Дверь открывалась и закрывалась, открывалась и закрывалась. Наполненные Божественной жаждой оказавшись в духовных пустынях мастерских и офисов, люди они приходили как в храм. Таинственное божество, открывшееся им она была разлита по бутылкам и помещена в чаны на берегах Клайда и Лиффи, Умиса, Дору и Трент. Для браминов, которые сжимали и пили сома, его звали Индра; для йогов, питающихся гашишем, Шива. Эй боги Мексики жили внутри пейота. Персидские суфии обнаружили что-то в вине Шираза шаманы самоедов ели грибы и они были наполнены духом Нума.

- Еще виски, Мисс, - попросил хоровод. И, возвращаясь-

если для Спандрелла, он чуть не пролил слезы о своих бедах. Иметь возлюбленный, он женился-сакраментально; он настаивал на этом. Был счастлив. Оба они были счастливы.

Спандрелл поднял брови.

- Ей нравился запах виски?

Другой грустно покачал головой.

— У меня были свои недостатки, - признался он. - Он был слаб. Эта чертова выпей! Черт! - И в внезапном энтузиазме по поводу воздержания излил виски на полу. - Готово! - торжественно воскликнул он.

- Какое благородство! - сказал Спандрелл. Помахал девушке в баре. — Еще один виски для этого джентльмена.

Хоровод запротестовал, но без особого рвения. Вздохнул.

- Это всегда был мой большой грех. Но потом он всегда оставался раскаявшийся. Искренне сожалею.

- Я в этом уверен… Никогда ни минуты раздражения…

- Если бы она осталась со мной, я мог бы исцелиться…

- Помощь чистой женщины, а?

- Точно — - сделал другой, с утвердительным сигналом в голове. — Быть именно это. Но она бросила меня. Убежать. Или раньше он не сбежал. Быть соблазнять. Я бы не сделала это для себя. Это была та ужасная маленькая змея, которая он прятался в траве. Тот… — В этот момент он использовал словарный запас энергичный докер. - Я бы вывихнул ему шею, если бы он был здесь. — продолжал хоровод. Повелитель сражений опустился на пятую виски. - Эта грязная свинья! - Ударил кулаком по стойке. — Бог вы знаете человека, который нарисовал эти картины Тейт Галлей, Бидлейк? Ну, это был сын этого парня. Уолтер Бидлейк.

Спандрелл поднял брови, но не стал комментировать. Мальчик хор продолжал говорить.

Уолтер обедал в Sbisa с Люси Тантамаунт.

Почему бы тебе не поехать в Париж? - спросила Люси Уолтер. голова.

- Мне нужно работать.

- Я думаю, что действительно невозможно остаться в месте более чем на пару месяцы за раз. Мы стареем, увядаем, становимся невыразимо скучный… Как только я сижу в самолете в Кройдоне, у меня создается впечатление что я рождаюсь свыше; как в Армии Спасения.

- А как долго продлится новая жизнь?

Люси пожала плечами.

- Столько же, сколько и старуха. Но, к счастью, есть самолеты в количестве почти неограниченный. Я откровенно за прогресс.

Двери храма неизвестного бога закрылись за ними. Спандрелл и его спутник вышли в холодную дождливую темноту.

- УФ! - сделал хоровод, Тирит. Поднял воротник водонепроницаемый. - И то же самое, что нырять в бассейн.

- И как читать Геккеля после Фенелона. Вы, христиане, живете в очаровательная маленькая вселенная превратилась в кафе.

Они прошли несколько метров вниз по улице.

- Посмотри сюда, - сказал Спандрелл, - думаешь, ты можешь идти домой пешком? Потому что у вас не создается впечатление, что вы способны на это…

Опираясь на фонарный столб, хорист покачал головой.

- Подождем такси.

Ожидать. Шел дождь. Спандрелл посмотрел на другого мужчину с холодная неприязнь. Существо развлекало его; в то время, когда оба они остались в кафе, это послужило ему отвлечением. Теперь внезапно маленький человечек оказался просто отталкивающим.

- Ты не боишься попасть в ад? - спросил Морис. - Там они заставить его пить виски в огне. У вас есть этимально в животе один рождественский пудинг. Если бы вы могли видеть себя таким, какой вы есть сейчас… Что отвратительное зрелище!

Шестой виски мальчика хора был полон раскаяния.

- Я знаю, я знаю… - застонал он. - Я отвратительна. Я презренный. Но если бы Господь знал, как я боролся, как я боролся е…

- Вот идет такси, - крикнул Спандрелл.

- Как я молился… - продолжал хоровод.

- Где вы живете?

- Оссиан Гарденс, 41. Я боролся…

Машина стояла перед ними. Спандрелл открыл дверь.

- Заходи, детка, — сказал он, толкая другого. — Ossian Gardens, 41-приказал кондуктор. Мальчик хора, между тем, он тащился на скамейку. Спандрелл последовал за ним. — Слизняк отвратительно!

- Продолжай, продолжай. Я это заслужил… У вас есть все основания для меня презирать.

- Я знаю. Но если вы думаете, что я дам вам удовольствие продолжать сказать ему эти вещи, вы сильно ошибаетесь. - Откинулся назад на его я пою и закрываю глаза. Вся ее потрясающая усталость, вся ее отвращение они внезапно вернулись к нему. - Бог, - сказал он внутренне - Боже, Боже, Боже. - И, как гротескное, насмешливое эхо его мысли, хоровод молился вслух.

- Боже, помилуй меня. - повторял вопиющий голос. Спандрелл разразился смехом.

Оставив Эбби у ворот своего дома, Спандрелл вернулся в такси. Он вдруг вспомнил, что не обедал.

- В ресторан Sbisa'S, - сказал он водителю. - Боже, Боже. — потом повторил в темноте. Но ночь была огромной пустотой.

- Вот Спандрелл! - крикнула Люси, перебивая спутницу в середине одно предложение. - Поднял руку и помахал рукой.

- Люси! - Спандрелл взял ее из руки и поцеловал. сел за стол их. - тебе интересно узнать, Уолтер, что я только что сыграл роль добра. самаритянин по отношению к своей жертве.

- Моя жертва?

- Твой как, Карлинг, не так ли его зовут? - Уолтер покраснел, измученный. - Он использует рога, как и все остальные. Хорошо в пути традиционный. - Посмотрел на собеседника и обрадовался, увидев признаки тоска на его лице. - Я обнаружил, что он топит свои печали в виски. — спандрелл продолжал злонамеренно. - Великое романтическое лекарство.

Было облегчением иметь возможность немного отомстить за свои собственные страдания.

ГЛАВА XVIII

В Порт-Саиде спустились на землю. 0 борт корабля был пропастью утюг. У его ног шлюп задыхался над грязным, нежно бурлящим морем; между его планширом и концом лестницы портала небольшой бездна сжималась и расширялась. Для пары здоровых ног каблук не будет ничего. Но Филипп колебался.

Прыжки с искалеченной ногой впереди могли означать падение под шок прибытия; что, если бы он повернулся к этой ноге, чтобы дать ему импульс, была бы хорошая вероятность того, что он упадет до смешного, прежде чем попадет в шлюп. Он был спасен от этой ситуации военачальником, который предшествовал в прыжке.

- Смотри, держи меня за руку, - сказал он, заметив нерешительность Филипп и его дело.

- Большое спасибо, - сказал писатель, оказавшись в безопасности на скоростном катере.

- Какая глупость! - прокомментировал другой. - Особенно когда если у вас на одну ногу меньше, а?

- Очень глупая.

- Изуродован с войны?

Филипп покачал головой.

- Несчастный случай в мальчишеское время, - телеграфно объяснил он. Кровь он взобрался на ее лица. - А вот и моя жена, - добавил Нум бормотание, довольный тем, что нашел предлог, чтобы избавиться от собеседника. Элинор вскочила, опираясь на мужа, чтобы сохранить равновесие; они направились оба в места, которые находились на другом конце катера.

- Почему ты не позволил мне спуститься первым, чтобы помочь тебе? — спросила она.

— Не надо было, - ответил Филипп сухо и тоном, что а решила больше не говорить слов. Элинор все время задавалась вопросом о себе. что бы случилось. Что-нибудь связанное с физическим дефектом муж? Почему он оказался таким странным в этом конкретном случае?

Самому Филиппу было бы трудно объяснить, что в вопросе джентльмен военного облика, он беспокоил его. В конце концов, не было абсолютно ничего постыдного в том, что вас сбил автомобиль. Е тот факт, что он был отклонен как совершенно непригодный для военной службы ничего не предлагало непатриотического. И тем не менее, против всех причин, вопрос это беспокоило его, как и все вопросы одного и того же рода, и с любым слишком ясным намеком на его недостаток.

Споря с Элинор, мать Филиппа однажды сказала: “Филипп был последний человек, поистине последний человек в мире, которому такая вещь должно быть. Он родился далеко, далеко… если ты понимаешь, что я имею в виду под этим. Ему всегда было слишком легко отказаться от другой. Очень любил закрываться на фоне собственного молчания. Но я мог бы научиться экстернализовать себя больше, если бы не было этого ужасного авария. Он поднял искусственный барьер между Филиппом и остальными люди. Для начала мальчик больше не мог заниматься спортом; и не занятия спортом означали меньше контактов с другими мальчиками, больше одиночество, больше досуга для книг. И это, в свою очередь (бедный Фил!), принес новые причины застенчивости. Чувство неполноценности. Дети они способны раскрыть такую ужасную жестокость… Иногда они смеялись над ним в школа. А потом, когда девочки начали принимать значение его глаза, как я хотел, чтобы Фил был в состоянии пойти на танцы и теннисные матчи! Но он не мог ни танцевать, ни играть. И, конечно, нет я хотел пойти как зритель, как незнакомец… Ее бедная нога раздавлена он начал с того, что физически держал его на расстоянии от девочек его возраста. А также психологически. Потому что я верю, что он всегда боялся (в секрет, уже видно, и не желая этого признавать) что они смеялись над ним, как они это делали некоторые из мальчиков; и не хотел рисковать быть отвергнутым в пользу от какого-то другого, более благоприятного, чем он. Не то чтобы Фил когда-либо принимал большой интерес к девушкам… - я добавил Миссис Куорлз.

И Элинор рассмеялась, сказав:

- В этом я не сомневаюсь…

-Но Филипп никогда не привыкнет избегать их нарочно. Он также не сбежал бы так систематически, чтобы

все личные контакты, не только с девушками; с мужчинами также. Интеллектуальные контакты-единственные, которые он признает.

- Можно было бы сказать, что вы не чувствуете себя в безопасности, кроме как в разгар идей.

- Потому что среди них он может оказать сопротивление; потому что он может иметь уверен в своем превосходстве. Он привык бояться и подозревать, когда вы видите себя вне этого интеллектуального мира. Это была ошибка… И я всегда пытался успокойте его, заставьте его покинуть свой мир; но Филипп не позволяет себе попробуй, он сжимается внутри своей раковины. - А после тишины Миссис. Куорлз ответил: “Это только хороший результат; я имею в виду авария. Это спасло его от войны и смерти, вероятно. Как его брат.

Моторная лодка начала двигаться к Земле. После того, как вы представили как грозная стена из Черного Железа, пакет, как они уходили, превращались в большой корабль, который теперь можно увидеть на его цельность.

Привязанный, неподвижный между морем и голубым сиянием неба, он выглядел как из этих плакатов, рекламирующих тропические круизы в витрине агентства из поездок на Кокспур-стрит. “Вопрос был дерзким”, - подумал он Филип. “Какая вам разница, что я изуродован войной или нет? Как они продолжают хвастаться своей войной, эти профессиональные солдаты! Почему, я я могу считать себя счастливым, что держался подальше от этой кровожадной девушки. Бедный Джеффри!“Думал о мертвом брате.

— И все же, - заключила Миссис Куорлз после перерыва в в каком-то смысле я хотел, чтобы Филипп пошел на войну. О! не по причинам воинственные или патриотические. Но потому что, если бы вы могли заверить меня, что он не он умер и не был искалечен, это было бы так хорошо для него… сильно хорошо, может быть; болезненно хорошо; но в любом случае хорошо. Я мог бы получить его сломал снаряд, мог бы освободить его из собственной тюрьмы. Свобода с эмоциональной точки зрения; потому что ваш интеллект уже довольно свободен. Слишком свободно, может быть, здесь для моего старомодного вкуса. - И мать Филиппа, в этот момент он улыбнулся с оттенком печали. - Свободно приходить и уходить внутри вместо того, чтобы быть замкнутым в своем безразличии.

- Но разве это равнодушие не является в нем естественным? - она возразила Элинор.

- Частично, да. Но отчасти это привычка. Если бы ему удалось сломаться, привычка, это было бы намного счастливее. И я думаю, что он это знает, но нельзя hvrar привычка для себя. Если бы другие могли его освободить… Но война это был последний шанс. И обстоятельства не позволили ей уйти воспользоваться.

- Слава богу!

— Хорошо… может, ты прав.

Катер прибыл. Филипп и женщина прыгнули на землю. Жар это было ужасно, булыжник вспыхивал, воздух был полон пыли. С большим количеством дисплей зубов, много свечения черных и жидких глаз, много хореографическая жестикуляция, мужчина оливкового цвета пытался продать им ковер. Элинор показала, что хочет оттолкнуть его.

- Не тратьте энергию — - посоветовал Филипп. - Слишком жарко. Пассивное сопротивление; притворись, что не понимаешь.

Они продолжали ходить, как мученики, по арене; и как знаменитый лев человек из Феса приставал к ним. Если они не хотели ковров, купите хотя бы искусственный жемчуг. Ни жемчуга? Затем сигары законные от Гаваны до 1 с половиной пенисов каждый. Или целлулоидный гребень. Или имитация янтаря. Или почти законные золотые браслеты. Филипп он продолжал качать головой.

- Красивые кораллы. Красивые жуки, настоящие старики.

Эта заискивающая улыбка начинала производить впечатление животное, которое засовывает клыки. Элинор отдала его в фермерский магазин кто искал; они перешли улицу и вошли.

- Спасены! Он не посмеет следовать за нами. Я был так напуган, чтобы мужчина вдруг начал кусаться… Однако это бедный-черт! Я думаю, мы должны купить ему что-нибудь.

Элинор повернулась и направилась к клерку, который оказался позади балкон.

- Пока ты здесь, - сказал Филипп, предсказывая, что покупки женщина будет бесконечно утомительно-я пойду, чтобы купить сигарета.

Он вышел в ослепительную ясность. Человек из тарбуша ждал. Дал Пинчо, схватил Филиппа за рукав. Отчаянно бросил последний козырь.

- Красивые открытки, — засмеялся он конфиденциально, вытаскивая одну конверт из кармана изнутри. - Свободный пол. Всего 10 шиллингов.

Филипп смотрел, не показывая, что понимает.

- Не английский, - сказал он. И он шел по улице, Хромая. О человек из тарбуша поспешно шел рядом с ним.

- Tres curleuses, - настаивал он. - Три смешных. Moeurs arabes. Залить passer le temps à bord. Soirante francs seulement. - Ничего не видел. свет понимания. - Molto artistiche — - намекнул он по-итальянски. — Собственный любопытство. Чинкванта франки. - С отчаянием осмотрел лицо Филиппа, который держался равнодушным. - Хюбш — - продолжил продавец. - sehr гешлехтлих. Зен Марк. - Ни одна мышца не двигалась. - Muy hermosas, muy украшенные, mucho непристойные. - Он сделал еще одну попытку. — СКОН брефкорт. Liderlig fotografi bild. Накна джунгфрун. Верклиг смуци. — Завсегдатай явно не был скандинавом… Будет ли это славяно? - Спросны позор.foB], - сказал мужчина убедительным тоном. Бесполезный. Может быть, португальский… - Нечестные фотографии… — начать.

Филипп рассмеялся.

- Вот, - сказал он, отдав продавцу полкроны. - Ты это заслужил.

- Ты понял, чего хотел? - спросила Элинор, когда ее муж вернуться.

Филипп сделал это своей головой.

И я также нашел единственно возможную основу для Лиги Наций. О общий интерес. Наш зубастый друг предложил мне неприличные открытки на семнадцати языках. Этот человек теряется в Порт-Саиде. Надлежать быть в Женеве.

- Две дамы хотят тебя видеть, босс — - сказал продолжение редакции Литературный Мир.

- Две? - Бурлап поднял темные брови. - Две? — О мальчик подтвердил. - Ну, заставь их подняться. - Континуум ушел. Burlap он чувствовал себя подавленным. Я надеялся на Ромолу Сэвилл, Ромолу Сэвилл, которая имела написанный,

Я знаю любовь с тех пор, как мир есть мир. И так в моих тысячелетних перевозках, Я взял в руки божественного лебедя Извергнутый Лавровым Парисом,

А теперь поэтесса приходила с фрейлиной. Это было не то, что если бы я ждал от нее. Две дамы.

Две двери его святилища открылись одновременно. Этель Коббетт явился к одному из них, взяв в руки пачку улик. галера. Через другую вошли две дамы. Стоя у порога, Этель смотрела на вновь прибывшие. Один из них был высоким и удивительно худым. Другой, почти она была такой же высокой, как и ее партнерша, она была крепкой. Ни одна из них не была молодой. Худенькая дама производила впечатление, что ей 43 или 44 года девственности фанада. Тучный был, возможно, немного старше, но сохранился расцвела свежесть вдовы. Худая была бледной, у нее были черты костлявые, угловатые волосы, неописуемые каштановые волосы и серые глаза,; она была одета более или менее в моду, а не в парижском стиле, но да в соответствии с самым веселым и эффектным способом Голливуда-в сером-бледно-розовый. Другая дама была очень светловолосой, у нее были голубые глаза, длинные висячие серьги и ожерелье из лазурита того же цвета. Стиль его платье было более матрональным и Европейским, чем платье ее спутницы, и в нем большое количество недорогих украшений, подвешенных здесь и там вдоль от всего ее лица-берлокеры, которые слегка звенели, когда она ходить.

Две посетительницы прошли через комнату. Бурлап притворился таким

глубоко погруженный в свою литературную композиционную работу, которая не слышала, как открылась дверь. Это было только тогда, когда дамы уже были в нескольких шагах от своего стола он поднял глаза от бумаги, на которой был писать яростно — и с каким трепетом от удивления, с каким выражение смущения, полное неприятностей! Он поднялся с прыжка.

- Мне очень жаль. Простить… Я не понял. Остается так погруженный… - N и m двигались в d и B. Бурлап простудился. — Так связан с бя работа.

Обошел стол, чтобы приблизиться к двум женщинам, улыбаясь его более тонкая и духовная улыбка Содома. Но: “О, Боже!“воскликнул он внутренне. “Какие страшные женщины!”

- А какой, - продолжил он, теперь вслух, и улыбаясь от одного к другому. другая-какая из двух дам, разрешите вопрос, это сита. Сэвилл?

- Никто из нас, - сказала тучная женщина голосом один так глубоко, но с игривым видом, сопровождаемым улыбкой. — Или и то, и другое, если хотите… - сказала другая. Его голос был громким и металлическим. Говорить резко, в маленьких сквиртах, и с необычайной быстротой и головокружительный. - И то, и другое…

И обе дамы порвали одновременно от смеха. Бурлап смотрел и он слушал с унылым сердцем. В какое осложнение он попал? As женщины были потрясающими. Писатель литературного мира высморкался; кашлять. Они сделали его хуже от простуды.

- Дело в том, — сказала тучная женщина, бросая голову в сторона с небольшим количеством раздражительности и влияет на шепелявость — это то, что мы…

Но худой прервал ее:

- 0 факт в том, что мы, - сказала она, так быстро высыпая слова что вызывало изумление сам факт того, что мне удалось их сформулировать-мы партнерство, комбинация, почти заговор. - И выпустил резкий, резкий смех.

- В общем, заговор. - сказала тучная, шепча от чистого шутка.

- Мы две части раздвоения личности Ромолы Сэвилл.

- В которой я доктор Джекил, - добавила тучная. Они оба смеялись еще раз. “Заговор”, - подумал Бурлап, с растущее чувство ужаса. “Даже не остается ни малейшего сомнения…”

Доктор Джекилл, кстати, Рут Гоффер. Позволь мне познакомить тебя с миссис. Гоффер? В то время как я делаю то же самое с мистером Хайдом, кстати, Ситой. Хайнетт? В то время как мы оба вместе представляем себя как Ромола Сэвилл уважение к бедным стихам которого Господь сказал такие добрые слова.

Бурлап пожал обеим дамам руки и что-то сказал по поводу огромное удовольствие, которое он испытывал от встречи с авторами работы, которую он так много я восхищался. “Но как мне избавиться от них?“он спрашивал себя.

Так много энергии, так много изобилия силы и воли! Распутать себя это не шутка. Бурлап внутренне вздрогнул. “Они как паровые машины”, - заключил он. И они будут мучить его, чтобы он он продолжал публиковать им проклятые стихи. Эти непристойные стихи — потому что это то, чем они были в свете возраста этих женщин, в свете их энергия, их физические проявления — да, именно это, непристойные. “Эти суки!”,- сказал он о себе с чувством, что они его они напали на рассказ викария, который воспользовался его невинность, чтобы обмануть его. Именно в этот момент Бурлап дал присутствие Мисс. Коббетт. Она вопросительно подняла пачку улик.

Бурлап покачал головой.

- Позже, - сказал он с редакционным выражением достоинства. Мисс. Коббетт отошел в сторону, но не без того, чтобы Берлап заметил его по лицу а выражение триумфа, полное насмешек. Чертова женщина! Это было невыносимо.

- Мы были так тронуты и довольны вашим добрым письмом — - сказал он сильнее дам.

Бурлап по-францискански улыбнулся.

- Вы довольны, когда можете что-то сделать для литературы.

- Так мало тех, кто проявляет к ней интерес…

- Да, так мало… - повторила Мисс. Хайнетт в Эхо. И, говоря с

быстрота того, кто попытается сказать в наименьшее время и с наименьшим возможное количество ошибок ” раковина бедный Черный цыпленок, бедный Черный цыпленок раковина?”, она свалила историю партнерства и свои обиды. Жили вместе в Уимблдон и замышляли стать Ромолой Сэвилл уже более шести лет; за все это время они смогли опубликовать только свои работы девять раз. Но они не потеряли самообладания. Их день, они они знали, он должен был прийти.

Они продолжали писать. Много и много писали. Кто знает, если мистер. Разве бурлап не был заинтересован в том, чтобы увидеть пьесы, которые они написали? И Мисс. Хайнетт открыл портфель и положил на стол четыре желоба машинописные оригиналы.

Это были исторические произведения в Белом стихе. И титулы были Фредегунда, Ублюдок Нормандии, Семирамида и Жиль де Рец. Отступили, по конец, взяв с собой обещание Бурлапа прочитать пьесы, опубликовать последовательность сонетов, идущих на ужин в их дом на Уимблдоне. Burlap он вздохнул, а затем перекомпоновал лицо в невозмутимом выражении превосходство, позвонил в дверь, позвонив Мисс. Коббетт.

- У вас есть доказательства? - спросил он, далеко и не глядя для девушки. Этель передала ему бумаги.

- Я позвонила и сказала, что все остальное нужно быстро поднять.

— Хороший.

Была тишина. Это была Мисс. Коббетт, который сломал его, и хотя он не глядя на ее лицо, Бурлап понял по тону голоса, что секретарь улыбался.

- Твоя Ромола Сэвилл, - сказала она, - дала ему небольшой шок, нет

это было?

Лояльность Мисс. Коббетт к памяти Сьюзен был тем более интенсивно, насколько это было принудительно и целенаправленно. Она сама любила Бурлап. Его верность Сьюзен и платонической духовности, которая это была любовная

специальность Бурлапа (она сначала считала, что Денис я был искренен в том, что говорил с таким постоянством и таким образом. она работала в постоянной борьбе с любовью и каждый раз

сильнее благодаря этому упражнению. Бурлап, который был испытан в этих дела, как я быстро понял, по реакции девушки на их первые платонические домогательства, которые, как говорит сутенер, даже его дьявол почти не носил, “ничего не делалось”. Настаивая, он сможет ли он просто поставить под угрозу свою репутацию высокого духовность. Несмотря на то, что девушка влюблена в него, или, в каком-то смысле из-за этого (потому что, любя, она понимала как опасно легко было бы предать дело Сьюзен и чистого духа и, осознавая опасность, сопротивлялась ей), она никогда не допустит-поняла Burlap - его переход, хотя и постепенный, от духовности К камальность, какой бы изысканной она ни была. И, поскольку он сам не любил, так как она пробудила в нем только смутный подростковый зуд желание, которое могла бы удовлетворить любая другая женщина, ему мало стоило быть осторожным и отступать. Отступление, рассчитывал он, было чтобы укрепить ее восхищение его духовностью, он должен был укрепить его любовь. Бурлап проверил, что всегда полезно иметь горничных, которые любят люди. Они работают усерднее и требуют гораздо меньше чем те, кто не влюблен. Какое - то время, все шло по плану. Мисс. Коббетт выполнял работу три секретарши и непрерывные, в то же время поклонялись начальнику редакция. Но были инциденты. Бурлап был слишком заинтересован в сотрудник.

Приехала одна из женщин, с которыми Денис фактически спал доверьтесь Мисс. Коббетт. Вера девушки пошатнулась. Потеть добродетельное возмущение перед лицом того, что она считала предательством Обман Сьюзен и ее идеалов перед лицом целенаправленного лицемерия этого мужчина, он воспламенился личными чувствами. Он также предал ее. Этель была полна ненависти и злобы. Ненависть и злоба усилились-вам идеальная лояльность. Она могла выражать ревность только в зависимости от своей преданности к Сьюзен и к духу.

Каплей, из-за которой стакан переполнился, была Беатрис Гилрей. Кубок горечь Мисс. Коббетт переполнился, когда Беатрис поселилась в Literary World-в редакционной комнате, и в довершение всего писать фактически что-то для газеты. Мисс.

мало к идее, что проза Беатрис была предназначена только для различных Быстрые заметки, которые были абсолютно неважными. Но, несмотря на это, она была полна озлобленной злобы. Она была гораздо более образованной, чем эта глупая Беатрис; намного умнее тоже. Если бы они позволяли Беатрис писала, Это было только потому, что у нее были деньги. Мисс. Гилрей он вложил в газету 1000 фунтов. Работал бесплатно-и, кстати, она работала сумасшедшей, как и сама Мисс. Коббетт работал в принцип.

Теперь Этель делала как можно меньше. Он пользовался своими правами; никогда приходил на минуту раньше, никогда не оставался на минуту дольше времени. регламентировать. Он делал только то, за что ему платили. Бурлап был раздражен, обидчив и полон скорби; он должен был перегружать себя обслуживанием или нанимать другого секретаря. Это было тогда, что, по провидению появилась Беатрис. Он взял на себя всю работу меньше редакции, чем Мисс. У корббетта не было времени на это. Как компенсация этой работы и 1000 фунтов стерлингов Бурлап позволил ему написать немного для газеты. Беатрис, конечно, не умела писать; но нет импортировать. Кто собирался читать разные?

Когда Берлап переехал жить в дом Беатрис Гилрей, Кубок Мисс Гилрей был подарен ей. Коббетт снова переполнился. В первый момент холеры Этель была довольно безрассудно, чтобы сделать Беатрис торжественное предупреждение с отношения с вашим арендатором. Но его бескорыстная забота о репутация и девственность другой была слишком большой явный и неконтролируемый, проникнутый злобой по отношению к Бурлапу. Единственный эффект его увещевания был раздражать Беатрис до точки провоцировать ее открой ответ.

— Она действительно невыносима,-жаловалась позже Беатрис Бурлап, однако, не скрывая всех причин, которые у него были, чтобы найти невыносимый коллега.

Бурлап принял свой воздух Иисуса Христа.

- Она сложная, - согласилась она. - Но мне жаль. Был один трудная жизнь…

- Я не вижу, чтобы трудная жизнь могла быть оправданием для

человек плохо себя ведет. - повторила сита. Гилрей с грубостью.

- Но надо проявить терпимость. - сказал Бурлап, встряхивая голова.

— На твоем месте, - сказала Беатрис, - я бы не сохранил ее на работе; я должен был отослать ее.

- Нет, я не могу этого сделать — - ответил Бурлап, говоря медленно, как тот, кто размышляет, как будто вся дискуссия выполнение внутри себя. - В этих обстоятельствах нет. - Улыбнулся один улыбка содомии, тонкая, духовная и нежная; еще раз встряхнул его темная и романтичная голова. - Обстоятельства несколько особенные… — Он продолжал говорить расплывчато, никогда не объясняя точно каковы были такие особые обстоятельства, и с чем-то вроде скромность, как будто она не хочет петь свои собственные похвалы. Это было до Беатрис понимает, что Берлап дал Мисс берлап работу. Коббетт милосердие.

Мисс. Гилрей чувствовал себя захваченным смешанным чувством удивления и благочестие-восхищение добротой Бурлапа, и благочестие за то, что видел его таким беззащитен в неблагодарном мире.

- Несмотря ни на что, - сказала она, и, сказав это, она выглядела свирепо, ее слова были похожи на маленькие жесткие удары молотком — я не понимаю, почему ты вы должны быть напуганы. Да, я бы не позволил себе так себя вести…

С этого момента Беатрис не упустила возможности апострофар Мисс. Коббетт, чтобы показать себя грубым по отношению к ней. Мисс. Коббетт, в отместку он тоже ругался, показывая себя таким же грубым и саркастичным. В редакции “литературного мира” война была открыта. Долго, но не с абсолютной беспристрастностью, подобно Богу, который имел вред в пользу добродетели — которую в данном случае представляла Беатрис - Бурлап парил как посредник над битвой. Эпизод Ромола Сэвилл предоставила Мисс Дж. Коббетт возможность положить в проявите свою злобу.

Ты видел этих двух ужасных поэтесс? - спросила она Беатрис в на

следующее утро с фальшивой атмосферой товарищества.

Беатрис поразила ее пронзительным взглядом. Что я хотел бы женщина?

- Какие поэтессы? - недоверчиво спросил.

- Те две грозные зрелые дамы, которых пригласил режиссер чтобы прийти к нему, под впечатлением, что они едины и молоды. - Он стал смеяться. - Ромола Савиу. Так были подписаны стихи. Имя это было так романтично… И стихи тоже были такими романтичными… Но оба автора! Боже мой! Когда я увидел директора в их лапах,, мне было очень жаль его. Но, в конце концов, виноват именно он. Если Тейма писать сотрудникам…

В тот вечер Беатрис возобновила свои жалобы на Мисс Марвел. Коббетт.

- Женщина была не только скучной и непослушной, все мог бы выдержать, если бы она выполняла свою работу удобно; но это было тоже ленивая.

Публикация газеты была такой же сделкой, как и любая другая. Не возможно сделать себе бизнес на основе сентиментальности. Свободно, полный скромность, Бурлап снова высказался в особых обстоятельствах дела. Беатрис ответила. Была дискуссия.

- И то, что происходит с теми, кто оказывается слишком хорошим. - заключила Беатрис, грубый.

- Думаешь? - Улыбка Бурлапа была такой красивой, такой грустной францисканец, который Беатрис чувствовала, как она таяла внутри в нежности.

- Да, я думаю — - заявила она, стуча, все жестче и враждебнее по отношению к с Мисс. Коббетт, когда он чувствовал себя более молочным, более математически защищает от Бурлапа. Его нежность, так сказать, она была одета в возмущение. Когда я не хотел показывать свою мягкость,, Беатрис выворачивала свои чувства наизнанку и наполнялась гневом. “Бедный Денис!”- подумала она под своим возмущением. “Действительно, нужно кто-то, кто позаботится о нем. И слишком хорошо.“Он заговорил вслух: — У тебя потрясающий кашель! - сказал он тоном разврата, в несущественность, которая была только очевидна. Быть

слишком хорошим, никого не иметь.

пусть позаботится о нем, поймает кашель; идеи имели логическую связь. — Что тебе нужно, - продолжала она тем же резким тоном команды, - это от хорошего трения камфорным маслом и термогенным тампоном.

- Произнес эти слова почти угрожающе, как будто напугал его хорошим ударом и месяцем хлеба и воды. Его так выражалась забота; но под этой шероховатой поверхностью, которая мягкость! Бурлап был счастлив, позволив ей выполнить тему угрозы.

В половине 10 он лежал в постели с бутылкой дополнительная горячая вода. Выпил стакан горячего молока с мед и теперь сосал грудную таблетку. Жаль, подумал он, пусть Беатрис больше не будет девочкой. Даже тогда это было на самом деле удивительно молодой для своего возраста.

0 лицо, тело, больше походило на женщину в возрасте 25 лет, чем на женщину в возрасте 35 лет. Бурлап спрашивал себя, как Беатрис будет вести себя, когда в конце концов он сумел развеять свои ужасы. Было что-то очень странно в этих детских ужасах взрослой женщины. Один половина его существа остановилась в том возрасте, когда дядя Бен сделал это преждевременный опыт. Дьявол Бурлапа раздвинул зубы воспоминание о рассказе Беатрис об инциденте.

Раздался стук в дверь, и Мисс бьютиен. Гилрей вошел, принес масло камфорат и термоген.

- Вот палач, - сказал Бурлап, смеясь. - По крайней мере, я хочу умереть. как мужчина! - Расстегнул пижамный пиджак. Его грудь была белой и хорошо обеспеченный; очертания ребер показывались плохо и плохо через мясо. Между сосками полоса черных вьющихся волос шла по линии грудины. - Будь очень плохой, - продолжал он шутить. - Я готов. — Быть его улыбка была полна игривой нежности.

Беатрис открутила бутылку и налила немного ароматического масла на правой ладони.

- Возьми бутылку, - приказала она,-и посади ее туда. - Берлап повиновался. — Готово! - сделал Беатрис, когда Бурлап снова стал растянутым, неподвижным; и начал тереть.

Его рука скользила по его груди, взад и вперед, энергично, эффектно. И когда правые устали, она снова начала трение влево, вперед и назад, вперед и назад.

- Ты похож на паровую машину — - сказал Бурлап со своим страхом Озорная улыбка.

— У меня такое впечатление, - ответила она. Но это было неправдой. У Беатрис сложилось впечатление, что она совсем не паровая машина. Иметь что победить своего рода ужас, прежде чем я смогу коснуться этой груди белый и мясистый. Не то чтобы он был уродливым или отталкивающим. Наоборот, это было даже красивый своей гладкой белизной и мясистой силой. Красивый, как торс статуя. Да, статуя.

Оказалось только, что у статуи были черные кольца из волос вдоль грудина и, на вершине сердца, брюнетная бородавка, которая поднималась и опускалась с кожей в ритме пульсации. У статуи была жизнь; и в этом жил тревожный элемент. Цель обнаженная грудь была прекрасна; но живой, он взял почти отталкивающе прикасаться к нему… Она внутренне вздрогнула от небольшого спазма от ужаса, и она почувствовала, что съежилась от себя из-за таких чувств. глупый. Быстро протянул руку и начал тереть. Ваша ладонь он легко скользил по смазанной коже. Тепло тела Бурлап он общался с рукой Беатрис.

Через кожу она чувствовала твердость костей. Был один грубая щетина против ее пальцев, когда они коснулись ее волос, когда длинные грудины; и маленькие соски были твердыми и эластичными. Она он снова вздрогнул, но было что-то приятное в чувстве ужаса и в том, что он восторжествовал над ним; в этом мурашках по коже было странное удовольствие тревога и отталкивание, которое распространялось по его телу. Беатрис продолжала потирать. Паровой двигатель обладал только энергией и регулярностью движения; в глубине души, однако, как он чувствовал себя полным пульсирующей жизни и в борьбе с собой!

Бурлап лежал с закрытыми глазами, немного улыбаясь удовольствие от оставления и добровольной капитуляции. Он чувствовал, сладострастно, как ребенок, брошенный, бессильный; был в руки Беатрис, как ребенок, который больше не леди себя-а

собственность, игра от твоей мамы.

Ее руки были холодны к его груди. Его плоть была пассивной и доставьте, как простую глину, эти сильные холодные руки.

- Устала? - спросил Бурлап, когда она остановилась, чтобы сменить рука в третий раз. Открыл глаза, чтобы посмотреть на подругу. Беатрис потрясла голова. - Я доставляю тебе столько хлопот, как больному ребенку…

- Вы не доставляете никаких хлопот.

Но Бурлап настоял на том, чтобы оплакивать его удачу и извиняться.

Бедная Беатрис! Когда я думаю обо всем, что ты для меня сделал! Находиться даже стыдно!

Беатрис ограничилась улыбкой. Ее первые мурашки по коже imotivada отвращение прошло. Она чувствовала себя необычайно счастливой.

- Готово! - наконец-то сказал. - Теперь перейдем к термогену. - Открыл картонную коробку и развернул оранжевую шерсть. - Проблема сейчас в том, чтобы сделать это остановится на вашей груди. Я думал о том, чтобы держать его на месте с повязка. Два-три оборота вокруг тела. Как вы думаете?

- Я ничего не думаю, - ответил Бурлап, который продолжал наслаждаться сладострастие ребячества. - Я полностью в твоих руках.

— Ладно. Сядь, - приказала она. Бурлап сел на кровать. — Прижмите шерсть к груди, пока я надеваю повязку.

Чтобы сделать повязку вокруг мы боимся тела Бурлапа, Беатрис ему пришлось сильно наклониться к нему, почти обняв его; его руки нашли на мгновение за спиной мужчины, пока она разматывала повязку. Бурлап уронил голову вперед и лоб он упирался в грудь медсестры. Это свидетельствует об утомленном ребенке против грудь твоей мамы.

- Держи кончик на мгновение, пока я иду за божьей коровкой. — Бурлап поднял лоб и выпрямился. Немного покраснела, но все

еще с очень серьезный и очень обеспокоенный вид, Беатрис снимала Божья Коровка из маленькой карточки с разными булавками.

- Теперь наступает трудный момент по-настоящему, - сказала она, смеясь. Вы не

не так ли, если я воткну булавку в твою плоть?

- Нет, я не занимаюсь делами — - сказал Бурлап, и это было правдой; я бы не стал заниматься делами даже.

Я был бы очень рад, если бы она причинила ему боль. Но такого не произошло. А бинт был прибит к вашей позиции с совершенным мастерством профессиональный.

- Готово!

- Что мне теперь делать? - спросил Бурлап, жадный до повиноваться.

- Ложись.

Бурлап лег. Беатрис застегнула его пижамное пальто.

- Теперь вы должны спать как можно скорее. - Вытащил одеяло до подбородка Берлапа и приколол их под матрас. Потом рассмеялся. — Ты похож на мальчика.

- Ты не поцелуешь меня на ночь?

Лица Беатрис покрасились. Поклонился и поцеловал Бурлапа в лоб.

- Спокойной ночи! — сказать.

И вдруг к нему пришло желание взять его на руки, сузить голова его против ее груди и погладить ее волосы. Но довольствовался положите руку на мгновение против лица Бурлапа, а затем ушел поспешно из спальни.

ГЛАВА XIX

Маленький Фил лежал в своей постели. Комната считалась окунулся в оранжевые сумерки. Тонкая игла солнца, если он намекал сквозь бегущие шторы. Фил был более растерянным, чем обычай.

- Который час? - кричал наконец, хотя раньше кричал и получил в ответ приказ молчать.

- Еще не время вставать, - ответила Мисс. Fulkes друг друга сторона коридора. Ее голос звучал приглушенно, потому что она была на полпути тело в ее синем платье, с головой, окутанной темнотой шелк, руки слепо сражаются, чтобы найти вход в соответствующие рукав.

Родители Фила приезжали в тот день; они были бы в Гаттендене для полдник. Синее платье Мисс. Фулкс-лучшее, что у нее было-было абсолютная необходимость.

- Но который час? - настоял маленький, разъяренный. - Я имею в виду, на твоих часах. Голова Мисс. Фулкс вышел на свет.

- Двадцать к 1. Ты должен молчать.

- Почему не 1?

- Потому что это не так. Теперь я больше не буду вам отвечать. И если ты снова кричишь я расскажу твоей маме, как ты был непослушным.

- Злая! - сказал Фил, наполняя свой голос слезной яростью — , но говорить так тихо, что Мисс. Фулкс почти не слышал. - Я злюсь на тебя!

Было ясно, что Фил не ненавидит это. Но он сделал свой протест; честь я была спасена. Мисс. Фулкс продолжал одеваться. Она нервничала, была полна страх, мучительно возбужденный. Что они подумают о Филе — о своем Филе, о Фил, что она сделала? “Я надеюсь, что он будет вести себя хорошо. Я надеюсь, что он хороший.“Мальчик умел быть ангелом, он был очарователен… когда это ему приятно. И когда я не был ангелом, всегда была причина; но это было необходимо знать его, понимать его, чтобы обнаружить эту причину. Вероятно, родители не смогли бы ее обнаружить.

Они так долго отсутствовали. Они могли даже забыть каким был маленький. И в любом случае они не могли знать, как у него дела теперь, во что он превратился после роста последних месяц. Только она знала этого Фила. Знал и любил — так много, так много… Только она. И однажды мне придется покинуть его. У меня не было на него прав, у меня ничего не было. что жаловаться; любил только его. Они могли бы вырвать его, Фил, в любом случае. момент, когда они хотели. Сита. Фулкс посмотрел в зеркало. Свой собственный изображение, отраженное в стекле, дрожало и терялось в иришном тумане, и внезапно слезы залили его лица.

Поезд прибыл вовремя, и авто ждало путешественников. Филипп и Элинор они вошли в него.

- Разве не чудесно снова быть здесь? - Элинор взяла из руки мужа. Его глаза вспыхнули. - Но, Господи! - собрал ее в тон в ужасе и не дожидаясь ответа. - Построили мир домов новые Ах на вершине холма. Как вы посмели на это?

Филипп посмотрел.

- Немного город-сад, не так ли? И жаль, что англичане так любят поле. Они убивают его силой любви.

— Но, несмотря ни на что, как по-прежнему красиво поле! Ты не чрезвычайно тронут?

- Тронут? - осторожно спросил он. — То…

Ты правда не рад, что снова увидишься с сыном?

— Естественно.

- Естественно! - Элинор повторила слова насмешливым тоном. — И ты говоришь таким тоном! Я никогда не думал, что это подходит “естественно” в случае; но теперь, когда пришло время, я никогда не чувствовал себя таким взволнованным моя жизнь…

Была тишина; машина продолжала цепляться извилисто, вдоль из извилистых путей. Дорога была в гору; авто поднялся между буковая роща и вошел в лесистую возвышенность. Прямо на конце длинная зеленая перспектива, самый колоссальный памятник величия Тантамаунт, Дворец маркиза гаттендена, грелся на

солнце, там

внизу. Знамя развевалось; милорд был в его владениях.

- Нам нужно навестить сумасшедшего старика в один из этих дней. — сказал Филипп. Лани паслись в парке.

- Почему вы путешествуете? - спросила Элинор, глядя на животное.

Мисс. Фулкс и маленький Фил ждали на лестнице.

- Думаю, я слышала шум машины — - сказала Мисс. Фулкс. Ваш довольно массивное лицо было очень бледным; сердце билось у него форс-мажор, чем обычный. - Нет, - добавил он после того, как остался в слушайте на мгновение, с интенсивным вниманием. То, что я слышал, было звук собственной тревоги.

Маленький Фил двигался из стороны в сторону, в недомогании., осознавая только насильственное желание “пойти в определенную часть”. Ожидание заставило его в недрах поселился ежик.

- Разве ты не счастлив? - спросила Мисс. Fulkes с энтузиазмом притворный, и с решимостью (в которой она сама пожертвовала собой добровольно), что мальчик должен чувствовать себя сумасшедшим от радости при мысли о увидимся с родителями.

- Ты не в восторге?

Но они могли вырвать у него малыша, если бы захотели, они могли бы взять его хотя и никогда больше не позволять ей брать его навестить.

— Слушать… - ответил Фил немного расплывчатым тоном. Находиться обеспокоен исключительным приближением событий висцеральные.

Мисс. Фулькс была разочарована отсутствием энтузиазма, который был в голосе мальчика. Посмотрел на него вопрошающе.

- Фил?

Он наблюдал за его беспокойным танцем. Маленький сделал это с голова. Девушка взяла его из руки и поспешно повела вглубь

комната.

Через минуту Филипп и Элинор остановились перед крыльцом

пустыня.

Элинор не могла не чувствовать разочарования. Я предвидел сцена с такой резкостью… - Фил, на лестнице, размахивая в безумии, - имел слышно так отчетливо, от предвкушения, крики сына… и ступеньки они были пусты.

- Никто нас не примет, - сказала она. И тон его голоса был меланхоличный.

- Также нельзя было требовать, чтобы они стояли и ждали нас — ответил Филипп. Он ненавидел все, что имело характер суеты, шум… Для него идеальное Прибытие домой было бы в мантии невидимость. И то, как они пришли, теперь было на втором месте. среди тех, кого Филипп считал хорошими.

Они вышли из машины. Входная дверь оказалась открытой. Войти. Узел тихий вестибюль и пустыня три с половиной века жизни были заснуть. Солнечный свет хлынул через окна. Панели были окрашены в бледно-зеленый цвет в восемнадцатом веке. лестница, вся из старого дуба, он поднимался, теряя из виду, на верхние этажи. Сборник из духи цветов слабо плавали в воздухе; как будто мы воспринимайте старую безмятежную тишину через другой смысл.

Элинор посмотрела на Томо, глубоко вздохнула, передала кончик пальцы вдоль полированной древесины орехового стола и с индексом сложенный врезался в вазу из венецианского стекла, которая лежала над мобильный; чистый звук колокола долго и сладко звучал в тишине душистый.

- И как Спящая красавица, - сказала Элинор. Но в самый момент когда она произнесла эти слова, заклинание сломалось. В внезапный, как будто звон стекла вызвал дом к жизни, звук и движение возродилось.

Наверху где-то открылась дверь; сквозь шум санитарная вода, которая падает, раздался звук молодого, пронзительного голоса Фил, маленькие ноги шли по ковру в коридоре, они вздрогнули, как маленькие копыта, над голым дубом ступеней. АО в то же

время дверь на первом этаже резко открылась, и вульта

огромный Доббс, горничная, бросился в вестибюль.

- О! Миссис Элинор, я не слышала, как вы пришли…

Маленький Фил согнул последний круг лестницы. Родители заметили я кричу и тороплю шаг; он скользит почти от ступеньки к ступеньке.

- Не приходи так легко! Не приходи так легко! - кричала ее мама., жадно. Побежал к нему.

- Не ходи так легко! - повторила Мисс. Fulkes в Эхо, спускаясь спешно ступеньки. И вдруг, выйдя из маленькой комнаты, которая выйдя в сад, появилась Миссис Бидлейк, белая и безмолвная, среди вуалей трепещут, как внушительный призрак. В маленькой корзине я принес букет срезанных тюльпанов; его ножницы для обрезки свисали с кончика из желтой ленты. Тан III следовал за ней, лая. Была путаница объятия и рукопожатия. Приветствия Миссис Бидлейк имели величие ритуал, торжественная благодать древнего и Священного танца. Мисс. Fulkes se она крутилась, застенчивая и тронутая, держась на одной ноге, а затем на с другой стороны, с точки зрения костюмов и манекенов; когда в когда смеялся остро. Когда он пожал руку Филиппу, он съежился от так много насилия, что оно почти потеряло равновесие.

“Бедное существо!“У Элинор было время подумать между вопросами и ответы, которые я получил. “Какая у нее срочная потребность жениться! Это намного хуже, чем когда мы ее оставили.”

- Но как он вырос! - сказал вслух. - И как дела изменился! - Держал сына с вытянутыми руками, отодвинув его на один немного с жестом конны.Иссей.rt49], который отступает, чтобы исследовать кадр.

- Раньше он был портретом Филиппа. Но сейчас… - Покачал головой. Теперь широкое лицо было encompridado, нос короткий и прямой (комический ” нос кот”, который на лице Филиппа был для нее одновременно объектом смеха и от любви) вырос, стал тоньше и слегка орлиным; волосы он приобрел темный оттенок.

- Теперь он точно такой же, как Уолтер. Не так ли? - Миссис Бидлейк. он покачал головой в отдаленном согласии…

- Кроме случаев, когда он смеется, - добавила Элинор. - Его смех чистый Фил.

- Что ты мне привел? - спросил маленький Фил почти с мучительное беспокойство. Когда люди уходили, а потом возвращались домой, всегда они что-то приносили ему. - Где мой подарок?

- Какой вопрос! - возразила Мисс. Фулкс, краснеющий от стыда и снова крутиться.

Но Элинор и Филипп рассмеялись.

- А Уолтер, когда серьезно, - сказала Элинор.

- Или ты… - Филипп смотрел от одного к другому.

- Не прошло и минуты с тех пор, как приехали твои отец и мать. - Мисс. Фулкс продолжал свои упреки.

- Злая! - повернулся маленький, запрокинув голову в небольшое движение холеры и гордости.

Элинор, которая наблюдала за ним, чуть не громко рассмеялась. Этот внезапный подъем подбородок-Ора! - это была пародия на жест превосходства старого мистера Райта. Куорлз. На мгновение малыш превратился в тестя Элинор, в его абсурдный и плачевный тесть, миниатюрная карикатура. Это было комично, но в то же время и в некотором смысле это была не шутка. Она хотела смеяться, но она чувствовала себя подавленной внезапным осознанием тайн и сложности жизни из-за непостижимости будущего. Там был его сын-но он был таким же Филиппом, он был также самой собой, он был также Уолтер, мы убили деда и бабушку, а теперь, с этим подбородком, если внезапно выяснилось, что он также является прискорбным Мистером. Куорлз. И это могут быть сотни других людей. Может быть? Конечно, было. Это были дяди и двоюродные братья, которых Элинор едва знала; бабушки и дедушки и дяди что она видела только в детстве и что она полностью забыла; предков, которые умерли, было много. - Которые восходят к происхождение вещей. Целое население неизвестных населяло это он жил в этом духе и

контролировал его желания, диктовал ему мысли и должен был продолжать диктовать и контролировать Фил, маленький Фил - это имя было абстракцией, данное название произвольно, как “Франция “или ” Англия”, к коллективу, никогда

в течение долгого времени они были такими же, как многие люди, которые родились, жили и они умирали в своем существе, как появляются жители страны и они исчезают, оставляя живым в своем проходе личность нации, к которой они принадлежат. Элинор смотрела на своего сына с чем-то вроде террор. Сколько ответственности!

- Это то, что я называю любовью корыстной, - продолжала она. Фулкс. - И ты не должна так говорить мне “гадость”.

Элинор вздохнула, вздохнула, чтобы проснуться от он мечтал и, взяв сына на руки, прижал его к груди.

- Все нормально… - сказала она, отчасти упрекающей Мисс. Fulkes и отчасти для его я, полного опасений. - Все нормально…

Поцеловал его.

Филипп консультировался с часами.

- Может быть, было бы неплохо, если бы мы помыли руки и устроились прямо перед закуской.

У него было чувство пунктуальности.

— Но сначала, - сказала Элинор, которая думала, что еда была приготовлена для человека не человек для еды-сначала то, что мы должны сделать это просто пойти на кухню, чтобы поприветствовать Миссис Инман. Было бы непростительно, если бы мы этого не сделали. Прийти.

Все еще держа маленького, Элинор предшествовала им через комнату ужин. Запах жареной утки становился все сильнее и сильнее по мере того, как они продвигались вперед.

Немного расстроен осознанием того, что у меня было это отсутствие пунктуальность, и немного беспокойный из-за того, что приходится рисковать, хотя и имея Элинор в роли драгоманы входит на кухню и оказывается среди слуг — Филипп неохотно

последовал за ней.

Время перекуса маленький Фил отпраздновал событие, ведя себя ужасно.

- Суматоха была для него слишком сильной — - постоянно повторяла бедная Мисс. Фулькс, пытаясь извинить мальчика и косвенно оправдать себя

тот же. У него был импульс плакать. Вы должны это увидеть, Миссис Куорлз., когда он привыкнет к твоему присутствию здесь — собрался, повернувшись к Элинор. - Дама увидит; он знает, как быть ангелом… Это суета…

Мисс. Фулкс полюбил этого ребенка до такой степени, что триумфы и унижения Фила, его добродетели и его преступления сделали чтобы она была в приподнятом настроении или в приподнятом настроении, довольна собой или стыдно, как будто это была ее собственная личность. Кроме того, Али была профессиональная любовь к себе. Все эти месяцы она была в единственный ответственный за Фила, обучающий его вести себя в обществе, объясняя ему, почему треугольник Индии окрашен в малиновый цвет на карта; я сделал это, я смоделировал это. И теперь, когда этот объект его больше я боюсь любви, этот продукт его мастерства и его терпения кричал стол, выплевывал кусочки полуфабрикатов, проливал воду, Мисс. Фулкс не просто краснел, полный мучительного стыда, как будто она была той, кто кричал, плевал и проливал воду, но также в то же время он испытал унижение ловкости рук, чей долго подготовленный трюк провалился перед публикой; это было похоже на изобретатель идеальной летающей машины, который видит, как его хитрость отказывается окончательно подняться с земли.

— В конце концов, - утешительно сказала Элинор — - это было предсказывать…

Бедная девушка внушала ему искреннее благочестие. Элинор посмотрела на своего сына. Фил кричал — и она надеялась (без всякой причины), что теперь это будет совсем другое, что бы найти его полностью подогнан и вырос. Иметь мгновение отчаяния. Я любил его, но дети были такими ужасными… Е Фил был еще ребенком.

- А теперь, Фил, — сурово сделала она, - ты должен есть. Никакой

ерунды!

Маленький завыл сильнее. Я хотел бы вести себя хорошо, но я не знал, как перестать вести себя плохо. Он добровольно вмешался в этом состоянии печального бунта, и теперь эмоции смирились с ним, это было сильнее его воли. Это было невозможно для него, даже если он этого хотел, повернуть назад. Кроме того, маленькое существо всегда испытывало определенное отвращение к утке жаркое; и, как я только что думал пять минут о жареной утке,

с сосредоточенным отвращением и ужасом он достиг точки мерзости-Ло. Вид, запах, вкус этого блюда действительно оставляли его и искренне поморщился.

Миссис Бидлейк, однако, сохранила свое метафизическое спокойствие. Его душа он плыл безмятежно, как большой корабль над храбрым морем; или возможно, это было больше похоже на воздушный шар, который поднимается очень высоко рядом с воды, и плавает в безмятежном, безветренном мире фантазии. Она была говоря с Филиппом о буддизме. (У миссис Бидлейк была слабая особенно в буддизме.) При первых криках он даже не вернулся. голова, чтобы увидеть, что происходит, довольствуясь повышением голоса, чтобы чтобы вы могли услышать ее о беспорядках.

Вой возобновился, продолжился. Миссис Бидлейк замолчала и закрылась глаз.

Будда со скрещенными ногами, золотой и спокойный, предстал против красный фон его закрытых век; видел священников в одеждах в то же время, в то же время, в то же время, в то же время, в то же время, в то же время, экстатическая медитация.

- Майя, - сказала миссис Бидлейк со вздохом, словно говоря про себя тот же. - Майя, этема иллюзия. - Снова открыл глаза. - Да, похоже что утка немного жесткая",-добавил он, обращаясь к Элинор и Мисс бартер. Фулькс, который отчаянно пытался заставить малыша поесть.

Фил поймал в воздухе оправдание, которое бабушка дала ему Вот так бесплатно.

- Тяжело! - кричал сквозь слезы, отталкивая от себя вилку, на которой Мисс. Фулькс, дрожа рукой от избытка болезненных эмоций, я предлагал кусок жареной утки и половину новой картошки.

Миссис Бидлейк снова закрыла глаза на мгновение, потом он повернулся к Филиппу и продолжил спорить о пути восьми путей.

В ту ночь Филипп довольно подробно написал в своей записной книжке, в

который записал смешивание мыслей и фактов, разговоров, услышанных вещей и взгляды. “Кухня в старом доме” - так оно и было написано на странице.

“Это довольно легко воспроизвести. Окна Тюдоров, отраженные в задней части из медных Горшков. Огромная черная печь со стальной отделкой полированный, и огонь, выглядывающий из-за верхнего люка, полузакрытый. Reseda в оконных нагрудниках. Кот, огромный евнух пряничного цвета, дремлет на своем балайо у подножия шкафа. Стол кухня, так используемая временем и постоянными потертостями, что прожилки из дерева выделяются рельефные на более мягкие части-как будто гравер подготовил ксилографическую доску какого-то гигантского отпечаток пальца. Балки низкого потолка. Стулья из коричневого Бука. А свежее тесто, которое раскатывается. Запах кухни. Наклонная колонна желтое солнце, полное ярких частиц. И, наконец, старая Миссис Инман, повар; маленькая, хрупкая, неукротимая, автор никто не знает, сколько тысяча блюд! Мы немного сверлим это, и у нас будет картина. Но я хочу чего-то большего. Эскиз кухни как во времени, так и в пространстве, указание на то, что это означает в человеческом космосе в целом. Я пишу фраза: “лето за летом, с тех пор, как Шекспир был мальчиком, до теперь десять поколений поваров использовали инфракрасное излучение сломать молекулы белков уток положенных на косу’. (‘Не ты родился, чтобы умереть, о бессмертная птица ” и т. д.) Предложение, и я уже в полный в истории, в искусстве и во всех науках. Все история Вселенной неявно содержится в любой из ее требования. Глаз медитации может видеть сквозь любой объект и видеть, как

через окно, весь космос. Просто возьмите прозрачный о запах жареной утки на старой кухне, чтобы у нас был проблеск, видение из всех вещей, от спиральных туманностей до музыки Моцарта и стигматы Святого Франциска Ассизского. Художественная проблема заключается в производстве кусочно-нечеткость, выбирая эти части таким образом, чтобы не выявите, если не наиболее гуманно значимые среди перспектив далекие, стоящие за близким и знакомым объектом. Но во всех случаях вещи, видимые на заднем плане перспективы, должны быть довольно странными для чтобы знакомый казался фантастически загадочным. Вопрос, Можно ли

достичь такого результата без педантизма и без продления привередливости и бесконечно история? Это требует много размышлений.

“Но как очаровательна кухня! Как дружелюбны ваши жители! Миссис Инман была в доме столько же, сколько Элинор. Один чудо красоты, которое состарилось. И как она безмятежна, как она аристократически властная! Когда человек был монархом тридцать лет из всего, что окружает ее, она принимает вид короля, даже когда то, что окружает ее, это просто кухня. А еще есть Доббс, горничная. Доббс в доме еще до войны. Изобретение Рабле. Шесть футов высокий и пропорционально толстый. И огромное тело таит в себе дух Гаргантуа. Какая широкая радость, какой аппетит жить, какие анекдоты, какой смех легко и огромно! Смех Доббса почти ужасающий. На полке шкаф Кубка я заметил, когда мы пошли, чтобы представить наши поздравления, зеленая бутылка, наполовину заполненная таблетками, которые были хорошими шариками размер, как те, которые дуют в глотку лошадей через резиновая трубка. Какие гомеровские расстройства предлагают эти таблетки!

“Кухня хорошая; но хороша и гостиная. Мы вернулись из нашей дневной прогулки, чтобы найти пастора и его жену, болтающих об искусстве вокруг чайных чаш. Да, Искусство. Потому что это был первый визит что они сделали нас после того, как пошли в спортзал. И событие ежегодный. Каждый год, на следующий день после Вознесения, они садятся на поезд 8: 52 утра в город и платят дань, которую даже религия обязана искусству-а Установленная религия к установленному искусству. Они оба исследуют каждый угол и укромные уголки Берлингтон-Хауса, записывая каталог, когда они ходят вращать, делая юмор там, где

юмор допущен-потому что мистер Труби (который похоже на Ноя из детского ковчега) - один из тех людей церковь веселых людей, которые делают шутки, чтобы показать, что, несмотря на черный редингот и перевернутый воротник, они “люди”, “хорошие товарищи”, коммуникации.

“Прелестная и красивая Миссис Труби менее шумно развлекается, чем ее муж, но это не менее то, что люди из высшего среднего класса те, кто читает Punch, всегда будут называть “искренне радостной душой” готова невинно повеселиться и полна любопытных наблюдений. Я он продолжал смотреть и слушать, очарованный, когда Элинор вырвала их

размышления о приходе и Академии; я чувствовал то, что чувствовал Фабр среди жесткокрылые. Время от времени любое слово разговора она проходила через духовные пропасти, которые отделяли мать Элинор от вещей и люди, которые окружали ее, и проникали в ее мечты, производя любопытная реакция. Оракулярно, и в недоумении, с серьезность, которая была почти жуткой в разгар шуток Труби, она он говорил; его слова были как бы из другого мира. И в однако снаружи сад зеленый и цветущий. Старый садовник Стоукс бородатый и выглядит как Папа время. 0 небо бледно-голубое. Есть шум птица. Это хорошее место. И чтобы узнать, что он хорош, нужно было плыть первый в мире фолиант. Почему бы не остаться? Пустить корни? Но корни это цепи. Я боюсь потерять свою Уберность. Бесплатно, без связей, нет быть одержимым ни одной из вещей, которыми мы владеем — свободно делать то, что мы хотим, чтобы уйти без малейшего уведомления везде, где фантазия можете предложить — это было бы хорошо. Но это место тоже. Не может быть лучше? Чтобы победить Убердад, мы пожертвовали чем-то-домом, Миссис. Инман, Доббс, Труби, пандегус пресвитерии, тюльпаны сада и все такое что означают эти вещи и эти люди. Мы жертвуем чем — то, но это будет для большей прибыли в мудрости, в понимании, в жизни усилилась? И о чем я часто спрашиваю себя…”

Лорд Эдвард и его брат подышали воздухом в парке Гаттенден. Лорд Эдвард брал его на прогулку. Пятый маркиз взял его в инвалидная коляска запряжена большим серым ослом. Он был инвазивным. “О что ради счастья не мешает моему духу бежать”, - хотел бы я сказать Лорд Гаттенден. И его дух сбил с толку всю его

жизнь, как ни странно, отсюда туда. Однако серый осел он довольствовался медленной ходьбой. Спереди и сзади двух Тантамунты простирались до большого Аламеда-де-Гаттенден. Миля на перед ними, в конце прямой перспективы, возвышалась репродукция колонна Траяна из Портлендского камня, поддерживающая на ее вершине

бронзовая статуя первого маркиза; на нем была надпись на больших письма в фолианте пьедестала, провозглашающие их титулы славы. Этот маркиз был, среди прочего, вице-королем Ирландии и отцом Научное Сельское Хозяйство. В конце большого переулка, в миле позади маркизы, возвышались фантастические башни и шпили замка Гаттенден, построенный для второго маркиза Джеймсом Уайеттом в более экстравагантный готический стиль Strawberry Hill; усадьба имела более средневековье, чем все, о чем могло мечтать настоящее Средневековье. Маркиз постоянно проживал в Гаттендене. Не то чтобы ему нравились особый режим дома или окружающего его ландшафта. Я едва мог дать существование обоих… Когда я не читал, я думал о том, что он читал; мир явлений, деноминация, которую он платонически он любил давать видимую и осязаемую реальность, не интересовал его; это отсутствие интерес была его месть Вселенной, которая сделала его недействительным.

Он жил в Гаттендене, потому что только в Гаттендене он мог дайте аттракционы без опасности в инвалидной коляске. Pall Mall не место для серые ослы и парализованные старые джентльмены, которые читают и медитируют пока они гуляют. Дара Тантамаунт Хаус Лорду Эдварду и он продолжал тянуть себя за свою задницу через буки парка Гаттенден.

Осел сделал это высоко, чтобы пастись на обочине дороги. Пятый Маркиз и брат обменивался идеями о Боге. Время шло. Они оба все еще говорили о Боге, когда через полчаса, Филип и Элинор, которые совершали дневное вращение по парку, они вышли из буковой рощи и неожиданно сдались со стулом колеса маркиза.

- Бедные старики! - прокомментировал Филипп, когда они увидели друг друга, он и его жена, расстояние от того, чтобы их не услышали. - О том, что они могут быть говорить? Они слишком стары, чтобы говорить о любви; слишком старые и слишком хорошие. Слишком богатые, чтобы говорить о деньгах. Слишком много интеллектуалов чтобы говорить о других людях и

слишком много отшельников, чтобы знать, люди, о которых они могут говорить. Слишком застенчивы, чтобы говорить о себе., слишком неопытны, чтобы говорить о жизни или даже о литературе. Что остается ли бедным старикам как предмет лекций? Ничего, кроме

Бог.

— И по ходу дела, - сказала Элинор, - ты будешь точно так же, как они через десять лет…

ГЛАВА XX

Старый Джон Бидлейк говорил об отце Филиппа Куорлза, что он похож на из этих итальянских церквей в стиле барокко с фальшивыми фасадами. Высокий, сногсшибательный, щетинистый классических орденов, сломанных фронтонов и скульптура, фасад выглядит так, как будто он принадлежит большому собору. Но посмотрите на нее поближе, и вы обнаружите, что это всего лишь фронтиспис. Назад на огромном и сложном фасаде скрывается жалкий храм кирпич, необработанный камень и прокаженный раствор. И, развивая сравнение, Джон Бидлейк описывал едва выбритого священника, что-то вроде его missa, маленький послушник ranfento de superpeliz suja, Конгрегация папудас со своими ублюдками, идиот, который попрошайничает у двери, кроны олова изображений, грязь пола, прогорклый запах поколений всего благочестивого человечества.

- Как это, - говорил он в заключение, забывая, что был нелестно комментируя свои собственные успехи —, почему женщины всегда смертельно влюбляются в более низкая вещь, которая появляется у них, или, скорее, у более низкого человека? Быть любопытный. Особенно в этом случае. Можно было судить, что Рэйчел Куорлз будьте достаточно умны, чтобы не позволить себе ускользнуть от этого вакуума.

Другие люди тоже так думали; они также остались в размышлять

над делом. Рэйчел Куорлз казалась несравненно превосходящей муж, который имел. Но никто не женится на коллекции добродетелей и таланты; женится на отдельном человеке. Сидни Куорлз, который она просила руки Рэйчел, была молодой женщиной, за которую любая женщина мог бы влюбиться, молодой человек, в которого мог бы быть каждый. верили — все; и Рэйчел было всего восемнадцать, и она была самое неопытное существо. Он тоже был юношей (Юность сама по себе даже добродетель), молодой и красивый. Широкие плечи, пропорционально высокий, крепкий до такой степени, что он почти толстый, Сидни Куорлз даже имел внушительную фигуру. В 23 года этот великий вне спортивного тела. Седые волосы, которые теперь окружали розовый постриг и полированная, она была тогда золотисто-коричневой и покрывала весь череп своей

волнообразное изобилие. Большое лицо, очень покрасневшее и мясистое, было свежее, тверже и менее похоже на полнолуние. Лоб, даже до того, как облысение появилось, оно имело интеллектуальный аспект в его ровное расширение. И разговор Сидни Куорлза ни в коем случае не противоречил никаких косвенных доказательств, которые предлагал его лоб. Говорил хорошо, хотя он всегда проявлял немного чрезмерного высокомерия и тщеславия. Более того, Сидни Куорлз в то время имел репутацию; это закончилось из университета, лауреат определенного сияния славы академический и ораторский. И на широком экране Девы будущего ее друзья больше энтузиасты рисовали самые безумные видения. В то время, когда Рэйчел видела его, впервые эти пророчества имели действительно разумный вид. Е в любом случае, правильно или неправильно, она любила его. Они поженились, когда девушка ему было всего девятнадцать.

От отца Сидни унаследовал прекрасное состояние. Бизнес (старый Мистер. Куорлз торговал сахаром) все шло очень хорошо. Собственность Эссекса он производил достаточно, чтобы поддерживать себя. Таунхаус находился в портмане Площадь; коттедж в Чамфорде был комодом и выполнен в георгианском стиле. У Сидни были политические амбиции. После обучения в администрации из местных предприятий он войдет в парламент. Его неутомимое усердие, его речи, которые были одновременно серьезными и блестящими, отметили бы его как человек будущего. Они должны были предложить ему место заместителя в заместитель министра; будет быстро повышен. Сидни мог ждать

(по меньше того, что ему казалось 35 лет назад) реализация амбиций больше экстравагантный.

Но мистер Куорлз, как говорил старый Бидлейк, был не чем иным, как фасад, потрясающий вид, голос, мастерство поверхностный - больше ничего. За этим великолепным фронтисписом жил настоящий Сидней, слабый, несовершенный от всей настойчивости в делах важно, хотя я был упрямым, когда дело касалось мелочей; легко воспламеняется энтузиазмом, но еще легче доводится до скука. В конце концов, эта способность была не чем иным, как своего рода навык, который позволяет блестящим ученикам писать стихи латиняне в манере Овидия или юмористические пародии Геродота. Положить в оказывается, этот класс риторического таланта оказался настолько бессильным в

чисто интеллектуальное мастерство, как и в области практики. Когда, в период пренебрежения, усугубляемый лихорадочными спекуляциями и плохая ориентация, он увидел, что компания его отца была на полпути к разорение (Рэйчел заставила его продать всю свою долю в бизнесе, прежде чем это произошло слишком поздно), когда его политические надежды оказались полностью разрушен несколькими годами альтернатив между праздностью и деятельность без дисциплины-Сидни Куорлз пришел к выводу, что его призвание истинной была публицистика. В первом толчке этого нового убеждения, фактически он закончил книгу о принципах правления.

Поверхностный и расплывчатый, полный банальностей, неполноценность которых была подчеркивается притязаниями на проработанный стиль, который сводился к чисто словесные эпиграммы, книга была встречена с безразличием заслуженный, который Сидни Куорлз приписал махинациям политических врагов. Автор полагался на потомство, чтобы воздать ему должное. Из далекого издательство первой книги, г-н Куорлз был занят — или меньше предполагалось, что так будет-с написанием другого, более объемного и самое главное-о демократии. Этот размер и это значение они оправдывали почти неопределенное отставание в завершении работ. Сидни уже семь лет работал, а еще не работал. - он говорил всем, кто допрашивал его о марше книги (и качая головой, с выражением лица человека, который несет бремя. почти невыносимо — - даже не закончил собирать материал.

- Это подвиг Геракла, — говорил он с видом мученика и в то же время с высокомерием фатуа. Говоря, старый Куорлз имел видишь, как я поднимаю лицо и бросаю слова в воздух, как будто я гаубица при этом смотрела на собеседника (когда он я соизволил сделать это) с взглядом, который выходил из-под век. прищурился и скользнул по носу. У него был хорошо выраженный голос, и полный этих блеяний, с которыми чаще всего страдают оксфордцы обогатить английский язык. Это было похоже на стадо баранов, ставлю на свободу свой словарный запас. “Работа Геракла.“Эти слова они сопровождались вздохом. “И действительно от страха.”

Если собеседник был достаточно симпатичным, Сидни Куорлз он брал его в свой рабочий кабинет и показывал ему (особенно, когда он

я имел дело с женщиной) все сложные такелажные переплеты и стальные классификаторы, которые он накопил в томе его американский письменный стол ультрапрофессионального вида. Как время хотя в книге не было никаких признаков того, что ее пишут, Мистер Куорлз ia делает приобретение все больше и больше других из этих объектов impression прежде. Они были видимыми доказательствами его работы, они символизировали ужасное сложность задачи. У писателя было не менее трех машин писать. Портативная Корона сопровождала его, куда бы он ни пошел, к в случае, если вдохновение пришло к нему в любой момент, во время поездка. Время от времени, когда я чувствовал необходимость впечатлить больше, чем обычно, Сидни взял Хаммонд, машина одна немного больше, в котором символы были объединены, а не в отдельных руках, а скорее на металлическом съемном ремне, прикрепленном к барабану вращающийся, таким образом, что он позволял менять алфавиты по желанию, и писать по-гречески или по-арабски, математическими символами или по-русски, в соответствии с потребностями момента; у г-на Куорлза была прекрасная коллекция эти ремни с разными типами-типами, которые, конечно, он не обслуживал никогда, но из которых я чувствовал большую гордость, как будто каждый из них он олицетворял особый талант или дар, свой собственный. Во всяком случае, был третья и самая последняя из пишущих машинок, посуда из очень большой и очень дорогой офис, который был не только машиной писать, но и вычислительная машина. “Очень удобно”, - объяснил г-н. Quarles, чтобы собрать статистику его большого объема и сделать счета управления своим имуществом.

И указывал с гордостью, в частности, небольшой электродвигатель, прикрепленный к машине; контакт с токосъемником стены и мотором сделал все работа-абсолютно вся-минус, конечно, эффективный состав из книги. Не нужно было ничего делать, кроме как нажимать на клавиши, вот так (и г-н. Quarles сделал демонстрацию); электричество обеспечивало необходимую силу чтобы привести символы в контакт с бумагой. Каждое мышечное усилие было устранять. Можно было продолжать писать так в течение восемнадцати часов подряд — и Мистер Куорлз намекнул, что для него было обычным делом оставаться восемнадцатью часы за рабочим столом (как Бальзак или Сэр Исаак Ньютон — -можно было продолжайте, короче говоря, почти бесконечно, не испытывая ни малейшего

усталость, по крайней мере, в пальцах. Американское изобретение. Очень гениально.

0 г-н Куорлз купил свой калькулятор пишущей машинки в в тот момент, когда он практически перестал заниматься управлением своими имущество. Потому что Рейчел оставила ему управление имуществом. Не то чтобы он вел ее лучше, чем бизнес, который она уговорила его бросить в хорошее время. Но отсутствие прибыли не имело значения; и потери, когда они действительно были, были незначительными.

Рэйчел Куорлз надеялась, что управление имуществом пары станет здоровое занятие для мужа. И стоило ли тратить на это что-то цель. Но цена, которую мистер заплатил в годы депрессии, после войны, она была очень высокой; и как Сидней каждый раз становился занимая меньше с направлением своей частной собственности, цена выросла в то время как цель, которая оправдала бы такую жертву, — тот факт, что он нашел здоровое занятие для Сиднея, не был поражен. As иногда, правда, у Сидни была какая-то идея, и он внезапно нырнул в оргии, которую он называл “улучшение недвижимости”.

Однажды после прочтения книги о доходах американцы, он купил большое количество дорогих машин, просто чтобы узнать, что в конечном итоге собственность не была достаточно большой, чтобы их вести.

Сидни не мог дать своим машинам достаточно работы. Позже он построил фабрику по производству маринованных джемов;

заведение никогда не это принесло никель. Неудача заставила его быстро потерять интерес к нам. “улучшение” к трудолюбию и постоянному вниманию не будет невозможно, чтобы они со временем стали прибыльными; пока, однако, благодаря пренебрежению Сиднея, улучшение привело к полный ущерб. Конечно, цена была чрезмерной, и ей платили ничего не меняю.

С его привычным тактом-потому что по прошествии более тридцати лет брак она знала своего мужа до совершенства — Рэйчел убедила его что у него будет больше времени, чтобы посвятить свою великую книгу, если он оставит другие утомительные задачи управления имуществом. Она и интендант этого было бы достаточно. Было абсурдно тратить на такую механическую работу

таланты, которые можно было бы использовать лучше и удобнее. Сидни он позволил себе легко убедить себя. Управление его имуществом ему было скучно; собственность ранила его любовь к себе, настаивая на том, что злонамеренно в своих плачевных результатах, несмотря на улучшение. В то же время он хорошо понимал, что отказ полным было бы признание собственной неудачи и дань-еще одна - я плачу за врожденное превосходство своей женщины. Принял предложение посвящать меньше времени мелочам управления, но обещал или угрожал, по пути Бога, продолжать присматривать за имуществом, следовать за ним издалека., но не менее эффективно, в перерывах его литературных работ. Быть так что, чтобы оправдать себя, чтобы увеличить свою значимость, купил пишущая машинка и вычислять. Она была символом огромного сложность литературного труда, которому он теперь посвятил себя выше все; и Сидни в то же время доказал, что он не прекратил полностью заинтересоваться материальным бизнесом. Потому что машина в расчетах должны быть включены не только статистические данные (что путь? - Это то, что мистер Куорлз имел благоразумие никогда но также и из счетов, под которыми он находился, бедная Рэйчел и квартирмейстер могли бы умереть силой без помощи его начальник, Сидни.

Мистер Куорлз, конечно, не осознавал превосходства женщины. Но осознание этого превосходства у него каким-то неясным образом, и несмотря на то, что он испытывал к этому желание доказать, что, несмотря ни на что, он стоил столько, сколько жена, или, в глубине души, может быть, больше, чем она-

обусловлена всю свою жизнь. Это была эта злоба, это желание утвердить свое превосходство это заставило его цепляться за свою неудачную политическую карьеру. Сдавшись самому себе, Сидни Куорлз, несомненно, бросил бы жизнь политика первого откровения о трудностях и сухости этого; ибо в нем лень была сильнее честолюбия. Но нежелание признать неудачу и личную неполноценность, которые он повлечет за собой они не могли (наполняя его переполненной уверенностью в его будущем) отказаться от места в парламенте. Постоянно имея перед глазами раздражающее зрелище безмятежных способностей Рэйчел, он не мог признаться побежденным. То, что Рэйчел делала, она делала хорошо; все любили ее и

полюбоваться. Он должен был соперничать с ней, делать вещи лучше, чем она, в глазах мира и в его собственных глазах Сидни Куорлз к политике, которая погружалась в причудливую деятельность, которая ознаменовала его Парламентская карьера.

Презрение быть простым рабом своей партии и жадным до получив личное отличие, Сидни Куорлз стал чемпионом энтузиаст множества причин, просто чтобы потом убежать от них отвращение. Отмена смертной казни, анти-вивисекционизм, реформа тюрьмы, улучшение условий труда в Западной Африке — это были случаи, которые требовали, в свою очередь, своего красноречия более воспламеняется и кратковременный глоток энергии.

Он видел себя в облике триумфального реформатора, который он принес победа, с его простым присутствием, по любому делу, которое ему угодно защищать. Но стены Джерико никогда не падали под звуки его труба, и Сидни Куорлз не был человеком для преследования трудоемкий. Повешения, хирургические операции на собаках и на батрахийцы, одинокие осужденные, жестокие чернокожие-каждый из них субъекты, один за другим, потеряли все очарование в их глазах.

И Рэйчел продолжала быть способным существом, она продолжала быть любимой. и в восторге.

Между тем, сразу ободрения от ее всегда имели усиленный тот косвенный стимул к амбициям, которые предоставила Рэйчел, Дума совершенно непроизвольным образом, из-за того, что он был тем, кем он был, и быть женой Сидни. Сначала Рэйчел Куорлз

искренне верила в это в муже; ободрил своего героя. Несколько лет было достаточно, чтобы преобразовать в благочестивой надежде вера в ваш окончательный успех. Когда Надежда ушла,, Рэйчел поощряла мужа по дипломатическим причинам - потому что неудача в политика обходилась дешевле, чем провал в торговле. Потому что путь то, как Сидни вел свой бизнес, было угрозой катастрофы. Она не смела сказать ему это, он не осмелился посоветовать ему уступить свою долю; сделать это это было бы побуждать мужа придерживаться бизнеса с большей упорством, чем никогда. Сомневаясь в его способностях, Рэйчел справится просто acicate его для новых и более опасных спекуляций. Потому Что Сидни

он реагировал на враждебную критику жестоким образом и упрямой истерикой. Рэйчел Куорлз, которую эксперимент принял разумным, избежала опасности поощряя его с удвоенным рвением политические амбиции. Усилил важность его парламентской деятельности. Какая хорошая, какая благородная работа он делал! И как жаль, что забота о бизнесе занимала так много времени и энергии, которые могли бы быть лучше горничные! Сидни вскоре проявил чувствительность к таким аргументам, с тайная и новая благодарность. Скучная деловая рутина утомляла его; он начал волноваться из-за своих обременительных спекуляций. Получил с радость это оправдание, чтобы избавиться от своих обязанностей, это он уклоняется от того, что Рэйчел предложила ему дипломатично.

Продал свою долю в бизнесе, пока не стало слишком поздно, и взял вкладывать деньги в обеспеченные ценные бумаги, которые сами по себе заботились о дивиденд. Таким образом, ваш доход был уменьшен до более или менее одного треть; но в любом случае теперь была безопасность — и это то, что это беспокоило Рэйчел в первую очередь. Сидни хвастался большие финансовые жертвы, которые он принес, чтобы иметь возможность освятить все его время для бедных осужденных. (Позже это были бедные чернокожие, но жертвы остались прежними.) Когда, наконец, устал от быть политической ничтожностью и разъяренным из-за того, что он считал несправедливость своих партийных боссов, Сидни отказался от своего места в Парламент, Миссис Куорлз не возражала.

Теперь не было бизнеса, который мог бы сделать ее муж, и собственность, в то время сельскохозяйственного процветания,

которое последовало сразу же перемирие было еще прибыльным. Сидни объяснил, что он не это служило практической политике; политика унижала людей доблести, разбрызгивая их своей слизью.

Решил (потому что я осознавал превосходство Рэйчел не позволял ему отдыхать) посвятить себя чему-то более важному, чем что" нелояльная " политика, что-то более достойное его талантов. Быть философом политики было лучше, чем быть политиком. Удалось закончить и опубликовать первую часть своей политической философии. 0 длительное усилие то, что он должен был сделать, чтобы написать, притупило его авторский энтузиазм философский, магерский успех книги глубоко его не любил. Но

Рэйчел всегда была способной и дорогой женщиной. Для того, чтобы защитить ваш репутация. Сидней объявил о намерении опубликовать самую важную работу и более полно, чем когда-либо было написано о демократии. Рэйчел может быть очень активная в различных комитетах, она могла делать добрые дела; она, несомненно, была у некоторых, любимых сельскими жителями, были друзья и люди, которые писали ей в в конце концов, это было по сравнению с публикацией самая важная книга о демократии? Единственное раздражение было то, что книгу не писали… Когда Рэйчел оказалась слишком эффективной, когда проявление уважения, которое они проявили к нему, было чрезмерным, г-н Дж. Куорлз покупал еще один переплет или новую, более изобретательную модель записная книжка с вкладышами или перьевая ручка с резервуаром особенно важно-стилограф, объяснял он, который мог бы написать 6000 слов без необходимости пополнения чернил. А реплика была, возможно, неадекватной. Но Сидни выглядела неплохо.

Филипп и Элинор провели два дня с миссис Бидлейк в Гаттендене. Потом настала очередь родителей Филиппа. Пара прибыла в Чейнфорд и вскоре узнала что мистер Куорлз купил диктофон. Сидней не позволил сын долго оставался в неведении о своем триумфе. Диктофон был его самый большой подвиг после калькулятора пишущей машинки.

— Я только что сделал приобретение — - сказал он полным

голосом, бросая слова над головой Филиппа. - Что-то, что заинтересует тебя в твоей качество писателя. - Привел сына к своему рабочему кабинету.

Филипп последовал за ним. Я ожидал, что меня будут беспокоить вопросы о Восток и тропики. Вместо этого отец согласился спросить, если он он совершил удачное путешествие и продолжал говорить о своих делах почти до того, как Филипп успел ответить. В первый момент Филипп остался удивлен, и даже немного ужалил. Но Луна, — подумал он, — кажется больше, чем Сириус, потому что он ближе. Путешествие, его путешествие, было для он Луна и для своего отца самая маленькая из звезд десятой величины.

- Вот оно, - сказал мистер Куорлз, поднимая крышку. Диктофон если это раскрыло взглядам обоих. - Чудесное изобретение! - Он говорил с глубокое удовлетворение себя. Это была внезапная вспышка “его луны”.,

во всем своем сиянии. Объяснил работу машины. После, подняв лицо в воздух, он собрал: - это очень полезно, когда нам приходит в голову идея. Мы сразу же превращаем его в слова. Мы говорим с собой, потом машина вспоминает. Я отправляю ее в свою комнату спать… аааа… еженощно. Когда мы в постели, нам приходят идеи. очень дорого, не так ли? Без диктофона они бы остались… ААА… потерять.

- И что ты делаешь, когда дойдешь до конца этих роликов? фонограф?

- Я отправлю его к своему секретарю… ААА… напечатать.

Филипп поднял брови.

- У тебя теперь есть секретарь?

0 Мистер Куорлз покачал головой важным воздухом.

- Пока она посвящает меня только половину своих дней — сказал он, обращаясь к карнизу пограничной стены. - Ты не делаешь ни малейшего. идея всего, что я должен сделать. Книга, собственность, письма, рассказать… е… ААА… не знаю, сколько еще… - заключил он одним способом так неудовлетворительно. Вздохнул, покачал головой мученика. - Ты счастлив, чувак

дорогой мальчик, - продолжил старый Куорлз. - Ты не отвлекаешься. Мочь тратить все свое время на литературу. Я хотел сделать то же самое с все мои часы. Но у меня есть собственность и многое другое… Все это тривиально, но это должно быть сделано. - Снова вздохнул. - Я завидую твоему Убердей.

Phiüp рассмеялся:

- Да, я сам себе чуть не завидую, иногда! Но диктофон это будет большим подспорьем для тебя.

- О! как нет! Несомненно.

- Как книга?

- Медленно, но твердо. Думаю, я уже собрал… ААА… большая часть материал.

- Ну, это уже что-то.

- Вы, романисты, - защитным тоном сказал мистер Куорлз — - вы

удачливый. Им больше ничего не нужно делать… ААА… что сидеть и писать. Никаких предварительных работ не требуется. Ничего подобного. - Указал на файлы и папки. Они были доказательством их превосходства, а также огромные трудности, с которыми он ездил по кругу. Книги Филиппа могли получить успех. Но, в конце концов, что это была мыльная опера? Один час развлечения, вот и все; вещь, которую можно поймать, а затем выбросить небрежно. В то время как самая важная книга о демократии… Кроме того, любой мог написать роман. Речь шла только о живи и вставай, а потом записывай этот факт. Но чтобы составить книгу больше важно о демократии надо было делать заметки, собирать материалы в бесчисленные источники, купить мобильные сортировщики и пишущие машинки ноутбуки, полиглоты и калькуляторы; требовалось переплет, записные книжки со свободными листами стилист, способный написать 6000 слов без необходимость пополнения запасов; требовались диктофон и секретарь пусть он посвятит нам половину своих дней, и что он скоро будет обязан посвящаем нам целые дни. - Ничего подобного, - настаивал мистер Куорлз, отец.

— Как нет, - сказал Филипп, прогуливаясь по комнате и изучить

литературный такелаж. - Ничего подобного. - Поймал несколько газетные вырезки, которые лежали под пресс-папье, над крышкой. Корона, которая никогда не откроется. - Кроссворд? — спросить, поднимая неравномерно клетчатые рисунки. - Я не знал, что ты ты взял любителя кроссвордов…

0 Мистер Куорлз вырвал вырезки из рук своего сына и закрыл их в выдвижной ящик. Это было против того, что Филипп видел их. Кроссворд они разрушили эффект, создаваемый диктофоном.

- Ребячливые вещи, - сказал он с хихиканьем. - Но они составляют отвлечение… ААА… когда дух устал. Мне нравится веселиться с они один раз в другой.

На самом деле мистер Куорлз проводил почти каждое утро, расшифровывая кроссворд. Они адаптировались именно к своему типу интеллект. Он был одним из самых ярких взломщиков кодов своего времени.

Между тем, в живущей комнате Миссис Куорлз читала лекции со своей невесткой. Быть

активная маленькая женщина с седыми волосами, но сохраняющая неприкосновенность и плохо деформированный контур правильных и хорошо смоделированных штрихов. А выражение лица было одновременно живым и полным чувствительности. Один нежная энергия, интенсивная жизнь, но вибрационная при малейшем ощущении, и что он сиял в непрерывных вариациях великолепия и оттенков цвета в своих выразительные глаза, голубовато-серый. Губы отвечали на мысли и ощущения почти так же быстро и постоянно, как и глаза; они были серьезными или твердыми, улыбались или становились меланхоличными, следуя целая, так сказать, бесконечно хроматическая шкала выражения эмоциональный.

- А маленький Фил? - спросила она, спрашивая у внука новости.

- Переполненный здоровьем.

- Этот человечек! - Тепло любви Миссис Куорлз дало больше полнота его голоса и просвечивала светом в его глазах. - Ты должен был остаться. очень грустно, что мне пришлось так долго

его бросать.

У Элинор было едва заметное пожатие плечами: - Да, я знал что между Мисс. Fulkes и мама о нем позаботятся лучше, чем обо мне. - Рассмеялся и покачал головой. - Я не верю, что природа имеет меня суждено иметь детей. Я либо нетерпелив с ними, либо наполняю их баловство. Маленький Фил очарователен, конечно; но я знаю, что семья многочисленные сводили бы меня с ума.

Выражение лица Миссис Куорлз изменилось.

- Но ты не испытывала переполненной радости, когда смотрела на него, на мысе. столько месяцев? - Тон, в котором она задала этот вопрос, был почти беспокойство. Я надеялся, что Элинор ответит восторженным заявлением, что это было бы естественно в аналогичных обстоятельствах. Но в то же время он видел из-за страха, что это странное существо ответит ей. (с откровенностью, которая была в ней замечательным качеством, но в то же время тревожное время, потому что оно открывало незнакомые состояния души и даже непонятно для Рэйчел), которая не имела никакого смысла рад видеть сына. Первые слова Элинор принесли ему облегчение.

- Да, это было замечательно.

Но потом украл к фразе весь эффект, добавив: - Я не я думал, вы будете так рады, когда будете его просматривать. Но это было действительно сильная эмоция.

Была тишина.

“Странное существо”, - подумала Миссис Куорлз. Его лицо предало что угодно от удивления, которое она всегда испытывала в присутствии Элинор. Я делал все, что мог. любить невестку; и в какой-то степени это удалось. Элинор владела много отличных качеств. Но ему, казалось, чего-то не хватало, чего-то то, без чего ни один человек не мог бы быть полностью симпатичным Рэйчел Куорлз. Можно сказать, что жена Филиппа родилась лишенной определенные природные инстинкты. Не ожидайте, что будете счастливы от того, что пересмотрите своего ребенка - это было довольно странно. Но что Рэйчел думала почти больше странно все еще было тихим и простым способом, которым Элинор узнала-костюм. Она, Рэйчел, покраснела бы, сделав такое признание, даже если бы представлять правду. Это показалось бы ему чем-то постыдным - своего рода богохульство, отрицание священной вещи. В Рэйчел, почитание священных вещей было естественным. Это отсутствие почитания в Элинор, и ее неспособность даже осознать, что священные вещи они были действительно священными, просто они сделали невозможным для миссис Куорлз для невестки вся любовь, которую она желала. В свою очередь Элинор восхищалась, она искренне уважала и любила мать своего мужа.

В ней хроническая трудность заключалась в установлении эффективного контакта с человек, чьи определяющие идеи и мотивы казались ему такими странно непонятные, да еще и такие абсурдные. Миссис Куорлз была религиозно, без хвастовства, но горячо, и жил как можно больше в соответствии с вашими убеждениями. Элинор восхищалась ею, но думала, что это немного абсурдно и излишне. Получил православное образование. Но он не помнил ни одной эпохи, даже детства, в что он серьезно поверил в то, что ему рассказывали о том мире, и о его обитателях. Потусторонний мир раздражал ее; Элинор только я интересовался этим. Подтверждение не пробудилось в ней больше энтузиазм, чем театральное представление — значительно меньше, до. Его юность прошла без следа религиозного кризиса.

- Мне все это кажется просто абсурдным, - говорила она, когда они обсуждали подобные вопросы в его присутствии. И не было никакого влияния на его слова, они не были сказаны как провокация. Элинор говорила просто факт вашей личной истории. Религия, и с религией, вся трансцендентная мораль,

всякая метафизическая спекуляция казались ему абсурдно, как ему показался запах горгонзолы отвратительный. Против этого непосредственного опыта ничего не оставалось. Часто в таких случаях, как настоящее, я хотел что-то сделать. Я хотел бы пройти через пропасть, которая отделяла ее от Миссис Куорлз. Но факт который испытывал некоторое беспокойство, когда встречался со своей свекровью; в ее присутствии он не решался выразить свои чувства или сказать, что думать.

Потому что я неоднократно отмечал, что откровенное высказывание из того, что казалось ему совершенно естественными чувствами и мнениями. разумный был склонен огорчать мать своего мужа, причинять ей боль, как странные и шокирующие вещи. Это то, что только что произошло, согласно по выражению лица она увидела, что подвижное и чувствительное лицо миссис Куорлз взяло на себя мгновение. Что же случилось на этот раз? Элинор, у которой не было осознание никакой вины, он не мог ничего сделать, кроме как потерять себя. в немых размышлениях. Решил больше никогда не рисковать личным мнением, ограничить-я бы согласился с тем, что вам сказали.

Однако оказалось, что вскоре после нападения был из тех, в которых Элинор была слишком заинтересована, чтобы иметь возможность оставаться верным недавней резолюции. Более того, это был вопрос, о котором, Элинор знала это по опыту, она могла говорить свободно, не рискуя обидеть непроизвольный. Потому что, Что касается Филиппа, чувства и мнения Элинор казались Миссис Куорлз вполне уместными.

- А Филип Гранде? - спросила она сразу после этого.

- Дама видит, как хорошо он выглядит — - ответила Элинор, обращаясь к здоровью мужа, очень, хотя знал, что допрос это не относится к коррпоральному благополучию. С некоторым трепетом она предсказала разговор, который должен был прийти. В то же время он чувствовал рад, что имел возможность обсудить вопрос, который занимал его

мысли так постоянно и так мучительно.

- Да, да, это я видел — - сказала миссис Куорлз. - Но что я хотел спросить было, как он в себе? Как дела с тобой?

Была тишина. Элинор слегка сморщила лоб и посмотрела на пол.

— Дальний… - наконец-то сказал.

Миссис Куорлз вздохнула.

- Так было всегда. Всегда далеко.

Филиппу тоже, — казалось ему,-ему тоже чего — то не хватало. желание и способность отдавать себя, проявлять себя и идти навстречу своим даже те, кто любил его, даже те, кого он любил. Джеффри, да, это было так по-другому! Воспоминание о мертвом сыне, г-же Дж. Куорлз почувствовал, что все его существо захвачено асбербийской печалью. Если кто-то если предположить, что она любит его больше, чем Филиппа, Миссис Куорлз будет протестовать. Ее чувства, она была права, были такими же, в его происхождение. Но Джеффри позволил себе любить более полно, больше ближе, чем брат. Если бы только Филипп позволил ей месить больше! Но между ними всегда были барьеры — барьеры, которые он поднял его сам. Джеффри, этот, пошел ему навстречу, дал что я мог бы получить. Но Филипп всегда был неохотным и экономным.

Всегда закрывала двери, когда она приближалась, всегда закрывала замок ее дух, от страха, что она может бросить украдкой взгляд, о своих секретах. Миссис Куорлз никогда не знала, что он чувствует. и действительно думал.

- Даже когда я был мальчиком, - громко добавила Рэйчел.

- А теперь у него есть работа — - сделала Элинор после молчания. — В к счастью, это еще хуже. И как замок высоко на горе, этот работа. Филипп запирается внутри него и становится неприступным.

Миссис Куорлз с грустью улыбнулась.

— Неприступный. - Это был точный термин. Даже в детстве Филипп он всегда был неприступным. - Может быть, в конце концов он отдаст себя по желанию собственный.

- Меня? - спросила Элинор. - Или другой? Это не было бы большим утешение для меня, если бы я пошел к другой, не так ли? И все же, когда я могу перестать быть эгоистичным, - добавил он — - я даже хочу, чтобы он был отдайте его кому угодно, кому угодно для своего собственного хорошо.

Слова Элинор привели мысли Миссис Куорлз к муж — не в духе упрека, хотя поступил он плохо, хотя я бы ранил ее, но с жалостью, может быть, с заботой. Потому что она я не мог даже убедить себя, что это была полностью вина Сидни. Это было просто его несчастье.

Элинор вздохнула: - на самом деле я не могу дождаться его капитуляции. Когда мы уже превратились в привычку, мы не можем ни один из них не превращается в откровение, которое погружает все…

Миссис Куорлз покачала головой. В последние годы откровения сиднейские подводники пришли из таких скромных источников! Маленькая девочка кухня, füha do couteiro… Как он мог это сделать? — Спросить Рэйчел сама в тысячный раз. Как ты мог? Это было непонятно.

— Если бы только, - сказала она почти бормотанием — - если бы только ты у тебя был Бог в качестве компаньона! - Бог всегда был твоим утешение. Бог и исполнение Божьей воли. Она не могла никогда не задумывайтесь, как люди могли бы пройти через жизнь без него. — Если по крайней мере, ты мог бы найти Бога!

Улыбка Элинор была саркастической. Наблюдения этого рода а их раздражает то, что они так смехотворно не нарочно.

- Может быть, было бы проще… - начала она, но остановилась на первых порах. слова. Я хотел сказать, что было бы проще найти мужчину. Но он вспомнил принятое им решение не обижать свекровь. И не сказал ничего.

- Что ты собиралась сказать?

Элинор покачала головой: - Ничего.

К счастью для мистера Куорлза, у Британского музея не было филиала в Эссекс. Только в Лондоне он мог проводить исследования и собирать документы, необходимые для вашей книги. Дом на Портман-сквер был арендованный (Мистер Куорлз проклял подоходный налог, но они были его собственными собственные спекуляции с сахаром в первую очередь); и был в скромная квартира Блумсбери (“удобно рядом с Музей”), что он теперь разбил лагерь, когда потребности науки звонили в город.

В течение последних нескольких недель эти потребности были более безапелляционные, как обычно. Его визиты в Лондон были частыми и затяжные. После второго из этих визитов Миссис Куорлз была в спросите себя, если ее муж нашел другую женщину. Е когда по возвращении из третьего рейса, а через несколько дней-накануне в среду он с хвастовством скулил, говоря о огромном сложность истории демократии среди древних индусов, Рахиль она убедилась, что есть еще одна женщина. Она знала Сидни о достаточно, чтобы быть уверенным, что если бы он действительно был принужден документы о древних индусах, никогда бы не дали работу говорить о них за столом - по крайней мере, так долго и с таким настойчивость. Сидни говорил по той же причине, что приводит к преследованию сепии брызги краски — чтобы скрыть ваши движения. За облаком чернила древних индусов надеялись вернуться в Лондон, не будучи наблюдать. Бедный Сидни! Он считал себя таким макиавеллистским! Но его чернила были прозрачный, его уловка была достойна ребенка.

- Ты не можешь заставить их прислать тебе книги Из Лондонской библиотеки? — спросила миссис Куорлз несколько тупо.

Сидни покачал головой.

— Это такие книги, - очень важно сказал он, - что если их можно найти только в Музее.

Рэйчел вздохнула и ограничилась ожиданием, что такая женщина будет достаточно умный, чтобы избежать любого серьезного осложнения, но не так много

он хотел бы победить ситуацию.

- Думаю, завтра я поеду с вами в город. - объявил он утром до дня отъезда Филиппа и Элинор.

- Опять? - спросила миссис Куорлз.

- Сомнения в этом… ААА… этих проклятых индусов", - объяснил он. - Это то, что мне действительно нужно выяснить. Думаю, я найду ее в книга… ААА… Pramathanatha Baneijea… Или, может быть, ее лечили радахумуд Мукерджи. - Произнес эти имена в манере впечатляюще, профессионально. - Речь идет о местном самоуправлении во времена мауриас. Очень демократично, как известно, несмотря на центральный деспотизм. В пример…

Сквозь облако чернил Миссис Куорлз мельком увидела фигуру женщина.

По окончании утренней трапезы Сидни удалился в свой кабинет я работаю и бросился в свой утренний кроссворд. Своеобразный лук, четыре буквы. Ранние видения завтрашнего дня отвлекали его; не мог сосредоточить внимание на хобби. Сиськи девушки, подумал он, его спина простой и белый… будет ли это “лук”? Это не подходило; в нем было девять букв. Ходить до книжной полки Сидни Куорлз взял свою Библию; страницы тонкие рыкали под пальцами. “Твой пупок - это круглая чаша, которой нет вина не хватает. Твое чрево похоже на холм пшеницы, окруженный сахарами. Твои две сиськи похожи на двух маленьких козлят-близнецов, сыновья сучки,- дикий.“Соломон говорил за него, и с каким богатым шумным красноречием! “As суставы твоих бедер похожи на ожерелья, сделанные мастерами.”

Сидни прочитал эти слова вслух. У Глэдис было идеальное тело… “Как круглый бокал, в котором нет недостатка в вине.“Восточные знали это была страсть. Придавая либидозности неправильное название “страсть”, г-н Дж. Куорлз считал себя очень влюбленным человеком. “Твое чрево как куча пшеницы, окруженная сахарами.“Страсть респектабельна, не так ли фактически соблюдается законом в некоторых странах. Для поэтов она даже священный. Мистер Куорлз согласился с поэтами. Но ” как два маленькие Близнецы ” был странным и неуместным символом. Глэдис была накормленны без быть тучны, и твердо эластичны. Горные козленки, по

противный… Как человек великих страстей, Сидни мог рассматривать-если как героическая и благородная фигура. “Закрытый сад мой сестра, моя невеста, закрытый фонтан, запечатанный фонтан. Твои renovos-это Гранатовый сад с драгоценными фруктами. Хна с нардом, нард и шафран, ароматический тростник и циннамон, со всеми деревьями ладан; мирра…“Но, конечно, слово было “чеснок”! Четыре буквы. Один вид лука. “Мирра и алоэ со всеми основными специями.”

0 поезд, который Куорлы взяли на следующее утро, был с задержка почти двадцать минут.

- Какой скандал! - повторял Мистер Куорлз, глядя на часы. - Это позор!

- Ты очень спешишь найти своих индусов — - сказал Филипп, улыбаясь из своего угла.

Старик нахмурился и отклонил разговор. На Ливерпуль-Стрит se они расстались, Сидни взял такси, а Филип и Элинор взяли другое. Сидни он прибыл в вашу квартиру как раз вовремя. Он все еще был занят в мыть большие мясистые, грязные руки от поездки, когда дверной звонок он ретинировал. Он поспешил вытереть руки, а затем, сочиняя физиономию, он направился в зал и открыл дверь. Это Была Глэдис. Сидни приветствовал ее вид снисходительного величия, подбородок вытянут, грудь вытянута назад, выпуклый рельефный жилет - но улыбается с высоты девушке (Глэдис называла себя “маленькая”), ее глаза мерцали доброжелательно через полузакрытые веки. Это было маленькое лицо наглый, обычный, курносый, который ответил ему на улыбку. Но нет именно это лицо привело Мистера Куорлза в Лондон, а не Глэдис Хелмсли как личность; помимо простого общего аспекта женщины, вне его “фигура”, как сказал бы Сидни в преуменьшении.

- Ты очень пунктуальна, моя маленькая, - сказал он, держа ее за руку.

Глэдис была немного удивлена холодностью приема. После того, что было в прошлый раз, она ожидала чего-то большего.

- Я правда? - сделал она, не имея лучшего, что можно сказать; и однажды люди имеют лишь ограниченное количество шумов и гримасы, чтобы выразить множество своих эмоций, девушка посмеивается

как будто что-то развлекало ее, хотя на самом деле она не он чувствовал, если не полный удивления и смущения. Глэдис была на кончике язык слов, чтобы спросить друга, в провокационной манере и раздражительный, почему я не поцеловал ее, и если я уже скучал по ней. Но решил ожидать.

- Почти слишком вовремя, - продолжил Сидни. - Мой поезд имел действительно скандальная задержка. Действительно скандально!

Сидни Куорлз излучал возмущение.

- Смотри! - сказала Глэдис. Уточнение, которое окружало его слова, как слишком отчетливая маскировка, она время от

времени падала., оставляя определенные слова и определенные фразы в наготе своего лондонского акцента.

- Это действительно возмутительно! - сказал Сидни. - Поезда не имеют право ходить в нерабочее время. Я напишу начальнику дорожного движения Ливерпуль-Стрит. У меня нет… ААА… уверен, - добавил он, все еще с более важно — но возможно, что Вы тоже напишете в Times.

Глэдис была впечатлена. Это был, кстати, эффект, на который нацелился г-н. Куорлз. Из всех просто чувственных удовольствий величайшее очарование его любовные каникулы заключались в том, что он делил их с компаньонами легко произвести впечатление. Сидни хотел бы, чтобы они были не только молодыми, но и низшего класса, и бедных. Чувствовать себя лучше без каких-либо заблуждение, видеть себя искренне восхищенным, было для Сидни почти такой же роскошью большой, как плотские объятия. Их выходки были праздниками не только для целомудрия, но также и для того чувства неполноценности, которое, дома, в парламенте, в офисе, он всегда преследовал его, как призрак, с нарастающей настойчивостью. В присутствии молодых женщин низшее состояние, он был великим человеком, в то же время “влюбленный”.

Глэдис, в свою очередь, была поражена его громом. Но нет я думал, что это менее забавно. Впечатлен, потому что принадлежал к миру рабы заработной платы, бедные существа и пациенты, которые принимают сенсации общественная жизнь, как и многие другие природные явления, непокорна человеческие и неконтролируемые желания человеческого действия. Но Сидни был одним из богатые Олимпа, богатые отказываются принимать сенсации; они пишут Times а

это уважение, они передают телеграммы, используют свое влияние, предъявляют жалобы полиция, всегда дружелюбная и подобострастная. Для Глэдис все это было замечательно - замечательно, но и очень смешно. Было так много обломков, так много аффектация в этой истории! Это создавало впечатление пародии на себя, исполняется на сцене Мюзик-Холла.

Она восхищалась, она очень хорошо понимала экономические и социальные причины поведение Сиднея-и даже это интуитивное

понимание, которое так он сразу же сделал ее своей любовницей. Но Глэдис смеялась над этим делом одновременно время. Ему не хватало чувства благоговения.

0 Мистер Куорлз открыл дверь маленькой гостиной и отошел, чтобы покинуть ее пройти.

- Бигада! - сказала Глэдис. И вошел.

Сидни последовал за ней. На затылке, ее черные волосы, коротко подстриженные., они заканчивались маленьким треугольником, кончик которого спускался по позвоночнику спинной.

Девушка была одета в тонкое зеленое платье. Через ферму тонкий он видел, глубоко под лопатками, линию, на которой нижнее белье они уступили место голой коже. У Глэдис был блестящий черный кожаный ремень, положенный наискосок на бедрах, и очень низко. На каждом из ваших шагов пояс поднимался и опускался над левым бедром с ритмичной регулярностью. Носки были цвета загорелой плоти. Мистер Куорлз, который принадлежал время, когда дамы, казалось, скользили на колесах, было особенно чувствителен к очарованию животов ног; он наслаждался нынешняя мода и не могла полностью распутать себя от идеи что молодые женщины, усыновившие ее, пошли неприлично в пользу его, намеренно, потому что они хотели быть его любовницами… Старое он следил глазами за изгибами этой обожженной и блестящей второй Кутис. Но теперь его больше всего очаровывал черный кожаный ремень, который поднимался и опускается на левое бедро, с регулярностью фигуры механизм, каждый раз, когда девушка продвигалась на пему. На этих подъемах и спуски, все индивидуализированные виды, весь пол, сделали ему знак семафорический звонок.

Глэдис остановилась и повернулась к нему с улыбкой, лицом, ожидая

что-то. Но мистер Куорлз не сделал жеста, который соответствовал бы его ожидание.

- У меня корона. Может быть, нам лучше начать прямо сейчас.

Во второй раз Глэдис почувствовала себя удивленной; она подумала о том, чтобы сделать комментарий, но и на этот раз ничего не сказал, довольствуясь сидеть в тишине перед пишущей

машинкой.

Мистер Куорлз постил пинс-нез с черепашьими обручами и открыл свою сумку. Я нашел любовницу, но не понимал, почему я должен потерять ее. машинистка, чьи услуги, в конечном счете, были оплачены.

- Может быть — - сказал он, поднимая на нее взгляд, по краям пинс-нез-может быть, лучше начать эти письма суперинтенданту трафик и Times.

Глэдис поместила бумагу в машину и написала дату. Мистер Куорлз он прочистил горло и начал диктовать. Было несколько хороших фраз, счастливых в их письма, обнаружил он с тщеславием. “Неизбежное пренебрежение, которое влечет за собой потеря гораздо более драгоценного времени, чем у сонных бюрократов железные дороги ” - это, например, было превосходно. И так (на этот раз для Times) отрывок: “слабые социальные паразиты отрасли защищенный”.

- Это урок для этих негодяев! - с удовлетворением сказал старый Куорлз перечитывая свои письма. - Это их измельчит. - Он посмотрел на Глэдис в поисках аплодисменты, и он не был полностью удовлетворен улыбкой, которую он видел на своем лице непослушная девушка. - Жаль, что старый лорд Хагворм не будьте живы, - добавил он, называя себя сильными союзниками. - Я бы написал он. Он был администратором компании. - Но последний из Hagworm был умер в 1912 году. И Глэдис продолжала показывать себя веселее, чем полюбоваться.

Г-н Куорлз также продиктовал дюжину писем, ответы на один переписка, которая оставила накапливаться в течение нескольких дней до этого приехать в Лондон таким образом, чтобы общее количество казалось более важным, и также для того, чтобы он мог уйти со службы Глэдис в качестве секретаря, преимущество, которое полностью соответствовало гонорарам, которые он платил.

- Слава богу — - сказал он, когда закончил ответ на последний из писем. - Ты понятия не имеешь — - продолжил он (и великий мыслитель имел приходя укреплять землевладельца — - ты понятия не имеешь, как… ААА… раздражают эти тривиальные мелочи, когда у тебя есть что-то действительно большее. важно, о

чем подумать.

- Да, думаю, так и должно быть… - Глэдис, которая его нашла. бесценный.

- Обратите внимание! - заказал г-н Куорлз, которого pensée^°J имел внезапно произошло. Он откинулся назад в своем кресле и, сжимая глаза, он погнался за беглым выражением лица.

Глэдис ждала, ее пальцы подвешены над клавиатурой. Посмотреть для наручных часов. Полдень и десять. Скоро будет время для полдник. Новые часы - это было первое, что нужно было попросить у старика. То, что у нее было, было дешевым и уродливым; и никогда не ходил правильно…

- Обратите внимание на объем отражений, - сказал г-н Куорлз, не открывая глаз.

Ключи сделали ваш tah-tah-tah быстро. “Шпили из слоновой кости мысль ” - Сидни внутренне повторял слова. Они спровоцировали удовлетворительные отголоски в залах его духа. Выражение было пойманный. Сидни Куорлз встал на стул в движении тупой, и вновь открыл глаза-чтобы понять, что пушка одного из носков от Глэдис, на хлопковой нити цвета сгоревшей плоти, было видно, с места в котором он находился, и на значительном расстоянии выше колена.

- Всю жизнь, - продиктовал он, пристально глядя на пушку носка - я перенес несущественные перерывы… нет, не надоедай… она мелочи мира, точка. Есть мыслители, запятая, я знаю, запятая, что быть… AAA… способные добровольно игнорировать эти прерывания, запятая, дать им мимолетное, но достаточное внимание, запятая, и возобновить тогда с безмятежным духом высшие вещи, точка.

Была тишина. Над хлопковой сеткой думал Мистер Куорлз., была мягкая кожа, растянутая над твердым изогнутым кулачком. Ласкать ее, и, поглаживая, чувствовать шелковисто поглаживают кончики пальцев. Сжимать

эластичный кулачок. Укусить, даже. Как круглая чаша, как куча пшеницы. Глэдис внезапно заметила направление взгляда мужчина, вытащил юбку.

- Где я был? - спросил Мистер Куорлз.

- “С безмятежным духом к высшим вещам”, - ответила Глэдис, чтение на пробке, которая была у меня перед глазами.

- Хм! - Сидни потер нос. - Для меня запятая, ах! запятая, такая безмятежность всегда была невозможна, точка с запятой; у меня есть нервная чувствительность… ААА… слишком сильно, точка. Тащили из шпили из слоновой кости мысли, - с восторгом произнес фразу, - чтобы быть брошенным в обычную пыль, запятая, я раздражаюсь, запятая, я теряю все душевное спокойствие, и я чувствую себя неспособным снова подняться на свою башню.

Он встал и начал беспомощно бродить по комнате, с другой стороны. для другого.

- Это всегда было моим злом, - прокомментировал он. - Чувствительность в слишком много… У мыслителя не должно быть ни темперамента, ни нервов, я действительно не должен. Вы не имеете права быть страстным.

Обращайтесь, подумал он, к упругому и твердому кулачку… Задержался за стулом Глэдис. 0 маленький треугольник заподлицо волос спустился на кончик вдоль от позвоночника. Сидни положил руку на плечи секретаря и наклонился-если о ней.

Глэдис подняла глаза, озорно и триумфально улыбаясь.

- Тогда? — спросить.

0 Мистер Куорлз наклонился еще дальше и поцеловал его в затылок. Девушка отпустила сжатый хихиканье.

- Как мне щекотно!

Пальцы Сидни исследовали ее, спускаясь по ее рукам, сжимая его тело — тело рода, всего пола. Глэдис индивидуализированные продолжали издавать свои хихиканья.

- Озорной! - воскликнула она, делая вид, что отталкивает руки от старика. — Надоедливые!

ГЛАВА XXI

- Месяц назад, - сказала Элинор, когда такси выезжало со вокзала Ливерпуля Улица-мы были в Удайпуре.

— Нет сомнений, что это кажется неправдоподобным, - волвил Филипп, согласившись с идеей, что наблюдение женщины принесло неявное.

- Эти десять месяцев путешествия прошли как час в кино. Посмотреть там пристань. Я даже сомневаюсь,что меня не было… — Вздыхать. - Это несколько тревожное чувство.

- Думаешь? Полагаю, я к этому привык. Мне всегда кажется, что прошлого не существует. - Он вытянул шею через люк. — Для того тратить время на Тадж-Махал, когда у нас есть Собор Святого Павла, чтобы смотреть? Какое чудо!

- И этот чудесный белый и черный камень…

- Да, можно было бы сделать гравюру. Вдвойне произведение искусства. Не только архитектура, но архитектура, представленная в офорте. — Откинулся назад. - Я часто спрашиваю себя, если у меня когда-нибудь было детство, - продолжал он, возвращаясь к предыдущий разговор.

- И потому что ты никогда не думаешь о ней, есть мир моих вещей. детство, которое для меня более верно, чем наш Ладгейт Хилл. Но оказывается, я думаю об этом постоянно.

- И правда, - сказал Филипп. - Я не стараюсь часто вспоминать. По правде говоря, почти никогда. Мне кажется, у меня всегда есть вещи, слишком много дел, слишком много вещей, чтобы думать.

- У тебя нет естественной пощады. И я хотел, чтобы ты это сделал…

Они катились по берегу. Две старые маленькие церкви протестовали против всей новой массы австралийского дома, но напрасно. Во дворе King’s College группа юношей и девушек сидела на солнце., жду профессора пастырского богословия. Вход аудитории Gaiety были уже некоторые люди выстроились в ряд, образуя начало хвоста; плакаты рекламировали четырехсотый образ девушка из

Биарриц. Рядом с Савойей, отметил Филипп, можно было еще купить пару ботильоны за 12 с половиной шиллингов. На Трафальгарской площади рывки хлынули, Львы сэра Эдвина Ландсира нежно дарили его свирепый взгляд, Любовник леди Гамильтон сидел там высоко, среди облаков, как святой Симеон стилит. А за строгой колоннадой Национального Галлея рыцари Уччелло сражались забытые о времени, которое бежало, Рубенс она похищала своих Сабин, Венера смотрела в свое зеркало, и среди ангелов от Пьеро, который пел хором, Иисус родился в мире волшебно очаровательно. Автомобиль наклонился, чтобы спуститься в Уайтхолл.

- Мне нравится думать обо всех этих бюрократах.

- Нет, - сказала Элинор.

— Писала, писала, - продолжал Филипп, - писала с утра до вечера, чтобы мы могли жить свободно и комфорт. Писать, писать… Результатом является Британская Империя. Какое благополучие мы чувствуем, живя в мире, в котором мы можем делегировать все, что надоедает, от необходимости управлять до изготовление колбас!

Дверь Конной гвардии, часовые на лошадях имели воздух фигур набивать чучело. Рядом с кенотафом оказалась зрелая пожилая дама, глаза подняты, бормоча молитву над Кодаком, с которой было предложено сделать снимок душ 900 000 погибших. Один сикх.l-5 1] с черной бородой и бледно-лиловым тюрбаном вышел из дома Гриндли в тот момент, когда Филипп и Элинор проходили мимо. Для Биг-Бена было 11 часов и 27 минут. Будет ли какой-нибудь маркиз спать в библиотеке палаты Пары? Автобус выселил своих американцев на пороге аббатства Вестминстер. Оглядываясь назад через маленькое заднее окно капота, Филипп и Элинор могла видеть, что больница все еще остро нуждается в активы.

Дом Джона Бидлейка находился на Гросвенор-Роуд с видом на реку.

- Пимлико, - задумчиво сказал Филипп, когда они подошли к дому. Смеяться. - Ты помнишь ту нелепую песню, которую всегда цитировал твой отец?

- “Мы все едем в Пимлико”, — напевала Элинор.

- “Здесь отсутствует строфа.“Надо не забывать об этом! - Они оба смеялись., вспоминая комментарии Джона Бидлейка.

- “Здесь отсутствует строфа…“Его не хватает во всех антологиях. Я никогда не мог выясните, что случилось, когда они прибыли в Пинилико. Во многих годы я думал об этом, лихорадочно. Нет ничего лучше боудлеризма чтобы зажечь воображение.

- Пимлико — - повторил Филипп.

Он подумал, что старый Бидлейк сделал из Пимлико своего рода Олимп раблезиан. Мне понравилось выражение. Но для общественного пользования он он предпочитал “гаргантюеск” раблезиану. Тем, кто никогда его не читал., Рабле не вызывал ничего, кроме идеи порнографии. олимп гаргантюеско, тогда. По крайней мере, было известие, что Гаргантюа был большой.

Но Джон Бидлейк, которого они нашли сидящим возле теплицы, в его студия не имела ничего олимпийского; его рост, а не о человек, раньше он казался несколько убитым. Он позволил себе поцеловать свою дочь и молочно пожал руку зятю.

- Рад снова вас видеть, - заявил он. Но не было ни одного резонанс в твоем голосе; это тональное Эхо веселого смеха было отсутствует у нее. Он говорил без энтузиазма. Его глаза были без блеск и полосатая кровь. Старый Бидлейк имел вид худоба; он был серым.

- Как дела, папа? - Элинор была удивлена и огорчена. Никогда не переворачивает отец в таком состоянии.

— Зло… - ответил он, качая головой-плохо… Есть любой то, что здесь не работает. - Он показал свое чрево. Старый лев он вдруг начинает реветь, как обычно. - Сделать люди ходят по жизни, неся кучу кишок! Я всегда хотел зло Богу из-за этой безвкусной шутки… - Рев раздался жалоба. - Я не знаю, что сейчас происходит с моими внутренностями. Но это что-то очень неприятное. - Жалоба переросла почти в нытье. - Я чувствую себя несчастным.

Джон Бидлейк подробно описал симптомы своего зла.

- Ты обратилась к врачу? - спросила Элинор, когда папа закончил.

Старик покачал головой.

- Я не верю врачам. Они никогда не делают нам ничего хорошего.

Правда заключалась в том, что у него был суеверный ужас врачей. Я не хотел видеть их дома, они были зловещими птицами.

- Но ты должен позвонить, серьезно! - Элинор пыталась его убедить.

- Хорошо, - наконец согласился старый Бидлейк, ворча. — Что придите шарлатаны. - Но втайне я почувствовал некоторое облегчение. Был уже некоторое время он хотел обратиться к врачу; но до тех пор суеверие было сильнее этого желания. Волшебник дурного предзнаменования я мог бы прийти сейчас, называя ее не своей, а Элинор. Ответственность не это было его; поэтому несчастье не должно было упасть на него. Религия частный старый Bidlake был неясным сложным.

Они начали говорить о других вещах. Теперь, когда я знал, что могу проконсультироваться с доктор в безопасности, Джон Бидлейк чувствовал себя лучше и веселее.

- Я беспокоюсь о нем. - сказала Элинор в такси, которое отвезло ее в компания мужа. Филипп согласился с головой.

- Быть 73 - это не шутка. Он начинает выглядеть в возрасте, который иметь.

Какая голова! думал Филип. Хотел стать художником. Литература была бессилен воспроизвести это. Можно было бы описать, конечно, наименьшее морщина. Но к какому результату можно прийти таким образом? Ни за что. As описания-медленная вещь;лицо мгновенно воспринимается. Один слово, простое предложение-это то, что нужно. “Слава, которая была Греция, ныне дряхлая.“Это, например, уже что-то скажет о человеке. Но, естественно, этого было недостаточно. В цитатах есть что-то чисто педантично. “Статуя на пергаменте — - было бы лучше эта… “Пергаментная статуя того, кто когда-то был Ахиллесом, стояла сидя, сжимаясь, у подножия теплицы…“Да, это приближалось к цели. Ничего из описаний долгого дыхания. Но для тех, кто когда-либо имел я видел гипсовую повязку с дискового круга, для того, с кем я справился.

книга в пергаментном переплете, о которой слышали Ахиллес-Иоанн Бидлейк был заметен в этом единственном предложении. Но как насчет тех, кто никогда не был я видел греческую статую, и я не читал ничего об Ахилле в обложке книги морщинистая овчина? Да, эти… вы можете пойти к черту! “Несмотря все, - думал Филипп, - слишком литературно. Культура в избытке.”

Элинор нарушила молчание.

— Я просто хотел знать, как я собираюсь найти Эверарда, теперь, когда он взял великого человека. - Видел в воображении это горящее лицо, это огромное, но подвижное тело. Быстрота и насилие… И Уэбли был влюблен в нее. А она? Вам нравится этот человек? Или ненавидел его?

- Потому что я просто хотел знать, стал ли он когда-нибудь дергать людей за уши, как Наполеон… - сказал Филипп, смеясь. — В любом случае это не более чем вопрос времени.

- Несмотря ни на что, он мне нравится. - Насмешка Филиппа заставила его предоставлен ответ на ваш собственный вопрос.

- Он мне тоже нравится. Но разве я не могу смеяться, когда у меня есть будет?

Ты тоже смеешься надо мной. И почему я тебе нравлюсь?

Филипп взял жену за руку и поцеловал ее.

- Я обожаю тебя и никогда не смеюсь над тобой. Я отношусь к тебе серьезно.

Элинор смотрела на него без улыбки.

- Бывают моменты, когда ты приводишь меня в отчаяние. Что бы ты сделал, если бы я вы уезжаете с другим мужчиной? Это будет иметь значение для тебя, немного, что Фосс?

- Я бы чувствовал себя по-настоящему несчастным.

- И правда? - Элинор посмотрела на него. Филипп улыбнулся; было 1000 километров прочь… - Потому что у меня есть желание сделать эксперимент — добавила она, морщась на лбу. - Но ты действительно чувствуешь себя ублюдок? Я хотел убедиться в

этом, прежде чем начать…

- А кто будет твоим товарищем по опыту?

- Ах! Вот в чем сложность. Большинство других мужчин так

невыносимый…

- Какой комплимент!

- Но ты тоже невыносим, Фил! Ты самый невыносимый из все, по правде говоря. И что еще хуже, я люблю тебя, несмотря ни на что. И ты знать. Да, и ты объясняешь это обстоятельство.

Машина остановилась на краю тротуара. Элинор протянула руку, чтобы взять ваш зонтик.

- Но будь осторожен,-продолжала она, вставая. - Я не тебя я позволю оскорблять меня снова и снова. Я не хочу продолжать все свое жизнь дает много сдачи из ничего. В один из этих дней я ищу “другой”…

Прыгнул на тротуар.

- Почему бы тебе не попробовать Эверарда? - он издевался над ней, следуя за ней. глаза через люк автомобиля.

- Может, попробую. Я знаю, что Эверард не хочет ничего другого.

Филипп рассмеялся и поцеловал его кончиками пальцев.

- Скажи шоферу отвезти меня в клуб.

Эверард заставил ее ждать почти десять минут. Когда я только что положил немного пудры на лице, Элинор с любопытством исследовала комнату. Цветы были отвратительно плохо устроены. И эта витрина, полная старых сабель, кинжалы, из пистолетов, украшенных инкрустациями - это было ужасно, как музейная витрина; это было бельмо на глазу, хотя было то же самое время и в некотором смысле трогательно абсурдно. Из средней школы Эверарда он сохранил амбиции бегать по миру верхом и отрубать головы здесь и там; витрина выдавала его. То же самое было с этим столом планчи из стекла, с его доской, полной медалей и монет, под крышкой кристалл. С какой гордостью он показал вам свои сокровища! Там был македонская тетрадрахма с головой

Александра Македонского в отношение Геракла; сестерций 44 года до нашей эры, с профилем Грозный Цезарь, а рядом с ним королевский Эдуард II, украшенный efigie корабля, который символизировал начало морской мощи Англии. Е там было еще, о медали Пизанелло, Сигизмондо Малатеста, самый

красавец из хулиганов; и еще королева Елизавета с ее высокой голильей, Наполеон с лаврами на голове и герцог Веллингтон. Элинор улыбнулась с любовью к этим фигурам; они были старыми друзьями.

0 что было приятно в Эверарде, подумала Элинор, так это то, что с ним люди всегда знали, сколько это было. Уэбли всегда был, и таким образом совершенно определенно, сам; жил до своей репутации. Элинор он открыл пианино и сыграл пару аккордов, инструмент был расстроен, как обычно. На столике возле дымохода был объем последние речи и прокламации Эверарда. Элинор взяла из книги. Пролистал его.

“Политика свободных англичан, - читала она, - можно резюмировать так: Социализм без политической демократии и национализм без замкнутости.” Это звучало хорошо.

Но если бы он написал: “политическая демократия без социализма, и замкнутость без национализма ” - она бы восхищалась им, вероятно, с та же искренность. Ах, эти абстракции! Элинор покачала головой и вздыхать. “Я, должно быть, дура”, - подумала она. Но эти абстракции были фактически лишены смысла для нее.

Абсолютно пусты. Слова, не более чем слова. Вернулся в страница: “партийная система работает достаточно хорошо, когда партии это просто две группы соперничающих олигархов, которые принадлежат к одной и той же класс, у которого в глубине души одни и те же интересы и один и тот же идеал, и который борется друг против друга за власть.

Но когда партии отождествляют себя с классами и применяют строгие партийные принципы, система принимает абсурд. По факту я сижу с одной стороны в камере, а вы с другой, я вынужден признать индивидуализм, исключающий всякое вмешательство государства, и вы вынужден признать вмешательство государства, исключая все индивидуализм; я

обязан признать национализм, даже экономический национализм (что абсурдно), вы вынуждены признать интемационализм, даже политический интемационализм (который не является незначительный абсурд); я вынужден признать диктатуру богатых (за исключением из умных) вы вынуждены принять диктатуру бедных (в равной степени

исключая умных). Все это по очень простой причине, и политически несущественно, что я справа, а вы слева. В наши парламенты, права топографии сильнее, чем у здравый смысл. Вот преимущества современной партийной системы Moderna Party. И цель Свободные англичане должны отменить эту систему, а также парламентаризм развращенный и бессильный, который служит его следствием."

Все это казалось правильным, подумала Элинор; но он продолжал спрашивать вас тем не менее, почему люди мучают себя вещами этого жанра. Вместо того, чтобы жить, просто жить. Но второй кажется, когда ты мужчина, тебе скучно просто жить. Элинор вновь открыла книга, примерно посередине. "Каждая из английских субстанций была приобретается ценой нового рабства. Разрушение феодахизма укрепил корону. Во время реформы мы избавились от папская непогрешимость, но мы преклоняемся перед тяжестью божественного права королей. Кромвель сокрушил божественное право королей, но наложил тиранию землевладельцы и представители среднего класса. Тирания владельцев земля и средний класс находятся на пути быстрого разрушения, чтобы у нас диктатура пролетариата. Новая инфаубъектность, больше не папа, а скорее большинство, был провозглашен-непогрешимость, в которой мы обязаны верить по закону. Свободные англичане поклялись одержать победу новая реформа и новая похтская революция. Мы мы избавимся от диктатуры пролетариата, как наши отцы они избавились от божественного права королей. Мы отрицаем непогрешимость большинство, как они отрицали папскую непогрешимость. Свободные англичане, если ударить…"Элинор почувствовала некоторые трудности с перелистыванием страницы. "Почему если били их?"спросила она себя. Диктатура Эверарда и непогрешимость Уэбли? Сдул непокорные страницы, которые открылись наконец, "…за справедливость и свободу. Его политика заключается в том, что мужчины больше значение должно править, независимо от его происхождения. Все карьеры, одним словом, они должны быть широко открыты для талантов.

Вот справедливость. Он они требуют, чтобы каждая проблема рассматривалась объективно, без ссылки на традиционный ущерб партиям и бесполезному мнению большинства глупый. Вот свобода. Те, кто воображает, что свобода является синонимом всеобщее избирательное право…”

Захлопнулась дверь; в вестибюле раздался сильный голос. Был шум от необдуманных шагов по лестнице; дом дрожал. Дверь в салон была открыта яростно, как будто бомба взорвалась с другой стороны. Эверард Уэбли вошел в поток шумных извинений и приветствий.

Как я могу извиниться? - крикнул он, взяв Элинор за руки. - Но если бы ты знал, в каком водовороте я живу! Как замечательно принимать увидимся! И ты ничего не изменил. Очаровательно, как всегда. - Приземлился на лицо ее глубокий и интенсивный взгляд. - Те же бледные и безмятежные глаза, такие же полные и меланхоличные губы… И ты выглядишь чудесно!

Элинор ответила ему на улыбку. У Эверарда были глаза коричневого слишком темно; если смотреть с определенного расстояния, они казались полностью захваченными по зрачкам. Красивые глаза, но немного тревожные, думала она, для причина их сильной, яркой, бдительной неподвижности. Она нырнула за по взгляду на них, потом отвел его.

- Ты тоже, - сказал он, - всегда одно и то же. И правда, что я не вижу что мы должны были измениться. - Он повернулся лицом к Уэбли и увидел, что он я всегда смотрел интенсивно. - Десять месяцев в путешествии по тропикам не этого достаточно, чтобы превратить нас в кого-то другого…

Эверард рассмеялся.

- К счастью! Мы благодарим небеса! А теперь перейдем к перекусу.

- А Филипп? - спросил он, когда была подана рыба. Это также как всегда?

- Немного больше того же, если это возможно.

Эверард покачал головой.

- Еще немного… Да, я понимаю… Этого и следовало ожидать. Факт видеть негры гуляют без штанов должно быть, это сделало его еще более скептичным, чем это было что касается вечных истин.

Элинор улыбнулась, но при этом немного обиделась на насмешка.

- И какое влияние на тебя оказывает тот факт, что ты видишь так много англичан, прогуливающихся Горохово-зеленая форма?

Эверард рассмеялся.

- Это укрепляет мою веру в вечные истины, ясно.

- Правда, из которой ты одна, да?

Мужчина сделал своей головой утвердительный знак.

- Из которых я, естественно, одна. - Они смотрели друг на друга., улыбаться. Это была Элинор, которая снова сначала отодвинула взгляд.

- Спасибо за информацию. - Она сохраняла тон иронии. — Я я могла не догадаться сама.

Была небольшая тишина.

- Не представляй, - сказал он, наконец, тоном, которого больше не было шутник, но серьезно, что ты разозлишься, называя меня самонадеянным. - Эверард говорил сладко; но в нем ощущались огромные резервы в мощность. - Другие могли бы достичь этого, может быть. Но нам это не нравится от беспокойства низших животных. Мы их раздавим. С существами люди, наши равные, все по-другому, с ними мы все обсуждаем рационально.

- Какое облегчение слышать от тебя эти слова! - засмеялась Элинор.

- Ты думаешь, у меня много просопии. И это должно быть правдой, в в каком-то смысле. Но что серьезно, так это то, что я очень хорошо знаю, что моя гордость оправдано-знаю по опыту. Скромность вредна, когда ложна. Милтон говорит, что ” нет ничего более плодотворного, чем самоуважение он основан на справедливости и праве”. Я знаю, что моя опирается на

справедливость и право. Я знаю, я абсолютно убежден в этом, что могу делать то, что хотеть. Зачем отрицать это убеждение? Я возьму себя, сэр, я наложу моя воля. У меня есть решимость и смелость. И за очень короткое время у меня будет организованная сила. Тогда я возьму контроль. Я знаю; почему бы притворяться, что я игнорирую? - Откинулся на спинку стула. Был длинный молчание.

“И абсурдно, - думала Элинор, - смешно так говорить.“Это был протест ее критического интеллекта против ее чувств. Потому что его чувства были странно затронуты. Слова Уэбли, тон Вашего голоса - такой мягкий, позволяя угадать тем временем, под вашим

мягкость, так много скрытых, ярких резервов силы и страсти — она имела завоеванный. Когда он сказал: “Я возьму меня Господи”, это было так, как будто она выпил глинтвейн и глинтвейн, такая жара, что он внезапно покалывал во всем теле. “Это смешно”, - повторяла она внутренне, пытаясь отобрать у Уэбли отпор легкого завоевания, пытаясь наказать предателей, которые жили в его собственной душе и которые они так легко капитулировали. Но то, что было сделано, было невозможно распадаться полностью. Слова могут быть смешными; но дело в том, что когда он произносил их, Элинор трепетала от удивления внезапно, от волнения, от странного желания ликовать и сильно смеяться.

Слуга поменял посуду. Говорили о равнодушных вещах-о путешествии Элинор, события в Лондоне во время ее отсутствия, друзей общий.

Пришел кофе; оба закурили свои сигареты; наступила тишина. В в каком режиме он будет сломан? Элинор думала об этом с трепетом. Или лучше, он не думал — потому что он уже знал, и именно это пророческое знание его вы так сильно опасались. Может быть, это может расстроить его, сломав сам молчание. Возможно, что, продолжая быстро читать лекции, он сможет держать разговор в нейтральном плане, пока не придет время для него. уходить. Но ему вдруг показалось, что больше нечего сказать. Элинор се она чувствовала себя парализованной приближением неизбежного события. Я ничего не мог сделать, кроме как сидеть и ждать. И, наконец, неизбежное это случилось, как и должно было случиться.

- Помнишь, - медленно спросил он, не отрывая глаз, - до что я сказал Тебе перед твоим отъездом?

- Я думал, мы договорились не говорить об этом…

Эверард запрокинул голову с небольшим смехом.

- Ты ошибся. -Посмотрел на нее и прочитал в ее глазах выражение тоска и беспокойство, призыв к его снисходительности. Но это было неумолимо. Прижал локти к столу и наклонился к ней. Элинор опустила глаза.

Своим мягким голосом, полным скрытых запасов насилия, он заговорил.

- Ты сказал мне, что я не изменился, что касается физиогномики. Ибо

ну, мое сердце тоже не изменилось. То же самое, Элинор, всегда точно так же, как в тот момент, когда ты ушел. Я люблю тебя так же сильно, как любил тебя всегда, Элинор. Нет, я люблю тебя больше. - Она протянула руку вперед, посадив ее на стол. Уэбли также расширил один из своих и взял один из Элинор. - Элинор… — роптать.

Она покачала головой, не глядя на друга.

Сладко, страстно, он продолжал говорить: - Ты не знаешь это может быть любовь. Ты не знаешь, что я могу тебе дать. Любовь, которая есть отчаянный и безумный, как конечная Надежда. И в то же время боюсь, как мать по отношению к больному сыну… Любовь, которая жестока и мягкий, жестокий, как преступление, и мягкий, как сон.

“Слова, - думала Элинор, - абсурдные, мелодраматические слова.”

Но они тронули ее, как его лесть тронула ее.

- Пожалуйста, Эверард, - сказал он вслух, - заткнись. - Я не хотел быть растроганный. Он старался держать свой взгляд неподвижно, пока смотрел его лицо, его живые, пристальные глаза. Пытался улыбнуться, встряхнул голова. Потому что это невозможно, и ты хорошо знаешь.

- Все, что я знаю, - медленно сказал он, - это то, что ты боишься. Страх перед прийти к жизни. Потому что ты все эти годы жила полумертвой. У тебя не было меньше возможностей полностью пробудиться к жизни. И ты знаешь, что я я могу дать. Ты боишься, ты боишься.

- Какая глупость!

Все это было напыщенно, мелодраматично.

- И, может быть, в каком-то смысле ты прав. Быть живым, по-настоящему живой-не шутка. Опасно. Но, к Богу! - и все насилие скрытый его сладкий голос вибрировал внезапно, свободно, в звуковой реальности-это сенсационный.

Если бы ты знал, что ты напугал меня! Кричать таким образом…

Но это не просто страх, что она чувствовала. Ваши нервы и ваши собственные они все еще трепетали перед темными и жестокими ощущениями ликования, которые голос Уэбли проснулся в ней. “И смешно”, - подумала Элинор, чтобы успокоить. Но как будто она слышала этот голос прямо с

все ваше тело.

Эхо, казалось, резонировало в его собственной диафрагме… “Смешно”, - повторил он она… А потом, что это была та любовь, о которой он так говорил. яркий? Только короткая интерлюдия насилия, в перерывах между бизнес. Эверард презирал женщин, хотел им зла, потому что они они тратили впустую время и энергию человека. Элинор часто ему я слышал, что у меня нет времени заниматься любовью. Потеть они были почти оскорблением - как предложения, которые делаются с женщина с улицы.

- Будь разумным, Эверард, - сказала она.

Эверард убрал руку Элинор, а затем со смехом бросился назад на стуле.

— Очень хорошо. На сегодня.

— Навсегда. — Она почувствовала глубокое облегчение. — К тому же — добавил он, цитируя фразу Уэбли с легкой ироничной

улыбкой-Ты ты не член праздного класса… У тебя есть более важные дела, чем пусть ты займешься любовью.

Эверард молча посмотрел на нее несколько мгновений, и ее лицо стало серьезный, с видом вдумчивой угрозы. Более важные вещи, чтобы сделать? Быть правда, без сомнения. Я был зол на себя за то, что так хотел ее сильно. И злится также на Элинор за то, что она оставила его таким неудовлетворенным.

- Мы должны поговорить о Шекспире? - с сарказмом спросил он. — Или о копофоне?

Цена гонки составила 3 шиллинга и 6 пенсов. Филипп дал водителю 2 носки коронки и поднялся по ступеням портика своего клуба, преследуемый словами благодарности. У меня была привычка давать широкие чаевые. Это было не для хвастовство, ни потому, что он просил или намеревался просить об услугах специальный. (Действительно, немногие мужчины могли бы быть менее требовательными, чем что Филипп к слугам, очень немногие могли вынести больше

терпение неудачное обслуживание и показать себя более охотно извиняться халатность.) В нем широкий наконечник был материальным выражением своего рода презрение, наполненное раскаянием и извинениями. “Мой бедный дьявол!”, казаться хочу сказать щедрое удовлетворение: “мне очень жаль быть твоим начальником.” Быть может быть, Филипп тоже дал 1 шиллинг в качестве компенсации за свою снисходительность по отношению к слугам. Потому что, если он был нетребователен, это было так из-за страх и отвращение, которые внушали ему каждый человеческий контакт, не совсем необходимо, как к чувствам вдумчивости и вежливости. Из тех, кто служили Филиппу требовалось мало, по той уважительной причине, что он хотел иметь меньше возможное количество отношений с ними. Его беспокоило присутствие служителей. Ему не нравилось, что его близость нарушается странными людьми. Быть вынужденным говорить с ними, устанавливать прямой контакт, а не между ними. разум, но между волями, чувствами — интуицией-с эти насильники всегда были ему неприятны. Он избегал его в меру когда контакт был необходим, Филипп делал все возможное. дегуманизировать отношения. Таким образом, его щедрость была

отчасти компенсация ее нечеловеческой доброте к тем, кто был ее объектом. В некотором смысле это было покаяние, оплачиваемое деньгами.

Двери были открыты; вошел писатель. Колонный вестибюль был огромный, мрачный и свежий. Аллегорический gmpo из мрамора сэра Фрэнсиса Чантри, который представлял науку и добродетель, подавляя страсти, если он сжимался со всеми классическими приличиями в нише, наверху лестницы. Филипп повесил шляпу и пошел смотреть на газеты в комнате для курения, ждем прибытия ваших гостей. Спандрелл был первым, кто появляться.

- Скажи мне — - спросил Филипп, сразу после первого приветствия были обменены и заказали вермут-скажи мне быстро, прежде чем он явись, что и что с моим молодым, смешным зятем? Что если между ним и Люси Тантамаунт?

Спандрелл пожал плечами.

- Что вообще происходит в таких случаях? И в любом случае, будет ли это место и время, чтобы вдаваться в подробности?

Он указал на других обитателей курительной комнаты. Один министр, два

магистраты и епископ были в пределах слышимости. Филипп рассмеялся.

- Но я просто хочу знать, действительно ли это серьезно, и как долго похоже, это продлится долго…

Она очень серьезна в отношении Уолтера. Что касается продолжительности, кто знаешь? Но Люси должна уехать за границу в очень мало время.

- Слава богу! Ах! вот он! - Это Был Уолтер. - И Иллидж тоже.

- Филипп сделал им знак рукой. Новички отказались от аперитив.
- Давай поедим дальше, - сказал Филипп.

Столовая в клубе Филиппа была огромной. Двойной ряд коринфские лепные колонны поддерживали позолоченный потолок. Над стенами шоколадно-коричневый, портреты

выдающихся членов, в настоящее время ушедшие, они смотрели на комнату со свирепым видом. Бархатные шторы цвет по обе стороны от шести окон они были покрыты кордами.; ковер также бордового цвета смягчал шум шагов, и в его бордовые ливреи, официанты двигались из стороны в сторону., почти невидимые, как насекомые в лесу. - Мне всегда нравилась эта комната — - сказал Спандрелл, входя в нее с остальными. - Похоже на сборку для праздник Бальтазара.

- Но какой-то очень англиканский Бальтазар, - нуждался Уолтер.

- Убирайся! - воскликнул Иллидж, позволивший взгляду бродить в Томо.

- Это вещи такого рода, которые действительно дают мне ощущение того, что я плебс.

Филипп рассмеялся, несмотря на легкое недомогание. Смена темы, он показал слуг в мимикрии их ливреи защитного красного цвета. Он они подтвердили дарвиновскую гипотезу.

- И выживание наиболее приспособленных, - сказал романист, когда все сидели за зарезервированным для них столом. - Те, кто был одет в другие цвета, должно быть, были убиты разъяренными членами клуба. — Один из выживших бордового цвета принес рыбу. Они начали есть.

- И любопытно, - сказал Иллидж, следуя за нитью предложенных мыслей по первым впечатлениям от комнаты-это действительно необыкновенно, в

Короче, я здесь. По крайней мере, сидя с вами, в качестве приглашенная. Потому что не было бы ничего удивительного, если бы я был здесь с одной из этих бордовых ливрей. Это, по крайней мере, было бы в гармонии то, что пасторы назвали бы “мое социальное положение”. — Испускать краткий смех злобы. - Но сидеть здесь с вами, вот так, вы режим; это даже почти удивительно. И все это связано с тем, что владелец магазина У Манчестера был сын со склонностью к золотухе. Если Реджи Райт был бы обычно здоровым существом, я в этот час был бы вероятно, ремонт обуви в Ланкашире. Но, к счастью, Реджи у него были бациллы Коха в лимфатической системе. Врачи прописали ему загородная жизнь. Отец арендовал домик в моей деревне, для жены и сын, и Реджи пошли в школу этого места. Но отец был

амбициозен в том, что это касалось его сына. (Какой он был отвратительной мышкой!),- отметил Иллидж в скобках. - Я хотел, чтобы мальчик позже поступил в школу. Манчестер. Со стипендией. Он заплатил нашему учителю, чтобы он давать частные уроки. Я был хорошим учеником; учитель очень любил меня. Давая Реджи повторы, он подумал, что может также включить-меня на уроках. Бесплатно, что более важно. Не позволил моей маме заплати никель. Не то чтобы она могла себе это позволить очень легко, бедный женщина! Наступил сезон экзаменов, и я выиграл стипендию. Реджи был провалившийся. - Иллидж засмеялся. - Жалкий золотушник! Но я буду им. и очень благодарен, как и активным бациллам ваших желез. Без они я бы пошел в сапожную мастерскую моего дяди в деревне Ланкашир. И именно от таких вещей зависит целое существование, от какая-то абсурдная вероятность, одна против 1 миллиона. Незначительность, и вся наша жизнь меняется.

- Нет, это не было ничтожеством, - возразил Спандрелл. - Твоя бесплатное обучение не было случайностью; она была полностью из я согласен, полностью в гармонии с тобой. Иначе ты бы не получил ее. получено, тебя бы сейчас здесь не было. Я сомневаюсь, что на самом деле происходят события незначительный. Все, что происходит, по своей сути похоже на человек, с которым это происходит.

- Это немного оракуло, не так ли? - возразил Филипп. — Понимать события, люди деформируют их, давайте выражаем себя так, удачи

то, что происходит, похоже на них.

Спандрелл пожал плечами.

- Возможно, такая деформация существует. Но я считаю, что события уже созданы для того, чтобы приспособиться к людям. кто случается.

- Какая ерунда! - с отвращением воскликнул Иллидж.

Филип не согласился более отточенным образом.

— Но на разных людей может влиять одно и то же происходящее совершенно по - разному и характерно.

- Я знаю — - сказал Спандрелл. - Но каким-то невозможным процессом описывать, событие модифицируется, модифицируется качественно, из способ, который соответствует характеру каждого человека, вовлеченного в него. И великая тайна и парадокс.

- Не сказать абсурд и невозможность, - добавил он Иллидж.

- Ерунда. Невозможность, даже, - согласился Спандрелл. — Но, несмотря ни на что, на мой взгляд, так и происходит. В что они должны быть логически объяснимы?

- Вообще - то, почему? Уолтер сделал это эхом.

- Но, - вмешался Филипп, - это провидение от вас, дум то же самое происходит, качественно разные вещи для людей различимый. Разве это не трудно переварить?

- Это не более непереваривaемо, чем тот факт, что мы здесь. Больше нет не переваривается, чем все это… - Указал на балтасарескскую столовую, они живут за своими столами, слуги сливового цвета и бессменный секретарь Британская академия, которая случайно вошла в комнату, в компании профессор поэзии Кембриджского университета.

Но Филипп настаивал на своих аргументах.

- Но признавая, как это делают люди науки, что гипотеза чем проще, тем лучше — хотя я никогда не сталкивался со всем моя жизнь оправдание, помимо человеческой некомпетентности, для такого отношения…

- Поддержали! поддержали!

- Какое оправдание? - повторил Иллидж. - Обоснование опыта, вот это! Экспериментально проверено, что природа делает, по сути, вещи самым простым способом.

— Или же, - сказал Спандрелл, - что люди не они понимают, если не самые простые объяснения. На практике это не будет можно различать эти две альтернативы.

- Но если вещь имеет простое, естественное объяснение, она не может одновременно время имеет сложное, сверхъестественное объяснение.

- Почему бы и нет? - спросил Спандрелл. - Вполне может случиться что мы неспособны понять или измерить сверхъестественные силы которые находятся за внешне естественными силами (какими бы ни были различие между естественным и сверхъестественным). Но это не доказывает, что они не действуйте. То, что ты делаешь, это просто пропагандируешь свою глупость. категория общего права.

Филипп воспользовался ensejo, чтобы продолжить свою аргументацию.

- Но признаваясь, несмотря ни на что, - пригвоздил он, прежде чем Иллидж может ли это повторить — что самое простое объяснение может быть самым правда ли, что факты не объясняются просто, если мы говорим, что это индивидуум, с его историей и его характером, который деформирует что происходит, чтобы сделать это по своему подобию? Мы видим индивиды, но мы не видим Провидения; мы обязаны его предполагать. Не будет лучше, если мы сможем отказаться от нее, отказаться от этого постулата лишнее?

- Но будет ли это действительно лишним? - спэндрелл спросил. — Можно объяснить факты без нее? Сомневаться. Что ты говоришь об этом податливом виде ребята? И мы все более или менее податливы, мы все более или менее моделировать. Что ты говоришь о людях, чьи характеры не являются врожденными, а скорее в результате целого ряда событий, происходящих из такой же? Поток счастья, если ты хочешь дать ему это имя, или цепь несчастья; цепь чистоты или цепь нечистота, поток прекрасных героических возможностей или поток от неблагородных и печальных возможностей… После того как течение упорствовало время

достаточно (и удивительно, как сохраняются такие токи!), характер быть сформирован; так что, если вам нравится объяснять это таким образом, вы можете сказать что это человек, который искажает по своему подобию все, что у него есть случиться. Но прежде чем он будет иметь четко определенный характер, по подобию из которых я могу деформировать события, что скажешь, а? Кто вы решили такие вещи, которые случались с вами раньше?

- Кто решает, упадет ли монета лицом или решкой на высоту? -

презрительно спросил Иллидж.

— Но зачем вводить монеты в дискуссию? - реторвил Спэндрелл.

- Зачем ты идешь с монетами, когда речь идет о людях? Подумай о своем деле. Ты чувствуешь себя монеткой, когда с тобой что-нибудь случится?

- Неважно, какое у меня чувство. Чувства ничего они связаны с объективными фактами.

- Но ощущения, да, есть. Наука-это рационализация восприятие наших чувств. Почему мы должны присвоить значение научному определенному классу психологических интуиций, когда мы отказываемся от него все остальные? Непосредственная интуиция провенциального действия имеет так много вероятность быть средством познания объективных фактов в отношении прямая интуиция синего цвета или твердости. И когда что-то случается с нами, у нас нет ощущения, что это монета. Мы чувствуем, что события они имеют свое значение, которые были устроены. Особенно, когда они производят серийно. Как будто монета упала лицом в сто раз подряд, сказать.

- Даруй нам хотя бы заслугу падения короны, — со смехом сказал Филипп.

- Мы интеллектуалы, не забывай. Спандрелл нахмурился; эта легкомыслие вне цели шокировало его. Это была тема, которую он я серьезно относился к этому.

- Когда я думаю о себе, - сказал он — - я убеждаюсь, что все, что со мной произошло, было каким-то образом заранее организовано. В детстве у меня было предзнаменование того, кем я мог бы стать, если бы события не вмешивались… Что-то совершенно разнообразное этого Настоящего “Я”.

- Маленький ангел, а? - издевался над юйджем.

Шпандреу не узнал о прерывании.

- Но с пятнадцати лет со мной начали происходить вещи. пророческое сходство с тем, кем я являюсь сейчас.

Заткнулся.

- Так, что у тебя выросла задница и раздвоенные копыта, вместо этого гало и пара крыльев. Печальная история. Никогда не ранил тебя внимание, — Иллидж продолжил, повернувшись к Уолтеру, к тебе, что ты эксперт в этом вопросе искусства, или, по крайней мере, ты должен быть, никогда не ранил тебя внимание тот факт, что все репродукции ангелов в картинках абсолютно неверны и антинаучные? - Уолтер сделал" нет " своей головой. - Человек 70 килограммы, если бы у него выросли крылья, он должен был бы одновременно получать мышцы колоссальные, чтобы переместить их. И большие летающие мышцы будут означать грудину пропорционально, как у птиц. Ангел такого веса, если бы он хотел так хорошо летать. как кряква, у него должна быть Грудина, которая проходит на 4 или 5 футов, через менее. Скажи это своему отцу в следующий раз, когда он захочет нарисовать Благовещение. Все ангелы Габриэли, которые существуют, невероятно неправдоподобно.

Спандреу, между тем, думал о тех восхищениях посреди горы, в этих чувствах, в этих угрызениях совести. , чувства и раскаяния его юности; он говорил себе, что все это-покаяние в злых делах не меньше, чем восхищение в восторге от зрелища цветка или пейзажа-что все он был в некотором роде охвачен своими чувствами к матери, что все это было укоренилось и неявно содержалось в этих чувствах. Помнить-если из школы-интерната для девочек в Париже, эти эротические чтения под прикрыты, при свете лампочки. Книга датируется тем временем, когда длинные черные носки и длинные перчатки одного цвета составляли самые большие порно моды изысканность, и когда " поцелуй человека без усов был есть несоленое яйцо". - У соблазнительного майора и приапика были длинные усы, скрученные и жесткие косметические. Какой позор он, Спандреу, чувствовал, и что раскаяние! Как я боролся, с каким рвением я молился, чтобы у меня была сила. мораль! И бог, которому он молился, был образом его матери. Сопротивляться искушению

он должен был показать себя достойным ее. И, поддавшись, он соблазнит ее, отречется от Бога.

Он торжествовал с самого начала. Но однажды утром он неожиданно пришел к новости о том, что она выходит замуж за майора Нойла. Майор Нойл имел также скрученные усы.

- Святой Августин и кальвинисты были правы — - сказал

Спандрелл в громкий голос, прерывающий дискуссию о грудинах и серафимах.

- Ты еще раз заговорил? - спросил Иллидж.

- Бог хочет спасти одних и проклясть других.

- Или, скорее, он мог бы сделать это (а), если бы оно существовало, (б) если бы существовала вещь называется спасением, и (с)…

— Когда я думаю о войне, — продолжал Спандрелл, прерывая его — в том, чем она могла бы быть для меня, и в том, чем она была эффективно… — Давать на плечах. Да, Святой Августин был прав.

- Ну, я должен признаться, - сказал Филипп, - что меня всегда признавали к Святому Августину или к тому, кто был ответственный за то, что дал мне неисправную ногу. Это помешало мне взять героя; но это также помешало мне взять труп.

Спандрелл посмотрел на него с иронической складкой на спайках рта широко разорванный:

- Твой несчастный случай гарантировал тебе спокойную и незащищенную жизнь. В другими словами, событие напоминало тебя. Так же, как война, насколько я понимаю, была в точности по моему подобию. Быть уже год я был в Оксфорде, когда она начинала.

- Старая альма-матер, а? - усмехнулся Иллидж, который не мог слышать произнести название одного из старых и дорогих учебных центров, не делая какой-то саркастический комментарий.

- Три семестра, полные жизни, и два отпуска еще дольше полный жизни-открытие алкоголя и покера и разница, которая есть среди женщин во плоти и крови и тех, кто воображает подростков… Что апокалипсис, первая настоящая женщина! - добавил он в скобках. — Быть, в то же время, какое отвратительное разочарование! И скучная вещь, конечно смысл, который следует за перегретым воображением и порнографической книгой.

— Что такое дань искусству, - сказал Филипп, - как часто

указывать. - Улыбнулся Уолтеру, который покраснел, вспоминая, что у него было рассказывал зятю об опасностях, которые были в подражании, в любви, высокие поэтические модели.

- Наше образование сделано наизнанку, - продолжил Филипп. - Положи искусство перед лицом жизни; Ромео и Джульетта и грязные истории перед свадьбой или их эквиваленты. Из этого следует, что вся Moderna Young Literature является разочарованный. Неизбежно. В старые добрые времена поэты начинали лишившись девственности, а затем обладая полным знанием о реальной вещи, и точно зная, где и как она перестала быть поэтичной, они сознательно применяли его к идеализации и украшению. Мы начинаем по поэтическому, и мы идем оттуда, к не поэтическому. Если мальчики и девушки потеряли девственность уже во времена Шекспир, мы бы обновили Елизаветинскую любовную лирику.

- Может быть, ты прав, - сказал Спандрелл. - Все, что я знаю, это то, что как только я обнаружил реальность, я нашел ее разочаровывающей, но привлекательной, несмотря на всего! Может быть, так привлекательно по той причине, что это было так разочаровывает. Сердце-любопытный вид кучи; нечистота он привлекает нечистоту, и великое очарование порока заключается в его глупости и его низость. Он привлекает, потому что это так отталкивает. Но это всегда остается отталкивающий. Я помню… Когда пришла война, как я радовался иметь возможность убежать от навоза и сделать что-нибудь приличное, для разнообразия…

- За короля и Родину, - усмехнулся Иллидж.

- Бедный Руперт Брукет 5 2] i мы улыбаемся теперь из того, что он написал, уважение к возвращению чести к миру. События сделали это это выглядело немного комично.

- Это была зловещая шутка даже в то время, когда она была написана. — сказал Иллидж.

- Нет, нет. В то время она была именно тем, что я чувствовал сам.

- Ясно, что это то, что ты чувствовал. Потому что ты была как Брук, поврежденный и blasél-53] член простаивающего класса. Ты нуждался в

новые эмоции, вот и все… Война и эта знаменитая “честь” вас они

разжигали эту эмоцию.

Шпандреу пожал плечами.

- Объясни, если хочешь. Все, что я могу сказать, это то, что в август 1914 г. я хотел сделать что-то благородное. Я был бы совершенно приятно быть убитым.

- “Скорее смерть, чем бесчестье”, а?

- Да, в точности. Потому что я могу заверить вас, что все мелодрамы идеально соответствуют действительности. Есть определенные случаи, когда люди эффективно говорят такие вещи. Единственный недостаток мелодрамы в том, что она заставляет нас поверить, что люди делают из этих фраз всегда и всегда. Но, к сожалению, это не так. “До смерти это бесчестие ” было именно тем, о чем я думал в августе 1914 года. Да, если единственная возможность, существующая вне смерти, - это глупый образ жизни за то, что меня забрали, я бы предпочел умереть…

- Все еще говорит незанятый джентльмен… - заметил Иллидж.

- Именно тогда, просто будучи образованным в значительной степени за границей, за то, что я знаю два или три языка, за то, что у меня есть мать, которая слишком любил и влиятельный отчим в военных целях, меня перевели, хорошо это или плохо для разведки. Бог имел на самом деле намерен проклясть меня.

- Он милостиво пытался спасти тебе жизнь, — сказал он. Филип.

- Но я не хотел, чтобы они спасли мне жизнь. Если только я не мог использовать ее во что-нибудь достойное, во что-нибудь героическое, предпочтение, или, по крайней мере, трудное и рискованное. И вместо этого я они дали работу по связям, а затем отправили меня на охоту за шпионами. Они втянули меня во все гнусные и неблагородные дела.

- Но, в конце концов, в окопах не было ничего особенного. романтический…

- Нет, но они были опасны. Чтобы сидеть в окопе, это было мне нужно мужество и стоическое терпение. Охотник на шпионов был в

совершенная безопасность, и я не должен был подвергать испытанию ни одну из своих дворян добродетели; и что касается случаев практики порока… Ах! Эти города арьергард фронта, Париж, порты; проститутки и алкоголь это были его основные продукты.

— Но в конце концов, - сказал Филипп, - это было зло, которое можно было избегать. - Будучи холодным по своей природе, ему было легко быть разумным.

- Можно избежать, но не для меня, - ответил Спандрелл. — Особенно в этих обстоятельствах. Я хотел сделать что-то достойное, и я был предотвращено в этой цели. К счастью, был взят какой-то вопрос о для меня большая честь поступить иначе, чем я хотел. Дело чести, ты понимаешь?

Филипп покачал головой:

- И слишком тонко для меня…

- Но представьте, что вы окажетесь в присутствии человека, который ты уважаешь и любишь, и восхищаешься, как никогда не любил, уважал и восхищался никто раньше.

Филипп сделал своей головой утвердительный знак. Но правда была, размышлял он, который никогда не восхищался кем-либо глубоко, всем сердцем. Теоретически да; но никогда на практике, никогда до такой степени, чтобы хотеть стать учеником человека, которым восхищаются, никогда не до такой степени, чтобы следовать за ним. Он принял мнение других людей, даже их образ жизни - но всегда с основополагающим убеждением, что я их не делал действительно, с уверенностью, что я могу отказаться от них, и что в правильном я бы бросил их так же легко, как и принял. И всякий раз, когда мне кажется, в какой-то опасности позволить себе вырваться, он сопротивлялся он сознательно боролся или бежал, чтобы сохранить свою свободу.

— Ты становишься подавленным тем, что чувствуешь к этому человеку, - продолжил он Спэндрелл. - И ты идешь к ней с протянутыми руками, предлагая свою дружба и твоя преданность. За единственный ответ, это существо, которому ты поставки засунь руки в карманы и повернись спиной… Что бы ты сделал в этом дело?

Филипп засмеялся.

- Мне нужно посмотреть книгу этикета Vogue.

- Ты бы свалил его на землю одним ударом. По крайней мере, я бы так и сделал. Дело чести. И чем сильнее было мое восхищение,, более жестоким был бы удар, и больше времени я бы танцевал после этого над тушей от человека, который презирал меня. Вот почему проститутки и алкоголь не их можно было избежать. Напротив, это было делом чести для я не избегаю их всегда. Эта жизнь во Франции была похожа на ту, что я его забрали до войны. Просто она была гораздо более неблагородной и глупой, и он явно не в состоянии справиться с любым элементом, который мог бы облегчить или искупить его. Е после года войны я отчаянно боролся, чтобы держаться за мое бесчестие и избегание смерти. Святой Августин был прав, уверяю вас; мы обречены или спасены заранее. Вещи, которые происходят, являются заговор Провидения.

- Ерунда! - сказал Иллидж. Но в глубине последовавшей тишины маленький человек снова подумал о том, как он был необычен и бесконечно маловероятно, что он сидел там и пил бордовый, с бессменным секретарем Британской академии, сидящим за двумя столами, а заместитель председателя Верховного Суда располагался именно за ним. Двадцать годами ранее шансы, которые были против его присутствия ах, под этим золотой потолок, был в пропорции несколько сотен или тысяч миллионы против одного. Тем не менее, он был там… Иллидж выпил еще один приношу бордовый.

И Филипп, тем временем, вспоминал эту огромную лошадь негр, который истекал и пинотеировал, его зубы широко раскрылись, а уши и как животное внезапно бросилось в Вперед, волоча за собой водителя; и от грохота колес; и ” Ой!”, жалость крики, которые он, Филипп, издал; и как он отступил на скалистый склон, как он пытался взобраться на него, но скользил и катился на землю, и удивительный пинот и лапы гиганта; и ” Ой! Ой!”, из этой массы и от солнца, и от больших копыт, и от внезапно эта аннигиляционная боль…

И в той же тишине Уолтер подумал о том дне, когда впервые я вошел в салон Люси Тантамаунт. “Все, что

оказывается, по своей сути похож на человека, с которым это происходит.”

- Но в любом случае, в чем ее секрет? - спросила Мейджори. — Почему неужели Уолтер без ума от нее? Да, потому что он сошел с ума. Буквально.

- Тебе не кажется, что это очень явный секрет? - предложил Элинор. О то, что она считала странным, не было тем, что Уолтер потерял рассудок из-за Люси, но он нашел что-то привлекательное в бедной Мейджори. — В конце концов,— продолжил он, - Люси очень веселая, очень полный бодрости. Кроме того, — добавил он, вспоминая раздражающие замечания Филиппа о собаке, которую они имели сбитый в Бомбее-у нее плохая репутация…

- Но разве это ничья? Плохая репутация? - Чайник остался подвешен за чашу, пока Мейджори задала вопрос.

- Ясно, что это так. Это означает, что женщина, у которой она есть, доступна… Сахар?

- Нет, спасибо.

— Но это естественно, - сказала Майджори, передавая чашу другой, - что один мужчина не хочет делить своих любовниц с другими мужчинами.

- Может и нет. Но тот факт, что у женщины есть другие любовники, дает человек надежды… “Там, где другие были успешными, я тоже могу быть.“Вот аргумент человека. И в то же время плохая репутация делает-он сразу же думать о женщине с точки зрения приключений любящий. Когда мы видим Лолу Монтес, ее репутация заставляет нас думать автоматически в нише. К нам не приходит мысль о алькове, когда мы видим Флоренс Найтингейл. Мы помним только больничные. О что это не то же самое, — собрала Элинор, чтобы закончить.

Была тишина.

Элинор думала, что с ее стороны отвратительно больше не чувствовать

сочувствие Майджори. Но я не чувствовал, это была правда… Пытался сделать себя вспомнил жалкую жизнь, которую вела эта бедная женщина-с сначала муж, а теперь с Уолтером. Отвратительно, на самом деле, но те страшные висячие серьги, имитирующие нефрит! И этот голос, этот путь, важный…

Майджори подняла глаза:

- Но возможно ли, что мужчины могут быть так легко обманули? За такую грубую приманку? Такие люди, как Уолтер. Как Уолтер! - она настояла. - могут ли такие люди, как он, быть такими, такими…

- Свиньи? - предложил Элинор. - Видимо, могут. Это выглядит странно, это правда. - “Может быть, было бы лучше, - думала она, - чтобы Филипп был чуть больше свиньи и чуть меньше хорошего отшельника. Свиньи люди; может быть, слишком много людей, но все равно всегда они люди. В то время как отшельники делают все возможное, чтобы быть моллюск.”

Майджори покачала головой и вздохнула:

- И необыкновенно, - сказала она с убеждением, которое показалось Элинор несколько смешно.

“Какое мнение она может иметь о себе?“спросил Элинор внутренне. Но хорошее мнение Майджори относилось не столько к ней самой чем к его добродетели. Партнер Уолтера получил образование в вера в уродство порока и животной части человеческой природы, в красота добродетели и духа. И, холодная по своей природе, у холодной женщины была полное непонимание чувственности. Пусть Уолтер внезапно перестанет быть Уолтер, которого она знала и вела себя “как свинья”, согласно немного грубое выражение Элинор-это было то, что казалось ей поистине необыкновенный, кроме всех соображений о своих личные достопримечательности.

— А потом ты должен помнить — - громко сказала Элинор, - что Люси имеет еще одно преимущество в отношении мужчин, как Уолтер. И одна из тех женщин, у которых мужской темперамент. Эй мужчины могут найти удовольствие на случайном свидании. По большей части, женщины не могут, они должны чувствовать любовь, более или менее. Нужно

пусть ваши эмоции будут вовлечены в дело. Все, за редким исключением. Люси - одно из таких исключений. Она имеет мужской колледж отряд. Он обладает способностью отделять аппетиты от остальной части вашей души.

- Какой ужас! - Марджори вздрогнула.

Элинор наблюдала за этим вздрагиванием и была так расстроена им, что это было до такой степени, что противоречило другому.

- Думаешь? Мне это порой кажется вполне завидным талантом. — Она рассмеялась, и Мейджори была шокирована ее цинизмом. — Для такой застенчивый и смущенный мальчик, как Уолтер, - продолжила Элинор, - есть что-то очень захватывающее в характере этого вида. Е прямо противоположно вашему. Безрассудный, беспринципный, своевольный, без совесть. О, я очень хорошо понимаю, почему мальчик он сошел с ума. - Он думал об Эверарде Уэбли. - Сила всегда одна влечение, - добавил он. И особенно, когда нам не хватает этого давай, как в случае с Уолтером. Можно не любить такую силу. — Сама ей не очень нравились энергичные амбиции Уэбли. - Но не если вы можете перестать восхищаться самой силой. И как Ниагара. И великолепный, хотя у нас может не быть желания ставить себя под него. Я могу взять еще один ломтик хлеба с маслом? - Он справился. Для деликатеса Майджори тоже достал одну. - Какой вкусный черный хлеб! - воскликнула Элинор. И остался спросите себя, как Уолтер может жить с человеком, который свернул в воздух мизинец руки, держащей чашку чая, и кусал ломтик хлеба такими ужасно маленькими кусочками, жуя затем только с передними зубами, как морская свинка; как будто факт еда была невежливой и несколько отвратительной вещью…

- Как думаешь, что мне делать? - решил наконец спросить Майджори.

Элинор пожала плечами.

- Что еще ты можешь сделать, кроме как пожелать, чтобы он получил то, что вы хотите, чтобы он скоро заболел морской болезнью?

Это было очевидно; но Мейджори подумала, что Элинор была несколько бесчувственной, жесток и жесток за то, что сказал это.

Куорлз импровизировал в Лондоне, упрощенно резиденция в последней серии старых каретных дворов Белгравии. Для вход проходил под аркой. Скала из кремовой штукатурки возвышалась над щука, слева от наблюдателя - без единого окна, потому что жители этого аристократического квартала когда-то даже не брали знание жалкой личной жизни своих иждивенцев. Право, если он расширил низкую линию конюшен, с единственным этажом жилых комнат в cima, занятые теперь огромными Daimlers и семьей их choferes. Конюшни заканчивались стеной, над которой можно было видеть платаны из садов Белгравии качаются на ветру. Вход в дом Дос Куорлз находился в тени этой морской стены. Между садами и конюшни малонаселенные, в маленьком домике было очень тихо. Молчание не было сломанный, если не приходить и уходить из лимузинов и случайного крика ребенка.

— Но, к счастью, - заметил Филипп, - богатые могут предлагаем тихие транспортные средства. И есть что-то в двигателе внутреннего сгорания что приводит к ограничению рождаемости. Кто видел шофера с восемь детей?

0 приют для повозок и конюшни были объединены в реконструкция конюшни, в простой и просторный зал. Два ширмы они представляли собой имитацию перегородки. За ширмами справа от того, кто вошел, была “гостиная” сторона квартиры-стулья и диван, сгруппированный вокруг камина. Ширма слева скрывала обеденный стол и вход в крошечную кухню. Девочка лестница поднималась наискосок вдоль одной из стен и вела к спальные комнаты. Желтые шторы cretone создавали иллюзию солнечного света который никогда не входил в окна, выходящие на север. Было много книга. Портрет Элинор, когда Мисси, сделанный старым Бидлейком, был висит над камином. Филипп лежал на диване, книга на рука.

“Очень примечательно, - читал он, - это записка Мистера Тейта Ригана о самцах паразитические пигмеи у трех видов морских дьяволов cerativideos. Мы

Ceratias holbolli, из Арктики, самка размером более или менее 20 сантиметров длина несла по поверхности живота двух самцов близко 6 сантиметров. Область морды и подбородка у

карликового самца была постоянно прикрепляется к попилю кожи самки, а сосуды кровь двух людей слилась. У самца нет зубов; ваш рот бесполезен; пищеварительный канал атрофирован. Фотокарин спиницепс, самка длиной около 6 сантиметров несла 1-сантиметровый самец на макушке головы перед правым глазом. Мы Edriolychnus schmidti размеры были чуть более или менее одинаковыми что в предыдущем случае, но самка несла карликового самца головой вниз, на внутренней поверхности покровного стекла отбеливает."

Филипп бросил книгу и достал из внутреннего кармана блокнот и авторучка:

"Самки морских дьяволов, - писал он, - несут их, прикрепленные к своим телам, паразитические карликовые самцы… Сделать сравнение, которое навязывается, когда мой Уолтер преследует вашу Люси. Что, если бы я написал сцену на из Водолея? Они входят с другом-ученым, который показывает им самки морских дьяволов и их мужья. Сумерки, рыбы-один идеальный фон".

Филипп уходил в сторону от записной книжки, когда ему приходила в голову другая мысль. Он открыл его. "Установить аквариум в Монако и описать Монте-Карио и все Ривьера в облике глубоководных монстров."Закурил сигарету и это продолжалось с книгой. Они постучали в дверь. Филипп встал и пошел открывать; это было Элинор.

- Как поздно! - воскликнула она, бросаясь на стул.

- Так какие новости ты мне рассказываешь от Майджори?

- Новости? Ничего похожего на это… - сказала Элинор Нум вздохнул, снимая шляпу. - Бедное существо безвкусно, как всегда. Но я искренне сожалею об этом.

- Что ты ему посоветуешь?

— Ничего. Что ты хочешь, чтобы она сделала? А Уолтер? - спросила Элинор. — Ты нашел повод сыграть сурового отца?

- 0 полусерьезный папа, скажем так… Я получил его, если он должен был установить в Чамфорд с Мейджори.

- Получил? Это был настоящий триумф.

- Не так, как ты думаешь. У меня не было врага, с которым можно было бы сражаться. Люси уезжает в Париж в следующую субботу.

- Будем надеяться, что она останется там… Бедный Уолтер!

- Да, бедный Уолтер… Но я должен рассказать вам о морских дьяволах. — Он сказал. - Один из таких дней, — заключил он, - мне нужно написать Бестиарий современный. Какие моральные уроки! Но скажи мне, как ты нашел Эверарда? Иметь совершенно забыл, что видел его.

- Ты не мог не забыть… - презрительно возразила она.

- Думаешь? Не знаю почему…

- Нет, ты не знаешь.

- Я раздавлен под тяжестью твоего презрения — - сказал Филипп с притворное смирение. Была тишина.

- Эверард влюблен в меня — - наконец заговорила Элинор, не глядя мужу, причем совершенно спокойным и холодным голосом.

- Но это новость? Я думал, он старый поклонник.

— Но это серьезно, - продолжила Элинор. - Очень серьезно. - Она надеялась с нетерпением комментарии мужа. Они пришли после короткого молчание.

- Это должно быть менее весело…

Меньше удовольствия! Разве он не понимал? В конце концов Филипп не был дураком. Или, может быть, он очень хорошо понял и был просто притворяюсь иначе; может быть, он был даже втайне доволен со страстью Эверарда. Или это было просто безразличие, которое слепой? Никто не может понять того, чего не чувствует. Филипп нет я мог понять ее, потому что я не чувствовал то же самое. Находиться уверенный в вере, что другие люди были так разумно мамы, как он.

- Но он мне нравится. - громко заявила Элинор, делая

последняя отчаянная попытка вырвать у мужа хотя бы одну симулякр демонстрации любви. Если бы только он проявил ревность, или грустно, или сердито, как она будет счастлива, как

она будет признана это! - Мне очень нравится Уэбли, - продолжила Элинор. - есть что-то очень привлекательно в нем. Этот его страстный характер, это насилие…

Филип рассмеялся: - неотразимый пещерный человек, а?

Элинор поднялась с небольшим вздохом, взяла шляпу и сумку наклонившись над мужем, поцеловал его в лоб, как бы попрощавшись с ним; затем он отошел в сторону и, всегда не говоря ни слова, поднялся в свою комнату. Филипп взял книгу, которую бросил. Читать:

“Bonellia viridis-зеленый червь, не очень редкий в Средиземноморье. А самка имеет тело размером примерно с сливу, снабженную хоботовидный отросток в форме бифидной нити на конце, сильно сократительный, и он может достигать 2 футов в длину. Но самец микроскопический и живет в том, что можно назвать каналом размножение (модифицированный нефридий) самки. У него нет рта, и он питается только чем он паразитически поглощает через свои поверхности ресничный…”

В очередной раз Филипп уронил книгу. Он продолжал думать о том, должен ли он или нет подойди и поговори с Элинор. Я был убежден, что она никогда не полюбит действительно Эверард. Но, может быть, он, Филип, не должен иметь такую вещь, как совершенно верно. Женщина казалась ему немного расстроенной. Возможно я ждал, что он расскажет ей, расскажет о своей любви, о том, сколько это будет несчастный-и как бы я был в ярости - если бы она перестала его хотеть. Но они были это как раз то, что невозможно сказать. На мысе он решил не подняться. Я собирался подождать и посмотреть, я бы отложил это на другой раз. Продолжение чтения о Bonellia viridis.

ГЛАВА XXII

Из записной книжки Филипа Куорлза

“Сегодня, в доме Люси Тантамаунт, я стал жертвой ассоциации идей очень любопытно. Люси, как обычно, была французским флагом; глаза круглые и синие, алый рот и остаток белого смерти

против одного фон черных волос и металлических бликов. Я сказал шутку любой. Она засмеялась, открыв рот — и ее язык и десны были от такой путь бледнее, чем красные губы, которые выглядели (чувствовал странный маленький холодок ужаса восхищался) полностью бескровные и белые, для контраста. И тогда, без какого-либо перехода, я обнаружил, что перед из священных крокодилов в садах Джайпурского Дворца; индуистский гид им он бросал куски мяса, и арбалеты имели внутреннюю часть его глоток почти белый, как будто они покрыты слегка кремовой кожей глянцевый. И так дух работает естественным образом. И у нас все еще есть интеллектуальные претензии! Ну, хорошо. Какая находка для моего романа! Е как только я начну свою книгу. Мой герой “вальтереско” заставляет смеяться русалка “lucyesca” и сразу (с ужасом с вашей стороны, несмотря на который он продолжает желать ее с оттенком извращенности, несмотря на все, и даже с еще большим рвением) он рассматривает неблагородных крокодилов, которые я видел это в Индии месяц назад. Таким образом, я достигаю с самого начала обратите внимание на странное и фантастическое. Все будет потрясающе, если мы сможем снять корка очевидной банальности, которую наши привычки вкладывают в вещи. Все объект, каждое событие содержит в себе множество глубин внутри других глубин. Ничто не похоже, хотя бы на его внешний вид — или, скорее, все выглядит одновременно несколькими миллионами из других вещей. Весь день проходит через голову моего мужчины, как один кинофильм, когда она смеется, показывая ее, любимую, обожаемую, желанная красавица - эти ужасно бескровные десны и небо крокодиловый…”

“Музыковедение художественной литературы. Не символистским образом, подчиняя чувство к звуку. {Pleuvent les bleus baisers des astres taciturned-54], Mera глоссолалия.) Но в больших масштабах, в строительстве. Медитировать на Бетховена. Изменения режимов, резкие переходы. (Величество чередуется с игрой, например, в первой части самого квартета Бемоль Мажор. Комедия, предлагающая внезапно потрясающие торжества и трагические в скерцо квартета до-диез минор.) Еще больше интересно, что модуляции не только от одного тона к другому, но и от один режим в другой режим. Тема раскрывается, а затем разрабатывается, измененный, незаметно деформированный, пока, хотя то же самое, что и все во всем. различный. В серии вариаций процесс делается на один шаг дальше. Например, эти невероятные вариации на тему Диабелли. Рамки все мысли и

эмоции, и все это в органической связи с смешная маленькая Ария вальса. Вот почему в романе. Как? As резкие переходы не представляют никаких трудностей. Что нам нужно как достаточное количество персонажей, так и параллельные интриги, контрапункт. Пока Джонс убивает свою жену, Смит толкает коляска сына в парке. Темы меняются. Интереснее, чем модуляции и вариации также сложнее. Романист модулирует отказ от ситуаций и персонажей. Он показывает несколько персонажей, которые они влюбляются, или умирают, или молятся по-разному. — различия, которые решают одну и ту же проблему. Или, наоборот, персонажи подобные сталкиваются с непохожими проблемами. Таким образом, мы можем модулировать так, чтобы представить все аспекты темы, мы можем писать модуляции над любым количеством мод различимый. Другой процесс, романист можно использовать Божественную привилегию создатель, и просто рассмотреть события повествования под его различные аспекты-эмоциональные, научные, экономические, религиозные, метафизические и т. д. Он будет модулировать от одного к другому — например, от эстетического аспекта к физико-химический аспект вещей, от религиозного к физиологическому или финансовый. Но, возможно, это слишком тираническое навязывание воля автора. Есть люди, которые так подумают. Но почему должен оставаться

автор всегда на последнем плане? Я думаю, что в наши дни мы немного брезгливы по поводу этих личных появлений. “

Добавить в роман романиста. Он послужит предлогом для обобщений эстетика, которая может быть интересна — по крайней мере, для меня. Он это также оправдает эксперименты. Образцы вашей работы могут проиллюстрируйте другие возможные способы рассказать историю. И если мы положим его в рассказывая части одной и той же истории, как и мы, мы можем сделать так, чтобы вариация на тему. Но почему мы ограничиваемся одним писателем в Роман? Почему бы не второй в романе первого? И третий в Роман второго? И так далее, до бесконечности, как эти жалобы квакерский овес, в котором есть квакер, держащий банку овса, над какой вид на рисунок другого квакера, держащего еще одну банку овсянки, о котором и т.д., коммуникации. На десятом изображении можно было бы иметь романиста рассказывая историю в алгебраических символах или

обозначениях вариации артериальное давление, пульс, секреция внутренних желез и время реакция.”

“Роман идей. Характер каждого из персонажей должен найти, насколько это возможно, указано в идеях, представителем которых она является. Поскольку теории-это рационализация чувств, инстинкты, состояния души, это выполнимо. Главный дефект романа идеи-это то, что мы вынуждены ставить на сцену людей, у которых есть идеи выражать то, что более или менее исключает всю человеческую расу-в стороне всего 0,01 процента. Вот причина, по которой настоящие романисты, прирожденные романисты не пишут таких книг. Но почему! я никогда не собирался быть прирожденный писатель.”

“Большой недостаток романтики идей заключается в том, что это искусная вещь, устроить. Обязательно; потому что люди, способные разрабатывать тезисы правильно сформулированные не совсем реальны; они слегка чудовищный. Это занимает несколько утомительно, с ходьбой времени, жить с монстрами.”

“На мой взгляд, инстинкт приобретения состоит из большего количества извращений, чем половое влечение. По крайней мере, люди кажутся мне более странными в вопросы денег, чем даже в вопросах любви. Какие скупости удивительные не встречаются постоянно, особенно у богатых! Что фантастические феерии тоже. Часто оба качества, при в то же время и в том же человеке. А потом накопители и хоронители, люди, которые живут целиком и почти непрерывно беспокоятся о деньгах! Никто не заботится о сексе так с это постоянство — без сомнения, потому что физиологическое удовлетворение возможно в сексуальных дел, тогда как она не существует, когда речь идет о деньгах. Когда тело насыщается, дух перестает думать о еде или о женщина. Но аппетит денег, необходимость владеть ими-это порядок более или менее исключительно ментальный. Там нет физического удовлетворения возможный. Это то, что объясняет эксцессы и извращения инстинкта приобретения. Наше тело заставляет, так сказать, половое влечение вести себя нормально. Нужно, чтобы извращения были очень жестокими, чтобы они могут доминировать над нормальными физиологическими

тенденциями. Но что касается к инстинкту приобретения, нет регулирующего тела, нет массы мяса необходимо отклониться от физиологической привычки. Несовершеннолетний склонность к извращениям принимается сразу же проявляется. Но, возможно, слово “извращение” не имеет смысла в этом контексте. Потому что извращение это подразумевает наличие нормы, которая служит для него отправной точкой. Что такое норма инстинкта приобретения? Можно смутно догадаться о некоторых справедливых

золотая середина; но быть там, дефато, истинной статистической нормой? Что касается я представляю, что я скорее “недостаточно изучен” , менее заинтересован, чем общее для смертных в деньгах и имуществе вообще. Иллидж сказал бы, что это если это полностью связано с тем, что я был воспитан в широкой атмосфере денежные средства. Отчасти это может быть правдой. Но нет полностью, на мой взгляд. Рассмотрим большое количество людей которые родились богатыми и живут исключительно ради заработка деньги. Нет, моя “суб-учеба” наследственна не меньше, чем приобретенный. Как бы то ни было, я не очень заинтересован в владении и не чувствую если не мало симпатии к тем, кто интересуется ею; я не понимаю их также. Ни один персонаж, доминирующим из которых является инстинкт приобретения фигурирует в любом из моих романов… Это недостаток; потому что приобретатели они явно очень распространены в реальной жизни. Но сомнительно, что я могу ли я взять такого интересного персонажа, так как я сам не интересуется приобретательной страстью. Бальзак мог; обстоятельства и наследственность заставила его страстно интересоваться деньгами. Но когда мы находим скучную тему, наша тенденция мы также будем скучны в отношении него… “

ГЛАВА XXIII

Письменный стол стоял перед окном. Запотевший дымным воздухом Шеффилд, желтый, слизистый солнечный луч освещал угол стола и угол красной ковровой дорожки с цветочным принтом. Эверард Уэбли писал письмо. Его перо бежало по бумаге. Все, что он делал, делалось быстро и решительно.

“Моя очень дорогая Элинор”, - написал он. “De profundis clamavi, das глубины этого отвратительного гостиничного номера, а глубины еще больше глубоко в этом северном политическом повороте, я кричу за тебя.”(Он писал 1 заглавные буквы местоимения от первого лица в виде больших столбцов, тире правый и сильный и два решающих поперечных острова, один наверху, другой у основания. Сокращения ИТ были твердыми и обозначали негибкость.) “Но ты не слушай, конечно. Я всегда чувствовал большую симпатию к дикарям, которые дают хороший удар по вашим богам, когда они не отвечают на ваши молитвы или нет они приносят свои жертвы. Англия надеется, что каждый из ее боги, в этот день исполни свой долг. Если они не соблюдают — очень хорошо, тем хуже для них; они будут наслаждаться вкусом ребенка. Moderna поклонение из невыразимого пульта, жесты которого мы не критикуем, мне кажется очень мало удовлетворительный. Для того, чтобы заключить договор с кем-то, кто может его нарушить воля и против кого у нас нет средств правовой защиты? Женщины следовали за тот же путь, что и боги. У них есть все права. И нам это не позволено. заставить их выполнять свой долг перед своими поклонниками или представлять свою роль в естественном контракте между полами. Пишу, умоляю. Но, как бог нового стиля Moderna философий и теологий широкие идеи, ты не слушаешь. И никто не имеет права осуществлять репрессии, это плохой тон бить небрежного Бога. Это не так. Несмотря ни на что, я тебя previno: один из этих дней я попробую старые добрые методы. Я сделаю мое маленькое похищение сабинян, и я хочу посмотреть, где остановиться, эта твоя невыразимое и отдаленное превосходство. Как я действительно ненавижу тебя за меня заставить любить себя так сильно! И такая ужасная несправедливость-получить от меня столько страсть и желание и ничего не дать мне взамен! И ты здесь не для того, чтобы получить

наказание, которого ты заслуживаешь! Я должен отомстить негодяям, которые беспокоят мои митинги. Прошлой ночью у меня была ужасная битва. Урвать, свистеть; они пели в Международном хоре. Но я подчинил их. Буквально, в в данный момент. Я был вынужден сделать глаза головы черными. Бедный черт! Он заплатил только за твои ошибки, Элинор. Это был твой козел отпущения. Потому что на самом деле я сражался с тобой. Если бы не ты, я бы не стал это было так жестоко… И без насилия

он бы не победил. К счастью, по пути косвенные, именно тебе я обязан своей победой. За что я правильно тебя благодарный. Но в другой раз не будет коммунистов, против которых можно было бы разгрузить мой гнев. Приближение битвы будет против истинного врага-против тебя. Так что будьте осторожны, моя дорогая. Я буду стараться избегать фиолетовых глаз; но в тепло момента, мы никогда не знаем… Но серьезно, Элинор, серьезно, почему ты такая холодная, такая далекая, такая мертвая? Почему ты защищаешься от меня? Я думаю о тебе так постоянно, так настойчиво! Действует изображение я всегда присутствует в мысли. Лежит скрыто, скрыто, в вещах и в самых неправдоподобных местах, готов, по команде любой ассоциации от случайных идей, до прыжков из укромного уголка, в котором держится засада. Она преследует меня, как преступную совесть. Если я…”

Они постучали в дверь. Вошел Хьюго Брокл. Эверард посмотрел на часы и потом Хьюго. Выражение его лица было угрожающим.

- Почему ты так опаздываешь? - спросил он голосом, чье спокойствие это было очень тревожно.

Хьюго покраснел.

- Я не давал время… - И он говорил чистую правду. Обедал с Апвич, в 30 километрах отсюда. Полли Логан проводила несколько дней в их дом. После обеда старый Апвич и остальные ушли в игра в гольф на частном поле, которое он устроил в парк. Полли по случайности не играла в гольф. Хьюго а имел побродил по лесу, вдоль реки. Как он мог иметь осознание часа? - Прости… - добавил Хьюго.

- Надеюсь, вы это почувствуете… - сказал Эверард, и скрытое насилие вспыхнуло от под спокойствием. - Как! Я говорю вам, возвращайтесь в 5 часов, и уже 6 с четвертью!

Пока ты со мной, на службе у свободных англичан, ты будешь под военной дисциплины. Мои заказы должны быть выполнены. Вы поняли?

Хьюго застенчиво покачал головой:

— Да..

— А теперь посмотрим, все ли приготовления к сегодняшнему митингу они были удобно сделаны. И обратите внимание, что этого не произойдет. новый! В следующий раз вы не так легко избавитесь…

Хьюго взял закрыть за собой дверь. Вся холера исчезла сразу с лица Эверарда. У него был метод, чтобы напугать его подчиненные время от времени. Холера, я знал это по опыту., это отличное оружие, пока мы не позволяем себе доминировать над ним. Это был ваше дело.

Бедный Хьюго! Уэбли улыбнулся, думая о мальчике, и продолжил письмо. Десять минут спустя Хьюго появился, чтобы объявить, что ужин был готов. Встреча была назначена на 8; они должны были поужинать слишком рано.

- Но это так глупо, все эти политические споры, - сказал Рэмпион с голос, пронзенный раздражением, - так невероятно глупо! Большевиков и фашисты, радикалы и консерваторы, коммунисты и свободные англичане; почему черт возьми, они бьют друг друга? Я им скажу. Изо всех сил пытаются решить, если мы мы отправляемся в ад на Коммунистическом экспрессе или на гоночном авто от капиталистов, или на автобусе индивидуалистов, или на коллективистском трамвае который катится по рельсам государственного контроля. Судьба такая же в в любом случае. Все они идут прямо в ад, все бросаются в даже психологический тупик и социальный коллапс, который возникает в результате коллапса психологический. Единственный момент, в котором они отличаются, заключается в следующем: “как нам добраться до там?“Человеку со здравым смыслом просто невозможно заинтересоваться подобные споры. Для здравомыслящего человека главное-ад, и не вид транспорта, который должен быть использован, чтобы добраться туда. А

вопрос, с которым сталкивается здравомыслящий человек: “хотим мы или не хотим идти в ад? И ответ: “Нет, мы не хотим.“И если ответ таков, таким образом, этот человек не будет слушать политиков любого рода. Потому что в конце концов, они хотят увести нас в пропасть. Все без исключения. Ленин и Муссолини,

Макдональд и Болдуин. Все одинаково обеспокоены за то, что они ведут нас в бездну и спорят только о способах нести нас…

- Некоторые из них могут вести нас немного медленнее, чем те другой. - предложил Филип.

Рэмпион пожал плечами.

- Но так немного медленнее, что это не будет иметь никакого значения заметный. Они все верят в индустриализм в той или иной форме, все верят в американизацию. Подумайте о большевистском идеале. И Америка сильно преувеличено. Америка с государственными услугами вместо Лады и чиновники вместо богатых. А потом идеал остальной части Европа! И то же самое, только там хранятся богатые. С другой стороны, машинисты и сотрудники. С другой стороны, машинизм и Альфред Монд или Хеми Форд. 0 машинизм, чтобы привести нас к гибели; богатые или сотрудники, чтобы управлять им. Думаешь, кто-нибудь из этих групп сможет водить машину? более благоразумно, чем другие? Может, ты прав. Но я не вижу нечего выбирать между ними. Все одинаково спешат. От имени наука, прогресс и человеческое счастье! Аминь, и нога на газе!

Филипп кивнул головой.

- И они действительно ускоряются! — сказать. - Все идет. И прогресс. Но, как ты говоришь, он, вероятно, идет в сторону бездны…

- И единственная тема, которую реформаторы находят для комментариев, - это форма, цвет и рулевой механизм автомобиля. Эти придурки не приходят Итак, что такое взятая ветвь, что имеет значение, что мы абсолютно в неправильный путь и что нужно было бы сделать полукруг, желательно пешком, без этой вонючей машины?

- Может быть, ты прав, - сказал Филип. - Но плохо то, что, учитывая наши мир в том виде, в каком он существует, нельзя сделать полукруг, нельзя остановить машина. Это невозможно, если мы не хотим уничтожить

примерно половина человечества. Индустриализм позволил удвоить население мира за сто лет. Если мы хотим распутать себя, из индустриализма нужно вернуться к исходной точке.

Значит ли это, что это необходимо убить половину существующего числа мужчин и женщин. Что, sub specie aeternitatis, или просто historiae[55] } может быть отличная вещь. Но вряд ли это будет вопросом практической политики.

— Пока это не так, - согласился Рэмпион. - Но следующая война и следующая революция должна сделать этот вопрос достаточно практичным.

— Можно. Но мы не должны рассчитывать на войны и революции. Потому что, если мы рассчитываем на них, они придут правильно.

Они придут, рассчитываем мы на них или нет. Промышленный прогресс означает перепроизводство означает необходимость выхода на новые рынки, это означает международное соперничество, это означает войну. И прогресс механик означает больше специализации и стандартизации работы, это означает обезличенные развлечения, созданные для всех, означают падение инициативы и творческих способностей, значит больше интеллектуализм и прогрессирующая атрофия всех жизненно важных элементов и фундаментальная человеческая природа, это означает больше скуки и волнения, это означает наконец, своего рода индивидуальное безумие, которое не может иметь другого результата если не социальная революция. Мы считаем это или нет, революции и войны неизбежны, если мы позволим вещам идти своим чередом текущий.

- К счастью, проблема решится сама собой…

- Но только своим уничтожением. Когда человечество уничтожено, ясно, что больше не будет проблем. Но мне это кажется печальное решение… Я считаю, что другой может существовать даже в рамках системы текущий. Временное решение, в то время как система была изменена в направление постоянного решения. Корень зла лежит в психологии индивидуальный; таким образом, что это так, по индивидуальной психологии, что это было бы мне нужно начать. Первый шаг-заставить людей жить в двойной способ, в двух отсеках. В одном из отсеков, как промышленно развитые рабочие, в другом, как люди. Как идиоты, как машины, в течение восьми часов в пределах 24; и как настоящие существа

люди в остальное время.

- Они больше этого не делают?

- Конечно, нет. Мужчины живут как идиоты, как машины., все время, как в рабочее, так и в нерабочее время. Как идиоты и как машины, но воображая, что они живут как люди цивилизованные, даже как боги. Первый шаг, который нужно сделать, это сделать их признайте, что они идиоты и машины в рабочее время. “Наша цивилизация такая, какая она есть”, - вот что нужно сказать им: “вы они должны провести восемь часов из 24 в качестве посредника между мудак и машина для шитья. И очень неприятно, я знаю. Е унизительно, это отвратительно. Но вот оно… Вы должны это сделать; с другой стороны таким образом, вся структура мира будет разорвана на части, и мы умрем голодный. Вот почему вы должны делать эту работу очень хорошо и механически; и пусть они проводят часы досуга как мужчины или как истинные и полные женщины. Не смешивайте две жизни; держите отсеки хорошо водонепроницаемыми между ними. Что важно прежде всего, это подлинно человеческая жизнь в нерабочее время. Прочее это не что иное, как отвратительная потребность, которую нужно удовлетворить. И нет никогда не забывайте, что она действительно грязная, и только потому, что она позволяет пусть вы питаетесь и сохраняете общество в целости и сохранности, абсолютно без значение, без малейшего отношения к истинной человеческой жизни. Не будь пусть обманут негодяи, полные помазания, которые говорят о святости работа и христианское служение, которое бизнесмены оказывают своим похожий. Все это ложь. Ваша работа-не что иное, как отвратительная и неприятная задача, но которая, к сожалению, необходима причина безумия наших предков. Они накопили гору мусор, и вам нужно, чтобы вы работали днем и ночью со своими лопатами стремясь убрать грязь, боясь, что его зловоние отравит их и убейте; вам нужно работать, чтобы дышать, проклятие памяти тех глупцов, которые оставили им всю эту неблагородную работу невыполненной. Но не пытайтесь отдаться ему от всего сердца, притворяясь, что этот грязный механическая работа-благородная необходимость. Это неправда; и единственный результат, который вы получите, сказав это и поверив в это, будет понижать нашу человечество на уровне этой потребности заражает. Если вы верите в нас

бизнес, как в служении и святости работы, вы преобразитесь

просто в механизированных идиотах в течение 24 часов, из 24, которые имеют день. Признайте, что это зараженная работа, заткните нос, посвятите себя он в течение восьми часов, а затем сосредоточиться на себе, чтобы быть в нерабочие часы, настоящие люди. Истинные люди и полный. Не Читатели газет, не любители aejazz, не маньяки радио. Промышленники, которые доставляют массу удовольствия стандартизированные и серийные делают все возможное, чтобы принять их в часы на досуге, те же механические придурки, что и вы в часы работа. Но не допускайте этого. Нужно приложить необходимые усилия, чтобы быть людьми.“Вот что нужно сказать людям; вот урок, который мы должны учить молодых людей. Необходимо убедить всех в том, что вся эта великолепная индустриальная цивилизация - не что иное, как неприятный запах, и что истинная жизнь, которая что-то значит, не может быть прожита иначе вне ее. Это займет много-много времени, чтобы жизнь приличный и промышленный запах могут примириться. Может быть, они действительно непримиримый. Это то, что еще предстоит увидеть… Как бы то ни было, на данный момент это надо нападать на нечисть, терпеть запах стоически, и, интервалы, стремление вести по-настоящему человеческую жизнь.

- Это хорошая программа. Но я не вижу, чтобы ты набирал с ним много голосов на следующих выборах.

- Вот в чем сложность. - Рэмпион нахмурился. - Мы бы все против нас. Потому что единственное, с чем все согласны; консерваторы, либералы, социалисты, большевики; это внутреннее превосходство промышленная вонь и необходимость подавления, путем стандартизации и специализация, каждая черта мужественности или женственности в человеческом роде. И они хотят, чтобы мы интересовались политикой! Так, так… - Встряхнул голова. - Давайте подумаем о более приятных вещах. Слушай, я хочу показать тебе эта картина. - Он прошел через студию и вытащил экран из стопки, которая была опираясь на стену. - Готово, - сказал он, после того, как он только что установил картина на мольберте. Сидя на склоне, покрытом травой, где он формировал вершину пирамидального состава, обнаженная женщина отдавала грудь пить. Внизу перед ней лежал мужчина с голой спиной обращены к зрителю; и, справа, в соответствующем положении,

он считался мальчиком. Мужчина, сидящий на корточках, играл с

парой маленькие леопардовые щенки, которые занимали центр кадра, немного больше под ногами сидящей мамы. Мальчик смотрел на сцену. За женщиной, прямо рядом с ней, занимая почти всю верхнюю часть рамы, можно было увидеть корова, слегка повернувшись головой в одну сторону, жует жвачку. А голова и плечи женщины выделялись, бледные, на темном фланге животного.

- Это картина, которая мне нравится в каком-то особом режиме, - сказал он — Рэмпион после небольшой тишины. - Мясо в порядке, не так ли? У них есть зрение, у них есть жизнь. Боже мой, как твой тесть умел рисовать чудесно обнаженные в воздухе hvre! Потрясающе! Никто не сделал их лучше; даже Ренуар. Ах! Если бы у меня были дары, которые были у него! Но это не все плохо, - продолжил Рэмпион, возвращаясь к кадру. - Нет. очень плохо. И тогда у него есть другие качества. Я чувствую, что получил это увы, живые отношения персонажей друг с другом и остальным миром… Корова, по пример. Она не знает о человеческой сцене. Но сидеть, однако, что животное находится в счастливом контакте с людьми, молочный, жвачный, говяжий путь. И люди находятся в контакте с корова. И с леопардами тоже, но не так, так что соответствует тому кошачьему и живому способу, которым щенки в контакте с ними. Нет сомнений, мне нравится эта картина.

- Я тоже — - сказал Филипп. - И что-то, что можно противопоставить промышленной вони. — Смеяться. - Ты должна сделать для спутницы этой картины Жизнь в мире цивилизованный. Женщина в водонепроницаемом, прислонившись к гигантской бутылке от боврила и кормления ребенка Глаксо. Склон покрыт асфальтом. 0 мужчина, одетый в костюм из 5 гиней, сидел на корточках перед стойкой радио, с которым он играет. И маленький парень, шаткий и прыщавый,, наблюдая за вещью с интересом.

- И все выполнено в кубистическом режиме, - сказал Рэмпион, - чтобы дать абсолютно уверен, что в нем нет ничего живого. Ничего похожего на искусство moderna стерилизовать вещи и искоренить их жизнь. Фенильная кислота не вы можете соревноваться с ней…

ГЛАВА XXIV

Местное самоуправление индусов при императорах династии маурий он продолжал неделю за неделей требовать присутствия г-на Куорлза в Британский музей, по крайней мере, два полных дня из семи.

— Я понятия не имел — - объяснял он, - что было так много доступный материал.

Тем временем Глэдис обнаружила, что ошиблась. Хорошие моменты, которые я ожидал получить под защитой мистера Куорлза, не были лучше, чем хорошие времена, которыми я мог наслаждаться с” мальчиками ” почти такие же бедные, как и она сама. Мистер Куорлз, казалось, не хотел позволить себе роскошь чувствовать себя лучше. Я хотел быть великим человеком, но с небольшие расходы. Оправдание, которое он утверждал, чтобы пойти в ресторан в понедельник порядок и дешевые места в театре всегда была необходимость в тайне. Было бы катастрофой, если бы какой-нибудь знакомый нашел его в компании Глэдис; и как люди ее знаний принадлежали миру, который если вы прогуливаетесь от Беркли до кресел театра Гейети, г-н. Куорлз и Глэдис ели в угловом доме^à] и смотрели спектакли с высоты второй галереи. Такое официальное объяснение качества очень мало княжеских праздников, которые она устраивала девушке. А реальным объяснением была не необходимость хранить тайну, а отвращение врожденный Сидни, чтобы избавиться от своих денег. Потому что, хотя большие суммы мало значили для него, маленькие много значили. Когда дело дошло до “улучшения недвижимости” он охотно он выкладывал десятки или даже сотни тысяч фунтов. Но когда дело дошло до того, чтобы заплатить 2 или 3 полукроны, чтобы дать вашей любовнице лучшее место в театре или более вкусная еда, букет цветы или коробка конфет, Сидни Куорлз внезапно взял себя в руки самый экономный из мужчин. Эта скупость укоренилась в определенном любопытное пуританство, которое раскрашивает его взгляды почти на всех удовольствия и развлечения (кроме строго сексуальных). Ужин с одним горничная соблазнила в дешевой темноте буханки Сохо, он (со всей страстью Милтона, упрекающего детей Белиала, со всей страстью Милтона.)

серьезность Вордсворта, защищающего дело материальной жизни больше смиренный и высшая мысль) осуждал грубых Карлтон

кончает, обжоры Ритца, которые в разгар страданий забитые из Лондона, они небрежно тратят ежемесячную зарплату сельскохозяйственный рабочий на ужине tête-à-têteˆs?]. Таким образом, Сидни давал, в ваши экономные предпочтения в отношении ресторанов и мест театр, характер высокой нравственности не менее простой меры дипломатический. Соблазненные уже старым развратником, любовницы г-на Дж. Куорлз были удивлены, увидев, что они обедают с пророком иврит и веселиться в компании ученика Катона или Кальвин.

- Тот, кто слышит, как ты говоришь, будет считать тебя святым! - сказала Глэдис с сарказм, когда Сидни сделал паузу, чтобы дышать, в середине одного из его диатрибы Corner House против блудных и прожорливых. - Ты! — Его смех был иронично диким.

0 Мистер Куорлз был сбит с толку. Я привык видеть себя услышанным. с уважением, как бог Олимпа. Тон голоса Глэдис был грубый и отвратительный; ему это не нравилось; дело действительно беспокоило его. Сидни достойно поднял подбородок и выстрелил в упрека ее голова: - это не просто вопрос личностей. Это действительно так вопрос общих принципов.

- Я не вижу никакой разницы — - возразила Глэдис, отменив удар всех торжественных претензий всех философов и моралистов, всех религиозные лидеры, реформаторы и создатели утопий, с самого начала из человеческих времен.

0 что особенно раздражало Глэдис, так это то, что даже в мире рестораны и недорогие места театра Мистер Куорлс не отказывался от его притязания и его Олимпийские манеры. Его возмущение, ночь, когда на второй лестнице была компактная толпа галереи, это было шумно и наполнено чувством справедливости.

- Действительно, это скандал! - засекретил Сидни.

- Тот, кто видит, думает, что вы взяли королевскую ложу… - отметила Глэдис ехидно.

И когда в чайном домике старый Куорлз жаловался, что кусочек 1 шиллинг и 4 пенса лосося, судя по вкусу, пришли из Колумбии Британка, а не шотландка, Глэдис посоветовала ему написать в Times а уважение. Эта находка сделала его прелестями, и с тех

пор она не переставала по иронии судьбы рекомендовать Сидни написать “Таймс”. Он жаловался, благородный и разочарованный философ, пустота политиков и пустота грязная политическая жизнь? Глэдис предложила ему написать в “Таймс”. Если старик красноречиво рассуждал о лицемерии Леди общественное мнение а про нетерпимость англичан девушка велела ему написать Раз. Это был действительно скандал, который ни сэр Эдвард Грей, ни Ллойд Джордж умел говорить по-французски; снова выходила на бал “Таймс”… Мистер. Куорлз чувствовал себя обиженным и возмущенным. С ним никогда не случалось ничего подобного. В компании других любовниц осознание своего превосходства это было безмятежное счастье. Они почитали его и восхищались им; он он чувствовал себя настоящим богом. В первые дни Глэдис Дера впечатление, что она тоже поклонница. Но, придя помолиться, он остался чтобы подшутить… Духовное счастье Мистера Куорлза было уничтожено.

Если бы материальное удовлетворение не придавало ему биологических качеств Глэдис, он бы быстро исчерпал тему местного самоуправления среди и он останется дома. К сожалению, молодая секретарша была наделена необычной дозой общих характеров вида. Как парень, Глэдис, своим сарказмом ранил и отталкивал Сидни Куорлза; но это индивидуальное отвращение было сведено на нет притяжением, которое оно оказывало на старое о что в ней было конкретно Женское, что у нее было общего с весь его вид, весь его пол. Несмотря на издевательства над любовницей, Мистер Куорлз возвращался в Лондон. Мы жалуемся на индусов каждый раз, когда более властными.

Осознав свою силу, Глэдис начала отказываться от того, чего он желал. Возможно, можно было бы с помощью небольшого шантажа заставить его к этому щедрость, которая не была в его природе, раскрывается спонтанно. АО возвращение с очень обременительной ночи, в Comer House и в кино, она отразила Сидни холерой, когда в такси он попробовал ласки обычный.

- Вы не можете оставить меня в покое? - сухо спросила Глэдис. И в

кабель момент: - скажи шоферу, чтобы он сначала пришел ко мне домой, что я я хочу спуститься.

- Но, моя малышка! - протестовал Мистер Куорлз. Не было ее

обещали войти с ним?

- Я передумала. Скажи шоферу.

Мысль о том, что по прошествии трех дней огненных ожиданий он он был бы вынужден провести одинокую ночь, это была его пытка.

- Но Глэдис, моя дорогая…

- Скажи шоферу…

- Но на самом деле это слишком жестоко, так плохо…

- Тогда напишите письмо в “Таймс”. - это был единственный ответ девушка. - Я сама поговорю с шофером.

После ночи бессонницы и страданий Мистер Куорлз вскоре ушел что магазины открылись, и купил наручные часы 14 гиней.

Это была жалоба на зубную пасту. Но как гравюра представляла собой пару который танцевал фокстрот, демонстрируя друг другу зубы в улыбке. любящий и перламутровый, и как слово начиналось с буквы d, маленький Фил, без малейших колебаний прочитал:

— Танец.

0 папа развязал смех:

- Большой мошенник! А я думал, ты умеешь читать!

— Но они танцуют, - возразил мальчик.

- Да, но это не то, что написано. Прочитай еще раз.

Показал ему слово с протянутым пальцем.

0 маленький Фил снова взглянул на невозможное Слово и посмотрел долго для изображения. Но пара танцоров не дала ему ни малейшего указание.

- Динамо, - сказал он, наконец, в отчаянии. Это был единственный

другой слово, начинающееся с буквы d, которое пришло к нему в дух в тот момент.

- Почему бы не “динозавр” сразу? Или “долихоцефал”? Или “двудольный”? - Маленький Фил был глубоко обижен; нет я мог бы вынести, что над ним издеваются. - Давай, читай еще раз. И на этот раз он хочет читать по-настоящему. Не Угадай.

Мальчик повернул голову:

- Это тошнотворно… - Его тщеславие мешало ему попробовать то, что он не мог выполнить полностью успешно. Мисс. Фулькс, который в принципе учил рациональное убеждение и с разумного согласия ученика (она была в очень молодом возрасте), он читал ему лекции о своей собственной психологии, в надежде, что однажды осознав свои недостатки, Фил я мог бы их исправить. “Ты гордишься худшим видом”,-сказала она ему. “Не тебе стыдно быть ослом и ничего не знать. Но тебе стыдно. ты ошибаешься. Ты предпочитаешь не делать ничего, а делать это наизнанку. Это очень большая ошибка.“Маленький Фил покачал головой в знак он согласился и сказал: “Да, Мисс. Fulkes ” самым рациональным образом и понимание, которое можно себе представить. Но все же предпочитал не делать этого вещи делать их с трудом и неправильно.

- Это тошнотворно… - повторил он. - Но ты хочешь, чтобы я сделал рисунок? - предложил, снова повернувшись к отцу с улыбкой увлекательный.

Он всегда был готов рисовать; он хорошо рисовал.

- Нет, спасибо. Я хочу, чтобы ты прочитал.

- Но это тошнотворно…

— Неважно. И мне нужно, чтобы ты попробовал.

- Но я не хочу экспериментировать.

- Но это я хочу. Испытывать.

Малыш расплакался. Слезы, он знал это, были оружием непреодолимый. И действительно, они еще раз продемонстрировали свою силу. Элинор, которая сидела, с книгой в руках, в другой

конец отсека, поднял глаза.

- Не заставляй его плакать, - воскликнула она. - Это так плохо…

Филипп пожал плечами:

- Если ты думаешь, что это способ воспитания ребенка… — возразить с горечью, которую случай не оправдал, накопленная горечь понемногу в течение последних недель молчания и враждебности отдаленный, от самоанализа и бесполезных упреков к себе, горечь, которая теперь он нашел повод выразить себя, хотя и не нарочно.

— Я ничего не думаю, - сказала Элинор холодным резким голосом. — Знать просто я не хочу, чтобы он плакал. - Маленький Фил удвоил плач. А мать позвала его и усадила на колени.

— Но поскольку ему не повезло быть единственным ребенком, это было бы необходимо даже приложить усилия, чтобы не баловать его так много…

Элинор прижала лицо к волосам сына: - поскольку он сын уникальный, я не понимаю, почему к нему нельзя относиться как к таковому.

Ты-потерянное дело. Настало время, чтобы мы создали суждение, чтобы мальчик получите возможность получить рациональное образование.

- А кому заняться своим рациональным воспитанием? Ты? - Элинор засмеялась ехидно. - По прошествии восьми дней ты был бы настолько расстроен, что был бы совершить самоубийство или сесть на первый самолет в Париж, возвращаясь только после шесть месяцев!

- Злой папа! - сделал маленький Фил.

Филипп обиделся, тем более, что в интимной близости он знал, что женщина я сказал правду. Идеал деревенского интерьера, полный маленьких это были те, которые для него приходили к черточки абсурда. Хотя идея заботиться о воспитании мальчика была интересно, что Филипп знал, что практика будет невыносимо скучной. Вспомнил отрывистые попытки воспитания, которые его отец предпринять. С ним произойдет то же самое. И

именно за это причина, по которой Элинор не должна была говорить ей это.

- Я не такой по-детски, такой же легкомысленный, как ты выглядишь. вообразить, - с достоинством и сдержанным гневом возразил Филипп.

- Напротив, ты слишком взрослый и слишком серьезный. Ты был бы неспособен ты занимаешься с ребенком, потому что ты не совсем ребенок. Ты выглядишь как с одним из этих ужасно взрослых персонажей Мафусаила Бемард Шоу.

- Злой папа!- повторял маленький Фил в раздражающей манере, как попугай, репертуар которого был ограничен одной фразой. Первенец импульс Филиппа был вырвать сына из рук матери, дать ему шлепки за дерзость, выгоняют его из комнаты, а затем поворачиваются жестоко к Элинор и" расплачивается " с ней. Но привычка самообладание, которое имеет каждый воспитанный мужчина и его ужас к "сценам" они заставили его сохранять спокойствие. Вместо того, чтобы оставить себя в здравом уме. взрыв, сделал усилие воли и закрылся в себе больше близко, чем когда-либо прежде.

Сохраняя свое достоинство и невыразимое негодование, Филипп он поднялся и вышел в сад через застекленную дверь. Элинор видела, как он ушел. Его первым побуждением было бежать за ним, взять его за руку и сделать спокойствие. Но сдерживался, если тоже. Филипп ушел, хромая, и исчез. О мальчик продолжал ныть. Элинор немного встряхнула его.

- Прекрати, Фил, - почти сердито сказала она. - Хватит. Остановись!

Два доктора исследовали то, что, по мнению неопытного глаза, могло бы проходя мимо фотографии тайфуна в Сиамском заливе, взрыва дыма черный среди облаков или просто чернильное пятно.

- Это очень ясно, - сказал молодой рентген. — Увидеть. - Показал с палец облако дыма. - В привратнике новообразование отлично видно. - Бросил на своего выдающегося коллегу полный взгляд своего рода вопросительное почтение.

Сэр Герберт покачал головой в знак одобрения.

- Хорошо видно, - повторил он. Его тон был оракулом; что он говорил, это чувствовалось, это всегда и неизбежно было правдой.

Он не мог быть слишком большим. По крайней мере, с симптомами зарегистрированы до сих пор. Рвоты еще не было.

- Не было, рвота? - воскликнул рентген, показывая изумление и, возможно, чрезмерный интерес. - Это объясняет малость…

- Препятствие только легкое.

- Без сомнения, было бы интересно открыть живот, чтобы позволить разведка…

Сэр Герберт слегка поморщился и покачал головой вопрос: - мы должны думать о возрасте пациента.

- Отлично, - поспешил он согласиться на рентген.

- Он старше, чем кажется.

- Да, да. По общему признанию, он не показывает, сколько ему лет.

- Ну, мне нужно уйти, - сказал сэр Герберт.

Молодой рентген бросился к двери, подарил ему шляпу и перчатки, лично сопроводил его к ожидающему Даймлеру. Возвращаясь к его стол снова побежал глазами по испачканному черным рентгенограмме и облачно серым.

“Поистине замечательное и счастливое клише”, - сказал он о себе, с удовлетворение; затем, возвращаясь к рентгенографии, написал на спине несколько слова карандашом.

Бидлейк, Эсквайр. Желудок, после приема бария. Новообразование в привратник, маленький, но очень светлый. Рентген…”- Ознакомился с календарем, он написал дату на рентгенограмме и подал ее для дальнейшего использования.

Старый слуга объявил о визите и удалился, закрыв за собой дверь

студия.

- Так, Джон? - спросила Леди Эдвард, продвигаясь через отсек. - Как дела? Мне сказали, что ты болен. Ожидать

пусть ничего серьезного…

Джон Бидлейк не встал даже, чтобы поприветствовать ее. Давать глубоко в кресле, в котором я провел день, медитируя с ужасом. на темы проступков и смерти протянул руку своей подруге.

- Но, мой бедный Джон! - воскликнула Леди Эдвард, садясь за его сторона. - Ты выглядишь усталым и покинутым. Что там?

Джон Бидлейк покачал головой:

- Только Бог знает! - Он догадался, было ясно, начиная с смутно профессиональные слова сэра Герберта о ” легком препятствие в окрестностях привратника”; он знал, о чем идет речь… Ваш ребенок Морис не умер от той же болезни пять лет назад, в Калифорния? Он знал; но он не хотел озвучивать свои знания. Раз выражаясь, самое страшное становится еще более поразительным, тем более бесповоротный. В остальном мы никогда не должны формулировать наши знания грядущее зло, ибо тогда судьба будет иметь, в некотором смысле, стандарт, в соответствии с которым можно формировать события. Имеется всегда какая-то отдаленная вероятность того, что не произойдет несчастье, когда мы не выражаем своих дурных предзнаменований. Эй тайны личной религии Джона Бидлейка были настолько неясными и парадоксальны, как и все, что можно встретить в православии. “теолатры”, которых он любил высмеивать.

- Но ты не ходил к врачу? - Тон голоса Леди Эдвард был обвинитель; она знала странное предубеждение своего друга против медицинский.

- Конечно, я искал, - раздраженно ответил он, зная ее пара все. - Ты считаешь меня мудаком? Но они все едины. шарлатаны. Я искал тот, у которого есть титул сэра. Но ты думаешь, что он знает, что-нибудь больше, чем другие? Он просто сказал мне, на своем жаргоне знахарь, что я сказал тебе ясными словами, что у меня есть что-то испорченное внутри. Негодяй! - Ваша ненависть к сэру Герберт и против всех врачей на мгновение реанимировали его.

- Но он, должно быть, что — то тебе сказал, - настаивала Леди Эдвард. Этот слова привели его к мысли, что ” небольшое препятствие в

окрестности привратника”, растрата, боль и похоронное приближение смерти. Художник впал в свой старый ужас, в свой старый ужас.

- Ничего важного,-пробормотал он, поворачивая лицо.

- Так что, может быть, в этом нет ничего по-настоящему серьезного, - предложила Леди Эдвард, чтобы утешить его.

- Нет, нет! - Этот беззаботный оптимизм сделал о старом о эффект травмы. Он не хотел предаваться судьбе, формулируя ужасная правда. Но в то же время я хотел, чтобы они относились к нему, как к правда была явной. Пусть они отнесутся к нему с серьезным сочувствием. — И серьезно. И очень серьезно, - настаивал он.

Он думал о смерти; о смерти, в форме новой жизни, которая росла и он рос в утробе матери, как эмбрион в утробе матери. Единственное, что свежее и активизируется в своем старом теле, единственном живом существе, пышным и полумесяц, это была смерть.

В томе на всех стенах студии висели записки отрывки из жизни Джона Бидлейка. Два маленьких пейзажа казнили в садах Пинция в дни, когда Рим прекратил свое существование недавно принадлежавший папе-вид на колокольни и купола воспринимаются через фаску зеленых дубов, пара силуэты статуй на фоне неба. По соседству лицо сатира, скучное и бородатый-портрет Верлена. Сцена из Ма в Лондоне, полная hansom-cabs[58], в высоких шляпах и в гусиных юбках. Три эскиза Мэри Беттертон была блудной и радостно раскрашенной тридцатилетней давности. Е Дженни, самые великолепные модели, лежа обнаженной на шезлонг, с окном позади вас, белые облака вдалеке, ваза с розами на подоконнике и Большая голубая персидская кошка, как геральдический лев, над Белым чревом девушки, дремлет, лапы между круглыми и неглубокими грудями.

Леди Эдвард ярко сменила тему:

- Люси только что вылетела в Париж, самолетом, - начала она.

ГЛАВА XXV

“Набережная Вольтера.”

“Воздух был беспокойным. Я забыл Quies для ушей и увидел себя посреди настоящего ада шума два с половиной часа. Чувствовать-я очень устал, и, как следствие этого, мой мягкий Уолтер, немного sentimental и sola sola [59] m почему ты здесь не для того, чтобы утешить меня? невыносимая печаль этой великолепной ночи, что делает за моим окном? Лувр, река, Хрустальное зеленое небо, солнечный свет и эти тени. велюды-все это вызывает у меня желание разрыдаться. И это не так только пейзаж. Мои руки на рукавах моего халата, моя рука когда я пишу, до голых пальцев ног, теперь, когда я уронил свои тапочки-это ужасно, ужасно. А что касается моего лица в зеркале, моих плечи, к оранжевым розам, к рыбкам того же цвета, к занавескам Дюфи и все остальное-да, все, потому что все одинаково красиво и необычайно, даже непрозрачные и уродливые вещи-все это слишком много, чтобы поддерживать. И слишком много. Я не могу, и, более того, я не выдержу… Пятиминутный перерыв. И потому что я позвонил Рене Таллеману, чтобы он пришел. выпей коктейль и отвези меня куда - нибудь, где мы повеселимся., malgréˆo] моя головная боль. Я отказываюсь просто увлекаться через внешний мир. Ты Знаешь Рене? Действительно-это маленький человек удивительный. Но я бы предпочел, чтобы это был ты, несмотря ни на что. И время для меня пойду оденусь. На самом делеˆ 1 !.

Люси.”

“Набережная Вольтера.”

“Твое письмо было утомительным. Какие хныканья! И это не лестно видеть себя люди сравнивают с ядом, который вводится в

кровь. И как будто мы назовите это “боль в животе”. Если ты не можешь больше писать

здравомыслящая, тогда не пиши. Quant à moi, je m'amuse. Pas foliemen 2 h Но достаточно, достаточно. Театры; в основном плохие; но они мне нравятся; я все еще достаточно ребяческий, чтобы чувствовать себя вовлеченным в сюжетные линии слабоумный. И я покупаю платья; какие восхищения! Я просто мне понравилось в зеркалах Ланвина. С другой стороны, смотреть на картины-это спорт очень дорого. Но танец-нет. Был бы какой-то смысл в жизни, если бы она была всегда похож на танец с профессионалом. Но это не так. И если бы это было, возможно, у нас не было бы более живого желания, чем ходить. Ночь, перетаскивание-меня через кафе Монпамасса, через орды американцев, из поляки, от эстонцев, от румын, от финнов, от латышей, от лапландцев, от венедос и др. пусть все (Бог поможет нам!) они художники. Нужно будет основать лига подавления искусства? Париж заставляет меня хотеть этого пылко. Я хотел бы также найти немного больше гетеросексуалы, для разнообразия. Мне не нравится, по правде говоря, ni les tapettes ni les goussedˆ ˆ J . и с тех пор, как Пруст и Жид поместили их в мода, в этом утомительном городе ничего другого не видно. Все мои английская респектабельность вспыхивает!…

Туа Л."

"Набережная Вольтера."

"На этот раз твое письмо было намного лучше. (Единственные стихи, которые ты мне дал, и так случайно. Неважно, они не плохие.) Если бы только все мы хотели убедить себя, что быть несчастным или счастливым в любви это прежде всего вопрос моды! Быть поэтически опозоренным-это старая мода — и в остальном рифмы не оправдывают ее по-английски. КУОРе-долоре- Аморе: по-итальянски бежать нельзя… Ни по-немецки: Герц должен чувствовать Шмерц и Либе неизбежно полны Triebe. Но на английском нет. Нет боли, связанной с английскими любовниками; только перчатки и черепашьи голуби. И единственные вещи, которые, по законам поэтики, могут идти прямо к сердцам англичан являются пироги и любовное искусство. И, уверяю тебя, мужчина чувствует себя намного лучше занят, когда думает об этих вещах, чем когда продолжает

говорить, как много он чувствует себя беспомощным, ревнивым, неправильно понятым и еще больше оставшихся ошибок.

Я хотел, чтобы этот придурок Рене мог понять это. Но, к сожалению, Кер рифмуется с douleurˆˆ\, и он француз. Мальчик становится принимая почти так же скучно, как ты, мой бедный Уолтер. Но я надеюсь, что теперь ты обращен. Ты мне нравишься.

Л.”

“Набережная Вольтера.”

“Я простужена и полна сильного раздражения, только с облегчением на мгновение за твое письмо. По правде говоря, Париж ужасно однообразно. Мне хочется сесть на самолет и уехать хотя для какой-то части, но я не знаю, где. Эйлин пришла ко мне сегодня. Хотеть пусть Тим, потому что это делает так, чтобы она лежала голой в постели, когда он поджигает газеты над ней и позволяет ей упасть пепел, тепло на теле. Бедный Тим! Мне не кажется добрым лишать его своих маленькие невинные удовольствия! Но Эйлин нервничает по поводу идеи власти быть в беде… Она разозлилась на меня, потому что я смеялся и ничего не демонстрировал. сочувствие к ней. Я воспринял это как шутку. И это действительно шутка. Очень легкая шутка. Потому что, как и королева, мы не думаем, что это смешно. А есть! Как я ненавижу тебя за то, что ты здесь не для того, чтобы отвлечь меня! Можно простить все, кроме отсутствия. Уолтер непростительно отсутствует, до свидания! У меня есть послатьˆō] от тебя сегодня вечером, из рук твоих, из уст твоих… А ты? Помнишь?

Л.”

“Набережная Вольтера.”

“К счастью, Филип Куорлз намерен поселиться в сельской

местности и взять себя в руки смесь Миссис Гаскелл и Кнута Гамсуна. Ну, хорошо… Но хорошо, что есть еще люди, способные к иллюзиям. В любом случае, он не может скучать в твоей деревне больше, чем я здесь. А сколько мелочей а

люди подчиняются! Прошлой ночью я пошел с Тимом и Эйлин, которые, кажется, примирившись с пиротехническими демонстрациями, в одном из таких мест, где мы платим 100 франков, чтобы иметь право смотреть, как зритель, оргии (надевает маску-это единственное развлечение), и, желая, участвовать в них. Уменьшенное освещение-религиозное; маленькие кабинки, диваны; и многое из того, что осфранцы называют “Амур”, изображая из себя большая распущенность. Странно и гротескно, да — но ужасно скучно, а потом все так… так “доктор”! Смешанное число представлен клоун.ˆ6] глупые и рассекающие амфитеатры. Тим и Эйлин хотели остаться. Я сказал им, что лучше пойду в морг и я оставил их там. Надеюсь, вам было весело. Но что за хрень, что за хрень отчаянно, irremediavelmenie член! Я всегда думал, что Элагабал был очень извращенным молодым человеком. Но теперь, когда я увидел, что я развлекал его, я понимаю, что у него должен быть дух ребенка, — абсолютно ребяческий. У меня есть несчастье быть слишком взрослым в том, что это касается определенных вещей… У меня смутно есть идея поехать в Мадрид на на следующей неделе. Там естьсделать грозную жару, конечно. Но я люблю жар. Я расцвел, мы пошли. (Возможно, здесь есть знаковая индикация из того, что оставляет мне бессмертие…(Почему бы тебе не пойти со мной?) Я серьезно. Она убивает Бурлапа и приезжает на экскурсию а-ля Морис Баррес. Du sang, de la uolupté et de la mort ˆ77. Я чувствую себя немного кровожадным в этом момент. Испания будет служить мне. А пока я проведу расследование уважение к сезону бычьих гонок. Арена нам плывет; мой жажда крови не доходит до желания увидеть потрошение матунгов. Но зрители замечательные. Двадцать одновременных садистских müfrissonsíˆˆ. Действительно замечательно! И мне нужно, чтобы ты пришел, мой добрый Уолтер. Скажи да. Настаивать.

Люси”

“Набережная Вольтера.”

“Это была твоя доброта, мой дорогой Уолтер, сделать невозможное, чтобы прийти

в Испанию. Я бы хотел, чтобы ты не взял так серьезно мой мгновенный отправить. Мадрид забыт, по крайней мере, на данный момент. Если идея придет ко мне снова, я сообщу вам дальше. На данный момент, Париж. Я напишу тебе в спешке.

Люси”

ГЛАВА XXVI

Из записной книжки Филипа Куорлза

“Я нашел Рэмпиона угрюмым и раздраженным, не знаю, о чем, и следовательно, пессимистично-лирически и яростно пессимистично. “Я даю десять лет в нынешних условиях.“он сказал мне, после того, как каталогизировал ужасы Moderna World. “После этого придет самый удивительный хаос и многое другое кровавый, который уже видел.“И пророчествовал классовые войны, войны континенты, катастрофическое разрушение нашего общества ужасно неустойчиво. “Это не очень хорошая перспектива для наши дети, - сказал я ему. — У нас, по крайней мере, уже было тридцать годы жизни, более или менее… Но они будут расти просто, чтобы смотрите окончательный суд! Мы не должны были выставлять их на свет.“Я процитировал его случай об этих меланезийцах, о которых говорит Риверс, и которые просто отказались после того, как белые искоренили у них религию и традиционные цивилизации. “То же самое происходит в западном мире — я сказал ему, но медленнее. Не резкое самоубийство расы, а постепенное снижение рождаемости. Постепенно, потому что среди нас яд moderna Civilization заражала людей гораздо медленнее. Имеется долгое время эта вещь длится, но только сейчас мы начинаем понимать, что мы стали жертвами отравления. Вот почему мы едва начали прекращать потомство. У меланезийцев была внезапно убита их

душа, к счастью, они не могли не заметить, что с ними происходит. Это был этот вот почему они решили, так сказать, от одного дня к другому не сдаваться плюс работа по поддержанию породы. Яд уже не медленный. Он он работает все быстрее и быстрее. Как мышьяк; и сделаны совокупный. В какой-то момент мы начали скакать по направлению к смерть. Деторождение уменьшилось бы гораздо более полно, если бы люди поняли… Так, так! Наши пимпоры должны будут открыть глаза, чтобы позаботиться о себе, пока вы здесь."А тем временем-предложил я — мы должны продолжать вести себя так, как если бы наш мир был длиться вечно. Мы должны дать им хорошие манеры и латинскую грамматику и

больше, чем следует."Если бы я мог использовать свой метод, я бы не научил их ничего. Я бы поставил их на свободу в поле, на ферме, и они я бы сказал, повеселитесь. И если бы они были не в состоянии повеселиться, дать им крысиный яд."Это немного утопично, как программа образование, не так ли?"Я знаю. Они должны быть образованными людьми и хорошо вежливые-дьявол их заберет!"Двадцать лет назад я бы протестовал против этого буржуазное воспитание. Я бы воспитал их как крестьян. Но в наших рабочие классы разлагаются так же, как и другие. Больше нет какие ужасные подражания буржуазии — и в некоторых отношениях хуже, чем оригинальный. К счастью, мои мальчики воспитаны как джентльмены, хотя всего. И как образованные люди."Какой идиотизм! Рэмпион пожаловался мне, что у обоих детей была страсть к машинам-автомобили, поезда, самолеты, радиоприемники. "И заразно, как ветряная оспа. Любовь смерти витает в воздухе. Они дышат им,заражаются. Я пытаюсь убедить их любить что-то еще. Но они не хотят ничего слышать. Механика-единственное, что их соблазняет. Они осквернены любовью смерти. Можно сказать, что молодые люди абсолютно полны решимости довести мир до конца — механизировать его сначала до безумия, а потом до простого убийства. Ладно, пусть они это сделают, раз уж они этого хотят, эти глупые бесы! Но это унизительно, ужасно унизительно, что люди так поступают посеял дезорганизацию повсюду. Жизнь может быть прекрасной, достаточно только то, что они хотели. Да, и когда-то она была прекрасна. Теперь, если это превратилось в безумие; это не что иное, как смерть, жестоко гальванизированный, делая искажения здесь и о, и производя шум ад, чтобы убедить себя, что она на самом деле не смерть, но это самый пышный вид жизни. Давайте подумаем о Нью-Йорке; давайте подумаем о Берлине. Господи! В

любом случае, пусть они попадут в ад, если так они и хотят. Меня это не беспокоит.“Но дьявол в том, что вещь это действительно беспокоит Рэмпиона.”

“С тех пор, как я прочитал Альвердеса и Уилера, я абсолютно убежден, что

мой писатель, должно быть, зоолог-любитель. Или, что еще лучше, зоолог профессионал, который пишет роман в свободное время. Он должен увидеть вещи строго под углом биологии. Постоянно переходить от термитник в салон и на завод, и наоборот. Проиллюстрировать пороки люди с муравьями, которые пренебрегают своим потомством ради любви из пьянящего ликера, выделяемого паразитами, вторгающимися в их гнезда. Ваш герой и его героиня проведут медовый месяц на берегу озера, в котором гагары и кряквы продемонстрируют все аспекты галантности и свадьба. Соблюдая привычный и почти священный “порядок клевания”, который царит среди кур своего террейро-курица а клюет курицу Б, но не будучи клювом от нее, курица В клюет курицу С и так далее далее-политик размышляет о католической иерархии и фашизме. Один клубок змей в их переплетенных совокуплениях напоминает распутнику их оргия. (Я уже вижу интересный эпизод, в котором Спандрелл заберет мораль для невинной молодой идеалистки из любовная распущенность группы Змей) национализм и любовь религиозная собственность в среднем классе будет проиллюстрирована защитой страстный и свирепый самец камышевки делает свою выбранную территорию. Е так далее. Из всего этого можно извлечь что-то странное и очень весело.”

“Одна из самых сложных вещей, которую нужно иметь в виду, это то, что ценность человека в определенной сфере он не является гарантией своей ценности в другой шар. Математика Ньютона ничего не доказывает в пользу его теологии. Фарадей был прав в отношении электричества, но не в отношении сандеманизм. Платон прекрасно писал, и это и причина многие до сих пор верят в его пагубную философию. Толстой был выдающийся писатель; но это не является причиной того, что мы перестаем считать его представления о морали отвратительными, или чтобы

мы почувствовали другое что-то, кроме презрения к его эстетике, его социологии и его религия. В случае людей науки и философов одной из таких неумелостей была

в его специальности нет ничего удивительного. Она даже больше или менее неизбежно. Потому что очевидно, что чрезмерное развитие чисто психические функции приводят к атрофии всех остальных. Отсюда и пресловутая инфантильность учителей и видимая простота решений, которые они предлагают для жизненных проблем. То же самое и с специалисты по духовности. Глубокая толея святых людей; его ребячество. Но в художнике меньше специализации, меньше одностороннее развитие; следовательно, художник должен иметь больше здравый смысл, чем плохо сбалансированный человек науки; не должен представьте puncta caeca^9] и глупости философов и Сантос. Вот почему такой человек, как Толстой, так непростителен. Инстинктивно ему доверяют больше, чем интеллектуалу или эксперт духа. И он дает извращать все свои инстинкты больше глубокие и показывающие себя такими же глупыми и пагубными, как и они. Франциск Ассизский, или как Кант моралист (ах! эти императивы категоричны! А потом тот факт, что это засахаренные фрукты, единственное, что что я могу немного влюбиться в этого старого джентльмена!), или как Ньютон, богослов! Это предостерегает нас даже от тех, кого мы считаем наверное, с Правдой. Как Rampion, например. Художник экстраординарный. Но правы ли вы в своих представлениях о мире? Ах! это не это может сделать вывод из превосходства его картин и его произведений. Однако, две вещи вселяют в меня уверенность в ваших взглядах на жизненные проблемы. А во-первых, он живет более удовлетворительным образом, чем любой другой. человек из тех, кого я знаю. Живи БОЛЕЕ удовлетворительно, потому что живи более реалистично, чем другие. Рампион, на мой взгляд, он учитывает все факты (в то время как другие скрываются от них факты, или притворяться, что те, которые они считают неприятными, не существуют, или нет они должны существовать), и затем он приспосабливает свой образ жизни к фактам, к вместо того, чтобы пытаться заставить факты адаптироваться к предвзятой идее истинного образа жизни (как эти мудаки христиан, интеллектуалов, моралистов и преуспевающих бизнесменов). Втора что вселяет в меня уверенность в суждении Рэмпиона, так это то, что многие из его мнения сходятся с моими, что, отложив в сторону все вопросы тщеславия, это хороший знак, поскольку мы начинаем с очень начальных точек

вдалеке — от двух полюсов, короче. Мнения, по которым два противники согласны (потому что это то, чем мы являемся по сути, и с самого начала, противники) имеют большие шансы быть справедливыми. А главное отличие между нами, между прочим, в том, что их мнения прожиты, в то время как что мои в целом-не что иное, как мысли. Как он, я я не доверяю интеллектуализму, но не доверяю интеллектуально; я не верю в эффективность никакой научной или философской теории, никакого принципа абстрактная мораль - это, однако, с научными, философскими и абстрактная мораль. Проблема для меня в том, чтобы превратить скептицизм интеллектуальным и отстраненным в полноценном и гармоничном образе жизни.

“Путь каждого интеллектуала, когда он продолжает свой путь через довольно долго и непоколебимо заканчивается доказательствами, из которых неинтеллектуалы никогда не сбивались с пути. Эта тема была разработана Burlap, в одной из тех слизистых и рвотных статей, в которых он специализируется. И в этом есть хороший фонд правды, несмотря на Бурлап. (Здесь мы снова вернемся к личностям. 0 глубоко презренный человек может иметь ценные мнения, а также достойный восхищения человек-к определенным уважениям — у него могут быть отвратительные мнения. И я полагаю, в скобках, что я принадлежу к первая категория-если хорошо, что не так полностью, надеюсь, как Burlap, и по-разному) многие интеллектуалы, конечно, не будут достаточно далеко, чтобы вернуться к доказательствам. Они придерживаются веры патетика в рационализме и абсолютном превосходстве умственных способностей и полностью сознательной воли. Мы должны пойти дальше, чем эти например, джентльмены девятнадцатого века, по крайней мере, до тех пор, пока Протагор и Пирр, прежде чем мы вернемся к этому доказательству, в котором всегда оставались неинтеллектуалисты. И мы должны спешить оставить конечно, эти неинтеллектуалы не moderna негодяи, которые читают иллюстрированные газеты, слушает радио, танцует джаз и имеет для беспокойства эксклюзивно зарабатывать деньги и вести страшную Moderna “хорошая жизнь”. Нет, нет; речь идет не о том, чтобы сделать комплимент солидному бизнесмену, и при этом от вульгарного камшота. Потому что, несмотря на его глупость, его отсутствие мне нравится его пошлость, его ребячество (или, скорее, из-за все эти недостатки), это не те неинтеллектуалы, о которых я говорю. Он они считают очевидной главную интеллектуалистскую аксиому, что

умственная, сознательная, добровольная жизнь имеет что-то внутренне выше физической, интуитивной, инстинктивной, эмоциональной жизни. Все цивилизации moderna основана на идее, что специализированная функция, которая дает человек его место в обществе важнее всего человека, или, скорее, что она "есть" весь мужчина, а все остальное без важность или даже (рассматривается как физическая, интуитивная, инстинктивная часть, эмоциональность человека не вносит заметного вклада в это обогащение и прогресс в промышленно развитом мире) положительно вредно и неприятно. Вульгарный человек нашего Moderna Society промышленно развитый имеет все недостатки интеллектуала и не имеет ни одного из качества, которые искупают последнее. Неинтеллектуалы, в которых я нахожусь мышление очень разные существа. Мы могли бы даже найти некоторые из них в Италии (хотя фашизм уже изменил их всех в плохом подражании американцам и пруссакам); некоторые, возможно, в Испания, Греция, Прованс. Больше нигде в Европе современный. Их было, может быть, много 3000 лет назад. Но совместные усилия Аристотеля, Иисуса, Ньютона и великих бизнес превратил своих потомков в буржуазию и пролетариат современный. Доказательства, к которым приходит интеллектуал, когда он идет довольно далеко, это не то же самое, ясно, что доказательства не-интеллигенция. Потому что доказательством этого является сама жизнь и то, что интеллектуал он находит в конце своего пути не что иное, как идею этой жизни. Не являются многие способны одеть эту идею плоти и крови и сделать ее реальность. Интеллектуалы, которые, как и Рэмпион, не нуждаются в но они всегда верили в него и жили им, приводя к тому же время жизни духа, еще реже.

"Компания Рэмпиона меня немного угнетает; потому что он делает меня увидеть, насколько велика пропасть между знанием доказательств и простой факт, чтобы жить на самом деле. Ах! Какие трудности нужно преодолеть эта пропасть! Теперь я понимаю, что истинное очарование интеллектуальной жизни — от жизни, посвященной науке, научным исследованиям, философии, эстетике, критика-это легкость. И замена простых интеллектуальных схем в место осложнений реальности; тихой и жесткой смерти на месте из озадачивающих движений жизни. И несравненно проще

знать много вещей, скажем, об истории искусства, и иметь глубокие идеи о метафизике и социологии, чем знать лично, интуитивно и иметь удовлетворительные отношения со своими друзьями и своими любовники, его жена и его дети. Жить намного сложнее, чем санскрит, что химия или что политическая экономия. Интеллектуальная жизнь-это игрушка ребенка; вот почему интеллектуалы имеют тенденцию возвращаться к детство, чтобы потом впасть в глупость, и, наконец, как наглядно демонстрирует политическую и промышленную историю последних столетий, они становятся безумными и дикими убийцами. Подавленные функции не они умирают; они распадаются, разлагаются, возвращаются в первобытное состояние. Но хотя гораздо легче быть ребенком, сумасшедшим или зверем, чем человеком гармоничный взрослый. Вот почему (среди других причин) существует такой большой спрос на высшее образование. Гонка за книгами и университетами напоминает гонка в таверны. Эти люди должны заглушить сознание трудности, которые есть в приличной жизни в этом гротескном мире современный; они должны забыть о своем плачевном недостаточность как культиваторы искусства жизни. Некоторые топят свои печали, в алкоголе, но другие, даже более многочисленные, топят их в книгах и художественный дилетантизм; кто-то пытается найти забвение себя в разврат, в танцах, в кино, на радио; другие, на конференциях и в научные занятия. Книги и конференции лучше утопить печали, чем пьянство и похоть; они не оставляют ни головной боли, ни этой безнадежное чувство печального поста coitum. Пока совсем немного, признаюсь, я очень серьезно относился к знаниям, философии, науке — ко всем занятиям, которые мы нагромождаем с большой частотой под заголовком ” поиск истины “, Он считал поиск истины высшей из человеческих задач и прокуроры как самые благородные из людей. Но через год здесь я начинаю понимать, что этот знаменитый поиск истины-просто веселье, отвлечение, как и все остальные, довольно заменитель утонченная и сложная истинная жизнь; и что прокуроры Правда, они принимают себя такими глупыми, такими детскими и такими испорченными, по-своему., как пьяницы, чистые эстеты, бизнесмены, адепты Хорошая жизнь, по-своему. Я также понял, что поиск истины не передайте отполированное имя, чтобы обозначить любимое времяпрепровождение

интеллектуалы, которые заключаются в замене простыми абстракциями, и следовательно, ложные, живые сложности

реальности. Но искать Правда гораздо проще, чем научиться искусству жизни в целом (искусство, в котором, конечно, поиск истины займет свое праведное место и среди других развлечений, таких как боулинг и альпинизм). Это объясняет, не оправдывая этого, тот факт, что я продолжаю отдавать себя беспорядочный путь к порокам информационного чтения и обобщения абстрактный. Когда-нибудь у меня будет достаточно сил духа, чтобы избавиться от этих ленивые привычки интеллектуализма и посвятить свою энергию более серьезная задача и труднее жить в полном объеме? И даже если я если вы попытаетесь избавиться от этих привычек, вы не обнаружите, что наследственность лежит глубоко в них, и что я врожденно неспособен жить целостно и гармонично."

ГЛАВА XXVII

Джон Бидлейк и его третья жена никогда не были" разлучены " окончательно и официально. Они ограничивались лишь тем, что не виделись слишком часто. О аранжировка очень хорошо подходила Джону. Он ненавидел все, что у него было, от "сцены" и был врагом всякого окончательного и безвозвратного компромисса. Любая договоренность, которая связывает его, возлагает на него ответственность и помните обязанности, это было невыносимо для вас. "Бог знает, что я сделал бы", он часто говорил: "если бы мне приходилось каждый день ходить в офис или закончить работу в дату с префиксом! Думаю, я бы сошел с ума и повернулся зверь через несколько месяцев, с таким режимом."

Что касается брака, то он никогда не был его сторонником. Но, к сожалению, нет я мог бы иметь без брака всех женщин, которых хотел. Был вынужденный совершить три раза за то, что он называл, в цицеронический язык, "несвоевременные и непристойные пакты". Идея развода или от официального расставания ему было чуть менее неприятно, чем брака; такие вещи окончательны, они связывают нас. Почему бы не оставить в ситуации задача решить себя самостоятельно, а не искать дать им произвольную форму? Идеалом было жить эмоционально и социально говоря, не думая о будущем - никаких планов, никаких уставов, в приятном компания, которую мы сами выбираем каждый день, а не в избранном за других или за какое-то "я".

“Спи с гандайей…” — вне как только он услышал, как американская девушка описывает любовную сторону идеальная жизнь, которая велась в Голливуде. Другие аспекты этой жизни их можно было классифицировать под названием “ходить по гандайе”. Неидеальная жизнь, жизнь, которую Джон Бидлейк всегда отказывался вести, состояла из спать и ходить, не “в гандайю”, а определенно здесь или там, день после дня, согласно установленной и предсказуемой программе, что только смерть, или по крайней мере, вмешательство Провидения или врагов королевства вы можете изменить.

Отношения Джона Бидлейка с его третьей женой были — и это было уже много лет - очень удовлетворительный характер неопределенности. Они не жили вместе, но не были разлучены. Они писали редко,

но они никогда не ссорились. Джон спал более двадцати лет и он ходил “к гандайе”, и, когда случайность собирала их вместе, они видели ли они себя хорошими друзьями, и хотел ли художник освежить их воспоминания из ландшафта северных Чилтемов его прибытие в Гаттенден было принято без каких-либо наблюдений, как будто это самая естественная вещь в мире. Эта корректировка идеально подходила Джону Бидлейку; и, чтобы отдать ему должное, он был признан своей жене за то, что сделал это возможным. Однако, он воздерживается от выражения этой благодарности; потому что это будет комментировать договоренность; и любой комментарий принес бы подсказку определения с эффектами разрушительные для ситуации, хрупкое превосходство которой заключалось именно в в этой девственной и красиво нетронутой неопределенности. Мало женщин, муж я признаю это благодарным, они бы, как Джанет, приняли ситуацию, или даже смогут ли они так постоянно сохранять неприкосновенность характера неопределенный из этого. Любая другая жена потребовала бы объяснений, я хотел бы знать, сколько я был, я бы предложил бесповоротный выбор. между миром или войной, общей жизнью или разлукой. Но миссис Бидлейк позволил мужу испариться из супружеской жизни без спора, почти без слов. И она очень мало отзывалась о своих короткие, резкие повторные входы.

С детства Джанет чувствовала себя более комфортно в вымышленном мире, чем она создавала для себя больше, чем в реальном мире. В детстве у меня была воображаемая сестра,

которая жила в гауптвахте связиста, рядом с перекрестком дорог. В возрасте от десяти до тринадцати лет его неспособность различать свидетельства его чувств и его воображения дали много иногда в результате ее наказывают как лжеца. Картины и книги они открыли новую дорогу к его фантазии, которая стала менее личной и более классически художественно, литературно и умозрительно. С шестнадцати Джанет проживала почти исключительно в стране искусства и литературы, а не переходя от задержанного иностранца, злого своего, в прозаической Англии. Е потому что она воображала, что Джон Бидлейк был ее соотечественником духовный, влюбился в него-с художественной, поэтической страстью-и он согласился взять свою жену. Родители Джанет, которые считали Бидлейк просто как подданный Его Величества, равный им и они связывали большее значение, учитывая обстоятельства, с ее карьерой мужа

чем художник, они сделали все возможное, чтобы отговорить ее от идеи. Но Джанет это было больше, и в нем было все упорство тех, кто знает, как просто уйти план, на котором ведется спор, позволяя противнику растратить свою Энергия против простого бездушного тела.

В итоге он сделал то, что хотел. Когда он узнал, и это просто случилось. слишком поздно, что было очень мало общего между замечательным художником то, что она любила, и муж, которого она обручила, Джанет Бидлейк чувствовала, очень естественная любовь к себе, не в состоянии жаловаться. Не было нет желания предоставлять своим родственникам удовольствие комментировать: “Я бы хорошо сказал!“Джон спал и ходил “в гандайю”, и с каждым разом все больше исчезал супружеской жизни. Джанет замолчала и укрылась, ища утешения в регионах художественное и литературное воображение того, где оно было естественным и где оно чувствовалось больше всего. воля. Личные ресурсы, дополненные нерегулярными взносами и переменные, которые Джон Бидлейк предоставил, когда вспомнил, что ему нужно удовлетворять нужды жены и детей, или всякий раз, когда он думал, что его средства позволили ему сбежать в страну далеко от фантазии. Элинор родилась через год после свадьбы. Четыре года позже изъязвленный желудок вернул Джона Бидлейка домой в качество временно регенерированного мужа-исцелить себя. Уолтер это было результатом этого выздоровления, все еще домашнего. Язвы зажили и Джон Бидлейк снова исчез с привычного горизонта. Любишь и гувернантки

присматривали за детьми.

Миссис Бидлейк следила за их воспитанием, но смутно, как будто слишком далеко. Время от времени совершал быстрый набег, пересекая границу, которая отделяла его частную страну от мира фактов и их вмешательства в повседневный порядок вещей имели всегда определенное озадачивающее и почти сверхъестественное качество. Вещь неисчислимые были подвержены случиться, когда случайно она спустилась — как существо, пришедшее из другого плана, и которое судило о событиях согласование с нормами, отличными от норм обычного мира - к середине рутина воспитания детей. Например, однажды Миссис Бидлейк уволила гувернантка, потому что она слышала, как она играет на пианино в кабинете а песня Дэна Лено, рассказывающая историю о Осе и яйце вкрутую. Быть хорошая девочка, которая очень хорошо учила и поддерживала своего парализованного отца.

Но на карту были поставлены великие художественные принципы. Музыкальный вкус Элинор он рискует быть безнадежно испорченным (скажем, мимоходом что Элинор была похожа на своего отца, ненавидела, как и он, музыку); и тот факт, что она очень любит Мисс. Демпстер еще больше усугубил опасность загрязнение. Миссис Бидлейк была непоколебима. Нельзя было терпеть Осу и Вареное Яйцо. Мисс. Демпстера уволили. Узнав правду, старик у отца девушки случился новый приступ, от которого он вышел слепым и лишенным глаз от слова. Но возвращение этих путешествий Миссис Бидлейк по миру воображение, как правило, были менее серьезными в своих результатах.

Когда она занималась воспитанием детей, она не была вообще, если не заставить их принудительно читать классических авторов, считающихся обычно они непонятны или не очень удобны для небольшой. Эти, такова была его теория, не должны быть образованы, кроме как внутри лучше всего в философии и искусстве. Элинор выдержала чтение Гамлета в возрасте трех лет; его книжки с картинками были репродукциями Джотто и Де Рубенс. Они научили его французскому языку в Кандиде, они дали ему Тристрам Шенди и теория видения епископа Беркли в возрасте семи лет годы, этика Спинозы, офорты Гойи и, как руководство немецкий, Also sprach Zarathustra, в возрасте девяти лет. Результат этого преждевременный контакт с лучшей философией было произвести в Элинор что немного забавное

презрение к великим абстракциям и идеализмам напыщенный, который в конечном итоге охарактеризовал ее так полно. Воспитывать в то же время в атмосфере неочищенной классики она приобрела с детства полное теоретическое знание всех предметов они считают себя наименее подходящими для того, чтобы стать известными молодежь. Это знание усилило, а не уменьшило их холодность и отсутствие практического любопытства ко всему порядку любящие, которые были естественными для него; и Элинор выросла в состоянии невинности. хорошо информированная и поверхностно циничная, какая из этих героинь шекспировские женщины, чья научная и раблезианская речь сопровождает действия более деликатно виртуозная утонченность. Миссис Бидлейк страдала от непочтительное отношение Элинор к фантазиям, которые она так ласкала; но мудрая по-своему, ничего не сказала, не пыталась ее реформировать.; он просто сделал это, проигнорировав это, и решил уйти от него.

как она не хотела видеть недостатки своего мужа и как она ушла из знание их для самых счастливых сфер искусства и воображения. Быть невозможно отменить свершившиеся факты; но для нужд практики заговор молчания почти так же эффективен, как аннулирование. Не упомянутые вещи могут пройти, как если бы они не были. Когда Джон Бидлейк прибыл в Гаттенден-больной, который подавляет, ужасает и поглощающее сочувствие к себе они приняли еще более больным, г-жа. Бидлейк молчал о том, что она могла бы прокомментировать так легко, что муж приходил домой только тогда, когда ему было нужно кто-то, кто позаботится о нем. Они подготовили ему комнату; старик поселился. Как будто я никогда не уходил оттуда. В тайной близости кухни слуги немного ворчали из-за увеличения службы, в то время как Миссис Инман вздыхала, и Доббс предавался ее огромному возмущению и англиканка, столкнувшись с тем, как старый Мистер Бидлейк обращался с женщиной. И в в то же время они все чувствовали к старику своего рода благочестие полный радости. Болезнь и ее симптомы были предметом разговоров сделано тихо, неукоснительно. Вслух они могли ворчать и выразить свое неодобрение. Но в тайне они были более довольны, чем другое дело. Прибытие Джона Бидлейка нарушило повседневную монотонность, и тот факт, что он собирался умереть, дал им всем чувство важности. Отечественный штат Гаттендена выигрывал как бы новое значение к приближение смерти старика. Это будущее событие

было солнце в фолиант, к которому тогда тяготели души дома, наполненные значение и почти незаметно. Они могли бы ворчать и показывать недовольство, но заботливо заботились о больном. Конечно непонятным образом, их признавали. Умирая, Джон Бидлейк ускорился-их жизнь.

ГЛАВА XXVIII

С Молли cTExergillod все должно было быть сформулировано, сформулировано, выражено. Все, что она чувствует, было для нее только сырьем, с которым активный дух мог создавать слова. Железная руда не была полезной для человека, если не после того, как он научился плавить его и ковать металл чисто в посуде и мечах. Для Молли, грубые факты существования, ощущений, чувств, мыслей и воспоминаний было так мало. интересны сами по себе, как и многие другие каменные блоки. Не они приобретали ценность только после того, как были преобразованы искусством и индустрия разговора в элегантных словах и в хорошо смоделированных предложениях. Она любила послеобеденные сумерки, потому что могла сказать о нем: “это похоже на смешивание пожаров Бенгалии, Мендельсона, сажи и клубники с кремом” ; или же весенние цветы: “они дают нам ощущение, что мы испытываем это, когда выздоравливаем от приступа гриппа. Не думаете?“И, опираясь на атмосферу близости, настаивал на вопросе риторика: “не так ли?“То, что ему нравилось в виде гор далекие под штормом это было очень похоже на пейзажи Толедо, написанные Эль Греко. Что касается любви, Ах! все очарование любви, в глазах Молли, заключалось в ее почти безграничной физической форме чтобы позволить себе превратиться в фразы. О нем можно было говорить вечно.

И теперь она говорила о любви к Филиппу Куорлзу — она уже говорила час, анализируя себя, рассказывая о своих ощущениях, допрашивая-о своем прошлом и о своих чувствах. Неохотно и с трудность (потому что он ненавидел говорить о себе и делал это очень плохо), Филипп отвечал ему.

- Ты не думаешь, - говорила она, - что самое страстное в любовь-это открытия, которые она позволяет нам делать о себе?

Филипп послушно согласился.

- Я понятия не имел о материнском происхождении своего характера до свадьбы с Джин. Я так волнуюсь сейчас, когда у него мокрые ноги!

- Мне было бы очень скучно, если бы у тебя были мокрые ноги. - сказал Филипп, репетируя галантность. “Какой идиотизм!“подумал он. Не

он был экспертом в галантности. Я бы предпочел, чтобы меня не слишком привлекала красота. и сливочный и цветущий Молли. Если бы она была уродливой, он не был бы там, делая эта нелепая роль.

- Ты очень добрая, - поблагодарила Молли. - Скажи мне — - собралась она опираясь на него, лицо и грудь в подношении- причина что я тебе нравлюсь.

- Но причина не совсем ясна?

Молли улыбнулась:

- Ты знаешь, почему Джин говорит мне, что я единственная женщина, ради которой он может влюбиться?

— Нет, - ответил Филипп, думая, что Молли действительно превосходна в ваш тип Юноны.

- Потому что, - продолжала Молли, - по его словам, я единственная женщина, которая это не то, что Бодлер называет le contraire du dandy. Ты помнишь из этого отрывка из Mon Coeur Mis à Nu? “La femme afaim et elle veut Мангер; soif, et elle veut boire. La femme est naturelle, c’est-a-dire отвратительно. Aussi est-elle°]…

Филипп прервал ее, смеясь:

- Ты пропустил предложение. “Soif, et elle veut boire.“А потом:” Elle est en rut, et elle veut être…’^1 ^ слово без рисунка, со всеми буквами, в редакции Крепет, но я могу предоставить тебе, если хочешь.

- Нет, спасибо, - сказала Молли, немного растерявшись из-за прерывание, которое было препятствием для легкого развертывания Гамбита хорошо отрепетированный разговор.

Молли не привыкла к тому, что люди с те, кто говорил, были хорошо осведомлены о французской литературе в той же степени, что и Филип. - Слово не имеет никакого значения.

- Нет? - Филипп выгнул брови. - И что я спрашиваю я сам…

- “Aussi est-elle toujours vulgaire”,-продолжала торопиться Молли чтобы добраться до точки, где она была прервана- ” ce’est-a-dire le contraire du dandy ” ^ 2 x Жан говорит, что я единственная денди-женщина. Что

ты так думаешь?

Боюсь, он прав!

- Почему я боюсь этого?

- Не знаю, очень ли мне нравятся модники. Особенно денди женский. - “Женщина, которая использует восхитительную форму своей груди чтобы смутить нас, чтобы восхищаться его духом, вот персонаж интересно, - подумал Филипп, - для моего романа. Но раздражает в жизни обездоленный, из-за раздражения.”- Я предпочитаю их натуральным, - сговорился он.

- Но какой интерес в том, чтобы быть естественным, если мы не достаточно художников, чтобы сделать вещь хорошо и достаточно осведомлены о нас то же самое, чтобы знать, в какой степени мы естественны? - Молли почувствовала удовлетворен вашим вопросом. Придав ей немного блеска, она останется эпиграмматически совершенный. - Нет интереса Быть влюбленным в кто-то, если кто-то точно не знает, что он чувствует и что он может выразить то, что чувствуется.

- Вижу в этом, наоборот, большой интерес, - сказал Филипп. - Нет и мне нужно быть ботаниками или художниками-натюрмортами, чтобы ценить цветок. И точно так же, моя дорогая Молли, не нужно быть Зигмунд Фрейд или Шекспир, чтобы оценить тебя. - И, скользя внезапно на диване, ближе к жене, Филипп взял ее в руки и поцеловал ее.

- О чем ты думаешь? - воскликнула она, полная изумления — болезненный.

— Я ничего не думаю, - ответил писатель, немного бешеный, с

другого конца ее руки, которая держала его на расстоянии вытянутой руки. — Я не думаю; я просто хочу… - Он чувствовал себя униженным, он был смешным. - Но я я забыла, что ты была монахиней…

— Я совсем не похожа на это, — возразила она. — Быть просто цивилизованно. Все эти Пинчо и эти захваты действительно слишком дикие. - Молли поправила прядь своего волнистые волосы и стали говорить о платонических отношениях как о вспомогательных развития духа. Чем более платоническими были отношения

между любящими мужчиной и женщиной, плюс жизнь сознательного духа это было бы интенсивно в них.

- То, что тело теряет, душа приобретает. Это был не Поль Бурже вы показали это в своей Psychologie Contemporaine ? Плохой писатель — он собрал ее, посчитав необходимым извиниться за то, что процитировал такого автора немодный и так мало известный — но хороший эссеист, в моем мнение. Разве это не Поль Бурже? — повторять.

- Да, должно быть, это был Поль Бурже, - с усталостью ответил Филипп.

- Энергия, которую человек хочет потратить на физическую страсть, отвлекается от своего курса и он вращает мельницы души. - “Вращай мельницы души” было возможно слегка романтичный, слишком викторианский, слишком Мередит, она подумала в тот момент, когда произнесла эти слова. — 0 тело осуждено и направлено-поправила Молли-стесняется положить в маршируют Динамо духа. 0 противостоящее бессознательное освобождается активизация сознательного.

- Но кто хочет, чтобы их сознание усилилось? — спросить Филипп, сердито созерцая восхитительное тело, которое было в другом конец дивана. - По правде говоря, я получаю немного устал от сознательного. - Он восхищался телом Молли, но единственным контакт, который она хотела ему позволить, был тем, что был духом, не говоря уже о интересно и менее красиво. Он жаждал поцелуев и не получал ничего, кроме анекдотов аналитические и философские эпиграммы. - Совсем устал, - повторил он.

- Это было не удивительно.

Молли ограничилась смехом.

- Не начинай притворяться, что ты пещерный палеолитик. Это тебе плохо. Устал от сознательного, это хорошо! Скоро кто! Да, смотри, если ты устал от сознания, так что ты устал от себя…

— Что именно и происходит, - сказал Филипп. - Ты взял меня устал от себя. Абсолютно устал. - Всегда раздражен, он поднял, чтобы уйти.

- И оскорбление? - спросила она, поднимая глаза на романиста. — Почему я устал от тебя самого?

Филипп покачал головой:

- Я не могу тебе объяснить… Я перестала все объяснять…

Протянул руку. Молли взяла его в свой, оставив на нем даже вопросительный взгляд. Филипп продолжил:

- Если бы ты не была одной из весталок цивилизации, ты бы поняла, не имея нужно, чтобы вам объяснили. Вернее, объяснять было бы нечего. Потому что ты бы не устал от себя… И позвольте мне добавить, Молли, если бы ты была истинной и логически цивилизованной, ты бы взяла меры предосторожности, чтобы сделать себя менее желанным. Желательность-это одно варвар. Дикий, как щипки и хватки. Ты должна быть похожей. с Джорджем Элиотом. Пока! - И, пожав ему руку в последний раз, вышел из комната хромает.

На ма немного восстановил спокойствие. Он даже улыбается от себя. Потому что это было смешно. Зрелище охотящегося охотника всегда я ем, даже когда охотник оказывается самим собой. Сознательный и цивилизованный, он был побежден кем-то еще более цивилизованным, чем он сам. Один пример поэтической справедливости. Какое предостережение! Пародии и карикатуры это самая проницательная критика. Филип мельком увидел в Молли своего рода версия самого себя, сделанная Максом Бирбомом. Зрелище было тревожным. После улыбки он стал задумчивым.

— Я, должно быть, ужасен, - размышлял он.

Сидя на стуле в парке, он размышлял о своих недостатках. Уже я проверял много раз. Но пока ничего с ними не сделал. Я заранее знал, что в тот раз я ничего не сделаю. Бедная Элинор! А альгаравия Молли о платонических отношениях и о поле Бурже дала ей представление о том, что ей пришлось вынести. Филипп решил рассказать ему свою приключение с Молли-в комической манере, потому что и всегда проще выражать себя шутками, а потом говорить об обоих. Да, это был что я собирался сделать. Надо было говорить раньше. Какое-то время Элинор ходила так странно тихо, так вопреки своей природе, — так далеко… Этот факт вызывал у него беспокойство; Филипп хотел поговорить с ним, чувствовал что я должен поговорить с ним. Но о чем говорить? Этот нелепый эпизод с Молли это обеспечило запись в теме.

- Я видел Молли ктексергиллод сегодня днем, - начал он, когда увидел Элинор.

Но тон ” Ты видел?“то, что женщина выдала, показалось ей таким холодным и безразлично, что Филипп не пошел дальше. Затихла тишина. Элинор продолжила его чтение.

Муж бросил украдкой взгляд на верхний край книги который держал в руках. Бледное лицо Элинор имело спокойное выражение и далеко. Филипп почувствовал, что беспокойство, полное заботы, что я испытывал это так неоднократно в течение последних нескольких недель.

- Почему бы тебе не поговорить сейчас? - спросил в ту ночь после ужин, собрав все мужество, которое у меня было.

Элинор посмотрела на мужа, подняв глаза из книги: - Я больше не говорю? - сказала она, иронично улыбаясь. - Без сомнения, это потому, что нечего сказать. ничего, что представляет особый интерес.

Филипп признал в этих словах один из ответов, что он имел и стал настолько запуган, что стал молчать. И все же было несправедливо с ее стороны возразить ему от этого образ. Потому что в его случае ответ заключался в истине; у него не было фактически ничего интересного сказать. Сила держать их в секрете, в конце концов он почти полностью отменил свои интимные ощущения. Казаться мало что происходит в

неинтеллектуальной части его духа. — во всяком случае, очень мало, что не было бы тривиальным или иначе обрушение. В то время как у Элинор всегда был мир вещей, сказать. Вещи, которые говорили сами за себя, которые выходили одни из глубины вашего существа. Филипп хотел объяснить ему это; но это было трудно, нет мочь…

— Вот так, - сказал он ценой усилий капрал дум когда-то ты говорил больше. Это было только в эти последние дни…

- Полагаю, это потому, что я немного устала говорить, вот и все…

- Но почему ты устала?

- Разве вы не имеете права время от времени уставать? - Элинор отпустила несколько мстительный хихиканье. И добавил: - Ты, кажется, страдаешь от хроническая усталость…

Филипп посмотрел на нее с какой-то тревогой. Его глаза казалось, умоляли. Но она не хотела позволять себе двигаться. Сделал это слишком часто. Филипп исследовал свою любовь, воздал ей зло, систематически, и каждый раз, когда она угрожала восстанием, он брал себя внезапно задумчивый и в своей слабости он апеллировал к добрым чувствам жены. В тот раз я бы знал, что это тяжело. Он мог принять мольбы и беспомощные, кто бы ни хотел — я бы не обратил на него внимания.

Это было хорошо сделано. Несмотря ни на что, Элинор чувствовала себя немного виноватой. И в но это была его вина. Почему Филипп не мог активно любить ее, Дума четко сформулированный способ? Когда она предлагала ему свою любовь, он принимал ее пассивно, как вещь, которая по праву ему подходит. И когда она он перестал предлагать, Фил тихо вздохнул и попрошайничество. Но что касается того, чтобы что-то сказать, что-то сделать…

Секунды прошли. Элинор ждала, делая вид, что ха. Если бы только он говорите, если бы только двигались! Я с нетерпением ждал оправдания, чтобы любить его снова. Что касается Эверарда-ах! Эверарда даже не существовало. Nas инстинктивных глубин своего существа у него на самом деле не было важность, и если бы только Филипп приложил усилия, чтобы любить ее, немного что бы это ни было, он больше не имел бы значения для ее сознательной части, которая я стремился любить его-любить его в

принципе, так сказать, любить его полная воля, преднамеренная цель…

Но секунды прошли в тишине. И наконец, с небольшим вздох (потому что он тоже хотел что-то сказать, сделать что-то вещь; но это было невозможно, потому что это что-то должно было быть персонал), Филипп взял забрать из книги и в интересах зоолога романиста из своего романа он продолжил чтение об инстинкте владения у птиц… Осадок снова. В конце концов, я не собирался ничего говорить. Очень хорошо; если бы он хотел абсолютно, что она приняла себя любовницей Эверарда, это была его вина. Элинор попыталась пожать плечами и сделать себя жестокой. Но чувствовал себя хорошо, в ее интимный, что угроза была направлена против нее самой, больше, чем против Филип. Обречена была она, а не он. Обречена быть любовницей Эверард.

Взять любовника казалось Элинор, теоретически и заранее,

тема, которая не представляла бы больших трудностей. Она не он считал это морально злым. Ах! все эти шумы, которые делают уважаю это христиан и героинь романов! Это было непонятно, ” если два человека хотят спать вместе, - говорила она, - почему они не делают это хорошо просто, честно говоря, не мучая ни себя, ни себя. другие, которые находятся рядом?“Она не боялась мирских последствий от факта взятия любовника. Люди, которые, зная это, будут возражать именно те, кого она, Элинор, сделала своими возражение. Отказавшись искать ее, эти люди оказали бы ей услугу. Что касается Фила, это было бы хорошо сделано. В его распоряжении была возможность не допустить, чтобы факт осуществился. Почему бы тебе не подойти к ней, дать ему немного больше себя? Элинор умоляла его о любви.; но то, что муж дал ей, было отдаленной и безличной доброжелательностью. Один немного тепла, это было все, что она хотела, немного просто человечество. Это не требовало многого… И она предупреждала его так много раз. что бы случилось, если бы он не отдал ее вам…

Филипп не понимал? Или это было для вас равнодушно? Может быть, он не чувствовал ни малейшей боли; наказание не получит его цель. Это было бы унизительно. Но в конце концов-она продолжала делать-каждый раз, когда он приходил (еще раз) в тот момент, когда его внутренняя дискуссия — в конце концов, это было не просто, даже не в основном, чтобы наказать Филиппа,

это было не с основной целью научить его быть человеком, через боль и ревность, что она будет принимать любитель. Это было в интересах его счастья. (Она будет стараться забыть как опозорили ее поиски собственного счастья.) Вашего счастья собственный, независимый. Элинор привыкла думать и действовать исключительно в отношении Филиппа. Даже когда я проектировал взять любовница, Элинор все еще думала о нем. И это было абсурдно, абсурдно.

Но Элинор была вынуждена постоянно повторять напоминания о своем право, от вашего намерения быть счастливым самостоятельно. Ваш способ естественное и привычное мышление, даже в отношении возможного любовника, было под влиянием мужа-все это связано с обращением или наказание за это. Это было только ценой усилий и преднамеренным образом, что она могла вспомнить, чтобы забыть его.

Но в любом случае, и каковы были ваши причины для этого, взятие любовника показалось ему, в ожидании, чем-то, что не это представляло большие трудности с психологической точки зрения. Особенно если любовником должен быть Эверард Уэбли. Потому что ей нравился Эверард. — она очень любила его; она восхищалась им; она чувствовала себя странно тронутой и пульсирующий эффектом силы, которая, казалось, исходила от него. И тем временем, когда дело дошло до физического контакта с ним, какие чрезвычайные трудности они сразу появились! Он любил быть с ним наедине; ему нравились его письма; я мог представить, когда Уэбли не трогал ее, что она влюблена ради него. Но когда на второй встрече после возвращения в Англию, Эверард взял ее на руки и поцеловал, Элинор оказалась в ловушке своего рода ужас, чувствуя, что он приобрел каменную холодность в руках, его. Это был тот же ужас, тот же холод, который я чувствовал, почти год назад назад, когда Эверард впервые попытался поцеловать ее. То же самое-хотя в перерыве она была готова думать по-другому, хотя если бы сознательный дух привык к идее иметь этого человека как любитель. Этот ужас, этот холод были спонтанными реакциями со стороны инстинктивно и привычно своего существа. Это был только дух, который решил принять его. Эй чувства, тело, все привычки его инстинктивного я были в восстание. Что интеллект считал безобидным затяжное и пугливое тело я страстно осуждал. Дух был распутником, но плоть и ее привязанности были целомудренными.

— Пожалуйста, Эверард, - просила она, - пожалуйста…

Уэбли бросил ее.

- Почему ты меня ненавидишь?

- Но я не ненавижу тебя, Эверард.

— Не… я даю тебе только мурашки по коже, вот и все! - сказал он свирепым тоном издевательства. Раненый, этот человек с удовольствием вскрыл свою рану. - То, что происходит, это просто так, я ненавижу тебя…

- Как ты можешь говорить подобное? - Элинор чувствовала себя несчастной, стыдно за отказ ее тела; но чувство отвращения сохранялось еще.

- Потому что это правда.

- Нет, это не так. - На эти слова Эверард снова протянул руки. Элинор покачала головой. - Но ты не должен меня трогать, - умолял он. — Теперь нет! Это все испортит. Я не могу объяснить почему…. Не знаю почему. Но не сейчас. Еще нет, - собралась она, неявно обещая, но избегая на данный момент.

Это неявное обещание возродило настойчивость Эверарда. Элинор он немного пожалел, что произнес эти слова, но в то же время он был доволен тем, что до этого момента был предан делу. С облегчением отнимая от угрозы материального контакта, она не позволяла тем не менее, желая зла себе из-за отказа, против которого она выступала Эверард. Его тело и инстинкты восстали против его воли. Подразумеваемое обещание представляло собой расправу с этой волей против предатели, которые жили внутри нее. Элинор дала Эверарду компенсацию что, по его мнению, было его долгом дать ему. “Еще нет.“Но когда? Когда? Не неважно, когда, я бы ответил на его волю, неважно, когда ты захочешь. Это было легко обещать, но, ах! как трудно было выполнить! Элинор вздохнула… Если в меньше Филипп соглашался позволить себе любить ее… Но он ничего не сказал, ничего не делал-просто продолжал читать. С его тишиной Филипп а обрекает на неверность.

ГЛАВА XXIX

Сцена была в Гайд-парке; день, суббота июня.

Эверард Уэбли, одетый в зеленое, с мечом на ремне, направился к тысяча свободных англичан с высоты своего белого коня Буцефала. С военная точность, которая сделала бы честь гвардии, свободные англичане были собрались на эспланаде на берегу реки в Блэкфрайарсе и прошли маршем с музыкой и символическими знаменами для Чаринг-Кросс, поднимаясь на Нортумберленд-Авеню, пересекающая Трафальгарскую площадь и Кембридж Цирк, до Тоттенхэм-Корт-Роуд и далее по Оксфорду Улица, направление Мраморной арки. Вход в Гайд-парк они нашли шествие против вивисекционистов, и встреча привела к легкой путанице — несколько смешанных очередей, несколько музыкальных диссонансов, когда оба песни столкнулись-британские гренадеры с моей Верой поднимают глаза для тебя, Агнец Голгофы-запутывание флагов: “Мы защищаем наших щенков” с ” англичанами ОНИ НИКОГДА НЕ БУДУТ РАБАМИ! “Социализм-это тирания” “ВРАЧИ ИЛИ ДЕМОНЫ?“Но замечательная дисциплина англичан Вольноотпущенники помешали путанице стать серьезной, и с кратким опоздание, тысяча мужчин вошли в парк, парад перед его босс, и, наконец, образуя на трех сторонах пустого пространства четырехугольник, центр которого Эверард со своим штабом занимал четвертая сторона. Трубы звучали фанфары, и тысяча мужчин пели строфы немного киплинговского гимна Эверарда, песни англичан Свободный. Когда гимн прекратился, Эверард начал свою речь.

- Свободный Английский! - крикнул он-товарищи!

И при звуке этого сильного, распутного голоса действительно наступила тишина среди праздных зрителей, которые собрались, чтобы посмотреть, что пройти. Заряженные силой, которая по своей сути не принадлежала им, сила, которая принадлежала говорящему, а не тому, что он говорил-те слова падали одно за другим, наэлектризованно слышимые, посреди тишины осознавая, что они создали. Уэбли начал с того, что сделал комплимент дисциплина свободных англичан.

- Дисциплина, - сказал он, - дисциплина, добровольно принятая, - это первое условие свободы, изначальная добродетель свободных англичан. Эй дисциплинированные и свободные спартанцы сдерживали персидские Орды. Македонец свободные и дисциплинированные завоевали половину мира. Это зависит от нас, англичан Свободные и дисциплинированные, задача освободить нашу страну от рабов, которые они превратились в рабство. Триста человек сражались в Фермопилах против десятков тысяч. В борьбе, которую мы должны выдержать, пропорции они не так безнадежны. Ваш батальон лишь один из более чем шестьдесят; простая тысяча среди 60 000 свободных англичан Англии. О число наших растет с каждым днем. Двадцать новобранцев, пятьдесят, иногда сто воплощаются в нас ежедневно. Наша армия сгущается, зеленая армия свободных англичан.

“Свободные англичане приносят зеленую форму. Они носят форму Робин Гуд и Маленький Джон, форма преступников! Да, потому что мы вне закона в этом глупом демократическом мире, вне закона и гордимся этим! Закон демократического мира-это количество. Мы, кто вне этого закона, верим в качество. Для политиков демократы голос наибольшего числа-это голос Бога; Его закон-это закон, который радует народ. Вне бледности закона, сделанного народом, мы хотим мы правительство лучших, а не самых многочисленных. Глупее, чем что их либеральные бабушки и дедушки, сегодняшние демократы хотят подавить инициативу индивидуальное и, национализируя промышленность и почву, инвестирование государства держав тиранические, какими он никогда не обладал, за исключением, возможно, Индии, во времена монгольский. Мы, преступники, свободны. Мы верим в ценность свободы индивидуальный. Мы хотим поощрять индивидуальную инициативу, потому что мы верим координируется и контролируется в интересах общества в целом, индивидуальная инициатива дает наилучшие экономические и моральные результаты. А закон демократического мира-это стандартизация человека, это соблазнение всех человечество в наименьшей общей мере. Его религия-это поклонение средний мужчина. Мы, преступники, верим в разнообразие, в аристократию. , в естественной иерархии. Мы хотим подавить все подавляемые препятствия и дать каждому человеку полную возможность, чтобы лучшие могли подняться до ситуации, для которой их предназначала природа. Одним словом, мы мы верим в справедливость. И мы почитаем не обычного человека, а человека

необыкновенно! Я мог бы растянуть до бесконечности этот список точек, в которых мы, свободные англичане, находимся в радикальных разногласиях с правителями демократов того, что когда-то было свободной и веселой Англией. Но я уже сказал вам достаточно, чтобы показать вам, что между ними не может быть мира и мы. Их белый-наш Черный; их политический идеал - наша мерзость; ваш земной рай - наш ад. Добровольно выводя нас из закон, мы отвергаем правило, но мы носим зеленый обычай леса. Е мы ждем своего часа, мы ждем своего часа. Потому что наш час прийти, и мы не намерены оставаться вне закона навсегда. Время придет в что законы будут теми, которые мы сделали, в которых лес будет убежищем для которые в настоящее время обладают властью. Два года назад наш отряд был ничтожен. Сегодня это армия; армия преступников. Еще немного время, товарищи мои, и она будет войском тех, кто делает законы, а не больше тех, кто их ущемляет. Да, от тех, кто их нарушает. Потому что, прежде чем мы можем создавать хорошие законы, нам необходимо нарушать плохие. И мне нужно, чтобы имейте мужество нашего государства вне закона. Свободный Английский, товарищи-преступники, когда придет время, у тебя будет такая смелость?

Из рядов зеленых туник поднялся громадный крик.

- Когда я подам сигнал, ты последуешь за мной?

- Пойдем! Мы будем следовать! - в один голос повторили тысячу мужчин. зеленые.

- Даже если придется нарушать определенные законы?

Произошел новый всплеск позитивного энтузиазма. Когда она он успокоился, и в тот момент, когда Эверард Уэбли открыл рот, чтобы продолжай свою речь, крикнул голос.:

- Долой Уэбли! Долой милицию богатых! Долой кровавого Б…

Но до того, как голос смог полностью произнести ненавистное пародия на их имя, полдюжины свободных англичан ближе друг к другу он бросил на Отступника.

Эверард Уэбли поднялся на стремена.

- В ряды! - крикнул он безапелляционным тоном. - Как вы смеете бросить ряды? - Были офицеры, которые бросились на место

бунт, приказы кричали с гневом. Ультразорные свободные англичане они пришли в форму.

Прижимая к носу окровавленный платок и сопровождая двумя полицейскими агентами враг людей зеленого отошел в сторону. Иметь потерял шляпу. Ее волосы в неряшливом сияли, как пламя, красный на солнце. Это Был Иллидж.

Эверард Уэбли обратился к командиру роты, чьи мужчины прорвались через ряды.

— Неподчинение… - начал он; и голос его стал холодным и резким; нет самый сильный, но опасно резкий — неподчинение-худшее…

Иллидж снял носовой платок и закричал фальцетным голосом: - Ах! плохие хорошие парни…

От зрителей раздался смех. Эверард не сделал дело о и, закончив свой выговор, возобновил нить выступление. Его голос, властный и в то же время убедительный, страстный, но размеренный и музыкальный, его голос заставлял аудиторию вибрировать; в мгновение ока тишина сломанный переделал себя в фолиант его слов, внимание рассеялось, если сосредоточился и снова зациклился. Был бунт; он победил больше победа.

Спандрелл ждал без нетерпения. Задержка Иллиджа дала ему возможность выпить дополнительный коктейль или два. Это было в его третий и чувствовал себя уже намного лучше и веселее, когда дверь ресторан открылся, давая проход Иллиджу, который шел с воинственным видом из неповиновения, создавая впечатление, что он яростно торжествует око чернить.

- Пьянство и беспорядок? - он допрашивал Спэндрелла на виду. — Или ты нашла злого мужа? Или у тебя был объяснение с дамой?

Иллидж сел и подробно рассказал о своем приключении, базофии и

делать расцветки. Веря в него, он вел себя как смешан с

Горацием. Коклес на обороне моста и Святого Стефана под лавиной камней.

- Какие негодяи! - сочувственно сказал Спандрелл. Но его глаза они сияли от смеха, полного злобы. Несчастья ваших друзей они были для него источником непогрешимого веселья, и что Иллидж только что сказал Это была особенно забавная катастрофа.

— По крайней мере, я испортил лучший эффект этой отвратительной речи Уэбли, - продолжил Иллидж, тем же довольным тоном.

Было бы немного приятнее, если бы ты испортил ему лицо…

Иллидж почувствовал себя укушенным насмешливым тоном, с которым были сказаны эти слова.

- Портить ему лицо будет недостаточно — - свирепо сказал он, закрывая хмурый взгляд. Этот человек должен быть уничтожен. И опасность публика-он и его банда недоброжелателей! - И отпустил богохульство.

Спандрелл ограничился смехом.

- Растирать легко. Почему бы не действовать немного, для разнообразия? Немного прямого действия, в жанре самого Уэбли?

Другой пожал плечами, как извиниться.

- Мы недостаточно хорошо организованы.

- Я не думаю, что есть такая необходимость в организации, чтобы дать дубинка на голове мужчины. Нет, правда в том, что вы, ребята, не они достаточно смелы…

Иллидж покраснел: - это ложь!

- Они недостаточно хорошо организованы! - Повторил спандрелл презрительно. По крайней мере, ты Moderna в своих оправданиях. Великий бог Организация! Скоро искусство и любовь будут удваивать прыщ, как и все остальное… Почему стихи такого-то и такого-то так плохи? Потому что индустрия поэзии недостаточно хорошо организована… И любовник беспомощно извиниться таким же образом, и заверить возмущенную даму что в следующий раз она окажется перед лицом организации абсолютно идеальный… Нет, нет, дорогой Иллидж, это не так,

понимаешь? Это не ловит…

- О, ты очень смешной, в этом нет никаких сомнений — - сказал Иллидж, все еще красный от холеры. - Но ты говоришь глупости. Нельзя сравнивать с поэзия с политикой. Политическая партия-это куча людей, которые необходимо дисциплинировать и поддерживать единство. Поэт-это один человек.

- Но убийца тоже? - Тон голоса Спандрелла и его улыбка всегда была саркастической. Иллидж почувствовал, как кровь течет к нему, лицо, как тепло внутреннего жаровни, которое внезапно взорвалось. в огне. Он ненавидел Спандрелла из-за того колледжа, который он я должен был унизить его, заставить его почувствовать всю его малость, дать ему осознание своей глупости и стыда. Иллидж прибыл с чувство важности и героизма, все красное от удовлетворения. И вот что в некоторых словах произносится медленно и с насмешкой извращенный, Спандрелл только что превратил это удовлетворение в себя в ярости стыда. Была тишина; они оба глотали суп не говоря ни слова.

- Один человек, - медитативно сказал Спандрелл, бросаясь на вернись в кресло. - Со всей ответственностью человека… Тысяча мужчины не несут ответственности. Вот почему организация такая вещь успокаивающий. Член политической партии чувствует себя в такой же безопасности, как и посетитель церкви. Ваша партия может объявить гражданскую войну, грабеж, он делает то, что ему говорят, с удовольствием, потому что его ответственность не скомпрометирована. И босса. И босс редкий человек, как Уэбли. Человек, у которого есть мужество.

- Или трусость, в его случае, - сказал Иллидж. - Уэбли-кролик буржуа, что террор тащит до свирепости.

- Думаешь? - спросил Спандрелл, выгнув брови иронически. В любом случае, может быть, ты прав. Но как бы то ни было, он отличается немного обычного кролика. Обычный кролик не позволяет себе тащиться свирепость даже из-за страха. Он позволяет себе терроризировать даже самых жалких бездействие; или к жалкой деятельности, заключающейся в подчинении приказам другой. Но не к самостоятельной деятельности, к деятельности, которая ответственность должна соответствовать вам. Когда речь идет об убийстве, например, эти обычные кролики не проявляют особого желания

совершить это, а? Они надеются быть организованными. Ответственность слишком много для маленького человека. Он напуган.

- Боже мой, очевидно, что никто не хочет идти на виселицу.

- Он был бы напуган, даже если бы не было виселицы.

- Теперь ты не собираешься снова приводить в действие категорический императив, я предположить. Настала очередь Иллиджа проявить саркастичность.

- Он появляется на сцене сам… Даже в твоем личном деле. Когда если бы речь шла о том, чтобы добраться до дорог, ты бы никогда ничего не осмелился сделать. Уэбли, если только у тебя не будет организации, которая избавит тебя от всех мужество. Нет, ты бы не посмел — - повторил Спэндрелл в чем-то вроде вызов, полный насмешек.

Он смотрел на Иллиджа с пронзительным взглядом, с зажатыми веками, и, пока длился ответ, немного перегруженный риторикой, в которой Иллидж говорил о том, чтобы заполонить змей, убить тигров и раздавить клопов, он остался в изучить перегруженное и разъяренное лицо своей жертвы. Как это было комично когда он старался играть роль героя! Иллидж продолжал свой зажигательная речь, несущая неприятное сознание от избытка амплитуда и полое звучание его предложений. Но акцент, и всегда акцент, на по мере того, как улыбка другого становилась все более презрительной, она казалась ему единственная возможная реплика на тихую, раздражающую насмешку Спандрелла. Акцент и больше акцента - как бы ложно ни звучала ваша риторика. Как человек, который перестает кричать, потому что боится, что его голос выродится в рыдая, Иллидж внезапно замолчал. Спандрелл покачал головой медлительность.

- Хорошо, - загадочно сказал он. — Прекрасно.

“Это абсурдно”, - повторяла Элинор про себя. “Это ребячество. Ребяческий и абсурдный!” Быть несущественность. Эверард не изменился только потому, что был верхом на белом коне, командующим и получающим признание восторженная толпа.

Лучше не было только потому, что она видела его перед одним из своих батальон. Это было абсурдно, было ребяческим быть тронутым таким образом. Но дело в том, что она действительно была тронута; и этот факт остался. Что вздрагивая, когда Уэбли появился верхом на лошади во главе своих мужчины! Сердце билось сильнее, казалось, увеличивалось… И это в течение нескольких секунд молчания, прежде чем он начинай говорить! Это был настоящий ужас, Уэбли, возможно, собирался заикаться, колебаться; мог бы сказать что-нибудь глупое или вульгарное; собирался раскрыть-если, возможно, шарлатан… А потом, когда его голос заставил себя услышать, без усилий, но яркий, пронзительный, когда его речь начала разворачиваться в страстные и пульсирующие слова, но никогда не театральные, в богатых предложениях, но краткие и резкие Итак, какой триумф, какое чувство гордости! Но когда этот человек сделал прерывание, Элинор почувствовала, в то же время что волна возмущения против Отступника, возобновление его беспокойство, его ужас от того, что Эверард терпит неудачу или унижается, и публично стыдно. Но он остался на своей лошади, бесстрастный, проявил свой суровый выговор, взял на себя создание молчания в конце концов, он вернулся к своей речи., как будто ничего не прошло. Беспокойство Элинор уступило место необыкновенное счастье… Речь закончилась; был взрыв от восторженных криков, и Элинор чувствовала себя невероятно гордой и возвышенный, в то же время смущенный, как будто живые были и он громко рассмеялся, Не зная, почему, и кровь поднялась к нему в лицо, и она повернулась, полная смятения, не осмеливаясь поднять глаза на Эверард, а потом, без причины, заплакал.

“Абсурд, ребяческий”, - повторяла она про себя, чтобы успокоиться. Но ах это было, абсурдное, ребяческое, произведенное; и больше не могло быть отмененный.

Из записной книжки Филипа Куорлза

“В Sunday Pictorial снимок Эверарда Уэбли с открытым ртом - черная дыра посреди лица, сжатого от усилий, - остается открытой кричать. Г-н Э. В., основатель и глава В. В. F., говорил в прошлую субботу батальону свободных англичан в Гайд-парке.

событие - эта горгулья символизирует демагогию. Открытый рот чтобы реветь. Какой ужас!

“И все же это событие было действительно впечатляющим. И крики Уэбли очень благородно резонировали в то время, когда они были выпущены. И у этого человека был монументальный вид на его белом коне. Выбор изолированного момента между тем, что было набором, непрерывность, Kodak превратил его в пугало предупреждения. Несправедливость? Или это правда видение Kodak и ложное мое? Потому что в конце судя по всему, впечатляющий набор должен был состоять из таких мгновений ужасные, как то, что записано на фотографии. Может ли целое быть чем-то полностью отличается от своих частей? В физическом мире да. Рассмотреть в целом тело и мозг радикально отличаются от электронов которые составляют их. Но в моральном мире? Может ли коллекция вещей без ценность представляет собой вещь высокой ценности? Фотография Эверарда представляет проблема. Вот миллионы чудовищных мгновений, которые образуют великолепные полчаса.

“Не то чтобы у меня были какие-либо сомнения в этом великолепии, в точный момент. Э. много говорил о Фермопилах и спартанцах. Но мое сопротивление было еще более героическим. У Леонида было триста спутник. Я защищаю свои духовные Фермопилы в одиночку против эти ваши свободные англичане. Они впечатляют меня; но я против них сопротивление. Остановка, для начала, была великолепна. Я смотрел на нее, очарованный. По-прежнему. Чем объясняется привлекательность военного зрелища? Это отрицается лучше, чем объясняется… Я думал об этом на протяжении всего время, когда я смотрел.

“Отряд состоит только из десяти человек и нейтрален под точкой с эмоциональной точки зрения. Сердце начинает биться только при виде компании. As эволюция батальона опьяняет. А бригада-это уже армия с флаги, что эквивалентно — как мы знаем из “Песни Песней” - оставаться в любви. Эмоция пропорциональна числу. Признавая факт

не более 1 метра 75 в высоту и 2 фута в ширину, и быть одиноким, собор по силе более впечатляющий, чем хижина и 1 километр марширующих мужчин и более внушительный, чем один дюжина бродяг на углу. Но это еще не все. Полк больше впечатляет, чем толпа. Армия с флагами равняется любовь только

тогда, когда безупречно маневрирует. Камни, которые составляют здание красивее, чем валуны, забитые волей-неволей. Упражнение и униформа навязывает архитектуру толпе. Армия прекрасна. Но это еще не все; он удовлетворяет более низкие инстинкты, чем эстетический инстинкт. 0 зрелище людей, доведенных до автоматизма, удовлетворяет желание силы. Глядя на механизированных рабов, мы представляем себя хозяином. Это то, что я чувствовал это, когда восхищался эволюцией свободных англичан Эверарда. Е, таким образом, разбирая мое восхищение, по частям, я удерживал его от меня. доминировать. Разделить, чтобы править. Я сделал то же самое с музыкой, а затем с речь Эверарда.

“Какой великолепный режиссер сцены потерял театр в Эверарде! Ничего это могло бы быть более впечатляющим (нарушение тишины изучено продлен), что эти фанфары труб, и наверху, торжественные, массивные гармонии тысячи голосов, поющих песню свободных англичан. As трубы были потрясающими-как увертюра Страшного Суда. (Почему гармонические звуки так трясут нас душой?) Потом, когда увертюра из труб закончился, тысяча голосов прорвалась в этом аккорде почти сверхъестественное, у которых всегда есть хоры. Грозный, как голос Иеговы. Даже Рейнхардт лично не смог бы добиться этого более яркий. Я испытывал ощущение, что у меня есть дыра в том месте, где я я должен найти свою диафрагму, своего рода беспокойный муравейник, он пробежал по коже; слезы чуть не попали мне в глаза. Я взял, чтобы сделать роль Леонидаса, говоря себе, что музыка была ниже критика, и слова были нелепым декламацией.

“Последняя труба, голос Бога-затем настала очередь Эверарда говорить. Но я не позволял себе все еще подавлять, доминировать. И как хорошо он говорил! Ваш голос это поразило нас в полном солнечном сплетении, как эти гармонические звуки труба. Это было трогательно и убедительно, хотя было известно, что то, что он я говорил это было расплывчато и более или менее бессмысленно. Я проанализировал

трюк. Они были обычными. Наиболее эффективным было использование слов вдохновляющие, которые имеют два или три разных чувства. “Свобода”, по пример. Название и программа свободных англичан-это свобода Купить, продать и владеть собственностью с минимумом вмешательство правительства.

(Довольно высокий минимум, скажем, между скобки; но продолжим…) Эверард выкрикивает нам это слово во всей полноте. легкие, с его голосом, который пробивал солнечное сплетение: “мы боремся за Свобода, “давайте освободим страну” и т. д. Зритель видит себя сразу сидя в рукавах рубашки, рядом с бутылкой и девушкой, самодовольный, без законов, без кодекса манер, без жены, ни полицейских, ни священников, чтобы защищать что угодно. А свобода! Естественно, она вызывает у вас энтузиазм! Только после того, как Свободные англичане находятся у власти это то, что зритель поймет смысл совершенно другое, что было дано этому слову… Делить, чтобы победить. Я победил.

“P.S.: или, скорее, часть меня победила. Я приобрел привычку вступать в союз с этой частью и аплодировать, когда она торжествует, но в конце счета, будет ли она лучшей частью? В данном конкретном случае да, может быть. Е вероятно, лучше отказаться от анализа без страсти, чем быть погруженный постановкой и красноречием Эверарда до такой степени, что перейти к доктринам свободных англичан. Но в других обстоятельствах? Рэмпион, вероятно, прав. Но когда мы приобретаем привычку раскол, чтобы править, во имя интеллекта, трудно остановить. И, может быть, это не так просто вопрос второй Природы; кто знает, если природа pura не вмешивается в дело? И легко поверить, что нам нужно изменить наш образ жизни. Трудность заключается в том, чтобы действовать в соответствии с этим убеждение. Тот факт, что я поселился в сельской местности, например; быть деревенским, отцовский и добрый сосед; жить вегетативной и интуитивной жизнью-будет действительно возможно? Я представляю это; но на самом деле — на самом деле?… На данный момент может быть интересно создать такого персонажа, человек, который всегда старался отдавать предпочтение своим тенденциям интеллектуалы за счет всех остальных. Максимально избегает отношений личные, наблюдает без участия, не любит отказываться, это всегда зритель предпочтительнее актера. С другой стороны, он всегда заботился о

никогда не отличать день, место от другого дня и другого места; не пересматривать прошлое и не делать будущих проектов в этом году Новый, чтобы не праздновать ни Рождество, ни годовщины рождения, не пересматривать пейзажи своего детства, не совершать паломничества к Родные города великих людей, поля

сражений, руины и так далее спереди. За это подавление эмоциональных отношений и естественного благочестия, кажется, он достиг свободы-свободы по отношению к сентиментальность, иррациональность, страсть, драйв, эмоциональность. Но в реальность, как он обнаруживает понемногу, он не делал ничего, кроме сужения и иссушить его существование; и, более того, притупил его интеллект благодаря сам процесс, который, по его мнению, должен был освободить его. Его причина он оставался свободным, но занят лишь небольшой долей из фактов опыта. Он осознает свои психологические недостатки и желает, теоретически изменить себя. Но трудно победить привычки всей жизни; и может быть, привычки-это не что иное, как выражение равнодушия и врожденная холодность, которая может быть почти невозможно победить. И для него во всем дело в том, что просто интеллектуальная жизнь проще; это самая низкая линия сопротивление, потому что это линия, которая избегает других людей. Среди них, его жена. Потому что у него будет женщина, и в ней будут элементы драмы. отношения между этой женщиной, которая будет жить в основном своими эмоциями и его интуиция, и он, человек, существование которого прежде всего сохраняется в абстрактный интеллектуальный план. Он любит ее по-своему; и она любит его, тоже особый режим. Что означает, что он доволен; но оказывается, это не так; потому что любовь, как он ее понимает, ведет себя минимум тех теплых и доверительных человеческих отношений, которые составляют сама сущность любви, по ее зачатию. Она жалуется на это; он он хотел дать больше, но ему трудно изменить себя. Она действительно угрожает оставить его, предпочитая более гуманного любовника; но любит его слишком сильно, чтобы положить угроза в исполнении.”

В тот воскресный день Элинор и Эверард Уэбли отправились на прогулку

автомобиль по полю.

- Сорок три мили за час и семь минут, - сказал Эверард, глядя на часы, выходя из машины. - Мы идем быстро, если возьмем учитывая, что мы уехали из Лондона и опоздали из-за этого несчастный шараба в Гилфорде. Неплохой.

— И главное, - сказала Элинор, - что мы еще живы. Если бы ты знал, сколько раз я закрывал глаза, надеясь, что не открою их снова, кроме дня Суждение…

Он посмеялся, счастлив, короче говоря, увидеть ее в таком ужасе перед насилие вашего пути управлять собой. Ужасы, которые она испытывала они давали приятное ощущение силы и превосходства. Взял ее за рука в жесте защиты, и оба отправились пешком по дороге. зеленый, к лесу. Эверард глубоко вздохнул.

- Ах! Это лучше, чем выступать с политическими речами! - воскликнул он, сжимая его руку.

- Тем не менее, должно быть замечательно стоять на лошади и заставить тысячу людей делать то, что мы хотим.

Эверард засмеялся.

- К сожалению, в политике не так много всего, кроме этого. — Бросил взгляд на спутницу. - Тебе понравился митинг?

- Я была на электричестве. - Она рассмотрела его про белого коня, услышала его красавицу яркий голос, вспомнил его чувство триумфа, внезапные слезы. Быть великолепна, думала Элинор, великолепна! Но я не думал, что смогу вернуть это чувство победы. Эверард держал его за руку, его огромный присутствие скользило над ней, почти угрожая. “Будет ли он целовать меня?”, - нервно спрашивала себя Элинор. Пытался отпугнуть этот ужас. неосмотрительно и заменить его возвышением Евы. Это было великолепно! Но террор не позволял себе изгнать нечисть.

- Я подумал, что твоя речь великолепна — - сказал он вслух, спрашивая себя то же самое, в скобках, в то же время произнося эти слова, о чем он говорил… Он помнил звук и тембр слов. Эверарда, но не его значения… Это было бесполезно.

- Какая очаровательная жимолость!

Эверард встал на ступни ног, огромный, и поймал его два цветка: - какая красота, какое очарование! - Цитировал Китса, рылся в память, чтобы найти стих из сна летней ночи. Спросить, зачем жить в городах, зачем тратить время на в поисках денег и власти, когда вся эта красота ждала чтобы они пришли узнать и полюбить ее.

Элинор слушала его, полная какого-то недомогания. Эверард выглядел так он соединял цепь, которая питала эту любовь к красоте, как электрический свет-выключение любви к силе, эффективности и заботам политика, чтобы зажечь любовь к красоте. Но почему бы не сделать это, в конце концов?

Не было ничего плохого в том, чтобы любить красивые вещи. Ничего — только для какой-то непонятный мотив, который невозможно описать, любовь Эверарда к красота была не совсем такой, какой должна быть. Может быть, слишком преднамеренно? Прерывистый слишком много? Слишком много “праздничной статьи”? Слишком обычный, тяжелый, благоговейный, без намека на юмор? Она предпочла его в роли культуриста силы. Как культ силы он казался лучшее качество, чем как любитель красоты. Низший, может быть, как любовник красоты, потому что он был таким замечательным, как культ силы. Это был компенсация. Все имеет свою цену. Они продолжили прогулку. На поляне, среди деревьев наперстянки открывались от боли.

- Можно было бы сказать, что маленькие факелы горят снизу вверх, — сказал он. поэтически Эверард.

Элинор остановилась перед высоким растением, первые цветы которого колокольчики были на уровне его глаз. Красное мясо лепестков она была свежей и эластичной между ее пальцами. Заглянул в открытый рот колокольчик: - представьте, как неприятно было бы иметь веснушки на горле — сказать. - Не говоря уже о бесуриньосе…

Они тихо отошли между деревьями. Это был Эверард, который говорил первое.

- Ты когда-нибудь полюбишь меня? - вдруг спросил он.

- Ты знаешь, как ты мне нравишься, Эверард, - Элинор почувствовала, как остановилось сердце; пришло время, он хотел поцеловать ее. Но человек не сделал жест; он ограничился смехом, немного меланхолично.

- Я тебе очень нравлюсь, - повторил он. - Ах! Если бы ты только мог быть одним чуть менее разумно, немного безумнее! Если бы ты только знал, что это такое. любовь!

- Разве не хорошо, что кто-то здравомыслящий? - спросила

Элинор. — Они заранее, я имею в виду. Потому что каждый может быть потом. Даже слишком здравомыслящие, когда доступ прошел, и влюбленные задаются вопросом, не в конце концов, действительно стоило отказаться от мира… Отражать, Эверард, сначала подумай. Хочешь потерять мир?

- Никогда! - ответил Эверард; и в его голосе была такая вибрация странно и трепетно, что она, казалось, слышала не ушами, а все ваше тело, в полной диафрагме. - Они не могут меня вырвать. Эй времена изменились после времен Памелла. Кроме того, я не Пэмелл. Пусть они попытаются вырвать у меня мир! - Он рассмеялся. — О любовь, и еще мир! Что у меня будут оба, Элинор, оба! - Опустил взгляд, улыбаясь ей. Он снова был поклонником Триумфальной силы.

- Ты слишком много просишь — - смеясь, ответила Элинор. - ES жадный, ненасытный. - Чувство триумфа снова покалывало его по всему телу, как почти удушающая жара глинтвейна. Эверард наклонился и он поцеловал ее. Элинор не отступила.

Другая машина остановилась на обочине дороги, другая пара ехала по зеленый путь, к лесу. Под яркими розовыми и белыми его косметика, лицо женщины было старым; усталая плоть отслоилась и утрачены некогда очаровательные формы.

- О! Как это красиво, - повторяла она, не переставая ходить, с трудом перемещая тяжелое тело на туфлях на очень высоких каблуках которые ступали по неровной земле. - Как красиво!

Спандрелл-потому что это был он — не ответил.

- Возьми мне немного этой жимолости, - умоляла она. Спандрелл оторвал ему цветущую ветку изогнутой ручкой трости.

Через перегары химических духов и нижнего белья не очень чистый, свежий и восхитительный запах цветов доходил до ноздрей Sp и reli.

- О! Какой божественный аромат! - воскликнула она, вдохновляя его восторгом. - О боже!

Спандрелл ухмыляется в ухмылке. Ему было весело слышать такие голоса из уст этой шлюхи. постареть.

Посмотрел на нее. Бедная Конни! Это было похоже на появление скелета на вечеринке-еще более отвратительный скелет, чтобы иметь кости, покрытые таким обвисшим, обвисшим мясом. Действительно отвратительно… Не было другое слово. Там, на солнце, Конни выглядела как декорация театр виден при дневном свете и очень близко. Вот почему он решил сделать расходы на аренду Daimler и уйти с ним-просто потому что бедная старая шлюха была такой отвратительной.

Спандрелл покачал головой в одобрительном знаке: - да, духи цветы-это хорошо, но я предпочитаю твой…

Они продолжали идти. Уже не уверен в разнице между вторым и в меньшую треть кукушка издала свои крики. В коридорах наклоны солнца, которые открываются, как туннели между зеленым и фиолетовым оттенками из леса маленькие мухи танцевали и зигзагообразно прыгали резкий. Ветра не было; пробки висели, тяжелые от зелени. Дерево они выглядели как пропитанные соком и солнечными лучами.

- Как красиво! Как это красиво! Это был припев Конни. Тот уголок, в тот день они напомнили ей, сказала она, о ее маленькой девочке в деревне.

Вздыхать.

- И ты бы хотел, чтобы я всегда была хорошей девочкой — - сказал Спандрелл ехидно. - “Розы в Томо у двери напоминают мне о детстве мертвый.“Я знаю, я знаю. - Заткнулся на мгновение. - Что я ненавижу в деревья летом, - продолжил он позже, - это его жестокое жирное самоуспокоение. Балофы, вот что они из себя представляют; можно было бы сказать, что тучные акулы. Они набухают от наглости, от пассивная наглость.

- О! Наперстянки! - воскликнула Конни, у которой его даже не было слушать.

Бросился к цветам, гротескно и без твердости на высоких каблуках. Спандрелл последовал за ней. - Приятно фаллические, - прокомментировал он, играя с палец одна из тычинок еще закрытой кнопки. И он начал развивать тема, с изобилием деталей.

- О! Тихо, тихо! - воскликнула Конни. - Как у тебя смелость

говорить такие вещи? - Она была обижена, ранена. — Как у тебя есть мужество… Здесь?

- На поле доброго Бога, - усмехнулся он. - Как мне набраться смелости? Е, подняв свою трость, он внезапно открыл воздух справа налево. - лепте! лепте! - разбивая одно из высоких гордых растений с каждым ударом. Земля внутри вскоре стала осоковой от убитых цветов.

- Остановись! стой! - Конни держала спандрелла за руки. Смеяться он молча отделился от своей спутницы и продолжил сбить растения. - Остановись! Пожалуйста! Нет, нет! - Женщина поспешила опять о нем.

Всегда смеясь, всегда раскалывая воздух тростью, Спандрелл резко отодвинул от нее.

- Долой их! — кричать. - Долой их! - Цветы упали один за другим под его ударами. - Готово! - наконец-то сказал он.

Конни плакала.

- О! Как ты мог это сделать? Как ты мог?

Спандрелл снова засмеялся, молча откинув голову назад.

- Хорошо сделано для них! - воскликнул он. - Ты думаешь, что я останусь. тихо и позволь им оскорбить меня? Ах! Какая наглость этих глупостей! Ах! Вот еще одна! - Он пересек поляну, направляясь к месту, на котором он стоял. еще одна последняя высокая наперстянка, спрятанная среди новых ореховых деревьев. Один переворота было достаточно. Сломанное растение опрокинулось почти без шума. — Проклятый наглость! И хорошо сделано для них… Давайте вернемся к машине.

ГЛАВА XXX

Рэйчел Куорлз не сочувствовала этим филантропам они стирают различие между добром и злом, между праведными и виновный. В их глазах были преступники, а не общество, в котором они жили те, кто несет ответственность за свои преступления. Грешники совершали фактически их грехи; не окружающая среда

сделала это для них. Были оправдания, было ясно, палиации, смягчающие обстоятельства. Но добро всегда было добром, а зло оставалось злом. Быть обстоятельства, в которых было очень трудно выбрать хорошее; но всегда было человек, который сделал выбор и, как только он был сделан, отвечал за него. Миссис. Одним словом, Куорлз был христианином, а не гуманистом. Как христианин думал, что Мэйджори поступила плохо, бросив мужа-даже несмотря на то, что она была муж как Карлинг-другим мужчиной. Она не одобряла этот поступок, но он не осмелился судить человека-тем более, что, несмотря на то, что у него было сделано, сердце и голова Майджори всегда сохранялись, под точкой с христианской точки зрения Миссис Куорлз, “на хорошем пути”. Рэйчел думала, что это легче любить человека, который поступил плохо, но продолжает иметь добродетельные мысли, чем другие, которые, как ее невестка Элинор, я думал неправильно, хотя всегда вел себя, к чему она я знал, совершенно безупречно. Были обстоятельства, тоже, в том, что злое поступок казался ему почти менее предосудительным, чем плохое мышление. Не то чтобы она сочувствовала лицемерию. Человек, который он думал и говорил Хорошо, тогда как сознательно и постоянно действовал плохо, я ненавидела его. Однако такие люди редки. Большинство из которых они делают зло, несмотря на свои здравые убеждения, они делают это в момент затем они сожалеют о своей проступке. Но тот, чей мысли злые не допускает греховного характера злых поступков. Не вы видите, почему вы не совершаете их, и почему после того, как вы это сделаете, вы должны покаяться и исправить. И даже если он действительно ведет себя добродетельно, он он может, во власти своих плохих мыслей, тащить других людей к плохим база.

— И замечательная женщина, - сказал Джон Бидлейк, произнося свой суждение-но он слишком любит чертов лист, особенно во рту.

Что касается Рэйчел Куорлз, она не знала ничего, кроме того факта, что она христианский. Я не мог представить, как некоторые люди могут жить, не будучи христианский. И все же большое количество — было вынуждено признаться с печаль-отлично справлялась. Почти все молодые люди его знание. “Можно сказать, что наши собственные дети говорят на одном языке другой”, - жаловалась она однажды старому другу.

Миссис Куорлз нашла в Мейджори Карлинг человека, который

говорил и понимал свой собственный духовный язык.

- Ты найдешь ее немного дерьмовой, боюсь,-предупредил Филипп. объявить о своем намерении одолжить свой маленький дом в Чамфорде Уолтер и Мейджори. - Но будь добр к ней. Несмотря ни на что, Майори о ты заслуживаешь этого, бедное существо. У вас была очень печальная жизнь.

И рассказал маме все подробности истории, которую она слушала с вздох.

- Я не ожидала, что Уолтер Бидлейк будет таким, - прокомментировала она.

- В этих делах не стоит ничего ожидать от кого-либо. As вещи случаются, просто. Никто их не делает.

Миссис Куорлз ничего не ответила. Он думал в то время, когда впервые она обнаружила одну из неверностей Сидни. Изумление, боль, унижение!

— Однако, — сказал он вслух, - никто не будет судить, что он может сознательно взять кого-то несчастного.

- Даже меньше, чем он сделал себя несчастным сознательно. И все же я верю, что Уолтер взял себя так ублюдок, как Майджори. Возможно, это его главное оправдание.

Рэйчел Куорлз вздохнула.

- Все это мне кажется таким необыкновенно ненужным…

Он отправился с визитом в Майджори после того, как последний поселился в новом резиденция.

— Приходи ко мне много раз,-сказал я ему, уходя. - Потому что ты мне нравишься. - собралась, вдруг усмехнувшись, вот почему бедная Майджори

его признали до такой степени, что его благодарность доходила до того, что у него было что-то жалко. Ему не часто приходило в голову угодить другим. Факт она была безумно влюблена в Уолтера, прежде всего, из-за того, что это был один из редких людей, которые проявили к ней интерес. — Быть надеюсь, мне тоже понравится, - добавила Миссис Куорлз.

Майджори может только краснеть и заикаться. Но я уже обожал ее…

Рэйчел Куорлз говорила со всей искренностью. Нравиться эффективно Майджори; любил ее именно из-за недостатков те, кто делал так, чтобы другие находили ее такой скучной; из-за его глупость — такая хорошая глупость, такая полная чистых намерений; причина его отсутствия чувства юмора-то, что обозначало такое серьезность, такой пыл! Даже те интеллектуальные претензии, те глубокие или дидактические наблюдения, которые она бросала как вещь на фоне медитативной тишины они не вызывали недовольства у госпожи. Куорлз. Она обнаружила в этом несколько абсурдные симптомы любви. подлинное добра, истинного и прекрасного, искреннее желание прогресса и культуры.

По случаю третьей встречи Майджори доверила ему всю свою историю. Комментарии Миссис Куорлз были разумными и христианскими.

- Нет чудесного лекарства от вещей такого рода, - сказала она; - нет фармацевтическая специальность против несчастья. Есть только старые несколько однообразные добродетели, терпение, смирение и другие; и старое утешение, древний источник всякой силы. Старуха, да, но нет. однообразный, не менее однообразный, чем Бог. Но большинство из них молодые люди не хотят верить мне, когда я говорю им, хотя они они умирают от раздражения

своим джазом и танцами. — Первенец движение поклонения Майджори подтвердилось и выросло до такой степени, даже, что миссис Куорлз была смущена, как будто она украли что-то, как будто я изобразил комедию. мошеннический.

- Вы оказали мне такую помощь, такое утешение! — объявить-Майори.

- Какой! - ответила она почти холерой. - Правда в том, что ты

ты был один, ты чувствовал себя несчастным, и я оказался рядом с тобой в должном момент.

Мэйджори возразила; но пожилая женщина не позволяла хвалить или благодарить его.

Много говорили о религии. Карлинг дал Майджори ужас все, что было живописным или формальным в христианстве. Пиран де Перанзабулоэ, религиозные одежды, обряды — все, что даже издалека говорило уважение к святому, к обряду, к традиции было для него ненавистным. Но были он сохранял расплывчатую и рудиментарную веру в то, что он считал основные вещи; он сохранил от своего детства определенную привычку христианские мысли и чувства. Под влиянием Рэйчел Куорлз, эта вера стала более точной, привычные эмоции укрепились.

- Я чувствую себя таким счастливым, так как я здесь с сеньорита. - объявила она, всего через восемь дней после приезда.

- И почему ты не стараешься быть счастливым, и почему ты не спрашиваешь себя то же самое, почему ты сделал себя несчастным, почему ты перестал думать о вещах под точка зрения счастья и несчастья. И огромная глупость молодые люди этого поколения, - продолжила г-жа Куорлз; - они никогда не думают в жизни, если не связывать все со счастьем… “Что я сделаю для себя весело?“Вот вопрос, который они задают себе, или если они жалуются: “почему моя жизнь не веселая?“Но мы в мир, в котором” хорошие времена ” в вульгарном значении этого слова, или может быть, во всех своих смыслах они не могут длиться непрерывно и принадлежать всем. И даже если у молодежи были эти “хорошие” моменты”, она должна была быть неизбежно разочарована, потому что ее воображение всегда прекраснее реальности. И после того, как мы кончим немного эти моменты, они становятся скучными. Каждый стремится чтобы получить

счастье, и в результате никто не счастлив. И потому что они они на неправильном пути. Вопрос, который вы должны задать себе, не: “Почему мы не счастливы?”, или ” как мы будем веселиться?”, Но да: “Как мы можем угодить Богу” и: “почему мы не лучше?“Если люди внутренне задавали эти вопросы и отвечали на них, в практика, как можно лучше, будет достичь счастья

даже не думая о ней. Потому что он не ищет счастья, которое мы находим; это ищет спасения. И когда существа мудры,, вместо того, чтобы быть умными, они должны думать о жизни, связывая ее с спасение и погибель-не с “хорошими” или “плохими временами”. Если ты теперь ты счастлива, Мейджори, потому что перестала думать о том, чтобы быть счастливой, и потому что ты пытаешься стать лучше. Счастье похоже на булочку; одна вещь что получается как побочный продукт производства чего-то другого.

Тем временем в Гаттендене наступали мрачные дни.

- Почему бы тебе не покрасить? - вы предложили Миссис Бидлейк муж, в утро, которое последовало за днем прибытия последнего.

Старый Джон покачал головой.

- Ты полюбишь ее, как только сможешь начать… — льстить Элинор.

Но отец не хотел, чтобы его убедили. У меня не было желания рисовать, именно потому, что это было бы очень неприятно для него. Ужас даже от боли, от болезней и от смерти он злым образом отказывался уходить. отвлечь дух от его отвратительного созерцания. Можно сказать, что часть от него он смутно желал смириться с поражением и поражением, он был жадным за то, что его капитуляция стала еще более полной. Его мужество, его сила гаргантюеска, его небрежное хорошее настроение были плодами невежества. волонтер, который длился всю его жизнь. Но теперь, когда это было невозможно. “игнорировать”, теперь, когда враг был установлен в своем собственном теле, все добродетель покинула его. Бидлейк боялся и не мог скрыть их ужасы. В каком-то смысле он хотел остаться в стороне. И он действительно остался. А Миссис Бидлейк и Элинор сделали все возможное, чтобы избавить его от вялой печали внутри из которых он провел

большую часть своих дней в Гаттендене. Но старик художник не позволял себе проснуться, кроме как скорбеть, а иногда и взорваться в гневе, полном жалоб.

“И прискорбно, - писал Филипп в своей записной книжке, - видеть

олимпийский уменьшен небольшой опухолью в желудке до состояния суб-человечество.”

“Но, может быть, - добавил он несколько дней спустя, подумав об этом, - он всегда был недочеловеком, даже когда создавал впечатление самый олимпийский из существ; возможно, тот факт, что он был Олимпийцем, был именно симптом недочеловечества. “

Только с маленьким Филом Джон Бидлейк пробудился в некоторых случаи их состояния истощения. Играя с мальчиком, он забыл иногда, на мгновение, его несчастье.

-Нарисуй мне что-нибудь, — просил я.

И маленький Фил, зажав язык между зубами, рисовал поезд, лодка, или олени, которые били друг друга в парке Гаттенден, или старик маркиз в своем инвалидном кресле, запряженном буррико.

- Теперь ты нарисуешь что-нибудь для меня, дедушка — - говорил маленький, когда устал.

А старик брал карандаш и делал пять-шесть маленьких набросков чудесные от Танга, пекинесовой собаки, или от Томпи, кухонного кота. Или затем, иногда, в припадке злобы, я рисовал карикатуру на бедная Мисс. Фулькс дергается. И часто забывая о полный, что маленький был рядом, рисовал для собственного удовольствия - группа купальщиков, два борца, танцовщица.

- Но почему у них нет одежды? - спрашивал Фил.

- Потому что так они выглядят красивее.

- Ах! Но я не думаю. - И, теряя интерес к рисункам, которые у них было так мало, чтобы сказать ему, что мальчик снова потребовал карандаш.

Но не часто Джон Бидлейк так радостно приветствовал своего внука. Иногда, когда он чувствовал себя особенно подавленным, он смотрел на простое присутствие мальчика как оскорбление, вид насмешек. Находиться сжимаясь, я оскорблял мальчика, потому что он издавал шум, потому что беспокоить.

- Они никогда не оставят меня в покое? - он кричал. И тогда он был жаловаться с богохульством на общую недееспособность всех. Комната

она была полна женщин, чья работа заключалась в том, чтобы заботиться об этом проклятом парне. Но он ходил там, бегал туда-сюда, делая адская мерзость, как будто она хочет, чтобы мир спустился вниз, и-если в жизни других. Это было невыносимо. Особенно, когда не было проходя хорошо. Абсолютно невыносимо! Ни у кого не было ни малейшего внимательность к нему. Покрасневшая, дергающаяся, бедная Мисс. Фулькс левава ваш ученик, который выл, в питомник.

Самые тяжелые сцены происходили во время еды. Потому что это было во время еды (сокращено теперь для него бульон, молоко и мука Млечный), что Джона Бидлейка больше всего неприятно вспоминали о его состояние здоровья. “Эта отвратительная стирка!- ворчал он. Но если бы я съел что-то твердое результаты были плачевными. Питание было более бурные и дикие моменты дня Джона Бидлейка. Он он изливал свой гнев на внука. Маленький Фил, который никогда не ел по доброй воле, это было всю эту весну до начала эстио, особенно упрямый в отношении еды. Плакать почти всегда во время еды.

- И потому, что на самом деле у него дела идут не очень хорошо, — объясняла Мисс. Fulkes чтобы извинить его. И это было правдой. Маленький был немного желтым и худой, плохо спал, нервные срывы, быстро утомлялся, страдал от головные боли, вес не увеличивался. Доктор Кроутер прописал солод, связанный из трески и тоник. - У него не все хорошо, — настаивала Мисс. Фулкс.

Но Джон Бидлейк ничего не хотел слышать.

- Он просто непослушный, не более того. Не хочет есть и готово! - И, повернувшись к маленькому, кричал: - глотай, петиз, глотай! Ты не умеешь глотать? - Спектакль маленького Фила, жевания и

бесконечно переделывать что-то, что мне не нравилось, это раздражало старика. - Давай, глотай, малыш! Не продолжай размышлять вот так! Ты не корова. Проглоти это! - И мальчик, красный, как слезы на его глазах, он сделал отчаянное усилие, чтобы проглотить отвратительный пятиминутный продукт тошнотворного жевания. Мышца из его горла они вздулись и сморщились, выражение отвращения

непобедимый раскрутил ее крошечное лицо, услышали зловещие звуки рвотная тяга.

0 старик восклицал: - но это просто отвратительно! Глотай!

И его крики были почти безошибочным рецептом, чтобы сделать ребенка извергать.

Бремя стало легким, тьма уступила место свету. Maijorie апокалиптически откровение всех символов религиозной литературы. Потому что она сама спорила в грязи отчаяния, и вышел из него; он также сделал восхождение laboriosamete, без надежды, и вдруг она была утешена видом на Землю Обетованную.

- Все эти выражения казались мне такими обычными и такими “безрассудно благочестивые”, - сказала она Миссис Куорлз. - Но теперь я понимаю, что это простые описания реальных фактов.

Миссис Куорлз согласилась на порыв.

- Плохие описания, потому что факты не могут быть описаны. Но когда мы чувствуем их лично, мы можем понять намерение символов.

- Вы знаете черную землюˆ[73l? - спросила Мейджори. - Я чувствую ощущение, что я покинул один из этих шахтерских городов, чтобы добраться до равнины, широкие открытые пространства. - добавила она своим голосом пылкий и немного по-детски в своей невнятной интонации. (“Этот голос”, нет вы могли не думать о миссис Куорлз, которая раскаялась после потому что в конце концов бедная женщина не несет ответственности по голосу, который у него был, ” этот голос заставляет казаться приглушенными и закрытыми широкие

открытые пространства.") — И когда я оглядываюсь назад, Черный город появляется так маленький, такой незначительный по сравнению с пространством и с огромный! И как будто мы смотрим на нее в бинокль, перевернутый с ног на голову.

Миссис Куорлз слегка нахмурилась:

- Она не такая уж и незначительная. Потому что, в конце концов, есть

люди, которые живут в этом городе, какими бы черными он ни казался. И неправильное положение бинокля, всегда неправильное положение. Это не предназначено заставить нас смотреть на вещи так, чтобы они казались нам маленькими и незначительный. Вот одна из опасностей выхода на открытое небо; чрезмерная тенденция рассматривать как маленькие, удаленные и без важность городов и людей, которые в них содержатся. Но они не, Мейджори. И задача несчастных, которые смогли уклониться, поднявшись в воздух. бесплатно, это помогает другим бежать тоже. - Снова нахмурился, на этот раз недоволен собой; ненавидел все, что пахло проповедь. Но Майджори не должна была думать, что она стала выше и я думал выше мира. - Как Уолтер? - спросила она, с несущественность, которая была только очевидна. - Как вы сейчас живете?

- Как всегда. - Одно такое признание, было несколько недели, это стоило бы ему ужасно. Но теперь у самого Уолтера было начал казаться ему маленьким и немного отдаленным. Все еще продолжал любить его, естественно; но, в некотором смысле, с биноклем наизнанку. С это в правильном положении она видела только Бога и Иисуса; они росли, доминируя-у него подавляющее поле зрения.

Миссис Куорлз посмотрела на собеседника и выразила печаль. он быстро прошел мимо ее мобильного лица,:

Бедный Уолтер!

- Да, я тоже сожалею об этом, - призналась Мейджори.

Затихла тишина.

Старый доктор Фишер сказал ему идти, искать его, чтобы привести его в ток все каждые две-три недели, и Maijorie

воспользовался сниженная цена на билеты на экскурсию по городу в среду, сделайте несколько обязательных покупок и расскажите доктору, как хорошо вы себя чувствуете.

- Это то, что показывает вашу внешность — - сказал доктор Фишер, осматривая ее сначала через очки, а затем поверх них. — Да, несравненно лучше, чем в прошлый раз. Это происходит много раз в течение четвертого месяца-он объяснил. Доктор Фишер любил пусть ваши клиенты будут принимать умный интерес в их собственных физиология. - Здоровье улучшается. Моральный дух тоже. И тело, которое приспосабливается к

новое положение дел. Изменения в циркуляции, несомненно, что-то имеют что с этим делать. Сердце плода начинает биться более или менее в этом время. У меня были случаи неврастенических женщин, которые хотели иметь детей и многое другое сыновья, как можно быстрее. Беременность была единственной вещью что может вылечить их меланхолию и навязчивые идеи. Как мы неправильно понимаем все еще отношения между телом и духом!

Майджори улыбнулась и не сказала ни слова. Доктор Фишер был ангелом, одним из лучшие и добрые люди во всем мире. Но были вещи, которые он понимал даже меньше, чем отношения между телом и духом. Что он понимал, например, о Боге? Кто понял его от души и от его мистического общения с духовными силами? Бедный Доктор Фишер! Только я умела говорить о четвертом месяце беременности и о сердце плода. Майджори улыбнулась внутренне чувствуя немного жалости к старику.

Бурлап в то утро показал себя полным привязанности: - мой старик — - сказал он он, положив одну руку на плечо Уолтера, пойдем и поем вместе отбивная в какой-то части? - Похлопал по плечу молодой Бидлейк и улыбнулся ему улыбкой, полной печальной и загадочной нежности святой содомский.

- Жаль! - сказал Уолтер, пытаясь имитировать привязанность — корреспондент-Я должен поужинать с другом на другом конце Лондон. - Это была ложь; но я не мог вынести мысли о том, чтобы передать время с Бурлапом в ресторане на Флит-стрит. В остальном я хотел посмотреть, в клубе его ждало какое-то письмо от Люси. Посмотрел на часы.

- Боже! - воскликнул он, не желая продлевать разговор с Бурлап-мне нужно идти…

Снаружи шел дождь. Зонтики выглядели как проросшие черные грибы внезапно из грязи. Все мрачно, мрачно… В Мадриде должно быть делая свирепое солнце. “Но я люблю жару”, - сказала она. “Я распускаю нас быть.“Он заранее представлял себе ночи Испании, черные и

и бледное тело Люси в свете звезд-призрак, но материальный и Момо; и любовь такая же терпеливая, такая же безжалостная, как ненависть; и имущество, похожее на медленное убийство.

Эти воображаемые сладострастия оправдали всю ложь, все мыслимые низости. Не имело значения, что можно сделать или что нет это должно было быть сделано, пока его видения сбывались. Он подготовил земля, придуманная серия хитрой лжи, много для Бурлап, еще один для Майджори; взял информацию о ценах на билеты, он нашел в банке способ обналичить овердрафт против своего счет. А потом пришло письмо Люси, в котором говорилось, что она изменилась идея. Я собирался остаться в Париже. Почему? Было только одно возможное объяснение. Ревность Уолтера, его разочарование, его унижение переросли в шесть страницы упреков и фурора.

- Письма? - спросил он швейцара беззаботным тоном, проникнуть в клуб.

Тон его голоса намекал на то, что он не ожидал ничего большего интересно, чем циркуляр редактора, или чем филантропическое предложение из кредита в 5000 фунтов стерлингов без залога. Швейцар протянул ему известный желтый конверт; Уолтер жадно разорвал его и развернул три страницы, написанные карандашом. “Набережная Вольтера. Понедельник.“Уставшие глаза на расшифровывая письмо, его было почти так же трудно читать, как и старую рукопись. “Почему ты всегда пишешь мне карандашом? Уолтер вспомнил вопрос Катберт Аркригт и ответ, который дала ему Люси. “Ибо я был заставить чернила исчезнуть до поцелуев”, - ответил он. Как глупо! Уолтер он проник в столовую и заказал свой ужин. Между глотками еды что привело к его устам, он расшифровал письмо Люси.

“Набережная Вольтера.”

“Невыносимо твое письмо. Раз и навсегда Я отказываюсь получать травмы. или слезы; я не хочу слышать ни упреков, ни осуждения. Я делаю что я желаю и не признаю ни в ком праве обсуждать свои деяние. На прошлой неделе я подумал, что было бы весело поехать с тобой в Мадрид.

неделя я изменил свое мнение. Если это изменение нанесло вам материальный ущерб, прости. Но я не формулирую ни малейшего оправдания тому, что я изменился с и если ты представляешь, что твои иеремиады и твои ревнивцы меня они жалеют тебя, ты сильно ошибаешься. Ты действительно хочешь знать, почему бы не покинуть Париж? Очень хорошо. “Ты, несомненно, нашел другого человек, которого ты любишь больше, чем меня.“Замечательно, мой дорогой Шерлок Холмс, чудесно! И угадай, где я его нашел… На улице. Прогуливаясь по бульвару Сен-Жермен, глядя на книжные магазины. Я понял, что за мной следит молодой человек от витрины к витрине. Нравиться его воздух. Очень брюнетка, оливковая кожа, несколько Римский вид, не выше меня. На четвертой витрине он заставил меня говорить по-французски необыкновенный с акцентами во всем немой. “Ма лей итальянский .‘C74] Это было; огромное удовлетворение. ‘Parla italiano 7^5] и поставил себя, чтобы сбросить его восхищение в чистом тосканском. Я посмотрел на него. В конце концов, почему нет? Кого-то, кого мы никогда раньше не встречали и о ком ничего не знаем-это захватывающая идея. На мгновение два совершенно странных существа; в следующий момент уже столь же близкими, как могут быть два близких человеческий. В остальном это было прекрасное существо. ‘Vorrei e non vorrei ‘[76] F сказал-мне. Но он никогда не слышал о Моцарте — он знал только Пуччини, мне повезло, что я зашел в болтовню. ‘Очень хорошо.“Мы взяли один такси, которое отвезло нас в небольшой отель недалеко от сада растений. Комната час. Кровать, стул, шкаф, умывальник с раковиной из фольги и кувшина, держателя для полотенец, биде. Грязно — но это было частью шутки. “Dunque”^^, я сказал ему. Я не позволил ему, чтобы я прикоснитесь к такси. Он прыгнул на меня, как будто собирался убить меня, зубы стиснуть. Я закрыла глаза, как христианская мученица перед лицом Льва. О мученичество-захватывающая вещь. Позволить себе ранить, унизить, использовать как коврик-

чудак! Мне это нравится. Более того, коврик также используется от того, кто его использует. Сложно. Мужчина только что вернулся из отпуска прошло на берегу моря в Средиземном море, и его тело было сожжено. и отполирован солнцем. У него был великолепно свирепый воздух — это было похоже на Кожа-красный. И столь же свирепый, как и его внешний вид. У меня все еще есть отметки на шее, в том месте, где он меня укусил. Должен ли я носить шарф

на несколько дней. Где я когда-нибудь видел эту статую Марсий содранный? О его лицо было таким. Я засунул ей ногти в руки, пока не сделала кровь. Потом я спросил его имя. Его зовут Франческо Аллегри, и он инженер аэронавтика; родом из Сиены, где его отец является профессором медицины в университет. Какое странное несоответствие в том, что дикий триг сделать проекты двигателей самолетов и иметь родительского учителя колледжа! Я должен пересмотреть это завтра… Так что теперь ты знаешь, Уолтер, почему я изменился мнение о такой поездке в Мадрид. Не посылай мне никогда больше письмо как последнее.

Л.”

Мейджори сел на поезд продолжительностью 3 часа 12 минут, чтобы вернуться в Чамфорд. А дождь прекратился, когда она прибыла. Холмы на другой стороне долины, прикоснувшись к солнечному свету, они, казалось, сияли собственным излучением против дым и индиго облаков. Капли все еще висели, подвешенные к ветвям, и все полые чаши лепестков и листьев были полны; слышался птичий шум. Когда Майджори проходил под нависающими ветвями большой дуб, на полпути, удар ветра бросил его на лице холодный и внезапный ливень. Майджори смеялась от удовольствия.

Он нашел дом пустым. Служанка ушла и не вернется, кроме как пора спать. Тишина пустых комнат имела качество кристально чистая и музыкальная прозрачность, одиночество показалось ему дружелюбным и милым. Двигаясь по дому, Майджори ходила на цыпочках, как будто боялись разбудить спящего ребенка.

Сделала себе чашку чая, которую выпила; съела печенье, закурил сигарету. 0 Мне нравится то, что она СОМ и пила, аромат табак

казался ему особенно вкусным и в некотором роде новым. Быть как будто я обнаружил их впервые.

Он повернул кресло так, чтобы оно было лицом к окну и он позволил себе сидеть, вытянув взгляд над долиной, до тех пор, пока

сверкающие горы с их штормовым фоном. Он вспомнил аналогичный день, когда они жили в маленьком домике в Беркшире. Солнце, более яркий, потому что он такой ненадежный на этом мрачном фоне; земля яркий и преображенный. Уолтер сидел с ней у окна открытый. Он любил ее в то время. И все же теперь она была счастливее, намного счастливее. Я не сожалел о том, что произошло в перерыве. О страдание было необходимо. Это было облако, которое подчеркивало свет его настоящее счастье. Темное облако — но как далеко оно было сейчас, и интересно отделилась от нее! И эта другая счастливая ясность, перед приходом из облака-оно также было крошечным и далеким, как изображение в изогнутое зеркало. Бедный Уолтер! она подумала и отдаленно пожалела-если его.

Стремясь к счастью, Уолтер стал несчастным. А “счастье-побочный продукт”, - сказала г-жа Куорлз. Это было правдой. “В счастье, счастье…“Майджори внутренне повторяла это слово. Против черные пары, холмы были похожи на изумруды и зеленое золото. Счастье, красота, добро… “Мир Божий, - пробормотала она, - Мир Божий, который будет за пределами всего понимания. Мир, мир, мир…“У него сложилось впечатление, что если он слился в этом зеленом и золотом спокойствии; он чувствовал себя погруженным в него и поглощенным для нее раствориться, как будто он перестал жить отдельно, чтобы присоединиться к миру. всеобщий. Тишина текла в тишину, тишина снаружи отождествлялась как ваше внутреннее молчание. Всог существования, взволнованный и мутный, осел понемногу, и все, что сделало его непрозрачным-все Мидо и суматоха мира, все волнения, все желания, все личные чувства-начал оседать, как осадок, падать медленно, медленно и без Мидо, внутри невидимого. Мутный ликер, если он принимал все больше и больше светлый, все больше и больше просвечивающий. За этой bmma то, что постепенно рассеялось, было реальностью, был Бог. Это был медленное, прогрессивное раскрытие. “Мир, мир”, пробормотала Майджори про себя; и последние рябь вымерла на поверхности жизни, помутнения вызванные суетой жизни, только

что упали, уничтоженные в спокойствии, экстремальный. “Мир, мир.“У майджори больше не было желаний, больше забот. О ликер, который был мутным, был совершенно прозрачным, теперь более чистым, чем что кристалл, более прозрачный, чем воздух; bmma рассеялся и реальность

без вуали была чудесная пустота - это было ничто. Ничто-единственное совершенство, единственное абсолютное. Бесконечное, вечное ничто. Прогрессивное откровение теперь она была завершена.

Мейджори была пробуждена от ее мечты щелчком дверной защелки от входа и по шуму шагов в коридоре. Неохотно и с своего рода боль, она поднялась из глубин Божественной пустоты; ее душа восходит к поверхности сознания вещей. Солнце над горы приняли более глубокий тон, облака были и небо было бледно-голубым и зеленоватым, как у воды. Был уже почти ночь. Maijorie чувствовал конечности hirtos. Вероятно, он остался там. сидеть часами и часами.

- Уолтер? - крикнула она в сторону коридора, откуда пришли шум.

Уолтер ответил голосом, который казался ему мертвым, безударным. “Почему неужели он так несчастен?“спросила она с тобою, услышав его; но спросила издалека и с какой-то очень отдаленной обидой. Она возмущалась тем присутствием, которое беспокоило ее и прерывало ее. экстаз — возмущался собственным существованием Уолтера. Мальчик вошел в купе и Майджори заметил, что у него очень бледное лицо, глаза черные окантовки.

- Что там ? - спросила она почти неохотно. Чем больше вы ближе к Уолтеру, дальше от чудесного небытия, дальше он отвернулся от Бога. - Ты не очень хорошо выглядишь…

- Ничего. Немного усталости, ничего больше.

В поезде по дороге он прочитал и перечитал письмо Люси, пока мы знаем это почти наизусть. Его воображение предоставило дополнение к словам. Я знал эту грязную гостиничную комнату. meublét 78] f видел обожженное тело итальянца, белизну Люси, стиснутые зубы человека, его лицо, похожее на лицо марсиаса. пытали, а также лицо Люси, с тем выражением, которое он хорошо знал, что вид тяжелого и внимательного страдания, как

будто удовольствие жгучая была глубокой и трудной истиной, которую нельзя уловить. если не через интенсивную концентрацию…

Ну, я думал, Майджори, он сказал, что это ничего. Было лучше так; ей больше не нужно было об этом беспокоиться.

Бедный Уолтер! - сказал вслух. И обратился к нему с улыбкой жалости. тема. Он не собирался обращаться ни к вашему вниманию, ни к вашему сочувствию; обида на нее исчезла. Бедный Уолтер!

Уолтер посмотрел на нее на мгновение, затем отошел в сторону. Я не хотел жалости. Не тот вид благочестия высшего ангела, а тем более со стороны Мейджори. Однажды он принял ее жалость. Воспоминание об этом инциденте это дало озноб от стыда. Никогда больше! Уолтер ушел. Майджори услышала ее шаги по лестнице и стук в дверь.

“Несмотря ни на что”, - подумала она, неохотно чувствуя забота: “что-то не идет хорошо. Что-то там что принимает вас особенно несчастный. Может быть, мне лучше подойти и посмотреть, что он делает.”

Но он не поднялся. Она сидела на том же месте, неподвижно, забывая об этом. намеренно. Небольшой осадок, который был при прибытии Уолтера взволнованный внутри нее, он очень быстро упал на дно. Через неодушевленная пустота экстаза, его дух снова погрузился в Бога, в абсолютный совершенный, в небытии вечный и безграничный. Время прошло; конец поздно переместился в летние сумерки; сумерки сгущались медленно во тьме.

Горничная Дейзи вернулась в 10 часов.

- Сидишь в темноте, госпожа? - спросила она, бросая взгляд на внутри комнаты. Включил свет. Мейджори вздрогнула. Вспышка принесла ему глаза затмили все непосредственные и близкие детали материального мира. Бог рассеялся, как пузырь, который пробивается. Дейзи увидела пустой стол. - Так ты еще не поужинал? - с ужасом воскликнул он.

- Нет, нет… - сказала Мейджори. - Я даже не думал о ужине.

- Мистер Бидлейк тоже? - продолжала Дейзи в порицательном

тоне. О ! Он должно быть, он голоден, бедняга! Бросился на кухню, ища холодное мясо и соленые огурцы.

Наверху, в своей комнате, Уолтер лежал на кровати, лицо похоронена в подушках.

ГЛАВА XXXI

Проблема с кроссвордом привела Мистера Куорлза к десятому седьмой том Британской энциклопедии. Праздное любопытство там остановить. Лорд Чемберлен, узнал он, приносит белую палку и использует золотой ключ или ключ с драгоценными камнями. Слово “лотерея” не имеет очень определенного значения; но Нерон раздавал призы как дом или раб, тогда как Элагабал ввел элемент абсурда-билет за золотой сосуд, другой за шесть мух. Пинкни Б. С. Пинчбэк был республиканским губернатором Луизиана в 1873 году. Чтобы определить лиру, необходимо четко отличить ее от Арфа и гитара, родственные инструменты. В одном из северных оврагов Древесина есть, видимые невооруженным глазом, массы эссексита грубо кристальный. Но есть и обратная сторона магии. И магнетизм Земля имеет долгую историю. Сидни Куорлз едва начал чтение статьи о сэре Джоне Бланделле Мэйпе, Баронете (1845-1903), чей отец, Джон Мэйпл (умер в 1900 г.), имел небольшой мебельный дом в Тоттенхэм-Корт-Роуд, когда у двери появилась горничная, чтобы объявить, что девушка хотела его увидеть.

- Девушка? - повторил он с некоторым удивлением, снимая пинснез.

- Да, это я — - сказал знакомый голос. И Глэдис вышла из - за поднялась, продвигаясь к середине комнаты.

Увидев ее, Мистер Куорлз почувствовал внезапный спазм припадка. Возвести-если.

- Вы можете уйти, - с достоинством сказала служанке. Эта удалилась. - Моя малышка! - Взял за руку Глэдис, которая отразила его. Но что сюрприз!…

- О! Приятный сюрприз, - саркастически ответила она. А эмоции всегда заставляли лондонскую девушку воскрешать в ней. Глэдис

села, посадка себя на стул с силой и решимостью. “Вот я”, казалось сказать, что добровольный способ сидеть, “и здесь я остаюсь”; может быть, даже я хотел сказать: “Я не уйду отсюда, и мир не опустится”.

- Очень приятно… ААА… сюрприз! - сказал мистер Куорлз с сладкий голос, просто чтобы что-то сказать. Он думал, что это ужасно. Что хочешь девушку? Что делать, чтобы убрать ее из дома?…

В любом случае, в случае необходимости я всегда мог сказать, что позвонил ей. напечатать особенно срочную работу.

— Но очень неожиданно, - добавил он вслух. — Многое.

Девушка крепко сжала рот и посмотрела на старика как на кого подожди-с глазами, выражение лица которых ничуть не понравилось мистеру. Куорлз. Чего она ждала?

- Естественно, есть… ААА… - продолжил он.

- О! Да? - Глэдис издала опасный смех.

Мистер Куорлз посмотрел на нее и испугался. Чтобы сказать правду,, я ненавидел девушку. Начал внутренне спрашивать, какого черта однажды я захотел ее.

- Очень приятно, - повторял он с полным достоинством акцентом. О важно было сохранить достойное отношение, твердо показать свое превосходство. — Но…

— Но… - она сделала Эхо.

- Да, действительно, я думаю, что это была одна… ААА… маленькая безрассудство прийти до встречи…

- Он думает, что это была небольшая неосторожность! - сказала Глэдис, как будто повторяйте слова старика невидимому третьему лицу.

- Не сказать, что это был визит… ААА… ненужный…

- Да ведь судить об этом должен я…

— В конце концов, ты прекрасно знаешь, что если бы у тебя была

необходимость. в… ААА… ты просто напишешь мне, и я уйду сразу после этого. И зачем рисковать сюда? Сидни ждал. Но Глэдис не он ответил, ограничился взглядом на него своими зелеными и твердыми глазами, и сжав губы в улыбке, которая, казалось, загадочно завершилась. Бог знал, что там опасные мысли и чувства. - Действительно, я скучно с тобой. - То, как Мистер Куорлз выражал это

упрек был достойным и впечатляющим, но полным доброты; всегда полна доброты. - Правда, да… ААА… скучный.

Глэдис откинула голову назад и издала резкий хихиканье гиены и кратко. Мистер Куорлз был в замешательстве. Но он сохранил свое достоинство.

- Рад тебя видеть…

- Ты можешь смеяться. Но я есть… ААА… серьезно. У тебя не было нет права приходить сюда. Ты прекрасно понимал, насколько важно то, что никто… ААА… будьте осторожны ни с чем… Особенно здесь… здесь, в моем собственный дом. Ты знал…

- Да, я знала, - повторила Глэдис, жестоко покачивая головой. И именно поэтому я пришел. - Заткнулся на мгновение. Но давление его чувств сделало его невозможным хранить молчание. — Потому что я знала, что ты напуган, - продолжила она, - напуган, боясь, что другие знают, кто вы на самом деле. Неприличный старик и ублюдок! - И внезапно теряя контроль над своей яростью., он встал на Пинчо и бросился на Мистера Куорлза с таким видом, грозно, что старик отступил на шаг. Но атака Глэдис была просто словесный. - Принимая важные взгляды, как будто это Принц Уэльский. Е затем пригласите девушку на ужин в Комер Хаус. И живет цензурой. все хуже, чем пастух, когда ты не более чем свинья. грязный старик! Да, старая свинья. Грязный-это то, что ты есть! Говоря, что я любила, черт побери! Я знаю, что это за любовь! Да, да… Слуга она не в безопасности в такси с вами. Нет! Отвратительное животное! А потом…

- Действительно, действительно… Мистер Куорлз переделал себя достаточно первого шока удивления, полного ужаса, теперь я могу протестовать. Это было ужасно, неслыханно. Он чувствовал

себя буквально опустошен, уничтожен, сплющен.

- Действительно, действительно, — повторила Глэдис, подражая манере речи старика, в жуткой пантомиме. - А потом даже не приводит нас к достойное место в театре! Но когда дело дошло до его удовольствий; о, Господи! Ты жирная мерзкая свинья! И принимая воздух Родольфо Валентино, болтая, говоря, что все женщины без ума от тебя…

Для вас! Просто посмотрите в зеркало… Выглядит как красное яйцо, даже не снимая положить…

- Какое неудобство!

- Говорить о любви с таким лицом! - продолжал Глэдис голосом еще острее. - Такой старик, как ты! А затем дает люди бродячие старые часы и пара сережек с камнями, которые они ничего не стоят; потому что я спросил ювелира, и он сказал мне… Е теперь, вдобавок ко всему, у меня все еще будет ребенок…

- Ребенок? - повторил Мистер Куорлз, недоверчиво, но с чувством вакуума и более глубокого и ужасного захвата. - Ребенок, не так ли возможно!

- Да, сын! - крикнула Глэдис, постукивая ногой. - Не понимает что я скажу, старый идиот? Сыновья. Вот почему я пришел сюда. И я не буду хотя без первого…

Именно в этот момент миссис Куорлз вошла в застекленную дверь, выход из сада. Он только что прочитал лекцию с Майджори в ее маленьком домике и вошел чтобы сказать Сидни, что он пригласил молодую пару на ужин что ночь.

- Простите… - сказала она, громко поднимаясь в портал.

Было мгновение молчания. Затем, обращаясь на этот раз к миссис. Глэдис снова начала говорить с неконтролируемой яростью. Пять через несколько минут она рыдала не менее бесконтрольно, и Миссис Куорлз старалась утешить ее. Сидни воспользовался случаем, чтобы сойти с рук. Когда гонг объявил ужин, он сказал, что чувствует очень болен, и они сделали бы одолжение, чтобы отправить два очень мягких яйца вкрутую, несколько тостов с маслом и немного компота. Между тем, не студия, Миссис Куорлз с заботой наклонилась над стулом Глэдис.

- Ничего, - повторяла она, хлопая девочку по плечу. “Бедный существо”, - подумал он. “И какой отвратительный аромат! Ах, как Сидни у вас хватило смелости?“Потом снова: - бедная девочка! Не плачь. Стремитесь иметь мужество. Это не должно быть ничем. - Икота Глэдис немного уменьшилась до

немного. Тихий голос миссис Куорлз продолжал говорить, утешая. Другой слушать. Внезапно он поднялся. Лицо, которое столкнулось с лицом Миссис Куорлз. он был загружен диким издевательством, за пятнами слез.

- О! Заткнись! - саркастически сказала она-заткнись! Что думаешь, я? Нене? Говорю так… думает ли он, что с это заставит меня замолчать? Что я забыл свои права? “Билу-Билу… о Нене будет хорошо, Нене не будет?“Но вы ошибаетесь. Это что я вам скажу. Вы очень ошибаетесь. И очень скоро вы будете уверены этого… И что я вам скажу.

И с этими словами выскочил из кабинета, выиграл сад и исчезать.

ГЛАВА XXXII

В маленьком домике на дне каретных домов Элинор оказалась совершенно одинокой. О слабый грохот далекого движения погладил тишину Момо. Ваза из пестрые цветы, которые подарила ей мать, населяли для нее воздух бесчисленные виртуальные воспоминания о вашем детстве. Элинор устраивала розы из вазы; огромные белые розы из податливых фарфоровых лепестков, оранжевые розы, которые выглядели как вихри замороженного пламени и душистый. Часы с перезвоном, которые были на вершине дымохода, сделали внезапный неожиданный комментарий из восьми нот и оставил вибрации гармоничные, меланхолично рассеялись в небытии, как музыка лодка, которая уходит. Три с половиной. И в 6 часов она ждала Эверарда. Ожидать-о, Чтобы выпить коктейль — она взяла на себя труд объяснить себе - до того, как он отвез ее в ресторан, а затем в театр. Просто одно ночное развлечение, похожее на Неважно, какое еще развлечение ночной. Элинор продолжала повторять себе объяснение, потому что она знаете, она видела то, что скрывалось под этим поверхностным оправданием., я была

пророчески уверена, что эта ночь не будет ни один из них не похож на других, но капитал, решающий. Она будет вынуждена решить, выбираю. Но я не хотел выбирать; поэтому я пытался убедить себя что вечер будет просто тривиальным и веселым. Это было то же самое, что покрывать труп с цветами. С горой цветов. Но труп там это было всегда, несмотря на лилии, которые скрывали это. И решение должно было быть взятый, несмотря на ужин в Кеттнере и несмотря на театр. С одним вздох Элинор поймала обеими руками тяжелую вазу и в момент кто поднял его, чтобы поставить на дымоход, раздался сильный стук у двери. Элинор почувствовала такой сильный испуг, что чуть не уронила предмет, который он держал в руках. И ужас сохранялся даже после того, как она переделала себя от первого шока удивления. Стук в дверь, когда она думала одна в одиноком доме, заставляла ее всегда биться сердцем. неприятный. Идея, что кто-то был снаружи, кто-то, кто я надеялся, что слушаю-незнакомец, враг, может быть (потому что воображение Элинор было заполнено ужасными волосатыми лицами, которые они выглядывали из углов, с угрожающими руками, ножами, дубинками и пистолетами), или

так что сумасшедший, который внимательно слушал намеки на жизнь внутри дом, ожидая, как паук, ожидая, когда она откроет дверь-это идея была для него кошмаром, ужасом. Они снова постучали. Посадка вазы. Элинор подошла на цыпочках с бесконечными мерами предосторожности к окну и он рискнул заглянуть сквозь шторы. В те дни, когда она чувствовала особенно нервная, ей не хватало смелости даже сделать это; он позволял себе сидеть неподвижно, давая обеты, чтобы удары его сердце не было слышно с улицы, пока неизвестное не постучало в дверь выходила из себя и тряслась… На следующий день доставщик из дома Селфридж вызывал у него ужасные угрызения совести, когда приходил извиняться поздняя доставка. “Вчера я постучал в дверь, мадам, но никого не было в комната.“И Элинор была полна стыда, она чувствовала себя нелепой. Но в следующий раз когда она снова оказалась дома одинокой и нервной, она должна была вести себя точно так же…

В тот день он наполнился мужеством; осмелился посмотреть на врага-посмотреть, по крайней мере, то, что я мог видеть от него, выглядывая предвзято сквозь стекло, на направление двери. Одна серая брючная нога и один локоть-это было все который содержался в его поле зрения. Они ударили еще раз. После

брючная нога отступила, и было видно все пальто; затем шляпа черный; голова мужчины повернулась, это было лицо Спандрелла. Элинор побежала к двери и открыл ее.

- Спэндрелл! - воскликнула она, потому что мальчик уже вернулся к уходить.

Спандрелл сделал полукруга, сняв шляпу. Они пожали друг другу руки.

- Прости, - объяснила она. - Я была одна. Я думал, что это было в минимум убийца. Затем я заглянул в окно и увидел, что это ты.

Спандрелл издал короткий, безшумный смех.

- Но я все еще мог быть убийцей, даже если дело касается моей человек. - И размахивал перед ней тяжелой кастонской тростью, в шутка, которая выглядела так драматично в соответствии с воображаемые представления, которые у нее были подлинно убийственного типа, что Элинор почувствовала сильное недомогание.

Он прикрыл свое волнение смехом, но решил не приглашать его

чтобы войти. Стоя у порога, он чувствовал себя в большей безопасности.

- Несмотря ни на что, - сказала она, - прежде чем ее убил человек. знакомый, чем незнакомец.

- Думаешь? - Спандрелл посмотрел на собеседницу; комиссуры его широкий рот они хрустели в странной улыбке. - Нужно быть женщиной, чтобы подумайте об этих уточнениях. Но если тебе хочется, чтобы тебе перерезали сонную артерию. товарищ…

- Мой дорогой Спандрелл! - возразила она, чувствуя себя теперь более довольной чем когда-либо, находясь на пороге, а не внутри дома.

— …не колеблясь, Зови меня. Неважно, какие хлопоты это дай мне, — положила руку на сердце, - я полетлю на твою сторону. Или, скорее, для твоей шеи. - Постучал пятками друг о друга и наклонился. - Но скажи мне — - продолжил он другим тоном. - Филипп не ходит вокруг? Я хотел, чтобы он пришел со мной на

ужин Сегодня вечером. В Sbisa. Я тебя приглашаю также охотно… Но это чисто тема мужской.

Элинор поблагодарила.

- Я не могла идти. И Филипп отправился в поле, чтобы увидеть мать. Он вернется как раз вовремя для концерта Толли в Queen's Холл. Но я знаю, что он сказал, что пройдет через Sbisa, после концерта, в смутная надежда найти кого-то. Так ты увидишь его сегодня. Более поздно.

- В любом случае, лучше поздно, чем никогда. Или, по крайней мере, - здесь Спандрелл издал один из своих афонических Смехов — так можно ожидать благочестиво, что касается друзей. Благочестивые надежды! Но, чтобы говорить правду, пословица должна быть изменена, лучше никогда не как рано.

- Тогда зачем тебе приглашать людей на ужин ?

Спандрелл пожал плечами.

- Сила привычки. В остальном я обычно заставляю их платить, когда они приглашать…

Они все еще смеялись, когда жестокий звонок заставил их вернуться в

голова. Телеграфист на красном велосипеде бросился к ним.

- Куорлз? - спросил парень, выпрыгивая из машины.

Элинор взяла телеграмму и разорвала ее. Смех исчез с его лица, шаг, что она прочитала.

- Нет ответа.

0 мальчик взял ездить на велосипеде и отправился. Элинор продолжала с я смотрю на телеграмму, как будто она написана на маленьком языке. известно и трудно расшифровать. Посмотрел на наручные часы, затем взял воткните глаза в тонкую бумажную пробку.

- Ты хочешь оказать мне услугу? - наконец-то спросил, обращаясь к Sp и reli.

- Но естественно!

- Мой сын болен, - объяснила она. - Меня просят вернуться. Если идти быстро, - снова посоветовался с часами — - я все еще смогу взять поезд 4 и 17 в Юстоне. Но времени на что-то еще больше не будет. Ты хочешь позвонить Эверарду Уэбли и объяснить ему, почему я не могу пойти с ним поужинать сегодня вечером? - Это было предупреждение, думала она, запрет. - До 6. В его офисе.

- До 6 — - медленно повторил Спандрелл. - В его офисе… Очень хорошо.

— И мне нужно, чтобы я легла, - сказала она, протягивая ему руку.

- Но я вызову тебе такси, пока ты наденешь шляпу.

Элинор поблагодарила. Спандрелл отошел быстрым шагом, пересекая двор конюшен. Да, запрет, повторила Элинор про себя, ставлю шляпу перед венецианским зеркалом в гостиной. Выбор вам это было навязано. Это было одновременно облегчением и разочарованием. Но навязанная, она продолжала размышлять, за счет бедного маленького Фила.

Элинор все время спрашивала себя, что у нее будет. Телеграмма его мама - так характерно, что она не могла не улыбнуться, вспоминая ее условия-короче говоря, ничего не сказано. “Филипп немного немощный и хотя ничего тревожного не советовал бы возвращаться. Мама. Элинор вспомнила, как

мальчик был нервным и трудным в течение некоторого времени, от того, как он устал быстро. Он упрекнул себя в том, что не понял, что он насиживает какая-то болезнь. Теперь это заявило о себе. Может быть, грипп. “Я должен был быть более осторожная”, - продолжала она повторять про себя. Написал записка к мужу. “Прилагаемая телеграмма объясняет мой внезапный отъезд. Встретимся завтра утром в Гаттендене.”

Куда мне класть бумагу, чтобы Филипп увидел ее по прибытии? Против часы на дымоходе? Но было бы, что по прибытии он собирался обязательно посмотреть время? Или на столе. Нет; прибить его с булавкой на ширме; вот оно! Таким образом, Филипп не мог не увидеть его. Элинор быстро поднялась наверх за булавкой. На столе в спальне от Филиппа увидел связку

ключей.

Взял их и осмотрел, хмурясь. “Какой идиот! Забыл ключи! Как вы войдете сегодня вечером?“Шум такси под окном предложил решение. Побежал вниз, приколол записку булавкой и телеграмма, прямо на виду, о ширме, отделявшей от двери часть ” комнаты посещения ” общего зала и выиграл двор. Спандрелл ждал у двери такси.

- Ты был очень добр… - сказала она. - Но я не только что исследовал тебя. еще. - Он поднял связку ключей. - Когда ты увидишь Филиппа сегодня вечером, дай-и скажи ему, с воспоминаниями обо мне, что он мудак. Без ключи, я не мог войти. - Спандрелл взял соус, не говоря ни слова. - Расскажи ему, почему я ушел, и скажи, что жду его завтра. - Элинор сел в такси. - И не забудь позвонить Уэбли. До 6 час. Потому что он должен был забрать меня сюда в 6.

- Здесь? - спросил Спандрелл с внезапным выражением интереса и из любопытства Элинор нашла это немного оскорбительным и смущающим. Будет ли он воображать что-то, осмелится ли он предположить?

- Да, вот, - сделала она с кратким головным знаком.

- Я не забуду — - выразительно сказал ему Спандрелл. выражение его лица все еще было что-то, что можно было заподозрить, за этими словами не скрывалось бы особого значения естественные?

- Спасибо, - без сердечности сказала Элинор. - И теперь мне нужно летать…

Он дал адрес проводнику. Такси поднялось во двор задним ходом, прошел под аркой, сделал круг и ушел.

Спандрелл медленно пошел пешком до Гайд-парка. Из общественной кабины со станции он позвонил Иллиджу.

Эверард Уэбли ходил взад и вперед по комнате, диктуя. Это было его невозможно заниматься какой-либо композиционной работой, сидя. “Как они могут писать тех, кто проводит весь день в стулья, и это с начала до конца года?“Я думал, что это непонятно. “Когда

я сижу на стуле или лежу на кровати, я становлюсь как мебель, к которой я присоединился… ничего, кроме дерева и обивки. Мой дух не двигается, если мышцы тоже не двигаются.“Когда переписка была объемной, когда были статьи, чтобы диктовать, речи подготовить, рабочий день Эверарда был пешеходной экскурсией из восьми человек час. “Играя Льва”, так секретари описывали свои методы диктовки. Эверард “играл” Льва в тот момент, Льва беспокойный, как раз перед часом репасто-прогулка по стене к другому в ее большой голый офис.

- Помните — - говорил он, нахмурив брови на ковер, во время разговора; под карандашом стола стенографические символы они бегали по белой странице-помните, что в заключительной апелляции власть моя во всех случаях, и что, пока я в голове, B. B. F. каждая попытка неподчинения будет незамедлительной и безжалостной подавленный. Ваш и т. д… - Заткнулся и, возвращаясь к своему столу, с того места, где во время своего львиного и плодотворного марша он пересматривал редкие бумаги. Похоже, это все… - сказал он, проверяя часы. Были справедливо шесть минус четверть. - Пусть эти письма будут готовы завтра утром, — продолжил он, - чтобы я мог их подписать. - Взял шляпа от вешалки-Спокойной ночи! - И, хлопнув дверью, спустился по ступенькам

два на два. Снаружи он нашел шофера, который ждал его с машиной. Это был обладатель машины (потому что Эверард был любителем яростных бегов), и, как он также любил Чувство борьбы с погодой и ветер, создаваемый его собственной скоростью, автомобиль был открыт. Один водонепроницаемое покрытие, хорошо натянутое, покрывает всю заднюю часть туристический кузов, как тент, оставляя только два сиденья передние доступны для путешественников.

- Ты мне не нужен сегодня вечером — - сказал Эверард шоферу, садясь за маховик. - Ты можешь идти.

Нажал кнопку запуска, включил передачу автомобиля и стартовал с бурная порывистость. Несколько десятков лошадей были заключены в 3 btro из цилиндров Эверарда; ему нравилось заставлять их давать максимум. На полную катушку скорость, сначала-потом, на расстоянии 1 метра от угрожающего препятствия, стоя на замки; таков был его метод. Поездка на автомобиле по городу с Эверардом была слишком плодотворное

приключение в эмоциях. Элинор протестовала в последний раз он брал ее на прогулку. “Смерть не дает мне много осторожно, - сказала она, - но что мне не нравится, так это провести остаток своей жизни с две ходули и сломанный нос. Эверард смеется. “Со мной ты не бежишь никакой опасности. Со мной никогда не случаются несчастные случаи.““ES превосходит эти вещи, а?”,- ответила она насмешливым тоном. “Ну, если ты хочешь выразить себя так…“Тормоза были затянуты с таким насилием, что Элинор оборачивается вынужден крепко держать руки на скамейке, чтобы не проецироваться против лобового стекла. “Мудак!”- крикнул Уэбли старому джентльмену чьи нерешительности галинаса по поводу булыжника почти бросили его под Данлопс, Эверард. “Если ты хочешь так выразить себя”, и машина прыгнула в вперед, в рывке, толкая Элинор к опоре сиденья, ” ибо так и быть… Но дело в том, что со мной не случаются несчастные случаи. Я тот, кто производит моя собственная удача.”

Вспоминая этот инцидент, Эверард получил внутреннюю улыбку, во время езды по Оксфорд-стрит. Вагон с товарами это помешало ему двигаться вперед. Нельзя терпеть лошадей на улицах Лондона. “Или Я твой любовник, - вот что я собирался сказать Элинор, - и в конце концов это это означает, что нужно, чтобы все было публично, чтобы ты оставил Филиппа и приходи ко мне домой ” - (потому что я хотел быть полностью откровенным

с ней; не должно быть лицемерия какого-либо рода— -, ” или хорошо, тогда…“Была представлена бухта, чтобы обойти повозку; Эверард сделал давление на акселератор и старт, поворачивая машину вправо, а затем налево, проходя заподлицо с мордой старого рысого коня. терпеливо. “Иначе мы не увидимся.“Это был бы ультиматум.

Жестокий ультиматум. Но Эверард ненавидел неоднозначные ситуации. Я предпочел бы знать определенную правду, какой бы неприятной она ни была, чем оставаться, даже надеюсь, в самой счастливой неопределенности. И в данном случае неопределенность ничего не было счастливым. Вход в Оксфорд цирк охранник поднял руку. Было 6 часов минус семь. “Элинор слишком требовательна”, - подумала она Уэбли, глядя в фолиант, ” это слишком хлопотно, чтобы чувствовать эти здания новый. Эверард не нашел ничего неприятного в массовом стиле витиеватый и барочный Moderna trade. Это было энергично и драматично; это было большой, дорогой, символизировал

прогресс… “Но это так отвратительно вульгарно!”,- протестовала Элинор. “Но трудно, - ответил он, - не быть вульгарным, когда ты не мертв. Ты выступаешь против того, чтобы эти люди работали. Е я согласен, работать очень вульгарно, правда.“Элинор имела точка зрения, характерная для потребителя, а не для производителя. Охранник движение опустило руку. Сначала медленно, но с нарастающим импульсом, стоп-волна циркуляции приняла продвинуться в середине. Дух роскошь - это то, что было у Элинор; не утилитарный дух. Дух, который он рассматривал мир в аспекте красоты и наслаждения, а не в аспекте полезности; дух, озабоченный ощущениями и оттенками чувство и беспокойство по поводу этих вещей из любви к себе, а не потому что живые глаза и интуиция были необходимы в борьбе за жизнь. Он должен был не одобрять ее; и сделал бы это (Эверард внутренне улыбнулся, делая это отражение) если бы я не был влюблен в нее. Иметь…

Плаф! Из Имперского автобуса, проходящего мимо, упала банановая кожура., на капоте двигателя, перед ним, как грязная Морская звезда, и тратится силой ползания. Взрыв смеха прозвучал сквозь шум транзит. Подняв глаза, Эверард заметил двух девушек, которые они заглядывали через балюстраду Империала, их рот был открыт, как пара. от маленьких милых горгулий, смеющихся, смеющихся, как будто мир, до этого день, еще не видел шутки.

Эверард показал им кулак, тоже смеясь. Как Элинор была бы удивляясь этому инциденту, она подумала, что ей так нравятся улицы и из ваших комедий! Как Элинор знала, как видеть странность, веселье, вещь значимый! Где он, Эверард, воспринимал только человеческую массу униформа, она отличала людей. И тот талант, который я должен был изобрести. целая биография для раритетов, увиденных сразу — это талант был не менее примечателен, чем его столь пронзительный взгляд. Элинор знает сказать Все об этих девушках - их социальный класс, своего рода дом в которые жили, где одевались, по какой цене, если у них еще была добродетель, hvros, которые читают, ваши любимые художники кино.

Интересно, что сказала бы Элинор, вспоминая ее смех, из выражая свои глаза и свои языковые привычки, он чувствовал внезапно проник от такой нежности, от такой сильной тоски, все еще как нежно ласковая, которая едва могла вынести эту разлуку,

хотя на несколько минут дольше. Сигналил, чтобы предотвратить такси, которое он нашел его перед ним и попытался задеть его справа.

Убежище, которое было посреди улицы, заставило его отступить, но не раньше что водитель такси успел поставить под сомнение отцовство и гетеросексуальность Эверарда Уэбли, а также о Ваших шансах быть счастливым в другом мире. Эверард, ком большой восторг и с несравненно большей оригинальностью, он вернул свои раны. Он чувствовал себя переполненным жизнью, необычайно сильный и энергичный, необъяснимо и (исключено, что это ожидание собирался продлить еще на пять минут ее расставание с Элинор) совершенно счастлив.

Да, совершенно счастлив; потому что он знал (и с каким спокойствием убеждение!) что она скажет ему “Да”, что она любит его. И ваше счастье, если взял более интенсивным, более острым, и в то же время более безмятежным, когда автомобиль свернул за угол Мраморной арки, чтобы войти в Гайд-Парк. Потеть пророческое убеждение стало глубже, превратилось в своего рода конечно, вспоминается, как будто будущее уже история. Солнце было низко. на горизонте, и везде, где его розово-золотой свет касался земли,, как будто преждевременная, более светлая осень загорелась в листья и на траве. Большие стрелы распыленной ясности спустились вниз,

наклонно с Запада среди деревьев, и в тени сумерки были туман лаванды, пар синего и индиго, который темнел, план за планом, вплоть до туманных расстояний Лондона. И пары, которые гуляли по траве, дети, которые играли, были поочередно затменные и преображенные, когда они переходили от тени к Солнцу, они казались иногда незначительно, иногда чудесно ярко. Как будто Бог капризный, то раздраженный, то очарованный своими созданиями, он направил на них взгляд, наполненный иногда уничтожающим безразличием и иногда из любви, которая дала им немного своего собственного божество. Путь простирался перед собой, свободным и гладким, но Эверард он едва превысил допустимую скорость-несмотря на его желание, его тоска; и это в некотором смысле, потому что он очень любил Элинор. Е потому что все было так красиво; и где была красота, там должно быть, Элинор, подумал Эверард, в соответствии с определенной логикой и с личной потребностью. Она была рядом с ним в тот момент, потому что она бы очень сильно наслаждалась этим

очарованием. Эверард это заставляло машину медленно скользить, потому что, конечно, Элинор хотела бы этого продлить удовольствие. Двигатель давал всего 1500 оборотов в минуту; Динамо едва загружалось. Маленький Остин взял его вперед, как будто машина Уэбли стояла на месте. Пусть все пройдут! Эверард он думал о выражениях, которые собирался использовать, чтобы описать Элинор те чудо. Через градисы автобусы на Парк-Лейн блестели, Алые, сияя, как триумфальные машины в историческом ухаживании. Слабо, через из всего шума дорожного движения часы пробили шесть ударов; и, прежде чем они прекратились, звук другого колокола смешался с ними, мелодичный, мягкий, с оттенком меланхолии-голос того самого светлого дня, от счастье Эверарда. И вот, несмотря на всю медлительность марша авто, мраморные двери Гайд-парка Комер открылись перед ним. Предложенный-несмотря на наготу и ультра-шведское развитие его мышцы живота-от дам Англии до победителя Ватерлоо, Ахиллес, отлитый из бронзы пушек Наполеона се он угрожающе поднимался, щит поднимался, размахивая мечом, защищаясь на фоне бледного и пустого неба. Это было почти с сожалением, хотя я хотел горячо достигнув конца своего путешествия, Эверард покинул Гайд-Парк.

Снова монументальные автобусы взревели перед ним и сзади. Минуя архипелаг островков, Уэбли пообещал командовать на следующий день 5 фунтов в больницу Святого Георгия, если Элинор ответит ему “да”. Я был уверен, что она ему ответит… Как будто деньги платили авансом. Эверард покинул Гросвенор Плейс; гроза он погас за ним.

Белгрейв-сквер был оазисом деревьев; скворцы гаррулировали в посреди суровой тишины. Эверард перевернул машину один раз, два, и, наконец,, еще раз. С левой стороны, между двумя домами, была арка. Webley он превысил 1 метр или 2, остановился и задним ходом снова прошел под от него и отступал, отступая на дно аллеи конюшен. Как были очаровательны желтые шторы!

Остановил машину и выскочил. Сердце билось очень сильно. Было то же самое ощущение, которое вы испытали, произнося свою первую речь, половина страх, половина триумфа. Поднявшись по ступенькам двери, постучал и ждал в течение двадцати ударов сердца; из внутренней части дома не было звука ответный. Уэбли ударил его снова и, вспоминая, что Элинор ему он рассказывал о своих ужасах, следил за ритмом свиста, и, как в

ответ на ее тихий ужас дополнительный крик ” друг!” В вдруг понял, что дверь закрыта не защелкой, а только приоткрытый. Толкнул ее; она зияла.

Эверард переступил порог.

- Элинор! - крикнул он, думая, что подруга должна быть на верхнем этаже. - Элинор! - Он так и не получил ответа. Может, она подшучивает над ним? А если вдруг выпрыгнет из-за одного из ширм… Уэбли улыбнулся этому мысль и вперед, чтобы исследовать тихую комнату, когда ее взгляд был привлеченный листами бумаги, прикрепленными булавкой, прямо на виду, на одном из панели экрана справа.

Он подошел и едва начал читать: “телеграмма в комплекте с тобой объяснить…“когда шум за его спиной заставил его повернуться. Человек, если я нашел в 1 ярде от него, с поднятыми руками, булаву, которую они держали он уже начал раскачиваться в сторону и вперед, начиная с вершины правое плечо. Эверард поднял одну руку, но слишком поздно. Удар о

попал в левый висок. Как будто свет погас от внезапно. Он даже не знал о падении.

Миссис Куорлз поцеловала сына.

- Фил дорогой, - сказала она. - Спасибо, что поспешил.

- Ты не очень хорошо выглядишь, мамочка…

- Немного устала, больше ничего… И скучно, - добавил он, с минуты молчания и со вздохом.

- Скучно?

- О твоем отце. У него не все хорошо, — продолжила Рэйчел, говоря тихо и как бы неохотно. - Он особенно хотел тебя видеть. Быть вот почему я телеграфировал тебе.

- Папа серьезно болен?

- Физически-нет. Но нервы… Своего рода крах. Это очень возбужденный. Очень неустойчиво.

- Но в чем причина?

Миссис Куорлз молчала. И когда он наконец заговорил, он был с видимое усилие, как будто каждое его слово должно заставлять проход через внутренний барьер. Его лицо, от обычного так подвижно, он был жестким, напряженным.

- Что-то его расстроило. У него был сильный шок. — Быть, медленно, слово в слово, история вышла на первый план.

Филипп слушал, сгорбившись вперед, локти прижались к коленям, подбородок в руках. После быстрого первого взгляда на лицо Мама, ты не сводила глаз с пола. Я чувствовал, что смотрю на нее, смотрю на нее. это будет причинять ему бесполезное смущение. То, что я говорил, было уже болью, и унижение; что она могла хотя бы говорить, не видя ее, как если бы не было свидетеля его несчастья. Отвлеченные глаза Филиппа они оставляли свою мать в каком-то духовном мраке. Слово в слово,

мягким бесцветным голосом миссис Куорлз заговорила. Это было измельчение отвратительные инциденты один за другим. Когда она рассказала о посещении, что Глэдис сделала это в преддверии, Филипп не мог больше терпеть повествование. Это было слишком унизительно для нее; я не мог позволить пусть мама продолжит.

- Да, да, представляю, - сказал он, отрезая ему слово. И, поднимая-если в Пинчо он шел, хромая, быстрыми и нервными шагами, до окно. - Не продолжай, - стоял Ах на мгновение, глядя наружу, на газон, к толстым валам скал, к колмам цвета урожай, который остался далеко, на другой стороне долины. Пейзаж был спокойным точка, чтобы принять почти раздражающим. Филипп повернулся, взял прийти, хромая, по комнате, и останавливаясь на мгновение за стулом матери, он положил руку ему на плечо, а затем снова отошел в сторону. - И мне нужно не думать подробнее об этом. Я сделаю все, что нужно. - С огромным отвращением к вид недостойных сцен, а также грязных ссор и торгов. — Возможно будь лучше, если я пойду к папе, - предложил он.

Г-жа Куорлз одобрила это с головой: “он был очень с нетерпением жду встречи с тобой.

- Почему?

- Не знаю. Но он настаивал…

- И он говорит об этом… ну, в этом бизнесе?

— Не. Это никогда не относится к нему. У меня сложилось впечатление, что ты забываешь его. целенаправленно.

- Тогда мне лучше не трогать эту тему.

- Да, если только он не начнет, - посоветовала Миссис Куорлз. — В большую часть времени Сидни говорит о себе. О прошлом, о своем здоровье, и пессимистичным тоном. Ты должен попытаться подбодрить его. - Филипп сделал жест утвердительный. - Радуйся — - продолжала Миссис Куорлз, - и не противоречи ему. Он легко сжимается. Это не очень хорошо для вас, чтобы быть возбужденным.

Филипп слушал. “Как будто это опасное животное, - подумал он, - или непослушного ребенка.“Какие страдания, какие страдания, какие унижения для твоей мамы!

- И не задерживайся там слишком долго, - добавила она.

Филип оставил ее. “какой мудак”, - сказал он о себе самому. пересечь зал. “Какой изысканный мудак!“Внезапный приступ холеры и презрение, которое он испытывал, думая о своем отце, не было смягчено никаким предыдущая привязанность. Это не усугублялось ни малейшей предшествующей ненавистью. До тогда Филипп не чувствовал к отцу ни любви, ни недостатка привязанности. Бездумно терпимо, или, когда слишком много, с кончиком отставки забавно, он принял ее существование. Не было ничего в его детские воспоминания, которые оправдывают больше положительных эмоций. Как отец, Мистер Куорлз оказался не менее фантазером и не менее неспособным как политик и как бизнесмен.

Были короткие периоды восторженного интереса к своим детям чередующиеся с длительными периодами, в течение которых он почти он полностью игнорировал существование мальчиков. Филипп и его брат имели его предпочтительнее во времена пренебрежения; потому что отец игнорировал их доброжелательный путь. Им так не нравилось, когда он интересовался удача двоих. Потому что наблюдаемый таким образом интерес был направлен, как правило,, гораздо меньше

для мальчиков, чем для теории образования или гигиены. После того, как он прочитал лекцию с выдающимся врачом, после того, как он прочитал последняя книга по педагогическим методам, г-н Куорлз пробудился в открытие, что если бы не было срочно предпринято какое-то энергичное действие, у ваших детей были бы большие шансы принять себя идиотами и больными, слабые духом, с телами, отравленными порочной едой, и деформированы неправильными упражнениями. Затем, в течение нескольких недель, два мальчика были обожжены морковью или хорошо приготовленной кулачком (это это зависело от врача, с которым разговаривал Мистер Куорлз); обязали-мы занимаемся гимнастикой или изучаем популярные танцы и эвритмию; они заставляли нас учить стихи наизусть (если бы это была память важно в то время), или же (если это были колледжи они приказывали нам выходить в сад, закапывать колья в траву; и, затем, измеряя тень в разное время суток, они должны были выяснить сами принципы тригонометрии. В то время как один из них длился жизнь обоих мальчиков была почти невыносимой. Что, если Миссис. Куорлз протестовал, Сидни впадал в гнев и говорил ему, что она мать

корыстный и эгоистичный, для которого не было истинного блага детей важность. Миссис Куорлз не очень настойчиво настаивала, потому что знала что Сидни, если они ему противостоят, стал еще более упрямым; терпимый, он забудет свой энтузиазм. И, по сути, в некоторых недели г-н Куорлз, естественно, устал от работы, которая не они давали быстрые и явные результаты. Его гигиена не сделала взросление даже не позволило мальчикам стать сильнее заметным образом; они не они стали более умными в своей педагогике. 0 то, что оба были, бесспорно, было раздражением каждого дня, ежечасно. “Бизнес с большим импульсом” поглощал тогда все больше и больше внимание Сидни Куорлз, так что понемногу, как кошка Чешир, он в конечном итоге больше не имел реального существования в мире комнаты исследования и питомник-испарение в более высокие сферы и многое другое приятный. И оба мальчика могли снова принять счастье. Филипп, который звуки, исходящие из комнаты отца, остановились перед дверью. послушайте несколько минут. Его лицо приняло большое выражение беспокойство, даже тревога. Этот голос? И отец, сказали ему, был одинокий. Говорить с собой? Вы бы дошли до этого?

Доминируя, Филипп открыл дверь и сразу же успокоился.

обнаружив, что то, что он воспринял как симптом безумия, было просто диктовка для диктофона. Опираясь на подушки, Мистер Куорлз получает я думал в постели, наполовину сидя, наполовину лежа. У него было лицо и даже его собственное сверкающий, перегруженный череп, и ее розовая шелковая пижама выглядела быть усиленным продолжением той же лихорадки. Диктофон был на стол, рядом с кроватью; Мистер Куорлз говорил перед амбушюром трубки гибкая акустика. - Истинное величие, - говорил он звонким голосом, - есть обратно пропорциональный… ААА… к простому немедленному успеху.

- Ах! Это ты! - воскликнул он, оборачиваясь, когда открылась дверь. Сделать остановить механизм устройства, взял повесить акустическую трубку и протянул приветливую руку. Банальные жесты… Но Филипп произвел впечатление что в каждом его движении было что-то экстравагантное. Можно было бы сказать, что старик был на сцене. Глаза, которые он вернулся к Филиппу они светились от непривычного свечения.

- Как я рада, что ты пришел. Так рад, дорогой мой!

Он ударил Филиппа по руке; его сильный голос внезапно задрожал. Филипп, мало привыкнув к подобным демонстрациям, он почувствовал смущение.

- Но как ты себя чувствуешь? - спросил он с притворной веселостью.

Мистер Куорлз покачал головой и пожал ему руку, не говоря ни слова. Филипп был смущен больше, чем когда-либо, видя, что у его отца были слезы в глаза. Как можно было бы продолжать ненавидеть его и чувствовать холера?

— Но это ничего, - продолжил он, стремясь говорить тоном успокоительный. - Это всего лишь небольшой отдых.

Мистер Куорлз усилил давление на руку:

- Не говори маме. Но я чувствую, что конец… ААА… это близко.

- Но это глупо, папа. Ты не должен так говорить.

- Это близко, - повторил Мистер Куорлз, покачивая головой упрямство-очень близко. Вот почему я так рада тебя видеть. Я я

бы чувствовал себя таким несчастным, если бы умер… ААА… когда ты был в другом конец света. Но с тобой здесь, рядом со мной, я чувствую, что могу. исчезать, - его голос снова задрожал, - со всем… ААА… безмятежность. — Он снова пожал руку Филиппу. Я был убежден, что это было всегда преданный отец, который жил только для своих детей. - Да, со всеми безмятежность. - Вытащил из платка, высморкался и воспользовался возможностью, чтобы вытереть глаза украдкой.

- Но ты не умрешь.

- Да, да, - настаивал Мистер Куорлз, - я чувствую его. - Он чувствовал это честно говоря, я думал, что умру, потому что была часть, по крайней мере, его дух, который хотел умереть. Все эти осложнения последних для него было слишком много недель, и будущее предвещало себя как еще темнее, если бы это было возможно. Исчезать без боли было бы лучше решение всех ваших проблем. Сидней желал, верил; и, веря в свою неминуемую смерть, он жалел себя как жертва, и в то же время он чувствовал себя полным восхищения перед лицом смиренное дворянство, с которым он сам переносил свою удачу.

- Но ты не умрешь, - однообразно настаивал Филипп, не зная

какое утешение предложить, кроме этих простых отрицаний. Не было ни одного умение так импровизированно противостоять эмоциональным ситуациям в жизни практика. - Ничего… Я собирался сказать: “это не то, что у тебя есть”. Но сдержался, рассчитывая, пока не стало слишком поздно, что его отец может обидеться.

- Давайте больше не будем об этом говорить. - Г-н Куорлз ответил остро; там было вид злости в его взгляде. Филипп вспомнил, что сказала его мать, рекомендуя ему не противостоять ему. Заткнулся. - Мы не можем… ААА… бороться с судьбой, - продолжил мистер Куорлз другим тоном. — О Судьба, - повторил он со вздохом. - Тебе повезло, мой мальчик; ты обнаружить… ААА… твое призвание с самого начала. Удача относилась к тебе хорошо.

Филипп сделал своей головой знак согласия. Это было то, что он он часто говорил себе с некоторым трепетом. Был один темная вера в Немезиду.

- Тогда как я… - Мистер Куорлз не закончил предложение, но поднял руки и уронил ее на одеяло. - Я потратил годы своей жизни на следовать… AAA… ложные подсказки. Годы и годы, прежде чем я нашел свой путь, истинный. Философ растрачивает свою ценность, занимаясь практический бизнес. И даже абсурд. Как альбатрос… как это даже его имя? Ты знаешь.

Филипп был заинтригован:

- Ты хочешь обратиться к старому моряку?

- Нет, нет, — нетерпеливо сказал мистер Куорлз, - нет, тот…

- О! Да… Филипп понял, о чем идет речь. — “Читать poete est semblable au prince des nuées ” ^^ \ ты имеешь в виду Бодлера.

- Бодлер, ясно!

“Exilé sur le soleil au milieu deshueés,

Ses ailes de giant 1 ‘empechent de marcher’ (8 °]

Процитировал Филиппа, который был рад, что смог отклонить разговор, хотя это было просто на мгновение от личных дел к литературе. Старый Quarles

я был в восторге.

- Точно, - закричал он с триумфальным видом. - То же самое происходит с философ. Их крылья мешают им… AAA… ходить. В течение тридцати лет я пытался ходить в политике, в торговле. Я не понимал, что мой настоящий место было в воздухе, а не на земле. В воздухе! - повторил он, подняв руку. — У меня были крылья! - Быстро взмахнула рукой. - У него были крылья, а не вы знали! - Голос сделал его сильнее, глаза ярче, лицо больше красный и более лоснистый. Вся его личность выражала такое волнение, такое возвышение, что Филипп серьезно встревожился.

Разве тебе не стоит немного отдохнуть? - предложил, полный мучительное беспокойство.

0 Мистер Куорлз не узнал об отключении.

- Крылья, крылья! — воскликнуть. - У меня были крылья, и если бы я понял это в моя юность, на каких высотах я не смог бы подняться! Но я пытался ходить по грязи. Тридцать лет. Только через тридцать лет… ААА… быть что я узнал, что был рожден, чтобы летать. И теперь я должен уйти в отставку, когда я только начал. - Вздохнул и, прислонившись к подушкам, бросил слова в воздух, почти вертикально. - Моя незаконченная работа. Мой мечта… ААА… не реализованы. Судьба была тяжела для меня.

- Но у тебя будет время, необходимое для завершения работы.

- Нет, нет — - настаивал Мистер Куорлз, качая головой. Он хотел быть один из счастливых мучеников хотел указать на себя, сказав: “Вот кто, если бы не зло Провидения, мог бы быть Аристотель”. Жестокость судьбы оправдывала все; его неудача в сахаре, в политике, в работах птицефабрики холодность, с которой его приветствовали первая книга; неопределенная задержка появления второй; она это действительно оправдывало, как-то не легко объяснимо, тот факт, что он оставил Глэдис беременной. Быть соблазнителем горничных, машинисток, деревенские девушки были частью его несчастной судьбы. И теперь, что для увенчав все здание своим несчастьем, он был на грани смерти (преждевременно, но стоически, как самый благородный из всех римлян), как тот предмет потерянных девственниц и угрожающих младенцев это казалось тривиальным и ужасно незначительным! И как все крики

они казались несвоевременными перед лицом этого философского смертного одра! Но мог только презирать их при условии, что это действительно их кровать агонии и того, что жестокость судьбы была универсальной вещью впустить. Философ-мученик в статье о смерти был бы оправдан, если бы не позволяй себе приставать к Глэдис и ее ребенку. Вот почему (хотя причина была только ощутимой, а не сформулированной) г-н Куорлз он с такой силой и даже злобой отказывался от долговременных гарантий. жизнь, которую его сын дал ему утешительной жизни. Вот почему он обвинял провидение мабгна и ампбава, с большей глупостью, чем обычно, умения, которые провидение мешало ему использовать.

- Нет, нет, дорогой мальчик, - повторил он. - Я никогда не закончу. Е это одна из причин, почему… ААА… я хотел поговорить с тобой. - Филипп о он смотрел с некоторым трепетом. Что будет дальше? спросил он внутренне. Было мгновение молчания. - Мы не должны исчезать без… ААА… не оставляйте следов, сказал мистер Куорлс голосом, который нарастание жалости к себе стало хриплым. - Полное вымирание трудно смотреть холодно. - Перед глазами его духа простирался ужасный вакуум и отсутствие света. Смерть… Возможно, она будет концом его мучений; но это было не менее страшно. - Ты понимаешь это. чувство? - спросил он.

- Отлично, отлично. Но в твоем случае, папа…

Мистер Куорлз, который снова сморкался, поднял руку в знак протеста: — Нет, нет. - Я был убежден, что умру; было бесполезно, что кто хочет пусть он попытается отговорить его от этой идеи. - Но ты это понимаешь. чувство, вот что важно. Я мог бы пойти сам… ААА… в мире, с осознание того, что ты не позволишь ему полностью стереть все память обо мне. Мой дорогой мальчик, ты будешь моим главным исполнителем. Имеется фрагменты моих сочинений…

- Твоя книга о демократии? - спросил Филипп, видевший себя уже ответственный за завершение самой важной работы, которую он когда-либо задумывал о материи. Ответ отца избавил его от огромного веса.

- Нет, дело не в этом, - от всей души ответил мистер Куорлз. - Из этого Hvro только есть сырой материал. И по большей части это

не брошено на бумаге. Только

в моем духе. И даже, - продолжил он, - я точно собирался… ААА… сказать тебе, что я хочу, чтобы все мои заметки для этой великой книги были уничтожить. Никто на них не смотрит. Это просто бесформенные указания. И без всякого значения, кроме меня самого. - 0 Мистер Куорлз нет он ни в коем случае не хотел, чтобы его обнаружили посмертно, и комментируется пустота ваших карточек, которые были в архиве. — Все это должно… ААА… быть уничтоженным, понимаешь? - Филипп не протестовал. - Что я хотел доверить тебе, мой дорогой мальчик — - продолжил мистер Куорлз. —, это коллекция более интимных фрагментов. Размышления о жизни, повествование… ААА… из личного опыта… Вещи такого рода…

Филипп сделал утвердительный жест: - да, я понимаю.

- Я давно их записываю. Воспоминания и размышления о Пятьдесят лет, вот хорошее название. Есть много вещей… ААА… в моих записные книжки. И в эти последние несколько дней я записал свои мысли здесь. - Постучал по диктофону. - Когда ты болен, ты знаешь, ты думаешь, очень. — Вздыхать. — Серьезно.

— Понятно.

- Если тебе нравится слушать… Он указал на диктофон.

Филипп сделал это своей головой. Мистер Куорлз подготовил аппарат.

- Это даст вам представление… ААА… о чем это. Мысли и воспоминания. Посмотреть… - Толкнул прибор на стол, и при этом, он бросил на землю лист бумаги. Она лежала на ковре; она была клетчатая бумага, кроссворды. - И тут слышно…

Филипп слушал. На шнурке некоторых Храпов и некоторых хрипов, пародия гуйнхолеска из голоса своего отца сказала: “ключ к проблеме полов, страсть священна, проявление… ААА… божества”. После, без остановка или переход, но в немного другом тоне: “что хуже в политике… ААА… легкомыслие политиков. Найдя меня на одну ночь, на ужине с Асквитом, я не знаю, где, я воспользовался случаем, чтобы убедить его о необходимости пресечения смертной казни. И один из вопросов… ААА… более серьезной Moderna Life. Но он ограничился

предложением, просто выезд с моста. Единица измерения, семь букв, Верхок… Человек деликатесы не живут в свинарниках; они также не могут оставаться на

долго… ААА… в политике или в торговле. Есть просвещенные духи и ограниченные духи по своей природе. Я никогда не разделял высокого мнения… ААА… о Ллойд Джордже. Каждый человек рождается с правом естественно для счастья; но какое жестокое подавление, когда каждый пытается требовать свое право! Аист из Бразилии, шесть букв, Джабиру. Истинный величие обратно пропорционально простому немедленному успеху. О, ты ты…“Ревущий храп снова стал слышен.

- Да, это дает мне представление о том, о чем идет речь, — сказал Филипп. Поднимая глаз. - Как остановить этот бизнес? О, я знаю. - Остановил прибор.

- Так много приходит ко мне… ААА… мысли, когда я лежу здесь… — сказал мистер Куорлз, стреляя в воздух словами, как будто направляя их против самолет. - Какое богатство! Я бы никогда не смог зарегистрировать их все, если бы не машина. И достойно восхищения. Действительно замечательно!

ГЛАВА XXXIII

Элинор успела телеграфировать из Юстона. По прибытии он нашел машину ждать ее на станции.

- Как он? - спросил шофер. Но Пакстон только ответил расплывчатые вещи; я не знал наверняка. Я думал, что все это было Буря в стакане воды, как всегда делают богатые, особенно когда дело касается детей.

Они поднялись в Гаттенден, и пейзаж Чилтемов в зрелом свете после полудня она была такой безмятежной красавицей, что Элинор начала чувствовать менее тревожный и даже почти сожалел, что не остался на последнем поезде вечерний. В этом случае я мог бы увидеть Уэбли. Но она не добралась до вывод, что вы были рады, что не видели его? Можно чувствовать то же самое время удовлетворения и противодействия.

Проходя через северный вход в парк, Элинор мельком увидела перила инвалидной коляски Лорда Гаттендена на другой стороне ворот. О осел остановился и грызл траву на обочине дороги; поводья они висели свободно, и маркиз был так глубоко поглощен толстый in-qua rtd& 1] Марокканский, который не мог думать о вождении. О авто продолжал бежать; но этот быстрый взгляд на старика, сидящего за серый осел-так же, как Элинор так часто видела его сидящим, читающим; это краткое откровение жизни, прожитой регулярно, неизменно, всегда по-старому — это было так же успокаивающе, как и спокойствие великолепие буков и папоротников, как зеленые и золотые передние планы и расстояния фиолетового цвета.

И вот, наконец, появляется зал. Старый дом, казалось, спал под солнцем Запад, как кот; можно было представить, что его слышат даже мурлыканье. И газон был как зеленый бархат самого драгоценного, и в воздухе без дуновения ветерок, огромная веллингтония имела всю гравитацию, достойную старика. джентльмен, который садится медитировать после обильной трапезы. Быть невозможно, чтобы там произошло что-то очень серьезное. Элинор прыгнула с автомобиль и побежал по лестнице, прямо в комнату сына. Фил был лежа, совершенно неподвижно, глаза закрыты. Мисс. Fulkes, что если

находя сидящим рядом с ним, он повернулся к входу матери маленького, встал и подошел к ней. Одного взгляда на лицо сына было достаточно чтобы убедить Элинор в том, что спокойный сине-золотой пейзаж, дом кто спал, Маркиз и его осел были лживыми утешениями. “Все идет хорошо, - казалось, они говорили, - все идет как обычно.” Но сита. Фулкс был бледен и выглядел усталым; как будто он видел призрак.

- Что там ? - спросила Элинор в цицио, в то время как все его беспокойство резко возвращалось к нему. И до того, как Мисс. Fulkes время ответить: - он спит? — добавлять. Если бы Фил был спал, размышлял он потом, это был хороший знак; мальчик действительно производил впечатление от чего спал.

Но Мисс. Фулкс покачал головой. Жест был лишним. Потому что, едва вопрос был сформулирован, маленький сделал резкое движение отрывистый под одеялом. Его лицо сжалось от боли. Фил отпустил маленький жалобный стон.

-У него очень, очень болит голова, - сказала Мисс. Фулкс, чьи глаза у них было выражение ужаса и страданий.

- Иди отдыхай, - сказала Элинор.

Мисс. Фулкс заколебался, покачал головой:

- Я хотел быть полезным…

Элинор настаивала:

- Это будет гораздо полезнее после того, как вы отдохнете…

Заметила, что губы Мисс фэйр. Фулкс дрожал, что его глаза они внезапно вспыхнули слезами.

— Пойти… - сказала Элинор, утешительно сжимая руку девушки.

Мисс. Фулкс повиновался с внезапной живостью. Боялся развязать в рыданиях, прежде чем добраться до вашей комнаты.

Элинор села у подножия кровати. Взял маленькую руку, которая покоилась, по сложенному покрытию он провел пальцами по волосам мальчика, нежным поглаживающим движением.

- НАНА, - прошептала она, пока ее пальцы ласкали его, - НАНА, НАНА…

Но ребенок снова суетился, беспокойный; и с каждым мгновением его лицо становилось он ворочался в внезапной боли; он качал головой, как будто пытаясь распутывая себя от того, что причиняло ему боль; он издавал свой маленький стон жалоба. И Элинор, наклонившись над сыном, почувствовала, что его он разбивал сердце в груди, от чего рука сжимала его горло., задушить ее.

- Дорогой… - сказал умоляющим голосом, умоляя его не делать этого. страдать. - Дорогой…

И сильнее сжал ее крошечную руку, дал ей больше отдохнуть. тяжело ладонь на горящем лбу мальчика, как чтобы прогнать боль или, по крайней мере, поддержать дрожащее маленькое тело. против ваших атак. И со всей своей волей она повелела боли, что прекратите, пусть вы покинете тело Фила-пусть оно выйдет из ваших пальцев и перейти к ее телу. Но малыш

продолжал суетиться в постели,, поворачивая голову из стороны в сторону, то сгибая ноги, то растягивая их живым отрывистым ударом под одеялом. И боль он всегда возвращался, жгучий, и лицо хрустело в гримасе агонии, приоткрытые губы давали проход слабому и жалобному стону, который он постоянно обновлялся. Элинор ласкала лоб сына, бормотала слова нежности. И это было все, что она могла сделать. Чувство его импотенция душила ее. Я чувствовал, как невидимые руки сжимают его сильнее. напрягает горло и сердце.

- Как ты думаешь? - спросила миссис Бидлейк, когда ее дочь взяла спуститься.

Элинор ничего не ответила, но вернула лицо. Этот вопрос к вам это вызвало слезы на глазах. Миссис Бидлейк взяла ее на руки и поцеловал лицо. Элинор спрятала лицо у плеча Мэй.

“Ты должна быть сильной”, - повторяла она себе. “Не плачь, не плачь. ты должен убить; Будь сильным. Для него - чтобы ты мог ему помочь.“Мама обняла - а сильнее. Этот физический контакт успокоил ее, дал ей силу, она просила в своей молитве. Сделал усилие воли и, сдерживая

глубоко вздохнул, всхлипнул рыдания в горле. Поднял глаза миссис Бидлейк улыбнулась ей с признанием. Ее губы дрожали еще немного; но воля победила.

- Это моя глупость, - сказала она, чтобы извиниться. - Я не мог. избегать… Так ужасно видеть, как он страдает! И стоять там беспомощно. И ужасный. Даже пусть будет известно, что в конечном итоге все будет хорошо.

Миссис Бидлейк вздохнула: “Да, это ужасно”, - сказала она, как эхо —, ужасный. - И закрыл глаза в медитативном недоумении. Был один молчание. - Кстати — - собрался он, открыв глаза, чтобы направить их на дочь, я думаю, ты должна быть осторожна с Мисс. Фулкс. Я не знаю, ее влияние всегда будет полностью хорошим…

- Влияние Мисс. Фулкс? - взял Элинор, открыв глаза пораженный. - Но она самая добрая, самая добросовестная из них…

- О! Дело не в этом, не в этом! - он поспешил прервать ее. Бидлейк. - Я хотел сослаться на художественное влияние.

Позавчера, когда я поднялся наверх, чтобы увидеть Фила, обнаружил, что она ужасно показывает малышу цифры вульгарные собаки.

- Бонзо? - вы рискнули Элинор.

Мама сделала утвердительный знак головой:

- Да, Бонзо. - Произнес слово с некоторым отвращением. - Если он хотите увидеть изображения животных, есть такие прекрасные репродукции миниатюр персы в Британском музее… И так легко испортить вкус ребенка… Но Элинор! Моя дорогая!

Внезапно, неотразимо, Элинор рассмеялась. Смеясь и плача, в то же время, неконтролируемо. Боль могла справиться только она. Но боль в сочетании с Бонзо была слишком сильной. Что-то уступило в большинстве интимное углубление ее существа, и она удивилась, рыдая в смехе жестокий, болезненный и истеричный.

Миссис Бидлейк била ее по плечу, не успев успокоить: - моя милая! - повторял, не переставая. - Элинор!

Проснувшись от беспокойного сна и полного кошмаров, Джон Бидлейк закричал яростно из нижней части библиотеки.

- Прекратите кудахтать! - приказал его голос в то же время она плачет и полна холеры. - Ради бога!

Но Элинор не могла сдержаться.

- Кричит, как попугаи! - продолжал бормотать Джон Бидлейк для себя. - Какая-то глупая шутка… Когда мы не хорошо…

- О, боже мой! - жестоко сказал Спандрелл. - Успокойся!

Иллидж прижал носовой платок ко рту; боялся рвоты.

- Думаю, я на минутку прилягу, - пробормотал он. Но когда он пытался ходить, он чувствовал, что его ноги мертвы под тяжестью его тела. Dir-был бы парализованный человек, который подполз бы к дивану.

- Тебе нужен глоток алкоголя, - сказал Спандрелл. Пересек зал.

Над буфетом была бутылка бренди; он пошел за стаканами в кухня. Вылил два пальца из напитка. - Вот, выпей. - Иллидж взял стакан и выпил маленькими глотками. - Кто бы ни увидел, он скажет, что мы шли по пятну — - продолжил Спандрелл в насмешке она тоже пьет свой бренди. - Изучение зеленого и имбиря; вот как Уистлер описал бы тебя в этот момент. Яблочно-зеленый. Зеленый-мох.

Иллидж на мгновение посмотрел на другого, затем повернулся лицом, не в силах терпеть спокойный взгляд этих серых, полных презрения глаз. Я никогда не ненавидел Спэндрелла так сильно, как в тот момент.

- Не сказать зеленый-лягушка, зеленый-слизь, зеленый-пена…

- О! Заткнись! - крикнул Иллидж голосом, который вернулся немного его звучности, и это уже почти не колебалось. Издевательство над Спандрелл перенес ему нервы. Ненависть, как бренди, это стимулятор. Он впитал еще горящий глоток. Была тишина.

- Когда ты почувствуешь себя в хорошем состоянии — - сказал Спандрелл, опуская стакан пусто, ты можешь прийти и помочь мне навести порядок. - Встал и

он исчез с другой стороны ширмы. Тело Эверарда Уэбли лежало на в том месте, где он опрокинулся на бок, его руки простирались по земле, в крест. Носовой платок, пропитанный хлороформом, все еще закрывал его лицо. Спандрелл он наклонился и резко потянул его. Висок, который получил удар он соприкасался с Землей; если смотреть сверху, лицо, казалось, не имело никаких травм. Руки в карманах, Спандрелл стоял, глядя на труп.

- Пять минут назад, - сказал он про себя, формулируя свои мысли в словах, чтобы иметь более полное осознание его значение-пять минут назад это тело было живым, у него была душа. Живой-повторил; и, качаясь в неустойчивом равновесии на одной ноге, другой ногой коснулся мертвого лица, толкнул вперед ухо и он позволил ей вернуться на свою позицию. — Душа. - И на мгновение, он оставил часть своего веса на том, что было лицом Эверард Уэбли. Он поднял ногу; знак остался, от серого порошок, на белой коже. — Топтать… Растоптать лицо мертвеца… — Зачем ты это сделал? — Топтать… - Снова поднял ногу и поддержал

прыжок в глазницу мертвого, сладко, в качестве эссе, Как если бы он экспериментировал с травмами. “Как это делается с виноградом”, - подумал он. “Измельчение винограда для производства вина.“Это было в его я мог бы растоптать эту штуку и превратить ее в папу… Но то, что я уже сделал хватить.

Таким образом, символически он извлек из своего убийства ужас существенный; этот ужас исходил из-под их ног, которые они растоптали… О существенный ужас? Но это было глупее и отвратительнее, чем ужасный. Толкая кончиком ботинка подбородок трупа, Спандрелл он заставлял голову катиться, пока лицо не было обращено к потолку, его рот был открыт и глаза прищурились. Сверху и за левым глазом была огромный красный синяк. На левом лице были видны следы крови, уже и в том месте, где лоб лежал на полу, был маленькая лужа, которая даже не была лужей, - пятно.

- Невероятно небольшое количество крови, - сказал Спандрелл вслух.

При звуке этого столь спокойного голоса Иллидж сильно испугался. Спандрелл снял ногу, которая поддерживала его мертвое лицо. Это взял, чтобы упасть на сторона с легким стуком.

- Это полностью оправдывает булаву епископа ОДО, — продолжил он Морис бесстрастным тоном. Тот факт, что он помнит, в этом сам момент, комические пиноты добросовестного церковного человека, такие поскольку они изображены на гобелене Байе, он также был частью существенный ужас. Легкомыслие человеческого духа! Беспорядочная непоследовательность! Зло может иметь определенное достоинство. Но толейма…

Иллидж слышал, как он шел на кухню. Оттуда пришел шум, который шел постепенно становясь все острее, из воды, которая текла в ведро. Кран был закрыт; затем раздался слух о шагах и ведре его положили на землю металлическим звоном.

- К счастью — - продолжил Спандрелл, комментируя свой последний примечание. - Иначе я бы не знал, что делать со всем этим грязь.

Иллидж слушал с напряженным и испуганным вниманием звуки, которые он они шли с другой стороны ширмы. Глухой, мягкий,

мясистый шум, был бы рука, которая поднялась и снова опрокинулась? Свистящее перетаскивание объекта мягкий и тяжелый на полу. После того, как шапочка воды, знакомый шум щетка скруб. И эти звуки, гораздо более значимые чем все слова, какими бы жестокими, какими бы хладнокровными они ни были, Спандрелл мог бы произнести-Иллидж чувствовал рецидив той слабости, которая заставила его сердце биться во время первых минут, с ощущением внезапного падения, когда Мертвец был растянут. там, у его ног, хрустящие еще в судорожных движениях. Вспомнить, это оживило эти моменты ожидания и ожидания, задыхающегося и полного тошнота, которая предшествовала ужасному событию. Шум собственной личности который шел по улице задним ходом; рыскание обуви, покрытой песком, в вверх по ступеньке двери, затем стук; затем долгая, долгая тишина сделанный из биений сердца, висцеральных сужений и предчувствий провидцы, оправдывающие мысли о революции и будущем, оправдывающая ненависть к угнетению и подлости богатых. И в то же время,

смехотворные, несочетаемые воспоминания приходили к нему в дух, когда он стояла ах, сидела на корточках за ширмой, воспоминания об этих шутках. дети в прятки, в школьные дни, среди Дроков и можжевельники с пустоши. “Раз, два, три…”; те, кто искал, покрывали и начинали вслух считать свою сотню; те, кто если они должны были спрятаться, они разошлись. В колючих зарослях, или они лежали среди плодов. Затем раздались крики ” девяносто девять, сто-время!”, и прокуроры бросились ловить остальных. Е это было так интенсивно, так болезненно возбуждено, сидело на корточках в тайник, рискуя шпионить, скаут, чтобы иметь возможность воспользоваться возможность вернуться на поле на полной скорости. Мы были так взволнованный, что он чувствовал почти неудержимое желание “сделать что-то”, если хорошо, если бы уже было сделано это” дело ” за можжевельниками было всего пять минута. Какие абсурдные воспоминания! И потому, что они абсурдны, ужасны! По в сотый раз Иллидж нащупал карман, чтобы убедиться, что бутылка хлороформ всегда был там и хорошо прикрыт.

Второй стук в дверь прозвучал тревожно и одновременно время свист и веселый крик (был слышен по тону голоса, который человек улыбался), крик ” друг!“За ширмой Иллидж вздрогнул. “Друг!“И, вспоминая эту деталь, он снова вздрогнул, еще больше жестоко, со всем стыдом, всем ужасом и всем унижением, которое

тогда у него не было времени чувствовать. У него не было времени, потому что раньше его дух мог осознавать все сложные последствия, которые если они сочли это подразумеваемым в этом улыбающемся крике, дверь стонет на гонзо, по полу раздался слух о шагах, и Уэбли выкрикнул имя Элинор. (Иллидж с удивлением спросил себя, не будет ли Эверард влюблен в нее.) “Элинор!“Затем наступила тишина. Уэбли видел записка прибита булавкой к ширме. Иллидж слышал его шум дыхание, в 50 сантиметрах от него, на другой стороне ширмы.

Затем был шепот быстрого движения, начало восклицание, и этот резкий, сухой шок, похожий на звук порка, но более глухая, более мертвая и в то же время более жестокая. А затем последовала тишина, которая длилась доли секунды; затем шум падения — не один звук, а ряд звуков, которые

они преуспели в течение заметного промежутка времени; костлявый стук колени, царапина обуви, скользящая по полированному полу, ” бум!“глухой тело и руки, и жесткий, сухой удар головы о доски пол.

- Быстрее! - закричал голос Спэндрелла, и Иллидж выпрыгнул из его укрытие. - Хлороформ!

Пассивно послушный Иллидж пропитал носовой платок хлороформом и он растянулся на лице, которое все еще сжималось…

Он снова вздрогнул; он снова выпил глоток бренди. Шум от за кистью следовал “плаф” влажной тряпки.

- Готово, - сказал Спандрелл, оглохнув из-за ширмы. Вытирала руки на полотенце. - Как дела у больного? - добавил он, пародируя путь врача к постели клиента, и улыбается с ироническим видом.

Иллидж повернулся лицом. Ненависть исходила от него, исключая в тот момент любые другие эмоции.

- У меня все хорошо, — лаконично возразил он.

- Расслабляюсь, пока я делаю самую неприятную услугу, а? — Спандрелл бросил полотенце на стул и начал опускаться рукава рубашки.

Через два часа сердечные мышцы сокращаются и расслабляются, если они сжимаются и расслабляются снова, только 8000 раз. Земля проходит меньше, чем 200 000 километров по его орбите. И тунцы, у них есть время, чтобы вторгнуться. всего 40 гектаров австралийской территории. Два часа почти ничего. Время послушать Девятую симфонию и два посмертных квартета, чтобы лететь из Лондона в Париж, чтобы провести ужин из желудка в тонкая кишка, чтобы читать Макбет, чтобы умереть от укуса змеи или чтобы заработать 1 шиллинг и 8 пенсов в качестве дежурной женщины. Больше ничего. Но Иллидж казался бесконечным те два часа, в течение которых он стоял там, сидя, ожидая, что стемнеет-труп вытянулся за ширмой.

- Ты идиот? - спросил Спандрелл, когда Иллидж предложил им уйти один раз, и они оставили труп там. - Или ты особенно хотите умереть на виселице? - Эта горькая насмешка, эта холодная ирония

забавы сводили с ума Иллиджа. - Тело будет обнаружено Сегодня вечером, когда Филипп вернется.

- Но у Куорлза нет ключа.

- Завтра, как только он привезет слесаря. И три часа позже, когда Линор объяснил, что он сделал с ключами, коп стучится в мою дверь. И я говорю вам, что после этого они не им понадобится много времени, чтобы ударить и твою… - Улыбнулся Иллиджу, который отодвинул глаза. - Нет, - продолжил Спандрелл — - нужно вытащить Уэбли оттуда. И, с его машиной у двери, это будет детская игра, если подождем, пока наступит ночь.

- Но не наступит ночь раньше, чем через два часа. - Ненависть обострилась и полный жалоб на голос Иллиджа.

- Да, что дальше?

- И что… - начал Иллидж. Заткнулся. Он понял, что если бы захотел говоря правду, я должен был бы признаться, что ему не нравится ждать там этих два часа, потому что я боялся. — Прекрасно. Ожидать.

Спандрелл взял серебряный портсигар, открыл его и понюхал.

- Запах хороший, - сказал он. - Возьми. - Толкнул коробку на

столе, в направлении Иллиджа. - А там куча книг. И Раз. И новый государственный деятель. И последний номер Vogue. Комната ждите стоматолога, не снимая и не кладя. Мы могли бы даже сделать чашку из чай для нас…

Время ожидания началось. Биения сердца случались сами по себе. Каждый согласно земле, она прошла 30 километров, а тунцы покрыли около 60 сантиаров новые австралийские земли. За ширмой лежал труп. Миллиарды и миллиарды из мелких и разнообразных людей, собравшихся вместе, и продукт их взаимная зависимость от их взаимной враждебности была жизнью человеческий. Набор этой колонии, этот живой улей, был мужчина. Улей был мертв. Но в остальной жаре, которая сохранялась, многие составляющие особи сохраняли остаток жизни; вскоре они тоже погибнут.

И все же, с воздуха, невидимые Орды сапрофитов уже имели

началось их вторжение без сопротивления. Они будут жить среди мертвых клеток, они будут расти и размножаться потрясающе, и с их ростом и их деторождение вся химическая структура тела будет разрушена, все запутанности и все сложности его материи разрешатся сами собой в его элементах, пока, когда задача тех была закончена, несколько фунтов древесного угля, несколько литров воды, глоток извести, немного фосфор и сера, щепотка железа и кремния, горсть солей Разное-Все эти вещи разбросаны и рекомбинированы в мире окружающий — это все, что осталось от командных амбиций Эверарда Уэбли, его любви к Элинор, его политических идей, его детские воспоминания, его фехтование, его верховая езда, этот голос мягкая и сильная, от этой улыбки, которая внезапно загорелась, от ее восхищения Мантенья, от его ужаса до виски, от его целенаправленной ярости ужасные, от его привычки ласкать подбородок, от его веры в Бога, от его неспособность правильно свистеть мелодию, из ее непоколебимые определения и их знание русского языка.

Иллидж пролистывал рекламные страницы Vogue. Молодая леди одетая в шубу, которая стоила 200 гиней, она поднялась на автомобиль; на странице границы, другая молодая женщина, одетая только с полотенцем я выходил из ванны, пропитанной солями. чтобы похудеть от доктора Вербруггена. Далее следует натюрморт флаконы для духов, содержащие Songe Negre, и последнее творение производитель, Relent d’amour. Имена Worth,

Lanvin, Patou se они простирались еще на три страницы. Затем пришел портрет одной дама девушка засунулась в резиновый ремешок, из тех, кто делает ее стройной; она смотрела в зеркало. Группа девушек оказалась в статике взаимное созерцание перед их ночными костюмами, исходящими из отдел нижнего белья Крэбб и Лашингтон. С другой стороны, другая молодая женщина молочно отдыхала на диване в лаборатории красоты мадам Адрена, пока руки массажистки ласкали ее угроза челюстей. За этим следовал натюрморт из рулонов и стригелей резина предназначенная для того чтобы сделать исчезать, массажем и трением, избыточный жир молодых дам, и еще один натюрморт банки и банки, содержащие кремы, предназначенные для защиты их лица

против разрушений лет и непогоды.

- Отвратительно! - говорил Иллидж от себя к себе, возвращаясь по страницам. - Это преступление! - И накормил свое негодование, взращивал его. остаться сокращение было отвлечением, и в то же время было оправданием. Разъяренный плутократической бесчувственностью и легкомыслием, он я мог бы почти забыть и почти извиниться в своих собственных глазах. ужасно, что это только что произошло. Тело Уэбли лежало там, на другой стороне из ширмы. Но были женщины, которые платили 200 гиней за пальто пушнина. Двести гиней! Его дядя Джозеф будет считать себя счастливым, если сможет победить это за восемнадцать месяцев работы с его мастерской сапожника. И они они покупали духи по 25 шиллингов за одну восьмую литровую бутылку! Иллидж он вспомнил время, когда у его младшего брата Тома была пневмония, потом приступ гриппа. Ужасный! И когда мальчик выздоравливал, врач сказал, что его нужно будет передать несколько недель на берегу моря. У них не было ресурсов для этого. Эй легкие Тома, после болезни, никогда не принимали, чтобы остаться. достаточно сильны. Теперь он работал на автомобильном заводе (делая машины, в которых они переделывали бы этих сук в пальто 200 гинеи!Иллидж предоставил деньги, которые он позволил тому часто посещать техникум. Деньги, подумал он, разжигая свою ярость, чтобы мальчик может получить привилегию стоять восемь часов в день на с фрезерного станка! 0 Манчестерский воздух не принес пользы Тон. Бедный дьявол не был похож на тех толстых женщин, у которых были смазка должна быть взята за счет роликов… Прожорливые орехи! Почему они не могли они, все эти

дразнящие, делают небольшую полезную работу вместо вы живете, проходя через бедра и живот? Если бы они работали, они бы потерять смазки. Если бы вы работали как его мать! У нее не было жира устранить с помощью массажных роликов или выйти с потом, под резиновый ремешок, или для приготовления в горячих ваннах с солями.

Иллигде с негодованием думал о скучных и бесконечных трудах домашний. День за днем, год за годом. Сделать кровати, чтобы они были отмененный. Готовим, чтобы заполнить пандульо ивсеменно пустые. Мыть блюда, которые Следующая еда должна была снова испачкать. Скраб пола, чтобы потом мутные ботильоны испачкали его. Штопать и залатывать, чтобы

что если бы они могли пробить новые дыры. Это была работа, подобная работе Сизифа и Даса Данаиды, безнадежные, бесконечные или, по крайней мере, бесконечные (за исключением случая смерти его матери) если бы он не мог послать его те 2 фунта в неделю, которые я брал из своей зарплаты. Теперь старуха могла меньше платить девушке, чтобы она помогала ей выполнять самые тяжелые работы. Но даже тогда она все еще делала более чем достаточно, чтобы взять ненужные резиновые ремни. Какая жизнь! И в мире пальто скины и Сонге Негре, женщины жаловались на раздражение и усталость, они должны были собраться в домах престарелых, чтобы сделать лечение отдыха. Ах! если бы эти женщины могли взять это на мгновение, это была ее жизнь! И, возможно, даже в любой день они будут вынуждены (так он надеялся), даже в Англии. Иллидж с удовлетворением подумал о бывших царских офицерах которые водили такси и работали на фабриках, в бывших графинях, которые у них были рестораны, кабаре и часовни; во всех бывших богатых России, от Харбина и Шанхая до Рима, Лондона и Берлин, разоренный, униженный, превращенный в рабство обычные существа, за счет которых они когда-то жили, паразитически. Это все было хорошо сделано для них. И то же самое могло это также происходит в Англии. Но там они были сильны-эти люди которые стремились похудеть и носили шубы; их было много, это была организованная армия. Но армия, которая потеряла своего босса.

Этот получил то, что заслужил. Как воплощение плутократии и из низменности-он лежал там за ширмой. Но у меня был открытый рот, и мышцы лица, прежде чем дымящийся шарф покрыл ее,

если бы они были в гротескном стиле.

Иллидж почувствовал холод. Он снова посмотрел на них, чтобы найти источник от оправдывающего возмущения и отвлечения, фигура Леди в пальто кожа 200 гиней, обнаженная, но целомудренно покрытая молодой женщиной полотенце, выходя из вашей ванны для похудения. Проститутки и едоки! Они принадлежали к классу, который усилия Уэбли имели тенденцию увековечивать… Он короче говоря, он был чемпионом всего, что было мерзким и низким. Получил что заслужил, так и сделал.

- Господи! - вдруг воскликнул Спандрелл, поднимая глаза от книга. Звук его голоса, нарушающий тишину, заставил Иллиджа прыгнуть в кресло

с неконтролируемым ужасом. - Я совсем забыл. Он они становятся жесткими, не так ли? - Посмотрел на Иллиджа. - Я имею в виду трупы…

Иллидж сделал это своей головой. Он глубоко вздохнул и задохнулся. в усилии воли.

— Тогда… Что, если мы посадим его в машину, а? - Он поднялся от удара и он быстро исчез за ширмой. Иллидж услышал шум защелки дверь. Он был охвачен внезапным и ужасным ужасом; Спэндрелл собирался сбежать сам, оставив его закрытым с трупом.

- Куда ты идешь? - крикнул он, бросаясь за другим, в погоня полна паники. - Куда ты идешь? - Дверь была открыта., Спандрелл исчез, и труп лежал на земле, его лицо обнаружен, рот открыт, глаза устремлены, таинственно, намеренно, за полузакрытыми веками они словно заглядывали в щель. — Куда ты идешь? - Голос Иллиджа поднялся так, что почти это превратилось в крик.

- К чему эта суета? - спросил Спандрелл, когда другой появился, бледный, отчаянный воздух, у подножия двери. Стоя рядом с авто Мистер Уэбли, Морис был занят тем, что снял с себя непромокаемую одежду, которая он покрывает всю часть туристического кузова, расположенного за сиденьями передняя часть. - Эти вещи сложно обезвредить.

Иллидж положил руки в карманы и попытался притвориться, что

вышел на тот осадки из простого праздного любопытства.

- Что ты делаешь? - спросил равнодушным тоном. Спандрелл сделал последний рывок, покрытие ослабло, упав вдоль вся сторона автомобиля. Спандрелл потянул ее назад, заглянул внутрь часть открыта: - пусто, слава богу, - сказал он. И, протягивая руку, он начал играть воображаемые октавы, ладонь за ладонью, над кузовом. — Скажем, 4 фута в ширину, - заключил он, - и столько же в длину. Из них половина занята сиденьем. С 2 с половиной фута свободного пространства под одеялом. Есть достаточно места, чтобы остаться здесь хорошо в покое запутанный человек. Но если тело уже твердое? - Спандрелл посмотрел безоговорочно для Иллиджа. - Один человек может поместиться здесь, но один статуя нет..

Иллидж сделал утвердительный знак своей головой. Эти последние слова они вдруг вспомнили про комментарий Леди. Эдвард О Уэбли. “Он хочет, чтобы другие относились к нему так, как будто он уже его собственная колоссальная статуя; посмертно, если вы понимаете, о чем я…

- Мы должны действовать быстро, - продолжил Спандрелл. - До того, как он придет в трупная жесткость. - Вытащил одеяло и, положив руку на плечо Иллидж, осторожно толкнул его в дом. Дверь захлопнулась сзади их. Они оба смотрели на свое тело.

- Мы должны поднять колени и опустить руки, - сказал Спандрелл.

Он наклонился и прижал одну руку трупа к телу. Член взял обратно, когда Спандрелл бросил его, на полпути к своей позиции примитивный. Это было похоже на куклу, размышлял Спандрелл, куклу с эластичные суставы. Больше гротеска, чем ужаса; не трагично, а просто немного скучно, даже абсурдно. Ах был существенный ужас — все (включая это) это была своего рода утомительная, безвкусная игра.

- Мы должны найти какой-нибудь шпагат, - сказал Спандрелл, - что-нибудь, что держите конечности на месте.

Как будто они были любительскими медниками. Или тех непрофессионалов, которые делают ремонт в садовой теплице. Короче говоря, задача просто противно и нелепо. Они обыскали весь дом. Не нашли веревку никакой. Им пришлось

довольствоваться тремя повязками, которые Спандрелл нашел между аспирином и настойкой йода, порошком борной кислоты и слабительными средствами овощи из маленькой аптеки в ванной комнате. - Держи руки в место, пока я действую, - приказал Спандрелл. Иллидж подчинился. Но холод от этих мертвых запястий против его пальцев было ужасно; он чувствовал, что его возвращалась тошнота, она дрожала.

- Готово! - сказал Спандрелл, поднимаясь. - А теперь ноги. К счастью, у нас не было много времени…

“Пусть другие будут относиться к нему так, как если бы он уже был его собственной статуей.” Этот слова нашли отклик в памяти Иллиджа. “Посмертно, если вообще вы меня понимаете…” Посмертный… Спандрелл согнул одну ногу до колена оставаться почти в контакте с подбородком.

- Держи здесь.

Иллидж держал лодыжку; носки Уэбли были серыми, с белые сосновые шишки. Спандрелл бросил ногу, которую держал, и Иллидж почувствовал внезапный и пугающе сильный толчок к его руке, который удерживать. Мертвец пытался пнуть. Черные дыры начали расширяться перед глазами Иллиджа, пожирая твердый мир, который был в ваш фронт. И сам твердый мир колебался и плавал в томе с краев. из этих межзвездных вакуумов. Его горло сжалось, он почувствовал ужасное головокружение.

- Смотри сюда, - начал Иллидж, поворачиваясь к Спандреллу, который был сидя на пятках, отрывая обертку от другой повязки. Затем он закрыл глаза и отпустил ногу.

Конечность, свободная, растянулась, как пружина, а ступня, брошенная вперед, нашел плечо Спандрелла, и, пожимая его в неустойчивом равновесии, в котором он нашел себя, положил его на землю, на спину.

Спандрелл поднялся.

- Дьявольский мудак! - Но гнев, вызванный этим первым шок от удивления успокоился. Спандрелл издал хихиканье. — Мы могли бы пойти в цирк. - Это было не только трагично; это была шутовство.

К тому времени, когда труп был сложен и завязан, Иллидж уже прибыл в убеждение, что слабость груди Тома и шубы 200 гинеи, рабская жизнь его матери и лишний жир, богатые и бедные, угнетение и революция, справедливость, наказание — возмущение-ничего они означали для него, перед лицом этих окоченевших конечностей, из этого рта открытые и неподвижные, эти глаза прищурились, стекловидные и таинственно стационарный. Ничего не значило, они были абсолютно не нарочно.

Филипп обедал один. Перед его тарелкой полбутылки бордового и кувшин с водой стоял открытым объемом. Писатель га между глотками.

Во время жевания. Книга была о мозге Бастиана. Не очень в настоящее время; но это было лучшее, что он мог найти в библиотеке своего отца, для отвлечься в поезде. Съел половину рыбы, когда добрался до дела того ирландца, который страдал парафазией; он был впечатлен до такой степени, что отодвинул тарелку и, вытащив из кармана блокнот, тут же сделал заметка. Врач попросил пациента прочитать его вслух параграф устава Тринити-колледжа в Дублине. “Колледж будет иметь способность исследовать или не исследовать по своему усмотрению любого лицензиата до поступления на стипендию для обучения улучшение.“То, что пациент фактически прочитал, было:” пчела-что in the teemother of the trothodoodoo, to majoram or that emidrate, eni eni krastrei, mestreit to ketra totombreidei, to ra from treido as that кекритес.”^2 ˆ замечательно! Филипп сказал о себе самому себе, копируя последнее слово. Какой стиль! Какая величественная красота! Какое богатство, какое звучание в этой фразе из экзордиана: “an the bee-what in the teemother of троходуду !”- Повторил он внутренне. “Я поставлю ее на первое место страница моей следующей новеллы”, - написал он в блокноте. “В эпиграф, текст всей проповеди.“Шекспир говорил только об историях рассказанный идиотом. Но Али был идиотом, который говорил — и в шекспировский язык, в довершение всего. “Окончательное слово о жизнь”, - добавил Филипп карандашом.

В Королевском зале Толли начал с Borborygmes Symphoniqu.es, из Эрик Сати. Филип нашел шутку только умеренно хорошей. Один однако часть зрительного зала улучшила его свистом и апупосом.

Толли, иронично отполированный, поблагодарил его еще больше изящно, как обычно. Когда бунт утих, он напал на второй номер программы. Это было открытие Кориолана. Tolley se он гордился своим католическим вкусом и компетентностью во всех жанр. Но, о, сэр! думал Филипп, слушая, как он ехал злая настоящая музыка! Можно было бы сказать, что у человека было немного стыдно за эмоции Бетховена и за то, что он пытался извиниться за них. Но, для счастья Кориолан был в значительной степени защищен от Толли. Музыка была героически красивая, она была трагичной и огромной, несмотря на него. Последний

сердцебиение истекающих звуков исчезло-демонстрация неукротимое величие человека и необходимость, значение страдание.

Во время перерыва Филипп хромал в бар, чтобы выкурить сигарету. Она почувствовала, как рука держит ее за рукав.

- Меломан раскрыт! - сказал знакомый голос. Филипп повернулся и увидел Вилли Уивера, весь искрящийся в хорошем настроении, доброте, абсурд. - Что ты думаешь о нашем Moderna Orpheu?

Если ты имеешь в виду Толли, я не думаю, что он умеет дирижировать Бетховеном.

- Слишком легкий и фантастический надинья для предзнаменований старый Людвиг? - рискнул Вилли.

- Вроде, - ответил Филипп, улыбаясь. - Толли не в его высота.

- Или он намного выше. Знаменательность относится к эпохе до-позитивист. Она буржуазная, как сказал бы тов. Ленин. Толли современный, ужасно актуальный. Он тебе не понравился в Сати? Или же - продолжил Вилли, в ответ на пренебрежительное пожимание плечами Филипп-ты бы предпочел, чтобы он сделал “Сафи” ^3]? _ Кашлял, чтобы отметить восхищение, которое вызвало у него собственный каламбур.

- Толли почти так же Moderna, как ирландский гений, чьи работы я узнал сегодня вечером. - Филипп достал из кармана свою записную книжку, а потом из одного слова объяснения он прочитал вслух — ” an the bee-what in the teemother of the trothodoodoo…“У подножия страницы находились его собственные комментарии, которые датируются часом. “Текст

всего проповедь. Окончательное слово о жизни.“Не читал их. Теперь он изменился. полностью мнения. - Разница между зловещим и Сати-Толлейсмо, - продолжил романист, - это та же разница, что и между устав Тринити-колледжа Дублина и ” пчела-что в teemother of троходуду…”

Филипп впал в вопиющее противоречие с самим собой. Но в конце из счетов, почему бы и нет?

Иллидж хотел вернуться домой и уложить себя в постель; но Спандрелл настоял пусть он проведет хотя бы час или два в Tantamount House.

Ты должен заставить их увидеть тебя. Чтобы иметь алиби. Что касается меня, я иду в Сбиса. Там будет дюжина людей, готовых заявить, что они видели меня там…

Иллидж согласился только под угрозой насилия. Я боялся этого доказательства нужно поговорить с кем-то-даже если это было с таким любопытным человеком, такая же поглощенная и рассеянная, как Лорд Эдвард.

- Я не смогу этого вынести… - постоянно повторял он, почти плача.

Они были вынуждены нести труп, сморщенный в позе плод в утробе матери-принимая его с любовью крепко в объятиях узкий и шаткий-проходя с ним через дверь, спускаясь по ступенькам и победа во дворе. Одно сопло зеленоватого газа, подвешенное под и лук, и конюшни высоко освещали; но этого было достаточно для тех, кто предать, если случайно кто-то прошел перед входом в момент что они вынесли свое бремя наружу и подняли его, чтобы ввести его в автомобиль. Они начали с того, что бросили его на спину, на пол машины; но поднятые колени превышали уровень кузова. Спандрелл был обязанный трахаться в машине и, толкая здесь, давая толчок там, лежать на боку, что тяжелое тело, так что колени упирались в края заднего сиденья. Закрыли люки, они приняли к сильно установить водоустойчивое на месте.

- Отлично! - сказал Спандрелл. Держал товарища за локоть. — Тебе нужно еще немного бренди, - добавил он.

Но, несмотря на бренди, Иллидж чувствовал себя все еще немного слабым и дрожащим когда они отправились в путь. И неуклюжий

способ, почему Спандрелл он управлял механизмом этого автомобиля, еще неизвестного ему, это не было шаблоном, чтобы успокоить его нервы. Они начали бить яростно с задней частью автомобиля на фоне стены конюшни; и, прежде чем он открыл секреты передач, Спандрелл дважды остановил двигатель по неосторожности. Облегчил его

раздражение, выпустив несколько богохульств, и рассмеялся. Но для Иллиджа эти маленькие несчастья, которые влекли за собой минуту задержки в бегстве к этому ужасное и проклятое место, они приняли значение катастроф. Его ужас, его мучительное нетерпение было почти истеричным.

- Нет, не могу, не могу! - протестовал, когда Спандрелл сказал ему что он должен был непременно провести это будет в Тантамаунт Хаус.

- Как бы то ни было, ты пойдешь… - Сказав это, Спандрелл вел машину курс Пэлл Мэлл. - Я брошу тебя в дверь.

- Нет, серьезно!

- Если нужно, я заставлю тебя пнуть…

- Но я не могу стоять там, я не могу стоять!

- Это великолепная машина — - сказал Спандрелл, меняя значительно по предмету. - Очень приятно водить.

- Я не могу этого вынести… - повторил Иллидж хныкающим голосом.

- Я считаю, что производители гарантируют 100 миль в час на трассе.

Они свернули после Дворца Сен-Джеймс, чтобы войти в Пэлл-Мэлл.

- Вот ты где… - сказал Спандрелл, останавливаясь у тротуара.

Иллидж, послушный, спустился вниз, пересек тротуар, поднялся по ступенькам и коснулся звонок. Спандрелл ждал, пока за ним закроется дверь, а затем он продолжил свой путь до площади Сен-Джеймс. Было двадцать или тридцать автомобили остановились в

Томо из центральных садов. Спандрелл вошел в середину из них, когда машина ехала задним ходом, остановил двигатель, спустился и пошел пешком до Пикадилли Цирк. Али сел на автобус, который за 1 пенис доставил его на вершину Чаринг-Кросс-Роуд. Деревья площади Сохо излучали свою зелень яркий под светом ламп, в конце узкого переулка, который он отделял фабрику от зданий. Через две минуты он оказался в Сбиса извиняется перед Бурлапом и Рэмпионом за то, что они прибыли так поздно.

- О, ты здесь! - сказал лорд Эдвард. - Я очень ценю, что ты пришел.

Иллидж пробормотал смутные извинения за то, что не пришел раньше… Один интервью с мужчиной. Бизнес… “Но предположим”, - подумал он с ужас во время разговора: “предположим, Лорд Эдвард спрашивает меня кто и о чем?“Он не знал бы, что ответить; это будет он был уничтожен.

Но старик, казалось, даже не слышал его оправданий.

- Прости, но я должен попросить тебя сделать мне небольшой расчет. — сказал он своим глубоким, завуалированным голосом. Лорду Эдварду удалось взять себя в руки ужасно хороший математик; но операции всегда были для него недоступный. Я никогда не был в состоянии правильно сделать умножение. А что касается раскола, то было пятьдесят лет, которые его не пробовали.

- У меня есть шифры. - Постучал пальцем по открытой записной книжке перед ним, на столе. - И к главе о фосфоре. Речь идет о нарушениях, внесенных человеком в естественный цикл. Сколько P2O5 мы обнаружили, что канализация рассеивается в море? - Вернулся на страницу. — Четыреста тысяч тонн. Вот и все… Практически потеряны. Просто выброшены. А потом этот глупый способ обращения с трупами. В каждом теле есть три четверти килограмма фосфорного ангидрида. Возврат к земля, можно утверждать. - Лорд Эдвард был готов признать все оправдания, все средства защиты, чтобы иметь возможность опровергнуть их заранее. - Но очень неадекватно! - Выметали все оправдания, разбили адвокатов на куски. - Какой! Нагромождая тела друг на

друга на кладбищах! Как можно ожидать, что фосфор перераспределяется? Без сомнения, со временем он в конечном итоге снова войдет в жизненном цикле. Но, насколько нам известно, это потеряно. Выход из циркуляция. Теперь, предполагая три четверти килограмма P2O5, P or труп, и население мира составляет 1 миллиард 800 миллионов человек со средним коэффициентом смертность двадцать на тысячу, какова общая сумма, возвращаемая каждый год на землю? Ты умеешь делать расчеты, мой дорогой Иллидж. Я оставляю их тебе на попечение.

- Иллидж молча сидел, защищая лицо рукой.

— Но, - продолжил старик, - надо не упускать из виду, что есть один мир людей, которые избавляются от своих мертвых более разумнее, чем наша. Только среди белых рас

фосфор выводится из обращения. У остальных нет некрополей, нет лодок непромокаемые, ни кирпичные склепы. Единственные, кто больше расточители того, что мы-индусы. Говорят, что они сжигают трупы и пепел бросают в реки! Но индусы глупы во всем. Таким образом, они сжигают все коровьи стружки, а не разбрасывают их над землей. А потом удивляются, что половина населения не имеет что есть. Для индусов нужно будет сделать отдельный расчет. Но нет у меня есть шифры. А пока сделайте себе одолжение, рассчитав общую сумму для всего мира. А также Итого для белых рас, если это не так неудобство. У меня есть список населения. И, конечно же, индекс смертность будет слабее, чем в среднем по миру, по крайней мере, для Западная Европа и Америка. Не хочешь посидеть здесь? Есть место на краю стола. Лорд Эдвард освободил ему место. — Здесь это бумага. И еще очень жаль.

- 0 сэр не делает дела, - сказал юидж слабым голосом, - Если я ложусь на мгновение? Я не очень хорошо себя чувствую…

ГЛАВА XXXIV

Было почти 11 часов, когда Филип Куорлз появился на Sbisa. Спандрелл увидел-о войти и сделал ему знак, позвонив к столу,

за которым он сидел в компании Бурлапа и Рэмпиона. Филипп прошел через комнату, хромая, и села рядом с ним.

- У меня есть для тебя поручения — - сказал Спандрелл — - и что важнее

- нащупал карман, ключ от твоего дома. -Протянул ей, объясняя ей как предмет попал ему в руки. Если бы Филипп знал, что случилось в его доме той ночью… - И Элинор уехала в Гаттенден — - продолжил он он. - Вы получили телеграмму. Маленький, кажется, не в порядке. И она тебя подожди завтра.

- Черт! - воскликнул Филипп. - Но у меня как минимум пятнадцать обязательство. Что у мальчика?

- Не уточняется.

Филипп пожал плечами.

- Если бы это было серьезно, моя свекровь бы не телеграфировала, - прокомментировал он, поддаваясь искушению сказать что-нибудь забавное. - Она такая… Поддерживать с идеальным спокойствием случай двойной пневмонии, а затем показывает себя ужасно встревоженная перед головной болью или болью живот. - Прервался, чтобы заказать омлет и полбутылки вина. из Мозеля.

Однако, подумал Филипп, малыш не очень хорошо ходил туда последние несколько недель. Он немного раскаялся в том, что поддался искушению… Е то, что я сказал, было совсем не забавным. Желание быть веселым

- вот его главный литературный недостаток. Ваши книги были бы намного лучше, если бы он позволил им быть намного более безвкусными. Филипп погрузился в тишину немного мрачно.

- Эти дети! - сказал Спандрелл. - Когда мы настаиваем на их наличии.

- Между тем, должно быть, замечательно иметь ребенка — - сказал Бурлап с выражение сожаления, которое требовало дело. - Иногда я хотел…

Рэмпион прервал его: - должно быть, еще чудеснее быть ребенком.

Когда ты уже большой, понимай себя… - Он раздвинул зубы.

- Что ты делаешь со своими детьми? - спросил Спандрелл.

- Как можно меньше! К сожалению, они должны пойти в школу. Я просто надеюсь, что не учитесь слишком много. На самом деле было бы ужасно, если бы они вышли оттуда. маленькие учителя, наполненные мудростью, демонстрируя свои блестящие абстрактные обобщения. Это, вероятно, то, что они должны сделать. Только чтобы меня унизить. В общем, дети унижают родителей. Не из цель, конечно, но неосознанно, потому что они не могут сделать другой потому что родители, несомненно, зашли слишком далеко в одном направлении; это реакция природы, стремящаяся вернуться в состояние равновесия. Да, да, я я чувствую это глубоко внутри себя. Это будут учителя, бесы! Быть ужасные маленькие ученые. Как твой друг Иллидж, - добавил он Рэмпион, обращаясь к Спандреллу, у которого был неприятный испуг услышав это имя, в то же время чувствуя себя подавленным из-за того, что быть потрясенным. - Ужасные маленькие мозги, которые сделают все, что угодно. они могут подавить сердце и кишки, которые сопровождают их.

Спандрелл улыбнулся своей осмысленной улыбкой, немного мелодраматически иронично. - Молодой Иллидж не смог подавить в ты сердце и кишки, - сказал он. - Ему еще многое не хватает…

- Конечно нет! Никто не может их подавить. Все, что происходит, это что в процессе они превращаются из живых органов в отскок. И почему они так преобразуются? В интересах чего? Дум мир глупых знаний и абстракций без ног и головы.

- Которые, в конце концов, сами по себе довольно забавны, - сказал он Филипп, нарушая свое молчание, приходит на помощь разведке. — Сделать обобщения и поиск мудрости-это развлечение. И больше весело, на мой взгляд. - Филипп продолжал развивать свою защиту гедонист психической жизни. Так почему же сурово судить о наши маленькие удовольствия? - спросил он у Гизи. — Вы они не осуждают гольф, так почему же они осуждают спорт интеллектуалы?

- Это немного рудиментарно, не так ли? - сделал Рэмпион. — Волос плоды знает дерево. Плоды гольфа либо отсутствуют, либо

безвредны или эффективно полезны. Печень в хорошем состоянии, для вот, например, прекрасный плод. В то время как плоды интеллектуализма… Господи! - Поморщился. - Проверь их… Вся наша цивилизация промышленник, вот его плоды. 0 утренняя газета, радио, кино все есть плод. Танки и тринитротолуол; Рокфеллер и Монд фрукты тоже. Все это результат профессионального интеллектуализма, систематически организовано за последние два столетия. И ты хочешь, чтобы я одобрил развлечения от вас? Но, уверяю вас, я предпочитаю бычьи бега. То есть пытка некоторых животных, то есть жестокость нескольких сотен прохожих, по сравнению с разорением, окутыванием, деградацией целый мир? И это то, что вы сделали, вы, интеллектуалы, с тех пор, как организовали и профессионализировали свои удовольствия.

- Но иди сюда… - сказал Филип. - Твоя картина немного нагруженный в цветах. И в любом случае, даже если он точен, мы он не может взять интеллектуалов, ответственных за приложения, которые сделали другие результаты, достигнутые ими.

- Но они ответственны. Потому что они привели других к своей проклятая интеллектуалистическая традиция. В конце концов, другие-не что иное, как интеллектуалы в другом плане. Бизнесмен-это просто человек науки немного глупее, чем настоящий человек наука. Он живет так односторонне, так интеллектуально, в пределах его интеллект, как и другие. И fmto этого-вырождение внутренняя психология. Потому что, конечно — - заключил он в скобки, - fmto ваших развлечений не сводятся к такелажу внешний вид moderna industrial Life. Они также пребывают в упадке внутри; в инфантилизме, вырождении и всякой глупости и откаты к примитивному состоянию. Нет, нет, я не терплю этих богатых развлечения духа. Вы бы причинили гораздо меньше вреда, если бы Вы были без игра в гольф.

- Но как насчет правды? - допросил Бурлапа, который слушал обсуждение без разговоров. - Что мне говорят об истине?

Спандрелл сделал жест одобрения.

Разве она не заслуживает того, чтобы мы ее искали?

- Конечно, - сказал Рэмпион. - Но не там, где Филипп и его к ней приходят друзья-ученые и ученые. В конце концов, единственная

правда то, что может представлять для нас какой-то интерес или что мы можем знать, это человеческая правда. И чтобы найти его, нужно искать его со всеми быть, а не со специализированной частью этого существа. Что ученые стремление получить это нечеловеческая правда. Не то чтобы они могли однажды достичь этого вообще; потому что даже ученый не может прекратить полностью быть человеком. Но они могут сделать несколько шагов в смысл абстрагироваться от человеческого мира от реальности. Пытая мозг может сформировать слабое представление о Вселенной, как это было чтобы выглядеть, если бы это было видно нечеловеческими глазами. С его теорией квантуны, их волновая механика, их относительность и многое другое, кажется, они действительно вышли немного из человечества. Почему, где дьявол польза от этого?

- Часть удовольствия от самой вещи, - сказал Филипп, - может быть получена из этого какое-то благо; невероятное практическое открытие, как и тайна распад атома и высвобождение неограниченного количества энергия.

- И последующее сокращение людей до состояния глупость и абсолютное подчинение своим машинам-усмехнулся Рэмпион. - Я знаю ваши Раи… Но речь идет в этот момент от правды. Об этой нечеловеческой истине, которую ученые стремятся найти с его интеллектом, но не имеющим ни малейшего отношения к существованию обычный человек. Наша истина, человеческая истина, которая нас интересует, это одна вещь, которую можно обнаружить, живя, живя полностью, с совокупность нашего существа. Результаты ваших развлечений, Филипп, все эти знаменитые теории о космосе и всех его практических применениях, они не имеют абсолютно никакого отношения к единственной истине, которая нам небезразлична. И нечеловеческая истина не просто чужда нам; она опасна. Она отвлекает внимание каждого к важной человеческой истине. Она заставляет их подделывать его собственный опыт, чтобы прожитая реальность могла приспособиться к абстрактная теория. Так, например, это нечеловеческая правда, а или, по крайней мере, хорошо зарекомендовал себя, когда я был молодым, что так называемые" вторичные качества " не имеют реального существования. О

человек, который воспринимает это всерьез, отрицает себя, разрушает весь контекст ваша жизнь как человека. Потому что это

случается, что люди таким образом, что вторичные качества для них являются настоящие одиночки. Тот, кто их отрицает, совершает самоубийство.

— Но на практике, - сказал Филипп, - их никто не отрицает.

- Совсем нет. Потому что это невозможно. Человек не может полностью отменить свои ощущения и свои чувства, если только убить физически. Но он может обесценить их. И действительно, это то, что делает большое количество умных и воспитанных людей; унижает человека, в интерес нечеловека. Их мотивы отличаются от христианских; но результат тот же. Это своего рода самоуничтожение. Это всегда одно и то же. вещь, - продолжал он, с внезапным криком гнева в голосе, - каждый раз попытка сделать что-то лучше, чем человек, результат всегда то же самое. Смерть, та или иная форма смерти. Мы стараемся быть более от того, что мы есть по своей природе, и мы убиваем что-либо в себе, и мы берем себя гораздо меньше, чем мы были. Я устал от всех этих ошибок о высшая жизнь и моральный и интеллектуальный прогресс, я устал от существования за идеал и за то, что следует. Все это приводит к смерти. С такой же уверенностью с чем жить за деньги ведет к смерти. Христиане, моралисты и культивируемые эстеты, и молодые и яркие люди науки, и люди от бизнеса до Сэмюэля Смайлса; все эти бедные человеческие лягушки, которые они пытаются раздуть себя, чтобы превратиться в волов чистой духовности, чистый идеализм, чистая практическая эффективность, чистый сознательный интеллект, в конечном итоге они просто лопаются и уменьшаются, а не не быть фрагментами лягушки; и гниющие фрагменты, в довершение всего. Все это вместе-огромная глупость, огромная и отвратительная ложь. Твой маленький Сан-Франциско, этот вонючий, например. Марк Рэмпион он повернулся к Бурлапу, который протестовал. - Да, вонючка, - настаивал он Рэмпион. - Глупый и тщеславный человечек, который пытается наполниться ветром даже если вы возьмете Иисуса, и которому удастся убить только немного здравого смысла или порядочности, существовавшей в нем, которая может только превратиться в отвратительные и вонючие фрагменты настоящего человека. Один человек, который собирал ощущения и возбуждался, облизывая прокаженные ! Уи! Какой извращенный и отвратительный парень! И если он считает, что это хорошо

слишком много, чтобы поцеловать женщину; хочет быть выше

всех вещей вульгарные, такие как естественное и здоровое удовольствие; и единственный результат в том, что он он убивает малейшее зерно человеческой добродетели, которое он может иметь в себе, и берет извращенец, вонючий, который больше не может возбуждать себя, кроме как лизать язвы прокаженных. Не исцеляя прокаженных, хорошо заметьте. Но просто облизывая их. Для собственного удовольствия, а не для прокаженных. Быть отвратительно!

Филипп откинулся на спинку стула и засмеялся. Но Рэмпион повернулся для него с фурором.

- Ты можешь смеяться. Но не думай, что ты лучше, нет. Ты и твои друзья интеллектуальные, научные. Вы убили себя так же, как и христиан маниакальный. Ты хочешь, чтобы я прочитал твое шоу? - Взял из книги, что он стоял рядом, на столе, и начал возвращать ему страницы. — Закончить это было в автобусе, когда я приезжал сюда. Вот оно… — Он начал читать, тщательно и четко произнося французские слова: “Plus un obstacle materiel, toutes les rapidités gagnéespar la Science et la ричесс. Pas une tare a Vindépendonce. Voir un crime le lése-moi dons toute fréquentation, homme или poys, qui ne serait POS expressément уулу. Lénergie, le recueillement, La tension de la solitude, les transporter Донс CEC раппорты ауэк Уральских лиц. Pos d’amour peut-étre, больше des amitiés rares, difficiles, exaltées, nerueuses; viure comme on reuiurait en esprit de détachement, d’inquiétude et de revanche ” Tˆ4] Rampion он закрыл книгу и поднял глаза. Это ваша программа — - сказал он, обращаясь к Филиппу. - Сформулировано Мари Ленеру в 1901 году. Многое лаконичный, ясный и полный. И, боже мой, какой ужас! Нет тела, нет контакта с материальным миром, нет контакта с существами люди, кроме как через интеллект, никакой любви…

— Мы немного изменили это, с 1901 года сюда, - сказал Филипп с улыбка.

- Не совсем. Вы признались в неразборчивом блуде, вот и все. Но не любовь, не естественный контакт и течение, не отказ от душевная гордость, а не факт отказа от инстинкта. Нет, нет. Вы, если они все еще цепляются за сознательную волю. Все должно быть expressément uoulu,

всю жизнь. И отношения должны быть чисто ментальными. И

жизнь должна быть жил, не как жизнь в мире живых людей, а как будто он состоял из воспоминаний, фантазий и одиноких медитаций. Один бесконечная мастурбация, как большая ужасная книга Пруста. Вот жизнь superior, то есть эвфемизм, означающий зарождающуюся смерть! Е примечательно, что символично, что эта Ленеру была глухой и почти слепой. И внешний и видимый знак внутренней и духовной истины. Бедная женщина! Она у него было хоть какое-то оправдание своей духовности. Но другие сторонники высшей жизни, те, у кого нет физических недостатков, больше вряд ли простительно. Они искалечили себя намеренно, ради удовольствия. Е жаль, что у них нет видимого горба или что глаза не у них сразу становитесь косоглазыми. Мы бы лучше знали, с кем были обрабатывать.

- Отлично, - сказал Филипп, качая головой со смехом притворное веселье, чтобы скрыть смущение, которое вызвало у него намеки. от Рампиона до физических дефектов. — Совершенно. - Никто не должен судить что под предлогом того, что у него искалечена нога, он не оценил правоту наблюдения Рампиона о деформации.

Безрассудное насилие его смеха заставило Рампиона бросить на него взгляд следователь. Что бы там было? Но он не хотел тратить время на поиски.

— Все это заразная ложь, - продолжил Марк, - и, более того,, глупая ложь; вся эта комедия притворяться более чем человеком. Е идиот, потому что этого никогда не бывает. Мы стараемся быть больше, чем люди, но мы можем просто взять себя меньше, чем люди. Всегда…

- Поддержали, поддержали! - сказал Филип. — “По земле мы ходим, крылья нам не нужны.”- И вдруг Филипп услышал сильный голос отца, говорящий-ему: “у меня были крылья. У меня были крылья”; он пересмотрел его перегруженное лицо и приятная розовая пижама. Это было смешно и прискорбно. - Ты знаешь, откуда он. это? - продолжил он. - И последний стих стихотворения, которое я написал для награды Ньюгейт в Оксфорде, когда ему был 21 год. Тема была “Король Артур”, если ну, я вспомнил. Бесполезно добавлять, что я не выиграл приз. Но стих был хорош.

- И жаль, что ты не жил по этому принципу —

- сказал Рэмпион, вместо того, чтобы заниматься проституцией с абстракциями. Но это ясно, нет никого, как страстный абстракций, чтобы осудить эти те же абстракции. Он знает по личному опыту, какая разрушительная сила жизни у них есть. Обычный человек может жить в гармонии с ними. Можно также иметь крылья, при условии, что нет забыть, что у тебя есть ноги. Это когда люди стремятся хотеть летать все время, когда их жизнь идет не так, как надо. У них есть амбиции быть ангелами; но большинство из них могут быть кукушками и гусями, с одной стороны, или стервятниками отвратительные и падающие вороны с другой.

— Но все это — - сказал Спандрелл, нарушая долгое молчание, - нет это происходит от Евангелия анимализма. Ты советуешь нам просто и ясно что мы ведем себя как звери.

- Я советую им вести себя как люди — - сказал он Рэмпион. - Что немного отличается. И более того, - добавил он - гораздо предпочтительнее вести себя как зверь, я имею в виду как зверь. настоящее и подлинное животное, не прирученное, изобретающее дьявола и в а затем перейти к подражанию самому изобретению…

Была короткая тишина.

“Если бы я сказал им, - подумал Спандрелл, - если бы я сказал им, что я закончу прыгая на человека из-за ширмы, ударяя его в сторону голова с гимнастической булавой?“Сделал еще один глоток бренди.

- Нет — - сказал я вслух, - я не уверен в том, что ты говоришь. Нести-если как животное, которое ниже добра и зла. Мы должны знать, что это такое ну, прежде чем мы сможем начать вести себя как черт. - И все же, все это было просто глупо, отвратительно и отвратительно. Да, и глубоко глупо, огромная глупость. В сердце собранного плода в древе науки добра и зла он нашел, а не огонь и яд, но только вощеная и отвратительная гниль, и некоторые личинки ребенок. - Вещи существуют только в зависимости от их противоположностей, - продолжил он он, нахмурив брови на собственные мысли. — дьявол это подразумевает Бога.

- Без сомнения, - с нетерпением вернулся Рэмпион. - Дьявол, который если бы абсолютное зло подразумевало Бога, который был бы абсолютным благом.

- Что дальше? Какое отношение это имеет к тебе или ко мне?

- Очень много, как мне кажется…

- Он имеет такое же отношение к нам, как и тот факт, что этот стол составлен электроники или бесконечной серии волн, которые колеблются в среде неизвестное или большое количество событий в четырехмерный континуум или что-то еще, что друзья ученые Филиппа уверяют нас, что она есть. Я имею в виду, что у них нет практически никакого отношения. Абсолютный Бог вас и абсолютный Дьявол они относятся к категории фактов, не представляющих интереса и человеческих отношений. As единственное, что касается нас, это маленькие боги и дьяволы относительные к истории и географии мелкие блага и относительные пороки индивидуальная казуистика. Все остальное нечеловеческое и не может быть и речи; если ты вы позволяете себе влиять на нечеловеческие, абсолютные соображения, так что вы делаете неизбежно, что ты сам мудак или жулик, или, может быть, и то, и другое. вещи вместе.

- Но это лучше, чем сделать из себя животное, - настаивал он Спэндрелл. - Я бы предпочел быть мудаком или целерадо, чем быть быком или собака.

- Но никто не просит тебя быть быком или собакой — - сказал Рэмпион нетерпеливо. - Никто не просит тебя быть тем или иным, кроме одного мужчина. Один человек, примите это к сведению. Ни ангел, ни дьявол. Один человек-это существо, которое ходит по натянутой веревке, которое ходит по ней аккуратно, сбалансированно, имея на одном конце палки это дает вам стабильность, дух, сознание, душу, и в другом конец инстинкту и всему бессознательному, всему земному и таинственный. В равновесии, да. Что чрезвычайно сложно. И единственный Абсолют, который он, возможно, никогда не знает по-настоящему, является абсолютом равновесия идеальный. Абсолют совершенной теории относительности. И это с точки зрения интеллектуальный, это парадокс, противоречие. Но это также Вся правда реальный, подлинный, живой; простой, противоречащий логике. И логика одна простое противоречие также в свете живой истины. Можно выбрать тот, который если хотите, логика или жизнь. И дело вкуса. Некоторые люди предпочитают быть трупами…

“Они предпочитают быть трупами…“Эти слова звучали как эхо в дух Спандрелла. Эверард Уэбли, который лежал на земле, привязан как курица-предпочел бы он и смерть?

— Несмотря ни на что, - медленно сказал Спандрелл — - есть определенные вещи, которые они всегда должны оставаться абсолютно и радикально злыми. Убийство, для пример. Он должен был поверить, что убийство было чем-то большим, чем это просто мерзко, грязно и отвратительно. Я хотел верить, что он был также ужасно и трагично. - Вот абсолютное зло.

- Но почему это должно быть самое абсолютное убийство, чем любое другое? вещь? - спросил Рэмпион. - есть обстоятельства, при которых он явно необходимо, хорошо, рекомендуется. По моему пути видите ли, единственный абсолютно плохой поступок, который может совершить человек, - это который смотрит против жизни, против собственной целостности. Он практикует плохо, если вы извращаетесь, вы фальсифицируете свои инстинкты.

Спандрелл оказался саркастичным:

- Мы вернемся к зверям. Поэтому мы должны идти в хищение, удовлетворяя все наши аппетиты по мере их проявления. Е это последнее слово человеческой мудрости?

- На самом деле это не так глупо, как ты пытаешься намекнуть. — сказал Рэмпион. - Если бы мужчины поставили себя на удовлетворение своих желаний инстинктивно только тогда, когда они чувствуют себя подлинно, как они делают животные, которых мы раздавили своим презрением, они будут вести себя очень сильно лучше, чем сегодня большинство цивилизованных людей. Это не естественный аппетит и спонтанное инстинктивное желание которые принимают человека настолько звериный, нет, “звериный” не является правильным словом; это подразумевает оскорбление к животным; скажем так, которые принимают его как сверхчеловеческую зависимость. И воображение, с его принципами, его традициями, его воспитанием. Оставь себя инстинкты сами по себе, и мы увидим, как они будут вызывать много небольшой ущерб. Если бы люди любили только тогда, когда увлекались страстью, если они бьют друг друга только тогда, когда они разгневаны или заземлены, если они только они были привязаны к собственности, когда у них была необходимость или когда они были тащили неконтролируемое стремление к обладанию, так что, уверяю вас, это мир будет

выглядеть гораздо больше как Царство Небесное, чем кажется

теперь при нашем нынешнем Христианско-интеллектуально-научном режиме. Это не инстинкт, который делает Казанов, Байронов, дамских замков; это воображение в зуде, который искусственно спорил аппетит, который acicata желания без естественного существования. Если дом-Хуаны и Дона-Хуаны если бы они подчинялись только его желаниям, у них было бы очень мало интриг. У них есть возбудить себя в воображении, прежде чем они смогут погрузиться в свои неразборчивая любовь. То же самое и с другими. Это было не совсем инстинкт владения, который захватил moderna Civilization, восхваляет деньги. Для этого нужно, чтобы инстинкт обладания был непрестанным и искусственно поощряется образованием, традициями и моральными принципами. Е необходимо, чтобы это повторилось с кучами денег, которые они накапливают. деньги-это естественная и благородная вещь, которой являются экономика и промышленность добродетели, которые убеждают людей покупать то, чего у них нет необходимость-это христианский долг. Ваш инстинкт владения никогда не будет достаточно силен, чтобы заставить их бесконечно толпиться с утра до вечера., всю свою жизнь. И нужно, чтобы он постоянно возбуждался воображением и интеллектом… Тогда подумайте о цивилизованной войне. Она не имеет ничего общего со спонтанной воинственностью. Человечество они должны быть ограничены законом, а затем возбуждены пропагандой, чтобы если они постучат. Это было бы гораздо более эффективной работой в пользу мира, если бы скажите мужчинам, чтобы они подчинялись спонтанным рефлексам своих воинственные инстинкты, чем создание независимо от того, сколько Лиг наций.

-Это будет еще намного больше, - пошутил Бурлап, - говоря им, что повинуйтесь Иисусу.

- Нет, не надо. Сказать им, чтобы они повиновались Иисусу, значит сказать им, что будьте больше, чем люди. И на практике, когда мы пытаемся быть больше, чем люди, мы всегда можем быть меньше людей. Рассказать людям повиноваться Иисусу буквально-значит косвенно сказать им, что если ведите себя, как придурки, и, в конце концов, как бесы. Смотрите пример… Старый Толстой, вот великий человек, который сознательно он превратился в придурка за то, что пытался быть больше, чем великим человеком. И твой ужасный Святой Франциск… - Здесь

Рэмпион повернулся к Бурлапу. — Еще один идиот. Но уже на грани дьявольства. С монахами Фиваиды видится тот же процесс продвинулся дальше. Они переступили черту. Прибывать

в демоническое состояние. Пытки самих себя, разрушение всего, что есть порядочный, красивый и живой. Вот их программа. Они стремятся подчиняться Иисус и за то, что он больше, чем люди; и все, что они могут сделать, это превратиться в воплощение чистого дьявольского духа разрушения. Они могли бы быть вполне приличными человеческими существами, если бы они ограничивались тем, чтобы идти своим путем, ведя себя естественно, я просыпаюсь со своими инстинктами. Но нет, они хотели быть больше, чем людьми. В к счастью, они превратились в демонов. Сначала идиоты, а потом глупые демоны. Ирра! - Рэмпион поморщился и покачал головой отвращение. — И когда думаешь, - продолжил он потом, с негодованием — что мир полон существ этого вида! Не так глупо, как Святой Антоний и его демоны, или как святой Франциск и его слабые дух. Но в том же порядке. Отличается только степенью. И все извращенцы так же стремятся быть нелюдями! Бесчеловечно религиозные, бесчеловечно моральные, бесчеловечно интеллектуальные и научные, нечеловеческие и эффективные, нечеловеческие люди бизнес, бесчеловечно скупой и жадный до имущества, бесчеловечно похотливый и dom-juanescos, бесчеловечно осознающие свою индивидуальность, даже в любви! Все это извращенные существа. Извращенцы в смысле зло или добро, плоть или дух; но всегда убегает от нормы центральный, бегущий от человечества. Мир-убежище извращенцев. Имеется четыре в томе из этого стола, прямо сейчас. - Посмотрел на Томо, расширяя зубы. - Чистый извращенец Иисуса. - Burlap у него была улыбка прощения. - Эстетико-интеллектуальный извращенец. — Спасибо за комплимент, - сказал Филипп. - Философский извращенец. — Повернулся к Спандреллу. - Маленький Ставрогин, не снимая и не надевая. Прости, что сказал Тебе, Спэндрелл, но ты действительно мудак. самый колоссальный из всех. - Он пристально смотрел на другого. - Ты улыбаешься, как все трагические персонажи художественной литературы объединены в один. Но нет продвигать. Ничто из этого не может скрыть простодушного болвана, который стоит низкий.

Спандрелл откинул голову назад и тихо засмеялся. Если Марк он думал, если бы Марк знал! Но если бы Марк знал… Было бы найти его менее глупым?

- Смейся, мой старый Достоевский! Но позволь мне сказать тебе, это Ставрогин, а не Мишкинˆˆ, который должен был носить имя “идиот”. Он из двух наиболее несравненно тупой, самый полный извращенец.

- А что за мудак и извращенец-четвертый человек, которого вы считаете сидя за этим столом? - спросил Филип.

- Да, что это за вид? - Рэмпион покачал головой. Ее тонкие волосы они порхали с шелковой рябью. 0 человек улыбнулся. - Извращенец педагог. Извращенец Иеремии. Извращенец в мире. И, прежде всего, болтливый извращенец. - Он поднялся. - Вот почему я уйду. Я так и говорил… нечеловечный. Поистине скандальный. Мне стыдно. Но вот зло, когда мы восставаем. против нечеловеческих вещей и людей мы тоже берем себя неизбежно нелюдей. Это полностью ваша вина.

У него был последний зубастый рывок, он махнул рукой и ушел.

Бурлап вернулся домой и обнаружил, что Беатрис, как обычно, ждет его. Сидеть-потому что это была очаровательная детская привычка, которую он за последние несколько недель он приобрел ее, сидя на полу у ног Мисс. Гилрей, с головой, в которой маленький постриг вырезался розовым посередине из темных локонов, прислонившись к ее колену, Бурлап потягивал ее горячее молоко и говорил о Рэмпионе. Был необыкновенным человеком, великим человек, даже. - Большой? - допросил Беатрис тоном неодобрение. Я не хотел слышать, приписывая качество величия одному живой человек (мертвые были чем-то другим, они были мертвы), если только если бы речь шла о самом Денисе… Это было не очень хорошо, чтобы быть “большим”, - настаивала она ревниво… Очень, очень не было, даже… Но почти… Если Рэмпион не было бы то странное отсутствие чувствительности к духовным ценностям, это повреждение, это слепое пятно к его отношению было понятно, в остальном. Он реагировал на все, что зашло слишком далеко в одном направлении.; но, увлеченный этой же реакцией, Марк зашел слишком далеко

в противоположном направлении. Его неспособность понять Сан-

Франциско, пример. Все эти гротескные и поистине ужасные вещи, которые он у меня хватило смелости сказать о святом. Это было необыкновенно и прискорбно.

- Что он сказал? - сурово спросила Беатрис. Со который знал Бурлапа, взял Святого Франциска под свое крыло. Burlap он сделал ему отчет, слегка очищенный от того, что сказал Рэмпион. Беатрис была возмущена. Как он мог говорить такие вещи? Как осмелился? Это было безобразие. Да, у Марка был этот недостаток, признал Бурлап, этот настоящий дефект.

Но было так мало людей, он собрал в благотворительном оправдании, что они родились с истинным вкусом духовной красоты! Рампион был, под многие аспекты, необыкновенный человек, но можно было бы сказать, что ему не хватает этот дополнительный орган чувств, который позволяет мужчинам такими, какие они есть Франциск осознает красоту, которая существует за пределами земной красоты. Дума довольно рудиментарным образом он, Бурлап, предполагал, что наделен этой силой. Как редко можно было встретить кого-то похожего на него! Почти все, в этом отношении это было странно для него. Это было то же самое, что иметь нормальное зрение в стране, где люди по большей части дальтоники. Беатрис Вы тоже этого не чувствовали? Потому что, было ясно, она была одним из редких существ с прекрасным зрением. Он сразу почувствовал это с первого раза, когда найти. Беатрис серьезно сказала “да”с головой. Да, она я тоже это чувствовал. Бурлап с улыбкой поднял глаза на подругу; он хорошо это знал… Беатрис чувствовала себя гордой и важной.

Эта концепция Рампиона о любви, например; Бурлап покачал головой. Как это было грубо, животно, телесно!

- Страшно, - яростно сказала Беатрис. Денис, подумал он, был таким другое!

Боюсь, он опустил взгляд на голову, которая покоилась с таким большим количеством уверенность против вашего колена. Мне нравилось, как его волосы они завивали, обожали их красивые, очень маленькие уши, и даже розовое пятно кальвиса, которое у него было высоко на черепе. Эта маленькая багровый постриг был, Беатрис не знала, почему, что-то жалкое и приглашающий. Было долгое молчание.

Бурлап наконец издал глубокий вздох.

- Как я сонный!

- Тебе следует лечь спать.

- Так устал, что у меня даже не хватает смелости двигаться… - Денис поддержал самое сильное лицо уперлось ей в колено и закрыло глаза.

Беатрис подняла руку, на мгновение колебалась, снова уронила ее, затем он поднял ее и осторожно провел пальцами по волосам темные и окольцованные Бурлапы. Было еще одно долгое молчание.

- О, не останавливайся, - спросил он, когда она наконец убрала руку. - Это так хорошо! Похоже, от тебя исходит такая добродетель… Ты почти исцелил меня от боли. голова…

- У вас болит голова? - спросила Беатрис, чья забота, как обычно это превращалось в своего рода гнев. - Так что у тебя есть просто ложись спать, - сказала она.

- Но я чувствую себя таким счастливым здесь…

— Не. Я настаиваю. - Его защитные материнские чувства были проснулся полностью. Это была тираническая нежность.

- Как ты cmel! - жаловался Бурлап, неохотно поднимаясь.

Беатрис была тронута сочинением.

- Я буду ласкать твои волосы, когда ты лежишь — она обещала.

Также теперь оплакивал потерю этого Момо мягкая тишина, той бессловесной близости, что ее взрыв деспотической заботы он так резко сломался. Беатрис оправдала себя объяснением. Боль голова вернется, если Бурлап не заснет в тот момент, когда она исчезать. И так далее.

Бурлап лежал в постели почти десять минут, когда Мисс берлап была в постели. Гилрей он пришел, чтобы выполнить обещание. Она была в зеленом халате и приносила желтые волосы заплетены в длинный толстый косичка, который качался тяжело, когда она шла, как пушистый, заплетенный хвост ярмарочная лошадь.

- Ты создаешь впечатление, что тебе двенадцать, с этой косой, свисающей с назад, - сказал бурлап, в восторге.

Беатрис немного нервно засмеялась и села на край кровати. Денис поднял руку и схватил густую косу.

- Какая прелесть! - сказал он. - Приглашаем нас потянуть…

Тянул легкомысленно, по игрушке.

- Осторожно! - она сделала предупреждение. - Я тоже вытащу ее волосы, несмотря на головную боль! За ней следуют темные кольца.

- Пакс! Paxlfóõ] _ _ умолял Бурлапа, возвращаясь к школьной лексике подготовительный, - я отпущу… Настоящая причина, - добавил он — - почему мальчики не любят драться с девочками просто потому, что они они гораздо более безжалостны и свирепы…

Беатрис снова засмеялась. Была тишина. Она немного задыхалась и шум, как мы чувствуем, когда с нетерпением ждем, что что-то случится.

- Как голова?

- Ничего хорошего.

Беатрис протянула руку и коснулась лба Бурлапа.

- Твоя рука волшебна, - сказал он. С быстрым движением и непредвиденный Денис свернулся калачиком под одеялом, лег на бок и приземлился голова на коленях Беатрис. - Вот так, - пробормотал он. И с вздох от удовлетворения, закрыл глаза.

В первый момент Беатрис была смущена, почти напугана. Эта темная голова, которая упиралась, жесткая и тяжелая, в ее бедра — это показалось ему странным, потрясающим. Она была вынуждена подавить небольшой холод, прежде чем я смогу чувствовать себя довольным тем, что было детская уверенность в жесте Бурлапа.

Начал ласкать ее лоб, ласкать ее скальп через из густых и темных вьющихся волос. Время прошло. Молчание Момо и мягкий снова

вовлек их, немая близость контакта была восстановить.

Беатрис перестала показывать себя тиранической в своей защитной заботе, она осталась просто бойся. Как будто доспехи твердости слились с ним. вокруг тела, испаряясь в этой интимной моме и рассеивая ужасы, которые сделали ее необходимой. Бурлап снова вздохнул. Находиться в какой-то счастливой мадемуазель чувственной пассивности.

- Лучше? - спросила она в мягком цикле.

— Еще немного болит со стороны, — пробормотал он в ответ, — Прямо под ухом. - И позволил ей закатить голову так, что Беатрис он мог бы легче добраться до болезненного места, пусть он катится так, пусть твое лицо упирается в ее живот, Этот мягкий живот, который он вибрировал с такой жизнью в ритме дыхания, что было так жарко и что это поддавалось давлению его лица.

При контакте этого лица с ее телом Беатрис внезапно почувствовала возобновление его спазматического озноба. Ваш кулачок терроризировал себя такой большой физической близостью. Но как Burlap не двигался, как не делал никаких опасных жестов, никаких движений, чтобы установление более близкого контакта, ее ужас мало успокоился. мало, и сердцебиение этого ужаса служило только для того, чтобы превозносить и усилить эту замечательную горячую эмоцию, которая последовала за ней. Беатрис он снова пробежал пальцами по волосам Бурлапа, снова и снова… Я чувствовал тепло его дыхания против его чрева. Слегка фремиу, его счастье взмахнуло крыльями, полное опасений и ожиданий. Ваш кулачок он дрожал, но все равно был веселым; он боялся, и в то же время любопытство; он сжимался, но позволял себе побеждать теплоту контакта, и даже среди всех его ужасов робко приходило желать…

- Лучше? - снова пробормотала Беатрис.

Денис сделал небольшое движение головой и сжал больше прижми лицо к мягкому кулачку Беатрис.

- Мне сейчас остановиться? - продолжила она. - Вы хотите, чтобы я ушел?

Бурлап поднял голову и посмотрел на подругу.

- Нет, нет, - умолял он. - Не уходи. Еще нет. Не ломай очарование. Оставайся здесь на минутку. Ложись на мгновение

под стеганым одеялом. Минутку.

Не говоря ни слова, она протянулась рядом с Денисом, и он накрыл ее мягкий; выключил свет.

Пальцы, которые начали ласкать руки Беатрис под ее широкий рукав трогали ее нежно, трогали духовно и как будто они не имеют значения. Они были похожи на пальцы этих резиновых перчаток. наполненные воздухом, которые так волнительно касаются нас по лицу, в тьма сеансов, приносящая нам реконфор Великого потустороннего и послание любви, исходящее от любимых существ, которые покинули это люди. Ласкать и быть одновременно резиновой перчаткой одухотворенный в сеансе, принимая интимные отношения, но как будто на другой стороне Великого запредельного — в этом был талант Бурлапа. Мягко, терпеливо, с бесконечной мягкостью, таким образом, бестелесный, он продолжал ласкать. Доспехи женщины были полностью слился. Это было сердце, ядро, мягкое, девственное и дрожащее от Беатрис, которую Бурлап погладил, с этим нежным трением пальцев спиритуалисты Великого запредельного. Доспехи Беатрис исчезли; но она чувствовала себя в такой чудесной безопасности с Денисом! Не испытывал никакого страха, или, по крайней мере, я не чувствовал, кроме слабых. задыхаясь от его еще почти детской камеры, которые они служили для того, чтобы оживить его счастье. Беатрис прекрасно себя чувствовала держись, даже когда после того, что казалось ей вечностью, восхитительные терпеливо повторяющиеся ласки, которые приходили и уходили от запястья до плечо-рука спиритуалиста уклонилась от потустороннего мира и коснулась его груди. Нежно, почти бестелесно, она нащупывала, как резиновая кожа, наполненная воздухом-духовно рука скользила по кулачку округлые, ангельские пальцы прогуливались по нему с блужданием по кожный покров. При первом контакте круглая грудь вздрогнула; у него были свои частные ужасы, В общем счастье Беатрис, в ее чувство безопасности. Но спиритическая рука повторила ласку-еще одну и снова-терпеливо, мягко. Нет тревоги, пока грудь, успокоившись и, наконец, желая, он пожелал своего возвращения; и все тело Беатрис фремиу, живая, под излучением желаний груди. И в темноте вечности продолжались.

ГЛАВА XXXV

На следующий день, вместо того, чтобы стонать при каждом повторении боли, мальчик начал кричать-выпускать крики за криками, все более резкими, повторяется с регулярностью, почти достойной часового механизма, в то время, которое казалось Элинор вечностью. Будут ли крики кролика, попавшего в ловушку. Но это было в тысячу раз хуже; потому что если он имел дело с кричащим ребенком, а не с животным; это был его сын, попал в ловушку и попал в лапы пыток. Элинор была ощущение, что я тоже застрял в мире. Жертва своей неспособности абсолютное облегчение боли сына. В ловушке этого темного чувства он был виновен в том, что верил в него, несмотря на то, что у него было. это убеждение, которое становилось все более и более гнетущим и удушающий, что все это было каким-то непостижимым чувством вины. это было наказание, недоброжелательно наложенное на другого, как искупление его преступления. Заперта в своей собственной ловушке, но исключена. из того, в котором был маленький, она позволила себе сидеть там, сидя, держа свою крошечную руку, как будто через решетку, невозможно идти на помощь больному, ожидая, во время хриплого и лихорадочного молчания от мальчика, пусть воспроизводится этот ужасный крик, пусть повторяется другой снова и снова вид этого внезапно искаженного лица этого маленького тело содрогается и мучается от боли, которая каким-то образом была причиненный им самим.

0 доктор пришел наконец со своими опиатами.

Филипп прибыл на поезде в полдень двадцать. Я не торопился, ни он встал рано, чтобы приехать на более утреннем поезде. Мне было скучно, если видеть вынужден покинуть Лондон. Его позднее прибытие имело характер дум протест. Элинор действительно должна научиться не шуметь каждый раз у ребенка были колики. Это было абсурдно.

Элинор ждала его у двери, когда ее муж вышел из машины; она была такой белый, такой усталый, глаза такие отчаянные и с такими темными кругами что, увидев ее, Филипп почувствовал шок.

- Но это ты болен! - с беспокойством воскликнул он. - Это

что там?

В первый момент она не ответила, но осталась обниматься с мужем, лицо, спрятанное в его плече, все юнгилось ему.

- Доктор Кроутер сказал, что это менингит, - пробормотала она наконец.

В половине пятого пришла медсестра, которую Миссис Бидлейк позвала утром по телеграмме. Ночные газеты прибыли тем же поездом; шофер вернулся с выбором из них. На первой странице рекламировалось обнаружение трупа Эверарда Уэбли в его собственном автомобиле. Быть старому Джону Бидлейку, который апатично спал в библиотеке, который сначала принесли газеты. Старик прочитал их и так возбудился к известию о смерти другого, который полностью забыл все проблемы, связанные с вашей. Помолодевший, он поднялся на Пинчо и побежал в вестибюль, размахивая газетой.

- Филип! - крикнул он сильным, звонким голосом, который убежал от него за последние несколько недель. - Филип, иди сюда немедленно!

Филипп, который только что вышел из комнаты больного и оказался в бегун, разговаривая с миссис Бидлейк, поспешно спустился вниз, чтобы посмотреть, что быть.

Джон Бидлейк протянул ему газету с почти триумфальным выражением на лице.

- Прочтите это, - приказал он с видом важности.

Когда Элинор узнала эту новость, она едва не потеряла сознание.

- Думаю, ему лучше сегодня утром, доктор.

Доктор Кроутер нащупал галстук, чтобы убедиться, что он правильный или не. Это был маленький, активный мужчина, одетый почти в безупречность чрезмерный.

- Спокойнее, а? Спать? - спросил в телеграфном стиле. Его

разговор сводился к строго необходимому. Быть

просто понятно и ничего больше. Не тратил энергию на произносить бесполезные слова. Доктор Кроутер рассказал, как производятся автомобили Форд. Элинор голосовала за него с сильной неприязнью, но уверенность в человеке именно из-за тех же качеств живой эффективности и уверенности в себе, которую она ненавидела.

- Да, это верно, - подтвердила она. - Он спит.

— Естественный… - сказал доктор Кроутер, сделав своей головой знак утверждение, как если бы все это было предсказано — как это было на самом деле; потому что молестия шла своим неизменным курсом.

Элинор сопровождала его на второй этаж.

- И хороший знак? - спросила она голосом, который умолял благоприятный ответ.

Доктор Кроутер высунул губы вперед, слегка выстрелил в голова в сторону и пожал плечами.

— Хорошо… - сказал он, не совершая; он замолчал. Сэкономил по крайней мере, 1 фут-фунт энергии воздержание от объяснения того, что при менингите, за начальной фазой возбуждения следует фаза депрессии.

Мальчик теперь проводил дни, спя в каком-то ступоре., не страдая (Элинор благодарила Небеса), но давая доказательство, самым способом тревожно, полное отсутствие интереса ко всему, что происходило в я принимаю, как будто я не совсем жив. Когда он открыл глаза,, Элинор видела, что ее зрачки настолько сильно расширены, что в них почти нет ирисов было больше. Синий и озорной взгляд ребенка был взят из невозмутимый негрор. Свет, который заставил его ужасно страдать в первые дни от болезни его уже не беспокоило. Фил больше не вздрагивал и не дрожал. каждый шум. И даже, казалось, не слушал, когда с ним говорили. Два дня, если они прошли так; внезапно, с ужасным чувством падения в вакуум, Элинор поняла, что ее сын почти полностью глухой.

- Глухой? - повторил доктор Кроутер, когда мама рассказала ему

о удивительное открытие. - Общий симптом.

- Но ничего нельзя с этим поделать? - спросила Элинор. А ловушка закрывалась на ней, ловушка, из которой, как считалось, освобождалась,

когда эти ужасные крики затихли до тишины.

Доктор Кроутер энергично покачал головой, но однажды только в каждое направление. Он не говорил. Сэкономленный фут-фунт равен 1 полученному фут-фунту.

- Но мы не можем сделать его таким глухим — - сказала Элинор, когда врач ушел, обращаясь к мужу, в каком-то отчаянии неверующий. -Мы не можем оставить его таким, глухой! - Она знала, что Филипп не он ничего не мог сделать; и все же он надеялся… Я понимал ужас, но отказывался-если вы ему поверите.

- Но если доктор говорит, что ничего нельзя сделать…

— Но… глухой? - она продолжала повторять, допрашивая тоном. — Глухой? Фил? Глухой?

- Может быть, это пройдет мимо вас, - предложил он утешить ее; и остался спрашивая вас, в тот момент, когда вы произносили эти слова, если женщина еще представляла, что ребенок заживет.

На следующий день, рано, когда, засунувшись в свой халат, она взобралась на кончик от ног, чтобы услышать, как медсестра делает ей вечерний отчет, Элинор нашла сын уже проснулся. У него было зияющее веко и глаз, весь зрачок, он смотрел вертикально на потолок; другой был прищурился, в одном постоянное Подмигивание, которое придавало худому шелушащемуся личику ужасное выражение gaiatice.

- Он не может его открыть, - объяснила медсестра. - Глаз парализованный.

Среди акул длинные вьющиеся ресницы, которым она так часто завидовала, Элинор вы можете видеть, что глазное яблоко свернулось во внешний угол орбиты и он пристально смотрел в сторону, в неподвижном, слепом косоглазии.

- Почему, черт возьми, - спросил Катберт Аркрайт тоном того, кто чувствует себя лично обиженным - почему, черт возьми, Куорлз не возвращается в Лондон?

- Я надеялся вырвать у вас предисловие к вашему новому иллюстрированному изданию

Побаловать себя Геронда́ми.

“Рустика” Филиппа, полисилабически объяснил Вилли Уивер, не она была волонтером.

- Сын болен, - сгребла она, испуская свой маленький кашель само-аплодисменты; - он, кажется, очень неохотно, как можно было бы сказать в Дании, дольше оставаться в блаженстве.

— В таком случае было бы хорошо, если бы он парировал, — ворчал Аркрайт. Нахмурился. - Может быть, мне бы пригодился еще один для моего. предисловие.

В Гаттендене дни были похожи на последовательные стадионы мечты. ужасно и невероятно. Через два дня после того, как он оглох, маленький Фил прекратил также видеть. Косоглазие полностью ослепило. Итак, на мысе почти неделя перемирия, был резкий поворот от боли первых дни; мальчик начал кричать. Позже ее несколько раз арестовывали за насилие припадки; можно было бы сказать, что дьявол вошел в его тело и стал бы пытать его внутренне.

После этого одна сторона лица и половина больного тела подверглись нападению паралич и мясо начало потреблять себя почти заметно на костях, как воск, который тает от тепла внутреннего и невидимого огня. В ловушке своего бессилия и этого ужасного чувства виновность в том, что известие об убийстве Эверарда Уэбли было сильно усилившись, Элинор сидела у постели сына и он наблюдал за фазами бедствия, которые сменяли друг друга — каждый, он казался ему хуже, чем предыдущий, и еще более ужасающе невероятным. Да,

невероятный. Потому что такие вещи не могли случиться, они не случались.

По крайней мере, ей. Сын нашего не мог так страдать. безвозмездные пытки и деформации на наших глазах… Мужчина который любил нас и чью любовь мы почти решили вернуть (но, ах! каким греховным, преступным образом и-как показали

события-фатальные !) не может быть внезапно и таинственно убитый… Подобные вещи просто не могли произойти. Они были невозможны. И все же, несмотря на эту невозможность, Эверард был мертв, и маленький Фил каждый день откладывал мучения новое и еще более крутое. Невозможное стало реальностью, как в кошмар.

Внешне Элинор ходила очень спокойно, тихо и активно. Когда медсестра жаловалась, что еда, которую они посылали ей в комнату больные приходили охлаждаться по дороге (не могли дать ему чай из Индии, вместо чая из Китая, который нарушал пищеварение?), Элинор послала искать Липтона и принял меры, несмотря на страстные возражения Доббс, так что закуска и ужин медсестры с того момента в когда они поднимались в посуду, нагретую горячей водой, они носили его в доме на завтрак. Все, что доктор Кроутер, в стиле Телеграф, велел ей делать, она делала пунктуально-все, кроме продлить ваши часы отдыха. Сама медсестра должна была признавая, хотя и неохотно, что Элинор поступила так дотошно и методично. Но при этом врач приглашал на отдых, в часть, потому что она хотела быть одной в комнате больного, без никто не боролся за королевскую власть, отчасти бескорыстно, за ну и самой Элинор. Это спокойствие, она хорошо его видела, было результатом усилие; это была жесткость крайнего напряжения. Филип и миссис Бидлейк не они меньше настаивали на том, чтобы она отдыхала; но Элинор не хотела их слушать.

- Но я в полном порядке — - возразил он, отрицая свидетельство его бледности и черных кругов, которые он имел вокруг глаз.

Я хотел, если это возможно по-человечески, никогда больше не есть и не спать.

Когда Эверард был мертв, а мальчик подвергся пыткам на его глазах, казалось-ему почти цинизм, есть и спать. Но простой факт

владения тело-это циничный комментарий к душе и всем ее нормам. И однако цинизм, который душа должна принять, нравится ей это или нет. Элинор ИА, да, ложиться в прочитанные часы, и спускаться к трапезе - чтобы хотя бы мог бы иметь силы, чтобы вынести еще больше несчастий. Страдание было единственным

то, что она могла сделать; она хотела страдать как можно больше, столько же как в интенсивности.

- Так как мальчик? - я спрашивал его отца, когда они виделись в ужин. Задавал вопрос небрежно, нападая на его кусок куриный. И когда Элинор давала какие-либо расплывчатые ответы, он проходил мимо спешите к другому вопросу.

Джон Bidlake отказался с упрямством, с самого начала болезни внука, подойди к нему в комнату. Я всегда ненавидел зрелище страдание и болезнь, все, что могло напомнить ему о боли и смерти. — вещи, которых он так мучительно боялся для себя. И в настоящем случае, у старика было особое основание для его террора. Потому что с этим талант изобретателя личных суеверий, который всегда отличал его, он тайно пришел к выводу, что его собственная удача связана с от маленького. Если этот заживет, он тоже заживет. Если нет… Раз сформулированное суеверие больше нельзя было игнорировать. “Нелепо”, он пытался успокоиться: “это совершенно глупо, это глупо!” Но каждый неблагоприятный бюллетень, исходящий из комнаты мальчика, заставлял его чувствовать озноб. Если бы он вошел в этот отсек, он был бы почти уверен, откройте для себя, абсолютно бесплатно, ужасное подтверждение его предчувствия. И, может быть (кто знает?) страдания мальчика, через какой-то таинственный процесс они могут попасть в его тело. Джон Бидлейк даже не хотел слышать о мальчике. Часть вопросы он никогда не говорил о внуке, и всякий раз, когда кто-то другой говорил об этом, или старик менял ход разговора (одновременно касаясь дерева, он крадется; или убегает в где я не мог слышать. Через несколько дней другие научились понимать и уважать свою слабость. И Унесенные этим чувством, что постановляет, что к осужденным преступникам относятся с добротой особенно, они были осторожны, чтобы в присутствии старого Бидлейка избежать любой намек на то, что там происходило.

Тем временем Филипп, беспокойный, промахивался по дому.

Время от времени он ходил в комнату своего сына, но после того, как он сделал попытку, всегда не имея возможности уговорить Элинор покинуть комнату, он спустился к мысу. несколько минут.

Я бы не смог долго терпеть эту среду. Находиться в ужасе от бесполезности упорных бдений Элинор; я всегда ужасаюсь, что ничего не делаю, и в таких обстоятельствах, длительный период душевной незанятости был бы для него пыткой. Мы перерывы в посещении больничной палаты он читал, пытался писать. Затем было дело Глэдис Хелмсли, которое нужно было раскрыть. Болезнь маленький взял его невозможное путешествие в Лондон, освобождая-так к необходимости иметь личное интервью с Глэдис. Это была Вилли Уивер-Вилли, который был не только адвокатом, но и самым преданным из друзья-что Филипп делегировал задачу по решению этого вопроса. И с чем сильное облегчение! Я был очень напуган идеей встречи с Глэдис. Вилли, напротив,казалось, наслаждался этим.

“Мой дорогой Филипп”, - написал он.

“Я сделал все возможное для автора твоих дней; но даже это возможно обещает быть несколько дорогим, несмотря на сожаления. У леди есть все соблазнительные прелести молодежи (только профессиональный этикет помешал этому я бы сам попробовал небольшую игривую суперфектацию); но она тоже бизнес-леди. Кроме того, его чувства к твоему Старый отец насыщен ферокией. Я вынужден признаться, после что я слышал от нее, что я считаю их справедливыми. Ты знаешь, где он кормит своих красавицы? Чез Лайонс. Должен ли человек быть сумасшедшим бармецидомˆ?], как я объяснил молодой леди после того, как она описала мне это особенность. (Излишне говорить, что существо не понимало атицизм образа; к счастью, я предлагаю вам это, на основе комиссия в размере 5 процентов по всем авторским правам, соответствующим продажа любых работ или работ, в которые вы хотите ввести выше изображение). Скажи своему поклонению, что на этот раз постарайся потратить немного больше в ваших развлечениях; это, вероятно, будет больше экономично, в конце концов. Советует ему удовлетворить обжорство в то же время шаг за смазывающей способностью; он просит вас обуздать экономию и умеренность. Я вернусь в атаку завтра, надеясь, что смогу сформулировать, ниггер в белый,

условия мирного договора. Мне жаль слышать, что ты

потомство не идет хорошо.

Твой W. W.”

Филипп улыбнулся, когда прочитал это письмо, и подумал: “Слава Богу, дело в правильный”. Но последнее предложение смущало его удовлетворение и его чувство облегчения. “Какой неизмеримый эгоизм!”,- подумал он в самоцензура. И, как для покаяния, он хромал в комнату заболел и на мгновение сел рядом с Элинор. Маленький Фил лежал в состоянии ступора. Его лицо было почти неузнаваемо шелушащаяся и исчезающая, парализованная сторона поворачивается в своего рода esgar асимметричный. Их маленькие руки постоянно хрустели, хватаясь за покрывала кровати. Дышал то слишком быстро, то так медленно, что это привело к вопросу, дышит ли он еще.

Медсестра пошла вздремнуть; потому что ее ночи были половина прошла ясно. Родители позволили себе сидеть в тишине. Филипп взял ее из руки жены и сохранил в своей. Измеряется этой легкой нерегулярное дыхание, исходящее из постели, время шло медленно.

В саду Джон Бидлейк рисовал-женщина наконец-то получила, что он провести эксперимент-впервые после вашего приезда в Гаттенден. И впервые забыв о себе и своей растерянность, художник чувствовал себя счастливым.

“Какое очарование!”- думал он. Пейзаж был все кривые, выпуклости и округлые вогнутости, как человеческое тело. Орбизм, добрый Бог, орбизм! Облака были задними херувимами; этот гладкий холм был чрево главка нереиды; “Пончейра” Гаттендена была огромной пупок; каждый из этих шлемов на среднем плане был великим силеном только что вышедший из Иордана, и эти абсурдные заросли округлые вечнозеленые на переднем плане были множественные сиськи Зеленая Диана из Эфеса. Целая анатомия в листве, в в тумане и в бурной земле. Замечательно! И, боже мой, что можно взять из этого! Эти ягодицы Серафимов должны были быть небесными отражениями

сисек Дианы; одна тема орбиты, с вариациями; ягодицы наклонены к снаружи, наклонно пересекая экран в направлении поверхности

рамка; грудь, наклоненная к центру и наклонная к внутреннему направлению. И отполированный живот будет поперечным и горизонтальным примирением двух диагональные движения, с великими Силенами, расположенными перед ним в легкий зигзаг. А на переднем плане слева будет контур силуэт веллингтонии, пересаженный в это место воображение для того, чтобы прекратить движения и остановить их от бега за кадром; и каменный Грифон был бы очень хорошо справа-потому что это была замкнутая композиция, маленькая вселенная с границами за пределами что воображению не разрешалось рисковать. И глаз должен был созерцать ее, как будто через воображаемый туннель, не имея возможности отойти от фокуса, центра обширного пупка “Пончейры” Гаттендена, в фолиант, из которого были бы все остальные фрагменты Божественной анатомии гармонично сгруппированы. - Господи! - сказал Джон Бидлейк о вас, чтобы Си, хуля вслух от чистого духовного удовлетворения. - Господи! — Вдруг он рисовал с какой-то яростью.

Заблудившись в саду, в своем бесконечном крестовом походе против сорняков, Миссис Бидлейк остановилась на мгновение позади него и оглянулась ему через плечо.

- Восхитительно, - сказала она; и этот комментарий относился так же к деятельности то же самое с мужем как к его живописным результатам.

Отошел в сторону и, вырвав одуванчик, остановился и встал, с закрытыми глазами, повторяя свое имя: - Джанет Бидлейк, Джанет Бидлейк, Джанет Бидлейк-бесконечно, пока слоги не потеряли все если бы они были такими загадочными, такими бессмысленными и такие же произвольные, как слова некроманта… Абракадабра, Джанет Бидлейк — действительно ли она? Она действительно существовала? И деревья? А как же люди? этот момент и прошлое? И все… ?

Между тем, в комнате мальчика произошло нечто экстраординарный. Внезапно, без предупреждения, маленький Фил открыл глаза и заглянул в фолиант. Его взгляд встретил взгляд матери. Насколько это позволяло ему искривленное лицо,

мальчик улыбнулся.

- Но он видит! - крикнула Элинор. И, стоя на коленях у подножия кровати,, обвила сына руками и начала целовать его с любовью, которая была воодушевленный приступом страстной благодарности. После стольких дней

слепое косоглазие, она была признана ему, глубоко признана., за этот взгляд разума, который ответил на его, за то, что бедная хрустящая попытка улыбки. - Дорогой! - повторял Элинор; и впервые через много дней он расплакался. Повернулся лицом, чтобы чтобы сын не видел ее слез, встал и отошел от кровати. — Что глупость моя! - сказала мужу в качестве оправдания, пока вытирала глаз. - Но я ничего не могу с собой поделать…

- Я голоден — - внезапно заговорил маленький Фил.

Элинор снова опустилась на колени у подножия кровати.

- Что ты хочешь съесть, дорогой?

Но малыш не слышал вопроса.

- Я голоден, - повторил он.

- Он еще глухой, - сказал Филипп.

- Но смотри, говори! - У Элинор было преображенное лицо. Находиться несмотря ни на что, она все время убеждалась в том, что невозможно сын не зажил. Абсолютно невозможно. И теперь они увидят, что у нее есть причина… - Тихо. Я бегу за молоком.

И выскочил из комнаты.

Филипп стоял у кровати. Он погладил руку сына и улыбнулся. Мальчик улыбнулся в отместку. И писатель тоже начинал верить, что можно произвести чудо.

- Нарисуй для меня что-нибудь просила малышка.

Филип достал перьевую ручку из кармана и на обратной стороне старого письма, нацарапал один из этих пейзажей, полный слонов и дирижаблей, поездов, летающих свиней и пароходов — вещи, для которых у сына был один особая слабость. Слон столкнулся с поездом. Слабо, но с явная радость, маленький Фил начал

смеяться. Не могло быть сомнение; чудо действительно действовало.

Элинор вернулась с молоком и тарелкой варенья. У него были розовые лица, его глаза сияли, и лицо, которое в последние дни всегда ходило сжимаясь в фиксированном выражении жесткости, он снова встал в мгновение ока.

вся его мобильность выражения. Было сказано, что она только что воскресла.

- Иди посмотри на слонов, - сказал маленький Фил. - Так смешно! — Быть между каждым глотком молока и каждой ложкой варенья Филипп должен был показать-вы Последние дополнения к своему населенному пункту, киты в море, дайверы зажаты омарами, две подводные лодки в бою и одна бегемот на воздушном шаре; извергающийся вулкан, пушки, Маяк и все армия свиней.

- Почему ты ничего не говоришь? - вдруг спросил маленький.

Муж и жена смотрели друг на друга.

- Он нас не слышит, - сказал Филипп.

Выражение счастья Элинор на мгновение затуманилось.

- Может быть, завтра, - сказала она. - Если слепота исчезла сегодня, что завтра не исчезнет и глухота?

- Почему они шепчутся? - спросил маленький.

Единственный ответ, который могла дать Элинор,-это поцеловать его и погладить по лбу.

- Мы не должны утомлять его, - наконец сказала Элинор. - Я думаю, ему хорошо спать.

Постучал больным по подушке, разгладил покрывала и наклонился над ним.

- Увидимся, дорогой!

0 маленький Фил может ответить хотя бы на вашу улыбку.

Элинор отодвинула шторы, и они вышли, оба на цыпочках. В

коридоре она повернулась и ждала прихода мужа. Филипп связал ее рукой и Элинор прислонилась к нему, испустив большой вздох.

— Я начинал бояться, - признался он, - что кошмар длился вечно. До конца.

В тот день закуска была похожа на праздник Воскресения, таинство Пасхи. Элинор оттаяла, снова была женщиной плоть, а не камень. И бедная Мисс. Фулькс, у которого симптомы спад был идентичен таковым от сильного холода mui сопровождаемый прыщами, он возобновил появление почти человек и был тронут истерическим смехом из-за шуток и анекдотов также воскрес Джон Бидлейк. Старик вошел, потирая руки.

- Какой пейзаж! - воскликнул он, садясь за стол. — Столь сочные, такие сочные; я не знаю, понимают ли они, что я имею в виду; так мясистый… Другого слова нет. От одного взгляда у нас в рот поливается вода. Это может быть вот почему я приношу волчий голод.

- Вот твой бульон — - сказала ему жена.

- Но ты не можешь ожидать, что я буду рисовать все утро, глотая только эти промывочные воды… Несмотря на протесты, художник настаивал на съесть кусок мяса.

Известие о том, что маленький Фил будет лучше, увеличило его удовлетворение. (Джон Бидлейк играл на дереве три раза, обеими руками одновременно время.) В остальном, по правде говоря, он очень любил своего внука. Начать разговаривал, и говорил старый Бидлейк гаргантюеско. Мисс. Фулкс засмеялся так сильно из одного из анекдотов о Уистлере, что он задохнулся и ушел вынуждена спрятать лицо в салфетку. Даже в смутной доброжелательности улыбка Миссис Бидлейк был намек на все, что напоминало к веселью.

Ближе к трем часам Джон Бидлейк начал чувствовать недомогание, которое это было знакомо, но принималось от момента к моменту более острого, в область диафрагмы. Он был потрясен рыданиями. Пытаться продолжить свою картину; но все удовольствие, которое он испытывал на работе он испарился. Сиськи Дианы и задницы ангелов потеряли все очарование для него. “Небольшое препятствие в привратнике…“Медицинские фразы сэра Герберт вернулся к нему в память. “Содержимое

желудка… Определенный трудности с переходом в двенадцатиперстную кишку…“После более сильного рыдания что другие, он бросил из кистей и взял, чтобы войти в дом, чтобы лечь.

- Где папа? - спросила Элинор, когда спустилась к чаю.

Миссис Бидлейк покачала головой.

- Он снова не очень хорошо себя чувствует.

- О!

Была тишина, и это было похоже на то, что внезапно смерть оказалась там в комната с ними. Но в конце концов, размышляла Элинор, он был стар; это это было неизбежно. Отец мог быть хуже, но маленький Фил был лучше; и

это было единственное, что действительно имело значение. Начал говорить с мать по поводу сада. Филипп закурил сигарету.

Они постучали в дверь. Это была горничная в комнате, которая была со стороны медсестра; пусть Господь и госпожа сделают одолжение, чтобы подняться немедленно.

Припадки были очень сильными; изношенное тело находилось никаких сил. Когда они вошли в питомник, маленький Фил был мертв.

ГЛАВА XXXVI

“Тайна Уэбли”, как ее окрестили газеты, не теряя ни минуты, это было полно. Намека не было. В штаб-квартире свободных англичан никто ничего не знал. Уэбли ушел в обычное время, взял его привычное средство передвижения. Потому что у меня не было обычая говорить с подчиненные о своих личных делах, никому не говорили, где пойти. И, вне офиса, никто не наблюдал машину из в тот момент, когда Уэбли отправил шофера к тому, когда агент полиция Сент-Джеймс-сквер начала спрашивать вас, там по полночь, сколько еще там будет припаркован автомобиль.

Никто не заметил автомобиль, когда он остановился в этот момент, никто я наблюдал за водителем, когда тот выходил из машины. Единственные отпечатки пальцев на эмали кузова и на рулевом колесе были отпечатками мертвый. Человек, который вел машину после преступления, привез очевидно, перчатки.

Нет, намека не было. Прямых указаний не хватало. Полиция сделала что можно с косвенными. Тот факт, что кражи не было, казалось, указывал очевидно, политический мотив преступления. В архивах свободных англичан сохранилась целая коллекция писем с угрозами. Уэбли получил два или три в неделю. “Это мое любимое чтение…“он любил сказать.

Искали авторов. Два русских еврея из Хаундсдича, один машинистка из Ноттингема и молодой и пылкий студент Баллиола были были признаны авторами самых угрожающих писем и арестованы, но тюрьмы должны были быть смягчены почти сразу. Прошли Дни. Эй убийцы остались в Убердаде. Не позволяли интересу общественность в криминальном фолианте уменьшилась.

Консервативная пресса открыто утверждала, что и либеральное правительство-лейбористы дали инструкции полиции, чтобы дело не было слишком внимательно осмотрел. “СОКРЫТИЕ УБИЙЦ.” “СОЦИАЛИСТЫ БОЯТСЯ СВЕТА.““ПОЛИТИКА ПЕРЕД ДЕСЯТЬЮ ЗАКОН.“Заголовки были сильными, живыми. Это преступление было

дар небес для оппозиции. Daily Mail предложила награду 10 000 фунтов тому, кто дал информацию, ведущую к аресту убийц Уэбли.

Между тем, свободные англичане видели, что их эффективность почти удвоилась через неделю. “ВЫ НА СТОРОНЕ УБИЙСТВА? ЕСЛИ ВЫ НЕ, Я придерживался свободных англичан”, - кричали плакаты на каждом сайдинге. строительный.

Войска свободных англичан, в форме или в гражданской одежде, бродили по улицы Лондона, вербовка. Проведение патриотических демонстраций и работы от сыщиков-любителей. Они также воспользовались возможностью, чтобы избиение определенного количества людей, с мнениями которых они не соглашались. В Тоттенхэм и Ист-Хэм вели генеральные сражения

с враждебными толпами и ранили многочисленных полицейских. В эксекиях Эверарда Уэбли, зеленая процессия длиной 5 километров следовала за СКИФом к могила.

Спандрелл читал каждую газету каждое утро. Дневники развлекали его. Какой фарс! Какая комедия! Какой бесподобный идиотизм! Он послал Иллиджа, который уехал проводить время со своей матерью, в Ланкашир, иллюстрированная открытка, на которой Эверард был одет в на своем белом коне; магазины были заполнены одинаковыми карточками; уличные торговцы предлагали их на улицах. “Мертвый лев в порядке больше вреда, чем живая собака”, - написал он на обратной стороне карты. “Бог всегда был шутником.“Лучшая шутка Бога в его личное мнение заключалось в том, что его не существует. Просто не существует… Ни Бог и дьявол тоже. Потому что, если бы существовал дьявол, существовал бы и Бог. Единственный то, что существовало, было воспоминанием о отвратительной и отвратительной глупости, и теперь грозная комедия. Сначала одна вещь для мусорное ведро, а потом подделка. Но, может быть, дьявол был на самом деле даже дух мусорных баков. А Как Же Бог? Бог в этом случае будет просто отсутствие мусорных баков.

“Бог не в стороне, он не выше, он не снаружи. Спандрелл се напомнил, что Рэмпион сказал это однажды. “По крайней мере, ни один гуманно важный или последующий аспект Бога выше или

вне нас. Бог также не находится внутри нас, в том смысле, что протестанты приписывают это выражение-спрятанный в безопасном месте в наше воображение, наши чувства и наш интеллект, наши душа. Бог в нас, естественно, как и во многих других местах. Но он в нас в том же смысле, что и кусок хлеба в нас когда мы его едим. Бог есть в нашем теле, в нашей крови и наш кишечник, наше сердце, наша кожа, наши почки. Бог есть тотальный, духовный и физический результат всякой мысли, всякого действия, которое это означает жизнь, все жизненные отношения с миром. Бог-это качество от наших действий и от наших отношений качество ощущается, ощущается. По крайней мере, он такой во всем, что касается нас, нас и нашей жизни. Потому что, естественно, что касается мудрости и домыслов, он это может быть также десятки других вещей. Это может быть рок из Возрасты; это может быть Иегова Ветхого Завета, это может быть все, что хотеть. Но какое отношение он имеет к нам, телесным живым существам? Никакой — по крайней мере,

ничего, что не вредно. С того момента, как мы позволили спекулятивной истине занять место в качестве ориентира жизни от инстинктивно ощущаемой истины мы обрекаем все на гибель.”

Спандрелл начал свой протест. Мужчины должны иметь абсолюты, они должны иметь для своей ориентации фиксированные внешние знаки. “Музыка существует”, - сказал он в заключение, ” хотя вы лично не слушали музыку. Мы обязаны признать его существование абсолютным, отчетливым образом. о нашей личной способности слушать и ценить ее.”

“Умозрительно, теоретически это так. Прими это до такой степени, что ты окей. Но не позволяй своим теоретическим знаниям влиять на твои практическая жизнь. Абстрактным образом ты знаешь, что музыка существует, и она прекрасна.; но не уходи оттуда, чтобы притвориться, слушая Моцарта, что ты в восхищение, которого ты не чувствуешь. Если ты поступаешь так, ты становишься этих глупых музыкальных снобов, которые встречаются в доме Леди Эдвард Тантамаунт. Не в состоянии отличить Баха от Вагнера, но пускает слюни от экстаз, когда скрипки дают о себе знать. То же самое происходит с Бог. Мир полон совершенно нелепых религиозных снобов. Люди, которые по-настоящему не живы, которые никогда не совершали действий поистине жизненные, которые не имеют живого отношения ни к чему; существа

которые не имеют ни малейшего личного или практического знания о том, что такое Бог. Но они ходят по церквям, рычат своими молитвами, извращают и разрушают тотальность его существования тусклая, действующая по воле произвольно воображаемой абстракции, которую они решили назвать Бог. Они такие же гротескные и неряшливые, как музыкальные снобы дома Леди Эдвард. Но никто не имеет здравого смысла говорить им это. Эй Божьи снобы восхищаются, потому что они такие хорошие, такие благочестивые, такие христианский… Однако они-не что иное, как мертвые существа, просто мертвые. Они заслуживали хороших ударов по заднице и дергания за уши, чтобы если они предупредят и вернутся к жизни.”

Спандрелл теперь вспоминал диалог, когда писал адрес в открытка, которую я собирался отправить Иллиджу. Бога не было, Дьявола не было; что там было просто воспоминание о жалком фарсе посреди банок из мусора, из эпизода инфекционной

деятельности скарабея-Бостона. Божий Сноб — вот как Рампион назвал бы это… Человек, который он вел себя как скарабей, ищущий Бога, Которого не было. Но нет, нет, Бог существовал внешне, Абсолют. Без этого, как объяснить провидение и судьба?

Бог существовал, но скрыт. Он специально прятался. Речь шла о только вытеснить его из своего логова, из своего абстрактного и абсолютного логова., заставить его двигаться вперед как качество, которое ощущается и ощущается из личных действий это был случай насильственного вырывания его из ” вне ” и из “вверх” и привести его в “внутри”.

Но Бог был грабителем. Спандрелл насильственно вызвал его в явиться; и из кровавого пара жертвы волшебным образом вышел просто мусорное ведро. Но даже неудача чар была доказательство того, что Бог был там, что Бог существовал, снаружи. Ничего не происходит человек, который не похож на этого человека. Мусорное ведро для мусорного ведра мусор; навоз к навозу. Он был неудачным в попытке сделать, что Бог проходите снаружи раха внутри. Но появление мусорного бака подтвердило реальность Бога как Провидения; Бога как судьбы; Бог как диспенсер или как скупой хранитель благодати; от Бога как спаситель или предопределенный разрушитель. Его предопределенная удача была это-мусорные баки… Давая вам мусорные баки еще раз,

провенциальный Вымпел показал себя только согласованным с самим собой.

Однажды в Лондонской библиотеке Спэндрелл встретил Филипа Куорлза.

- Мне было очень жаль слышать новости о твоем сыне — - сказал он. Филип пробормотал несколько слов, создав впечатление, что он чувствует неси недомогание, как человек, оказавшийся в затруднительном положении. неловкий. Для него было невыносимо, чтобы третья сторона склонялась над его болью; личная, тайная, священная боль. Ей было больно разоблачать ее. Мне было стыдно.

- Это был особенно беспричинный ужас — - прокомментировал он, чтобы привести к разговор о том, что у нее было от личного и личного, к области общий.

- Все ужасы бесплатны, - волвеу Спандрелл. - И Элинор, как вы выдерживаете удар?

Вопрос был прямым, Филипп должен был дать ему ответ.

- Едва, - сказал он, качая головой. - Она глубоко измотана.

Почему, размышлял он, почему голос его звучал так нереально и так пусто?

- Что ты теперь будешь делать?

- Мы уезжаем за границу через несколько дней, если Элинор осудит себя способен выдержать путешествие. Я думал о Сиене. А потом мы пойдем, может быть, в берег моря, в любой части Мареммы. - Это было для него облегчением. таким образом, чтобы войти в эти географические детали.

- Ты окончательно отказался от этой английской семейной жизни, а? — сказал Спандрелл в кабеле маленькой тишины.

Причина этого уже исчезла.

Спандрелл медленно покачал головой.

Помнишь, как мы разговаривали в клубе с Иллиджем и Уолтером. Бидлейк? С человеком никогда не бывает ничего, что не было бы похоже на этого мужчина. Жить в деревне, в Англии, это было не то, на что это похоже. с тобой. Это не сбылось. Ее остановили. С какой жестокостью, Святой Бог! Но провидение возлагает руку на все средства, как праведных, так и праведных. несправедливый… Путешествовать, не зацикливаться на установленном пути, быть зрителем; вот

твое лицо. И ты вынужден действовать по своему подобию. - Была тишина. - И жить в какой-то куче, - добавил Спандрелл — - вот мое жанр. Как бы я ни старался, как бы я ни старался убежать, я всегда остаюсь в свалка. Думаю, я всегда буду продолжать…

Да, всегда, продолжал он думать. Он сыграл последнюю карту и потерять. Нет, это была не последняя карта, потому что была еще одна… За пределами предпоследнего. Не упустит ли он и последний?

ГЛАВА XXXVII

Спандрелл очень настаивал на том, чтобы они без промедления пришли к нему домой. O Heiliger Dankgesang eines Genesenen an die Gottheit, in der lydischen Тонарт^^ просто не мог не быть услышанным.

- Вы ничего не можете понять, пока не услышите это. — заявил Морис. - Он пробует все виды вещей; Бог, душа, доброта, и неопровержимо. Это единственное истинное доказательство, которое существует; только потому, что Бетховен был единственным человеком, который знал, как выразить свою знание. Вам действительно нужно идти.

- Очень охотно, - сказал Рэмпион, - но…

Спандрелл отрезал ему слово.

- Я слышал вчера случайно, что Квартет Ля Минор существовал в запись. Я поспешил купить устройство и диски, специально для вас.

- Для меня? Но почему такая щедрость?

— Это не щедрость, - со смехом ответил Спандрелл. - Это эгоизм. Я хочу, чтобы вы выслушали и подтвердили мое мнение.

- Но почему?

- Потому что я доверяю вам, и если вы это подтвердите, я буду уверенность в себе.

- Какой человек! - усмехнулся Рэмпион. - Ты должен войти в церковь Рим и взять исповедника.

- Но вы не можете отпустить!

Спандрелл говорил с серьезным рвением.

- Но не сейчас, - сказала Мэй.

- Не сегодня, - повторил муж, спрашивая себя, пока он говорил, почему Спэндрелл проявлял такую странную настойчивость. Что

было, да? Этот способ двигаться и говорить, этот взгляд, это волнение… У меня много дел сегодня днем.

- Завтра.

“Похоже, он в состоянии алкогольного опьянения”, - подумал Рэмпион.

- Почему не послезавтра? - сказал потом вслух. — Быть намного проще для меня. И машина не взмахнет крыльями к тому времени…

Спандрелл издал свой афонический смех.

- Не машина… Но я сделал… Может быть, я уже ушел после завтра…

— Но ты не сказала нам, что собираешься путешествовать, - сказала Мэри. - Куда?

- Кто знает? - ответил Спандрелл, снова смеясь. - Я просто знаю, что меня здесь больше не будет…

- Хорошо, - сказал Рэмпион, с любопытством наблюдавший за ним. — Я пойду завтра. И он продолжал думать: “почему он такой театральный?”

Спандрелл потряс.

- Что с ним ненормального? - спросил Рэмпион, когда другой пропал.

- Ничего особо ненормального я не заметила, - ответила Мэри.

У рэмпиона был жест нетерпения.

- Да, ты… ты не отдашь даже Страшного Суда! Ты не видел, что Спандрелл вы были возбуждены и старались сдержаться? Как кто держит крышку из кастрюли с кипящей водой… И эта мелодраматическая манера смеяться! Как циник, сознающий спектакли…

- Но он представлял? - спросила Мэри. - Я делал это. от дурака до развлечения?

- Нет, нет. Я делал все это с абсолютной искренностью. Но когда мы оказываемся в подлинной ситуации сознательного злодея мелодрамы, в конечном итоге мы неизбежно ведем себя как сознательные злодеи. Мы играем роль, несмотря на себя.

- Но почему он играл эту роль?

Как, черт возьми, ты хочешь, чтобы я знал? - сказал Рэмпион с нетерпение. Мэри всегда надеялась, что ее муж знает все, почему-то

таинственная и волшебная интуиция. Эта вера, которую она имела в марке, развлекала его и иногда он льстил, но в другое время тоже раздражал его. - Ты меня ты принимаешь за священника Спандрелла?

Нет причин злиться…

- Напротив, нет почти ничего, что не могло бы дать повод для холеры. Если мы сдерживаемся, это потому, что половину времени мы живем с закрытыми глазами., полусонный. Если бы мы всегда не спали, Боже мой! Не будет много нетронутой посуды! - И, сказав это, ушел с достоинством к твоему студия.

Оставив Челси, Спандрелл направился пешком на восточную сторону, вдоль из Темзы, медленно идя и свистя к себе, когда в когда, первые предложения лидийской мелодии Heilige Dankgesang. Е он продолжал насвистывать все больше и больше… Река растянулась, чтобы потерять из виду, сливаясь, далеко, в сухом тумане. Музыка была как вода на земле. запекшийся. После стольких дней засухи фонтан, прядь! Мимо проезжала оросительная машина, волоча хвост своего искусственный ливень. Чувствовался запах мокрой земли. Эта песня это было доказательство, как он сказал Рэмпиону. В сточной канаве, небольшой торрент быстро устремился в канализацию, вся сигаретная обертка помятый и кусочек апельсиновой корки. Спандрелл перестал свистеть. О существенный ужас… То же самое, что нести мусор; это было то, что было. Просто грязная и неприятная вещь-как чистить уборную.

Одна вещь, которая не была такой ужасной, как глупая, неописуемо глупая. Музыка была доказательством, Бог существовал. Но только пока играли скрипки. После подвешивания арки о веревках - что случилось?

Мусор, глупость, беспощадная засушливость!

На Vauxhall Bridge Road Спандрелл купил за 1 шиллинг пачку письма и конверты. По цене чашки кофе и булочки, он арендовал столик в чайном домике. Он написал пнем карандаша: “АО Генеральный секретарь Братства свободных англичан. - Сэр, завтра, среда-ярмарка, в 5 часов вечера, убийца Эверарда Уэбли встретиться в Catskill Street номер 37, S. W. 7. Квартира находится на втором этаже.

Человек, вероятно, придет, чтобы открыть дверь лично. Будет вооружен и готов на все”.

Он перечитал письмо; это напомнило ему сообщения (написанные чернилами красный, сымитировать кровь, и под влиянием рассказов в сериях детские еженедельники, Chums eB.O. П.), с которыми в сотрудничестве с Самый младший Pokinghome, он ждал, в возрасте девяти лет, чтобы вызвать испуг и ужас Мисс. Veal, Матрона подготовительной школы, что оба тогда они часто бывали. Они были обнаружены и переданы директору. О старый Nariguete дал в каждом из них три varadas в ягодицах. “Он вооружен и готов на все.“Это был чистый Pokinghome. Но если он не если так выразиться, люди Уэбли не принесут револьверов. А затем чего бы не случилось. Ничего бы не случилось. Пусть билет все равно будет таким… Спандрелл сложил бумагу и положил ее в конверт. Был тобс существенная, а также существенная подлость и глупость. Нацарапал адрес.

- Ну, вот и мы, - сказал Рэмпион, когда Спандрелл открыл дверь в пара во второй половине дня на следующий день. - Где Бетховен? Где знаменитая доказательство существования Бога и превосходства морали Иисуса?

- Сюда… - Спандрелл вел их в гостиную. Граммофон если я думал на столе. Четыре или пять дисков были разбросаны по бокам его. - Вот начало медленного движения — - продолжил Спандрелт, поймать одного из них. - Я не хочу утомлять вас остальной частью квартета. И великолепно. Но oHeilige Dankgesang-решающая часть.. - Поставил машина двигалась, диск вращался; Спандрелл опустил иглу на рифленая поверхность. Изолированная скрипка издала длинную ноту, затем еще другой, шестой выше; упал на

пятую (в то время как вторая скрипка начинал там, где ушел первый), потом прыгнул на восьмой, и остался висит на нем, подвешен на два длинных такта.

Более ста лет назад Бетховен, глухой, как дверь, слышал воображаемая музыка струнных инструментов, которые выражали свои

самые сокровенные мысли и чувства. Нарисуйте знаки чернилами на бумаге линованный. Спустя столетие четыре венгра коснулись печатное воспроизведение гаражей Бетховена, той музыки, которая Бетховен никогда не слушал, кроме как в воображении. Спиральные канавки на поверхности шеллака теперь они вспомнили, что у них было тронутый. Эта искусственная память вращалась, игла путешествовала по канавкам, и между легким хрипом и приглушенным храпом, имитирующим шумы даже глухота Бетховена, заметные символы убеждений и эмоции Бетховена вибрировали в воздухе. Медленно, медленно, мелодия это развернулось. Архаичные лидийские гармонии висели в воздухе. Это был музыка без страсти, прозрачная, чистая и кристально чистая, как тропическое море, как альпийское озеро. Вода над водой, спокойствие-скольжение по спокойствию; согласование Объединенных горизонтов и пространств без ряби; контрапункт безмятежности. И все было ясно и ярко; никакого тумана, никаких смутных сумерек. Это было спокойствие спокойного созерцания и экстатическая, а не оцепенение и сон. Это была безмятежность выздоравливающего, который вы просыпаетесь от лихорадки и обнаруживаете, что возрождаетесь в царстве красоты. Но лихорадка была “той лихорадкой, которая называется жизнью”, и перерождения не было в этом мире; эта красота была внеземной; безмятежность выздоравливающий был Божьим миром. Переплетение лидийских мелодий было небо.

Тридцать медленных тактов построили небо, когда характер музыка внезапно изменилась. После того, как это было отдаленно архаично, это было moderna. Лидийские гармонии были заменены гармониями тона соответствующий самый большой. Темп стал быстрее. Новая мелодия прыгнула, прыгнул-но над земными горами, а не посреди райские горы.

- “Neue Kraft fuehlend” ^9] _ прошептал Спандрелл, читая партитура. - Он чувствует себя сильнее; но это уже не так небесно.

Новая мелодия продолжала прыгать в течение пятидесяти тактов и выдохнул в хрипе. Спандрелл поднял иглу и остановил тарелку прибор.

- Лидийский мотив начинается снова с другой стороны — - объяснил он,

в то время как я дал граммофону больше струны. - А потом есть повторение более живой путь в Ля мажор. Оттуда вещь следует в Лидийском режиме до конец, и он становится все более и более красивым. Тебе не кажется, что это замечательно? - Спандрелл вернулся, - отделяет Рэмпион. - Разве это не доказательство?

Другой покачал головой.

— Чудесный. Но единственное, что это доказывает, по крайней мере, второе я понимаю, что больные часто становятся очень слабыми. Это искусство человек, который потерял свое тело.

- Но он открыл душу.

- О! уверяю вас, больные люди очень спиритуалистичны. Но это потому, что они не полностью мужчины. Евнухи очень духовные любовники по той же причине.

- Но Бетховен не был евнухом.

- Я знаю. Но почему тогда он стремился стать евнухом? Почему сделал из кастрация и отсутствие тела ваш идеал? Что это за музыка? Только гимн восхваления евнухизма. Очень красивая, признаю. Но у него не было бы могу ли я выбрать что-нибудь более гуманное, чем кастрация, чтобы отпраздновать в своем углу?

Спандрелл вздохнул.

- Для меня это видение блаженства, это небо.

- Не с земли. Вот как я жалуюсь.

- Но разве человек не может представить себе небеса, если ему это нравится? — спросила Мэри.

- Конечно, если вы не хотите, чтобы ваше воображение было последнее слово истины, красоты, мудрости, добродетели и всего

остаток… Спандрелл хочет заставить нас принять бестелесный евнухизм как последнее слово. Я не буду этим заниматься. Абсолютно, я не буду в этом.

- Послушай движение, прежде чем судить.

Спандрелл повернул диск и опустил иглу. Ясное небо музыки Лидия вибрировала в воздухе.

- Красиво, красиво! - сказал Рэмпион, когда диск был найден. - У тебя есть

причина. Это действительно рай; это хорошо жизнь души. Это самая совершенная абстракция реальность, с которой я уже столкнулся. Но почему он хотел сделать эту абстракцию? В кто не согласился быть человеком, а не абстрактной душой? В что, почему? Он ходил туда-сюда в комнате. — Эта проклятая душа, - продолжил он, - эта проклятая абстрактная душа, можно было бы сказать вид рака, который пожирает истинную, человеческую, естественную реальность, рак, который распространяется всегда и всегда за его счет. Почему нельзя довольствоваться реальностью, этот старый придурок твоего Бетховена? Почему почувствовала необходимость заменить настоящую, теплую, естественную вещь этот абстрактный рак души? Может быть, рак имеет очень красивая, но в итоге с тысячей демонов!, тело красивее! Не я хочу знать о твоем духовном раке.

- Я не буду спорить с тобой — - сказал Спандрелл. Внезапно почувствовал необычайно уставший и подавленный. Его попытка провалилась. Рампион он отказался позволить себе убедить себя. Доказательство не было тогда доказательством, в конце счета? Эта песня тогда не относилась ни к чему, ни к чему, что было вне о себе и об особенностях ее изобретателя? Спандрелл посмотрел на часы; это было почти 5 часов. - Слушай хотя бы конец движения — он попросил. - И лучшая часть. - Вы заводили граммофон. “Даже если это будь лишен смысла”, - подумал он. “это красиво, пока длится. Е возможно, он не лишен смысла. В конце. Из счетов, Rampion не непогрешимый.” — Слушать…

Музыка возобновилась. Но что-нибудь новое и чудесное, если он прошел в Лидийском небе. Удвоил скорость медленной мелодии; очертания стали более четкими и четкими; часть внутренняя вновь настойчиво повторяла пульсирующую фразу. Можно было

бы сказать, что небеса внезапно поднялись, невозможно более небесные, переходя от совершенство реализовано для еще более глубокого и более совершенного совершенства абсолютный. Невыразимый мир сохранялся; но это был не мир выздоровления и пассивность. Она вибрировала, была жива, казалось, росла и усиливалась., это превращалось в активное спокойствие, почти страстное спокойствие. О чудесный парадокс внешней жизни и вечного покоя был музыкально реализовано.

Они слушали, почти задерживая дыхание. Спандрелл созерцал его

гость с видом триумфа. Его сомнения рассеялись. Точно можете ли вы перестать верить в то, что существует, что существует явно? Марк Рэмпион склонил голову.

- Да, ты почти убедил меня — - пробормотал он. - Но это хорошо. слишком…

- Как одно может быть слишком хорошим?

- Когда он не человек. Если бы она продолжалась… мы перестали бы быть мужчинами.

— Умереть.

Они снова замолчали. Музыка продолжалась, унося с одного неба на другое., от счастья к глубочайшему счастью. Спандрелл вздохнул и закрылся глаз.

Его лицо было серьезным и безмятежным, как будто оно было сглажено сном или за смерть. “Да, мертвый”, - подумал Рэмпион, глядя на него. Спандрелл се отказ быть мужчиной. Это не человек, а демон или ангел мертвый. Теперь он мертв.“Подозрение на диссонанс в лидийских гармониях это дало блаженству острую, почти невыносимую ноту. Спандрелл вздохнул снова. Они постучали в дверь.

Он поднял глаза. Морщины насмешек вернулись к его лицу, спайки ее губ в очередной раз приняли себя иронично.

“Готово, вернулся демон”, - подумал Рэмпион. “Спандрелл вернулся к жизни, и это демон.”

- Вот они! - воскликнул Морис; и, не отвечая на вопрос Мэри, ” Кто?“вышел из купе.

Рэмпион и женщина стояли рядом с граммофоном, слушая откровение небес… Оглушительный взрыв, крик, еще один взрыв и еще один внезапно превратили в клочья рай звука. Оба, если они поднялись на Пинчо и бросились к двери. В коридоре три мужчины, одетые в зеленую форму свободных англичан, созерцали тело Спандрелла, лежащее на земле. У каждого из них был револьвер на рука. Четвертый револьвер стоял на полу рядом с умирающим. Была видна дыра в черепе Спандрелла и пятно крови в рубашке. Их руки открывались и закрывались, открывались и закрывались от

новый, царапая половицы.

- Что было… - начал Рэмпион.

- Это он выстрелил первым,-прервал его один из мужчин.

Была небольшая тишина. Через открытую дверь доносился звук музыки. Страсть начала испаряться из небесной мелодии. Небеса, в этих расширенные и чистые ноты, он снова стал местом абсолютного покоя, спокойное и счастливое выздоровление. Длинные ноты, один аккорд, повторяющийся, расширенный, яркий и чистый, подвешенный, плавающий, легко летающий, высокий, очень высокий, бесконечно… После этого внезапно закончилась музыка; остался только поцарапать иглу на вращающемся диске.

День был прекрасным. Бурлап шел домой. Я был доволен вами даже и с миром в целом. “Я принимаю Вселенную” - как только, был только один час, он закончил свою справочную Статью для следующего неделя. “Я принимаю Вселенную.“И у меня были все основания принять это. Миссис. Беттертон предоставил ему отличную закуску и множество лестных слов. О Broad Christian Monthly из Чикаго предложил ему 3000 долларов за право публиковать в своих колонках свой Сан-Франциско и Психея Современный. Он ответил телеграммой, попросив 3500. Ответ от Broad Christians прибыл в тот день; условия были приняты. Затем

предложение объединенных этических обществ Северной Англии, которое они пригласили его на четыре конференции, одну в Манчестере, один в Брэдфорде, один в Лидсе и последний в Шеффилде. Гонорар это будет 15 гиней за конференцию. То, что для Англии не было все плохо. И было бы мало работы. Это будет просто вопрос повторите некоторые из его редакционных статей World. Двести сорок гиней, еще 3500 долларов. Около 1000 фунтов. Он планировал пойти на поиски своего брокер и поговорить с ним о ситуации и будущем резины. Вдруг вложить деньги в один из этих профсоюзов? Он они давали, совершенно безопасно, 6 или 7 процентов.

Бурлап тихо свистел, когда шел. Мелодия была на крыльях, из песни Мендельсона. Широкие христиане и общества Éticas они взяли духовно музыкально. Burlap свистнул с не несовершеннолетним удовлетворение от мысли о втором триумфе того дня. Был определенно распутано Этель Коббетт. Воспользовался моментом благоприятный. Мисс. Коббетт ушел, чтобы насладиться своим ежегодным отпуском. Быть легче вести дела такого рода по почте, чем лицом к лицу. Мистер Чиверс, коммерческий директор, написал секретарю деловое письмо. По соображениям финансового порядка, при необходимости, срочный путь, сокращение персонала литературного мира. Он очень сожалел, но… Согласно закону, уведомление за месяц было достаточный. Но как свидетель признательности, в которой директора имели обслуживание Мисс. Коббетт, он включал чек, соответствующий трем месяцам по приказу. Все свидетельства или упоминания о том, что Мисс Марвел не имеет права. Коббетт они могли бы в любое время быть предоставлены вам без в конце концов, он согласился с уважением и признательностью… Бурлап темпера а официальная сухость г-на Чиверса с личным письмом, полным протестов дружба и jeremiadas против публики, которая не хотела покупать Literary World, - он также оплакивал поражение Бога, воплощенного в литература и в нем самом, Бурлап, и победа касторового в лице г-на Дж. Чиверс и всеми бизнесменами. Сказал слово в пользу старая секретарша ее другу Джадду из Wednesday Reviewˆ 0 ˆ, а также других людей в журналистском мире, и, конечно, делать все, что было в ваших силах, и т.д… коммуникации…

Слава богу, подумал Денис, когда шел, свистя с виртуозность на крыльях песни, Слава богу, закончилась Этель Коббетт для него. Она закончилась одинаково для всех. Потому что в некоторые

дни позже, после написания Бурлапа двенадцатистраничного письма-письма, которое он бросит в огонь, как только прочитает первое скарифицирующее предложение-Этель он лег головой в печь и открыл газовый кран. Но это было то, что Бурлап не мог предсказать…

Возвращаясь домой со свистом, он обнаруживал нрав духа это было чистое удовлетворение. Той ночью он и Беатрис притворились, что это были двое маленьких детей, и они вместе принимали ванну. Два маленьких ребенка

сидели на каждом конце старой ванны в старинном стиле. И что толстый разгул сделали! Они плескались в воде и смачивали ванную комнату его брызги. Это Царство Небесное.

БЕССМЕРТНЫЕ

ИЗ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Олдос Хаксли

КОНТРАПУНКТ

Point Counter Point

_ Перевод Ver правда и Леонель Валландро

I издание Октябрь — 1971

По лицензии издательства Globo S. A.,

Порту-Алегри, обладатель авторского права для португальского языка.

Эта книга объединяет выпуск № 25 коллекции БЕССМЕРТНЫЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, не может циркулировать отдельно.

Составлено и напечатано в собственных мастерских АПРЕЛЬ SA КУЛЬТУРНЫЙ И ПРОМЫШЛЕННЫЙ, почтовый ящик 2372-Сан-Паулу-Бразилия

W ” глаза моей любовницы совсем не похожи на солнце; коралл намного краснее, чем красный цвет ее губ; если снег белый, тогда ее грудь темная; если волосы пряди, черные пряди растут у нее в голове. Я видел дамасские розы, красные и белые, но такие розы не приходили на ее лица; и в некоторых ароматах больше удовольствия встреча чем в дыхании, которое выдыхает моя любовница.”(Н. Т.)

Благородный пол. (Н. Е.) спортсмен. (Н. Е.)

W стейк в панировке. (Н. Е.)

1 - 5] Вот, очень толстые коровы приносят раздутые сиськи. (Н. Е.)

[6] Быть или не быть. (Н. Е.)

Барабанная перепонка. (Н. Е.)

[8] но от ужасного ребенка. (Н. Е.)

[9] сильно оскорбительный каламбур, который нельзя точно перевести по-португальски. (Н. Е.)

Инициалы B. B. F. имеют для английской аудитории довольно

большое значение уничижительный. (Н. Е.)

т 11 -! Помни, что умрешь. (Н. Е.)

t 12] я верю, потому что это абсурдно. Я люблю это, потому что это аморально, это недостойно. (Н. до Е.)

Двойник. (Н. Е.)

[■*4 ˆ девушки, которые смело демонстрируют свободу в поведении и способ одеться. (Н. Е.)

[! 5] остроумные высказывания. (Н. Е.)

[rá] несмотря ни на что. (Н. Е.)

[**7] когда я хочу сиять в мире, я цитирую фразы из твоих писем. (Н. Е.)

[i8] t u não ты меня достаточно понимал. (Н. Е.)

Успокоительная женщина. (Н. Е.)

[2 ˚] ирландский фольклор: добрый, но обманчивый Лепрекон. (Н. Е.) t 21] мужчины, сопровождающие даму. (Н. Е.)

[22] праздник в парке или в саду. (Н. Е.) t 2 3] Торт, фаршированный изюмом. (Н. Е.)

[24] лицо, которое в партии, профсоюзе, тайном обществе или еще в некоторые проявления побуждают других к совершению эксцессов, чтобы спровоцировать насильственные репрессии. (Н. Е.)

Т 2 5] но какой атавизм! (Н. Е.)

[26] jVoòZess e oblige буквально означает “благородство обязывает”, выражение, которое это означает”Человек, рожденный благородным, должен вести себя как таковой”. Roture oblige-это выражение, созданное по аналогии с noblesse oblige. Roture это означает “простолюдин”. (Н. Е.)

t 2 ˆ неправильно понятые души. (Н. Е.)

[2 8] г. р. Битон. - Автор огромного объема почти 3000 страницы,

которые касались бытовых дел: кулинарные рецепты, советы практические для домохозяек, правила хорошего тона и т.д… (Н. Т.)

t 2 9] модный район Лондона (N. do E.)

[3 °] Таверна русалки в Лондоне, место, где собирался клуб русалок, состоит из современных шекспировских интеллектуалов и их преемник. (Н. Т.)

[3 1] Конституция Соединенных Штатов. Люси Тантамаунт берет на себя здесь небольшая ошибка, поскольку поправка, касающаяся запрета на напитки алкоголь-18 а, а не 19 А. Это относится к женскому голосованию. (Н. Т.)

[32] отсылка к английскому детскому стихотворению, героиня которого, Маленькая Мисс Дж. Маффетт, ее преследует ужасный и огромный паук. (Н. Т.)

[33] ” на обходе стези отвратительная падаль. “(Н. Е.)

[34] ” и все же ты будешь подобен этой нечистоте, этой ужасной инфекция, звезда моих глаз, солнце моей природы. Ты, мой ангел и моя страсть! Итак, о мое чудо, скажи червям, кто тебя сожрать поцелуи…”(Н. Е.)

[35] различные виды мяса и овощей на гриле подаются вместе. (Н. Е.) Место, где воспитывают детей. (Н. Е.)

[37] Дорогая, ты устал. Ты старая. (Н. Е.)

[38] вооружившись удобствами нашей святой религии. (Н. Е.)

[39] маниакальное возбуждение, наблюдаемое в малайских странах и приводящее к пациенты к прорывам и агрессивным реакциям. Своего рода убийственный бред. (Имя. дот.)

[4°] хорошее развлечение. (Н. Е.)

[4 1] игра, в которой лопатой толкают деревянные диски (на борту корабль). (Н. Е.)

[4 2] но я уверяю вас, что в галереях Lafayette Фланелевые свитера для ребенка они стоят только… (Н. Е.)

[43] но, я сказал вам, мужчины такие. Классная девушка должна… (Имя. е.)

[44] средний чувственный мужчина. (Н. Е.)

[45] сокращение от латинского выражения quod erat demonstrandum, очень используется в математике после произнесения результата демонстрация. Это означает “то, что должно быть продемонстрировано “(П. Е.)

[46] будет работать молиться. (Н. Е.)

[47] крепкое пиво. (Н. Е.)

[43] по-французски: “очень оригинально. Очень весело. Арабские обычаи. Для проводить время на борту. Только шестьдесят франков.”; По-итальянски: “очень

художественный. Действительно любопытные. Пятьдесят франков.”; По-немецки: “милый. Очень сексуально. Десять марок.”; По-испански: “очень красивые, очень смешные, очень неприличные.”; По-шведски: “красивая открытка. Фотография чувственный. Молодые голые. Действительно грязные.”; По-польски: “непристойная фигура.”

[49] знающий, эксперт. (Н. Е.)

[50] мысль. (Н. Е.)

[5 1] член индуистской региозной секты. (Н. Е.)

[5 2] Руперт Брук, английский поэт. Родился в регби в августе 1887 года. Погиб во время Великой войны, будучи солдатом британской армии, на борту корабля, проводившего войска в Эгейском море (23 апреля 1915 г.). Его стихи достигли заметного успеха, особенно серия сонетов написано в окопах. (Н. Е.)

[53] тупой, разочарованный, скучающий. (Н. Е.)

[54] буквально: “идут голубые поцелуи угрюмых звезд”. (Н. Е.)

[55] “в аспекте вечности” или просто “истории” (н. Е.)

Сеть ресторанов, которые обычно посещают небольшие буржуазия. (Н. Е.)

[57] только для двух человек. (Н. Е.)

[58] небольшой двухколесный вагон, в котором автостоп находится за капотом. (Н. Е.)

[59] итальянское выражение, означающее “чрезвычайно одинокий”. (Н. Е.)

[6˚] Ap esar de… (Н. Е.)

t 61] Tya. (Н. Е.)

[62] Q uan t 0 a m Да, мне весело. Не безумно. (Н. Е.)

[63] на французском сленге” ни педерасты, ни лесбиянки “(н. Е.)

[64] КУОРе: сердце; долоре: боль; Аморе: любовь; Герц: сердце; Шмерц:

боль; Liebe: любовь; Triebe: импульсы; loves: любовь; gloves: перчатки; turtle-голуби: горлицы; сердца: сердца; пироги: мирские; любовные искусства: любящее искусство; coeur: сердце; douleur: боль. (Н. ДОУ.)

[65] желание. (Н. Е.)

[66] п к ним. (Н. Е.)

[67] кровь, сладострастие и смерть. (Н. Е.)

[68] мурашки по коже (н. э.)

[69] слепые пятна. (Н. Е.)

[70] мое сердце обнажено: “женщина голодна, и она хочет есть; жаждет, и она хочет выпить. Женщина естественна, то есть отвратительна. Она тоже.”(Н. до Е.)

[71]” у нее течка “и” она хочет быть…”(Н. Е.)

[7 2] Ты тоже вульгарен, то есть противоположен денди. “(Н. Е.)

1-73] район тюленей в центральной Англии. (Н. Т.)

[74] но вы итальянец. (Н. Е.)

[75] это итабано? (Н. Е.)

[76] что угодно. (Н. Е.)

[77] да. (Н. Е.)

[78] французское выражение для обозначения отелей низкой категории, которые сдают в аренду номера для пар, по часам. (Н. Е.)

[79] “поэт подобен князю черных облаков”(н. э.)

[80] “изгнанный на землю посреди свиста, его крылья гиганта они мешают ходить.”(Н. Е.)

Книга в формате тех, что напечатаны на дважды сложенных листах. (Имя. е.)

Абсолютно бессмысленная последовательность слогов. (Н. Т.)

[83] древний обычай Индии, который заключался в том, чтобы даровать себя, чтобы быть кремировали на похоронном костре мужа. (Н. Т.)

[84] M a j S нет материальных препятствий, все ускорение завоевано наука и богатство. Никаких препятствий для независимости. Посмотреть преступление самоповреждения в каждом жилище, человеке или стране, которое не было бы явно желательно. Транспортировать энергию, приемистость, напряжение тока одиночество в ваших отношениях с теми, кто действительно равен вам. Возможно, нет любви, но дружба редкая, трудная, возвышенная, нервная; жить как тот, кто возрождается в духе бескорыстия, беспокойства и мщение. “(Н. Е.)

Соответственно, персонажи из демоны и идиот, из Достоевский. (N.do E.)

[86] p az | p az j QSJ (jq £)

[87] намек на Бармесидов, семью персидских князей, правивших в Багдад. Один из них, согласно сказке о тысяче и одной ночи, пригласил однажды нищий на банкет, на котором подавали только блюда пустые, с воображаемыми деликатесами. (Н. Т.)

[88] “с благодарением от выздоравливающего к божеству, в тоне

Лидийский.”(Н. Е.)

[89] чувствуя новую силу. (Н. Е.)

[90] журнал по средам. (Н. Е.)